

Межгосударственные отношения и дипломатия в античности

Межгосударственные отношения и дипломатия в античности

Казанский государственный университет

**Межгосударственные
отношения
и дипломатия
в античности**

Казань - 2000

Kazan State University

**Interstate
Relations
and Diplomacy
in Antiquity**

Kazan - 2000

УДК 937/938
ББК 63.3 (0) 32
М 43

*Печатается по решению
кафедры истории древнего мира и средних веков
Казанского государственного университета*

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. В.Д.Жигунин
к.и.н. О.Л.Габелко (отв. редактор)

Рецензенты:
Кафедра истории древнего мира
Саратовского государственного университета;
д.и.н., проф. Г.А.Кошеленко

Межгосударственные отношения и дипломатия в античности
/ Учебно-методический комплекс. Ч. 1. - Казань, 2000. – 356 с.

ISBN 5-93139-066-9

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография – первое в отечественном антиковедении комплексное исследование межгосударственных отношений в античном мире. В статьях, написанных историками России, США и Германии, рассматривается обширный спектр проблем, связанных с внешней политикой античных государств. Географические рамки сборника - от Италии и Сицилии до Северного Причерноморья и Евфрата, хронологические - от царской эпохи Рима и периода греческой архаики до IV в. н.э. В книге широко представлены разнообразные методы исследования различных категорий исторических источников, что делает ее полезной для историков, эпиграфистов, нумизматов, специализирующихся по античной истории, студентов и аспирантов, а также всех, интересующихся проблемами войны и дипломатии в древности.

*Издание осуществляется при поддержке Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса). Россия*

На обложке: Крышка амфоры с изображением сцены битвы из собрания ГМИИ им. А.С.Пушкина (ок. 540 - 530 гг. до н.э.)

ISBN 5-93139-066-9

© Коллектив авторов, 2000
© Оформление. О.Л.Габелко, 2000

Лицензия № 189 от 28.05.97 г.

Сдано в набор 14.07.2000. Подписано к печати 4.10.2000. Печать RISO. Бумага офсет № 1. Формат 60x84 1/16 Усл. печ. л. 22. Тираж 200. Заказ 117
Отпечатано с готового макета на полиграфическом участке издательства
“Мастер Лайн”, г. Казань, ул. Б. Красная, 55, ком. 003

ЮРИЙ GERMANOVICH ВИНОГРАДОВ
1946 - 2000

Когда сборник «Межгосударственные отношения и дипломатия в античности» был уже почти готов к печати, пришла трагическая весть о смерти одного из авторов книги – Юрия Германовича Виноградова.

Имя доктора исторических наук профессора Виноградова известно, пожалуй, каждому, кто хотя бы понаслышке знаком с историей античности. Ученый мирового уровня, ведущий отечественный эпиграфист последних десятилетий, исследователь поразительной эрудиции, равным об-

разом искусственный и в текстах нарративных источников, и в археологических материалах, и в данных нумизматики, и в анализе изобразительных памятников (не говоря уже о столь близких его сердцу греческих надписях), он внес поистине неоценимый вклад в самые различные отрасли науки о классических древностях, прежде всего – в изучение истории Северного Причерноморья. Юрия Германовича по праву можно назвать наследником и продолжателем дела славной плеяды российских ученых – Ф.Ф.Соколова, В.В.Латышева, С.А.Жебелева, М.И.Ростовцева, Б.Н.Гракова, П.О.Карышковского. Его труды, посвященные Ольвии, Херсонесу, Боспорскому царству, по праву входят в золотой фонд отечественной науки. Юрием Германовичем было опубликовано, введено в научный оборот и блестяще проанализировано огромное количество уникальных памятников. Его перу принадлежит свыше 200 статей в наиболее авторитетных отечественных и зарубежных научных изданиях; он – автор трех монографий, в том числе монументального труда «Pontische Studien» (Mainz, 1997), в котором собраны наиболее значительные работы по истории Понтийского региона, и тем самым подведен своеобразный итог его научной деятельности. Горько осознавать, как много он еще не успел сделать...

В личности Ю.Г.Виноградова счастливо сочетались черты Исследователя и Поэта. Как исследователь, он не терпел косности и банальности, никогда не сбивался на повтор уже сделанного им или другими раньше (не жалуя, впрочем, и выдаваемые за оригинальность мысли беспочвенные фантазии). Каждая его работа – это поиск и постижение нового, и благодаря его таланту, чутью и эрудиции этот поиск очень часто оказывался чрезвычайно успешным. С его идеями не все и не всегда соглашались, они непременно вызвали споры и дискуссии – и Юрий Германович искренне радовался этому, потому что лишь в столкновении и противоборстве мнений он мыслил путь науки вперед. Поэтом же Юрия Германовича можно считать не только потому, что он, неисправимый романтик, прекрасно знал и любил поэзию и сам писал замечательные стихи. Поэзией (конечно, не в ущерб строгому научному анализу), кажется, дышит любой написанный им научный текст. Наверно, такое ощущение возникает потому, что каждая строка его работ пропитана любовью к тому миру и к тем людям, изучению которых он посвятил всю свою жизнь, начиная с ранней юности. Отсвет этой любви будет еще долго освещать путь его последователям.

Уход Ю.Г.Виноградова – не только тяжкая потеря для нашей науки, но и невосполнимая утрата для его родных, друзей, коллег и учеников – для всех, кто лично знал его. Он был удивительно ярким, сильным и щедрым человеком и умел создавать вокруг себя атмосферу, в которой всем находившимся рядом с ним было просто, легко и интересно. Превыше всего ценивший «роскошь человеческого общения», Юрий Германович удивительно легко находил общий язык и со студентами в университетской аудитории, и с коллегами-античниками на международном конгрессе, и со

знакомыми в институтской «курилке». Ему нравилось помогать людям – бескорыстно и от всей души. Он не любил и не умел гореть в полнакала.

Нет! Мы еще не умираем –
По крохам память не собираем.
Где б ни было – меж адом или раем,
Да ведь живем же и твердо знаем,
Что дальше будет жить еще охота.
Пусть будит нас: любовь, работа,
Борьба, спасение кого-то.
Но не обрыдлая зевота,
Не быт, не зряшная парадность,
Не прозябанья безотрадность.
Души кричащая надсадность –
Бессмертье, ожиданье, радость!

В этих строках – весь Юрий Германович Виноградов, каким он был и в повседневной жизни, и в науке.

В широком кругу научных интересов Юрия Германовича видное место занимали сюжеты, связанные с международными отношениями в античности. Вспоминается фраза, сказанная им об одной монографии западного автора: «Но ведь там совсем нет политической истории – так о чем же он вообще может сказать?». До последних дней жизни он работал над темой, особенно интересовавшей его в течение нескольких лет – историей Второй Сирийской войны, о которой он надеялся написать монографическое исследование. Он с удовольствием откликнулся на предложение принять участие в этой коллективной монографии и представил для нее прекрасную статью. Это вторая работа Ю.Г.Виноградова, напечатанная в Казани: в 1997 году в межвузовском сборнике «Античность: история и истории» была помещена его статья «Антигон, сын Гераклита, из македонской Стиберры», тоже близкая теме данной книги. К сожалению, Юрий Германович не успел приехать в наш город, а публикуемая здесь работа – один из последних его трудов... Поэтому сборник «Межгосударственные отношения и дипломатия в античности» – дань светлой памяти Юрия Германовича Виноградова, замечательного исследователя и прекрасного человека. Редколлегия благодарит родных Ю.Г.Виноградова и его коллег из «Вестника древней истории» за разрешение посвятить ему эту книгу.

Редколлегия

Введение

Идея создания коллективного труда, посвященного международным отношениям и дипломатии в античности, вынашивалась на кафедре истории древнего мира и средних веков (тогда еще – всеобщей истории) Казанского университета уже давно. Инициатором ее был заведующий кафедрой профессор Аркадий Семенович Шофман, в чьей научной работе эта тематика занимала одно из ведущих мест. Об этом красноречиво свидетельствуют его многочисленные статьи и четыре монографии, посвященные истории Македонии, политике Александра Македонского и периоду диадохов. Интерес к политической истории Греции, эллинистического мира и Рима он передал и целому ряду своих учеников, многие из которых входят в авторский и редакционный коллектив предлагаемого вниманию читателя сборника. Шансы на успешное осуществление замысел по написанию подобной работы получил с установлением тесных связей между антиковедами Казани и Института всеобщей истории РАН (Москва), где давно и плодотворно изучаются проблемы международных отношений в античном мире.

Данная коллективная монография – плод совместных усилий историков России, США и Германии, принадлежащих к разным поколениям и научным школам. В ней предпринята попытка не только максимально широко охватить весь спектр проблем, связанных с межгосударственными отношениями и дипломатией в античном мире, но и по возможности наиболее полно представить набор исследовательских методов и приемов, применяемых при их изучении в современном российском и зарубежном антиковедении. Не случайно среди авторов сборника есть и «чистые» историки, и эпиграфисты, и археологи, и нумизматы. Впрочем, сам представленный в книге материал свидетельствует об условности такого жесткого разделения: ведь проникнуть в суть взаимоотношений античных государств друг с другом и с «варварами» возможно только на основе комплексного анализа и сопоставления между собой данных источников разных категорий – текстов древних авторов, надписей, античных монет, результатов археологических раскопок. Участвующие в создании книги исследователи стремились в первую очередь показать преимущество «комплексного внутрисистемного анализа всех доступных нам данных с последующим синтезированием полученных результатов в крайне осторожно набрасываемую картину протекавших в древности исторических процессов, познать всю полноту подробностей которых нам так никогда и не суждено» (Ю.Г.Виноградов). И если авторам удалось наглядно продемонстрировать это – прежде всего, для молодых исследователей, делающих только первые шаги на ниве изучения политической истории античности – то идея сборника может считаться оправданной.

Замысел этой работы состоит также и в том, чтобы из отдельных сюжетов, обращенных к событиям, которые отстоят друг от друга порой на тысячи километров и сотни лет, перед читателем, подобно мозаике, сложилась целостная панорама внешнеполитической жизни античных государств. А тематика включенных в монографию исследований действительно весьма обширна: это и связи между греческими полисами, и контакты греков с «варварами» – будь то кочевники Южной России, Карфаген или держава Ахеменидов, и напряженная борьба, которую вели между собой «наследники» Александра Великого и их преемники – эллинистические правители, и взаимоотношения Римской республики, а позднее – империи с крупными и мелкими государственными объединениями Востока. Таким образом, в сферу внимания авторов сборника попадают многие из узловых моментов в развитии политической истории греко-римского мира, что делает композицию книги насыщенной и репрезентативной. Поэтому редакторы монографии сочли возможным не включать в нее специальную «теоретическую» главу, обобщающую результаты исследования конкретных проблем: по их мнению, обширные хронологические рамки, разнообразие рассматриваемых вопросов и задействованных при их анализе подходов дают читателю возможность зримо представить основные черты эволюции межгосударственных отношений в античном мире и понять ее причины.

Авторы и составители сборника стремились решить в своей работе несколько ведущих задач, во многом определивших внутреннюю логику построения книги. Первая из них – показать характерную для античности взаимную связь внешнеполитического и географического факторов. Достаточно очевидным выглядит тот факт, что на периферии античного мира межгосударственные отношения носили качественно своеобразный характер и существенно отличались от связей между государствами его «центра». И дело здесь не только в том, что в удаленных районах ойкумены в силу вполне понятных причин значительную роль играло варварское, по преимуществу племенное окружение античного мира (яркий пример чего приведен Ю.Г.Виноградовым). Как показывает статья, посвященная межполисным отношениям на Сицилии (М.Ф.Высокий), политическая обстановка на этом острове уже начиная с архаической эпохи характеризовалась рядом особенностей, порожденных не в последнюю очередь именно спецификой его геополитического положения. Такое положение вещей сохранялось здесь, как видно из работы М.Ш.Садыкова, и в эллинистическую эпоху. Думается, то же самое о взаимовлиянии географии и истории можно сказать и применительно к другим районам античного мира – например, тому же Северному Причерноморью (см. статью А.А.Завойкина, где обрисованы пути влияния на политику Боспорского царства со стороны весьма удаленных от него государств – Афин и державы Ахеменидов). Этим обстоятельством и обусловлен географический принцип подачи материала: каждую из пяти глав монографии составляют статьи, объединенные общими территориальными рамками. В некоторых составляющих сборник ра-

ботах, кроме того, определенное место занимает анализ проблем исторической географии, сопряженных с военно-политической историей того или иного региона (О.Л.Габелко, Р.У.Ибатуллин).

Вторая проблема, поставленная в монографии во главу угла – изменение характера связей между государствами античного мира во времени. В течение VIII в. до н.э. – IV в. н.э. (а именно таковы временные границы работы) межгосударственные контакты прошли долгий и сложный путь от примитивных по своей сущности и чаще всего однозначно враждебных отношений между соседними общинами (см. о них в статье М.Ф.Высокого) до глобального противостояния между такими гигантами, как Рим и Парфия, а затем - Сасанидский Иран (см. работы Е.В.Смыкова и Р.У.Ибатуллина). За эти столетия изменились цели и принципы ведения войн, неизмеримо возросли их масштабы, возникли и оформились институты международного права и дипломатии, что коренным образом повлияло и на внешний облик межгосударственных связей, и на саму их суть. По этой причине в каждую главу сборника объединены статьи, посвященные событиям, либо относительно близким друг другу по времени (гл. 2), либо наглядно иллюстрирующим сам процесс трансформации вида и содержания межгосударственных связей в пределах одного региона (гл. 1, 4), на протяжении определенного исторического периода (гл. 3) или же применительно к одной кардинальной проблеме – такой, как взаимоотношения Рима с восточными державами (гл. 5). Подобное стремление добиться «единства места, времени и действия» определило структуру сборника: его сюжеты «смещаются» от эпохи греческой архаики к периоду поздней античности и от Сицилии и Италии на Ближний Восток.

Пристальное внимание в сборнике уделено анализу средств проведения внешней политики теми или иными государствами античного мира. Таковыми прежде всего являются война и дипломатия. Особая роль войны в жизни греко-римского мира прекрасно осознавалась уже самими древними; не случайно на обложку книги помещено созданное античным мастером изображение сцены битвы, как бы символизирующее «круговорот войны в обществе». Дипломатия же в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств может рассматриваться и как «продолжение войны другими средствами», и как поиск альтернатив вооруженным конфликтам. При этом авторы стремились соблюсти разумный баланс между обращением к частным событиям и обобщающими сюжетами, полагая, что их сочетание должно обеспечить содержанию сборника комплексность и многогранность.

Армия как основной инструмент ведения войны исследуется в открывающей сборник работе И.М.Безрученко. Он обратился к важному, но до сих пор недостаточно изученному аспекту военной истории раннего Рима, которым во многом определялись его грядущие ошеломляющие успехи. В.И.Кашеев, в свою очередь, рассматривает инструментарий греческой дипломатии эпохи эллинизма и делает вывод, что он не слишком

сильно изменился в сравнении с классической эпохой. Оригинальный подход к дипломатии классических Афин продемонстрирован И.Е.Суриковым, применяющим для ее исследования просопографический метод. Это позволяет ему рассматривать дипломатическую деятельность как своего рода «наследственную профессию» одного из аристократических афинских родов.

Особое внимание авторы сборника уделяют анализу межгосударственных договоров – того средства внешней политики, чье значение трудно переоценить. В статье С.Ю.Сапрыкина дан общий обзор наиболее важных межгосударственных соглашений эллинистического мира. Сравнивая и сопоставляя их между собой, автор приходит к ряду принципиальных заключений об особенностях внешней политики эллинистических держав. В других работах анализируются причины, условия и обстоятельства заключения различных соглашений – от совсем незначительных (как, например, союз между Афинами и Эгестой, ставший предметом изучения И.Е. Сурикова) до таких, которые на долгое время определяли политическую обстановку в отдельно взятом регионе (М.Ф.Высокий) или даже во всем Средиземноморье и на Ближнем Востоке (Е.В.Смыков). Тщательный анализ источников позволяет даже реконструировать условия одного из греко-персидских соглашений, о котором практически ничего не известно (Э.В.Рунг).

В трех статьях сборника рассматривается такое ключевое для внешней политики государств греко-эллинистического мира понятие, как проблема равновесия сил. Если М.Ш.Садыков и О.Л.Габелко анализируют частные случаи проявления этого принципа в политике государств Западного Средиземноморья в первой четверти III в. до н.э. - с одной стороны, и малоазиатских монархий и Рима во II в. до н.э. – с другой, то Дж.Баклер рассматривает через призму данного принципа основные события политической истории Греции второй половины V – первой половины IV до н.э., выделяя их критические моменты и основные тенденции. Это отчасти привносит в его работу элементы политологического анализа, что отнюдь не часто встречается в российском антиковедении. Удачно продолжает его работу статья другого американского исследователя Р.Мойзи, анализирующего хитросплетения греко-персидских дипломатических контактов на небольшом, но чрезвычайно важном и насыщенном хронологическом отрезке. Эти два сюжета вскрывают специфику отношений греческих полисов друг с другом и с Персидской империей в V- IV вв. до н.э.

Наконец, очень важное значение авторы сборника придают и анализу чисто «событийной» истории. Это отнюдь не следует расценивать как самоцель, проявляющуюся, как говорил М.Блок, в желании «знать как можно больше о как можно меньшем». Тщательный анализ незначительных, казалось бы, деталей тех или иных эпизодов политической истории античности порой позволяет исследователям значительно изменить общую оценку событий. Так, авторы предлагают новые, весьма своеобразные и существен-

но отличающиеся от имеющихся в историографии мнений трактовки войны Селевка II против Парфии (А.С.Балахванцев), конфликта Пруссия I Вифинского с Эвменом II Пергамским (О.Л.Габелко) или борьбы Птолемаея I с Антигоном Монофталмом перед принятием ими царского титула (И.А.Ладынин; его статья построена на глубоком анализе нечасто привлекаемого антиковедами египетского материала). В ряде включенных в сборник работ изучается та роль, которую играли в международной политике небольшие государства, редко привлекающие внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей – Киликия во II в. до н.э. – I в. н.э. (М.Г.Абрамзон) или Кордуэна в середине IV в. н.э. (Р.У.Ибатуллин). Эти работы показывают, «какими путями маленькие окраинные страны вовлекались в разнообразные взаимодействия с протагонистами “большой истории”, ...какие выгоды они получали от этого вовлечения и какими опасностями оно им грозило» (Р.У.Ибатуллин). Из указанных статей становится понятным тот факт, что значение государств «второго эшелона» системы международных связей античного мира отнюдь не следует преуменьшать: в отдельные моменты они могли не только являться важными объектами манипулирования со стороны великих держав, но и проводить вполне самостоятельную политику, ощутимо влияя на расклад сил на международной арене.

Весьма показательно, что ряд статей сборника посвящен анализу главным образом одного памятника – чаще всего важного эпиграфического документа (работы И.А.Ладынина, Ю.Г.Виноградова, В.И.Кашеева, Х.Хайнена). В них наиболее ярко выражен «методический» момент: ставя во главу угла один источник, исследователи извлекают из него максимум информации, которая комбинируется и синтезируется с другими свидетельствами. А они, даже если не брать в расчет давно и досконально исследованные нарративные материалы, тоже чрезвычайно содержательны. В частности, методика использования нумизматических данных для воссоздания реалий международной обстановки убедительно продемонстрирована А.А.Завойкиным, А.С.Балахванцевым и М.Г.Абрамзоном.

Тема, вынесенная в заголовок сборника, не просто обширна, но и в полном смысле слова неисчерпаема. В одной монографии, сколь бы объемна она ни была, можно затронуть и раскрыть лишь отдельные ее стороны. Остается надеяться, что в этой книге за перечислением дат, имен, событий и географических названий, за описанием военных кампаний, сражений и дипломатических миссий не затерялось главное – сама политическая жизнь античного мира, являющаяся производной от страстей, стремлений, страхов и расчетов людей того времени – как правителей, стоящих у кормила государственной власти, так и рядовых участников тех отдаленных от нас драматических событий. А для человека сегодняшнего дня обращение к опыту древних по-прежнему остается непременным условием реализации античной максимы «Познай самого себя», без чего невозможно никакое движение вперед.

Глава I **Греки, римляне и карфагеняне** **на западе ойкумены**

И.М.Безрученко

Эволюция тактики римского легиона **в VI – III вв. до н.э.** **(фаланга и манипулярный строй)**

Военная сторона в жизни государств и полисов античного мира всегда занимала важнейшее место. Достаточно сказать, что классический полис предстает перед нами в виде единства экономической, социальной и военной организаций. Весь коллектив граждан составлял ополчение, участники которого были вооружены в соответствии с их имущественным цензом. Постоянные военные усилия не могли не выработать определенные стандарты как в организационной, так и в тактической сферах. Организация и структура вооруженных сил полиса были тесно связаны с социально-экономическими условиями и, в силу сравнительно медленного их изменения, отличались достаточной стабильностью. Некоторые новации, которые все же появлялись со временем, достаточно хорошо фиксируются в источниках. Это прослеживается в названиях подразделений и частей войска, упоминаемых у античных авторов, а также в надписях.

Несколько иной предстает картина с определением конкретных тактических форм, применявшихся в различных сражениях. Не отказываясь от представления о традициях использования определенного стандарта построения – в основном, фаланги – необходимо отметить, что каждое сражение – сугубо индивидуально, и поэтому некоторые (иногда весьма существенные) различия могут иметь место. К сожалению, далеко не все из них нашли ясное и адекватное отражение в источниках. К примеру, мы знаем, что древнегреческая фаланга обычно имела в глубину от 8 до 12 шеренг, в исключительных случаях – до 25, как беотийская, но бывали случаи, когда единый строй воинов имел различную глубину, как это было при Марафоне (Her. VI. 111). А в спартанской фаланге, по замечанию Фукидида, каждый полемарх самостоятельно определял глубину своего лоха (Thuc. V. 68. 3). Также мы видим отдельные действия лоха питанатов в Платейском сражении, который, судя по всему, выполняет функции арьергарда, что никак не вытекает из традиционных представлений о тактике фаланги. Из описания той же Платейской битвы у Геродота (IX. 55-57) не ясно, какую роль в сражении сыграли 5000 гоплитов из спартанских перизков и 35000 илотов, входивших в лакедемонскую армию (IX. 28-29). Странно, если бы такая масса вооруженных людей оставалась пассивными наблюдателями, но об их

участии в сражении можно только гадать. Исходя из специфики наших источников, подчас невозможно определить, являлись ли подобные отклонения от традиционной тактики результатом импровизации полководца, или же они представляли некий определенный стандарт в действиях войск.

Существенно иной представляется ситуация, если обратиться к римской военной истории. Огромный материал, касающийся VI – III вв. до н.э., содержится в труде Тита Ливия. Историки обращались к нему многократно, но их внимание, главным образом, привлекали сюжеты, связанные с социально-политическими и экономическими аспектами военного дела (например, реформа Сервия Туллия). Анализ собственно тактических форм и их эволюции опирался на описания относительно поздних сражений, поскольку сюжеты VI – IV вв. до н.э. в деталях воспринимались недостоверными. Представляется, что такой подход не вполне оправдан. Нельзя *a priori* отменить всю информацию о ранней военной истории Рима. Естественно, что нет необходимости принимать на веру все подробности, относящиеся к «римской легенде», но многие детали специфически военного характера выглядят у Ливия вполне правдоподобными.

Скорее всего, определенной корректировке в труде Ливия подверглись описания общей военно-политической ситуации, доминирования Рима в Лации и Средней Италии с самого раннего времени. Что же касается военно-технических и тактических нюансов, то само их обилие и разнообразие, кажется, свидетельствует о достоверности рассказа историка. При этом нам принципиально не столь важно, вел Рим эти войны и сражения самостоятельно или в составе коалиции латинских городов. Ведь Ливий неоднократно говорит об идентичности военной организации и тактики римлян и латинов. Поэтому представляется интересным, не вдаваясь в дебри источниковедческих проблем первых 10 книг Ливия, попытаться проанализировать именно этот материал и выявить, исходя из внутренней логики повествования, детали тактических приемов и их эволюции. При этом нами намеренно привлечен крайне ограниченный круг литературы, поскольку в ней зачастую содержатся различные реконструкции тактики легиона, прямо не вытекающие из текста Ливия. Главной же задачей работы выделось подробное выявление тактических нюансов, описанных историком, а не разбор позднейших умозрительных построений.

Основной проблемой, если абстрагироваться от второстепенных, хотя и важных деталей, является вопрос о том, как реально действовал в бою римский легион. И, пожалуй, самое интересное в этом – эволюция его тактики и возникновение манипулярного строя, который в III в. до н.э. мы встречаем во вполне законченном виде. Именно манипулярным строем римская армия встретила и победила сильнейшую армию Восточного Средиземноморья – македонскую. Вторая наша задача – попытаться выяснить, действовал ли легион сплошным строем, либо в его построении были интервалы.

Само собой разумеется, что до манипулярной фазы римская армия прошла долгий путь развития, и далеко не все этапы его этапы нам известны. Самые ранние свидетельства относятся к эпохе Ромула, все чаще признаваемого историческим лицом. Для ранних этапов исторического развития, а таковым может признаваться Рим VIII в. до н.э. (в нем видят явные черты военной демократии¹) характерна прямая и непосредственная связь военной организации и родо-племенных структур. При этом далеко не всегда можно заключить, что является определяющим: военная необходимость или естественный ход развития рода и племени. Во всяком случае, троичность социальной структуры Рима – 3 трибы, 30 курий (Liv. I. 13. 6) – которая оформилась уже в эпоху Ромула², может объясняться и военными потребностями: делением войска на центр и фланги, например³. Это тем более вероятно, что римская община складывалась на полиэтничной основе, где непрерывность родовой традиции не была нарушена.

Основой комплектования являлась курия⁴, но отряд целеров – созданная Ромулом царская «гвардия» – набирался на иной базе. Численность армии этого периода, естественно, не может быть определена с абсолютной точностью. Наши источники сообщают о разделении войска на отряды-легионы по 3000 пехотинцев и 300 всадников (Plut. Rom. 13). Возможно, речь идет вообще о всех боеспособных мужчинах Рима⁵, которые, составив войско, и назывались легионом⁶. Не исключено, что у Плутарха сохранились воспоминания о том, будто уже при Ромуле боеспособного населения насчитывалось больше, чем 3300 человек⁷. Как представляется, для такой ранней эпохи нет оснований придавать чересчур большое значение отдельным цифрам: население Рима постоянно увеличивалось, но динамика этого процесса и его этапы большей частью нам не известны. Кроме того, некоторое подозрение вызывает совпадение числа тяжелой пехоты и конницы в «легионе» Ромула и легионе более позднего времени (3000 и 300). Это может быть более поздней искусственной конструкцией. На численности легиона нам еще придется остановиться, а пока хотелось бы заметить, что нет особой необходимости связывать абсолютно все детали структуры войска и численность каждого из его подразделений с традиционным устройством общества. Не менее заметную роль здесь должны играть обстоятельства сугубо военные.

¹ Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 113.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1895. С. 51.

⁶ Рюстов Ф.В. История пехоты. СПб., 1876. Т. I. С. 27.

⁷ Токмаков В.Н. Военная организация Рима ранней Республики (VI – IV вв. до н.э.). М., 1998. С. 194.

Характерное деление римского войска на две части могло появиться уже при Тарквинии Древнем⁸. Применительно к VIII в. до н.э. можно говорить и о родах войск: пехоте и коннице. Правда, здесь встречаются разногласия. Гьерстад, например, считает, что конницы в Риме в 800 – 700 гг. до н.э.⁹ не было: по его мнению, она появляется не ранее VI в. до н.э. Другие исследователи считают возможным постулировать ее появление с конца VIII в. до н.э.¹⁰, причем конные отряды были двух видов: конница, набранная по трибам, и целеры (Liv. I. 13. 8; 15. 8). Но обычно говорится о преобладании пехоты, которая в эпоху Ромула еще не может быть названа тяжелой¹¹.

О тактике действий римской армии VIII – VII в. до н.э. сведений практически нет, если не считать полубогатых описаний подвигов предводителей противоборствующих сторон (Liv. I. 12. 10; 30. 9). Речь идет о самых общих рассуждениях вроде сходства римской армии с древнедорийской фалангой¹², о сражении пехоты в каком-то подобии фаланги¹³ и т.д.

Как бы там ни было, есть основания говорить о деятельности Ромула как о начальном этапе правильной организации римской армии. К его новациям можно отнести принятие элементов греческого вооружения в виде круглого аргосского щита, установление твердого соотношения между пехотой и конницей¹⁴, кратный трем структурный принцип комплектования войска и создание отряда целеров¹⁵.

По поводу греческого вооружения можно заметить следующее: несомненно, при Ромуле существовал круглый щит греческого типа, хотя гоплитской паноплии еще, вероятно, не было. В то же время, по сообщению Плутарха, Ромул заимствовал у сабинян щиты типа skutum, заменив ими аргосские (Plut. Rom. 21). Позднее, когда Рим вошел в сферу этрусского влияния, опять появляется круглый щит – *clipeus* – вместе с тактикой фаланги при Тарквинии Древнем, как считает Коннолли¹⁶.

Можно ли считать принятие на вооружение skutuma в эпоху Ромула свидетельством отказа от тактики фаланги? В Италии археологически засвидетельствовано около 80 находок круглых бронзовых щитов диаметром 50 – 97 см с центрально расположенной ручкой. Они находят аналогии в Центральной Европе и с греческими образцами периода «Темных веков» XI

⁸ Там же. С. 195.

⁹ Маяк. Ук. соч. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 116.

¹¹ Там же. С. 118.

¹² Рюстов. Ук. соч. С. 28.

¹³ Connolly P. Greece and Rome at War. L., 1981. P. 91.

¹⁴ Впрочем, вряд ли Ромул действительно установил эту пропорцию. Соотношение пехоты и конницы определяется в первую очередь экономическими возможностями полиса и его социальной структурой. В античном мире кавалерия очень редко составляла больше 5 – 10 % от числа тяжелой пехоты.

¹⁵ Маяк. Ук. соч. С. 119.

¹⁶ Connolly. Op. cit. P. 95.

– IX вв. до н.э.¹⁷ О фаланге в это время ни для Греции, ни тем более для Центральной Европы говорить не приходится. Кроме того, щит с центрально расположенной ручкой для фаланги не характерен. Классический щит фалангита - ὄπλα - имеет две ручки - πόρταξ и ἀντιλαβή, которые более рационально распределяют вес щита на левой руке, в то время как упомянутый выше щит (в Греции он назывался беотийским) приходилось держать в основном усилиями кистевого сустава.

О других видах оружия, засвидетельствованных археологически и соотносимых с эпохой Ромула, можно сказать следующее: использовались мечи, железные и бронзовые, длиной 33 – 56 см¹⁸, дротики, напоминавшие позднейшие *hasta velitaris* или пилумы¹⁹, легкие доспехи в виде нагрудных пластин или типа «пончо», встречаемые вместе со шлемами типа «Вилланова». Кроме того, свидетельства об использовании щита skutum восходят также к VIII в. до н.э.²⁰ Одним словом, мы не находим никакого намека на использование гоплитской паноплии, а, напротив, встречаем большое разнообразие в видах и типах вооружения, что прослеживается в римской военной традиции и в позднейшие эпохи.

Как могло применяться все это оружейное разнообразие? Само отсутствие стандарта свидетельствует в пользу того, что определенной тактической системы еще не существовало. Скорее всего, Ромул только заложил самые ее основы. А возможным ответом на вопрос о способе сражения, практиковавшимся в эту и предыдущую эпохи, может послужить пример «войны» рода Фабиев с Вейями, помещенного Ливием под 478 годом (Liv. II. 49. 50). Некоторые источники сообщают, что с тремя сотнями Фабиев в боевых действиях участвовало и 5000 их клиентов (Dion. Hal. IX. 15; Fest. 450 L), и в этом справедливо видят реминисценции практиковавшегося ранее способа войны, так же, как и в информации об аналогичных действиях других патрицианских родов²¹.

Очевидно, наиболее полными и качественными комплектами вооружения обладали патриции, выступавшие в поход, будучи окруженными своими разнообразно вооруженными клиентами. Возможно, патриции отправлялись на войну верхом. Вполне «вписывается» в такой контекст и боевая колесница из эсквилинского погребения, датированная Гьерстадом 700 – 625 гг. до н.э.²²

О реальном значении колесниц в сражениях говорить не приходится. В античном мире первого тысячелетия боевое использование колесниц зафиксировано только для Киренаики. В Греции «Темных веков» и ранней архаики, как и в Италии VII в. до н.э., они были предметом статусным, пре-

¹⁷ Ibid. P. 94.

¹⁸ Ibid. P. 91.

¹⁹ Ibid. P. 92.

²⁰ Ibid. P. 94 – 95.

²¹ Маяк. Ук. соч. С. 154; Токмаков. Ук. соч. С. 121 – 124, 146.

²² Маяк. Ук. соч. С. 106.

стижным. Аналогии с древнегреческим эпосом здесь очевидны. Сражение могло происходить в виде беспорядочных стычек слабо организованных и разнообразно вооруженных отрядов, возглавляемых патрициями. Поединки между ними, может быть, и между патрицианскими отрядами, и решали исход боя. Единоборства не могли продолжаться долго, поэтому неудобства щита с одной ручкой компенсировались большей его подвижностью сравнительно со щитом *блпа*.

Заманчиво было бы поразмышлять о совпадении чисел 300 и 5000 (отряд Фабиев) с численностью легиона в последующее время, но, скорее всего, это именно совпадение.

Исходя из археологического материала, можно предположить, что во время Ромула произошла не смена основного типа вооружения, а внедрение в римское ополчение элементов италийского оружейного комплекса, привнесенного сабинами, которые влились в римскую *civitas*.

С реформы Сервия Туллия можно проследить основные этапы развития легиона, но, прежде чем обратиться к этому, необходимо самым кратким образом охарактеризовать некоторые взгляды на развитие легионной тактики. Основное внимание при этом обращается на наличие интервалов в построении войска и на то, как легион действовал в бою.

Рюстов считал что квинкуциальный (шахматный) строй был впервые введен Камиллом, но основные изменения произошли уже во время Самнитских войн²³. Интервалы легион сохранял и в бою; сначала атаквали гастаты, затем, если их атака не увенчивалась успехом, вперед выдвигались принципы, а гастаты отходили назад в промежутки между их манипулами²⁴. В итоге римлянам удалось выработать тактическую систему, методичное и скрупулезное проведение которой в жизнь давало возможность армии одерживать победы, даже если во главе ее находился и не блестящий талантами полководец²⁵.

Михневич предполагал, что первоначально в первой линии стояли принципы, а гастаты – во второй, но лишь потом ситуация изменилась в более нам привычную, как они и зафиксирована в трудах Полибия и Ливия. Камиллу принадлежала идея строить манипулы с интервалами. Непосредственно перед столкновением с противником тесно построенные манипулы первой линии размыкались, заполняя тем самым интервалы и атакуя противника сплошным фронтом²⁶.

Совершенно фантастично у этого автора выглядит атака гастатами фронта противника, при которой он «заставляет» каждую шеренгу метать пилумы в противника, отходя после броска в тыл своего манипула, по примеру караколе европейских армий XVI века новой эры. Принципы атакова-

²³ Рюстов. Ук. соч. С. 28.

²⁴ Там же. С. 32.

²⁵ Там же. С. 36.

²⁶ Михневич. Ук. соч. С. 63 – 66.

ли противника либо в промежутки манипул гастатов, либо вместе с ними, уплотнив их ряды²⁷.

Принципиально иную реконструкцию действий легиона, или манипулярной фаланги, как он называет это построение, предлагает Ганс Дельбрюк. Он предполагает, что интервалы в строю манипул нужны для того, чтобы легче было довести фалангу до противника, поскольку производить это движение сплошным фронтом, особенно по пересеченной местности, довольно затруднительно; при этом, непосредственно перед столкновением, интервалы в линии гастатов заполняются принципами из второй линии²⁸. Дельбрюк отмечает, что велиты появились не сразу, раньше их роль исполняли рорарии²⁹. Комментируя известный пассаж Ливия (VIII. 8), немецкий историк военного искусства считает, что это описание не тактики действий легиона в бою, а строевого учения. Он отвергал наличие подразделений акцензов в легионе³⁰. Первоначально легион строился в две линии по 15 манипул, лишь потом появилась третья линия, при этом число манипул в каждой линии сократилось до 10. Дельбрюк исходил из того, что легион изначально насчитывал в своем составе 3000 тяжелых пехотинцев, 1200 легковооруженных воинов и 300 всадников. Произошло это случайно, из-за того, что в момент организации римской армии (имеется в виду реформа Сервия Туллия) число боеспособных граждан составляло 8400 человек, которые и были поделены на два легиона. Дельбрюк решительно возражает против тезиса о возможности отступления гастатов в интервалы линии принципов, считая, что, вступив в бой, они из него и не выходили³¹.

Манипулы и легионы, по его мнению, являлись не тактическими единицами, а лишь административными, и не могли действовать самостоятельно, а основой действий легиона был фронтальный натиск тяжелой пехоты³². Всю традицию, относящуюся ко времени до III в. до н.э., Дельбрюк считал не заслуживающей никакого внимания историка. В целом же он, несмотря на массу верных замечаний, слишком свободно обращался с материалами древних авторов.

Коннолли в своей работе считает возможным говорить о существовании фаланги в римском войске до конца V в. до н.э., когда *clipeus* был заменен на *scutum*³³. Но и во время существования фаланги в римской армии использовались разные виды и типы оружия³⁴, представлявшие амальгаму этрусско-греческих и италийских традиций. Комментируя описание легиона,

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М. 1936. Т. I. С. 229.

²⁹ Там же. С. 232.

³⁰ Там же. С. 234.

³¹ Там же. С. 243 – 245.

³² Там же. С. 261 – 262.

³³ Conolly. Op. cit. P. 97.

³⁴ Ibid. P. 105.

данное у Тита Ливия, Конолли считает возможным говорить о делении манипулов триариев на две центурии по 30 воинов, при этом он видит преемственность сервианского строя и в структуре легиона IV в. до н.э.: гастаты, принципы и триарии состояли из граждан I – III имущественного разрядов, рорарии и акцензы – IV и V. В делении первых доминировал возрастной принцип. Деление легиона на 45 частей исследователь считает реальным, подчеркивая сугубо оборонительный характер всего построения³⁵. В дальнейшем манипулы гастатов и принципов были удвоены, рорарии исчезли, а акцензы послужили основой для формирования отрядов велитов, что и отразил Полибий в своем описании легиона³⁶. Легион атаковал противника единым строем, заполняя перед схваткой интервалы в первой линии гастатов их же центуриями *posterior*. В случае неудачи маневр повторялся в обратном порядке, и все гастаты втягивались в интервалы линии принципов которые аналогичным образом создавали единый строй и, в свою очередь, атаковали противника³⁷. Если же и эта атака не увенчивалась успехом, то манипулы антепианов уходили за триариев, которые также единым фронтом наносили последний удар по противнику.

В исследовании В.Н.Токмакова, посвященном организационным, социальным и тактическим аспектам эволюции римского войска VI – IV вв. до н.э., в целом повторяется тактическая схема Конолли, но особо подчеркивается значение центурий для раннего этапа развития легиона, утраченное ими впоследствии³⁸. Центурии играли роль тактически самостоятельных единиц, а манипулы пришли им на смену, так как двойная структура манипула свидетельствует против того, что он являлся первичной единицей³⁹. Формирование войска проходило на основе сервианских 193 центурий, но центурии легиона со временем перестали совпадать с избирательными⁴⁰, так как строился легион по возрастам, а не по цензам.

С первой половины IV в. до н.э. легион становится фиксированной единицей, а в эпоху Самнитских войн оформляется система 4-х легионов – двух консульских армий по 2 легиона⁴¹. Деление на гастатов и принципов происходит только в III в. до н.э., причем роль гастатов заключается в том, чтобы поддерживать принципы, когда те метнули в противника свои дротики (изначально именно принципы формировали первую линию)⁴².

Таким образом, даже из этого крайне беглого обзора можно заключить, что исследователи резко расходятся во мнениях о способе действия легиона в бою, о том, насколько верно описание этих действий у Ливия и

³⁵ Ibid. P. 127 – 128.

³⁶ Ibid. P. 129.

³⁷ Ibid. P. 142.

³⁸ Токмаков. Ук. соч. С. 218.

³⁹ Там же. С. 179.

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 199 – 202.

⁴² Там же. С. 220.

какое значение имел квинкуциальный порядок построения манипулов. Кроме того, надо заметить, что если о влиянии войн с италиками на формирование легионной тактики и говорится, то о причинах перехода к ней, кроме, пожалуй, удобства действий на пересеченной местности, умалчивается.

Как уже говорилось, с реформы Сервия Туллия можно начинать связанный очерк эволюции тактики и организации легиона. Поэтому наш анализ лучше начать именно с этого периода – середины VI в. до н.э. Выше речь шла о том, что применительно к эпохе Ромула не стоит слишком увлекаться информацией о численности войск и составе подразделений. Совершенно иной представляется картина для времени последних царей. Избирательные центурии Сервия Туллия существовали не одно столетие, информация о них носит отнюдь не случайный характер, а на начальном этапе они соответствовали и реальной численности войска⁴³. Но нас больше интересует даже не абсолютная численность римской армии (около 20000 воинов), а пропорциональные соотношения между самими разрядами.

Эти соотношения характерны для полиса, где утвердилось преобладание сословия гоплитов над другими, ибо гоплиты (80 центурий) вместе со всадниками (18 центурий) составляют несколько больше половины всего войска, причем воины II разряда от гоплитов первого отличатся только щитом (скутум, а не клипеус) и отсутствием панциря, а по цензу они достаточно близки к нему (75000 и 100000 ассов), в то время как III разряд должен был иметь ценз в 50000 ассов, IV – 25000, V – 11000 (Liv. I. 43. 1-9). Первый и второй (он привлекался к голосованию при необходимости) разряды политически доминируют в римской *civitas*. В Элладе подобный строй утвердился в результате так называемой «гоплитской революции». В итоге в Греции было ликвидировано политическое доминирование аристократии, утвердилась власть среднего класса. Эти важнейшие изменения стали возможны в результате серьезной новации в военном деле - появления фаланги. Она оттеснила на второй план аристократическую конницу, ранее господствовавшую на полях сражений.

В реформах Сервия Туллия можно найти аналогию деятельности Солона в Аттике, который тоже сделал имущественный ценз определяющим в социальном статусе гражданина. Аналогии можно и продолжить. Тарквиний Гордый, например, создал смешанные манипулы из римлян и латинов (Liv. I. 52. 6). Речь, очевидно, идет о латинах, переселившихся (или переселенных, вроде жителей Альба Лонги) в Рим. В этом трудно не усмотреть внедрения в военную сферу принципа территориального, а не родоплеменного комплектования войска. Похожие действия предпринимал Клизфен в Аттике, введя вместо 4 родовых фил 10 территориальных, по которым происходил и набор войска в том числе.

Было бы логичным ожидать, что после введения сервианской конституции в сражениях, даваемых римскими войсками, мы увидим возрастание

⁴³ Там же. С. 190.

роли фаланги гоплитов, составлявших самый значительный контингент в войске – 42,5 % от всех боеспособных (всадники составляли 9,5 %, II, III, IV разряды – по 10,6 %, V разряд – 15,9 %). Соответственно, должна была уменьшиться роль конницы. Но что же мы наблюдаем в описаниях сражений V – IV вв. до н.э. у Ливия? Представляется нелишним перечислить эти сражения, причем начать можно еще с эпохи Ромула.

Сражение с фиденянами при первом римском царе начинается конница (Liv. I. 4. 8).

В битве у Злодейского леса с сабинянами римляне были обязаны победой не столько мощной пехоте, сколько пополнившейся (при Тулле Гостилии) коннице (Liv. I. 30. 9).

Тарквиний Древний, удвоив численность всадников (Liv. I. 36. 7), одерживает победу над сабинянами благодаря конной атаке, произведенной с обоих флангов (Liv. I. 37. 3).

В битве диктатора Манья Валерия с сабинянами решающий удар наносит конница в центр неприятельского строя (Liv. II. 31. 2).

В сражении 484 г. до н.э. с эквами и вольсками конница завершает преследование разбитого противника (Liv. II. 42. 4).

В 482 г. до н.э. в сражении с вейянами одна римская конница рассеяла вражеский строй (Liv. II. 43. 7).

В очередном сражении с этрусками в 480 г. до н.э. исход боя решил маневр конных турм, переброшенных консулом Гнеем Манлием с одного фланга на другой (Liv. II. 47. 3-4).

В 478 г. до н.э. бой с вейянами в пользу римлян решила конная ала, атаковавшая с фланга (Liv. II. 46. 11).

В 475 г. до н.э. римская конница рассеивает этрусков и обращает их в бегство (Liv. II. 53. 3).

В 459 г. до н.э. консул Кв. Фабий Вибулан в битве с вольсками за передовыми рядами каждого отряда (антепиланами) поставил еще и конницу (Liv. III. 22. 6).

В 449 г. до н.э. в сражении с эквами и вольсками конница прорывает передовую линию неприятеля (Liv. III. 61. 9); при описании сражения с сабинянами в том же году Ливий замечает, что никто не мог сравниться доблестью с конницей (Liv. III. 61: 1).

446 г. до н.э. – опять сражение с эквами и вольсками. Конница легата Публия Сульпиция прорывает вражеский строй в середине (Liv. III. 70. 4), ей навязывают бой всадники противника, после победы над которыми сопротивление было подавлено на обоих флангах (Liv. III. 70. 7-10).

Во время войны с Вейями, Фиденями и фалисками в 437 г. до н.э. центр вражеского строя (фиденян) атакует начальник конницы, за которой ударяет пехота (Liv. IV. 18. 5-7).

В 391 г. до н.э. 8000 вольсков сдались римлянам после того, как их окружила конница (Liv. V. 32. 3).

В 385 г. до н.э. только конница продолжает сражаться с вольсками, когда пехота уже дрогнула (Liv. VI. 12. 10).

В 380 г. до н.э. в сражении с пренестинцами Камилл приказывает коннице атаковать центр вражеского строя (Liv. VI. 29. 2).

В 377 г. до н.э. римская конница расстраивает ряды латинов в их союзном с вольсками войске (Liv. VI. 32. 8).

В 362 г. до н.э. коннице не удалось с ходу прорвать ряды герников, и для этой цели она спешивается (Liv. VII. 7. 7).

В 343 г. до н.э. во время Первой Самнитской войны попытка конницы атаковать самнитов не увенчалась успехом (Liv. VII. 33. 8-9).

В 325 г. до н.э., во время похода на Самний, конница долго не могла прорвать вражеский строй, и только когда всадники отпустили поводья, и кони, очевидно, понесли, это удается (Liv. VIII. 30. 6).

В 302 г. до н.э. римский диктатор приказывает коннице атаковать этрусков сквозь интервалы в пехотных линиях (Liv. X. 5. 6).

В 297 г. до н.э. натиску римских конных турм успешно противостоял строй самнитов, и нигде не удавалось ни потеснить его, ни прорвать (Liv. X. 14. 16).

В 295 г. до н.э., чтобы помочь пехоте, консул Публий Деций бросает против самнитов и галлов конницу (Liv. X. 28. 6-7).

В 293 г. до н.э. в сражении с самнитами конница прорывает их строй (Liv. X. 41. 9).

Кажется, что это несколько утомительное перечисление сражений дает представление о том, что войны Рима V и IV в. до н.э. мало соответствуют нашему традиционному представлению о действиях армии, основу которой составляет фаланга. Очень интересно, что в описаниях сражений этой эпохи мы не найдем «стандартного» места для конницы, которая в тактике боя фаланг всегда находилась на флангах. Более того, в описании тактики действий легиона, помещенном Ливием под 340 г. до н.э. (VIII. 8), он вообще не упоминает конницу. Ответа может быть два: либо в римской армии конницы не было вообще, что исключено, либо она не имела штатного места в боевом порядке.

Примерно эту картину мы и наблюдаем: конница используется там, где возникает необходимость решительного удара по противнику. Причем место ее в бою никак не регламентировано – она может действовать в центре, с флангов, неожиданно выдвигаться в проходы, созданные пехотой. Нужно заметить, что, очевидно, такая роль конницы характерна не только для римского полуса, но и для его противников. Например, после разгрома пехоты этрусков сопротивление римлянам оказывала только их конница (Liv. IV. 18. 8). В 449 г. до н.э. наиболее упорное противодействие римлянам оказывала конница вольсков и эквов (Liv. III. 70. 7-10). Скорее всего, причиной тому – специфика общественного устройства, в котором всадники играют доминирующую роль, оттесняя пехоту на второй план. И это, как кажется, характерно не только для Рима, но и вообще для Средней Италии.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: римская конница свои самые блестящие победы одерживает в боях с латинами, эквами, вольсками и этрусками. Ситуация меняется с началом Самнитских войн. Самниты, несомненно, обладали намного лучшей конницей, чем римляне⁴⁴, и именно поэтому успехи римских кавалеристов в битвах с самнитами бледнеют на фоне предыдущих побед.

В литературе мы встречаем несколько иную интерпретацию действий римского войска: фаланга (этрусская – *classis*) занимала центр боевого порядка, с флангов к ней примыкали воины, вооруженные скутумами, и конница⁴⁵. На раннем этапе развития римского военного дела отмечается и симбиоз этрусско-греческого фалангового боя с традиционным италийским⁴⁶. В.Н.Токмаков, например, считает, что когорты в римском войске, о которых часто говорит Ливий, не относились к фаланге и могли действовать как мини-фаланги, но в менее тесных рядах, чем классис клипеатов, поэтому и не могли слиться с последним в единую боевую линию⁴⁷.

Хотелось бы заметить, что термин «мини-фаланга» представляется крайне неудачным применительно к когорте, которая еще в III в. до н.э. состояла из 420 человек, при этом в ее состав входили как тяжеловооруженные, так и легковооруженные бойцы. Анализ действий отдельных отрядов тяжелой пехоты в регионе, где фаланга выступает как основа строя и главная ударная сила всего войска – в Греции – показывает, что нигде действия фалангой не зафиксированы для отрядов меньшей численности, чем 500 тяжеловооруженных пехотинцев. Именно на том основано, как кажется, структурное деление классической спартанской фаланги на лохи по 512 человек. Можно вспомнить и реформу Гая Мария, после которой легион стал состоять из 10 когорт единообразно вооруженной тяжелой пехоты по 500 – 600 человек. Чем это объясняется – мы можем только гадать. Скорее всего, дело в свойствах самой фаланги, которая при глубине менее 8 шеренг и протяженности менее 64 рядов – всего 512 человек – вообще не могла использоваться как фаланга (Thuc. V. 73. 4; VII. 19. 3). Очевидно, 500 гоплитов – это вообще минимальное число, позволяющее фаланге сохранять достаточную устойчивость при обороне и силу удара во время атаки. Поэтому рассматривать когорту как мини-фалангу, включающую в себя при этом и легкую пехоту, представляется абсолютно неприемлемым.

К вопросу о когорте в римской армии V – IV вв. до н.э. мы еще вернемся, а пока хотелось бы отметить, что по нашим источникам не видно действий фаланги в центре, а скутатов и конницы на – на флангах. Более того, мы не можем утверждать, что фаланга являлась доминирующим видом построения римского войска.

⁴⁴ Дельбрюк. Ук. соч. С. 215.

⁴⁵ Токмаков. Ук. соч. С. 209.

⁴⁶ Connolly. Op. cit. P. 96.

⁴⁷ Токмаков. Ук. соч. С. 217.

Не меньшее значение, чем перечисление примеров действий конницы в бою, имеют рассуждения Ливия о роли конницы вообще, которые не могли появиться без воспоминаний о реальной значимости этого рода войск. В частности, он сообщает, что доблестью конница превосходит пехоту так же, как званием и почетом (Liv. III. 61. 7-8).

В представлении Ливия конница – это не просто люди, посаженные верхом на коней, а определенный слой общества, возместить который при его гибели было бы крайне сложно. Подтверждает эту мысль историка следующий пассаж: мало прогнать врага – речь идет о битве с вольсками – надо перебить людей и коней (Liv. III. 70. 6). О боевой ценности всадников свидетельствует и следующее: во время битвы с герниками в 362 г. до н.э. римляне лишились четверти своей пехоты, и погибло – потеря не малая (*sic!* – И.Б.) – несколько римских всадников (Liv. VII. 8. 7).

О роли конника в ранней военной истории Рима свидетельствуют и другие факты: лошадь в Италии появляется с конца Бронзового века, уже упоминалось о находке колесницы в эсквилинском погребении, в Лации и Южной Этрурии отмечено возрастание количества тяжеловооруженных всадников в интересующее нас время⁴⁸.

Сразу оговоримся, что нет никакой необходимости отрицать наличие фаланги в римской армии в V – IV вв. до н.э., но свидетельства об участии конницы в сражениях этой эпохи, равно как и место, занимаемое ею в боевых порядках, нуждаются в определенном осмыслении.

Процентное соотношение конницы и тяжелой пехоты в римской армии эпохи Сервия Туллия и «классического» легиона III в. до н.э. серьезно различается. В армии Сервия Туллия конница составляла 22,5 % от численности тяжелой пехоты, а в легионе III в. до н.э. – 10 %. Думается, что это различие не может быть случайным и отражает реальное положение вещей.

Итак, можно констатировать, опираясь на самые разнообразные свидетельства, что роль конницы в раннереспубликанской армии была намного выше, чем в армии, где доминирует фаланга. Но прежде чем вернуться к этому вопросу, необходимо остановиться на численности «штатных» подразделений римской армии – главным образом легиона. Вопрос о численности отдельных частей и их подразделений, как и численности всего войска, является важнейшим вопросом для любого периода истории военного дела. Римская военная история исключением не является.

Определение численности легиона зачастую сводится к проблеме начальной структуры армии римского полиса. Наиболее распространена точка зрения, что легион образовался из максимального количества боеспособных мужчин, которое могла выставить римская гражданская община, это и составило легион⁴⁹. Нет необходимости приводить подробные ссылки, указывающие на численность легиона в различные эпохи (Liv. VI. 22. 8; VII. 25. 8;

⁴⁸ Маяк. Ук. соч. С. 160.

⁴⁹ Там же. С. 131; Михневич. Ук. соч. С. 51.

VIII. 8. 7-8; XXI. 17. 2-3; Polyb. II. 24. 3, 13; III. 107. 9), так как все они варьируются в интервале от 4 до 5 тысяч. Именно это число и воспринимается за изначальный полный состав всего римского войска в 3600 – 4500 бойцов.

Но объяснение численного состава легиона из простого наличия боеспособных мужчин в эпоху Ромула⁵⁰ несостоятельно, поскольку очень трудно понять, почему римские граждане в это время могли выставить в поле именно 4200 человек пехоты и 300 всадников, или 8400 пехотинцев и 600 всадников, или 3000 пехотинцев и 300 всадников, а не какое-либо иное число.

Мы можем предполагать, что в какой-то момент истории численность римского войска действительно совпала с одним из этих чисел, но это не значит, что изначально оно являлось именно таким. Очевидно, что оформление 30 курий, которое является основным для определения численности раннеримского войска, было длительным процессом⁵¹ и произошло не сразу, поэтому исходить в объяснении численности легиона из вышеизложенных соображений представляется принципиально неверным. Если *legio* изначально соответствовал всему набранному контингенту, то вполне вероятным явится предположение, что в какие-то моменты истории раннего Рима легион мог насчитывать в своем составе и 1000, и 2000 человек.

Как правило, численность легиона объясняется обстоятельствами социальными и демографическими, но при этом совершенно игнорируется момент тактический. В частности, Рюстов замечает, что одному человеку командовать голосом можно над массой людей не превышающих 200 – 250 рядов по фронту⁵², что при глубине в 12 шеренг составит контингент в 2400 – 3000 человек, последнее число и соответствует количеству тяжелых пехотинцев в легионе. Возможно, численный состав легиона определился тогда, когда боеспособных граждан стало столько, что они могли выставить именно это количество тяжелой пехоты. Не исключено, что какое-то время после этого момента легион имел большую численность, но трудности командования заставили, на основании опыта, ограничить численность этого подразделения и зафиксировать ее как постоянную величину.

Кроме этого, необходимо отметить, что количественный состав остальных, более мелких подразделений, также может определяться законом тактическим, а не социальным. Речь идет о манипуле и центурии. Определенное противоречие заключается в том, что военная центурия не равна 100 воинам, что следовало бы ожидать, исходя из ее названия. Интересно отметить, что численность ее, так же, как и манипула, кратна 30 (120 и 60). В спартанской армии, кстати, мы встречаемся с аналогичной ситуацией – эномотия насчитывает 32 гоплита, а пентекостия – 128 человек (Thuc. V. 68. 3). В поздней македонской армии тетрархия насчитывала 64 фалангита и делилась на 4 лоха по 16 человек, кроме того, существовало промежуточное

⁵⁰ Дельбрюк. Ук. соч. С. 228.

⁵¹ Маяк. Ук. соч. С. 97.

⁵² Рюстов. Ук. соч. С. 21.

подразделение – дилох в 32 фалангита⁵³. Подразделения спартанской и македонской армий кратны 8 и 16, что отличает их от римского деления и определяется стандартной глубиной спартанской фаланги в 8 шеренг, а македонской – в 16. Для римской армии столь строгое соблюдение глубины строя, как мы увидим в дальнейшем, было не обязательным, поэтому разницей между 30 и 32 можно пренебречь, а именно число 30 нас и интересует. Интересно, что установившаяся в XVII веке организация европейских армий, имевшая определенную универсальность, исходила из численности взводов именно в 30 человек, а роты очень часто состояли из 4 взводов и насчитывали 120 человек.

Можно ли все эти совпадения объяснить простым совпадением? Очевидно, нет. Осмелимся выдвинуть предположение, что основано все это на особенностях строевых эволюций. Скорее всего, подразделения численностью около 30 человек легче управляются одним человеком на марше, из них легче строить боевой порядок, основу которого составляют сомкнутые пехотные массы – а в этом смысле армии античности и раннего нового времени не различались.

У нас есть два подробных описания структуры и тактики действия легиона, содержащихся в трудах Тита Ливия (VIII. 8) и Полибия (VI. 24). Эти фрагменты неоднократно комментировались⁵⁴. Не вдаваясь в детали дискуссии, хотелось обратить внимание на следующее обстоятельство: количество тяжелой пехоты в Полибиевом описании (3000) почти точно совпадает с совокупной численностью триариев, принципов, гастатов и гастатов, вооруженных двумя копьями (3120), без последних – 2820. Кажется, эволюция структуры легиона шла по пути формирования из рорариев настоящей легкой пехоты – велитов, и выведения из его состава наименее ценного контингента – акцензов. Возможно, что вспомогательный характер этой категории воинов отразился и в значении самого термина (*accensus* – служитель).

Скорее всего, акцензы перестали входить в состав легиона в ходе Пунических войн. Возможно, они стали привлекаться для службы в образованном в это время флоте, формируя римскую часть экипажей. А свое описание легиона Ливий помещает под 340 г. до н.э., когда у Рима флота еще не существовало.

Как упоминалось выше, при всей неоднозначности трактовки действий легиона в описаниях сражений VI – III вв. до н.э. нет оснований сомневаться в том, что римлянами использовалась тактика фаланги. Обычно ее внедрение связывают с включением Рима в сферу этрусского влияния. У самих этрусков появление фаланги относят к VII в. до н.э.⁵⁵, так что вряд ли она могла появиться в Риме во время Ромула. Однако и в более позднее время, при этрусских царях, говорить о фаланге как центре боевого построения со skutатами и конницей на флангах, как уже отмечалось выше,

⁵³ Connolly. Op. cit. P. 76.

⁵⁴ Дельбрюк. Ук. соч. С. 242 – 246; Токмаков. Ук. соч. С. 177 – 190.

⁵⁵ Connolly. Op. cit. P.95.

нет оснований. Также маловероятным представляется деление фаланги на копейщиков и щитососцев⁵⁶, трудно представить себе фалангу с резервом в виде триариев⁵⁷.

При использовании классического строя фаланги резерв бессмыслен, поскольку его выделение ослабляет силу первоначального удара, который, как правило, и решал исход сражения. Но необходимо отметить, что в то же время есть прямые свидетельства о наличии самой фаланги. Прежде всего – это указания Ливия на то, что во время бытования круглых щитов (типа *clipeus*) римляне сражались фалангой, напомилавшей македонскую (Liv. VIII. 8. 3). Есть указания на преобладание правого крыла над левым, что характерно именно для строя фаланги (Liv. II. 6. 10; III. 63. 2). Но наиболее важным свидетельством, на наш взгляд, является само соотношение имущественных разрядов по Сервиевой конституции, которое, как уже говорилось, неоспоримо свидетельствует о доминировании в обществе сословия гоплитов. Мы далеки от чрезмерно упрощенных представлений о зависимости тактики от вооружения, так как отбор паноплии – определенный процесс. Но само наличие тысяч стандартно вооруженных по гоплитскому образцу воинов свидетельствует в пользу фаланги. Представить же фалангу с добавлением хуже вооруженных воинов на флангах довольно трудно: как же тогда быть с традиционно более сильным правым флангом? Но главное не в этом – Ливий ничего не говорит о действиях подобных фланговых отрядов.

Несомненно, на тактику любого войска во многом определяющее воздействие оказывает тактика, применяемая противником. Общераспространенным (и неоднократно нами приведенным) мнением является то, что «классическая» манипулярная тактика возникает в ходе Самнитских войн. Нет необходимости оспаривать это, но можно предположить, что предпосылки к столь радикальной смене тактических приемов создавались раньше, точнее, на протяжении V – середины IV вв. до н.э., когда основными противниками Рима выступают такие народы, как этруски, вольски, эквы, сабины, самниты и галлы. Что можно почерпнуть из труда Тита Ливия о тактике этих народов?

Информация об этрусках, более или менее отвечающая представлению о фаланге, крайне бедна. Пожалуй, имеются только два не вызывающих особых возражений сообщения: уже упоминавшееся сражение конца VI в. до н.э., где погиб первый консул Брут (Liv. II. 6. 10) – побеждают оба правые крыла противников; и сражение 437 г. до н.э., когда в союзном войске Вей, Фиден и фалисков именно этруски-вейяне занимают правое крыло строя, - очевидно, потому, что из всех союзников лучше действуют в строю фаланги.

В то же время, у нас достаточно материала, свидетельствующего, что и этруски не всегда использовали этот вид боевого построения. Во время

⁵⁶ Токмаков. Ук. соч. С. 182.

⁵⁷ Там же. С. 221

одной из битв вейяне едва успевают развернуть строй и, не метнув даже дротиков, тут же переходят к бою мечами (Liv. II. 46. 3). Ливий упоминает даже о наличии именно двух тяжелых копий в вооружении этрусков (Liv. IX. 36. 6). Сообщение относится к 310 г. до н.э., но речь в нем может идти и не о тяжелых пехотинцах.

Меч в бою классической фаланги служил вспомогательным оружием, а основным являлось копьё. Между тем, о переходе к бою мечами – опять же без метания дротиков – говорится и в еще одном месте (Liv. IX. 39. 6).

Есть и данные о находках предметов вооружения этрусков, которые довольно сильно отстают от гопплитской паноплии. Так, в Этрурии встречаются топоры, использование которых трудно представить себе в строю фаланги. На фреске в гробнице «Семь комнат» у Орвьето сохранилось изображение позднего – IV в. до н.э. – комплекта этрусского вооружения: меч и три тяжелых метательных копья⁵⁸.

Что можно сказать о способе сражения оскских народов? Вольски, например кидались в бой бегом и с криками (Liv. II. 10. 13). Эквы упрекают своих полководцев за то, что они приняли неправильный бой с римлянами, в котором те сильнее. Эквы же гораздо лучше чувствуют себя в опустошительных набегах, сражаясь небольшими отрядами (Liv. III. 2. 12-13). В описании сражения, помещенного под 446 г. до н.э., мы видим, что после прорыва римской конницей центра боевого порядка эквов и вольсков их конница сумела навязать римлянам бой (Liv. III. 70. 4).

Вооружение осков также не соответствовало гопплитскому. Защитные доспехи представлены круглой нагрудной пекторалью, горшковидным шлемом, дополненных двумя дротиками и топором в качестве оружия наступательного⁵⁹. Очевидно, что здесь греческое влияние ощущается слабее, но при этом все же используется обычный гопплитский меч⁶⁰. Подобный набор вооружения никак не может применяться фалангитом, но вполне пригоден для быстрых действий небольшими отрядами или в рассыпном строю.

Несколько более тяжелым было вооружение самнитов: встречается как аргосский щит, так и италийский skutum, имелись также и овальные щиты, италийские шлемы, грудные и спинные пластины, часто трехдисковые, боевые пояса и поножи. В наступательном оружии часто встречается комбинация двух метательных копий⁶¹. Можно также упомянуть о находках копий с наконечниками до 80 см длиной, а также относящийся к V в. до н.э. наконечник копья, очень напоминающий позднейший пилум⁶².

Из Ливия знаем мы и о том, как сражались самниты, отряды которых движутся то туда, то сюда, то собираясь вместе, то выстраиваясь в ряд (Liv. VII. 34. 3) (343 г. до н.э.). В другом месте историк сообщает, что на правом

⁵⁸ Connolly. Op. cit. P. 97,100.

⁵⁹ Ibid. P. 101 – 102.

⁶⁰ Ibid. P. 104.

⁶¹ Ibid. P. 105 – 110.

⁶² Ibid. P. 99.

фланге в сражении против римлян самнитские ряды не были сомкнуты (Liv. IX. 27. 8). В этом же бою самнитская конница атакует, мчась между войсками противника (Liv. IX. 27. 10).

Исходя из всего этого, очень легко представить себе войско противников Рима, построенное отдельными когортами в соответствии с древней италийской традицией⁶³, при необходимости смыкавшими строй. Конница, очевидно, двигалась по ходу боя туда, где в этом возникала нужда. Такой боевой порядок можно с некоторой долей условности назвать смешанным. В чем-то, может быть, он напоминает действия пельтастов Ифиграта.

Что должны были противопоставить такому способу воевать римляне? *A priori* можно предположить аналогичный способ действий, но только с обязательным участием в бою тяжелой пехоты. Но ее ведь надо было довести до противника под обстрелом его дротиков! Очевидно, именно этой цели служили воины II – IV разрядов: они прикрывали движение фаланги. Как это выглядело в деталях – сказать трудно, если не невозможно. Но нам кажется, что нельзя моделировать какую-либо единую схему, пригодную для всех возможных случаев. Можно допустить, не смотря на все ранее высказанные соображения, что в некоторых случаях skutаты могли стоять и на флангах строя.

Говоря о реконструкции тактики легиона, нельзя не остановиться и на характере войн, которые вел Рим. Начиная с конца V в. до н.э. они, как правило, были завоевательными, и этим принципиально отличались от большинства войн греческих полисов, в которых наиболее ярко проявила себя фаланга. Напомним, что тогда сражение велось на выбранной по негласному соглашению сторон равнине, наиболее подходящей для такого строя. Боевые схватки армий греческих полисов становились неким подобием агонна, спортивного состязания. Цели войны редко были решительными, преследование с целью полного уничтожения противника тоже как правило не предпринималось.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в Риме. Здесь речь идет о полном покорении земель, абсолютно не сопоставимых с территорией Рима царской эпохи. При этом противник вовсе не собирался сражаться с легионами, построенными в фалангу на удобном для нее ровном месте. Бой мог произойти практически на любой местности: достаточно вспомнить Кавдинское ущелье и любовь тех же самнитов к засадам (Liv. IX. 31. 6-8). Следовательно, римляне должны были разработать такие построения, которые позволяли бы передвигаться по пересеченной местности, но при этом сохранялась бы возможность использовать главный козырь Вечного города – тяжелую пехоту.

То, что фаланга римлян могла находиться в последней линии боевого порядка, подтверждается, на наш взгляд, тем, что триарины, стоявшие по-

⁶³ Токмаков. Ук соч. С. 216.

следними в манипулярном легионе, имели на вооружении гоплитские копья и сражались сомкнутым строем (Liv. VIII. 8).

Может ли подтвердить эту теоретическую схему конкретный материал о римских боевых порядках в это время? Неизбежно придется повторяться в перечислении сражений, но в данном случае главное внимание будет уделено не действиям конницы, а общему боевому порядку.

В битве при Регилльском озере в 499 г. до н.э. римский командующий вводит в первые ряды несколько вспомогательных манипулов (Liv. II. 20. 7), в том же бою римские всадники выбегают в первые ряды и прикрывают передовых щитами (II. 20. 10), после чего им подводят коней (II. 20. 12).

В 494 г. до н.э. римская конница наносит удар по центру сабинского строя, а за ней врага атакует пехота (Liv. II. 31. 2).

В 459 г. до н.э. римская конница стоит непосредственно за антепиланами т.е., очевидно, перед фалангой (Liv. III. 22. 6).

В 423 г. до н.э. отряд всадников Секста Темпония перемещается вдоль всей боевой линии (Liv. IV 38-39).

В сражении с галлами (350 г. до н.э.) римляне «клиньямя» (употреблен термин *cuneus*) врезаются в середину вражеского строя (Liv. VII. 24. 7).

Во время Первой Самнитской войны в 343 г. до н.э. римская конница после неудавшейся атаки разъезжается вправо и влево, открывая дорогу легионам (Liv. VII. 33. 11).

Таким образом, допустимо сделать вывод, что у римлян в этих сражениях не существовало сплошной боевой линии, а происходило свободное перемещение подразделений как вдоль, так и поперек боевого порядка.

Яснее примеры такой «поперечной» ротации видны в описания битв Латинской войны: из задних рядов выходят вперед акцензы, триарии принимают антепиланов в промежутки своего строя (Liv. VIII. 10. 2. 5). Это уже сформировавшийся манипулярный легион. Интересно, что латины, бившиеся аналогичным образом, тоже сражаются клиньямя. (Liv. VIII. 10. 6). В 311 г. до н.э. в битве с этрусками под Сутрием победа была одержана благодаря смене измотанных антепиланов свежими силами вексилляриев (Liv. IX. 32. 8).

В последних четырех случаях, казалось бы, совершенно явно прослеживается тактика смены одних манипул другими, как это обычно и описывается, но в 310 г. до н.э. во время битвы с этрусками передовые бойцы никуда не отступают, а на место погибших заступают вексиллярии (Liv. IX. 39. 10).

В 302 г. до н.э. римляне оставляют промежутки в пешем строю для прохода конницы (Liv. X. 5. 6). Мы видим, как отдельная группа воинов под командованием легата сражается в полуокружении и Ливий сетует, что помощь к ним приходит слишком поздно (Liv. X. 5. 6).

В 297 г. до н.э. в сражении с самнитами Фабий приказывает легату Сципиону вывести из боя гастатов первого легиона и направить их в обход противника (Liv. X. 14. 14).

В одной из битв начала III в. до н.э. с галлами и самнитами мы видим, как галлы на колесницах несутся вдоль фронта, чем обескураживают римлян. В том же сражении римская конница обходит правое крыло самнитов, а за ней движутся принципы III легиона (Liv. X. 29. 9-13).

Можно бесконечно приводить примеры подобного рода но ясно одно: действительность была намного разнообразнее «правильной» битвы, где действуют принципы, гастаты и триарии, антепиланы бьются перед знаменами, а весь строй – за знаменами (Liv. XXII. 5. 7)⁶⁴. Здесь следует обратить внимание на то, что сражение идет одновременно – бьются и антепиланы (принципы с гастатами), и вексиллярии (триарии с рорариями и акцензами).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что, говоря о тактике действий легиона в бою, мы можем зафиксировать и сплошной строй, и строй с интервалами, и атаку противника клиньями с самого начала боя, и пропуск задних подразделений в интервалы передних, и отход антепиланов в интервалы вексилляриев.

Возможно, фаланга стояла сзади, страхуя антепиланов и нанося удар по прорвавшимся между центуриями передовых отрядам противника. Представить, что все сражение протекает равномерно по всему фронту, где участвуют десятки тысяч бойцов, довольно сложно. Участия всех фалангитов в таких действиях не требовалось, и это могло способствовать распадению единого строя на вексиллы, которые имели возможность атаковать противника как по отдельности, так и объединившись.

Историки неоднократно обращались к описанию построения и действий легиона, содержащемуся в VIII книге Ливия. Хотелось бы и нам остановиться на некоторых моментах. Представляется, что, в целом, описание верно, и нет необходимости подвергать его такой радикальной правке, как это сделал Дельбрюк, не видя в акцензах подразделений и значительно сокращая число рорариев⁶⁵. Но верным кажется его замечание, что в этом месте Ливий описывает, скорее, строевое учение, чем реальный бой. Далеко не каждая битва могла протекать по такому строгому сценарию.

Основные разногласия вызывает то, в этом описании упомянуто, что в каждом отряде (*ordos*) гастатов и принципов было по два центуриона⁶⁶. Возможно, речь идет о центурионе и субцентурионе, как об этом сообщается самим Ливием несколько ниже (Liv. VIII. 8. 18). Тогда отпадает необходимость возводить искусственные конструкции, увеличивая вдвое численность гастатов и принципов, видя в их 30 отрядах 60 центурий⁶⁷. То же относится и к объединению 15 центурий вексилляриев в 5 вексилл⁶⁸. И абсо-

⁶⁴ Интересно заметить по поводу этого пассажа Ливия, что перечисление линий начинается не с гастатов, а с принципов, что, возможно, отражает более раннюю практику, когда так в действительности и строились антепиланы.

⁶⁵ Дельбрюк. Ук. соч. С. 244.

⁶⁶ Токмаков. Ук. соч. С. 181, 185.

⁶⁷ Там же С. 185.

⁶⁸ Там же.

лютно надуманной выглядит конструкция, при которой центурия триариев насчитывает 30 бойцов⁶⁹.

Если рассматривать второго центуриона как субцентуриона, то можно считать, что подразделения гастатов и принципов в 340 г. до н.э. еще не имели двойной структуры и являлись центуриями по 60 человек. Позднее, когда появляется манипул с двойной структурой, субцентурион становится центурионом *posterior* и каждый из двух центурионов получает помощника-опциона.

Таким образом, мы получаем построение легиона, в котором антепиланы (гастаты и принципы, возможно, и в обратном порядке) стоят в две линии по 15 центурий каждая, численность центурии – 63 человека. Вторая линия стоит за интервалами первой. За антепиланами располагаются 15 вексилл, каждая из которых насчитывает по 186 человек (поровну триариев, рорариев и акцензов). Центурии вексилл строятся точно одна за другой, при этом они располагаются за интервалами линии принципов. Учитывая, что в каждой центурии гастатов есть еще 20 *leves milites*, то общая численность легиона составит 4980 человек, а расхождение с числом Ливия – 5000 – легко может быть объяснено наличием командования легиона и его штабом, в подразделения не входившими.

Как же мог действовать такой легион в действительности? Представляется, что это была комбинация сомкнутых и разомкнутых боевых порядков. Обращает на себя внимание тот факт, что гастаты в случае неудачной атаки отходят в промежутки между центуриями принципов, но не за триариев, а становясь перед ними (Liv. VIII. 8. 9). При этом автор замечает, что они отходили постепенно, и это можно понимать двояко: либо они пятились назад, либо отходили не всеми центуриями сразу, а возможно, что и то, и другое. Учитывая характер тактики основных противников, в борьбе с которыми оформился легион – самнитов, сабинов и осков – можно предположить, что отступали те подразделения гастатов, которым предоставлялась такая возможность. Те же, которые вступали в слишком тесный контакт с врагом, из боя так легко, естественно, выйти не могли. Они и продолжали сражаться, только уже поддерживались центуриями принципов. Скорее всего, на разных флангах могли происходить и разные действия. Если противник отрывался от непосредственного контакта, то антепиланы вполне могли втянуться между центуриями триариев, которые атаковали потом сплошным фронтом фаланги (Liv. VIII. 8. 12-13). На начальных этапах сражения действовали и рорарии, «просачиваясь» между центуриями триариев и антепиланов⁷⁰. *Leves milites* из гастатов служили, очевидно, для того, чтобы вступать в бой с метателями дротиков противника, прикрывая тем самым тяжелые центурии гастатов.

⁶⁹ Connolly. Op. cit. P.128.

⁷⁰ Токмаков. Ук. соч. С. 184.

В такую картину комбинированных действий вполне вписывается и реконструкция Дельбрюка, при которой гастаты сохраняют интервалы между отрядами, чтобы легче дойти до противника, а перед самым столкновением эти промежутки заполняются из линии принципов⁷¹.

Римлянам, таким образом удалось создать гибкую тактику, позволявшую легионам действовать на пересеченной местности, питать боевую линию из глубины и сохранять фалангу до решительного момента схватки. Если противнику удавалось прорваться сквозь центурии антепиланов, сражавшихся клиньюми, то их разрозненные и потерявшие порядок группы легко уничтожались фалангой триариев. Подобная операция, повторенная несколько раз, деморализовала противника не меньше, чем один сокрушительный удар. В отличие от способа действий фаланги, где ставка как раз и делается на такой удар, римская тактика позволяла быстро реагировать на любое изменение обстановки, добиваясь перелома ситуации. Особенно интересными в этом отношении являются действия римской конницы, вводимой в дело практически в любой точке боя. Кроме того, римляне, по сути, гарантировали победу своей фаланги: ведь известно, что наибольший успех ей приносит атака на потерявшего порядок противника.

Хотелось бы остановиться немного подробнее на той реконструкции тактики легиона, которая предложена П.Коннолли и поддержана В.Н.Токмаковым. Эта реконструкция относится к эпохе, когда манипулы уже состояли из двух центурий – *prior* и *posterior*. Скорее всего, это произошло уже в ходе Самнитских войн. Реконструкция же выглядит следующим образом: перед непосредственным столкновением центурии *posterior* поворотом направо выдвигались к интервалам центурий *prior*, после чего заполняли их, став на одну линию со своей первой центурией. Атака противника, таким образом, производилась сомкнутым строем⁷². Если атака не удавалась, то производились «несложные маневры»⁷³: поворотом налево кругом вторые центурии гастатов производили обратное движение и занимали свое первоначальное место, после чего все манипулы гастатов втягивались в интервалы манипул принципов, проходя до триариев. Принципы повторяли в точности тот же самый маневр, что и гастаты перед началом боя, и атаковали противника таким же единым фронтом (противник же все это время, очевидно, стоял на месте, загипнотизированный красотой производимых строевых эволюций – И.Б.).

В этой реконструкции настораживают два момента: поворот налево кругом центурий *posterior*, как гастатов, так и принципов, и необходимость действий всех манипул и центурий боевых линий легиона одновременно. А если битва протекает по-разному на разных фангах и в центре? Это тем более возможно, когда в сражении участвует несколько легионов. Да и вообще оторваться от противника, находясь с ним в непосредственном боевом кон-

⁷¹ Дельбрюк. Ук. соч. С. 245.

⁷² Connolly. Op. cit. P. 128.

⁷³ Токмаков. Ук. соч. С. 188.

такте, очень и очень сложно, если вообще возможно. Сражение на мечах, которое как раз практиковали римляне, и подразумевает тот самый контакт, тем более, при сражении подразделения, когда задние бойцы давят на передних, а бой происходит практически щит в щит.

Возникает закономерный вопрос: зачем понадобилось объединять две центурии в один манипул, сохраняя при этом сами центурии? Нам представляется возможной следующая реконструкция. Убедившись в крайней сложности выполнения такого маневра, как отвод центурии назад, римляне несколько изменили схему действий: изначально линия гастатов атаковала противника клиньями, сохраняя положение центурий в манипуле в затылок друг другу. Манипулы принципов страховали гастатов от полного окружения. Возражение, что невыгода такого рода действий в том, что каждый манипул гастатов сражался в полуокружении, не очень существенно, поскольку «обходящий сам обойден». Оказавшиеся в интервалах гастатов отряды противника тоже ведь сражались в полуокружении: принципы с фронта, с флангов – гастаты. Но разница в том, что римляне намеренно совершали это действие и были к нему подготовлены, тренируясь соответствующим образом. Противнику же приходилось действовать экспромтом.

Если первая атака не удавалась, то только центурия *posterior* отходила назад, чтобы привести себя в порядок, либо отойти за линию триариев, чтобы усилить впоследствии натиск их фаланги. Это касается как гастатов, так и принципов. Но отходили они не все сразу, а сообразуясь с обстановкой. Следовательно, римляне сознательно шли на нарушение монолитности своего строя, чтобы тем самым разрушить строй противника.

Конечно, нет необходимости настаивать на применении такого приема в каждом сражении. Как уже говорилось относительно легиона 340 г. до н.э., и в III в. до н.э. легионы могли атаковать противника сплошным фронтом. Это зависело от решения полководца.

Соответственно тактике легиона изменялись и действия каждого бойца в строю, и его вооружение. Главным (и, по-видимому, первым по времени) была замена Камиллом круглого щита аргосского типа на skutum. Объяснялось это по-разному, в том числе и тем, что skutum был легче обычного голплитского щита⁷⁴. Судить сейчас об этом сложно, но skutum, найденный в Файюме, весит 10 кг, а этрусский щит греческого типа из музея Грегориано – 7 кг⁷⁵. Вряд ли вес мог оказаться решающим аргументом. Скорее, переход к иной тактике послужил основанием для подобного перевооружения. И главным здесь, конечно, было внедрение меча как основного оружия легионера.

Находки мечей типа махайры или фалькаты датированы уже VIII в. до н.э., одновременно с ними продолжают бытовать мечи типа «Вилланова», даже бронзовые. Традиция вооружаться изогнутыми мечами существует на

⁷⁴ Там же. Ук. соч. С.189.

⁷⁵ Connolly. Op: cit. P. 132, 53.

протяжении VI – III вв. до н.э.⁷⁶ Испанский меч, от которого ведет свое происхождение знаменитый римский гладиус, появляется, возможно, в Первую Пуническую войну⁷⁷. Дротики и метательные копья, аналогичные пилумам, встречаются в материалах раскопок уже с V в. до н.э.⁷⁸, так что у нас нет оснований отрицать возможность их применения в римских войсках уже с начала IV в. до н.э., когда и начинает формироваться тактика действий легиона.

Обычно легионеры сначала метали дротики или пилумы в противника, потом бросались на него с мечами, вступая в рукопашный бой (Liv. II. 46. 3; VI. 12. 8-9) – эти эпизоды относятся к сражению Камилла с вольсками. Метание дротиков, особенно пилумов, при удачном попадании в щит обезоруживало врага, лишая его щита (Liv. VII. 23. 9), и ворвавшийся в его ряды легионер с мечом представлял страшную угрозу. Каждый из них (легионеров) после этого «врастал в землю» и, напирая щитом, каждый на своем месте, дрался без передышки и не оглядываясь по сторонам (Liv. VIII. 32. 11). Особо подчеркивается, что после метания дротиков легионеры бегом кидаются на врага с обнаженными мечами (Liv. IX. 13. 2; X. 5. 6). Разбег нужен для того, чтобы не дать бойцам противника, лишившимся щитов, уйти в задние ряды. После этого легионеры уже бьются, не сходя с места (Liv. XXVIII. 2. 7); они малоподвижны, они обрушиваются на врага всей тяжестью своего тела и своего оружия, они наступают, напирая на противника плечом и щитом (Liv. XXX. 34. 2). В таком бою skutum, особенно полукруглый, дает намного больше преимуществ, чем круглый щит. Солдаты бьются вплотную, разделяют их только щиты – и жизнь бойца зависит от того, насколько хорошо его этот щит прикрывает (а skutum лучше clipeusa защищает тело) и насколько тесно примыкают к его щиту щиты соседей. Скорее всего, основным ударом легионера был колющий удар согнутой в локте рукой в момент, когда в стене щитов противника открывалась брешь. При этом воин наваливался щитом на щит своего визави из противоположного войска, а сзади на него напирала его товарищи. Как в таком бою можно оторваться от противника всей центурией, чтобы отойти в интервалы манипул задней линии? Или производить какие-либо повороты?

Представляется, что подобный бой больше соответствует той реконструкции, которая была рассмотрена нами выше. Конечно, подобная тактика требовала от легионера очень высоких моральных качеств, подкрепленных определенными принципами комплектования, но на этих вопросах мы остановимся несколько позднее.

Тактика легиона и вооружение легионера зародилась и оформилась в войнах с италиками и этрусками, армии которых вряд ли можно считать регулярными. Рим разработал систему, при которой строгое соблюдение всех правил почти всегда обеспечивало победу. Но начиная с III в. до н.э. рим-

⁷⁶ Ibid. P. 98.

⁷⁷ Ibid. P. 130.

⁷⁸ Ibid. P. 99.

скому полису пришлось столкнуться с совершенно другими противниками: Пирром, Карфагеном и Македонией, которые строили свои армии в соответствии с новейшими военными идеями. Как к ним приспособлялась легионная тактика? К сожалению, традиция о войнах с Пирром не дает оснований для каких-то серьезных выводов, но сведения о Пунических войнах содержат вполне доброкачественную и разнообразную информацию.

Битва Регула с Ксантиппом в Первую Пуническую войну (Polyb. I. 33. 9) свидетельствует, что римляне использовали «классическую» тактику манипулярного легиона и были разбиты - главным образом, конечно, потому, что во главе карфагенской армии стоял профессионал высшей военной пробы – спартанский «кондотьер» Ксантипп, а во главе римской – консул Регул, который стал главнокомандующим во многом благодаря случайностям выборов.

Во Вторую Пуническую войну мы видим, что победу над Ганнибалом одерживает Публий Корнелий Сципион Младший, до того много лет прошедший главнокомандующим в Испании, где он приобрел более чем достаточный опыт. В самой Италии Ганнибал, по сути, не потерпел ни одного настоящего поражения в «правильном» полевым сражении. Но его противниками и не являлись настоящие полководцы: Ганнибала, скорее, «выдавили» из Италии, используя огромное численное превосходство. В битве при Каннах римское командование, учитывая предыдущие поражения, решило добиться победы прорывом фронта противника, сильно углубив строй и сократив интервалы между манипулами (Polyb. III. 113. 3). Нет особых оснований обвинять Варрона в легкомыслии и противопоставлять ему Эмилия Павла. Единственный способ решить исход войны в одном сражении, учитывая качества римской пехоты, был именно таким. Римский легионер того времени не был приучен совершать слишком сложные маневры: он умел двигаться вперед или назад, либо стойко сражаться на месте. Ганнибал противопоставил натиску маневр – и победил. Причем, примени римляне свою обычную тактику ротации подразделений – и это ни к чему бы не привело, поскольку преимущество Ганнибала в легкой пехоте и пельтастах позволяло ему не увязнуть в лабиринте манипул и держать легионы на расстоянии.

Римская легкая пехота качеством по всем статьям уступала карфагенской. Начнем с того, что тогда в Риме настоящей легкой пехоты вообще не существовало. Во всех случаях, которые приводились выше, речь шла о метателях дротиков, копий-*gaesa*, а о лучниках или пращниках вообще не упоминалось. Настоящего боя на расстоянии римская легкая пехота вести вообще не умела. Ливий сообщает нам, рассказывая о сражении при Заме, что Сципион в проходах между манипулами поставил копейщиков, которых в то время называли легковооруженными (Liv. XXX. 33. 3). Историк, очевидно, отличает настоящих легковооруженных времен поздней Республики и ранней Империи от копейщиков III века до н.э.

Во время той же Второй Пунической войны сиракузский тиран Гиерон отправляет в Рим в качестве помощи 1000 лучников и пращников, кото-

рые превосходно действуют против балеарцев и мавров (Liv. XXII. 37. 8). Гай Мамиллий прислал из Сицилии в Италию 3000 пращников и лучников (Liv. XXVII. 38. 12). Иными словами, римляне стали испытывать явную потребность в легкой пехоте, но обнаружилось это не ранее, чем они столкнулись с настоящей профессиональной армией под командованием Ганнибала.

Факт решительного превосходства легкой пехоты противника над аналогичными римскими войсками заставил создать настоящую легкую пехоту – велитов, и начало этой деятельности можно отнести ко времени боев под Капуей (Liv. XXVI. 4; 4. 10). Но создана она была больше для борьбы с конницей и вооружена, опять-таки, дротиками.

Описания войн с Македонией показывают, что македонская легкая пехота сражалась лучше, чем римская, пока дело не доходило до рукопашной (Liv. XLIV. 35. 19). Как кажется, в Италии вообще искусство стрельбы из лука и владения пращей было слабо развито, и римляне здесь не являлись исключением.

Но что бы мы ни говорили о легковооруженных, исход сражения решала тяжелая пехота. И мы видим, что сведения об интервалах в строю становятся все более редкими, они упоминаются как прием для каких-либо особых случаев, как, например, отход назад легковооруженных и конницы (Liv. XXVIII. 14. 3) или для пропуска слонов (Liv. XXX. 33. 1). В остальных случаях используется сплошной фронт без интервалов, иначе было бы трудно объяснить, как гастаты в битве при Заме могли сдержать карфагенский натиск, когда принципы и триарии были выведены Сципионом на фланги (Liv. XXX. 34. 11). О сплошном строе есть и другие свидетельства (Liv. XXIX. 2. 7). Можно сказать, что в сражениях с противниками-италиками, применявшими комбинированные порядки, манипулярная тактика оказалась универсальным средством для достижения постоянных побед. Но в столкновениях с фалангой, прикрываемой действиями настоящей легкой пехоты, лучшим построением явился сплошной фронт без интервалов.

Вообще надо заметить, что сам по себе боевой порядок играет по отношению к замыслу полководца подчиненную роль. Так, например, галлы и кельтиберы, которых римские легионеры много раз побеждали, Ганнибалом против тех же легионов используются вполне успешно. Вопрос в том, как они используются.

Интересный пример дают сражения римлян с фалангой македонян. В битве при Киноскефалах двадцать манипулов под командой одного из трибунов совершают не предусмотренный противником маневр, зайдя в тыл побеждающей части фаланги, что и принесло победу. В битве при Пидне римляне победили фалангу, вклиниваясь отдельными подразделениями в ее ряды, используя образовавшиеся в македонском строе промежутки (Liv. XLIV. 41. 6-9). Возможно, что атака клиньями, скорее всего, примененная здесь, и сама создавала подобные разрывы, куда немедленно врывались легионеры. Ливий специально оговаривает, что римляне проиграли бы бой,

если бы единым строем пошли в бой на фалангу (там же). В этом сражении Эмилий Павел отошел от уже вроде бы утвердившейся схемы, что с хорошо подготовленной фалангой надо сражаться сплошным фронтом, и применил старую тактику битвы отдельными манипулами.

Итак, одним из видов боя, часто применявшимся в римской армии, было сражение изолированными центуриями или манипулами, находившимися только в тактической, но не в физической связи друг с другом. Нетрудно представить себе, какими качествами должен обладать воин, чтобы не поддаться панике и не отступить, оставшись в составе небольшого подразделения в полуокружении или даже в полном, и продолжать твердо стоять на месте, сражаясь с противником. Что заставляло – или помогало – это делать? Конечно, в первую очередь – вся система римской идеологии, традиции полисного воспитания, где приоритеты гражданской доблести и дисциплины всегда стояли на первом месте. Но, кроме того, очевидно, и система военной организации, в том числе, и такая ее сторона, как комплектование.

Мы видим в легионе особое подразделение – когорту, являвшуюся традиционной для Италии, но в Риме изменившую свой характер. Римская когорта не позднее III в. до н.э. стала объединять в своих рядах и гастатов, и принципов, и триариев с приданными каждому манипулу или центурии велитами. Она насчитывала 420 бойцов и находилась под командованием военного трибуна. Причем мы совершенно не замечаем, что эти когорты могут действовать самостоятельно. Очевидно, речь должна идти о таком комплектовании, когда когорты набираются по территориальному принципу и состоят из соседей-граждан, прекрасно знающих друг друга⁷⁹. Интересно, что после набора войска и распределения по центуриям легионеры, входящие в одну центурию, добровольно клялись друг другу, что ничто не заставит их покинуть строй (Liv. XXII. 38. 4). Очень важно то, что они приносят клятву именно друг другу – и только со Второй Пунической войны стали приносить ее еще и консулу.

Каждый римский легионер знал свое место в легионе, когорте и манипуле (Liv. XXII. 5. 7). Именно эта спайка, порожденная воспитанием, близким знакомством и клятвой, принесенной друг другу, не позволяла манипулу принципом не прийти на помощь гастатам, триариям не поддержать антепиланов. И действительно, когда Ливий описывает сражение полуокруженного отряда, он сетует не на то, что тот оказался в столь невыгодном и опасном положении, а лишь на то, что помощь пришла слишком поздно (Liv. X. 5. 8).

Возражения, что войско распускалось каждый раз до нового весеннего набора и поэтому бойцы вновь набранных центурий могли быть мало знакомы, несущественны. При территориальном принципе комплектования соседи все равно попадут в одну когорту, приток новобранцев незначителен

⁷⁹ Одно из значений слова *co-hors* – огороженное место, двор.

(при приросте населения в 10 - 20 промилле – а это немало – новобранцев в легионе численностью в 5000 человек должно быть не больше 25 – 50 человек ежегодно, что не представляется существенным), и легионеры только переходят из одного возрастного класса в другой.

Кроме того, в римской армии были и настоящие профессиональные командные кадры. Речь идет, конечно, о центурионах. Так, упоминаемый Ливием некий Секст Туллий в седьмой раз к описываемому моменту – 358 г. до н.э. - становился примипилом (Liv. VII. 13. 1). Повествуя о событиях Латинской войны, наш автор сообщает, что римский центурион и его латинский визави хорошо знали друг друга, поскольку всегда возглавляли равнозначные подразделения (Liv. VII. 8. 17).

Ясно, что центурионы в римской армии являлись костяком всего боевого порядка. Они, в отличие от командиров более высоких рангов, ставших таковыми в результате гражданских выборов, знали все тонкости боевых приемов. Не случайно именно центуриона Квинта Статория оставляет Сципион у нумидийского царя Сифака, чтобы тот учил его солдат всем римским военным премудростям (Liv. XXIV. 48. 11), в частности, распределять всадников по турмам, а пехотинцев по когортам (Liv. XXX. 11. 9). Роль центурионов была велика, и заключалась она в том, чтобы исполнять все маневры со сменой и отступлением центурий и манипулов в разных местах боевого строя. Вполне понятно, что в сражении у Тразименского озера, как сообщает Полибий, из-за стремительного нападения карфагенян во многих пунктах центурионы и трибуны не только не могли подать помощь там, где она требовалась, но даже не понимали, что делается (Polyb. III. 84. 2). Характерно, что легаты Полибием здесь даже не упоминаются.

Роль полководца заключалась в определении общей установки на сражение, он также намечал направление главного удара, куда он вел резервы, очень часто конницу. Все остальное ложилось на плечи центурионов и, может быть, военных трибунов - вплоть, возможно, до определения глубины и ширины строя своей центурии и манипула (по крайней мере, в Спарте полемархи обладали такими полномочиями - Thuc. V. 68. 3). К тому же надо заметить, что, если бы нормальное консульское войско управлялось из одного центра, то полководцу приходилось держать в поле зрения свыше сотни мелких подразделений, что возможно только на параде, когда все управляются одной командой, но никак не в суматохе и шуме сражения.

Итак, можно подвести некоторые итоги. С царской эпохи своей истории и до III в. до н.э. римская военная организация прошла долгий и сложный путь развития. Начавшая развиваться в русле античной полисной традиции, она постепенно во многом отошла от нее и вылилась в оригинальную и самобытную систему, не имевшую аналогов нигде в древнем мире. Господство аристократической конницы на полях сражений не позднее VI в. до н.э. было несколько поколеблено развившейся фалангой. Но она так и не стала ударной силой римской армии, по крайней мере такой, как в полисах Древней Греции. Особенностью римского военного искусства было то, что

оно с самого начала развивалось в непрерывном взаимодействии с военными системами этрусков и италиков, которые серьезно на него повлияли. Кроме того, на формирование и боевые приемы римской армии огромное воздействие оказали те внешнеполитические (завоевательные) задачи, которые ставил перед собой римский полис. В результате фаланга, начиная уже с V в. до н.э., действует в контакте с другими формированиями. Как итог возникает тактика манипулярного легиона, где основная тяжесть боя лежит на передовых бойцах-негоплитах, а в эпоху V-IV вв. до н.э. и на коннице. Фаланга находится в последней боевой линии в качестве страхующего элемента и резерва. В конце V в. до н.э. был сделан первый значительный шаг на пути окончательного разрыва с традициями классической фаланги, во второй половине IV в. до н.э. оформились основные принципы манипулярного легиона, к концу III в. до н.э. он окончательно сформировался. В результате Рим получил армию, которая одинаково успешно действовала как на ровной, так и на пересеченной местности, могла сражаться как сомкнутым, так и разомкнутым строем, а под руководством опытных и талантливых командиров – побеждать сильнейшие армии своего времени.

I.M.Bezruchenko
**The Evolution of the Roman Legion Tactics
in the 6th – 3rd Centuries BC
(Phalanx and Maniple Order)**

From the Kings' times till the 3rd century BC the Roman military organization underwent continuous and complex change. Born within the frames of the ancient *polis* tradition it gradually deviated from the latter and developed into a very special and peculiar system that had no analog in the ancient world.

The aristocratic cavalry used to dominate on the battlefields till the 6th century BC, but then the forming phalanx came to its place to some extent. However it never became the main force of the Roman army, as it was in ancient Greek *poleis*. The constant cooperation with the influential military systems of Etruscians and Italics was special about the development of the Roman military art. Besides, the aggressive aims of the Roman *civitas* influenced the formation of the tactics of the Roman army. The phalanx interacted with other detachments from the 5th century BC. Thus the tactics of the maniple legion appeared.

In this order the advanced warriors with non-*hoplite* armor (and the cavalry in the 5th – 4th centuries) bore the brunt of the fight. The phalanx was the last line, the secure element and reserve. The first important step to break with the classical phalanx traditions was made in the end of the 5th century BC; the main principles of the maniple legion developed in the second half of the 4th century BC; and it was by the end of the 3rd century BC when the legion actually formed.

As a result, Rome got an army that acted successfully both on the smooth and broken ground, was able to fight both in joined and split groups. Under the guidance of the experienced and talented generals it could defeat the strongest armies of that time.

М.Ф.Высокий
**Греческие полисы Сицилии
в период архаики и ранней классики:
основные тенденции и средства проведения
внешней политики**

Международные отношения, - а в случае изучения взаимоотношений между этнически идентичными греческими полисами мы имеем дело, фактически, главным образом с межгосударственными отношениями - это тот сегмент истории того или иного греческого государственного образования, который известен нам лучше других. Более того, для эпохи архаики это зачастую единственное, что нам известно из письменных источников. Не является исключением и Сицилия, история которой в период архаики и ранней классики освещена главным образом через призму отношений между греческими полисами и их внешней политики.

Период истории Сицилии, который стал объектом исследования в данной статье, интересен в первую очередь тем, что именно на него приходятся основные фазы формирования и развития государственных образований на острове: возникновение и развитие полисов, формирование мощных территориальных государств, их расцвет под эгидой тирании, фактический раздел территории острова на сферы влияния, и, наконец, утверждение пансицилийской гегемонии Сиракуз.

Однако прежде всего хотелось бы отметить, что за рамками данной работы автор сознательно оставляет взаимоотношения греческих полисов с Карфагеном. Данная тема, требующая отдельного рассмотрения, уже стала предметом исследования ряда историков¹, в работах которых данный материал изучен достаточно полно.

* * *

Возникновение основных направлений межгосударственных отношений на Сицилии смело можно датировать эпохой колонизации - концом VIII в. до н.э. Уже в этот период стратегическим вектором развития внешнеполитических устремлений греческих полисов на острове стало расши-

¹ См., например, Merante V. Sui rapporti greco-punici nel Mediterraneo occidentale nel VI sec. a.C. // Kokalos. 1970. Т. XVI.; Manni E. Tra Mozia ed Imera // Melanges d'archeologie et d'histoire offerts a Andre Piganiol. P., 1966; Hans L.-M. Karthago und Sicilien. Hildesheim - Zürich - New York, 1983. Автор данной статьи также обращался к исследованию некоторых спорных аспектов этой темы: Высокий М.Ф. Бык Фалариса Акрагантского: истоки происхождения легенды // ПИФК. 1996. № 3. Ч.1; он же. Эллинской вольности став помощью в славной борьбе (битва при Гимере в 480 г. до н.э.) // Античность и средневековье Европы. Вып. 3. Пермь, 1996.

рение их территории и установление контроля над максимальным количеством земель. В результате одной из основных составляющих межгосударственных отношений явился конфликт между полисами в местах соприкосновения их границ, борьба за контроль над территориями. Основной ареной подобных столкновений выступила восточная Сицилия - район, в котором возникли и расцвели первые колонии и где плодородные земли были поделены между ними уже к концу VII в. до н.э. Первый известный нам пример подобного рода, который можно считать наиболее ранним известием о межгосударственных отношениях на Сицилии вообще, относится к 728 г. до н.э., когда халкидяне из Наксоса во главе с ойкистом Феоклом выбили из Леонтин дорийцев-сиракузян, обосновавшихся там ранее². Другой сходный эпизод относится к 609/8 г. до н.э. и связан с войной между Мегарами Гиблейскими и Леонтинами вследствие конфликта из-за приграничных территорий (Polyaen. V. 47).

Уже к середине VI в. до н.э. межгосударственные отношения на острове представлены во всем многообразии. Формирующиеся греческие территориальные государства образуют разнообразные альянсы с целью подчинить своему влиянию, прямому или косвенному, непосредственных соседей. Возникающие союзы имеют в своей основе в первую очередь принцип географической близости и вытекающую из него общность интересов³, а сами межгосударственные отношения носят характер региональных, не выходящих за пределы отдельных районов острова. Так, в 552 г. до н.э. союз полисов центральной части восточной Сицилии - Сиракуз, Мегар Гиблейских и Энны - противостоял альянсу колоний юго-восточной Сицилии Камарины и Гелы с расположенными там же городками сицилийских аборигенов сикулов (Philist. FGrH. 556 F 5).

В конце VI - начале V в. до н.э. происходят разительные перемены. С возникновением тирании и активизацией экспансионистской политики тиранов под эгидой тирании быстро формируются новые мощные терри-

² Подробнее см. Высокий М.Ф. К вопросу о греческой колонизации Сицилии // Античность: политика и культура. Казань, 1998.

³ А.Грейем, например, подчеркивает этнический характер подобных союзов в VI в., считая халкидские полисы Сицилии и Южной Италии инициаторами в создании межполисных союзов (Graham A.J. The Western Greeks // CAH. Ed. II. 1982. Vol. III. P.189-196). К аналогичному выводу о подоплеке возникающих в VI - сер. V вв. альянсов (противоборство халкидян и дорийцев) склоняется и Э.Сьеквист (Sjoqvist E. Sicily and the Greeks. Ann Arbor, 1973. P. 47-48). Дж.Пульезе Каррателли, напротив, видит основную причину межполисных конфликтов в усилении торговой конкуренции (Pugliese Carratelli G. La Sicilia nel VI secolo a.C. // Architettura e urbanistica nella Sicilia greca arcaica. Palermo, 1994. P.13). Вообще, большинство исследователей придерживаются мнения, что в данном случае следует говорить не об этнической конфронтации, а о конфликте интересов, политических и экономических (см., например, обобщающую статью: Pugliese Carratelli G. An Outline of the Political History of the Greeks in the West // The Western Greeks. Classical Civilization in the Western Mediterranean. L., 1996. P. 154).

ториальные государства общесицилийского масштаба. На базе этих государственных образований существовавшие ранее альянсы трансформируются в достаточно устойчивые военно-политические объединения: блок Анаксилая, тирана Регия и Занклы, и Терилла, тирана Гимеры, противостоят блоку Гелона Дейноменида, тирана Гелы и Сиракуз, и Ферона Эмменида, тирана Акраганта. Противостояние этих двух альянсов определяет новую тенденцию в межгосударственных отношениях, возникшую в данный период - стремление к достижению панрегиональной гегемонии.

После 480 г. до н.э. данное противостояние завершилось убедительной победой союза Гелона - Ферона (блок Анаксилая - Терилла принял сторону Карфагена в греко-карфагенском конфликте и после поражения пунийских войск практически сошел с политической сцены). В результате сформировалась своеобразная система гегемонии, которую можно определить как «дуальную»: весь остров фактически был поделен на две равноправные сферы влияния. Его восточная часть находилась под непосредственным контролем Дейноменидов (со столицей в Сиракузах), а западная - под контролем акрагантских Эмменидов.

Однако гегемонистские устремления бывших союзников привели к открытому военному столкновению между ними. Эммениды терпят поражение в войне, и в результате на острове со второй четверти V в. до н.э. устанавливается гегемония сиракузской династии Дейноменидов. Этот период можно считать ключевым для всей дальнейшей истории греческой Сицилии. Несмотря на скорое свержение тирании, установление демократического правления и последующий распад крупных территориальных государств, созданных под эгидой тирании, на отдельные независимые полисы, Сиракузы в течение еще 200 лет оставались признанной «столицей» Сицилии, главным и самым мощным полисом на острове.

* * *

Одним из неотъемлемых элементов внешней политики античных государств являются межгосударственные договоры. К сожалению, для рассматриваемого периода истории Сицилии до нас дошла информация лишь о незначительном количестве таких соглашений. Тем не менее, и это количество дает возможность выявить некоторые типологические особенности внешней политики сицилийских полисов.

Безусловно, одним из самых распространенных типов договоров является договор, закрепляющий отношения государств после военного столкновения. Таким является соглашение, заключенное в 491 г. до н.э. между Гиппократом, тираном Гелы, и Сиракузами, после того, как Гиппократ наголову разбил сиракузское войско в битве при Гелоре, однако не смог взять Сиракузы (Her.VII. 154; Diod. X. 28. 1). В результате был заключен договор, в соответствии с которым Гиппократ отпускал всех плен-

ных сиракузян, приобретая взамен всю Камаринскую область, входившую ранее в состав территории Сиракуз (Her.VII. 154. 3; Thuc. VI. 5. 3; Philist. FGrH 556. F 15). Иными словами, Гиппократ получил значительный выкуп с проигравшей стороны в качестве контрибуции и платы за возвращение пленных граждан полиса. Видимо, подобные условия при заключении мирных договоров стали традиционными на острове уже к началу V в. до н.э. Так, аналогичный договор был заключен Гиппократом в 494 г. до н.э., когда он во время войны Занклы с выходцами с Самоса фактически поддерживал самосцев, пленив войско занклейцев. И хотя самосцы закрепились в Занкле, они не могли (да, видимо, и не хотели) противостоять мощному войску Гиппократа. В результате был заключен договор, в соответствии с которым Гиппократ выдавал самосцам 300 знатнейших занклейцев, а взамен получал от самосцев половину всей домашней утвари и рабов в Занкле, а также весь урожай с полей (Her. VI. 23).

Вероятно, к этому типу соглашений следует отнести и договор Ферона, тирана Акраганта, с Селинунтом в 480 г. до н.э. Селинунт поддерживал карфагенян в их экспедиции на Сицилию (Diod. XI. 21. 4-5; XIII. 55. 1), а Ферон был союзником победителя карфагенян в битве при Гимере тирана Сиракуз Гелона и сам с войском Акраганта принимал непосредственное участие в битве (Diod. XI. 20. 5; Polyae. I. 28. 1). После поражения карфагенян Ферон, видимо, получил право самому решать вопрос об условиях мира с Селинунтом, поскольку данный полис находился в его сфере влияния. Поэтому Ферон, на правах победителя, аннексировал Миною (FGrH 532 F 30), ближайшую к Акраганту прибрежную часть территории Селинунта (Her.V. 46).

По всей видимости, к подобному виду договоров относится и соглашение 472 г. до н.э. между Гиероном, тираном Сиракуз, и Акрагантом: Фрасидей, тиран Акраганта, начал войну против Гиерона, но в сражении был разбит и вскоре свергнут; акрагантяне, установив демократию, направили послов к Гиерону и заключили мирный договор (Diod. XI. 53. 3-5). Условия этого мира нам не известны - видимо, Акрагант признал гегемонию Сиракуз на острове. Однако непосредственной платой за мир со стороны Акраганта стала Гимера, которая, будучи до того составной частью территории Акраганта, полностью перешла под контроль Сиракуз⁴.

Особняком стоит договор, сохранившийся в эпитафическом варианте и заключенный ок. 499/498 г. до н.э. между тираном Гелы из династии Пантаридов (скорее всего, Гиппократом) и Скифом, закрепившемся в

⁴ Об этом свидетельствуют появление ок. 470 г. до н.э. на аверсе монет Гимеры квадриги сиракузского типа и эволюция монетной системы Гимеры от акрагантской лидрахмы к сиракузской тетрадрахме (Kraay C.M. *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley - Los Angeles, 1976. P. 215).

Занкле с помощью этого тирана⁵. Особенность данного соглашения состоит в том, что формально Занкла вошла в состав гелойского государства⁶, однако фактически полис во главе с тираном Скифом был независим. Точную формулировку договора выделить невозможно, поскольку надпись очень фрагментирована, однако можно понять, что это соглашение о военном союзе, в соответствии с которым Занкла получает военную помощь против агрессора: [- - - -] I ἐλόν[τ]ον γᾶν τας [- - - -] [- - - - βια]ζόμενος ικεθε<ι>ε [- - - -] [- - - - πο]λεμῖος βλεθῆναι [- - - -] [- - - - Δά]υκλεν κ[α]ὶ τὸν Δα[υκλαῖον - -] [- - τοῖς] συμά[χ]οις НОΣ [- - - - -]⁷. Обычно с полисами, входившими в состав крупных территориальных государств в конце VI - перв. пол. V в. до н.э. главным образом в результате завоевания, не заключалось никакого договора, и появление подобного государственно-правового документа в случае с Занклой следует объяснить особенностями конкретной политической ситуации.

При изучении межгосударственных соглашений военно-политического характера на Сицилии достаточно четко прослеживается карфагенское влияние. Так, ок. 481 г. до н.э. тиран Регия Анаксилай вместе со своим зятем и союзником, тираном Гимеры Териллом, заключил соглашение с Карфагеном о совместных военных действиях на Сицилии против Гелона Сиракузского и его партнера, тирана Акраганта Ферона, причем Анаксилай отдал в заложники карфагенянам своих детей (Her. VII. 165). Подобная политическая практика - предоставление близких родственников правителей в качестве обеспечения договоренностей - характерна для Ближнего Востока, и, по всей видимости, активно использовалась Карфагеном, будучи заимствована из дипломатического арсенала его метрополии - Тира. Например, уже значительно позже основания Карфагена, во второй половине VII в. до н.э., царь Тира Ваал прислал в своего сына Яхимильки ко двору ассирийского царя в качестве заложника⁸.

⁵ Обоснование подобной трактовки надписи и описание сопутствующих событий см. в: Высокий М.Ф. К вопросу о тирании Скифа и Кадма в Занкле // ПИФК. 1997. № 4. Ч.1.

⁶ Это подтверждает надпись на посвящении, найденном в Олимпии и датированном началом V в. до н.э.: Διὶ Ῥεῦῖνοι Γελαῖον (Arena R. *Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia*. Vol. III. *Iscrizioni delle colonie euboiche*. Pisa, 1994. № 60). У нас нет информации о какой-либо войне Регия и Гелы в рассматриваемый период. Единственной военной акцией Регия, в которой его противником, хоть и опосредованно, была Гела,- это захват Занклы самосцами с помощью регийцев в 494 г. до н.э. (Her. VI. 23). Однако и в этом случае прямого военного столкновения Регия с Гелой не было, победа была одержана над Занклой. Поэтому кажется резонным предположить, что победа над Гелой была формальной, т.е. Занкла во главе со Скифом *de jure* находилась в составе гелойского государства.

⁷ Dubois L. *Inscriptions grecques dialectales de Sicile*. Rome, 1989. № 3.

⁸ Цилиндр Рассама. II. 86, 93-94 - см. в: Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987. С. 155.

Другой пример карфагенского воздействия на дипломатию сицилийских греков - это наличие особых религиозно-культурных условий в военно-политических соглашениях. При заключении мирного договора с Карфагеном в 480 г. до н.э., после разгрома карфагенских войск у Гимеры, тиран Сиракуз Гелон особо подчеркнул, что карфагеняне должны прекратить приносить детей в жертву Кроносу (т.е. Баал-Хаммону) (Theofrast. apud Schol. Pind. Pyth. II. 2; Plut. Dict. reg. et duc. XVIII. 1). Подобные условия религиозно-культурного характера не прослеживаются в политических договорах, заключавшихся греками на протяжении всего периода архаики и ранней классики.⁹ Их появление на Сицилии, видимо, тоже следует объяснять карфагенским влиянием, и включение подобного пункта в договор имело четко выраженное политическое звучание, поскольку являлось символом политического превосходства победившей стороны. Подтверждение этому мы находим в сицилийской истории середины VI в. до н.э., когда Фаларид, тиран Акраганта, потерпевший поражение в войне с карфагенским полководцем Малхом, был вынужден ввести в своем полисе культ Баал-Хаммона, отождествляемого с бронзовым быком¹⁰.

В качестве особого типа межгосударственных договоров можно выделить соглашения о взаимном принятии изгнанников. Прежде всего, к данному типу относится договор между Селинунтом и Мегарами, датированный последними годами VI в. до н.э.¹¹ К сожалению, текст договора

⁹ См. StV. Bd. II.

¹⁰ Подробнее см. в: Высокий. Бык Фалариса Акрагантского...

¹¹ Dubois. Op. cit. № 28. В недавно опубликованной работе Л.А.Пальцевой (Пальцева Л.И. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колении. СПб., 1999), автор рассматривает данную надпись и вслед за ее первым публикатором Г.Релем склоняется к мнению, что она представляет собой договор между Селинунтом и Мегарами Нисейскими (С. 144-145). Единственным аргументом, подтверждающим, с точки зрения Л.А.Пальцевой, данную гипотезу, является упоминание в тексте надписи топонима Мегарида, который не применялся к области Мегар Гиблейских, а характерен для названия области Мегар Нисейских (С. 267). Если предположить, что Л.А.Пальцева права, и упоминаемый действительно термин является топонимом, то следует подчеркнуть, что для Сицилии вообще характерно использование топонимов метрополии в колониях (так, например, акрополь Гелы, родосско-критской колонии, назывался Линдом, в честь Линда, полиса на Родосе, - Thuc. VI. 4. 3; на территории Акраганта, гелойско-родосской колонии, была гора Атабирион, названная так в честь священной горы Атабирион на Родосе, - Tim. apud Schol. Pind. Ol. VII. 159g; 160c). А тот факт, что топоним Мегарида не известен для территории Мегар Гиблейских, следует объяснить тем, что Мегары Гиблейские прекратили свое существование как независимый полис очень рано, в 483/482 г. до н.э.; их население было изгнано, местная традиция была утрачена, и эти локальные данные просто не сохранились. Однако есть большие сомнения в том, что упоминаемое Л.А.Пальцевой слово из надписи является топонимом. Данный термин [Μεγ]υαρίδος (fr. A, v. 1) является единственным сохранившимся в строке словом и полностью лишен контекста. С чисто же филологической точки зрения возможны две трактовки данного термина: либо это ген. топонима Μεγαρίς, ἰδος «Мегарида», либо это ген. прилагательного Μεγαρίς, ἰδος «мегарская» (см. Дворецкий И.Х. Древнегрече-

сильно фрагментирован, поэтому его основное содержание мы можем представить только приблизительно. Итак, изгнанники из полиса (φευγόν[τ-]) вместе с членами семей (οἰοί), потерявшие свое имущество (χρέ)ματα δαψε[ύετο), видимо, вследствие изгнания, находят приют в другом полисе (κ)ομίεσθo). Причем эти условия относятся к обоим полисам-участникам договора (ἐκάτεροι ἃ πό[λι]ς). Содержание договора данного типа можно уточнить на основании декрета из Гимеры, датированного также концом VI - началом V в. до н.э., в котором сообщается о принятии гимерцами в состав гражданского коллектива большой группы изгнанников из Занклы.¹² Так, была создана отдельная фила занклейцев ((φύ)λα Δαικλαία ποιέσαι), каждый из изгнанников получил участок земли под дом (ἔκαστον ἐποίκ[ου λαβ]ῆεν τὸν ἐμισχοί[νον ἐν μ]εῖδ(ν) τὸν οἰκοπέδον) и надел (μ(ο)ίρ[ας]), для чего был проведен общий передел земель (γέεε ἀναδαίθμῶ). Судя по содержанию данного декрета, можно предположить, что между полисами ранее существовал договор, аналогичный договору Селинунта и Мегар, в котором прописывались все права изгнанников. На эту мысль наводят прежде всего те беспрецедентно широкие права, которые получили изгнанники-занклейцы.

Однако следует оговориться, что, судя по всему, подобный тип договоров на Сицилии существовал только во взаимоотношениях «родственных» полисов, прежде всего метрополий и их колоний. Так, Селинунт был колонией Мегар Гиблейских, основанной в 627/650 г. до н.э. (Thuc. VI. 4. 2; Diod. XIII. 59. 4), а Гимера было основана колонистами из Занклы совместно с изгнанниками из Сиракуз ок. 648 г. до н.э. (Thuc. VI. 5. 1; Diod. XIII. 62. 4).

С повсеместным установлением тираний в греческих полисах острова и возникновением крупных территориальных государств с тиранической формой правления на Сицилии создались новые политические реалии. Это привело к появлению своеобразные межгосударственных договоров, новации в содержании которых обусловлены прежде всего сиюминутными политическими интересами в значительно усложнившейся обстановке.

Первым таким договором можно считать соглашение, которое тиран Сиракуз Гелон после победы при Гимере в 480 г. до н.э. заключил с грека-

ско-русский словарь. М., 1958. Т. II. С.1060). Учитывая общий контекст надписи, оба варианта вполне равнозначны, так что версия Л.А.Пальцевой вызывает серьезные сомнения. В заключение отметим, что существование подобного договора между колонией и метрополией (Селинунтом и Мегарами Гиблейскими) вполне обоснованно и имеет прямую параллель во взаимоотношениях практически в тот же период Гимеры и ее метрополии Занклы.

¹² Brugnone A. Considerazioni sulla legge arcaica di Himera relativa a un *ghes anadamos* // XI International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Preatti. Roma, 1997. P. 27-31.

ми - союзниками Карфагена: Селинунтом (Diod. XIII. 55. 1) и Анаксилаем, тираном Регия (Her. VII. 165). Условия договора были весьма мягкими для побежденных. Во-первых, это было обусловлено тем, что они не приняли непосредственного участия в сражении (Анаксилай войска вообще не прислал, а селинунты не успели к битве - Diod. XIII. 55. 1; XI. 21. 4-5), а во-вторых (и это главное), Гелону нужен был надежный тыл, поскольку он собирался направить крупную военную экспедицию в Элладу на помощь грекам против персов¹³. Итак, в соответствии с договором и Анаксилай, и Селинунт получили статус союзников, но при этом признали гегемонию Сиракуз (Diod. XI. 26. 1). Прежде всего это касалось Анаксилая, давнего противника Гелона, союз с которым был закреплен браком между братом Гелона, тираном Гелы Гиероном, и дочерью Анаксилая (Schol. Pind. Puth. I. 112). Столь мягкие условия договора впоследствии расценивались как великое благодеяние для Анаксилая (Diod. XI. 66. 1). Селинунт же находился в сфере влияния союзника Гелона, тирана Акраганта Ферона, и в договоре с этим полисом были в большей степени учтены интересы именно Акраганта: судя по всему, в соответствии с сицилийской традицией соглашений подобного рода, Акраганту была передана область Минои (FGrH. 532. F 30), ранее входившей в состав территории Селинунта (Her. V. 46).

Другим подобным договором является соглашение 476 г. до н.э. Гиерона, тирана Сиракуз, и Ферона, тирана Акраганта, которое явилось результатом первого открытого столкновения двух некогда союзных государств в борьбе за панрегиональную гегемонию. Краткая предыстория его такова¹⁴. В 476 г. до н.э. обострился конфликт между Гиероном, тираном Сиракуз, и его братом Полизелом, командующим войсками Сиракуз. Полизел был женат на Дамарете, дочери Ферона, а сам Ферон - на дочери Полизела, и при обострении конфликта Ферон поддержал Полизела, будучи заинтересован в том, чтобы посадить на трон в Сиракузах дружественного себе тирана. В результате развития конфликта Полизел бежал к Ферону, и тиран Акраганта начал открытые военные действия против Сиракуз. Благодаря дипломатическим усилиям поэта Симонида Кеосского оба войска уклонились от сражения, и был заключен мир. Столь сложные политические коллизии, а также тот факт, что формального победителя в войне не было, предопределили условия договора. Стороны пошли на взаимные уступки: Ферон согласился на возвращение Полизела в Сиракузы

¹³ После битвы при Гимере Гелон был готов направить сиракузские войска на помощь грекам против Ксеркса, но его остановил посланец из Коринфа, принесший известие о битве у Саламина и отступлении Ксеркса (Diod. XI. 26. 4-5).

¹⁴ Подробное рассмотрение данных событий с цитированием источников см. в: Высокий М.Ф. Схолии к Пиндару как исторический источник по истории сицилийской тирании: перевод и комментарии // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 27-33.

при условии гарантий его безопасности (Diod. XI. 48. 5-6), а Гиерон выдал Ферону представителей мощной оппозиции династии Эмменидов в подвластной Акраганту Гимере (Diod. XI. 48. 7-8; Schol. Pind. Ol. II. 29 c). Таким образом, был сохранен *status quo*, и это, по всей видимости, и являлось основной целью и содержанием данного договора.

* * *

Одним из основных средств формирования и развития межгосударственных отношений всегда была дипломатия. Практически вся информация о тех или иных аспектах дипломатической деятельности на Сицилии в рассматриваемый период относится ко времени расцвета тирании на острове, т.е. к первой пол. V в. до н.э., но этот материал позволяет выявить основные тенденции и направления развития дипломатии как инструмента внешней политики сицилийских греков в целом.

Прежде всего, следует выделить такой достаточно традиционный для греческого общества вид дипломатической деятельности, как так называемая непосредственная дипломатия, когда основной субъект переговоров (обычно - глава государства) принимает в них личное участие. Примером тому служат события 480 г. до н.э., когда греки из Эллады, сколачивая союз против персидской опасности (Her. VII. 145), прислали посольство к Гелону в Сиракузы, и Гелон сам вел все переговоры (Her. VII. 157-162; Diod. X. 33; Polyb. XII. 26 b). Однако для сицилийской дипломатической практики подобный метод ведения переговоров достаточно редок; чаще встречается использование правителем для ведения непосредственного диалога доверенных лиц. В первую очередь речь идет о приближенных правителя, выполняющих те или иные дипломатические поручения. Так, в 480 г. до н.э. Гелон доверил своему приближенному Кадму¹⁵ сложнейшую дипломатическую миссию - в случае победы персов над греками провести переговоры с Ксерксом для предотвращения нашествия персов на Сицилию. Для этого следовало признать суверенитет Ксеркса над государством Гелона, передав ему землю и воду от полисов Сицилии, а также большой объем золота, видимо, в качестве авансированной выплаты дани (Her. VII. 163). Другой пример подобной дипломатической деятельности относится к 476 г. до н.э., когда Гиерон вмешался в ход войны Регия с Локрами Эпизефирийскими: Регий под руководством тирана Анаксилая одерживал победу, однако Гиерону было невыгодно усиление Анаксилая, поскольку последний хоть и был вынужден в 480 г. до н.э. признать гегемонию Сиракуз, мог укрепиться в Италии, возродив таким образом свое могущество. Видимо, этими резонами, а также возможной просьбой локрийцев о помощи продиктованы дальнейшие действия Гиерона. Он посы-

¹⁵ О биографии Кадма, в частности, о событиях 480 г. до н.э., см. в: Высокий. К вопросу о тирании Скифа и Кадма в Занкле. С.105-106.

лает своего родственника и старого соратника полководца Хромия к Анаксилею с предупреждением, что если тот не прекратит войну, то Гиерон сам выступит против Регия (Schol. Pind. Pyth. II 36 c; 38). Тот же Хромий в 474 г. до н.э. выполнял военную и, возможно, дипломатическую миссию в италийских Кумах (Pind. Nem. IX. 40-42; Diod. XI. 51. 2).

Иной, весьма распространенный на Сицилии тип дипломатической деятельности - ведение переговоров через посредников, каковыми выступают главным образом авторитетные политические деятели или влиятельные государства¹⁶. Так, в 491 г. до н.э., когда тиран Гелы Гиппократ осадил Сиракузы, в события вмешались Коринф и Керкира. Они оказали не только военную, но, прежде всего, дипломатическую помощь Сиракузам, приняв активное участие в переговорах с Гиппократом (Her. VII. 154); именно благодаря их усилиям сиракузянам удалось заключить мир на приемлемых условиях. До некоторой степени близкую аналогию представляет собой война 476 г. до н.э. между Гиероном и Фероном (подробнее см. выше). Посредником в переговорах выступил знаменитый поэт Симонид Кеосский, который в то время жил при дворе Гиерона (Ael. IV. 15; Cic. De nat. Deorum. I. 60)¹⁷. Благодаря его переговорам с обоими тиранами был

¹⁶ Подобный тип дипломатии характерен не только для государств с тиранической формой правления, но и для демократических полисов Великой Греции и Сицилии. Один из наиболее ранних примеров этого - найденная в Олимпии надпись второй пол. VI в. до н.э. из Италии, в которой упоминается о посредничестве полководца Посейдона в заключении договора о дружбе между Сибарисом и Сердой (Arena R. *Iscrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia. Iscrizioni delle colonie achee.* Milano, 1996. T. IV. P. 24).

¹⁷ То, что Симонид жил при дворе Гиерона, отнюдь не значит, что он находился на службе у сиракузского тирана. Благодаря своей славе и таланту он всю жизнь был независим, разъезжая по Элладу и подолгу живя у мещанствующих тиранов: в Афинах при Писистратидах, в Краннонах в Фессалии при Скопадах; затем некоторое время странствовал по Греции, оставляя о себе память талантливыми произведениями и высокими гонорарами за них; потом вернулся в Афины, где был на вершине успеха в период греко-персидских войн, будучи другом Фемистокла; и лишь затем Симонид прибыл к Гиерону (см. подробнее в: Molyneux J.M. *Simonides: a Historical Study.* Wauconda, 1992). Для поэтов того времени подобный «кочевой» образ жизни был вполне характерным, и тираны с радостью принимали их при своих дворах. Среди поэтов - современников Симонида, в разное время живших при дворах тиранов, можно назвать Ивика Регийского, Анакреонта, Пиндара, Вакхилида Кеосского, Ласа из Гермियोны (см. подробнее: Гаспаров М.Л. *Древнегреческая хоровая лирика // Пиндар. Вакхилид. Оды, Фрагменты.* М., 1980. С.346-357; Радциг С.И. *История древнегреческой литературы.* М.-Л., 1940. С.115-127). Вообще, при дворе Гиерона жили многие знаменитые поэты и драматурги: Пиндар (Vita Pind.7), Вакхилид Кеосский (Vacc.H. 49), Эпихарм (Marmor Parium. 71), Ксенофан Колофонский (Tim. FGtH 566 F 133), Эсхил (Vita Aesch. 9). Однако большинство из них (Пиндар, Вакхилид, Эсхил) прибыли к Гиерону в 476 г. до н.э. - уже после описываемых событий. Так что к моменту начала войны Сиракуз и Акраганта Симонид был, видимо, наиболее авторитетным деятелем общегреческого масштаба.

достигнут мир на взаимовыгодных условиях (Schol. Pind. Ol. II. 29 c). При чем возможно, что более выгоден он оказался для Ферона - недаром Симонид вскоре после этого перебрался в Акрагант, где и прожил до своей смерти в 468 г. до н.э. (Marmor Parium. 57; Callim. Aet. III).

Отдельным и довольно специфическим видом дипломатической деятельности сицилийских полисов является осуществление политического давления через поддержку оппозиции в другом государстве, что можно расценивать как один из вариантов «тайной дипломатии». Он был весьма эффективным, поскольку нередко позволял достигать существенных политических результатов незначительными средствами. К сожалению, мы имеем мало данных о подобном типе дипломатической деятельности (что вполне естественно), однако, судя по дошедшим сведениям, он активно использовался в межгосударственных отношениях на острове. Наиболее четко это можно проследить на примере отношений Сиракуз и Акраганта в 478-476 гг. до н.э. Ок. 477 г. до н.э. против Ферона подняли мятеж его двоюродные братья, Капус и Гиппократ. В своей борьбе мятежники пользовались поддержкой Гиерона. И хотя Ферон сумел разгромить мятежников, серьезная оппозиция ему, по-прежнему ориентирующаяся на Гиерона, сохранилась в Гимере (см. Schol. Pind. Ol. II. 173 f-g; Diod. XI. 48. 6-8). Ферон, в свою очередь, поддерживал младшего брата Гиерона, Полизела, мужа своей дочери Дамареты, который благодаря своему положению командующего сиракузскими войсками был реальным конкурентом Гиерона в притязаниях на власть. И здесь ситуация была доведена до открытого выступления: Полизел был вынужден бежать к Ферону, официально обратившись к нему за помощью (Schol. Pind. Ol. II. 29 c-d). В результате заключенного вскоре мира произошел своеобразный «обмен» объектами давления: Гиерон выдал Ферону гимерцев, а Ферон возвратил Гиерону Полизела (Schol. Pind. Ol. II. 9 b; Diod. XI. 48). И хотя в данном случае результатом столь активного политического интриганства обоих тиранов стало лишь сохранение *status quo*, подобная методика, по всей видимости, использовалась правителями и в дальнейшем. Так, Гиерон ее применял во взаимоотношениях с государством Анаксилая. После смерти последнего в 476 г. до н.э. к власти в Регии пришел некий Микиф, который стал регентом сыновей Анаксилая. Гиерон же был заинтересован в распространении своего влияния на это государство, прежде всего на Занклу-Мессану, расположенную в Сицилии - давний предмет раздоров между Анаксилаем и Дейноменидами. И в 467 г. до н.э. Гиерон на правах родственника (он был женат на дочери Анаксилая), призвал к себе в Сиракузы сыновей Анаксилая, и приподнося им большие дары, а также напоминая о благодеяниях Гелона их отцу, подстрекал их взять управление государством - прежде всего Занклой - в свои руки. В результате вскоре Микиф был отстранен, а власть перешла к сыновьям Анаксилая (см. Diod. XI. 66. 1-2).

* * *

Немаловажным аспектом межгосударственных отношений на Сицилии периода расцвета тирании (перв. пол. V в. до н.э.) являются династические браки, основной целью которых было закрепление тех или иных соглашений, главным образом политических союзов.

Первым известным нам прецедентом (ок. 485 г. до н.э.) является брак Гиерона, младшего брата нового тирана Сиракуз Гелона, и дочери Никокла Сиракузянина (Philist. apud Schol. Pind. Pyth. I. 112). Этот брак нельзя назвать в полной мере династическим, поскольку невеста происходила из хоть и явно знатного, но не правящего рода. Однако рассматриваемый брачный альянс преследовал практически те же политические цели, что и «классический» династический брак. Гелон, тиран Гелы, добившись господства над Сиракузами и перенеся туда столицу государства (Her. VII. 156), остро нуждался в формировании опоры своей власти в гражданском коллективе Сиракуз. И женитьба его брата Гиерона на представительнице знатного сиракузского рода, надо думать, преследовала цель закрепления союза гелойской династии и влиятельных олигархических слоев в Сиракузах.

На решение сходных задач было направлено и заключение браков сестер Дейноменидов с представителями знати Гелы - Аристоном и Хромием. Оба занимали впоследствии высшие посты в армии Дейноменидов, стали опекунами сына Гелона (а Хромий - и сына Гиерона), а в отсутствие Гелона управляли Гелой (см. Tim. apud Schol. Pind. Nem. IX. 93). Можно с уверенностью сказать, что данные брачные союзы укрепили связи Дейноменидов с могущественными олигархами Гелы.

И в дальнейшем династические браки точно соответствовали своему политическому предназначению в межгосударственных отношениях. На вторую половину 480-х гг. приходится период формирования конкурирующих блоков тиранических государств Сицилии; династические браки «оформляли» создание таких коалиций. Так, союз Анаксилая и Терилла был закреплен бракосочетанием Анаксилая с дочерью Терилла Кидиппой (Her. VII. 165). А союз Гелона и Ферона был закреплен «перекрестным» династическим альянсом: Гелон женился на дочери Ферона Дамарете, а Ферон взял в жены дочь младшего брата Гелона, Полизела (Tim. apud Schol. Pind. Ol. II. Inscr. II. 9 b; d).

Сложившуюся после победы над Карфагеном в 480 г. до н.э. новую политическую ситуацию сицилийские правители также постарались закрепить династическим браком. Подтверждением подчинения Анаксилая, тирана Регия и Занклы-Мессаны, влиянию союзников-победителей (прежде всего Гелона Сиракузского) и гарантией союзнических обязательств Анаксилая в отношении Гелона стал брак младшего брата Гелона, Гиерона, и дочери Анаксилая (Schol. Pind. Pyth. I. 112).

После смерти Гелона в 478 г. до н.э. в соответствии с его политическим завещанием вдова Гелона, дочь Ферона Дамарета с согласия отца вышла замуж за младшего из братьев, Поллизела (Tim. apud Schol. Pind. Ol. II. 29 a-d). С точки зрения межгосударственных отношений данный брак еще раз закреплял союзнический статус отношений двух стратегических партнеров на политической арене Сицилии¹⁸. Однако их сотрудничество вскоре переросло в острый конфликт, который удалось предотвратить не в последнюю очередь опять-таки благодаря династическому браку как основной гарантии мирного соглашения: Гиерон женился на двоюродной сестре Ферона (Schol. Pind. Ol. II. 29 c; Puth. I. 112). При этом следует отметить, что данный брак преследовал и другую цель - уравнять Гелона со своим братом Поллизелом в родстве с Фероном, т.е. укрепить связи Гиерона и Ферона в противовес Поллизелу.

* * *

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на некоторую скудность дошедшей информации по рассматриваемой теме, можно уверенно констатировать: межгосударственные отношения, характерные для греческих полисов в рассматриваемый период, представлены на Сицилии во всей полноте и многообразии. Более того, можно говорить о достаточно ярко выраженных особенностях в межгосударственных отношениях на острове по сравнению с остальным греческим миром, что связано прежде всего со спецификой политического развития данного региона.

M.Ph. Vysokij

Greek *Poleis* of Sicily in Archaic and Early-Classical Epochs: The Main Tendencies and Ways of Foreign Policy

The essay presents a concise sketch of the interstate relations in Sicily from 550 till 450 BC. Greek territorial states entered into alliances on the grounds of geographical neighbourhood, and hence for a shared purpose.

When the tyranny strengthened in the end of the sixth - beginning of the fifth century BC, the territorial states turned into mighty powers on the Sicilian scale. The former alliances transformed into steady military and political blocs. The conflict between two of them, Rhegium and Zankla, and Syracuse and Ak-

¹⁸ Следует отметить, что данный брак имел и иную цель - гарантировать вдову и сына Гелона от происков наследника Гелона, его младшего брата Гиерона, с которым незадолго до смерти Гелон сильно враждовал (Schol. Pind. Puth. I. 87). Именно поэтому Поллизел, ставший мужем Дамареты, был назначен по завещанию Гелона командующим всеми войсками государства - в противовес Гиерону, который стал тираном, т.е. получил верховную гражданскую власть (Tim. apud Schol. Pind. Ol. II. 29 a-d).

ragas broke out. After the collapse of the coalition of Rhegium and Zankla, there arose a fierce opposition of the two strongest states in the region, Syracuse and Akragas. In a long run Syracuse and its ruling dynasty of the Deinomenids seized hegemony over Sicily.

The paper also covers several aspects of the interstate relations on the island in the years in question, namely:

- 1) kinds of treaties: peace treaties concluded after wars, settlements on the exiles; and Carthaginian influence on these and those agreements;
- 2) special features of Sicilian diplomatic practice: dealing solely with the rulers of the state or their representatives; authoritative mediators intervening in the course of negotiations; secret diplomacy, i.e. supporting opposition in a counter state;
- 3) dynastic marriages aimed to consolidate political alliances.

М.Ш.Садыков
**Межгосударственные отношения на Сицилии
в первой четверти III в. до н.э.**

В первой четверти III века до н.э., когда Рим еще вел борьбу за господство в Италии, в международной жизни государств Западного Средиземноморья ведущими оставались взаимоотношения Карфагена и греческих полисов Сицилии, наиболее значительным из которых были Сиракузы.

По словам Диодора, Сицилия была одним из самых удобных островов региона, могущим дать многое для роста гегемонии (Diod. XXIII. 1). На протяжении большей части V - первой четверти III вв. до н.э. этот остров являлся ареной греко-карфагенского соперничества, в перипетии которого в итоге оказался органично включенным и Рим. Отличительной особенностью этого периода было наличие сложных взаимоотношений, которые сочетали в себе конфликт и подчас нередкое мирное взаимодействие карфагенян и эллинов Сицилии. Рассмотрение малоизученных в отечественном антиковедении событий, относящихся к истории межгосударственных отношений этого региона Западного Средиземноморья в период от распада итало-сицилийской державы Агафокла до вторжения на Сицилию эпирского царя Пирра показывает, что Карфаген по возможности старался избегать серьезных военных столкновений с соседями по региону и более уповал на дипломатию. В то же время карфагенские власти сознательно стремились втянуть в борьбу с Сиракузами сицилийские полисы, заинтересованные в ослаблении сиракузского внешнеполитического положения. Особенно рельефно гибкость дипломатии Карфагена по отношению к сицилийским грекам и одновременно его стремление поддерживать в их среде политические противоречия проявились в последующее после смерти Агафокла десятилетие (289-279 гг. до н.э.), когда в борьбу за гегемонию на острове помимо Сиракуз вступили Акрагант и Мессана.

После кончины Агафокла (289 г. до н.э.) в столице его итало-сицилийского государства Сиракузах вспыхнула борьба между различными претендентами на наследство всесильного тирана. В этих условиях карфагеняне предприняли усилия для того, чтобы добиться крушения сиракузской гегемонии, активно используя при этом военные и дипломатические средства. Юстин указывает, что, узнав о смерти Агафокла и беспорядках, начавшихся в Сиракузах, карфагеняне увидели для себя *occasionem totius insulae occupandae* (удобный случай захватить весь остров), для чего переправились сюда с большими силами и подчинили себе многие города (Just. XXIII. 2. 13). К этому указанию Юстина В.Гусс призывает отнестись критически. Он считает, что в указанное время карфаге-

няне не ставили себе конечной целью оккупацию всей Сицилии. Такое мнение будет обоснованным, если пойти по пути, предложенному в свое время К.Ю.Белохом и считать приводимый Юстином факт анахронизмом. Сообщение этого источника служит только для того, чтобы привязать начало сицилийского похода Пирра к смерти Агафокла, и поэтому связано с событиями 278 г. до н.э., приведшими к войне Карфагена с Пирром.¹ Убедиться в анахронизме позволяет то обстоятельство, что у Юстина сразу же вслед за сообщением о подчинении карфагенянами многих городов Сицилии после смерти Агафокла, завершающем пассаж XXIII. 2. 13, идет фраза, начинающая новую главу: «В это же самое время Пирр вел войну против римлян». Известно, что борьба Пирра и Рима началась спустя 9 лет после смерти Агафокла. Объяснение этому может быть одно: Юстин не посчитал нужным переписать у своего первоисточника - Помпея Трога - подробный рассказ о десятилетии перед вмешательством Пирра в сицилийские дела, и поэтому его произвольное упрощение привело к искажению действительного положения вещей.

Наибольшего доверия заслуживает рассказ Диодора, согласно которому инициатором карфагенского вмешательства в конфликт, охвативший Восточную Сицилию сразу же после смерти Агафокла, явился некий Менон - один из претендентов на власть в Сиракузах. Возглавив отряды наемников, лагерь которых находился у Этны, Менон решил вооруженным путем установить среди сиракузян режим личной власти - *δυναστεία* (Diod. XXI. 16. 6). Его попытки овладеть городом оказались безуспешными из-за сопротивления, оказанного ему сиракузским ополчением под руководством стратега Гикета. Тогда Менон обратился за помощью к карфагенянам². Как видно, история вновь повторялась. Известно, что именно таким образом возвысился в Сиракузах Агафокл в 318 г. до н.э. После объединения отрядов Менона и карфагенян положение изменилось не в пользу Сиракуз. Противник оказался сильнее сиракузского ополчения

¹ Huß W. Geschichte der Karthager. München, 1985. S.207; Beloch K.J. Griechische Geschichte. B. – Lpz. 1925. Bd. IV¹. S. 542. Anm. 1.

² Менон был родом из Сегесты, находящейся в составе карфагенской эпкиратии. Этим, возможно, и объясняются его контакты с карфагенской стороной. Обращение Менона за помощью к карфагенянам против Сиракуз В.Гусс мотивирует ненавистью, которую Менон проявлял к сиракузянам по причине вреда, нанесенного ими его родному городу (Huß. Op. cit. S. 208). Это мнение соотносится с фактами из источников. Так, Диодор (Diod. XX. 71) сообщает, что после африканского похода Агафокл для пополнения оскудевшей казны разгромил союзный с ним полис Сегесту и вырезал поголовно все его население, присвоив имущество. Тиран даже решил стереть из памяти название города, переименовав его в Дикэполис и заселив новыми жителями (Ср.: Schubert R. Geschichte des Agathokles. Breslau, 1887. S. 186-187). И все-таки главным мотивом Менона в поисках военной помощи карфагенян следует, скорее всего, считать его неспособность разбить войско Гикета своими силами.

Гикета. Между конфликтующими сторонами начались переговоры, в которых карфагеняне сыграли самую активную роль. Выступив посредниками, они смогли навязать Сиракузам выгодное для себя мирное соглашение. Оно обязывало сиракузян выдать карфагенянам 400 заложников и вернуть в город всех изгнанников при предоставлении им амнистии (Diod. XXI. 18). Предполагают, что среди последних были не только соратники Менона, т.е. наемники³, но и противники умершего Агафокла - олигархи, в изгнании нашедшие убежище в карфагенской части Сицилии. Репатриации этой последней категории амнистированных карфагеняне придавали особое значение. Как справедливо замечает В.Гусс, союзники Менона ожидали от этих лиц проведение в Сиракузах политики, отвечающей интересам карфагенского государства⁴. Что касается Менона, то его надеждам стать наследником Агафокла при карфагенском содействии не суждено было сбыться. Очевидно, карфагеняне помнили, к каким негативным последствиям для них привело их заигрывание с Агафоклом в 318-313 гг. до н.э. И теперь, извлекая урок из прошлого, карфагенские власти предпочли оставить Менона на произвол судьбы⁵.

Мирное соглашение 289/288 г. до н.э. усилило влияние Карфагена среди греческих политических кругов Сицилии, хотя в территориальном отношении его область господства на западе острова (эпикратия) осталась прежней (река Галик являлась границей между сферами карфагенского и эллинского влияния на острове). Сицилийское царство Агафокла не надолго пережило смерть своего основателя. На месте прежней державы вскоре после 288 г. до н.э. возникли мелкие государственные образования - тирании. В Леонтинах власть захватил Гераклид, в Тавромении - Тиндарион, в Катане, возможно, стал править Ономакрит. Но основными соперниками карфагенян в это время по-прежнему являлись Сиракузы при Гикете и Акрагант, где утвердился тиран Финтий⁶.

³ Beloch. Op. cit. Bd. IV¹. S. 542. Anm.1; Wieckert C.L. Syrakusai // RE. 1932. Bd. IV. Hb. 8. Sp. 1524.

⁴ Нцф. Op. cit. S.208.

⁵ Holm A. Geschichte Siciliens im Altertum. Lpz., 1874. Bd. II. S. 277; Berve H. Die Tytannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. I. S. 458. По выражению С.Я.Лурье, карфагеняне поступили с Меноном в соответствии с распространенной у них пословицей, которую позднеантичный богослов Августин передал в одной из своих речей: «Если подлец кланчит у тебя монету, дай ему две, и вели ему идти к чертям» (Luria S. Zum Problem der griechisch-karthagischen Beziehungen. // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1964. Bd. 12. S. 70).

⁶ О возникших тираниях см.: Wieckert. Op. cit. Sp. 1524; об Ономакрите: Berve. Op. cit. Bd. I. S. 459 (а также: Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 565); о Финтии: Schubring J. Historisch-geographische Studien über Altsicilien // RM. 1873. Bd. 28. S. 69-70; Holm. Op. cit. S. 278; idem. Griechische Geschichte von ihrem Ursprunge bis zum Untergange der Selbst des griechischen Volkes. B., 1891-1894. Bd. IV. S. 228.

Обстановка в Восточной Сицилии в 80-е годы III в. до н.э. характеризовалась также дестабилизирующей ролью мамертинцев - бывших кампанских наемников на службе у Агафокла. После его смерти они участвовали в путче Менона, а затем были амнистированы по соглашению 289/288 г. до н.э. Как рассказывает Диодор (Diod. XXI. 18), кампанцы вскоре проявили недовольство тем, что в Сиракузах при выборе должностных лиц их обошли стороной. По уговору с сиракузскими гражданами наемники обязаны были покинуть Сицилию. По пути на родину в Италию на северо-востоке острова они были приняты жителями Мессаны как друзья и союзники - φίλοι καὶ σύμμαχοι (Polyb. I. 7. 3; Diod. XXI. 18. 1). Гостеприимное отношение мессанцев к прибывшим Л.А.Ельницкий обоснованно объясняет тем, что северо-восточные районы Сицилии, если верить Фукидиду (Thuc. VI. 2. 4), уже с глубокой древности находились под сильным влиянием южноиталийской народности осков⁷. Поскольку допущенные в город наемники (μισθοφόροι) Агафокла были в основном южноиталийского происхождения (см.: Diod. XX. 3), говорили на наречии осков (кампанцев), то становится понятным, почему в Мессане к ним отнеслись весьма доброжелательно. На основании свидетельства Полибия (Polyb. I. 7) предполагается, что мессанские граждане намеревались использовать прибывших кампанских солдат против соседних полисов⁸. Но наемники при виде благополучия и процветания города (безусловно, достигнутого благодаря его чрезвычайно удобному географическому местоположению на перекрестке караванных морских путей) внезапно ночью предательски овладели им (Polyb. I. 7. 2-4). Впоследствии кампанцы назвали себя мамертинцами (Μαμερτιοί) - по имени осского бога войны Мамерта (лат. Марс). Овладев Мессаной (около 288/287 г. до н.э.), мамертинцы включились в борьбу за сферы влияния на территории Сицилии. Возникшее вскоре на северо-востоке острова государство воинственных мамертинцев (*civitas Mamertina*) стало настоящим бедствием для сицилийских греков⁹. Мамертинская угроза, по-видимому, даже отодвинула на задний план про-

⁷ Ельницкий Л.А. Выступление мамертинцев // ВДИ. 1960. № 4. С.109. Сопоставив все имеющиеся данные о времени начала мамертинского владычества, исследователь пришел к выводу, что произведенный мамертинцами государственный переворот был не актом одностороннего насилия, а результатом происшедшей в Мессане гражданской войны. Это - весьма интересное нетрадиционное представление о мамертинцах, о которых до сих пор в зарубежной литературе говорят как о разбойниках-кондотьерах (см.: Holm. Geschichte Siciliens... Bd. II S. 228, 484-487; Beloch. Op. cit. Bd. IV¹. S. 542 f; Vallone A.I. Mamertini in Sicilia // Kokalos. 1955. № 1. P. 22-61).

⁸ Holm. Geschichte Siciliens... Bd. II. S. 278.

⁹ Ловягин А. Известия классических писателей о начале первой Пунической войны // ЖМНП. 1894. № 3. С. 128-129. Holm. Geschichte Siciliens... Bd. II. S. 486; Schubring. Op. cit. S. 69; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybios. Oxf., 1957. Vol. I. P. 52.

блемы, связанные в их представлениях с опасностью со стороны Карфагена.

Обстановка в греческой части Сицилии в 80-е гг. III в. до н.э. усугублялась еще и активизацией акрагантского тирана Финтия, который развернул на юго-западе острова бурную деятельность по созданию новой западногреческой державы под эгидой Акраганта. На этом пути он столкнулся с противодействием со стороны Сиракуз, управляемых Гикетом¹⁰. Согласно Диодору, во власти Финтия были Акрагант и его область, а также Агирий - город, располагавшийся в центральной части греческой половины острова (Diod. XXII. 4. 3). Претендовал Финтий и на другой находящийся здесь полис - Энну, жители которого отстаивали свою независимость благодаря карфагенскому гарнизону. Сохранившиеся до нашего времени медные монеты с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΙΝΤΙΑ свидетельствуют, что Финтий, вероятно, по примеру Агафокла, принял царский титул¹¹. Его притязания на районы, близко примыкающие к восточному побережью Сицилии, указывали на стремление акрагантского властителя вытеснить влияние Сиракуз и приобрести здесь полное господство. Однако ему активно противодействовал Гикет Сиракузский. Его война с Финтием обычно датируется 286-285 гг. до н.э. В упорной борьбе, в ходе которой, очевидно, решался спорный вопрос о первенстве в Центральной Сицилии, победу одержал Гикет. В генеральном сражении у местечка Гиблы войска Финтия были разбиты (Diod. XXII. 2.1), после чего он, вероятно, потерял Агирий и другие города¹². Источники умалчивают о роли карфагенян в

¹⁰ В условиях распада сиракузской державы Агафокла после смерти ее основателя «Гикет не мог принять царского титула» (Wieckert. Op. cit. Sp. 1524). А.И.Попов показал, «что царская власть Агафокла относилась, в первую очередь, к подвластным территориям, основывалась главным образом на них. И поскольку после смерти Агафокла сицилийские города обрели независимость, а царское звание покоилось на Сицилии, то Гикет, ставший вскоре тираном Сиракуз, не смог принять царского титула и там продолжала существовать республика» (Попов А.И. Царская власть Агафокла Сиракузского // Проблемы истории, историографии. Античность. Средние века. Межвузовский сборник. Уфа, 1990. С. 18).

¹¹ Berve. Op. cit. Bd. I. S. 459. В подражание диадохам акрагантский властитель основал вблизи Экномских гор полис, назвав его в свою честь Финтиадой, и поселил в нем жителей Гелы после разрушения их города мамертинцами (Берве. Тираны Греции. С. 566).

¹² О причинах и хронологии акрагантско-сиракузской борьбы см.: Meltzer O. Geschichte der Karthager. В., 1896. Bd. II. S. 225; Schubring. Op. cit. S.70-71; Beloch. Op. cit. Bd. IV¹. S. 543; о потерях Финтия: *ibid.* Anm. 2.; Hans L.-M. Karthago und Sizilien. Hildesheim - Zürich - New York, 1983. S. 85. О судьбе Финтия после поражения в войне с Сиракузами мало что можно сказать. Ссылаясь на свидетельство Диодора о присутствии в Акраганте карфагенского отряда ко времени прибытия Пирра на остров в 278 г. до н. э. (Diod. XXII. 10), Ю.Шубринг считал, что жители Акраганта изгнали Финтия и приняли в крепость карфагенский гарнизон, чтобы защитить себя от притеснений изгнанника. Когда эпирский царь высадился на Сицилии, акрагантцы отослали пуний-

борьбе Финтия и Гикета. По-видимому, они не вмешивались в этот межгреческий конфликт, пока Сиракузы сами не дали для этого повода.

Существует мнение, что именно сиракузяне, возгордившись победой над акрагантцами, первыми начали военные действия против карфагенян. О.Мельтцер полагал, что Гикет стремился окончательно отвоевать остров у пунийцев, действуя по примеру Дионисия Старшего и Агафокла. Эту точку зрения можно считать правомерной, если учитывать, что Гикету перед соотечественниками нужно было как-то оправдать свою верховную власть, которую он, согласно Диодору (Diod. XXII. 7. 2), удерживал в течение 9 лет, а она была юридически обоснована только с точки зрения отражения внешней опасности и борьбы с варварами¹³. Возобновление военных действий с Карфагеном сиракузской стороны подтверждается и нумизматическими источниками. Прежде всего бросается в глаза то, что на сиракузских монетах конца 80-х годов III-го века до н.э. изображено солнечное затмение. Можно согласиться с мнением, что Гикет приказал отчеканить такие монеты, чтобы напомнить о солнечном затмении 15 августа 310 г. до н.э., когда сиракузская армия Агафокла высадилась в Северной Африке. Таким путем Гикет думал поднять боевой дух сиракузян¹⁴. Встав на путь вооруженного столкновения с Карфагеном, Гикет стремился денонсировать сиракузско-карфагенский договор 289/288 г. до н.э.¹⁵. Однако сиракузский тиран потерпел поражение. Он был разбит карфагенянами при реке Терия в области Леонтин (Diod. XXII. 2. 1). Поскольку окончание военных действий произошло в восточной части острова, недалеко от границ Сиракузской области, думается, что, прежде чем Гикет предпринял нападение на эпикратию, карфагеняне неожиданно атаковали выступившее в поход сиракузское войско и таким образом упредили Гикета. Вполне допустимо, что карфагенский контингент в Энне, который, как говорилось выше, был ранее приглашен жителями для защиты от Финтия Акрагантского (Diod. XXII. 10. 1), покинул город и, выступив навстречу сиракузским отрядам Гикета, нанес им поражение. К сожалению, другого объяснения очередного сиракузско-карфагенского конфликта мы дать не можем из-за неясности фрагментов Диодора - единственного источника по излагаемым событиям.

ский гарнизон и передали свой город во власть Сосистрата. На этом основании исследователем делается вывод, что Финтий правил приблизительно в 286-280 гг. до н.э. (Schubring . Op. cit. S.70).

¹³ Meltzer. Op. cit. Bd. II. S. 225. См. также: Holm. Geschichte Siciliens... Bd. II. S. 278; Beloch. Op. cit. Bd. IV¹. S. 544; Merante V. La Sicilia e Cartagine del V secolo alla conquista romana // Kokalos. 1972/1973. № 18/19. P. 94 ff.

¹⁴ Huß. Op. cit. S. 208.

¹⁵ Виккерт полагал, что Гикет поставил себе целью «сделать выгодным для Сиракуз недавно заключенный мир с карфагенянами» (Wieckert. Op. cit. Sp. 1524).

Как бы то ни было, ясно, что Сиракузы при Гикете попытались добиться *status quo*, существовавшего до навязанного им карфагенянами соглашения 289/288 г. до н.э. Но эта попытка оказалась безуспешной, прежде всего потому, что, с одной стороны, Сиракузам противостояли мамертинцы Мессаны, с другой, враждебно настроен к сиракузянам был и Акрагант. Разумеется, в условиях противоречий, существовавших между этими сицилийскими полисами, карфагеняне сумели занять на острове прочное положение. По этой причине преемник Агафокла Гикет не в состоянии был ограничить возросшее влияние Карфагена. Представление о том, что престиж последнего среди некоторых греческих политических кругов Сицилии был довольно значимым, дает хотя бы факт приглашения отдельными полисами, не входящими в состав эпикратии, карфагенских отрядов для несения гарнизонной службы (как, например, жителями Энны).

Изменить положение не в пользу Карфагена попытался другой греческий правитель - Сосистрат, о котором известно, что в начале 70-х годов III в. до н.э. он сменил Финтия на вершине власти в Акраганте и еще в 30 других близлежащих полисах (Diod. XXII. 16). Будучи сиракузянином по происхождению, Сосистрат предпринял небезуспешную попытку овладеть и Сиракузами¹⁶. С его деятельностью в истории Сицилии начался новый этап карфагенско-греческих отношений, связанный с противостоянием эпикратии и коалиции эллинских городов острова, которую окончательно сформировать и возглавить (правда, ненадолго) был призван эпирский царь Пирр.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что инициатива в эскалации конфликтной ситуации перед высадкой эпитропов на острове в большей степени принадлежала отдельным греческим руководителям. Около 279 г. до н.э. Гикет был свергнут в результате военного переворота некоего Фоинона (Diod. XXII. 7. 2)¹⁷. Однако последнему не удалось утвердить свою абсолютную власть в Сиракузах, поскольку вскоре к городу подошли отряды из Акраганта. При поддержке основной массы граждан акрагантский правитель Сосистрат овладел большей частью Сиракуз. Фоинон удержал за собой остров Ортигию, где он и был блокирован вплоть до прибытия Пирра (Diod. XXII. 7. 6)¹⁸. Таким образом,

¹⁶ Berve. Op. cit. Bd. I. S. 460.

¹⁷ У Дионисия Галикарнасского $\Theta\omicron\iota\nu\omicron\nu$ (Dion. Hal. XX. 8). Другое прочтение - Тенон (Plut. Pyrrh. 23). Диодор ошибочно называет его $\Theta\upsilon\nu\iota\omega\nu$ (Diod. XXII. 7). Вслед за Г.Берве можно предположить, что новоявленному узурпатору удалось сместить Гикета с помощью наемников и бывших сподвижников Агафокла, недовольных военной политикой Гикета (Berve. Op. cit. Bd. I. S. 460; ср.: Holm. Geschichte Siciliens... Bd. II. S. 279).

¹⁸ Beloch. Op. cit. Bd. IV¹. S. 544. Anm. 1; И.И.Вейцковский неправоммерно называет Фоинона вождем «радикально-демократической группировки сиракузского гражданства», а Сосистрата - умеренно-демократической (Вейцківський І.І. До історії Піррової війни // Наукові Записки. Т. 36. Вып. 6. Львівський ун-т., 1955. С. 182). Дионисий Галикарнасский (Dion. Hal. XX. 8. 1; ср.: XX. 8. 3) обозначает Фоинона как

Сиракузы вновь были свергнуты в пучину гражданской междоусобицы. Город фактически был разбит на два враждующих лагеря. В связи с этим в историографии утвердилась точка зрения, что карфагеняне, воспользовавшись нестабильностью в Сиракузах, в очередной раз попытались овладеть городом; что этот греческий полис, раздираемый гражданской междоусобицей, не способен был к сопротивлению, поэтому Фоинон и Сосистрат прекратили борьбу друг с другом и вместе обратились за помощью к молосскому царю Пирру, боровшемуся в это время с римлянами в Южной Италии¹⁹.

Из источников известно, что в преддверии сицилийской экспедиции эпирского монарха Карфаген действительно развернул активную дипломатическую деятельность, направленную на то, чтобы заручиться поддержкой мамертинцев и римлян (Diod. XX. 55. 4; XXII. 7. 3; Plut. Pyrrh. 23; Polyb. III. 25. 3-5; Liv. Per. 13; Val. Max. III. 7. 10). Затем последовала блокада Сиракуз карфагенскими военными силами. Такими действиями карфагенские власти преследовали цель воспрепятствовать вмешательству Пирра в сицилийские дела. Полемизируя со многими историками нового времени, которые, рассматривая эти акции Карфагена в контексте его наступательной борьбы против сицилийских греков и, соответственно, считали, что именно это государство якобы было тогда самым опасным агрессором в регионе²⁰, логично задаться вопросом: почему карфагеняне не попытались овладеть Сиракузами раньше, например, сразу же после того, как нанесли Гикету поражение при Терии близ Леонтин? Ведь тогда они вполне могли воспользоваться победой²¹. После разгрома Гикета прошло

φρουράρχος (начальник крепости), а Сосистрата - как κρατῶν τῆς πόλεως (господин города). Диодор также сообщает, что Фоинон сохранил власть только над островом Ортигией, а всем остальным городом владел Сосистрат (Diod. XXII. 7. 2). Считается, что после того, как акрагантский руководитель Сосистрат овладел большей частью Сиракуз, карфагеняне увидели в этом угрозу своему влиянию на острове, ростки нового грядущего конфликта, потому что в случае объединения Акраганта и Сиракуз под знаменем Сосистрата могла бы возникнуть значительная политическая сила, как это было, например, перед 480 г. до н.э. (Geyer F. Sosistratos (5) // RE. 1927. Bd. III A. I. Sp. 1175; Berve. Op. cit. Bd. I. S. 461).

¹⁹ Моммзен Т. История Рима. М., 1936. Т. I. С. 381; Бerve. Ук. соч. С. 567; Merante. Op. cit. P. 94 ff.; Wieckert. Op. cit. Sp.1524-1525.

²⁰ См., например: Holm. Geschichte Siciliens... Bd. II. S. 279-282; Beloch. Op. cit. Bd. IV¹. S. 544- 552; Bengston H. Griechische Geschichte. München, 1960. S. 382-386.

²¹ Правда, по этому поводу существует особое мнение. Так, несмотря на отсутствие источников, М.Финли почему-то считает карфагенскую осаду Сиракуз 278 г. до н.э. результатом борьбы Финтия Акрагантского и Гикета, которая имела место много раньше события, связанного с вторжением на остров Пирра. Исследователь, в частности, пишет: «Акрагант был довольно силен, чтобы сделать гегемонию Сиракуз спорной... Когда в 280 г. до н.э. Сиракузы победили Акрагант и перешли после этого к наступлению на запад острова, Карфаген отправил сильный экспедиционный корпус, ко-

довольно значительное количество времени, прежде чем Сиракузы были осаждены карфагенянами. Показательно, что они приступили к осаде этого города, зная о наличии в нем большого военного потенциала. В Сиракузах было достаточно войск не только для защиты стен, но и для контрдействий вне города, а в гавани, где укрепился Фоинон со своими сторонниками, стояло на якоре около 120 кораблей, в то время как задействованный для морской блокады флот пунийцев был на 20 единиц меньше. Эти соображения заставляют усомниться в намерении карфагенян достичь полного господства над греческой половиной острова в указанный период. Прояснить ситуацию, связанную с их силовым давлением на Сиракузы в начале 70-х годов III в. до н.э., позволяют следующие два фрагмента из несохранившейся в полном объеме XXII книги Диодора.

В первом из них (Diod. XXII. 7. 1) говорится, что Фоинон и Сосистрат, ставшие преемниками Гикета, опять призвали в Сицилию Пирра. Диодорово слово «опять» может указывать на то, что раньше молосского царя, воевавшего в Южной Италии с римлянами, приглашал на Сицилию Гикет - еще до того, как он был устранен от власти в 279 г. до н.э.²² Возникает вопрос, против кого были направлены призывы Гикета? Вряд ли можно думать о карфагенянах, потому что, как уже говорилось, они не воспользовались исходом битвы при Терии в свою пользу для того, чтобы осадить Сиракузы. Скорее всего, непосредственную опасность для Сиракуз в то время представляла экспансия мамертинцев на юго-восточные области Сицилии. Уже с самого начала внешнюю политику мамертинского государства отличали активные действия в ущерб внешней безопасности Сиракуз. С этим соотносится и тот факт, что приблизительно в конце 80-х годов III в. до н.э. мамертинцы разрушили южные города Сицилии - Гелу и Камарину (Diod. XXIII. 2)²³. Кажется, Гикет не смог справиться с устра-

торый вскоре снова стоял перед воротами Сиракуз» (Finley M.J. *Das antike Sizilien*. München, 1979. S. 142). В таком рассуждении обнаруживается явное несоответствие хронологическому развитию событий. Непонятно, на каком основании автор датирует сиракузскую победу над Агратаном 280 г. до н.э.

²² Об этом см.: Дройзен И.Г. *История эллинизма*. М., 1893. Т. III. С. 162. Прим. 1; Meltzer. *Op. cit.* Bd. 2. S. 232.

²³ Считается, что это произошло в 282 г. до н.э.: Galgas K. *Sizilien. Inseln zwischen Morgenland und Abenland*. Köln, 1978. S. 71; Meltzer. *Op. cit.* Bd. II. S. 226. Шубринг полагал, что расцвет могущества мамертинцев и разрушение ими Гелы и Камарины приходится на 284-280 гг. до н.э. (Schubring. *Op. cit.* S.69-70). В Хоффман подчеркивает, что мамертинцы продолжили традиционную враждебную политику Мессаны по отношению к Сиракузам. По его мнению, «всякое изменение общей расстановки сил (Machtkonstellation) Мессана использовала для того, чтобы вновь отказаться от сиракузского господства» (Hoffmann W. *Das Hilfesuch der Mamertiner am Vorabend des Ersten Punischen Krieges* // *Historia*. 1969. Bd.18. Ht. 2. S. 154). Исторический обзор о мессанско-сиракузских противоречиях приведен также в статье Х.Филиппа (Philipp H. *Messene* (2) // *RE*. 1931. Bd. XV. 1. Sp. 1214-1225).

нением мамертинской угрозы, за что, возможно, впоследствии и был отстранен от власти в Сиракузах²⁴. После смены руководства в этом полисе его новые правители также были вынуждены считаться с мамертинцами. При этом мы можем сослаться на данные, имеющиеся в прологе к XXIII книге Помпея Трога, где, в частности, указывается, что после смерти Агафокла «началась война между его иностранными солдатами-наемниками и сикулами. Это обстоятельство привлекло Пирра, царя Эпира, в Сицилию» (Trog. Proleg. 23). Из этого видно, что вмешательство Пирра в сицилийские дела непосредственно было связано с соперничеством мамертинцев и сицилийских греков.

Думается, что именно активизация мамертинцев стала причиной обращения сиракузских руководителей к Пирру. Это вытекает из второго заслуживающего внимания фрагмента Диодора, в котором сообщается об инициативе мамертинцев заключить союз с Карфагеном и «не допустить переправу Пирра в Сицилию» (Diod. XXII. 7. 2). Подтверждением тому, что греки Восточной Сицилии возлагали большие надежды на эпирского царя, прибывшего в Италию для «избавления» местных эллинов от римского завоевания, служит указание Диодора о том, что Тиндарион, тиран Тавромения, был готов охотно принять военную помощь Пирра - конечно же, для борьбы с мамертинцами, своими ближайшими соседями.

Заигрывание сиракузян и других сицилийских греков с Пирром (Plut. Pyrrh. 22. 1; Just. XVIII. 2. 11) не отвечало карфагенским интересам на острове. В связи с этим руководство Карфагена посчитало необходимым принять меры, которые существенно ограничили бы свободу действий эпирского царя. Известно, что после сражения при Аускуле (279 г. до н.э.) со стороны Пирра были предприняты попытки достичь некоторой стабилизации отношений с Римом. Хотя, по свидетельству Валерия Антиата, после этой битвы «римляне находились в затруднительном положении и большая часть Италии перешла на сторону царя» (Val. Ant. Ann. HRR. Fr. 21), коренного перелома в римско-эпирской войне не произошло. В это время к Пирру, как следует из данных Плутарха (Plut. Pyrrh. 22. 1), поступило предложение от ряда городов Сицилии: высадиться на острове и возглавить борьбу сицилийских греков против «варваров». Плутарх даже отмечает, что остров занимал определенное место в планах царя еще до того, как он прибыл в Южную Италию по просьбе Тарента (Plut. Pyrrh. 14). В этой связи задача карфагенской дипломатии на данном этапе заключалась в том, чтобы не допустить относительной нормализации римско-эпирских отношений (Just. XVIII. 2. 5). Важная роль при этом карфагенянами отво-

²⁴Мнение П.Левека, К.Л.Виккерта, и Г.Берве (Leveque P. Pyrrhos. P., 1957. P. 453; Wieckert. Op. cit. Sp. 1524; Berve. Op. cit. Bd. I. S.460), что Гикет был свергнут Фоионом вследствие его раннего поражения от карфагенян при Терии, не совсем убедительно и не находит подтверждения в источниках.

дилась их очередному договору с Римом (279/278 г. до н.э.), о котором известно благодаря Полибию (Polyb. III. 25. 3-5).

Анализ этого римско-карфагенского договора, который всегда оставался для антиковедов своего рода «гордиевым узлом»²⁵, дает возможность говорить о значении римского фактора в сицилийской политике Карфагена на тот момент, в частности, в его политике по отношению к Сиракузам. Предполагаемая реконструкция этого договора исходит из общепринятой точки зрения, что он был заключен в момент обсуждения римским сенатом условий прелиминарного мира, предложенных эпирским царем после битвы при Аускуле (Just. XVIII. 1. 7- 2. 8). Пирру мирный договор с римлянами был необходим для обеспечения свободы действий по подготовке похода на Сицилию. В такой ситуации карфагеняне были заинтересованы в том, чтобы Рим продолжил войну с эпиротом. Тем самым они рассчитывали удержать Пирра в Италии и не дать ему возможности перенести театр военных действий на остров. Инициатива Карфагена о заключении нового договора с Римом дала в римском сенате решительный перевес сторонникам продолжения войны с Пирром до окончательного его изгнания²⁶.

И.И.Вейцковский, как кажется, верно отметил следующее: «Римско-карфагенское сближение объясняется, однако, не только активностью карфагенской дипломатии, но, очевидно, и тем, что римские сенаторы пришли к пониманию того, что мир был больше выгоден эпирскому царю, чем Риму». Б.Низе также подчеркивал, что инициатива карфагенян повлияла на свертывание переговоров римского сената с Кинеем, послом Пирра, в ходе которых обсуждалась возможность ратификации мирного договора Рима с эпирским царем²⁷. Дж.Ненчи, анализируя цели римской и карфагенской дипломатии на исходе 80-х гг. III в. до н.э., подчеркивал, что

²⁵ Римско-карфагенское соглашение, заключенное перед высадкой эпиротов в Сицилии, является предметом многочисленных дискуссий и споров вот уже на протяжении ста с лишним лет. См.: Unger G.F. Römisch-punisch Verträge // RM. 1882. Bd. 37. S. 159-161, 200-203; Beloch K.J. Zur Geschichte des Pyrrhischen Krieges // Klio. 1902. Bd. 1. S. 282-283; Blitner-Wobst Th. Zur Geschichte des Pyrrhischen Krieges // Klio. 1903. Bd. 3. S. 164-167; Taubler E. Imperium Romanum. Lpz., 1913. S. 264 f.; Walbank. Op. cit. Vol. I. P. 350 f.; Nenci G. Il trattato romano-cartaginese κατά τῆν Πύρρου διάβασιν // Historia. 1958. Bd. 7. Ht. 3. P. 290-298; StV. Bd. III. S. 102-103. Г.Унгер вполне разумно предлагает считать временем дипломатических переговоров зиму 279/278 г. до н.э. (Unger. Op. cit. S. 161, 200).

²⁶ Можно согласиться с К.Ю.Белохом, что по настоянию этой части римских сенаторов «прелиминарный мир, который был согласован консулом Фабрицием с царем, был отвергнут, и вместо него был заключен договор с Карфагеном» (Beloch. Griechische Geschichte. Bd. IV¹. S. 551). Ср. также: Niese B. Zur Geschichte des Pyrrhischen Krieges // Hermes. 1896. Bd. 31. S. 494 f.; Dahlheim W. *Deditio und Societas*: Untersuchungen zur Entwicklung der römischen Aussenpolitik in der Blutezeit der Republik. München, 1965. S.146.

²⁷ Вейцківський. Ук. соч. С. 181; Niese. Op. cit. S. 495-496.

еще в 280 г. до н.э. существовала возможность соглашения между Римом и Пирром для избежания обеими сторонами войны в Италии и для одновременной подготовки нападения на Сицилию. Поэтому, по мысли итальянского исследователя, дополнительный пункт в римско-карфагенском договоре, касающийся альянса против Пирра, представлял собой искусный ход карфагенской дипломатии в целях предотвращения возможной обоюдной римско-эпирской договоренности. «В то время как римская дипломатия отказывается от соглашения с Пирром и заключает договор с Карфагеном, - пишет Ненчи, - карфагенская дипломатия ясно показала незаурядную способность и умение увидеть политическую реальность, стараясь заполучить соглашение с Римом». Однако некоторые положения этого исследователя представляются ошибочными, например, когда он в противоположность имеющимся источникам указывает, что еще до битвы при Герракле (280 г. до н.э.) «существовали мирные попытки со стороны Пирра по отношению к Риму, провалившиеся из-за политики дипломатических отношений между Римом и Карфагеном». Точно также не соответствует действительности убеждение Ненчи, что «Карфагену до 280 г. до н.э. удалось избежать опасности дипломатической и военной изоляции путем подписания соглашения с Римом». Из его анализа римско-карфагенского договора времени Пирровой войны более приемлемой является мысль о том, что изменения, внесенные в этот договор, как бы гарантировали невмешательство Рима вместе с Пирром в сицилийские дела и одновременно невозможность совместного выступления против Рима Пирра и Карфагена в случае их союза²⁸.

Итак, карфагенская дипломатия накануне сицилийской экспедиции Пирра преследовала две цели: во-первых, предотвратить переправу Пирра в Сицилию, создав надежный заслон с помощью мамертинцев, так как последние располагали средствами воспрепятствовать переходу эпиротов на остров через Мессанский пролив; во-вторых, по возможности не допустить окончательного заключения мирного договора между Римом и Пирром, который позволил бы царю свободно обратиться к сицилийским делам. Считается, что успех карфагенской дипломатической миссии в Риме принадлежал полководцу Магону²⁹. По свидетельству Юстина, он был послан к римлянам со 120 кораблями (130 - по Валерию Максиму: Val. Max. III.7.10) для организации совместных действий против вторгшегося в Италию царя Пирра. Сенат поблагодарил карфагенян, но от их вооруженной

²⁸ Nenci. Op. cit. P. 295-296.

²⁹ Например: Holm. Geschichte Siciliens... Bd. II. S. 281; Niese. Op. cit. S. 494-495; Beloch. Griechische Geschichte. Bd. IV¹. S.551; Kienast D. Pyrrhos (13) // RE. 1963. Bd. 24. Sp. 146-147. Об интерпретации текста римско-карфагенского союзнического соглашения против Пирра см.: Flach D. Das Römisch-karthagischen Bündnisabkommen im Krieg gegen Pyrrhos // Historia. 1978. Bd. 27. Ht. 4. S. 615-617.

помощи отказался (Just. XVIII. 2. 1-3)³⁰. Единственное, чем воспользовались римляне из предложенной им услуги - это перебросили на карфагенских судах свой сухопутный отряд под Регий. По сообщению Диодора, была даже предпринята попытка, правда неудачная, захватить этот южно-италийский город. Осада была прекращена, карфагенянам же удалось лишь уничтожить древесные материалы, заготовленные Пирром для строительства кораблей (Diod. XXII. 7. 5)³¹.

По данным Юстина, Магон, покинув Рим, отправился в полевой лагерь Пирра, чтобы узнать там о намерениях царя относительно Сицилии (Just. XVIII. 2. 4). Сведения, которые при этом пуниец смог приобрести, вероятно, и оказали существенное влияние на последующее решение карфагенян осадить Сиракузы. Встреча Магона с Пирром была неудачной карфагенской попыткой избежать вооруженного столкновения. Пирр не изменил своего решения касательно сицилийской экспедиции. По всей видимости, царь ожидал вести от своего посла Кинея, которого он незадолго до появления Магона отправил на Сицилию (в конце зимы 279/278 г. до н.э.)³². Согласно Плутарху, Пирр, получив сразу же после сражения при Аускуле приглашение сицилийских греков, «предпочел двинуться на остров и, как обычно, тотчас же послал вперед Кинея для предварительных переговоров с сицилийскими городами» (Plut. Pyrrh. 22. 4). Из этого указания следует, что Киней должен был договориться о конкретных условиях

³⁰ Отказ римского сената от предлагаемой Карфагеном вооруженной помощи означает, что римляне с подозрением относились к карфагенянам. Поэтому представляет правомерным мнение Р.Митчелла, что неспособность двух сторон - Рима и Карфагена - заключить военный союз против Пирра, действие которого вступило бы в реальную юридическую силу, «отражает их растущее недоверие» (Mitchell R.E. Roman-Carthaginian Treaties: 306 and 279/8 B.C. // Historia. 1971. Bd. 20. Ht. 5-6. P.655).

³¹ Указание Диодора о переброске на карфагенских кораблях 500 римских солдат под Регий К.Ю.Белох считал неверным. В качестве своего главного аргумента историк указывал, что кампанский гарнизон, преступно захвативший Регий, находился в тесном союзе со своими соплеменниками, мамертинцами Мессаны. Автор полагает, что поскольку с этими последними карфагеняне недавно объединились против Пирра, они не могли предложить «руку помощи римлянам для нападения на Регий», союзный мамертинцам. В связи с этим К.Ю.Белох предполагает, что римско-карфагенскому нападению подвергся не Регий, а дружественный Пирру город, название которого в выписках Диодора не сохранилось. Белохом называются Локры или Гиппионин (Beloch. Zur Geschichte... S. 284-285).

³² Мнение Д.Кинаста, что Магон во время переговоров с Пирром «предложил гарантии для свободы южноиталийских греческих городов и потребовал в качестве ответной услуги уход царя из Италии», кажется не совсем правомерным (Kienast. Op. cit. Sp. 147). Более приемлемо предположение Л.-М.Ханс о том, что Магон во время встречи с Пирром указывал на возможные последствия похода молоссов на Сицилию, а именно - на военную конфронтацию с Карфагеном, который с полным правом отстаивал бы свою эгипатию. (Hans. Op. cit. S. 87). О поездке Кинея на остров: Leveque. Op. cit. P. 420.

помощи сицилийским полисам - Акраганту, Сиракузам и Леонтинам³³. Очевидно, ему было поручено выяснить, с чем реально Пирру придется иметь дело на острове, какими силами он будет там поддержан в борьбе с мамертинцами и карфагенянами. Надо полагать, посол царя встретился в Сиракузах с Сосистратом и Фоиноном и, по всей видимости, способствовал их примирению. Возможно, одним из результатов сицилийской поездки фессалийского дипломата на службе у эпирского царя была и без труда достигнутая им договоренность с правителем Тавромения Тиндарионом о том, что Пирр высадится именно в этом городе, как это и произошло впоследствии. Следовательно, со стороны царя Эпира уже велась активная дипломатическая подготовка интервенции на Сицилию, что и предопределило неудачу визита Магона.

Затем карфагенский стратег вернулся в Сицилию, оставив в Мессанском проливе эскадру, чтобы не допустить переправу Пирра на остров (Diod. XXII. 7. 5), тем более, что к этому его обязывало и союзническое соглашение с мамертинцами (Diod. XXII. 7. 3). Позже, узнав о возвращении Кинея в Южную Италию с полученным от греков обещанием, что на сторону Пирра, как только тот высадится на острове, перейдут Сиракузы, Акрагант, Леонтины и Тавромений, карфагеняне привели военный потенциал эпикратии в боевую готовность. Зонара сообщает, что они даже набрали наемников в Италии (Zonar. VIII. 5), очевидно, с согласия римлян. Далее, получив известие о приготовлениях Пирра к высадке на Сицилию (о чем и говорится во фрагменте Диодора XXII. 8. 2), Магон немедленно выступил и блокировал Сиракузы с моря флотом в количестве 100 судов. Одновременно с суши город осадила 50-тысячная карфагенская армия (ibid.). Вполне возможно, что блокада Сиракуз карфагенянами произошла по предварительной договоренности с мамертинцами. Последние, на основании союза с карфагенянами, должны были закрыть пролив от эпирского царя. Как представляется, пунийцами не исключалась вероятность того, что сиракузяне могли ударить по мамертинцам с тыла, отвлечь их и тем самым облегчить Пирру переправу в Сицилию. Поэтому карфагеняне поспешили упредить такое возможное развитие событий. Они нейтрализовали Сиракузы осадой. Для надежности карфагенское командование усилило мамертинский контроль над проливом отправкой еще 30 кораблей, о которых говорит Диодор (Diod. XXII. 8. 3).

Таким образом, нападением на Сиракузы (это событие датируется весной-началом лета 278 г. до н.э.)³⁴ Карфаген преследовал намерение лишить эпирского монарха опорной базы в Сицилии с ее внушительным ар-

³³ Olshausen E. Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten Lovanii, 1974. Tl I. S. 272.

³⁴ Вейцківський. Ук. соч. С. 181; Beloch. Griechische Geschichte. Bd. IV¹. S. 552; Нуф. Op. cit. S. 211.

сеналом силовых средств. Эскалация конфликта исходила от сицилийских греков и эпирского царя, решившегося на очередную авантюру. Следовательно, осада Сиракуз входила в число превентивных мер Карфагена для защиты его сицилийских интересов. В целом он использовал все средства - и дипломатические, и военные, которые взаимно дополняли друг друга. Поскольку столкновения с Пирром было уже не избежать, карфагеняне предприняли решительные действия для того, чтобы усложнить эпирскому царю осуществление сицилийского предприятия. Поэтому вопреки утверждению некоторых зарубежных и отечественных антиковедов антисиракузскую кампанию Карфагена следует объяснять не хаосом гражданской войны в Восточной Сицилии и его стремлением захватить весь остров, а стремлением во всеоружии вступить в предстоящую борьбу с коалицией сицилийских греческих полисов под главенством Пирра.

Согласно Диодору, после того как карфагеняне осадили Сиракузы, Сосистрат и Фоинон, прекратив вражду, неустанно посылали к Пирру посла за послом, пока тот, наконец, из Локр не отплыл в сторону Сицилии³⁵. Царь уклонился от переправы через охраняемый Мессанский пролив и взял курс на Тавромений, где когда-то высадился и Тимолеонт. Из этого прибрежного сицилийского полиса, где Пирр был с почестями встречен Тиндарионом и получил первое подкрепление, эпироты через Катану двинулись к Сиракузам, в то время как вдоль берега туда же направился их флот. Карфагеняне при известии о приближении врага не решились на битву, быть может, опасаясь оказаться между двух огней: в Сиракузах находилось 10-тысячное войско, а в гавани в готовности выйти в море стояли 120 кораблей, в основном катафрактот (Diod. XXII. 8. 5). Поэтому армия и флот пунийцев без сопротивления покинули свои позиции перед городом и отступили в эпикратию. Таким образом, Сиракузы без потерь достались Пирру. Нужно отметить, что Восточная Сицилия почти бескровно оказалась в руках эпирского царя (за исключением, конечно, мамертинской территории). По свидетельству Плутарха, «города с готовностью присоединялись к нему, так что на первых порах ему нигде не приходилось прибегать к военной силе» (Plut. Pyrrh. 22). В Сиракузах Фоинон и Сосистрат передали Пирру все имеющиеся в их распоряжении оружейные

³⁵ Д.Кинаст полагает, что Пирр отбыл в Сицилию в середине лета 278 г. до н.э. (Kienast. Op. cit. Sp. 148). Однако многие исследователи сицилийской эпопеи эпирского царя высказываются в пользу осени 278 г. до н.э. как времени ее начала (об этом см.: Hans. Op. cit. S. 88-89). Неизвестно, каковы были изначальные силы Пирра, с которыми он прибыл на остров. Аппиан говорит только о 8 тысячах всадников (App. Samn. 11. 2). Надо полагать, что большую часть своих войск царь оставил в Южной Италии, где продолжалась война с римским государством. Очевидно, он надеялся вести борьбу с Карфагеном исключительно силами сицилийских греков. Подсчитано, что в Сицилии, к моменту вторжения на территорию пунийской эпикратии (весной 277 г. до н.э.), Пирр располагал армией в 30 тысяч пехоты и 2500 всадников, флотом в 200 кораблей и значительным количеством слонов (Hüb. Op. cit. S. 213).

арсеналы, отряды и материальные средства. Подобное сделали многие греческие полисы Восточной Сицилии через своих послов, отправленных в Сиракузы. Здесь же Пирр «конгрессом эллинов» был наделен полномочиями «верховного руководителя и царя» Сицилии (Polyb. VII. 4. 5; ср.: Just. XXIII. 3. 3), тогда как сицилийцы стали его οὐδνάχοι (Diod. XXII. 8. 3).

С вторжением эпирского царя на Сицилию для Карфагена наступил очередной сложный период развития отношений с сицилийскими греками, в которых наряду с военным соперничеством между противоборствующими сторонами осуществлялись и дипломатические контакты, - правда, не так интенсивно и результативно, как прежде. Вместе с тем усилия Пирра сплотить сицилийских греков в борьбе против Карфагена и мамертинцев оказались тщетными. На ее неблагоприятный для Пирра исход повлияли следующие обстоятельства. Во-первых, он после неудачной осады Лилибея, упорно обороняемого карфагенянами, попытался перенести по примеру Агафокла военные действия на территорию Северной Африки, что для его сицилийских союзников было дорогостоящим и рискованным предприятием. Во-вторых, в своих отношениях с эллинами Сицилии царь прибег к деспотическим методам правления. В итоге это привело к возникновению оппозиции³⁶, которая приобрела еще больший размах после того, как репрессии царя коснулись сиракузских лидеров Фоинона и Сосистрата. В результате Сосистрат бежал и в страхе за свою жизнь, как пишет Плутарх, перешел на сторону врага, а Фоинона царь казнил, приписав ему то же намерение (Plut. Pyrrh. 23. 5). Подозрительность и расправа над влиятельными вождями сицилийских греков лишила эпитота его политической опоры в Сицилии. Кульминацией оппозиционного движения против Пирра, который, по Аппиану, «для сицилийцев оказался тяжким бременем из-за поставленных им гарнизонов и наложенных им податей» (App. Sampl. 12. 1), явилось то, что сицилийские полисы стали отпадать от эпирского царя. Одни из них (видимо, те, что раньше входили в состав эпикратии или были соседними с ней) вновь перешли на сторону карфагенян, другие (в основном, расположенные на восточном побережье Сицилии) присоединились к мамертинцам, сумевшим отстоять свою независимость от Пирра, и помогли им против эпитотов (Plut. Pyrrh. 23. 5). Лишенный всякой поддержки на острове, Пирр с остатками своих отрядов вынужден был возвратиться в Южную Италию. Таким образом, эпирский царь

³⁶ Основанием для подобного утверждения служит сообщение Зонары о том, что Пирр способствовал изгнанию большей части сиракузских «чиновников», которые нашли убежище у карфагенян (Zonar. VIII. 5).

«потерял власть над Сицилией так же быстро, как легко ее захватил», иронизирует Юстин (Just. XXIII. 3.1 0)³⁷.

Война Карфагена с Пирром и его союзниками, длившаяся в течение почти трех лет (Diod. XXII. 8. 1; App. Samn. 11. 2, 12. 1), привела к образованию приблизительно в 275 г. до н.э. системы политического равновесия сил в Сицилии. Конфликт Карфагена и Сиракуз, повлекший за собой вмешательство Пирра, был урегулирован политическими средствами³⁸, причем пути сближения между обеими сторонами должны были наметиться на исходе сицилийской экспедиции Пирра, когда некоторое число отпавших от него общин обратилось за помощью к Карфагену. С этим сочетается и тот факт, что Сосистрат, бывший руководитель Сиракуз и Акраганта, перешел на сторону противников Пирра.

Однако эта система равновесия сил на острове просуществовала недолго. В конце 70-х годов III в. до н.э., в результате столкновения мамертинцев Мессаны и нового правителя Сиракуз Гиерона II, в северо-восточной части Сицилии вновь возник очередной кризисный очаг, который, как оказалось, затронул и интересы Рима. Включение римского государства в сицилийский узел противоречий ознаменовалось новой эпохой в истории Великой Греции - борьбой Рима и Карфагена, исход которой во многом предопределил дальнейшее развитие средиземноморского мира.

M.Sh.Sadykov

Interstate Relations on Sicily in the First Quarter of the 3rd Century BC

This article proposes an attempt to reconstruct the course of events, dealing with the history of Sicilian interstate relations in the times of the collapse of the empire of Agathocles after his death till the intrusion of Pyrrhus of Epirus (289-278 BC). The development of the situation in this region of Western Mediterranean was determined by certain key items, which are not well studied in classical studies in our country. We mean military and diplomatic contacts of Carthago and Sicilian Greeks. The contradictions between the main Sicilian Hellenic *poleis* – Syracuse, Akragas, Messana are a matrix of our analysis. We defined the role of Carthago in the conflict situations, dealing with the struggle of Meno and Hiketes to succeed to Agathocles and the strive of

³⁷ Последние усилия, предпринятые царем против римлян в Италии, также оказались бесплодными. Как известно, западная эпопея Пирра закончилась его сокрушительным поражением при италийском городе Беневенте от легионов консула Мания Курия Дентата. Оставив в Таренте гарнизон, царь в 275 г. до н.э. вернулся на Балканский полуостров (Flor. I. 13. 1).

³⁸ Beloch K.J. Zur Geschichte Siciliens vom pyrrhischen bis zum ersten punischen Kriege // Hermes. Bd.28. 1893. S. 487; Meltzer. Op. cit. Bd. II. S. 242.

Hiketes of Syracuse and Phintias of Akragas to dominate the central and eastern Sicily.

In 288 BC the Carthaginians scheming to strengthen their influence on the Greek political circles of the island managed to impose the peaceful agreement on the Syracuse. That broke out the activity of the former mercenaries hired to fight for Agathocles, namely Mamertinians of Messana, which built a hostile to Syracuse state in the northern-eastern part of Sicily. Nearly from 285 BC onwards they turned to be a fresh factor that contributed to the political development of the region.

At the threshold of the Sicilian expedition of Pyrrhus the Carthaginian government launched into most active diplomatic activity to gain the support of the Rome and Mamertinians to prevent the intrusion of king of Epirus on the Sicilian affairs. On the eve of his aggression against Sicily Pyrrhus tried to make the relations with Rome more stable in the course of the talks of his envoy with the Roman senate in 279 BC. The task of Carthaginian diplomacy of the time was to hinder any normalization of the relations of Rome and Epirus, doing the best to stir the opposition of Rome and Pyrrhus in Italy. The facts show, that there seem to be no possible grounds to consider a particular aggressiveness of the Sicilian policy of the Carthaginians at that moment, and especially about their intentions to seize the control of the whole Greek part of the island. The Carthaginians thought the alliance treaty with Rome of 279/278 BC (that is known due to Polybius) to be of utmost importance. The analysis of that treaty lets to ponder on the value of the Roman factor in the relations of the Syracuse and other Sicilian Greek *poleis*. The system of the political balance of power was realized in the region about 275 BC in the course of a complicated period of the development of Greek-Carthaginian relations before and during Pyrrhus' Sicilian campaign. The Roman interference ruined that balance.

Глава II **Межполисные и греко-персидские отношения** **в V – IV вв. до н.э.**

Дж.Баклер

Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил **в Греции (457-359 гг. до н.э.)**

Равновесие сил было концепцией, которую греки хорошо понимали, но редко когда могли полностью реализовать на деле. Более того, на практике применение этой идеи страдало равным образом от недостатка политических принципов и целей, более далеко идущих, нежели те, которые были направлены на выживание тех или иных государств и роста их могущества. Одним из главных результатов проявления амбиций различных государств и слабости этой политической системы часто бывало создание непостоянных союзов. Более того, эта неустойчивость нередко становилась результатом простой целесообразности. У греческих государств не было ни надежных друзей, ни непримиримых врагов; и хотя многие государства имели традиционные узы дружбы или вражды с другими, эти связи никогда не были столь прочными, чтобы создать надежную базу для проведения внешней политики. Эта ситуация сделала отношения между государствами причиной беспорядков и смут, которые представили саму идею равновесия сил как фактически нереализуемую на протяжении сколько-нибудь продолжительного периода.

После отражения персидского нашествия и битвы при Платее в 479 г. до н.э. большинство материковых греческих государств с радостью обратилось к своим местным делам и довоенной жизни. Спартанцы и их союзники по Пелопоннесской лиге не были исключением. Они не предприняли никаких репрессивных мер против аргосцев, которые открыто симпатизировали персам в ходе войны, и позже никто из греков не наказал фиванцев, активно сражавшихся на стороне внешних врагов. Государства Центральной Греции и области, расположенные к северу от них, также начали восстанавливаться после принесенных войной опустошений. То же сделали и Афины, но в 477 г. до н.э. они предприняли важный шаг, создав Делосский союз, официальной целью которого было продолжение войны против Персии и освобождение азиатских греков от персидского господства. Так Афины создали новый блок государств, сравнимый по силе со Спартой и Пелопоннесским союзом. Сначала Спарта и ее союзники не рассматривали Делосский союз как угрозу своим интересам; но по мере того, как Афины начали превращать эту конфеде-

рацию в империю, Спарту все более тревожило возрастание их мощи. Тем не менее, отношения между Спартой и Афинами оставались дружественными, даже если в чем-то неопределенными. В 462 г. до н.э. эта ситуация, однако, привела к открытой враждебности из-за восстания илотов в Мессении, которое никак не было связано с этими более масштабными внешнеполитическими событиями. Добиваясь свободы, мессенцы закрепились на крутых склонах Ифомы и успешно сопротивлялись Спарте и ее союзникам. Столкнувшись со столь глубоким кризисом, спартанцы обратилась за помощью к Афинам, и в ответ те направили на подмогу к ним своего знаменитого полководца Кимона и значительные силы гоплитов. По причинам, которые до сих пор остаются неясными, спартанцы в оскорбительной форме отослали Кимона и его воинов обратно, нанеся им тем самым нестерпимую обиду, отравившую отношения между двумя государствами. Афиняне немедленно заключили союз с Аргосом и Фессалией, двумя традиционными противниками Спарты, и ссора между Афинами и Спартой, таким образом, быстро распространилась по всей Греции. Эти два соглашения усилили позиции Афин против Спарты, а союз с Аргосом вообще дал афинянам возможность закрепиться у самого порога Спарты. Большая часть Греции теперь разделилась на два враждующих лагеря, что быстро привело к столкновениям в Эгине и в Мегарах¹.

В течение некоторого времени Фивы и остальная Беотия стояли в стороне от надвигающейся бури, но тучи войны уже нависли над их страной. После войны с персами беотийцы, как и остальные эллины, сохраняли спокойствие, восстанавливая силы после военных лишений. Наиболее важные проблемы региона находились в ведении Беотийской конфедерации. Об организации и функционировании этой лиги в период между 479 и 447 гг. до н.э. известно мало за исключением того, что она, вероятно, включала в себя не все города области, а связи между ее членами, как кажется, были сравнительно непрочными. Учитывая значимость Фив и их отношения с беотийскими соседями, необходимо прояснить характер их официальных политических связей. Фивы сами по себе были настолько сильны, что на протяжении многих лет этого периода они доминировали в конфедерации и часто представляли ее на международной арене. Поэтому даже сегодня историки, как и в древности, говорят о «фиванцах» и «беотийцах» взаимозаменяемо, несмотря на то, что в годы перед Пелопоннесской войной фиванцы нередко решали внутрисоюзные дела, сочетая и собственную мощь, и свое влияние на соседние полисы. При отсутствии же какой-либо серьезной внешней опасности

¹ Thuc. I. 102-106; Aristoph. Lys. 1138-1144; Diod. XI. 64. 2-3; Plut. Kim. 17. 4-8; Paus. IV. 24. 7; о Пелопоннесском союзе: Wickert K. Der peloponnesische Bund. Erlangen – Nürnberg, 1961; о Делосском союзе: Meiggs R. The Athenian Empire. Oxf., 1972. P. 42-91; Badian E. From Plataea to Potidaea. Baltimore, 1993. P. 88-96.

Беотийская конфедерация не вела активной деятельности. Эта ситуация, однако, изменилась в 457 г. до н.э., и совсем не по вине беотийцев, которые вдруг оказались неожиданно затронутыми возрастающим антагонизмом между Спартой и Афинами.

Последующие события весьма ярко показывают, с какой легкостью государство, пребывающее в состоянии мира, могло быть вовлечено в по большей части неуместные для него альянсы и войны, не будучи виновно в этом и не имея собственных далеко идущих намерений. Однажды попав в этот круговорот, государство уже не могло вернуться к независимой от других держав политической жизни. Именно это и произошло в 458 г. до н.э., когда по неизвестным причинам фокидяне, ближайшие северные соседи Беотии, неожиданно опустошили земли дорийцев, живших к северу от них. Как это часто бывало в греческой и более поздней истории, локальные столкновения привели к враждебности, результатом которой стало вмешательство других государств. Заявив о своем родстве с дорийцами, спартанцы отправили армию численностью в 11,5 тысяч воинов для того, чтобы вынудить фокидян отказаться от своих завоеваний. Затем это войско без всякого приглашения двинулось в южную часть Беотии. Спарта со всей очевидностью использовала эту смуту как предлог для вмешательства в дела Центральной Греции, о чем говорит сама численность ее войска. Фокида, за исключением богатой долины Кефиса - это бедная гористая область, способная обеспечить проживание лишь небольшого населения (возможно, 30 тыс. свободных людей максимум). Использование спартанцами такой сильной армии для покорения Фокиды напоминает попытку расколоть орех кувалдой. Цели Спарты были явно более серьезными и далеко идущими, нежели освобождение нескольких незначительных дорийских городов. Вместо этого спартанцы намеревались добиться выполнения двух первоочередных задач.

Первой из них было привлечение Фив, и, кроме них, остальной Беотии на свою сторону в качестве союзников. Это соглашение было бы противопоставлено более ранним пактам Афин с Аргосом и Фессалией: ведь как Аргонида граничила с Лаконикой, так и Беотия - с Аттикой. Если бы Фивы стали союзниками Спарты, Беотия перекрыла бы прямые сухопутные коммуникации между Афинами и Фессалией. Союз с Фивами как противовес афинским договорам с вышеназванными государствами восстановил бы равновесие сил в Греции в целом. Чтобы усилить Фивы, Спарте было необходимо повысить статус этого полиса в Беотийской конфедерации, что она и сделала, превратив Фивы в ведущее государство в лиге.

Второй причиной спартанской кампании было, возможно, стремление или вызвать Афины на заранее подготовленное сражение (что маловероятно), или, скорее всего, удержать их от вмешательства в планы Спарты. Если бы

Афины выбрали спор с оружием на поле боя, то спартанцы добились бы перевеса, будучи усилены фиванским войском. Никто не мог предусмотреть реакции Афин, так как ни они сами, укрепляя отношения с аргосцами и фессалийцами, ни Спарта, заигрывая с Фивами, не нарушали никаких существовавших ранее договоров и не делали ничего необычного. Но помимо юридического аспекта, реальная политическая и военная ситуация стала неустойчивой и опасной².

Вся проблема свелась теперь к ответу Афин, который осложнялся страхом, вызванным тем, что некоторые афиняне в действительности приветствовали присутствие спартанцев в Беотии. Группа афинских граждан была настолько оппозиционно настроена к демократии, что некоторые из них тайно вступили в переговоры со спартанцами, чтобы подавить ее. Пока афиняне размышляли над ответными мерами против спартанцев, те начали превращать Фивы в ведущую силу в Беотийской конфедерации. Спартанцы добились этого, усилив городские стены Фив, но еще более важным стало то, что они прекратили политические беспорядки (στάσις), царившие во всей Беотии. Они поддержали проспартанские элементы в беотийских городах и уменьшили политический вес Танагры, ранее весьма влиятельной в конфедерации. Они, однако, не изменили беотийской союзной конституции; их вмешательство принесло только смену лидера. Спартанцы завершили свои действия, заключив союз с Беотийской конфедерацией, который дал им нового сильного партнера и временно приостановил рост афинского могущества, тем самым изменив облик греческой политики. С этого времени судьбы Спарты, Фив и Афин оставались тесно сплетенными между собой, и все три государства на протяжении почти целого столетия объединялись друг против друга для того, чтобы сохранить политическое и военное превосходство в Элладе. Ни одно исследование равновесия сил в древности не будет ценным, если в него не войдет оценка устремлений, целей и страхов трех этих государств³.

² Thuc. I. 107. 1-2; Diod. XI. 79. 4; Plut. Kim. 17. 4; Beloch K.J. Griechische Geschichte. Bd. II². Abt. 2. В.-Lpz., 1931. S. 198-199; Tomlinson R.A. Argos and the Argolid. L., 1972. P. 111-112; относительно населения см. Beloch K.J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Lpz., 1886. S. 175.

³ Thuc. I. 107; III. 62. 5; Diod. XI. 81. 3-4; StV. Bd. II². № 142. Хронология событий неясна, так как протяженность времени между приходом спартанцев в Беотию и битвой при Танагре неизвестна. Времени хватило для переговоров между недовольными афинянами и спартанцами, а также, что еще более важно, требовалось дополнительное время, чтобы отправить за аргосским и фессалийским войсками, которые сражались при Танагре (а до того они должны были быть собраны и прибыть в Аттику). Платон (Men. 242 A; Alkib. I. 112C) и Павсаний (I. 29. 6, 9) подтверждают, что беотийцы сражались при Танагре на стороне спартанцев, что предполагает, будто политическое соглашение между двумя госу-

Афины тем временем осознали угрозу, исходившую для них как от внутренних распри, так и от присутствия спартанцев в Беотии - угрозу слишком значительную для того, чтобы ею можно было пренебречь. Как результат инцидента на Ифоме, Мегары присоединились к Афинской архе, вследствие чего афиняне заняли главную дорогу между Центральной Грецией и Пелопоннесом. Они также получили контроль над Пагами, главной мегарской гаванью в крайней восточной точке Коринфского залива, откуда они могли отправлять триеры для пресечения спартанских попыток отступления по морю. Афиняне прочно заперли спартанскую армию в Беотии, но оставалось фактом, что два государства все еще пребывали в мире между собой. Выход из тупика мог бы быть легко обнаружен, если бы афиняне предоставили спартанскому войску право свободного и мирного прохода через Мегары, что было общепринятым эллинским обычаем; но ни одна сторона не извлекала выгоды из этой возможности. Афиняне полагали, что попытки спартанцев привлечь Фивы на свою сторону были подготовкой к вторжению в Аттику; в действительности же спартанцы, заключив союз с Фивами, хотели только вернуться домой. В самом деле, Спарта не предприняла против Афин никаких военных действий и была довольна тем, что ей удалось сместить баланс сил обратно к равновесию. Афины, однако, ввиду своего временного военного преимущества, а также из-за своих опасений решили вызвать военное столкновение. Афиняне собрали все свое войско, усилив его контингентами из Аргоса и Фессалии, и вторглись в Беотию через Танагру. Спартанцы и их вновь приобретенные беотийские партнеры ответили силой на силу, и при Танагре они нанесли серьезное поражение афинянам и их союзникам⁴.

дарствами уже было достигнуто. Наконец, так как спартанцы покинули Беотию вскоре после битвы, у них было мало времени для принятия этих политических шагов. См. также Busolt G. Griechische Geschichte Bd. III. Gotha, 1897. S. 312-313; Beloch. Op. cit. Bd. II². Abt. 1. Strassburg, 1914. S. 169; Bd. II² Abt. 2. S. 199; Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Oxf., 1945. Vol. I. P. 315-316; Buck R.J. A History of Boeotia. Alberta, 1979. P. 146-147; последняя интерпретация отвергается по причинам, приведенным выше.

⁴ Thuc. I. 108. 1; Meiggs R., Lewis D. Greek Historical Inscriptions². Oxf., 1988. № 35, 36; Arist. Ath. Pol. XXV. 4; Plut. Per. 10. 8; Kim. 17. 1-2, 8; Just. III. 6. 10. Diod. XI. 80 - этот рассказ сильно запутан; Диодор ошибочно утверждает, что спартанцы решили вернуться в Пелопоннес через Танагру, что просто нелепо. Даже если такое вторжение было бы успешным (как легко могло оказаться в действительности), спартанцы все еще должны были оказаться перед системой горных проходов, которая проходит через Мегариду и с которой они имели дело повсеместно начиная с Беотии. Фукидид (I. 108. 1-2) утверждает, что спартанское войско вернулось домой через проходы горы Герании, до которой было бы проще и быстрее пройти переходом от Танагры к Платее через легко проходимую, открытую холмистую местность, а оттуда направиться к югу. См. Munn M.H. Agesilaos' Boeotian Campaigns and the Theban Stockade of 378-377 B.C. // CIA. 1987. Vol. 18. P. 106-121; использованы также материалы личных наблюдений 30.09.1970, 17.08.1980 и

Заслуживают внимания несколько аспектов этого инцидента. Первый - это стремление спартанцев привлечь на свою сторону несоюзные государства, которые могли вступать в любые международные соглашения, обязательства и альянсы по своему желанию. Фивы не состояли в союзе с афинянами, и заключение ими пакта со Спартой было правом суверенного государства. Второй аспект состоит в том, что после того, как союз был успешно заключен, ни Спарта, ни Фивы не предприняли никаких враждебных шагов против Афин. Напротив, кризис вызвали Афины, угрожавшие лишить спартанское войско мирного и безопасного возвращения на родину. Далее, афиняне начали открытую вражду, вторгшись в Танагру, беотийский полис, с которым они находились в состоянии мира и который не сделал ничего, что могло бы поставить его под угрозу; тем самым афиняне вызвали ответ спартанцев. Реакция последних на афинскую агрессию была совершенно оправдана необходимостью обеспечить безопасность своей армии и защитить территорию нового союзника. Одержав победу при Танагре, спартанцы отказались от принесенной ею возможности вторгнуться в Аттику, что было бы совершенно законно в юридическом и очень легко в военном отношении. Дорога, ведущая из Танагры в северо-западную Аттику, была легкой и открытой, а разбитая афинская армия не могла воспрепятствовать вторжению⁵. Даже если спартанцы имели полное право развить свой успех, они отказались сделать это, предпочтя вернуться в Пелопоннес, что было их первоначальной целью. Если посмотреть на ситуацию под таким углом зрения, то не должно остаться сомнений в том, что афиняне неразумно вызвали войну, побуждаемые собственной близорукостью в национальных интересах и своими собственными страхами. Афины также нарушили права Беотийской конфедерации, которая раньше пребывала с ними в мире, не намеревалась его нарушать и не предприняла никаких агрессивных действий против Афин.

Возможное возражение на такую интерпретацию событий состоит в том, что спартано-фиванский альянс угрожал безопасности Афин. Это действительно могло бы быть правдой, - так же, как и то, что афинско-аргосский союз угрожал Спарте; однако Спарта не начала вести войну по заключении этого пакта. Вместо этого спартанцы попытались восстановить равновесие сил, чтобы избежать войны. В целом, именно Афины являются тем государством, которое первым напало на Спарту и Фивы, и на них лежит вся тяжесть вины за войну, которую они даже не удосужились официально объявить. Хуже того, эту прореху в ткани эллинской международной политики так никогда и не удалось заштопать.

21.10.1998.

⁵ Ober J. *Fortress Attica*. Leiden, 1985. P. 147-148; Fossey J.M. *Topography and Population of Boiotia*. Chicago, 1988. P. 42-43, 98-99.

Спартанская победа при Танагре положила конец кризису, однако лишь на время. Спартанское войско безопасно вернулось в Лаконику, но спустя всего лишь шестьдесят два дня афиняне вновь вторглись в Беотию без какого-либо повода к тому, на сей раз нанеся удар у города Энофиты. Поскольку никакого мира по завершении предыдущей необъявленной войны заключено не было, Афины с правовой точки зрения имели все основания возобновить вражду. Как это ни печально, для Афин законность перестала иметь значение. В битве при Энофите Фивы потерпели сокрушительное поражение, которое помешало им воспрепятствовать установлению афинского контроля над Беотией, Фокидой и Локридой Опунтской. Афиняне распустили Беотийскую конфедерацию, причем ее члены не были приняты в Делосский союз, но рассматривались как покоренные противники. Во всей Беотии только Фивы сумели сохранить независимость от Афин, но и этот полис потерпел кораблекрушение в море афинского могущества. Участие Фив в большой греческой политике принесло им лишь поражение, ослабление и угрозу их свободе. Тем не менее, Афины преподнесли Фивам урок, который не был забыт на протяжении до конца столетия и с памятью о котором пришло глубокое чувство недоверия и враждебности⁶.

В течении десяти лет, прошедших после поражения при Энофите, Фивы оставались спокойными, хотя афиняне однажды потребовали, чтобы другие беотийские города приняли участие в военной экспедиции против Фессалии. В 447 г. до н.э., однако, в Беотию возвратились война и сумятица, вызванные амбициями иностранных держав, внутренними смутами и недовольством афинским господством. И вновь причина переворота была внешней. Спустя некоторое время после пятилетнего перемирия, заключенного между Афинами и Спартой в 451 г. до н.э., фокидяне захватили святилище Аполлона Пифийского в Дельфах и затем удерживали его как свое собственное, вызвав тем самым конфликт, известный как Вторая священная война. Служители Аполлона и дельфийцы всегда рассматривали этот культ как относящийся к общеэллинскому центру, независимый ни от какой внешней силы, не связанный с политикой и открытый для всех. Спартанцы, возмущенные тем, что

⁶ Thuc. I. 108. 2-3; Plato. Men. 242B; Arist. Pol. V. 2. 6; Rhet. III. 4. 3; Diod. XI. 81. 4-83; Front. Strat. II. 4. 11; IV. 7. 21. См. Beloch. Griechische Geschichte. Bd. II². Abt. 1. S. 169-170; Steinbrecher M. Der delisch-attische Seebund und die athenisch-spartanischen Beziehungen in der kimonischen Ära (ca. 478-462/1). Stuttgart, 1985. Местоположение Энофиты: Fossey. Op. cit. P. 58-60. Хотя Р.Дж.Бак (Buck. Op. cit. P. 148-149) доказывает на основании нумизматических данных, что конфедерация продолжала существовать и под афинским господством, беотийское монетное дело еще не изучено систематически, и ни одна из монет этого периода не имеет легенды BOI, что могло бы означать федеративный чекан. См. Head B.V. On the Chronological Sequence of the Coins of Boeotia. L., 1881. P. 25-29.

они рассматривали как насилие над божеством, в 448 г. до н.э. силой изгнали фокидян из Дельф и возвратили святилище дельфийцам. После ухода спартанцев афиняне с Периклом во главе предприняли успешную экспедицию, чтобы восстановить господство Фокиды над святилищем. В благодарность и в качестве вознаграждения фокидяне предоставили Афинам престижное право *προαίτια*, дававшее возможность вопрошать оракул от лица других так же, как и от собственного. Этот пакт был закреплен союзом Афин с Дельфийской амфикифонией, в котором данное право было официально признано. Даже если нельзя установить прямую связь между этими событиями и последующим развитием ситуации в 447 г. до н.э., остается фактом, что Фивы и другие беотийцы были настроены благочестиво и потому являлись ревностными сторонниками Дельфийского святилища и столь же яркими противниками Афин и Фокиды. Годом раньше афинская армия, направляющаяся для вмешательства в Дельфы, прошла через Беотию, что без сомнения было не слишком дружественной акцией в отношении ее населения. Еще более серьезным обстоятельством, однако, стали внутренние раздоры в среде поддерживаемой Афинами верхушки беотийских городов. Вскоре после событий в Дельфах изгнанники-олигархи захватили в Беотии крупные города Орхомен, Херонею и некоторые другие, тем самым подняв значительное восстание против афинского господства⁷.

Это восстание привело Афины к кризису и показало трудности, которые влекла за собой попытка удерживать Беотию под контролем с помощью военной силы. Таковы были реальные последствия Энофиты. Знаменитый афинский политик Толмид настроил своих сограждан против совета Перикла и предпринял новое вторжение в Беотию для подавления мятежа. Толмид сначала повел крупную армию афинян и их союзников на Херонею, захватил город, а жителей которой в рабство. Несмотря на этот первоначальный успех, он не сделал ничего большего и был вынужден отступить назад в Аттику. Его маршрут проходил по узкой дороге от Лебадии до Галиарта, которая была сжата между предгорьями Геликона и берегом Копайдского озера. При Коронее, которая господствовала над небольшой равниной, обеспечивавшей хорошие коммуникации с высотами над долиной Фалара, сильный отряд из-

⁷ Экспедиция в Фессалию: Thuc. I. 111. 1. Перемирие: StV. Bd. II². № 143. Вторая священная война: Thuc. I. 112. 5; Plut. Per. 21; см. также Gomme. Op. cit. Vol. I. P. 337-338; Lewis D.M. The Origins of the First Peloponnesian War // Classical Constitutions: Studies in Honour of M.F.McGregor / Ed. by G.S.Shrimpton and D.G.MacCargar. Locust Valley - New York, 1981. P. 71-78; Hornblower S. The Religious Dimensions to the Peloponnesian War. Or, What Thucydides Does Not Tell Us // HSCPh. 1992. Vol. 94. P. 169-197; Lefevre F. L'Amphictionie pyleo-delphique. P., 1998. P. 31, 169; союз Афин с амфикифонией: StV. Bd. II². № 142; беотийское восстание: Thuc. I. 113. 1.

гнанников из Орхомена, Локриды и Эвбеи напал на Толмида из засады и уничтожил его войско. Перикл осознал масштаб и долговременное значение этих событий, что заставило его отказаться от дальнейших операций в Беотии. Битва при Коронее показала безрассудство афинской политики, начатой при Танагре и продолженной при Энофите. Афины, пытаясь добиться господства в Беотии, только потеряли средства и людей, а их неудача лишь углубила ненависть Фив к Афинам и их верность Спарте. Пытаясь расколоть союз между Фивами и Спартой, афиняне, напротив, укрепили связи между ними и тем самым помогли спартамцам добиться выполнения их первоначальной цели. Перикл признал последствия этой неудачи, согласившись уйти из Беотии и заключить с ее гражданами мир, по которому все они остались автономными⁸.

Мир с Фивами не означал возвращения к ситуации, достигнутой до сражений при Танагре и Энофите, хотя Перикл, конечно, не мог знать этого в 447 г. до н.э. Завоевание Беотии и управление ею Афинами между 457 и 447 гг. до н.э. усилили намерение ее населения создать федеративное правительство, действительно способное привести все ресурсы области под эффективное управление центральной власти. Беотийцы заменили рыхлую федерацию, существовавшую в прошлом, на одну из наиболее эффективных конфедераций во всей классической Греции. Хотя отдельные точные детали ее конституции хорошо освещены, некоторые ее аспекты слишком важны для того, чтобы их можно было проигнорировать в данной работе. Конфедерация была разделена на одиннадцать политических единиц, чтобы уравнивать их представительство по территории и населению таким образом, что ни один полис или область не могли бы преобладать над другими. Реформа учредила федеративный совет и суды, которые существовали в Фивах, а также разделила армию на одиннадцать подразделений, находившихся под командованием одиннадцати военачальников, официально называемых беотархами. Эти должностные лица обладали также широкими полномочиями в гражданских делах и дипломатии. Все налоги, политические права и обязанности были разделены поровну в той же самой пропорции. Эта конституция предоставила беотийцам возможность выставить армию в 10 тыс. пехоты и 1 тыс. конницы и обеспечить единое и представительное руководство в дипломатических делах федерации. Новая конституция превратила фиванцев и их сородичей беотийцев в действительно великую державу, намного более мощную, чем они были ранее и вполне способную как защитить себя, так и навязать свою волю другим. Результатом стало то, что Беотия оказалась гораздо более

⁸ Thuc. I. 113; Diod. XII. 6; Plut. Per. 18. 2-3; Paus. I. 27. 5; I. 29. 14; StV. Bd. II². № 3; о Коронее и ее топографии: Buckler J. Philip II and the Sacred War. Leiden, 1989. P. 36.

сильной, чем кто-либо в Афинах мог предвидеть в 457 г. до н.э.⁹

Война в Греции на некоторое время прекратилась с заключением Тридцатилетнего мира между Спартой и ее союзниками, включая Фивы, и Афинами с их союзниками (445 г. до н.э.). В договоре были реалистически оценены стратегические позиции и законные права воевавших сторон, и он был направлен на возвращение к истинному равновесию сил, но теперь ситуация сильно отличалась от положения дел, сложившегося к 462 г. до н.э. Тогда такие значительные государства, как Аргос, Фессалия и Фивы не состояли в союзах, теперь же они находились либо в спартанском, либо в афинском лагере. Баланс сил приобрел смысл биполярного разделения власти, и любая попытка нарушить эту биполярность ввергла бы Грецию в большую войну. После заключения договора Спарта не предпринимала никаких действий в Пелопоннесе, а Фивы в Беотии, тогда как Афины усилили свое давление на Делосский союз, который теперь фактически преобразовался в империю. Дело не только в том, что после 445 г. до н.э. сложилась эта биполярность, но и в том, что обе стороны были теперь гораздо сильнее и опаснее, чем когда-либо раньше¹⁰.

«Тридцатилетний мир» - некорректное выражение, ибо он продолжался только четырнадцать лет. Ход событий, приведших к Пелопоннесской войне, слишком хорошо известен, чтобы повторять его здесь, однако роль Фив на первых стадиях начала фактического начала враждебных действий требует некоторого внимания. Зимой 432/1 г. до н.э., по мере того, как переговоры между Спартой и Афинами постепенно, но неуклонно шли к краху, и война со всей очевидностью стала неминуемой, Фивы составили план - неожиданно, без предупреждения или объявления войны сокрушить своего традиционного противника - Платеи. Приблизительно в марте 431 г. до н.э. небольшой фиванский отряд ночью подошел к Платее, - как оказалось, лишь для того, чтобы потерпеть поражение в результате стремительного и яростного отпора платейцев. Нападение фиванцев явно нарушило перемирие 445 г. до н.э., и как Спарта, так и Афины приготвилились немедленно начать войну. Спартанское войско, отряды пелопоннесских союзников и объединенные силы беотийцев под общим руководством Архидамас вторглись в Аттику, положив начало первому году войны, которая заняла период жизни почти целого поколения. Фивы оставшимися силами повели осаду Платеи. Этот наглый шаг, предпринятый без ведома и поддержки Спарты, дал первый пример нового и все более независимого поведения Фив - в отношении не только Спар-

⁹ Hell. Oxy. XIX. 2-4 (ed. Chambers); Salmon P. Étude sur la Confédération béotienne (447/6 - 386). Bruxelles, 1976; Beck H. Polis und Koinon. Stuttgart, 1997. P. 90-94.

¹⁰ Thuc. I. 115. 1; Diod. XII. 7; Plut. Per. 24. 1; Paus. V. 23. 4; Just. III. 7. 1-2; StV. Bd. II². № 156; Fleiss P.J. Thucydides and the Politics of Bipolarity. Baton Rouge, 1966. P. 81-103.

ты, но и всей Греции. Такая перемена стала возможной в результате конституционной реформы 447 г. до н.э. Создание, консолидация и успешное функционирование новой конфедерации чрезвычайно увеличили мощь Беотии и дали ей средства для навязывания своей воли всему греческому миру. Нападение на Платею, которое, вне сомнений, совершенно не отвечало интересам Спарты, обозначило начало преобладания беотийских интересов среди всех приоритетов Фив. Успешное осуществление этой цели в ходе Пелопоннесской войны позволило Фивам достичь уровня крупной и жизнеспособной греческой державы. Фивы решили эту проблему путем сотрудничества со Спартой в военных операциях против Афин, тогда как в дипломатических делах они играли более независимую роль, и в этом Фивы не желали жертвовать собственными намерениями ради строгого выполнения требований, отвечавших интересам Спарты¹¹. Подчинив Платею в 427 г. до н.э., Фивы резко усилились благодаря использованию завоеванной территории и укреплению своего положения в рамках Беотийской конфедерации путем уничтожения наиболее серьезного из ближайших противников. Фиванское могущество еще более возросло после победы на афинянами в битве при Делии в 424 г. до н.э. Весной этого года Афины запланировали вторгнуться в Беотию с двух направлений - от Сиф на юге во главе с Демосфеном и с запада, из Аттики, через Делию. Демосфен потерпел неудачу с самого начала, а афинский полководец Гиппократ привел свое войско к катастрофе у Делии недалеко от Танагры. Важная особенность этой битвы состоит в том, что Фивы привели Беотийскую конфедерацию к победе на Афинами без помощи спартанцев. Более того, благодаря потерям феспийцев в этом сражении, Фивы получили возможность срыть стены Феспий, заставив этот полис подчиниться фиванскому политическому диктату. Таким образом, к 423 г. до н.э. Фивы стали ведущим государством в Беотии и ее хозяином в политическом отношении. С этого времени Фивы используют объединенные возможности всей Беотии для достижения собственных целей, одной из которых стало достижение большей независимости от Спарты¹².

Первое значительное проявление этой новой уверенности в своих силах и независимости произошло в тревожные 422 и 421 гг. до н.э., когда некото-

¹¹ Her. VII. 233; Thuc. II. 2-9; Dem. XLIX. 98-106; Diod. XII. 41; см. также Ste Croix G.E.M. de. *The Origins of the Peloponnesian War*. L., 1972. P. 50-85; Amit M. *Great and Small Poleis*. Brussels, 1973. P. 88-94; Badian E. *Plataea between Athens and Sparta: In Search of Lost History* // *ΒΟΙΟΤΙΚΑ: Vorträge vom 5. Internationalen Bötien-Kolloquium*. München, 1989. P. 95-111.

¹² Thuc. IV. 89-101; 133. 1; Diod. XII. 69-70; см. также Gomme. *Op. cit.* Vol. III. P. 558-572; Moggi M. *I sinecismi interstatali Greci*. Pisa, 1976. P. 197-204; Buck R.J. *Boiotia and the Boiotian League*. Alberta, 1994. P. 16-19.

рые из противников Спарты и ее недовольных союзников начали переговоры с целью создания в Пелопоннесе нового дипломатического объединения. Спарта проиграла пилосскую кампанию, фиванцы разбили афинян при Делии, а спартанский и афинский военачальники - Брасид и Клеон - погибли в битве при Амфиполе, что вынудило Спарту и Афины к заключению Никиева мира в 422 г. до н.э. Коринф, удрученный многолетней войной, не принесшей результатов, и неудовлетворенный условиями предложенного мира, начал переговоры с Аргосом, Элидой, Мантинеей, Фивами, Мегарами и фракийскими халкидянами, намереваясь создать новый союз, независимый как от Спарты, так и от Афин. Такие действия вполне можно назвать поистине революционными, так как эти государства намеревались отвергнуть лидерство Спарты, утвердив новый центр силы и вообще покончив тем самым с биполярной спартано-афинской гегемонией. Это, очевидно, был открытый вызов спартанскому господству; но, хотя Коринф и другие полисы присоединились к союзу с Аргосом, Фивы и Мегары держались в стороне от него¹³. Спарта пока не вмешивалась во внутренние дела последних двух государств, которые продолжали видеть в ней наиболее надежного партнера против Афин, все еще остававшихся их общим врагом. В решении фиванцев видится некая ирония судьбы, поскольку позднее именно спартанское вторжение во внутренние дела Фив заставило их обратиться против своего старого союзника. Помимо лояльного отношения к Спарте, Фивы и Мегары не присоединились к направленному против нее союзу, поскольку в Аргосе существовало демократическое правление, в противоречие с которым, как они опасались, войдут их собственные олигархические конституции. И все-таки эта сложная интрига не завершилась с формированием новых соглашений. Некоторые спартанские эфоры противились заключению Никиева мира, и для дальнейшего обсуждения его условий зимой 422/1 г. до н.э. они организовали встречу между своими союзниками по Пелопоннесской лиге, а также Афинами и Фивами. В действительности же эти представители Спарты, отнюдь не выражающие ее интересов в целом, надеялись разрушить соглашение, и с этой целью они по собственной инициативе начали договариваться с фиванскими и коринфскими делегатами об осуществлении изощенного плана по привлечению Аргоса к союзу со Спартой. Их главная задача состояла в том, чтобы вбить клин между Аргосом и Афинами, что обеспечило бы Спарте большую безопасность на Пелопоннесе. Послы Фив и Коринфа присоединились к заговору, и на пути домой они - конечно, не случайно - встретили двух высших аргосских должностных лиц, чтобы склонить их к союзу между ними и Спартой. Эта новая система союзов должна была обесценить условия Никиева мира, ос-

¹³ StV. Bd. II². № 190.

лабляя тем самым позицию Афин в целом. Но именно тогда, когда эта хитроумная схема, казалось, начала приносить успехи, предводители Беотийской конфедерации отвергли ее, поскольку они отказались пойти на заключение новых обязывающих соглашений, расценивая это как предательство по отношению к своим спартанским союзникам и отчуждение от них. Несмотря на всю запутанность, этот странный эпизод доказывает, что трезвые головы и в Фивах, и в Спарте осознали: до тех пор, пока Афины остаются их главным противником, наиболее безопасная для обоих государств политика должна быть направлена на заключение взаимного соглашения против общего врага. И действительно, заговор спартанских эфоров рикошетом ударил по ним же, так как весной 420 г. до н.э. Фивы и Спарта возобновили свое соглашение, которое компенсировало отпадение таких спартанских союзников, как Коринф и другие государства, и значительно усилило позиции Спарты в отношении их и Афин¹⁴. Решение фиванцев возобновить официальные отношения со Спартой также отрезвляюще воздействовало на Аргос, который стал бояться крушения всех своих планов и оказался перед лицом угрозы изоляции со стороны великих держав. Теперь же в поисках собственной безопасности Аргос стал добиваться мира и союза со Спартой, что избавило бы его от опасности с ее стороны и в то же время существенно ослабило бы давление на саму Спарту¹⁵. Однако эти хитросплетения дипломатии потерпели неудачу позже, в 420 г. до н.э., когда афинская делегация, вновь возглавленная Никием, попыталась добиться от Спарты уступок, - главным образом, отказа от союза с Фивами: Никий намекал на то, что, пока Спарта не согласится на это, Афины будут чувствовать себя вправе заключить союз с Аргосом. Стоящий перед Спартой выбор был прост, но имел чрезвычайно важное значение: если Спарта продолжала бы блокироваться с Фивами, она рисковала столкнуться с опасностью противостояния объединенных Афин и Аргоса. Спарта выбрала Фивы, что было признанием могущества этого наиболее значительного и самого надежного из ее партнеров и знаком доверия к нему¹⁶.

Неудача Никия, пытавшегося добиться расторжения союза Спарты с Фивами, вместе с другими обстоятельствами внешнего характера, вызвала быстрые и серьезные отзвук в Афинах. Молодой и чрезвычайно амбициозный политик Алкивиад воспользовался царившими в Афинах разногласиями и возмущением по поводу миссии Никия для того, чтобы заключить широкомасштабный союз с Аргосом, Мантиней и Элидой, то есть предпринял шаг,

¹⁴ StV. Bd. II². № 191.

¹⁵ StV. Bd. II². № 192.

¹⁶ Thuc. V. 30-46; Diod. XII. 75. 2; Plut. Nik. 10. 3; Westlake H.D. Corinth and the Argive Coalition // AJPh. 1940. Vol. 61. P. 413-421; Gomme. Op. cit. Vol. IV. P. 30-64; Legon R.P. Megara. Ithaca, 1981. P. 251-253; Salmon J.B. Wealthy Corinth. Oxf., 1984. P. 324-329.

который углубил раскол между спартанским и афинским лагерями и вновь подтолкнул их к вооруженному конфликту¹⁷. Такие действия Афин со всей очевидностью сделали союз с Фивами наиболее значимым в глазах Спарты. Одним из главных результатов этих обострившихся отношений было более тесное сближение Фив со Спартой для окончательной победы над Афинами в Пелопоннесской войне. В течение периода, получившего название Декелейской войны, Фивы присоединились к спартанскому гарнизону, овладевшему городом Декелейей, и территория, непосредственно окружающая Афины, оказалась в их тисках. Спартанские и фиванские войска систематически грабили Аттику, захватывая рабов и вывозя движимое имущество, включая даже бревна и части домов. Фивы также предоставили Спарте помощь флотом в решающей битве при Эгоспотамах, которая в 405 г. до н.э. решила судьбу Афин¹⁸.

Поражение Афин в Пелопоннесской войне, казалось, подтвердило основную причину соглашения, которое Спарта и Фивы заключили в 457 г. до н.э. Афины больше не представляли для них угрозы; и действительно, победившие союзники теперь спорили о будущем поверженного города. Как это часто случается в истории, им не удалось договориться о проведении взаимоприемлемой совместной политики, что привело к ожесточенной расправе, быстро разрушившей единство союзников. Хуже того, последующая вражда между ними привела к заключению новых союзов, что предопределило историю Греции в IV в. до н.э. Они выиграли войну, но не мир. По меньшей мере три проблемы разделили их. Первая - как обойтись с побежденными Афинами. Вторая состояла в том, как разделить военную добычу, а последняя сводилась к преодолению глубокого раскола во внутренней политике Афин. Союзникам не удалось прийти к согласию ни по одному из этих пунктов, и выросшая из этого вражда вскоре привела их в две враждебные друг другу группировки.

Фивы и Коринф желали совершенно разрушить беззащитные теперь Афины, но спартанцы напоминали им обо всех великих заслугах Афин перед Грецией в прошлом. Этот жест был проявлением спартанского великодушия, и никто всерьез не оспаривал решение пощадить город. Более трудной, однако, была проблема добычи. Фивы и Коринф вновь объединились для того, чтобы Спарта в вознаграждение всех их усилий в борьбе с Афинами уделила каждому из них по десятой доле всей добычи. Спарта отказалась, и это привело к взаимному отчуждению. Коринф и Фивы начали смотреть на Спарту

¹⁷ StV. Bd. II². № 193.

¹⁸ Hell. Oxy. XX. 3-5; Xen. Hell. II. 2. 10-23; StV. Bd. II. № 211; Arvanitopoulou Th.A. ΔΕΚΕΛΕΙΑ. Athens, 1958. P. 15-22; Bommelaer J.-F. Lysandre de Sparte. P., 1981. P. 134-138; Salmon. J. Op. cit. P. 194-196.

не как на партнера, а как на нового хозяина. Афины неожиданно приобрели значимость, которой у них не было даже немногими месяцами ранее. И Фивы, и Коринф немедленно отказались от дальнейшего сотрудничества со Спартой в предлагаемом ею решении афинских политических проблем. Спартанцы желали видеть в Афинах марионеточное олигархическое правительство, которое послушно следовало бы спартанским приказам; но Фивы бросили открытый вызов Спарте, предоставив значительную помощь афинским демократам, отстраненным от власти и изгнанным из Аттики. Фивы и Коринф намеревались восстановить Афины как политическую силу, чтобы они стали их потенциальным партнером, способным играть роль противовеса по отношению к Спарте. Фиванцы, коринфяне и афинские демократы одержали победу. Они свергли тиранию Тридцати, поддерживаемых Спартой олигархов, которые намеревались уничтожить демократию, и вместо этого в 403 г. до н.э. афинские демократы создали новое правительство, начавшее добиваться установления согласия между всеми гражданами города. Эта обновленная демократия, хотя и послушно следовала спартанским приказам, страстно желала освободиться от господства Спарты. Таким образом, всего лишь за год Фивы и Коринф стали активно враждебными Спарте и установили дружественные отношения с Афинами, которые использовали это время для того, чтобы оправиться после поражения. В этом обстоятельстве кроются причины совершенно новой и нетрадиционной расстановки сил между греческими государствами. В отличие от политических приоритетов V в. до н.э., на этот старая биполярность была полностью отброшена и в дальнейшем никогда не появлялась вновь в своей прежней форме. Действительно, начиная с этого времени греческая политика, особенно связанная со Спартой, Фивами и Афинами, постоянно оставалась фрагментарной¹⁹.

В течение определенного времени эта взаимная обиды лишь тлела, но в 396 г. до н.э. она вспыхнула с новой силой. Двумя годами раньше Спарта начала войну за освобождение малоазийских греков из-под персидского господства. Хотя сменяющие друг друга спартанские военачальники практически не сделали никаких шагов к тому, чтобы разбить Персию, они так опустошили ее западные области, что царь Артаксеркс II и несколько из его наиболее могущественных сатрапов Малой Азии составили заговор с Фивами, Афинами, Аргосом и Коринфом, чтобы разжечь войну против Спарты в самой Греции. Эта коалиция была настолько же уникальна, насколько и удивительна.

¹⁹ Parke H.W. The Development of the Second Spartan Empire // JHS. 1930. Vol. 50. 1930. P. 37-39; idem. The Tithe of Apollo and the Harmost at Decelaea // JHS. 1932. Vol. 52. P. 42-46; Lotze D. Lysander und der Peloponnesische Krieg. B., 1964. S. 87-98; Funke P. Homonoia und Arche. Wiesbaden, 1980. S. 1-46; Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War. Ithaca, 1986. P. 89-120.

тельна. Впервые за более чем столетний период большинство наиболее могущественных греческих полисов объединились со своим традиционным врагом, Персией, для борьбы против героев Фермопил и Платей - спартанцев, заявивших всему миру, что они вели Пелопоннесскую войну ради освобождения всех греков. Более того, Фивы и Спарта, бывшие союзниками на протяжении почти двух поколений, стали открытыми врагами, в то время как Фивы и Афины, соперничавшие в то же самое время, теперь буквально плечом к плечу сражались против Спарты. Внезапная перемена, произошедшая разом со столь большим количеством государств, сама по себе демонстрирует, что даже традиционные дружественные или враждебные связи могли быть моментально перечеркнуты; она также показывает, насколько хрупким и ненадежным был принцип стабильного равновесия сил в межгосударственных делах²⁰.

Хотя в V в. до н.э. персы постоянно полагались на свою военную и экономическую мощь для того, чтобы удерживать господство над греческими государствами западного побережья Малой Азии, теперь они для достижения тех же самых целей обратились прежде всего к дипломатии и к все тем же экономическим рычагам. С помощью этих средств они раздули и подпитывали Коринфскую войну (396-386 гг. до н.э.), в которой они играли на нестабильности и политическом хаосе в греческих государствах без прямого военного вмешательства. Персы достигли своей цели в 387/6 г. до н.э., когда Спарта согласилась провести в жизнь объемлющий греко-персидский договор, известный как Царский или Анталкидов мир. Наиболее известные условия этого соглашения звучат просто:

«Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов - Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, - должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ней окажу поддержку кораблями и деньгами»²¹.

Значение этих условий обсуждалось современными учеными даже, пожалуй, с излишней подробностью. Главный смысл их состоит в том, что персидский царь требует от греков, чтобы они прекратили Коринфскую войну; чтобы все греческие государства, независимо от того, являлись они участни-

²⁰ Accame S. Ricerche intorno alla Guerre Corinzia. Napoli, 1951; Perlman S. The Causes and the Outbreak of the Corinthian War // CQ. 1964. Vol. 58. P. 64-81; Lendon J.E. The Oxyrhynchus Historian and the Origins of the Corinthian War // Historia. 1989. Bd. 38. Ht. 2. P. 300-313.

²¹ Xen. Hell. V. 1. 31; StV. Bd. II². № 242.

ками войны или нет, были автономными; и что персидский царь будет вести войну против тех, кто не повинуется ему. Хотя Артаксеркс и не назвал специально Спарту в качестве проοτάτης — гаранта выполнений условий договора, спартанцы с этого времени использовали Царский мир как инструмент своей собственной политики, самостоятельно решая, как его применить и определяя условия автономии. Их злоупотребление понятием автономии, первоначально предназначенной для поддержания мира в материковых греческих городах, впоследствии привело к падению могущества Спарты²².

Спарта при царе Агесилае, располагавшем всей полнотой власти, сначала использовала договор для того, чтобы распустить Беотийскую конфедерацию, и в последующие годы спартанцы употребляли пункт соглашения, призывающий к автономии греков, для подавления недружественных им правительств. Несмотря на то, что сначала их интерпретация договора казалась успешной, такие действия породили глубокое недоверие и ненависть к Спарте почти во всей Греции. И когда в 382 г. до н.э. спартанцы незаконно и без оправдания захватили Фивы в период мира, а в 378 г. до н.э. спартанская армия совершила столь же противозаконный марш на Афины, все еще жившие в мире с соседями и в полном согласии с условиями договора, в 377 г. до н.э. Греции разразилась новая война. Афины основали новый союз, членом которого стали Фивы; и, так же как и в годы Коринфской войны, два государства начали борьбу против Спарты как против общего врага. Существенная разница состояла в том, что в 377 г. до н.э. Спарта нарушила официальное соглашение, при заключении которого были даны священные клятвы. В отличие от ситуации 403 г. до н.э., когда жадность победителей похоронила мир, теперь Фивы и Афины боролись за подавление спартанской агрессии и за свободу греков, которой спартанцы злоупотребили. Оба государства заявили, что на деле они были верными стражами Царского мира. Мы не будем рассматривать здесь ход последующей вражды, хотя он и интересен сам по себе. В дальнейшем Второй Афинский морской союз стал господствующей силой в Эгеиде, но Афины всегда стремились тщательно соблюдать корректность в отношениях с Персией. Фивы восстановили Беотийскую конфедерацию, которую они теперь контролировали на законных правах. Эти успехи были достигнуты за счет Спарты, вынужденной ограничить свою власть территорией Пелопоннеса²³.

²² Ryder T.T.B. *Koine Eirene*. Oxf., 1965. P. 25-38; Badian E. *The King's Peace* // *Georgica: Greek Studies in Honour of George Cawkwell* / BICS. Sup. 58. Ed. by M.A. Flower and M. Toher. L., 1991; Urban R. *Der kunigsfrieden von 387/86 v. Chr.* Stuttgart, 1991; Jehne M. *Koine Eirene*. Stuttgart, 1994. P. 31-47.

²³ Busolt G. *Der Zweite athenische Bund*. Lpz., 1874; Accame S. *La lega ateniese del sec. IV. a. C.* Roma, 1941. P. 9-142; Seager R. *Thrasybulus, Conon, and Athenian Imperialism*,

В начале лета 371 г. до н.э. эти противоречивые интересы столкнулись между собой. Пытаясь возобновить первоначальные условия Царского мира, Спарта и Персия созвали греков на конференцию, чтобы переодолеть все разногласия. Спарта и Афины достигли соглашения о том, что Афинскому союзу было официально предоставлено право существовать в рамках договора. Спарта, однако, рассматривала создание Беотийской конфедерации как нарушение условий пакта, и потребовала ее роспуска, как и раньше, в 386 г. до н.э. Афины отказались помочь своему союзнику Фивам, которые, в свою очередь, не собирались подчиняться. Поэтому Спарта объявила войну только одним Фивам, но позже, тем же летом, великий фиванский полководец Эпаминонд уничтожил спартанскую армию в битве при Левктрах. Все остальное - это не более чем эпилог.

Катастрофа, постигшая спартанцев при Левктрах, открыла в Пелопоннесе путь для всеобщего политического движения против спартанского господства. Аркадяне создали свой собственный союз, чем бросили вызов своим спартанским соседям, и объединились с Элидой, Аргосом и Фивами для построения мощного блока государств, который изолировал Спарту на юге. В 370/369 г. до н.э. Эпаминонд возглавил фиванцев и их пелопоннесских союзников в массированном вторжении в Лаконику, которое освободило от рабства Мессению и уничтожило Спарту как великую державу. Позднее, в 369 г. до н.э. Спарта и Афины стали союзниками против Фив²⁴. История завершила полный цикл: в 457 г. до н.э. Спарта сама заключила союз с Фивами, чтобы восстановить Афины, а 88 лет спустя Афины и Спарта объединилась против Фив.

Весь ход событий доказывает неудачу политики и дипломатии Греции на самом высшем уровне и полностью подтверждает точку зрения, согласно которой греки никогда не могли эффективно использовать основной принцип равновесия сил и, быть может, даже вообще не осознавали его. За эти годы очень часто случалось, что Спарта, Фивы и Афины упускали достижение своих постоянных целей ради временных и преходящих выгод. На протяжении всех этих лет они постоянно терпели неудачи в реализации политической концепции, которая могла бы принести всем им мир, стабильность, свободу и процветание.

Вердикт, вынесенный на этих страницах, не нов. Помпей Трог, писатель времени римского императора Августа, мудро заметил: «Греческие государства, из которых каждое стремилось властвовать над другими, в конце концов лишились власти. Без удержу стремились они погубить друг друга и,

396-386 B.C. // JHS. 1967. Vol. 87. P. 95-115; Cargill J. The Second Athenian League. Berkeley, 1981; Tuplin C. The Failings of Empire. Stuttgart, 1993. P. 87-100.

²⁴ Buckler J. The Theban Hegemony, 371-362 BC. Cambr., 1980. P. 46-129.

только уже оказавшись под гнетом, поняли, что потери каждого в отдельности означали гибель для всех»²⁵.

Истинными победителями в конце концов оказались римляне, чужеземцы, которые принесли в Элладу мир и стабильность, включив ее в состав своей империи, в которой греки играли правовую, политическую и высоко ценимую культурную роль. Эти факты приводят к простому, очевидно-му выводу: греческий полис мог управлять, но не мог объединять. В античном мире это достижение в значительной степени стало частью величия римской империи*.

J. Buckler

Sparta, Thebes and the Greek Balance of Power, 457-369 BC.

This essay proposes the idea that the Greeks of the Classical period (ca 490-336 BC) understood the concept of a balance of power in their political relations with one another but they consistently failed to realize it effectively in actual events. Instead, all of the major powers abused the concept to win temporary advantages over their opponents. One result of this failure is that the Greeks established no permanent diplomatic ties among themselves. Another is that Greek cities were often at odds with one another in a series of internecine wars. This political and diplomatic instability condemned Greece to more than a century of war. To prove this thesis the experiences of Sparta and Thebes, which also involved Athens in the chain of events are examined. This selection was neither idle nor capricious. In 457 BC Sparta drew Thebes, the predominant member of the Boiotian Confederacy, into alliance against Athens, against which the two waged a series of wars that culminated in the defeat of Athens in the Peloponnesian War. Immediately thereafter, however, owing to Spartan ambitions to rule Greece, Thebes and several other Greek cities banded together to rebuild Athens and to oppose Sparta. This alliance resulted in the Corinthian War of 396-386 BC in which Thebes and Athens, once sworn enemies, opposed Spartan ambitions. With Persian help Sparta defeated them all, and during the years 386-371 BC Sparta, Athens and Persia united to isolate Thebes. Nonetheless, in 371 BC Thebes defeated Sparta at the battle of Leuktra, concluded alliances with many powerful Peloponnesian states, and in late 370 BC led them against Sparta itself. Thebes and its allies destroyed Sparta as a major power, and to save itself Sparta concluded an alliance with Athens against Thebes. In eighty-eight years the balance of power had shifted from a Spartano-Theban axis to a Spartano-Athenian axis, and yet neither alignment succeeded. Fi-

²⁵ Just. VIII. 1. 1-2; см. также Hammond M. *City-State and World State*. Cambr., 1951.

* Перевод с английского О.Л.Габелко и Ю.А.Ерохиной.

nally, Philip of Macedonia defeated them all, and ultimately the Romans brought peace and political stability to Greece. The only reasonable conclusion to be drawn from this course of events is that Greek politics and diplomacy failed through the inability to conceive and implement a permanent concept of the balance of power and general peace.

И.Е.Суриков
**Два очерка об афинской внешней политике
классической эпохи**

1. Афины, Эгеста, Рим: к проблеме контактов в середине V в. до н.э.

Среди эпиграфических памятников, имеющих отношение к афинской внешней политике классической эпохи, одним из самых загадочных является договор Афин с сицилийским городом Эгестой (IG. P.11). Текст надписи дошел до нас в довольно плохом состоянии; в частности, практически ничего не сохранилось от содержательной части договора. Но даже в таком виде рассматриваемый документ следует считать чрезвычайно важным свидетельством афинских контактов с Западным Средиземноморьем, и в силу этого он ставит перед исследователями целый ряд серьезных проблем.

Прежде всего, дискусионна сама датировка памятника. От имени афинского эпонимного архонта, которое позволило бы установить достаточно точные хронологические рамки, в надписи осталось только окончание (-ων), и все попытки идентифицировать еще какие-нибудь буквы нельзя признать убедительными¹. Учитывая рассчитанное эпиграфистами примерное количество несохранившихся букв и имея практически без лакун список эпонимных архонтов V в. до н.э., ученые, занимавшиеся договором, давно уже пришли к выводу, что выбор возможен только между тремя датами: 458/7 (архонт Габрон), 454/3 (архонт Аристон) или 418/7 г. до н.э. (архонт Антифонт)².

Сторонником наиболее поздней датировки выступил в свое время Г.Маттингли. Это находилось в русле его общей концепции, согласно которой едва ли не все афинские эпиграфические памятники внешнеполитического характера, обычно относимые к 450-440-м гг. до н.э., должны быть «передвинуты» в более позднюю эпоху, в 420-410-е гг. Соответственно любая внешняя активность Афин в середине V в. до н.э. объявлялась как бы и не существовавшей³. Однако гипотеза Г.Маттингли не нашла ши-

¹ Meiggs R. *The Athenian Empire*. Oxf., 1972. P. 100-101; Sartori F. *Verfassungen und soziale Klassen in den Griechenstädten Unteritaliens seit der Vorherrschaft Krotons bis zur Mitte des 4. Jahrhunderts v.u.Z.* // *Hellenische Poleis*. B., 1974. Bd. 2. S. 728; Kagan D. *The Outbreak of the Peloponnesian War*. Ithaca, 1981. P. 154.

² К истории изучения надписи см.: Will E. *Le monde grec et l'Orient*. P., 1972. T.1. P. 154-155; Meiggs R., Lewis D. *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Revised ed. Oxf., 1989. P. 80 ff.

³ Mattingly H.B. *The Growth of Athenian Imperialism* // *Historia*. 1963. Bd. 12. Ht. 3. S. 257-273. Из других работ Маттингли той же направленности см.: Mattingly H.B. *Periclean Imperialism* // *Ancient Society and Institutions*. Oxf., 1966. P. 71-92; idem. *Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC* // *Sur les traces des Argonautes*. P., 1996. P. 151-157.

рокой поддержки, мало кто из его коллег солидаризировался с ним⁴. Справедливо указывалось, что по форме букв надпись в несравненно большей степени удовлетворяет датировке 450-ми гг. до н.э., нежели периодом Пелопоннесской войны⁵. В целом можно сказать, что представление о более ранней дате договора устояло и осталось преобладающим.

454/3 г. до н.э. традиционно признавался лучше обоснованной альтернативой из двух оставшихся датировок⁶. Именно эта дата, на наш взгляд, и по сей день остается наиболее приемлемой. Правда, в последнее время все чаще раздаются голоса в пользу 458/7 г. до н.э. Было даже объявлено, что в имени архонта удалось будто бы распознать плохо сохранившиеся *бету* и *ро*, что делало прочтение «Габрон» неизбежным. Однако, как мы отмечали выше, названные идентификации букв не выдержали критики. Те, кто ныне придерживается самой ранней датировки, исходят уже лишь из чисто исторических соображений⁷, считая, что договор лучше вписывается в контекст первой, а не второй половины 450-х гг. до н.э.

Но, по нашему мнению, дело обстоит как раз наоборот, о чем косвенно свидетельствует ряд обстоятельств. Гордые Афины 458/7 г. до н.э., находящиеся на вершине своего могущества, только что отправившие морскую экспедицию в Египет и ведущие там успешные военные действия, еще не потерпевшие ни одного поражения в Малой Пелопоннесской войне, напротив, одержавшие ряд побед⁸, - эти Афины, идущие от успеха к успеху и уже, как казалось, очень близкие к заветной цели достижения гегемонии в Элладе, вряд ли обратили бы на захоластный сицилийский городок какое-либо внимание. А 454/3 г. до н.э. был уже периодом временного, но значительного ослабления Афин. Война с пелопоннесцами, как показала битва при Танагре, складывалась отнюдь не в пользу афинян; к тому же именно в этом году им пришлось пережить жестокую катастрофу в Египте. Вставал вопрос о существенном пересмотре внешнеполитических ориентаций; приоритетным на ближайшее десятилетие становилось казавшееся более безопасным западное направление. И договор с Эгестой

⁴ Например: Dawson S.E. The Egesta Decree IG I² 11 // ZPE. 1996. Bd. 112. S. 248-252.

⁵ Критику хронологических построений Маттингли см.: Meiggs R. The Dating of Fifth-Century Attic Inscriptions // JHS. 1966. Vol. 86. P. 86-98.

⁶ Hackforth R. Sicily // CAH. Ed. 1. 1927. Vol. V. P. 159; Miltner F. Perikles // RE. 1937. Hlbd. 37. Sp. 775; Will E. Op. cit. P. 154.

⁷ Meiggs., Lewis. Op.cit. P.81; Строгоцкий В.М. Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 65-66.

⁸ О хронологии этих лет см.: Строгоцкий В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 119-128; Badian E. From Plataea to Potidaea. Baltimore, 1993. P. 101-102.

(заключенный, несомненно, по инициативе последней⁹) стал «первой ласточкой» проникновения Афин в Южную Италию и Сицилию, которое постепенно, к концу 440-х гг., приобрело весьма интенсивный характер.

Но почему же именно Эгеста? Практически всех исследователей озадачивало то обстоятельство, что первым афинским союзником на Западе в этот период стал столь малопримечательный полис на крайнем северо-западе Сицилии (к тому же по составу населения не греческий, а элимский¹⁰), да еще и не портовый, а расположенный в 10 километрах от моря. В то же время занимавший несравненно более выгодную стратегическую позицию Регий, контролировавший Мессинский пролив, вступил в союз с Афинами лишь в 440-е гг. до н.э.¹¹ Имели место попытки найти выход из создавшегося затруднения – от упоминавшегося выше передатирования афино-эгестийского соглашения до постулирования контактов Афин с Регием уже ок. 460 г. до н.э. (о чем не сохранилось никаких свидетельств). В данном кратком очерке мы, конечно, не ставим перед собой цель дать однозначный ответ на этот вопрос, а просто хотели бы привлечь внимание читателей к некоторым фактам, обычно не учитываемым в связи с рассматриваемой проблематикой, но, как нам кажется, имеющим к ней прямое отношение.

Разберем, прежде всего, какие сведения о ранней истории Эгесты сохранились в античной традиции. Греческие авторы классической, да еще и эллинистической эпохи дают по этому вопросу очень скудную информацию. Так, Фукидид (VI. 2. 3) отмечает основание Эгесты прибывшими на Сицилию троянцами, которые смешались с местными сиканами. В целом этот афинский историк относится к эгестийцам довольно пренебрежительно и устами Никия прямо называет их «варварами» (VI. 11. 7).

Картина радикально изменяется, как только от греческой традиции мы переходим к римской (в которой Эгеста обычно фигурирует под названием Сегеста). Римские писатели (Cic. Verr. IV. 72; Ovid. Met. XIV.83; Fest. p. 340; Serv. ad Verg. Aen. I. 550), а также те из греков, кто следовал им (Dion. Hal. Ant. I. 53; Strabo. XIII. 1. 53), особо выделяют Эгесту как своего рода «город-побратим» Рима. Наиболее подробно об обстоятельствах возникновения этого города рассказывает Вергилий в пятой книге «Энеиды». Согласно его повествованию, Эней, прибыв в ходе своих скитаний на Си-

⁹ Именно в этом году Эгеста вела войну с кем-то из своих соседей (Diod. XI. 86. 2; текст испорчен), возможно, с Селинунтом, и заручиться поддержкой одной из тогдашних «сверхдержав», пусть и далекой, для нее было, во всяком случае, не вредно.

¹⁰ Элимов греки считали потомками троянцев и сиканов (Thuc. VI. 2. 3).

¹¹ Cloché P. Périclès et la politique extérieure d'Athènes entre la paix de 446-445 et les préludes de la guerre du Péloponnèse // AC. 1945. T. 14. № 1. P. 96; Ehrenberg V. Polis and Imperium. Zürich, 1965. S. 303; Meiggs. The Athenian Empire... P.138; Wick T.E. Athens' Alliances with Rhegion and Leontinoi // Historia. 1976. Bd. 25. Ht. 3. S. 289-304; Berger S. Great and Small Poleis in Sicily: Syracuse and Leontinoi // Historia. 1991. Bd. 40. Ht. 2. S.136.

цилию, где его гостеприимно принял проживавший там троянец Акест, долгое время находился в тяжких раздумьях – поселиться ли в этих местах навсегда или же продолжать предначертанный судьбой путь в Италию. Разделились и мнения спутников героя: многие из них были уже до предела измучены многолетними странствиями и жаждали оседлой жизни. В конце концов Эней принял решение: самому с теми, кто готов последовать за ним, направляться «к брегам Италийским», а для желающих остаться в Сицилии основать город. Сам Эней составил списки граждан и провел плугом сакральную черту померия, то есть выступил ойкистом нового поселения, а во главе его поставил упомянутого Акеста, от которого пошло и название города – Акеста (т.е. Эгеста).

Данную римскую традицию вряд ли можно считать поздним мифотворчеством. Она отнюдь не противоречит тому, что еще в V в. до н.э. сообщает об Эгесте Фукидид (естественно, не упоминая о Риме). Таким образом, необходимо констатировать как не вызывающий серьезных сомнений факт ранние связи Эгесты с Римом.

В связи с вышесказанным нельзя не отметить, что, согласно опять же римской исторической традиции (Liv. III. 31. 8; III. 32. 6; Dion. Hal. Ant. X.51 sqq.), в середине V в. до н.э. из Рима в Афины было отправлено посольство, будто бы для изучения законов Солона. Зачастую это посольство признают неисторичным, считая, что мы имеем дело с поздней фикцией, возникшей не ранее I в. до н.э. и основанной на сличении законодательства Солона с законами XII таблиц¹². Однако в последние годы среди специалистов по ранней римской истории, кажется, наметился более конструктивный подход к указанным свидетельствам¹³. И действительно, на наш взгляд, отрицать достоверность традиции в этом случае было бы не вполне правомерно.

С одной стороны, интересы и контакты Афин в рассматриваемую эпоху простирались весьма далеко на запад, достигая Средней Италии. Так, нумизматическими данными надежно зафиксировано афинское присутствие в Неаполе около 440 г. до н.э.¹⁴, что, скорее всего, следует связывать с экспедицией в этот город афинской эскадры под командованием стратега Диотима (Timaeus FGrH. 566 F 98). А от Кампании, где находился Неаполь, до Лация уже в буквальном смысле слова рукой подать.

С другой стороны, и римлянам, конечно, не могла остаться неизвестной слава и мощь града Паллады. Уже в то время Рим, несмотря на свои небольшие еще размеры, отнюдь не ограничивал свою внешнюю политику пределами Лация и прилегающих территорий. Об этом недвусмыс-

¹² Ruschenbusch E. Die Zwölf Tafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // Historia. 1963. Bd. 12. Ht.3. S. 250-253.

¹³ См., например: Кофанов Л.Л. Должник и кредитор в праве и жизни раннего Рима // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 77.

¹⁴ Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P.187.

ленно свидетельствует договор Рима с Карфагеном 509 г. до н.э. (Polyb. III. 22), достоверность которого ныне не вызывает сомнений¹⁵.

Коснемся и такого нюанса. Еще одна довольно устойчивая традиция, зафиксированная как у римских, так и у греческих авторов (Strabo. XIV. 1. 25; Plin.NH. XXXIV. 21; Dig. I. 2. 2, 4), связывает создание XII таблиц с эфесцем Гермодором, изгнанным из родного полиса¹⁶. Однако здесь выявляется довольно значительная хронологическая неувязка. Гермодор, современник и друг философа Гераклита, покинул Эфес на рубеже VI-V вв. до н.э., и крайне сомнительно, чтобы спустя полвека он был еще жив и до такой степени активен. В то же время сомневаться в реальности каких-то серьезных услуг, оказанных римлянам Гермодором, тоже не приходится. По сообщению Плиния Старшего, на римском Форуме стояла даже статуя Гермодора, а этот скрупулезный и беспристрастный эрудит вряд ли мог что-то здесь напутать или сознательно исказить. Остается предположить (разумеется, в порядке гипотезы), что Гермодор действительно был в Риме и сумел чем-то отличиться перед его гражданами (возможно, привез им копии каких-то греческих законов), но произошло это на несколько десятилетий раньше работы коллегии децемвиров, ближе к началу V в. Как бы то ни было, сведения о Гермодоре являют собой важный знак очень ранних контактов Рима с центрами греческой цивилизации.

Таким образом, римское посольство в Афины в годы Пентеконтаэтии уже *a priori* ни в коей мере нельзя считать невозможным по каким-либо объективным причинам. Скептики, правда, указывали на то, что ни у одного современного событиям или относительно недалеко от них отстоящего афинского автора о таком посольстве ничего не говорится. Ссылались прежде всего на авторитет Фукидида, в первой книге труда которого, как зачастую считается, «сообщаются все важнейшие события жизни Афин в период так называемого пятидесятилетия... все сколько-нибудь важные внешнеполитические мероприятия афинян»¹⁷. Однако это последнее высказывание по меньшей мере слишком категорично. Фукидид отнюдь не задавался целью описать все важнейшие события Пентеконтаэтии. Достаточно назвать лишь несколько фактов, о которых этот историк умалчивает: реформа Эфиальта, перенос казны Делосского союза на афинский Акрополь, Каллиев мир с Персией, основание Фурий, понтийская

¹⁵ Токмаков В.Н. Военная организация Рима Ранней республики (VI-IV вв. до н.э.). М., 1998. С. 91-92.

¹⁶ Кофанов Л.Л. Пифагорейзм в римском авгуральном праве // ВДИ. 1999. №2. С. 166-177. Мы благодарны Л.Л.Кофанову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с рукописью этой статьи, еще не вышедшей на момент написания данного очерка, и сослаться на нее.

¹⁷ Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. М., 1963. С. 57.

экспедиция Перикла¹⁸... Никто не станет спорить, что все перечисленные события являются важнейшими, как минимум, для истории Афин.

Что же удивительного в том, что вне поля зрения Фукидида осталось посольство мало кому в ту пору известного среднеиталийского городка? Параллелью может служить как раз посольство из Эгесты. О нем также не сообщает ни Фукидид, ни кто-либо другой из греческих авторов. Если бы не дошедший до нас эпиграфический памятник, эгестийское посольство так и осталось бы неизвестным.

Что же касается целей римского посольства в Афины, позволим себе усомниться в версии поздних авторов, согласно которой имелось в виду только ознакомление с законами Солона. Такая цель, конечно же, не могла быть единственной. Рассматриваемую миссию надлежит расценивать прежде всего как акт римской дипломатии и не вычленять ее искусственно из общего историко-политического контекста этой эпохи.

В связи с вышесказанным особенно важно (и даже просто-таки поразительно), что, по указанию Ливия, послы отбыли из Рима в Афины в 454 г. до н.э., а вернулись к 452 г.¹⁹ Иными словами, римское посольство прибыло в столицу Архэ *тогда же*, когда и посольство из Эгесты, о котором, напомним, известно по совершенно независимым данным!

Можно ли говорить здесь о случайном совпадении? По нашему мнению – вряд ли. Синхронное прибытие в Афины послов из двух «городов-побратимов» (Эгесты и Рима) с дальнего запада, скорее всего, было заранее согласованной и спланированной акцией. С немалой долей уверенности можно предположить, что эти два посольства в целях безопасности даже и плыли на восток вместе. Очевидно, вначале римские уполномоченные прибыли в Эгесту, там к ним присоединились представители этого города, и послы вместе двинулись в Афины.

Приведение во взаимосвязь двух рассмотренных в данном очерке дипломатических миссий имеет, на наш взгляд, немаловажные импликации. Во-первых, вместе взятые, они как бы подкрепляют и усиливают аутентичность и точную датировку друг друга; во-вторых, позволяет внести новые штрихи в картину того двустороннего движения «Афины-Запад», того взаимного притяжения этих двух регионов, которое имело место в середине V в. до н.э. В конце концов, не будет ничего фантастического, если в один прекрасный день взорам ученых вдруг предстанет новооткрытая надпись, датируемая архонтом Аристоном и гордо начинающаяся: φίλια καὶ συμμαχία Ἀθηναίων καὶ Ῥωμαίων.

¹⁸ Об умолчаниях Фукидида в связи с историей Пентеконтаэтии см.: Badian. Op.cit. Passim. Ср. нашу рецензию на эту книгу (ВДИ. 1996. № 3. С. 197-201).

¹⁹ Датировки по консульским фастам: Samuel A.E. Greek and Roman Chronology: München, 1972. P. 257.

2. Род Кериков в дипломатии Афин

Нет нужды лишний раз повторять, насколько важную роль в общественной жизни афинского полиса играла внешняя политика. Достаточно напомнить, что, согласно свидетельству Аристотеля (Ath. Pol. XLIII. 6), вопросы, связанные с ней (κέρυξις καὶ πρεσβείαις), при рассмотрении в народном собрании получали приоритет перед внутренними делами (не считая только дел, связанных с религией). Послы для различных дипломатических миссий в Афинах избирались не по жребию, а голосованием (ἀρεσις)²⁰, подобно членам наиболее ответственных коллегий магистратов (стратегам, некоторым казначеям). По возвращении посольства его члены давали отчет (εὔθλια) в народном собрании. М. Хансен имел все основания, составляя каталог виднейших афинских политиков IV в. до н.э., включить в него наряду с полководцами и политическими ораторами также и известных из источников послов²¹.

В свете вышесказанного было бы интересно рассмотреть данные античной традиции о персоналиях некоторых послов. Не исключено, что это позволит обнаружить некоторые закономерности общего порядка. Известно, что в V в. до н.э., в отличие от следующего столетия, для выполнения дипломатических миссий еще привлекались практически без исключения представители знатных, традиционно авторитетных родов. При этом принималось во внимание наличие старинных связей того или иного рода с регионом, в который направлялось посольство. Так, аристократы из рода Алкмеонидов в течение V в. до н.э. неоднократно становились послами ко двору персидского царя или его сатрапов²²; безусловно, здесь учитывались давние (восходящие еще к началу VI в. до н.э.) контакты этого семейства на востоке, в Малой Азии. Другой аттический аристократический род – Филаиды – обладал развитой сетью связей на севере Эгеиды. Соответственно, его представители в V-IV вв. использовались для миссий в северном направлении (во Фракию, Македонию, Фессалию)²³. Разумеется, все это было связано с существованием ксенических отношений данных родов с «зарубежными» аристократами – отношений, которые существенно облегчали в техническом плане деятельность посольств (ксен или проксен

²⁰ Mosley D.J. *Envoys and Diplomacy in Ancient Greece*. Wiesbaden, 1973. P. 43.

²¹ Hansen M.H. *The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles*. Copenhagen, 1989. P. 25 ff.

²² Cromeys R.D. Kleisthenes' Fate // *Historia*. 1979. Bd. 28. Ht. 2. S. 129 ff.; Суриков И.Е. Килонова скверна в истории Афин VII-V вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994. С. 19.

²³ Schachermeyr F. Philaidai // *RE*. 1938. Hlbd. 38. Sp. 2113-2121; Davies J.K. *Athenian Propertied Families, 600-300 B.C.* Oxf., 1971. P. 293-312.

принимал послов и помещал их для проживания в своем доме, вводил в народное собрание или иной властный орган и т.п.)²⁴.

Предметом настоящей статьи является дипломатическая деятельность выходцев из еще одного афинского рода, в высшей степени знатного и почтенного, хотя на первый взгляд и не столь заметного в перипетиях политической жизни, - рода Кериков (Κήρικες). Род этот был жреческим, теснейшим образом связанным с одним из важнейших аттических культов (Элевсинской Деметры), который, кстати, с начала классической эпохи чрезвычайно укрепил свое значение, приблизившись по играемой им роли к панэллинистическим²⁵. В элевсинском культе Керики исполняли ряд важнейших функций. В частности, на наиболее известной семье этого рода (в которой с завидным постоянством чередовались имена Каллий и Гиппоник) лежала почетная обязанность поставлять из своей среды факелоносцев-дадухов для мистерий (Xen. Hell. VI. 3. 3; Arist. Rhet. III.1405a. 20; Plut. Aristid. 5; 25; Schol. Aristoph. Nub. 64). Дадухи в культе Деметры были жрецами, уступавшими по своему рангу, пожалуй, лишь иерофантам (которыми становились, как известно, представители рода Евмолпидов).

Для понимания места Кериков в жизни Афин необходимо подчеркнуть следующее. Термин κήριξ (глашатай) имел одновременно религиозные и внешнеполитические коннотации²⁶ (первоначально, вероятно, просто неотделимые друг от друга и составлявшие два аспекта одной функции). Институт наследственных кериков-глашатаев из рода Талфибиадов существовал в Спарте²⁷. Эти керики обладали рядом культовых полномочий и вместе с тем использовались в дипломатии спартанского полиса. Впрочем, уже в позднеархаическую эпоху, по наблюдению М.Э.Курилова, «спартанские глашатаи никогда не вели переговоров о мире, а их участие в дипломатической работе сводилось к формальной передаче в устной фор-

²⁴ О ксении см.: Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Camb., 1987; Gauthier P. Symbola: les étrangers et la justice dans les cités grecques. Nancy, 1972.

²⁵ Clinton K. The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 161-172.

²⁶ Взаимосвязь этих коннотаций сохранялась и осознавалась даже в эллинистический период, как было недавно убедительно продемонстрировано в работе: Кашеев В.И. Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма. М., 1997. С. 31-80. Там же см. экскурс в этимологию термина (восходящего еще к микенскому ka-ri-ke(s) на табличках линейного В, см. Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности: введение в микенологию. М., 1988. С. 141) и историю его употребления.

²⁷ Курилов М.Э. О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 133-141. Интересно, что в ряде первобытных обществ (например, у индейцев Калифорнии) должность глашатая-вестника была весьма престижной и, что для нас особенно важно, наследственной в определенном роде: Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. Ч. II. С. 372.

ме ультимативного требования»²⁸. Характерный пример – глашатай, посланный в 508/7 г. до н.э. в Афины Клеоменом I с требованием изгнать «оскверненных» (Her. V. 70. 2). Нам предстоит проверить, так ли обстояло в этом отношении дело в Афинах. Во всяком случае, ясно одно: уже само название рода Кериков должно было предрасполагать его представителей (равно как и окружающих) к представлению об их преимущественной пригодности в качестве послов.

Просопографический анализ дипломатической деятельности Кериков можно начать с одного из первых известных представителей этого рода – Гиппоника (I), сына Каллия (РА 7657), жившего на рубеже VI-V вв. до н.э., т.е. в первые годы становления демократического афинского полиса. Об этом Гиппонике известно только, что он носил прозвище «Аммон» (Heraclid. Pont. ap. Athen. XII. 537a). Об источнике прозвища эксплицитно не говорится, но, думается, удовлетворительное его объяснение может быть только одно: очевидно, Гиппоник возглавлял священное посольство к оракулу Аммона в Ливии²⁹, что вполне увязывалось бы с принадлежностью его к потомственному жречеству. Это гипотетическое посольство должно приходиться на первые годы клисфеновских реформ, когда юная демократия стремилась получить религиозную санкцию, заручившись поддержкой крупнейших святилищ (в частности, дельфийского оракула)³⁰.

В тот же период по инициативе Клисфена афиняне отправили посольство в Сарды, ко двору персидского сатрапа (Her. V. 73). Послы, не разобравшись в обстановке, дали персам «землю и воду», за что впоследствии пользовались на родине не лучшей репутацией. Кто конкретно входил в посольство – в источниках не сообщается. Однако, согласно остроумной и убедительной гипотезе П.Бикнелла³¹, миссию возглавлял афинянин по имени Каллий, сын Кратия из Алопеки. Личность этого Каллия, совершенно не зафиксированная в нарративной традиции, стала известна сравнительно недавно, в связи с открытием клада острака на Керамике. Каллий, сын Кратия, упоминается более чем на 700 острака³². Это – очень большое число, и не случайно, по мнению ряда исследователей, именно

²⁸ Курилов. Ук.соч. С. 138.

²⁹ Об оракуле Аммона см.: Parke H.W. The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia. Ammon. Cambridge Mass., 1967.

³⁰ Picard Ch. Le «présage» de Cléoménès (507 av. J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes // REG. 1930. T. 43. P. 262-278; Schachermeyr F. Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966. S. 68; Shapiro H.A. Religion and Politics in Democratic Athens // The Archaeology of Athens... P. 123.

³¹ Bicknell P.J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 2. S. 146-163.

³² Lang M. Ostraka. Princeton, 1990. P. 65; Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // MDAI(A). 1991. Bd. 106. S. 152.

Каллия следует считать политиком, изгнанным в 485 г. до н.э. и не названным по имени в «Афинской политике» (XXII. 6)³³.

Для нас интересно прежде всего то, что на нескольких острака Каллий назван «мидянином» (ὁ Μῆδος или ἐκ Μῆδω; на одном остраконе с его именем имеется даже «карикатура» – изображение человека в персидском платье³⁴. Именно это дало П.Бикнеллу основание (на наш взгляд, достаточно весомое) связать этого политического деятеля с афинским посольством в Персию. Разумеется, на острака прямо не маркирована принадлежность Каллия именно к роду Кериков. Тем не менее его происхождение из этого рода (если не по отцовской, то уж, во всяком случае, по материнской линии) почти несомненно³⁵. На последнее указывает сочетание имени, типичного для Кериков (хотя и не являющегося их исключительным атрибутом), с демотиком: именно в Алопеке проживала основная семья данного рода. Итак, Керик Каллий, сын Кратия, скорее всего, возглавлял афинское посольство в Сарды в 507/6 г. до н.э. Таким образом, он был ближайшим сподвижником Клисфена.

Это хорошо согласуется с тем уже известным фактом, что между Алкмеонидами и Кериками сохранялись дружественные отношения, насколько можно судить, на всем протяжении истории этих родов. Особенно близкими эти отношения стали на рубеже 490-480-х гг. до н.э., когда в целях борьбы с Фемистоклом Алкмеониды, Керики, а также Филаиды заключили мощный политический союз, закрепленный брачными альянсами³⁶. Интересно проследить, как уже вскоре этот союз проявил себя на внешнеполитическом уровне.

В 479 г. до н.э. по инициативе Аристиды афинское народное собрание направило посольство в Спарту (Plut. Aristid. 10) с целью координации совместных действий по изгнанию из Эллады войска Мардония (плодом этих переговоров стала Платейская битва). На чьи плечи была возложена эта чрезвычайно важная и сложная (ввиду неоднозначной позиции Спарты) миссия? Плутарх, ссылаясь на текст псефисмы, называет трех членов посольства. Первый из них – Кимон – после смерти Мильтиада, как известно, возглавлял Филаидов. Второй – Ксантипп, - как мы показываем в другом месте³⁷, в рассматриваемый период являлся лидером Алкмеонидов.

³³ Seibert J. Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. S. 35; Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft. Stuttgart., 1989. S. 193-205.

³⁴ Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // MDAI(A). 1992. Bd. 107. S.173 ff.

³⁵ Bicknell P.J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 64-76; Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. Vol. 51. №.1. P. 69-73.

³⁶ Davies. Op.cit. P. 305; Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600-400 B.C. N.Y., 1990. P. 23-26; Суриков И.Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1996. С. 46.

³⁷ Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 17-19.

В качестве третьего посла мы вправе ожидать представителя Кериков, и, кажется, наши ожидания оправдываются. Плутарх называет имя Миронида (РА 10509), впоследствии неоднократно снискавшего славу полководца³⁸. Неизвестно, к какому роду принадлежал Миронид, но сохранился его патроним – «сын Каллия» (Diod. XI. 81. 4), т.е. его отец носил все то же характерное для Кериков имя. На этом основании В.М.Строгецкий уже высказывалось предположение о принадлежности Миронида к Керикам³⁹, и нам остается только присоединиться к нему. Не будем забывать и о том, что сам инициатор посольства – Аристид – состоял в родстве с Кериками (Plut. Aristid. 25), очевидно, по женской линии⁴⁰.

Со следующим персонажем нашего исследования мы выходим из области гипотез на твердую почву установленных фактов. Каллий (II), сын Гиппоника (РА 7825), был, бесспорно, одним из наиболее заметных афинян своего времени. Являясь самым богатым человеком в Афинах, а по некоторым сведениям – и во всей Элладе (Lys. XIX. 48; Aeschin. Socr. ar. Plut. Aristid. 25), трижды победив на Олимпийских играх в состязаниях колесниц-четверок⁴¹, еще в молодости отличившись в Марафонском сражении (Schol. Aristoph. Nub. 64), впоследствии породнившись и с Кимон и с Периклом, - Каллий, пожалуй, заслуживал бы специальной биографии Плутарха. Но нас здесь интересует лишь его дипломатическая деятельность.

Прежде всего следует упомянуть о проблеме Каллиева мира. Этому событию греческой истории посвящена колоссальная литература; и по сей день не смолкают споры по вопросу о его аутентичности. Перебраны, кажется, все возможные варианты решения проблемы. Одни исследователи безоговорочно отрицают историчность мирного договора Афин и Персии⁴²; другие остаются на позициях его традиционной датировки 449 г. до н.э.⁴³; третьи подвергают эту датировку сомнению, предлагая иную хронологию событий⁴⁴; наконец, четвертые постулируют наличие нескольких мирных договоров⁴⁵.

³⁸ Литература о Мирониде практически отсутствует. См. только: Ehrenberg V. Myronides // RE. Hlbd. 31. 1933. Sp. 1131-1133.

³⁹ Строгецкий В.М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 48.

⁴⁰ Shapiro. Kallias Kratiou... P. 69 f.

⁴¹ Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957. P. 80.

⁴² Meister K. Die Ungeschichtlichkeit des Kalliasfriedens und deren historische Folgen. Wiesbaden, 1982.

⁴³ Строгецкий В.М. Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // ВДИ. 1991. № 2. С. 158-168.

⁴⁴ Mattingly H.B. The Peace of Kallias // Historia. 1965. Bd. 14. Ht. 3. S. 273-281.

⁴⁵ Badian. Op.cit. P.1-72 (наиболее компетентное и интересное из известных нам исследований о Каллиевом мире).

Как бы мы ни решали вышеупомянутый вопрос, несомненным остается следующий факт: Геродот (VII. 151) упоминает о некоем посольстве Каллия в Сузы в самом начале правления Артаксеркса I, ориентировочно в 464 г. до н.э.⁴⁶ (о цели посольства историк умалчивает; возможно, это была попытка переговоров, не увенчавшаяся успехом⁴⁷). В то же время нет, на наш взгляд достаточных оснований отвергать 449 г. как дату окончательного заключения мира. Следовательно, нужно говорить о двух посольствах Каллия ко двору Великого царя⁴⁸, причем оба раза он выполнял миссии чрезвычайной для Афин важности.

Существуют две взаимоисключающие античные традиции об отношении афинян к результатам посольства Каллия. Согласно одной из них, представленной Демосфеном (XIX. 273), при сдаче отчета о посольстве Каллий был привлечен к суду, едва не приговорен к смертной казни и в конце концов наказан крупным штрафом. Другая традиция, отраженная у Плутарха (Kim. 13), напротив, говорит об особых почестях, оказанных Каллию за успех мирных переговоров. На основании этих сообщений исследователи делают противоречивые выводы о популярности или непопулярности в Афинах Каллиева мира. Однако, думается, прежде всего стоит проверить достоверность обеих традиций.

Версия, передаваемая Демосфеном, выглядит маловероятной. Как мы увидим ниже, уже через несколько лет после мира с персами Каллию была поручена новая ответственная дипломатическая миссия; следовательно, он не утратил доверия афинян и не оказался в опале. Данная традиция, очевидно, явилась плодом довольно рано возникшей в источниках путаницы. Дело в том, что, по сообщению Эсхина Сократика (ар. Plut. Aristid. 25), Каллий действительно привлекался к суду, в ходе которого ему угрожала смертная казнь⁴⁹. Но этот процесс проходил еще при жизни Аристида, а следовательно – задолго до Каллиева мира. Не исключено, что суд над Каллием был одним из последствий Марафонской битвы. Существовала традиция (очевидно, пропагандистская и уж в любом случае недостоверная), очернявшая поведение Каллия при Марафоне (Plut. Aristid. 5), что опять же роднит его с Алкмеонидами, в то же время подвергавшимся аналогичным нападениям. Ко времени Демосфена в результате некоей аберрации эти два события (суд и посольство) были ошибочно связаны друг с другом.

Перейдем ко второй версии – о почестях, якобы оказанных Каллию. Скорее всего, Плутарх, делая вывод о таковых, исходил из наличия на

⁴⁶ Ibid. P. 101.

⁴⁷ Stockton D. The Peace of Callias // Historia. 1959. Bd. 8. Ht. 1. S. 61-79.

⁴⁸ Э.Бадян (Op.cit. P.100-101) предполагает даже три посольства – в 465, 464 и 449 гг. до н.э.

⁴⁹ У Эсхина, интересовавшегося афинской историей V в. до н.э., был специальный диалог «Каллий» (Diog. Laert. II. 61).

афинском Акрополе бронзовой статуи Каллия, которую видел еще Павсаний (I. 8. 2); база статуи сохранилась до нашего времени. Установка статуи политику при жизни в середине V в. до н.э. действительно была бы почестью не просто «особой», но прямо-таки из ряда вон выходящей. Других фактов такого рода не известно. Известно, напротив, что, когда Фидий попытался подобным образом запечатлеть себя и Перикла, это закончилось для него очень плохо. С другой стороны, установку статуи Каллия в последующие века тоже трудно предположить, поскольку он не вошел в пантеон прославленных афинян. Остается единственная возможность – но зато наиболее вероятная. По всей видимости, статую Каллия следует связать с его олимпийскими победами⁵⁰, а к мирному договору она не имеет никакого отношения.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении обе традиции не подтвердили своей достоверности. Кажется, Каллиев мир не вызвал в Афинах ни экстраординарных восторгов, ни из ряда вон выходящего негодования по очень простой причине: в отличие от наших современников, афиняне V века не восприняли его как эпохальную веху, событие, подведшее черту под целым историческим периодом – Греко-персидскими войнами. Для них этот договор был лишь одной из многочисленных дипломатических перипетий Пентеконтаэтии. Меняется отношение к Каллиеву миру лишь в IV в. до н.э., начиная с Исократ (IV. 117 sqq.; VII. 80; XII. 59). По контрасту с «позорным» Анталкидовым миром этот мирный договор действительно стал представляться выдающимся достижением Афин.

Вскоре после описываемых событий, в 446 г. до н.э.⁵¹, Каллий (уже в весьма преклонном возрасте) вошел в состав другого чрезвычайно ответственного посольства, направлявшегося в Спарту для завершения мирным договором Малой Пелопоннесской войны (Diod. XII. 7). Тем, что его выбрали в число послов, Каллий, очевидно, был обязан не только своему огромному дипломатическому опыту, но и тому факту, что он являлся наследственным проксеном лакедемонян (Xen. Hell. VI. 3. 4); эта проксения сохранялась в его семье и в течение следующих поколений. Переговоры завершились заключением Тридцатилетнего мира (Thuc. I. 115. 1; Andoc. III. 6). Сложно сказать, какую роль сыграл лично Каллий в ходе этой миссии. Э.Бадян считает его главой посольства⁵². Это предположение невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Но, во всяком случае, несомненно, что Каллий, сын Гиппоника, был самым крупным афинским дипломатом V в. до н.э.

⁵⁰ О статуях троекратных олимпийских победителей см.: Gross W.H. Quas iconicas vocant: Zum Porträtcharakter der Statuen dreimaliger olympischer Sieger. Göttingen, 1969.

⁵¹ О дате см.: Строецкий. Полис и империя... С. 156.

⁵² Badian. Op. cit. P. 141.

Во второй половине того же столетия на афинской политической арене действовал еще один представитель рода Кериков, тезка предыдущего. Это – Каллий, сын Каллиада (РА 7827), чья принадлежность к данному роду (вероятно, к боковой его ветви) видна из сочетания имени с патронимом: Каллиад – имя, столь же типичное для Кериков, как и Каллий (Andoc. I. 127). Каллий, сын Каллиада, принадлежал, вне сомнения, к кругу Перикла и принимал активное участие в организации управления Афинской архэ, в частности, в 434/3 г. до н.э. провел через народное собрание известный финансовый декрет (IG. I³. 52). Что же касается его дипломатической деятельности, то по эпиграфическим данным известно, что он был инициатором заключения договоров о союзе Афин с полисами Великой Греции – Регием и Леонтинами (IG. I³. 53-54). Договоры были первоначально заключены, по мнению большинства специалистов, в середине 440-х гг. до н.э., а затем возобновлены в 433/2 г. до н.э.⁵³ В декрете упомянуто лишь имя Каллия, но ныне единодушно признано, что речь идет именно о Каллии, сыне Каллиада, а не о Каллии, сыне Гиппоника⁵⁴.

Неизвестно, ездил ли сам Каллий на Сицилию. Но, во всяком случае, он выступал в качестве проксена по отношению к регийским и леонтинским послам, прибывшим в Афины для заключения союза. Только этим можно объяснить его «авторство». Договоры не были разрозненными акциями; они хорошо укладываются в контекст поступательного проникновения Афин на запад греческого мира, и проводником этой политики в данном случае выступал представитель рода Кериков.

Нам предстоит коснуться деятельности еще одного представителя этого рода – Каллия (III), сына Гиппоника (РА 7826), внука Каллия, заключившего мир с персами. Мы не будем здесь затрагивать многочисленных известных из источников перипетий жизни этого Каллия, которые в общем рисуют его как личность не очень привлекательную⁵⁵. Упомянем лишь о том, что в 371 г. до н.э. Каллий возглавлял крайне важное афинское посольство в Спарту (Xen. Hell. VI. 3. 2 sqq.). Это посольство, на которое в Афинах возлагались большие надежды, должно было инициировать создание в Элладе некоего подобия «системы коллективной безопасности», покончить с перманентной внешнеполитической нестабильностью. Мирный договор был подписан основными представителями всех враждующих лагерей. Однако Фивы буквально на следующий день дезавуировали свое участие в договоре (Xen. Hell. VI. 3. 19), что в самом ближайшем вре-

⁵³ О договорах и их месте во внешней политике Афин см.: Cloché. Périclès... P. 96; Meiggs. The Athenian Empire... P. 131; Строецкий. Полис и империя... С. 180.

⁵⁴ Еще со времен И.Кирхнера (Kirchner I. Prosopographia Attica. V.I. B., 1901. P.522).

⁵⁵ О нем см.: Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War. Croom Helm, 1986. P.131 ff.; Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С.346-348.

мени повело к битве при Левктрах и радикальному изменению обстановки в греческом мире.

В своей посольской речи Каллий, упомянув о своей лакедемонской проксении, далее говорит о том, что это – его третье посольство в Спарту с целью прекращения войны (*περί πολέμου καταλύσεως*), и первые два увенчивались успехом (Хеп. Нелл. VI. 3. 4). Можно ли датировать эти два посольства? С.Я.Лурье в комментарии к данному месту Ксенофонта⁵⁶ предполагает, что имеются в виду, во-первых, миссия Ферамена в 405/4 г. до н.э. (Хеп. Нелл. II. 2. 17), приведшая к капитуляции Афин в Пелопоннесской войне, и, во-вторых, посольство «Городской партии» в Спарту в 403 г. до н.э. (Хеп. Нелл. II. 4. 37). Такая гипотеза крайне маловероятна. Приняв ее, пришлось бы причислить Каллия к олигархам, сторонникам Тридцати. Но никаких данных в пользу этого не существует. Напротив, есть куда большие основания считать его умеренным демократом, принадлежавшим во время тирании к «Пирейской партии»⁵⁷.

В бурной истории межполисных отношений первой трети IV в. до н.э. могло быть более чем достаточно поводов для посольства Каллия в Лакедемон⁵⁸. Он мог быть, например, причастен к переговорам, проходившим в связи с заключением афино-спартанского мира 374 г. до н.э. (Хеп. Нелл. VI. 2. 1), по поводу которого в Афинах был даже воздвигнут алтарь Мира (Philoch. FGrH. 328 F 151). Плутарх (Ким. 13) ошибочно приурочивает установку алтаря к Каллиеву миру с Персией. Очевидно, причиной путаницы послужило полное совпадение имен двух Каллиев – деда и внука. Во всяком случае, даже не имея конкретных идентификаций, можно с немалой долей уверенности утверждать, что Каллий неоднократно исполнял внешнеполитические миссии первостепенной значимости, по большей части связанные с отношениями Афин и Спарты.

Каллий – последний представитель рода, о дипломатической деятельности которого что-либо сообщается. Насколько можно судить, после начала IV в. до н.э. Керикам перестали поручать подобного рода миссии. И это несмотря на то, что род Кериков не прекратил своего существования в эту эпоху, в отличие от многих других афинских аристократических ро-

⁵⁶ Ксенофонт. Греческая история. Пер. и комм. С.Я.Лурье. Репр. изд. СПб., 1996. С. 201. Прим. 1.

⁵⁷ Strauss. Op. cit. P. 102.

⁵⁸ Общий очерк внешней политики Афин этого периода см.: Badian E. The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B.C. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 79-106; Harding Ph. Athenian Foreign Policy in the Fourth Century // Klio. 1995. Bd. 77. S. 105-125.

дов; его члены появляются в источниках на протяжении еще нескольких столетий⁵⁹.

Мы рассмотрели все сохранившиеся в источниках упоминания о посольствах, в которых участвовали афинские Керики. Разумеется, следует полагать, что в действительности таких посольств было гораздо больше: персоналии послов отражены в нарративной традиции далеко не в достаточной степени, и зачастую упоминания о них имеют попросту случайный характер. Однако думается, что уже на основании имеющегося материала мы вправе сделать некоторые выводы.

Во-первых, ясно, что афинская практика привлечения сакральных глашатаев к дипломатическим акциям существенно отличалась от спартанской. Если спартанские Талфибиады, как указывалось выше, являлись «дипломатами» в известной степени лишь формально, передавая ультиматумы и не принимая на себя никакой ответственности за исход миссии, то афинские Керики становились полноценными послами (*πρέσβεις*); зачастую им делегировались полномочия вести переговоры от имени полиса и принимать ответственные решения на свой страх и риск, без предварительной консультации с властями на родине, т.е. они были *αὐτοκράτορες*. Коренилось ли такое различие в эволюции схожих по генезису и функциям институтов в кардинальной несхожести политических структур двух важнейших в Элладе полисов, или здесь сыграли свою роль какие-то внешние, приводящие обстоятельства – судить пока трудно. Но *a priori* кажется, что мы имеем дело не со случайностью, а с внутренней закономерностью, логически вытекающей из параметров более общего порядка.

Во-вторых, дипломатическая деятельность Кериков, в отличие от других знатных родов, распространялась практически на все направления. Мы встречаем членов этого рода в связи и с персидскими, и со спартанскими, и с западными делами. При этом всякий раз они возглавляли, как подчеркивалось выше, миссии первостепенной важности. Выражаясь современным языком, Кериков всякий раз «бросали» именно на те участки, где от послов требовалось не просто наличие старинных связей и проксений, но нечто большее – высокий авторитет на персональном уровне, способствующий успеху внешнеполитических начинаний. Источниками такого авторитета для Кериков были и древность рода, и колоссальные богатства, но в первую очередь, конечно же, их положение как церемониальных магистратов первого ранга в культе почти панэллинского значения. *Ceteris paribus* такой статус послов накладывал отпечаток даже на исход переговоров вполне светского характера. Перед нами – немаловажный штрих к теме о соотношении религии и политики в классической Греции⁶⁰.

⁵⁹ О судьбе Кериков и других знатных родов в послеклассическую эпоху см.: MacKendrick P. *The Athenian Aristocracy 399 to 31 B.C.* Cambridge Mass., 1969.

⁶⁰ Из последних работ по проблеме: Sourvinou-Inwood Chr. *What is Polis Religion?* // *The Greek City: From Homer to Alexander.* Oxf., 1991. P. 295-322; Shapiro. *Religion*

В-третьих, активная дипломатическая деятельность Кериков обрывается – на первый взгляд достаточно резко и внезапно – на рубеже V-IV вв. до н.э., после Пелопоннесской войны. Единственное исключение – последний Каллий, человек, в сущности, еще довоенного поколения, избравшийся послом в начале IV века скорее по инерции. Кажется, и здесь перед нами отнюдь не случайность, а естественное следствие происходивших на данном хронологическом отрезке серьезнейших сдвигов в формах политической борьбы – сдвигов, приведших в конечном счете к практическому вытеснению *καλοῖ κάγαθοῖ* как социальной группы из всех сфер общественной жизни⁶¹. Внешнеполитическая сфера не стала исключением: подходы изменились и здесь, и потому традиционно авторитетные Керики вынуждены были уступить посольские прерогативы «новым политикам», каждый из которых мог бы сказать о себе, подобно Ификрату (Plut. Mor. 187b): «Мой род на мне начинается».

I.E. Surikov

Two Notes on the Classical Athens' Foreign Policy

In the first note the author attempts to trace a correlation between two embassies sent to Athens from the Western Mediterranean, i.e. from Egesta (IG. P. 11) and Rome (Liv. III. 31. 8). The sources on those embassies are quite scarce and unconnected with each other. An Athenian decree cannot recover any details of the first embassy, and a later Roman tradition seems to be hardly helpful concerning the other; one has even doubted the exact date of the Egestan embassy and the very authenticity of the Roman one. But considering the status of Rome and Egesta as «twin cities» with Aeneas the forefather, and an absolute chronological coincidence between the two embassies in question (454/3 BC, the year of Ariston's archonship in Athens), an agreed action may be stated that keeps well within the context of Athens's Western politics in the middle of the 5th century BC.

The second note deals with diplomatic activities of the Athenian aristocratic Kerykes family during the Classical period. Information is singled from narrative tradition and other kinds of sources about members of the Kerykes as envoys (Hipponikos «the Ammon», Kallias Kratiou «the Mede», Myronides,

and Politics... P. 123-129; Versnel H.S. Religion and Democracy // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart... 1995. S. 367-387; Суриков. Килонова скверна... С. 16-17.

⁶¹ Изучением этих сдвигов наиболее плодотворно занималась в последние годы К.Моссе. См.: Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. T. 7. P. 9-18; eadem. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart. 1995. S. 67-77.

Kallias «the Peace-Maker» who negotiated the 449 BC peace with Persia, Kallias «the Financier», and finally Kallias Hipponikou (III) who was several times an envoy to Sparta in the early 4th century) and some problems associated with them are discussed. The author thinks that one of the main reasons of such a high prestige of the Kerykes abroad was their religious status as the first-rank ceremonial officials (δαδοῦχοι) in a quasi-Panhellenic Eleusinian cult.

Э.В.Рунг
Договор Беотия

В период Пелопоннесской войны ведущие греческие полисы, Афины и Спарта, развернули невиданную прежде дипломатическую активность по привлечению Персии на свою сторону. Так, для достижения своей цели Спарта согласовала несколько договоров с персидским царем Дарием II (424-404 гг. до н.э.) и некоторыми сатрапами. Три из этих договоров (Халкидея, Феримена и Лихаса), датируемые 412-411 гг. до н.э., полностью сохранились в изложении Фукидида и продолжают привлекать пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей¹.

В 1977 г. английский антиковед Д.М.Льюис впервые привел аргументы в пользу существования четвертого договора между Спартой и Персией, который он называет по имени Беотия, спартанского посла, участвовавшего в переговорах с персидским царем после 410 г. до н.э.

Договор не упоминается в нарративной традиции. Известный труд Ксенофонта *Hellenica*, излагающий события с 411 г. до н.э. и являющийся основным источником по последним годам Пелопоннесской войны, не называет договор, а ограничивается только кратким упоминанием спартанского посольства, возглавляемого Беотием, а также указывает на существование какого-то соглашения (συμφωνία) (Xen. Hell. I. 5. 5), не известного по другим источникам. Диодор, Плутарх и другие античные авторы еще менее информативны. Д.М.Льюис доказывал историчность договора Беотия на основании косвенных свидетельств Ксенофонта, а также объяснял его появление потребностями международной ситуации на заключительном этапе Пелопоннесской войны². Одни исследователи в целом поддерживали его мнение, согласившись с некоторыми его аргументами и подвергнув сомнению другие. В то же время, другие историки выражали свое скептическое отношение к договору Беотия, считая, что он вообще никогда

¹ О договорах Спарты и Персии см., например: Печатнова Л.Г. Спарта и Персия в конце V в. до н.э. // Проблемы античной государственности, Л., 1982. С.85-108; Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С.196-200; De Sanctis G. I trattati fra Sparta e la Persia // Studi di storia della storiografia greca. Roma, 1951. P.163-171; StV. Bd. II. № 200-202; Westlake H.D. Ionians in the Ionian War // CQ. 1979. Vol. 29. № 1. P. 36-37; Gomme A., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Oxf., 1981. Vol. 5. P. 40-42; 79-82; 138-146 (далее: НСТ); Levy É. Les trois traités entre Sparte et le Roi // BCH. 1983. T.107. № 1. P.221-242; Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. N.Y., 1987. P.47-49; 80-82; 98-101.

² Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W.Bradeen / Cincinnati Classical Studies. № 1. Leiden, 1977. P. 123 ff; О договоре Беотия см. также специально: Seager R., Tuplin C.J. The Freedom of the Greeks of Asia: On the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan // JHS. 1980. Vol.100. P.144. Not. 36; Tuplin C.J. The Treaty of Boiotios //Achaemenid History / Ed. H. Sancisi-Weendenburg and A.Kuhrt. Vol. II. Leiden, 1987. P.133-153.

не существовал³. Исследование соглашения следует начать с характеристики международной ситуации, в которой оно могло быть заключено, а затем уже попытаться восстановить его основные условия.

После серьезного поражения афинян в Сицилии в сентябре 413 г. до н.э. спартанцы заключили антиафинский союз с Персией. При посредничестве сатрапа Сард Тиссаферна, который был назначен персидским царем Дарием II главнокомандующим в Малой Азии, они согласовали свои договоры в 412-411 гг. до н.э.⁴ Каждое из этих соглашений отражало конкретную военно-политическую ситуацию, сложившуюся в Ионии, и в то же время, соответствовало намерениям обеих сторон (особенно спартанцев) улучшить условия предыдущих. И если представляется определенным, что договор Феримена заменил собой договор Халкидея, а оба этих соглашения были заменены в свою очередь третьим соглашением, то судьба последнего остается недостаточно ясной⁵. Одни исследователи считают, что третий договор регулировал отношения Спарты и Персии до самого конца

³ С.Хорнблауэр называет гипотезу Д.М. Льюиса о договоре Беотия «привлекательным современным предположением» (an attractive modern suggestion) (Hornblower S. The Greek World, 479-423 BC. L., 1983. P.150). Скептическое отношение к вопросу о его существовании выражали П.Картледж и Э.Кин (Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987. P.189-190; Keen A.G. Persian Policy in the Aegean, 412-386 BC // JAC. 1998. Vol. 13. P.103). П.Картледж, например, считал, что молчание Ксенофонта никогда не является решающим аргументом, но кажется странным, что проспартански настроенный Ксенофонт не намекал на сущность соглашения Беотия или не нашел некоторый другой контекст, в котором он мог бы сослаться на него. В своем письме ко мне профессор Иллинойского университета Дж.Баклер также выражал мнение, что договор Беотия никогда не существовал.

⁴ Тиссаферн получил сатрапию Сарды в качестве награды за участие в разгроме мятежа Писсуфна, вероятно после 420 г. до н.э. (Ktesias FGn 688 F.15.53). Фукидид называет Тиссаферна в 412 г. до н.э. στρατηγὸς τῶν κάτῳ – военачальник *прибрежной области* (Thuc.VIII. 5. 5). Исследователи не сомневаются, что здесь должен подразумеваться персидский термин *каран* (греч. *κάρανος*, Ксенофонт переводит как *κύριος* – «владыка»: Xen. Hell. I. 4. 3; вероятно существует этимологическая связь между словом *каран* и древнеперсидским термином *kāra* - войско). См.: Schaefer H. Tissaphernes // RE. 1940. Suppl. 4. Sp. 1580. Это мнение фактически разделяет Э.Эндрюз, который отметил, что греческий термин *στρατηγὸς* не может являться точным эквивалентом слова «сатрап» (HCT. V. 16). Тот же ученый также подчеркивал, что Фукидид старался избегать слова «сатрап», которое он в своем труде употребляет только один раз (Andrewes A. Thucydides and the Persians // Historia. 1961. Bd.10. Ht.1. P. 6. Not. 13). Кир Младший, заменивший Тиссаферна на посту главнокомандующего в Малой Азии, также носил титул *каран*. Он имел письмо с царской печатью о своем назначении, адресованное всем жителям *побережья* (*τοῖς κάτῳ πᾶσι*) (Xen. Hell. I. 4. 3).

⁵ Большинство современных исследователей считали первые два договора только проектом, никогда не утвержденными в Спарте, а продлинным соглашением называли только третий договор (De Sanctis. Op. cit. P. 86-87; Westlake. Ionians... P. 36-37; Kagan. Op. cit. P. 48; Cartledge. Op. cit. P.188; HCT. V. 40; Falkner K.L. The Battle of Syme - 411 BC // АНВ. 1995. Vol. 9. № 3-4. P. 117; Печатнова. Ук. соч. С.93). Э. Леви полагал, что все три договора в одинаковой степени были официальными (Levy. Op. cit. P. 225).

Пелопоннесской войны⁶. Между тем, Д.М. Льюис убедительно показал, что последний договор, названный Фукидидом, потерял свою силу уже вскоре после его заключения, а некоторое время спустя вступил в действие договор Беотия, который исследователь датирует 407 г. до н.э.⁷

Рассмотрение сведений Фукидида позволяет согласиться с мнением исследователя о недолговечности третьего договора. Несмотря на то обстоятельство, что третий спартано-персидский договор наметил вполне конкретные пути взаимодействия спартанцев и персов в войне против Афин, ни один его пункт так и не был выполнен. Первые симптомы его нарушения, прежде всего со стороны сатрапа Тиссаферна, проявились уже через несколько месяцев после его заключения в Милете (сам договор обычно датируется весной 411 г. до н.э.)⁸. С одной стороны, персидский сатрап оказался неспособным, по причине отсутствия необходимых денежных средств, обеспечить предусмотренное последним соглашением финансирование пелопоннесского флота без задержек и в полном объеме (Thuc. VIII. 87. 3). С другой стороны, обещанный спартанцам по условиям договора финикийский флот так и не появился в Эгейском море, и о причине этого даже сам Фукидид терялся в догадках (Thuc. VIII. 87. 1-7). Отныне с каждым днем увеличивалось недоверие между спартанцами и Тиссаферном, и уже к осени 411 г. до н.э. они оказались на грани полного разрыва отношений. В частности, это нашло выражение в волнениях экипажей пелопоннесского флота в Милете (Thuc. VIII. 78. 1-3; 83. 1-3; 84. 1-4). Моряки собирались на сходки и бурно выражали свое недовольство существующим положением дел. Тогда же Тиссаферну был открыто брошен упрек в несоблюдении условий соглашения: он выплачивает содержание нерегулярно и не полностью (τροφήν... οὐ ξυνεχῶς οὐδ' ἐντελῆ διδοῦς), не доставляет обещанные корабли (τὰς τε ναῦς ταύτας οὐ κομίζειν) и тем самым наносит вред их флоту (Thuc. VIII. 78. 2). Постепенно обстановка накаляется. По словам Фукидида, недовольство Тиссаферном в войсках теперь перерастает в ненависть к нему. Волнения в пелопоннесском флоте привели к антиперсидским выступлениям в некоторых городах Ионии, где местные жители нападали на укрепления сатрапа и изгоняли персидские гарнизоны (в Милете: Thuc. VIII. 84. 4; в Антандре и Книде: Thuc. VIII. 108. 3-5; 109).

⁶ Этот взгляд присутствует преимущественно в старых работах исследователей. См., например: Glotz G., Cohen R. *Histoire Grecque*. P., 1936. Т. 3. P. 36; Bengtson H. *The Greeks and the Persians*. L., 1969. P. 206.

⁷ Lewis. *Sparta and Persia*. P. 123ff.

⁸ Дата договора выводится из самого его текста, содержащего указание на 13-й год царя Дария II, который начался в Персидской державе 29 марта 411 г. до н.э. (Ссылки см.: НСТ. V. 136-137; Levy. *Op. cit.* P. 225). Следовательно, договор был заключен после 29 марта 411 г. до н.э., но вероятно еще до конца весны (Levy. *Op. cit.* P. 224).

Вскоре о политике Тиссаферна и восстаниях в Ионии стало известно в Спарте. Фукидид рассказывает о поездке в Спарту бывшего наварха Астиоха, послов милетян и сиракузянина Гермократа, возглавлявшего контингент из Сицилии в составе пелопоннесского флота. Они намеревались подвергнуть критике действия сатрапа (Thuc. VIII.85.1-2). Итоги переговоров в Спарте Фукидид не сообщает. Однако его дополняет Ксенофонт, который говорит, что Гермократ произнес свою обвинительную речь против Тиссаферна и спартанцы поверили, что он говорит правду, а Астиох также подтвердил его слова (Xen. Hell. I. 1. 31). После этого спартанцы прореагировали мгновенно: новый наварх Миндар получил приказ покинуть Милет со всем своим флотом и взять курс в направлении Геллеспонта, намереваясь установить сотрудничество с Фарнабазом (Thuc. VIII. 99. 1-2).

Нам доподлинно неизвестно решение спартанцев, касающееся судьбы третьего спартано-персидского договора. Однако, по справедливому предположению Д.М. Льюиса, по причине невыполнения договоренностей Тиссаферном спартанцы впредь могли считать себя свободными от обязательств перед этим сатрапом⁹. В свою очередь, они начинают активно добиваться заключения еще одного договора с Персией, предпочитая в этой ситуации обратиться непосредственно к царю и не желая больше прибегать к посредническим услугам сатрапов. Возможно, новые спартанские посольства, отправлявшиеся теперь в Вавилон или Сузы, рассчитывали также разрешить некоторые вопросы, входившие только в компетенцию самого царя, в частности, добиться отстранения Тиссаферна от руководства всеми персидскими войсками в западной Анатолии и получить для себя такого командующего, который бы полностью их устраивал.

После разрыва отношений с Тиссаферном боевые действия против афинян перемещаются в район Геллеспонта и Пропонтиды, где спартанцы плодотворно сотрудничают с Фарнабазом и пытаются перекрыть проливы и лишить Афины подвоза боспорского хлеба. Взаимодействие спартанцев с Фарнабазом в тот период не строилось уже на договорной основе, а было чисто ситуативным. В битвах при Абудосе и Кизике 411-410 гг. до н.э. сатрап Даскилия оказывал посильную помощь пелопоннесскому флоту. Особенно существенной эта поддержка была после неудачного сражения при Кизике весной 410 г. до н.э., когда спартанцы потеряли весь свой флот и своего наварха Миндара (Xen. Hell. I. 1. 16-18; Diod. XIII. 50-51). Фарнабаз выдал каждому моряку одежду и паек на два месяца, вооружил матросов и назначил их на гарнизонную службу в прибрежной полосе, находившейся под его властью. Но этим его помощь не ограничилась. Поддержав воинов морально и материально, убеждая их не отчаиваться из-за погибших кораблей, сатрап предпринял и практические шаги по восстановлению флота. Он собрал вместе командиров союзных отрядов и триерархов, поручил им выстроить в Антандре триеры в таком числе, которое каждый

⁹ Lewis. Sparta and Persia. P.113.

потерял в бою. На строительство кораблей Фарнабаз выделил деньги и пообещал доставлять строительный лес с горы Иды (Xen. Hell. I. 1. 24-25).

Мероприятия Фарнабаза по оказанию помощи спартамцам в значительной мере могли объясняться тем, что Спарта начала переговоры о мире с Афинами, не привлекая к ним персидскую сторону. Это было явным нарушением спартамцами условий всех заключенных прежде договоров (Thuc. VIII. 18. 3; 38. 4; 58. 7) и также доказывает, что Спарта перестала придерживаться условий этих соглашений. После битвы при Кизике в Афины отправилось спартамское посольство, возглавляемое бывшим эфром Эндием, которое предлагало мир на тех условиях, что каждая из сторон должна сохранить приобретенные в ходе войны города, разрушить крепости друг друга, произвести обмен военнопленными – за одного афинянина одного спартамца (Philoch. FGrH 328 F. 139a-b; Diod. XIII. 52. 3). Это посольство положило начало длительному переговорному процессу, который продолжался еще в 408 г. до н.э., когда, согласно данным Андротриона, спартамские послы Мегилл, Эндий и Филохорид прибыли в Афины в год архонта Эвктемона из Кидафии, чтобы установить размер выкупа за каждого пленного спартамца в одну мину (Androtion FGrH 324 F. 44)¹⁰. В течение переговоров спартамцы продолжали укреплять свои позиции перед решающим столкновением. Они должны были осознать, что вступили в решающую фазу войны, в которой многое зависело от позиции Персии.

Восстановление спартамского флота происходило крайне медленно. Показательно, что весной 407 г. до н.э. новый спартамский наварх Лисандр имел в Эфесе только 70 вновь собранных кораблей (Xen. Hell. I.5.1; Diod. XIII. 70. 2), т.е. немного меньшее количество, чем то, которое составляло флот Миндара накануне битвы при Кизике (80 кораблей: Diod. XIII. 50. 2; Just. V. 4. 1)¹¹. Таким образом, потребовалось почти три года, чтобы возместить потерю флота в битве. В то же время, именно серьезное поражение, впервые с начала военных действий в Малой Азии создавшее реальные возможности для афинской победы во всей войне, должно было во многом побудить спартамцев активизировать свои действия в направлении заключения нового договора с Персией и уже в 410 г. до н.э. направить

¹⁰ О посольстве см.: Parke H.W. A Note on the Spartan Embassy to Athens (408/7 BC) // CR. 1957. Vol. 7. № 2. P.106-107; Lewis. Sparta and Persia. P.126-127. Not.112-114; Robertson N. The Sequence of Events in the Aegean in 408 and 407 BC. // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 3. P. 291; Natalicchio A. La tradizione delle offerte Spartane di pace tra il 411 ed il 404: storia e propaganda // RIL. Classi di lettere e scienze morali e storiche. 1990. Vol. 124. P.163. Not. 6.

¹¹ Началу восстановления флота положили также действия Пасиппида и Кратесиппида, которые, последовательно занимая должность наварха, собирали корабли у спартамских союзников (Xen. Hell. I. 1. 32). Кроме того, 30 кораблей строились в лапонской гавани Гифия (Xen. Hell. I. 4. 11). Строительство триер продолжалось еще в 408 г. до н.э., когда назначенный гармостом Византия Клеарх встретился с Фарнабазом, чтобы получить у него жалование для воинов и собрать корабли (Xen. Hell. I. 3.17-18).

своих представителей непосредственно ко двору персидского царя. Поэтому указанный год следует считать *terminus post quem* договора Беотия, который призван был заменить утративший силу третий договор и возродить спартано-персидское сотрудничество, базирующееся на основе соглашения между обеими сторонами. С другой стороны, свой интерес в согласовании договора должна была проявить и персидская сторона, и опять же в связи с поражением спартацев при Кизике. Уже Фарнабаз, оказывая всевозможную помощь Спарте в восстановлении ее потенциала после битвы при Кизике, вероятно, должен был опасаться той ситуации, когда Афины попытаются использовать возникшие преимущества для укрепления своих позиций в Малой Азии, и, главным образом, в ущерб персидским интересам¹². Афины, действительно, взяли курс на укрепление своей державы посредством возвращения под свой контроль потерянных ими за несколько лет войны малоазийских греческих городов. Это показывают экспедиция афинского стратега Фрасилла в Ионию и Лидию (Xen. Hell. I. 2. 1-10), опустошение сатрапии Фарнабаза и царской территории (τῆς βασιλέως χώρας) в районе Геллеспонта в 410 г. до н.э. (Xen. Hell. I. 2. 16-17; Diod. XIII. 64. 4; Plut. Alc. 29)¹³. Афинские военные операции затронули также и Карию: в одной надписи афиняне хвалят галикарнасцев за помощь их войску и городу (IG. I³. 103. 7-8).

Кроме того, персидский царь не мог считать свое сотрудничество со Спартой, которого он строго придерживался вплоть до конца войны, и впредь в полной мере гарантированным, если не будет заключен новый до-

¹² По мнению П. Кренца, афиняне предпринимали наступление на Геллеспонте и в Ионии, чтобы продемонстрировать Фарнабазу и Тиссаферну их уязвимость, а затем вынудить их обоих рекомендовать мир царю (Krentz P. Athenian Politics and Strategy after Kyzikos // CJ. 1989. Vol. 84. № 3. P. 207-212). Более вероятно, что афиняне не стали прибегать к столь сложной стратегии, а решились на переговоры о мире с персами только после того, как ощутили неожиданно серьезное сопротивление персов.

¹³ Исследователи расходятся в определении времени кампании Фрасилла: одни относят ее к весне или лету 410 г. до н.э. (Robertson. Op. cit. S. 282 ff; Krentz P. Xenophon, Hellenika I-II. 3. 10. Warminster, 1989. P.111; idem. Athenian Politics and Strategy after Kyzikos. P.207-212; Pesely G.E. The Date of Thrasyllus' Expedition to Ionia // АНВ. 1998. Vol. 12. 3. P. 96-100), другие – к весне или лету 409 г. до н.э. (Ferguson W.S. Sparta and the Peloponnese // САН. Vol. 5. Ed. I. 1927. P. 345; Andrewes A. The Generals in the Hellespont, 410-407 BC // JHS. 1953. Vol. 73. P. 4; McCoy W. Thrasyllus // AJPh. 1977. Vol. 98. № 3. P. 281). Причиной расхождений послужили различные подходы к хронологии изложения событий Ксенофонтом. Дионисий Галикарнасский датирует поход Фрасилла в Ионию архонтом Главкиппом – 410/9 г. до н.э. (Hypothes. Lys. 32) и можно предположить, что он относится к началу года этого архонта – к лету 410 г. до н.э. В ходе своей кампании Фрасилл совершил безуспешное нападение на Эфес, которое было отражено благодаря слаженным действиям отрядов сатрапа Тиссаферна, самих эфесцев и спартанского гарнизона города (Xen. Hell. I. 2. 5-8; P.Cairo. Col.1. 5, 16, 23-24; 2. 46-47; 3. 71).

говор взамен прежних¹⁴. Дарий II должен был осознавать отсутствие доверительных отношений между спартанцами и сатрапом Тиссаферном, который номинально по-прежнему оставался главнокомандующим вплоть до прибытия Кира Младшего в Малую Азию. В 410 г. до н.э. на Тиссаферна даже пало подозрение в том, что он, вместе с Пасиппидом, устроил мятеж на Фасосе, в результате которого были изгнаны лаконофильская группировка и гармост Эгеоник (Xen. Hell. I. 1. 32)¹⁵. Конечно, персидский царь мог иметь и другие причины для форсирования заключения договора, на которые указывал Д. Льюис (внутренние проблемы в Персидской державе: тревожная ситуация в Мидии, восстание племени кадусиев, проблемы с писидийцами и мизийцами: Xen. Hell. I. 2. 19; II. 1. 13; III. 1. 13; Anab. I. 9. 14; II. 5. 13; Hell. Оху. XXI(XVI). 2), но они, вероятно, носили второстепенный характер и не имели решающего значения¹⁶.

Ксенофонт рассказывает нам о двух спартанских посольствах, отправившихся для переговоров в Персию за период 410-408 гг. до н.э. Первая из этих дипломатических миссий возглавлялась неким Беотием (Βοιωτίας θύοια καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ καὶ οἱ ἄλλοι ἄγγελοι). Историк упоминает только о возвращении весной 408 г. до н.э. этих послов, со слов которых становится известно, что спартанцы добились от царя всего того, что им было нужно и что Кир, младший сын царя Дария, был назначен новым сатрапом в Малую Азию (Xen. Hell. I. 4. 2).

Второе посольство было сформировано спартанцами в 409 г. до н.э. в составе Пасиппида и других лакедемонян, и входило в группу послов из Афин и Аргоса, которые собиралась в сопровождении сатрапа Фарнабаза

¹⁴ Существуют свидетельства, которые предполагают, что персидский царь не менял своих внешнеполитических ориентиров на сотрудничество со Спартой с 412 г. и всегда выступал неизменным врагом Афин (См. Xen. Hell. I. 1. 9; Plut. Alc. 27). В то же время, Тиссаферн проводил в войне собственную политику, которую античные авторы определяют как балансирование между двумя враждующими греческими державами. в результате которого сатрап не оказывал решительной поддержки ни одной из них, а добивался истощения эллинов (Thuc. VIII. 46. 4; 51. 2; 85. 2; Xen. Hell. I. 5. 9). За такую свою политику Тиссаферн подвергался осуждению в Спарте и при персидском дворе.

¹⁵ Возможно, Тиссаферн в это время участвовал в каких-то переговорах с Афинами, как считает Д.М. Льюис (Lewis. Sparta and Persia. P.129). Однако, контекст афинского почетного декрета в честь Эвагора Саламинского, где упомянут Тиссаферн (IG. I³. 113. 34: Τισσαφρένευ), не ясен в виду плохой сохранности надписи, так же как не определена и его дата (исследователи датируют документ в диапазоне 411-405 гг. до н.э.: мнения см.: Spyridakis K. Evagoras I von Salamis: Untersuchungen zur Geschichte des Kyprischen Königs. Stuttgart, 1935. S. 44-45; Costa E.A.Jr. Evagoras I and the Persians, ca 411 to 391 BC // Historia. 1974. Bd. 23. Ht.1. P. 46; Krentz. Athenian Politics... P. 214).

¹⁶ Lewis. Sparta and Persia. P.133-134. Исследователь считает, что Дарий II намеревался использовать восточные отряды в войнах против мизийцев, писидийцев и кадусиев, и оставить борьбу против афинян спартанцам, снабженным персидскими финансовыми средствами. Ср.: Tuplin. The Treaty of Boiotios. P.140-141. О внутренней ситуации в Персидской державе см.: Cook J.M. The Persian Empire. L., 1983. P.130; Briant P. Histoire de l'Empire perse. De Cyrus à Alexandre. P., 1996. P. 613 ff.

проследовать к царю весной следующего года (Xen. Hell. I. 3. 13)¹⁷. Вероятно, ближайшее намерение этих послов из Спарты состояло в том, чтобы помешать афинянам достигнуть соглашения с персидским царем¹⁸. Послы, во главе с Пасиппидом, встретились с Фарнабазом, скорее всего, в Кизике (Xen. Hell. I. 3. 13), и далее сумели добраться до города Гордиона в Великой Фригии. Там они и увидели возвращающегося Беотия и его коллег и узнали о результатах, достигнутых в ходе переговоров с Дарием II (Xen. Hell. I. 4. 2)¹⁹. Мы не располагаем дополнительной информацией об этом втором посольстве; но, принимая во внимание успех миссии Беотия, можно полагать, что спартанские послы во главе с Пасиппидом возвратились из Гордия назад, отказавшись от планов продолжить свою поездку в Персию.

Д.Льюис предполагал, что успех Беотия мог заключаться в том, что был заключен новый договор с персидским царем: «... должно казаться невероятным, что первое спартанское посольство, имевшее дело непосред-

¹⁷ Интересы лакелемонян должны были отставать помимо официальных спартанских послов - Пасиппида и его коллег, также сиракузцы Гермократ и его брат Проксен, которые, вероятно, отправились как частные лица. При рассказе о посольстве Пасиппида Ксенофонт употребил глагол ἐπερῶντο (отправились), тогда как в отношении афинских послов стоит глагол ἐπεμψῆσαν (были посланы). Из этого, однако, не следует, что спартанские послы совершали поездку неофициально, а только то, что они по своему усмотрению вошли в группу послов из Афин и Аргоса. Ксенофонт рассказывает, что Пасиппид бежал из Спарты ввиду обвинения в изгнании лаконофилов из Фасоса (Xen. Hell. I. 1. 32), но П.Кренц считает, что ко времени посольства он был уже возвращен (Krentz. Xenophon. Hellenika I-II.3.10. P.121).

¹⁸ В соответствии с договором, который заключили афинские стратеги Ферамен, Фрасибул и Алкивиад с сатрапом Фарнабазом после захвата ими Калхедона в 409 г. до н.э., было снаряжено посольство в Персию, состоящее из Дорофея, Филодика, Феогена, Эвриптолема и Маннифея. Соглашение с Фарнабазом содержало пункт, обязывающий сатрапа провести афинских послов к царю и обеспечить им безопасность следования по территории Азии (Xen.Hell. I. 3. 8; Plut. Alc. 31). Вероятно, афиняне рассчитывали заключением договора добиться выхода Персии из Пелопоннесской войны (анализ договора см.: Amit M. Le traité de Chalcédoine entre Pharnabaze et les stratèges athéniens // AC. 1973. Vol. 42. P. 436-457).

¹⁹ Д.Лютце полагал, что Беотий и Пасиппид входили в состав одного и того же посольства: Ж.Боммелэр добавляет, что в то время, когда афинские послы зимовали в Гордии, спартанское посольство проследовало к царю (Lotze D. Lysander und der Peloponnesische Krieg. B., 1964. S.10; Bommelaer J.-F. Lysander de Sparte: Histoire et traditions. P., 1981. P.62-65). Однако Н.Робертсон и П.Кренц справедливо отмечали, что вряд ли Ксенофонт стал называть сначала одного спартиата, а затем другого во главе послов (Robertson. Op. cit. S.290. Not. 25; Krentz. Xenophon. Hellenika I-II.3.10. P.125). О том, что Беотий и Пасиппид возглавляли два различных посольства см. также: Amit. Op. cit. P.455; Natalicchio. Op. cit. P.166. Not. 21. Едва ли спартанские послы, отправившиеся в Персию осенью 409 г. до н.э., оставив афинян зимовать в Гордии, успевали вернуться уже весной 408 г. до н.э.

ственно с царем с 424 г. до н.э., возвратилось бы назад в таком состоянии удовлетворения, если бы не было достигнуто новое соглашение»²⁰.

Как уже говорилось выше, в распоряжении исследователей нет прямых свидетельств о договоре Беотия. Тем не менее, выражение Ксенофонта, сообщающего, что при помощи посольства Беотия спартанцы смогли добиться от персидского царя всего того, что им было нужно (Λακεδαιμόνιοι πάντων ὧν θέοιται πεπραγότες εἶεν παρὰ βασιλέως) (Xen. Hell. I. 4. 2) предполагает успешные переговоры, а в сложившейся международной ситуации этот успех мог быть только следствием заключения нового договора.

Исследователи подробно не рассматривают участников соглашения. Между тем, в греко-персидских отношениях было традиционным, что греческие послы заключали договоры, в которых наряду с именем персидского царя упоминались имена сатрапов. Последние часто служили в качестве посредников в переговорах и являлись ответственными с персидской стороны за заключение договора и непосредственными исполнителями заявленных в его тексте условий. Такая тенденция проявляется уже в Каллиевом мире 449 г. до н.э. между Афинами и Персией.

Текст договора Халкидея начинается провозглашением союза между лакедемонянами и их союзниками с царем и Тиссаферном (Ἐπιμαχία... πρὸς βασιλέα καὶ Τισσαφέρην) (Thuc. VIII. 18. 1). Здесь персидский сатрап Сард выступал равноправным участником соглашения, хотя, конечно, формальная иерархия была соблюдена, поскольку царь Дарий упомянут в договоре на первом месте. Полномочия Тиссаферна на заключение договора со спартанцами в 412 г. до н.э. определялись опять же его положением главнокомандующего персидскими войсками в западной Малой Азии.

Договор Феримена имеет схожую формулировку. Но теперь уже в качестве участников присутствуют царь Дарий, Тиссаферн и сыновья царя (Ἐπιθήκαι... πρὸς βασιλέα Δαρείου καὶ τοὺς παῖδας τοὺς βασιλέως καὶ Τισσαφέρην) (Thuc. VIII. 37. 1). Включение в текст договора царских наследников было довольно распространенной практикой в межгосударственных отношениях в Восточном Средиземноморье. Их упоминание в договоре Феримена вероятно было сделано с намерением предоставить дополнительные гарантии неукоснительного соблюдения договора с персидской стороны, и возможно продлить срок его действия.

В третьем договоре Спарты и Персии заявляется: «В тринадцатом году царствования Дария, когда в Лакедемонии эфором был Алексиппид, на равнине Меандра заключен следующий договор между лакедемонянами и

²⁰ Lewis. Sparta and Persia. P.124. Н.Робертсон считает, что спартанцы послали Беотия и его коллег к Дарию II самое позднее в 410 г. до н.э., оставшись неудовлетворенными в то время сотрудничеством с Тиссаферном: это вынуждало Спарту добиваться более прочного и всестороннего соглашения с самим царем. Однако исследователь не говорит, было ли достигнуто такое соглашение (Robertson. Op. cit. P. 290-291).

их союзниками, с одной стороны, и Тиссаферном, Гиераменом и сыновьями Фарнака - с другой, - о делах царя и лакедемонян и их союзников (Ξυθηκαὶ ἐγένετο ἐν Μαίανδρου πεδίῳ Λακεδαιμονίων καὶ τῶν ξυμμαχῶν πρὸς Τισσαφέρην καὶ Ἱεραμένην καὶ τοὺς Φαρνάκου παῖδας) (Thuc. VIII. 58.1). Он в большей мере касается взаимоотношений спартанцев с персидскими сатрапами, поскольку именно они, а не персидский царь, фигурируют в качестве основных участников соглашения. Появление в тексте документа имени Тиссаферна не вызывает никаких вопросов, ибо этот сатрап по-прежнему выступал посредником в переговорах. Но остается не вполне понятной роль Гиерамена и «сыновей Фарнака» в подготовке и реализации соглашения. Известно, что Гиерамен был зятем царя Дария²¹. Однако трудно сказать, являлся ли он личным представителем царя в Малой Азии, царским секретарем, или же сатрапом, равным по положению Тиссаферну и Фарнабазу. Из «сыновей Фарнака» прежде всего подразумевается Фарнабаз, сатрап Даскилия, но возможно имеются ввиду также и его братья. Примечательно, что незадолго до заключения третьего спартано-персидского договора планировалась экспедиция спартанцев в район Геллеспонта, которая предусматривала сотрудничество с Фарнабазом (Thuc. VIII. 39.1; 61-62).

Ввиду сложившейся практики и в тексте договора Беотия наряду с персидским царем Дарием II должен был упоминаться какой-либо персидский сатрап, ответственный за его исполнение и гарантирующий соблюдение его условий. Надо полагать, что таковым персидским сатрапом в Малой Азии теперь был Кир Младший. Известно, что Беотий и спартанские послы вели переговоры в одной из царских столиц (Вавилоне или Сузах) с самим царем, а кроме того они первыми принесли весть о назначении Кира сатрапом в Малую Азию (Xen. Hell. I. 4. 2). В данном случае не является особо принципиальным вопрос, было ли назначение Кира также следствием успеха посольства Беотия или же оно представляло собой результат закулисных интриг при дворце персидского царя. Именно последнее мнение принимают большинство исследователей, которые считают, что назначение Кира произошло по инициативе царицы Парисатиды, выдвиганием своего любимого сына (ему было самое большее 16 лет, поскольку он родился уже после вступления Дария II на престол в 424 г. до н.э.) создающей условия для будущего наследования им престола²².

Весной 408 г. до н.э. Кир Младший появился в Малой Азии. По данным Ксенофонта, ему была вверена власть над всей приморской областью (ἄρξων πάντων τῶν ἐπὶ θαλάττῃ); он также получил должность главнокомандующего — *карана* «всех собирающихся в долине Кастола»

²¹ Гиерамен был женат на одной из дочерей царя (Xen. Hell. II. 1. 8-9). В период Пелопоннесской войны он находился в Малой Азии (TAM. I. 44 с. 11-12).

²² См. например: Olmstead A.T. The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948. P. 369; Will E. Le monde grec et l'Orient. P., 1972. T. I. P. 385; Lewis. Op. cit. P.134-135; Kagan. Op. cit. P.295; Cartledge. Op. cit. P.190.

(κάρανος τῶν εἰς Καστωλὸν ἀθροισμένων) (Xen. Hell. I. 4. 3-4; Anab. I. 1. 2; 9. 7). Решение царя назначить своего младшего сына на должность карана было продиктовано его стремлением отстранить Тиссаферна от руководства войсками в Малой Азии, а Фарнабазу поставить в прямое подчинение Киру. Между тем, Тиссаферн теперь потерял не только свое официальное положение главнокомандующего, но некоторую часть своих владений, которые были переданы царем Киру. Прежде всего, Кир сменил Тиссаферна в должности сатрапа Сард (Xen. Hell. I. 5. 1; Diod. XIII. 70. 3; Plut. Lys. 4). При этом сама эта сатрапия претерпела определенные изменения в своем административном устройстве. Прежде безусловно включавшая в себе Лидию, Ионию, Карию (и возможно Ликию), сатрапия Сарды теперь значительно преобразовывалась путем интеграции в нее областей центральной части Малоазийского полуострова (Великой Фригии и Каппадокии), составивших ранее самостоятельные сатрапии, и выделением из нее некоторых приморских областей в качестве отдельных сатрапий (Карии и Ликий)²³. По сведениям Ксенофонта, Кир стал «сатрапом Лидии, Великой Фригии и Каппадокии» (σατράπης Λυδίας τε καὶ Φρυγίας τῆς μεγάλης καὶ Καππαδοκίας) (Xen. Anab. I. 9. 7). Создание такой обширной сатрапии вполне соответствовало тем полномочиям, которые получил Кир, и его положению сына царя Персии.

В то же время новый сатрап в Малой Азии получил вполне определенные указания от персидского царя вести войну против афинян совместно с лакедемонянами (συνπολεμήσων Λακεδαιμονίοις) (Xen. Hell. I. 4. 3; 5. 3), и, надо думать, такое сотрудничество также было непосредственно предусмотрено договором Беотия. Появление в соглашении пункта о взаимодействии спартанцев и персов вполне соответствовало духу и содержанию трех предшествующих договоров, каждый из которых предусматривал такое сотрудничество (Thuc. VIII. 18. 2; 37. 4; 58. 5-7). Помощь спартанцам, по заверениям самого Кира, отвечала его личным намерениям (Xen. Hell. I. 5. 3).

Возможно, первым шагом, направленным против афинян, был приказ Кира Фарнабазу выдать ему афинских послов, задержанных им во время их зимовки в Гордии, или по крайней мере не отпускать их домой. По словам Ксенофонта, Кир опасался, что афиняне могут узнать о происхо-

²³ Вероятно, после прибытия Кира в Малую Азию весной 408 г. до н.э. за Тиссаферном осталась Кария, теперь отделенная от Сард и преобразованная в самостоятельную сатрапию (Lewis. Sparta and Persia. P.119, not. 78; Olmstead. Op. cit. P.369; Andrewes A. Two Notes on Lysander // Phoenix. 1971. Vol. 25. № 3. P. 208; Hamilton C.D. Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthian War. N.Y., Ithaca, 1979. P. 101-102; Kagan. Op. cit. P.295). С. Рузика полагает, что Тиссаферн в 407 г. до н.э. вообще не имел сатрапии, а входил в число близких советников Кира; получил же сатрапию Карию он только после того, как Кир был взят под стражу в связи с обвинением в заговоре против царя Артаксеркса II в 403 г. до н.э. (Ruzicka S. Cyrus and Tissaphernes, 407-401 BC. // C.J. 1985. Vol. 80. № 3. P. 204; idem. Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth century BC. Norman, 1992. P.12-13).

дашем, что, впрочем, не объясняет его истинных намерений (Xen. Hell. 1. 4. 5). Прибытие Кира в Малую Азию стало событием, которое трудно было скрыть, и следует думать, что царевич мог опасаться неожиданных дипломатических действий афинян в ответ на известие о заключении нового спартано-персидского договора, предписывающего еще более тесное сотрудничество обеих сторон в Пелопоннесской войне²⁴.

Не следовал Кир и советам Тиссаферна. В частности, этот сатрап безуспешно пытался склонить царевича к проведению прежней политики, заключавшейся в том, чтобы не оказывать решительной поддержки не одной из воюющих сторон. Кир не принял также и послов афинян, несмотря на уговоры Тиссаферна (Xen. Hell. I. 5. 9).

По мнению Д.М.Льюиса, сохранилась одна статья из договора Беотия. приведенная Ксенофонтом при описании первой встречи спартанского наварха Лисандра и Кира в Сардах весной 407 г. до н.э. В соответствии с сообщением Ксенофонта, Лисандр и спартанцы выступили с обвинениями против Тиссаферна. Они просили Кира оказать всевозможную поддержку в войне с Афинами, и получили от царевича все необходимые заверения в неизменной поддержке. При этом царевич не предполагал ограничиться выдачей денег, выделенных персидским царем на нужды войны (500 талантов), но и планировал использовать финансовые средства из других источников, в частности, бывшие в его личном распоряжении (в случае нехватки средств он пообещал тратить свое личное имущество и разбить свой трон из золота и серебра) (Xen. Hell. I. 5. 2-3).

Во время переговоров Лисандр убеждал выдавать морякам жалование в размере одной аттической драхмы в день на человека, но встретил противодействие Кира, который ссылаясь на *договор*, согласно которому необходимо было давать экипажу каждого корабля тридцать мин в месяц, независимо от того, сколько кораблей пожелают содержать лакедемоняне (εἶναι δὲ καὶ τὰς συνθήκας οὕτως ἐχοῦσας τριάκοντα μνᾶς ἐκάστη νῆι τοῦ μῆνος δίδοναι ὅπόσας ἂν βούλωντα τρέφειν Λακεδαιμόνιοι) (Xen. Hell. I. 5. 5)²⁵. Принимая во внимание, что обычно экипаж триеры насчитывал 200 человек, каждому из которых предполагалось выдавать со-

²⁴ Фарнабаз, связанный с афинянами договором и клятвами (Xen. Hell. I. 3. 9; 11-12), не решился на то, чтобы выдать послов Киру, а удерживал их в течение длительного времени. По сведениям Ксенофонта, только спустя три года Фарнабаз уговорил Кира отпустить послов, которые были приведены провожатыми Ариобарзана, вероятно одного из гипархов сатрапа, в мисийский город Киос, откуда они отплыли в расположенные афинского войска на Геллеспонте (Xen. Hell. I. 4. 7).

²⁵ В этом тексте Ксенофонта мы имеем термин *συνθήκαι*, который представляет *terminus technicus*. К.Таллин в своем письме ко мне теперь предпочитает говорить не о молчании Ксенофонта в отношении договора Беотия, а только об отсутствии о нем подробных сведений (his lack of detail), так как называется Беотий и термин *συνθήκαι*. Тот же термин (правда в варианте *ἐσυνθήκαι*) использует Фукидид при изложении материала, относящегося к договорам Спарты и Персии (Thuc. VIII. 36. 2; 37.1; 58.1).

гласно договора по 3000 драхм в месяц, получаем сумму оплаты каждому гребцу корабля по 3 обола в день²⁶.

Ввиду того, что Кир заменил Тиссаферна на всех ответственных постах, представляется маловероятным, что царевич стал бы ссылаться на соглашение о размере оплаты в 3 обола, достигнутое предыдущим сатрапом, с которым спартанцы к моменту прибытия Кира уже окончательно испортили отношения²⁷. Вероятно, Кир, противясь попыткам Лисандра добиться восстановления жалования в размере аттической драхмы, должен был назвать то условие в договоре, которое признавали бы спартанский наварх и его подчиненные. В свою очередь, Лисандр, убеждая Кира платить каждому моряку по полной драхме, вероятно, надеялся вернуться к условиям договоренностей, достигнутых во время переговорах в Спарте зимой 413/412 г. до н.э. Фукидид сообщает, что переговоры об этом со спартанскими властями вел посол Тиссаферна, который имел поручение склонить спартанцев к союзу с персидским царем и обещать финансовую помощь пелопоннесцам в случае начала войны в Ионии (Thuc. VIII. 5. 5; 29. 1). Это условие оплаты, однако, продержалось сравнительно недолго, и уже было пересмотрено Тиссаферном во время встречи со спартанцами в Милете осенью 412 г. до н.э., уже после заключения договора Халкидея.

В Милете персидский сатрап впервые, ссылаясь на свои финансовые затруднения и отсутствие необходимых средств, получаемых от царя, предложил выдавать по 3 обола каждому моряку в день (Thuc. VIII. 29. 2)²⁸. Однако это условие встретило сопротивление со стороны некоторых высших командиров пелопоннесского флота, и Тиссаферн смягчил свои условия, предложив платить несколько больше, чем 3 обола. Фукидид приводит текст достигнутого соглашения, которое, вероятно, приняло форму письменного документа (Thuc. VIII. 29. 2). Сообщение историка внимательно проанализировал У.Томпсон, который отмечал, что оно пред-

²⁶ Lewis. Sparta and Persia. P.124; idem. Persian Gold in Greek International Relations // L'or perse et l'histoire gréceque / Actes de la table ronde du CNRS à Bordeaux du 20 au 22 mars 1989 réunis par Descat Raymond. REA. T. 91. N 1/2. P. 231.

²⁷ Плутарх называет Тиссаферна личным врагом Кира, но эта вражда между ними могла возникнуть и по прошествии времени (Plut. Lys. 4. 2). Ксенофонт говорит только, что Кир не следовал советам Тиссаферна по ведению войны с греками (Xen. Hell. I. 5. 9).

²⁸ Причины понижения оплаты морякам с полной драхмы не находят адекватного отражения в источниках (варианты, предлагаемые для объяснения поведения Тиссаферна, см.: Lewis. Sparta and Persia. P.92; Westlake H.D. Tissaphernes in Thucydides // CQ. 1985. Vol. 35. № 1. P. 48). Согласно Фукидиду, сам Тиссаферн объяснял свои действия предписанием персидского царя (Thuc. VIII. 29. 2), которое он, вероятно, мог получить уже вскоре после заключения договора Халкидея, вместе с реакцией царя на присланный ему текст договора. Не исключено, по-видимому, и то, что Тиссаферн понизил содержание морякам своей волей, так как не поступили вовремя обещанные от царя средства. Дальнейшие пассажи из Фукидида показывают, что сатрап вынужден был вести войну за свой счет (τοῖς ἰδίοις χρήμασι πολεμοῦντα) (Thuc. VIII. 45. 6; cf. Hell. Oxy. XIX (XIV). 2).

писывало выдавать 3 таланта в месяц на каждые 5 кораблей, а также устанавливало расчетную численность пелопоннесского флота в 55 кораблей, которые обязывался содержать Тиссаферн²⁹. Таким образом, соглашение в Милете содержало условие, что каждый корабль должен был получать 3600 драм в месяц, а каждый моряк – по 3,6 обола в день. Однако такой размер ежедневной оплаты каждому моряку также был вскоре изменен.

Спустя примерно полгода Тиссаферн все же назначил размер жалования в 3 обола. Сделал он это уже под давлением Алквиада, который, преследуя собственные политические цели, побуждал сатрапа к понижению оплаты, ссылаясь на афинский опыт, и склонял подкупом спартанских триерархов принять установленный размер жалования (Thuc. VIII. 45. 6). Спартанцы вынуждены были согласиться на указанную меру, опасаясь лишиться персидской поддержки. Однако это уже произошло после того, как между Спартой и Персией был заключен договор Феримена³⁰. Фукидид не говорит о том, было ли решение платить морякам 3 обола зафиксировано документально в виде официального соглашения.

В то же время, обращает на себя внимание то, что ни один из трех спартано-персидских договоров 412-411 гг. до н.э. уже не содержит никаких конкретных данных по размеру оплаты³¹. Договор Халкидея вообще не упоминает также обязательств персов по содержанию моряков пелопоннесского флота, в чем должны были быть особенно заинтересованы спартанцы. Вероятно, Халкидей и Тиссаферн тогда посчитали действующей договоренность, достигнутую еще на переговорах в Спарте об оплате воинам в размере одной аттической драхмы в день на человека. В договоре Феримена персидский царь просто обещал оплачивать расходы по содержанию всех спартанских войск (τὴν δαπάνην βασιλέα παρέχειν), находящихся в стране царя (στρατιὰ ἐν τῇ χώρᾳ τῆ βασιλέως) и по просьбе царя (μεταπεμφθέντου βασιλέως) (Thuc. VIII. 37. 4).

Отсутствие конкретных цифр по размеру оплаты здесь могло объясняться тем, что Тиссаферн и Феримен уже считали действующим договор, заключенный ранее в Милете по размеру оплаты немногим более 3 оболов; с другой стороны, персидский сатрап, не включив в текст соглашения конкретные цифры из этого договора, фактически оставлял за собой право на

²⁹ Следует принять все исправления в издании Фукидида, которые сделал У. Томпсон после сверки его с манускриптами. Дело в том, что соглашение, в том виде как оно помещено в важнейшие издания, звучало следующим образом: «На 55 кораблей в месяц давать 30 талантов; и остальным кораблям, которые были сверх этого числа, платить также исходя из указанного соглашения». Получается, что на каждый корабль должно было приходиться в среднем по 3272 8/11 драхмы в месяц (*sic!*). Исследователь считает, что в Милете тогда спартанцы имели 55 кораблей (Thompson W.E. *Tissaphernes and the Mercenaries at Miletus* // *Philologus*. 1965. Bd.109. Ht.3-4. P. 294). О вариантах решения проблемы см.: НСТ. V. 70-71.

³⁰ Фукидид говорит, что именно Алквиад первым убедил Тиссаферна сократить жалование с аттической драхмы до трех оболов.

³¹ Lewis. *Sparta and Persia*. P.124.

пересмотр условий оплаты. Третий договор содержит обещание персидской стороны в лице Тиссаферна доставлять содержание (τροφή) морякам пелопоннесских кораблей вплоть до прибытия царского флота, который, как предполагалось, должен был решительно изменить ход войны³². Договор предлагает два варианта финансирования пелопоннесской эскадры после прибытия царского флота: спартанцы либо сами должны были содержать свои корабли, либо получать на это средства от Тиссаферна. В последнем случае они должны были возратить всю полученную ими сумму после войны (Thuc. VIII. 58. 6-7).

Договор Беотия, таким образом, производил заметные улучшения в вопросах финансирования персами пелопоннесского флота: во-первых, в отличие от предшествующих соглашений, он содержал конкретные цифры, определяющие размер оплаты службы моряков; во-вторых, он хотя и оставлял неизменным прежний размер жалования в 3 обола, все же указывал обязательство персидской стороны оплачивать любое количество спартанских кораблей, что давало возможность значительного увеличения эскадры (и выглядело явным достижением по сравнению с соглашением в Милете осени 412 г. до н.э., где говорилось только о 55 кораблях, оплачиваемых персами). Именно этим условием, вероятно, позднее воспользовался новый наварх Калликратид, который в 406 г. до н.э. увеличил свой флот до 170 кораблей, которые он имел во время осады Митилены (Xen. Hell. I. 6. 17).

На тех же переговорах в Сардах Лисандр добился некоторого увеличения размера оплаты (до 4 оболов), в полной мере проявив при этом свои качества дипломата. Кроме этого, были уплачены все задолженности по жалованию и выданы деньги на месяц вперед (Xen. Hell. I. 5. 4-5). Диодор и Плутарх отмечают, что единовременная сумма, переданная Лисандру на военные нужды (вероятно, в качестве оплаты воинам) составила 10 тыс. дариков (около 50 талантов) (Diod. XIII. 70. 3; Plut. Lys. 4). Отмеченные меры позволили стабилизировать обстановку с выдачей персами содержания пелопоннесцам, которое с этого времени стало платиться бесперебойно и в полном объеме.

Сложен и дискусионен вопрос о том, как формулировалась в договоре Беотия статья о правах персидского царя, бывшая непременным атрибутом трех договоров 412-411 гг. до н.э. Дело в том, что Д.Льюис связывает появление этого договора не только с закономерными требованиями военной и международной обстановки, но главным образом с необходимостью нового решения проблемы малоазийских греков: предоставления им персидской стороной автономии с тем условием, чтобы они платили традиционную подать царю³³. Однако приведенные исследователем аргумен-

³² При этом сделана ссылка на какие-то соглашения по этому вопросу (κατὰ τὰ ξυμβήματα), под которыми, вероятно, следует видеть договоренности по размеру оплаты, достигнутые в Милете осенью 412 г. до н.э. (De Sanctis. Op. cit. P. 92).

³³ По мнению Д. Льюиса, города Малой Азии «были по форме автономны, хотя они могли иметь финансовые обязательства перед царем» (Lewis. Sparta and Persia.

ты не убеждают в такой трактовке статьи договора, и не удивительно, что современные историки часто не соглашаются с его мнением.

Р.Сиджер отмечал, что договор Беотия заслуживает своего места в истории, а Льюис достоин благодарности за доказательство его существования. Но то, что он реконструировал в нем пункт, касающийся территориальной проблемы, остается только предположением, и нет необходимости выводить его из присутствия аналогичной статьи в предшествующих договорах³⁴. П.Картледж также сомневается в существовании для персидского царя необходимости изменить в новом договоре условия по территориальной статье, причем исследователь приводит этот аргумент для отрицания историчности договора Беотия в целом³⁵.

Основные аргументы Д.М.Льюиса о том, что договор Беотия признавал автономию малоазийских греков, базируются на обсуждении им статуса греческих городов Малой Азии в составе Персидской державы и отношения этих городов к системе сатрапий. Историк доказывает, что после 407 г. до н.э. малоазийские греческие города (в частности, ионийские) не были частью административных сатрапий Персидской державы, а подчинялись сначала Киру, а затем и Тиссаферну не как сатрапам, а как частным лицам, и потому могли считаться автономными по отношению к царю³⁶. В дополнение к этому исследователь не находит свидетельств антиперсидских выступлений в городах Ионии в 411-405 гг. до н.э., а говорит об энтузиазме ионийских греков, с которым они поддерживали Спарту, и задает вопрос: совместим ли этот энтузиазм со знанием того, что с завершением войны города будут преданы персидскому контролю?³⁷ Тот факт, что спартанцы во время боевых действий против персов под руководством Фиброна, Деркилида и Агесилая в 400-395 гг. до н.э. требовали от персидской

123).

³⁴ Seager, Tuplin. Op. cit. P.141. Not. 36

³⁵ Cartledge. Op. cit. P.190

³⁶ Lewis. Sparta and Persia. P.118-122. Здесь исследователь принимает во внимание несколько свидетельств. Во-первых, сообщение Ксенофонта, что в 405 г. до н.э. Кир передал Лисандру право собирать подати с городов, которые поступали в его личную пользу (Xen. Hell. II. 1. 14) (он полагает, что имеются ввиду греческие города Ионии). Во-вторых, замечание греческого историка, что персидский царь передал ионийские города Тиссаферну, но все они, за исключением Милета, перешли на сторону Кира (Xen. Anab. I. 1. 6). Д.М.Льюис отмечает, что Ксенофонт никогда не говорит об Ионии, а только о городах (P.122; ср. Hornblower S. Mausolus. Oxf., 1982. P. 33-34).

³⁷ Lewis. Sparta and Persia. P.115 ff. Между тем, античные историки считают причиной эмоционального подъема малоазийских греков в конце войны присутствие Лисандра, который быстро сумел найти себе многих сторонников в городах, а также Кира, ставшего близким другом спартанского наварха (Xen. Hell. I. 6. 4; II. 1. 6-7; Plut. Lys. 4-7). К.Таплин, исследовав участие в войне кораблей из городов Малой Азии, отмечал такой энтузиазм главным образом в двух городах: Милете и Эфесе, которые находились под прямым спартанским (и персидским – в Эфесе) влиянием. Что касается других городов, то, по мнению исследователя, в отношении их энтузиазма в войне отсутствуют необходимые свидетельства (Tuplin. The Treaty of Boiotios. P.138-139).

стороны предоставления малоазийским грекам автономии (Xen. Hell. III. 1. 3; 2. 20; 4. 5), по мнению Д.М.Льюиса, должно предполагать, что подобное требование персы уже допустили ранее, а именно - в договоре Беотия³⁸.

Эти аргументы рассмотрели кратко Р.Сиджер и гораздо более подробно – К.Таплин, которые доказывали, что данные источников не допускают однозначного заключения, будто греческие города Малой Азии после согласования договора Беотия были автономны по отношению к персидскому царю³⁹. Действительно, трудно утверждать, что новое соглашение как-то существенно изменило положение малоазийских греков.

Все прежние договоры Спарты и Персии 412-411 гг. до н.э. начинаются обобщенным заявлением прав царя, и стиль договоров таков, что они оставляют место для неоднозначного их толкования, особенно в вопросе об определении статуса греков Малой Азии⁴⁰.

Договор Халкидея гласил: «Все земли и города, которыми царь владеет или владели предки царя, должны принадлежать царю» (ὅποσην χώραν καὶ πόλεις βασιλεὺς ἔχει καὶ οἱ πατέρες οἱ βασιλέως εἶχον, βασιλέως ἔστω) (Thuc. VIII. 18. 1). В этом соглашении не указывается даже территория, на которую должна отныне распространяться власть персидского царя.

Иногда полагают, что статья первого договора в правовом отношении восстанавливала господство персов над большей частью Греции⁴¹. Некоторые исследователи признают спартанские уступки царю огромными и делают вывод, что если бы спартанцы стали бы в точности следовать заявленным условиям, то их политика привела бы к восстановлению Персид-

³⁸ Lewis. Sparta and Persia. P.117ff. Определяющим для Д.М.Льюиса является сообщение Ксенофонта, что персидский царь в 395 г. до н.э. был готов согласиться на требование спартанского царя Агесилая признать автономию греков Малой Азии на том условии, чтобы они платили ему традиционную подать (Xen. Hell. III. 4. 25). К.Таплин, однако, полагает, что условия, предложенные Артаксерксом II, не предполагали возврата к договору Беотия (Tuplin C.J. The Failings of Empire. Stuttgart. 1993. P. 56).

³⁹ Seager, Tuplin. Op. cit. P.141. Not. 36; Tuplin. The Treaty of Boiotios, passim.

⁴⁰ Например, в отношении договора Халкидея: еще В.С.Фергюсон считал, что формулировка первой его статьи, заявляющей права царя, настолько широка, что трудно ее интерпретировать однозначно (Ferguson. Op. cit. P.315).

⁴¹ Такое понимание первой статьи договора спартанской стороной обнаружили переговоры на Книде в 411 г. до н.э., на которых спартиат Лихас подверг критике первые два соглашения Спарты и Персии: он заявил Тиссаферну, что если спартанцы будут в точности следовать их условиям, все острова Эгейского моря вновь будут порабощены персами, а также Фессалия, Локрида и все области до Беотии, и тогда вместо свободы лакедемоняне навязут грекам мидийское господство (Thuc.VIII. 43. 3). Правда, следует думать, что Лихас умышленно выбрал для критики наиболее уязвимое, с точки зрения формулировки, положение в договорах с той целью, чтобы объявить оба соглашения недействительными и потребовать заключения новых, более выгодных договоров. Спартанцы использовали этот случай, чтобы снова показать себя перед всем греческим миром поборниками эллинской свободы, особенно в отношениях с Персией.

ской державы времени Дария I и Ксеркса⁴². В действительности же в договоре говорится о власти царя над землями и городами Азии, и это явствует из следующей статьи, которая гласит: «Сколько бы денег и других доходов не поступало до сих пор к афинянам от этих городов, пусть царь и лакедемоняне с союзниками отныне не допускают афинян получать эти деньги и другие доходы» (Thuc. VIII. 18. 1). В ней речь, безусловно, идет о взимании форося афинянами со своих союзников. Это условие имело смысл только в том случае, если предыдущая статья договора касалась малоазийских греческих городов, податных членов Афинской архэ. Таким образом, договор Халкидея косвенно затрагивал статус греческих городов Малой Азии⁴³.

Договор Феримена также заявлял права царя на земли и города, бывшие во владении царя Дария, или принадлежавшие его предкам (ὁπόση χώρα καὶ πόλεις βασιλέως εἰς τὸν Δαρείου ἢ τοῦ πατρὸς ἦσαν ἢ τῶν προῶν), однако в нем дело не ограничилось уже простой констатацией этого факта. Теперь спартанцы, как и афиняне по условиям Каллиева мира, дали гарантии неприкосновенности царских земель и городов (Thuc. VIII. 37. 2). Кроме того, спартанцы по новому соглашению обязались не взимать форося с упомянутых городов, тогда как в договоре Халкидея, как известно, они должны были только препятствовать действиям афинян по сбору форося. Таким образом, становится понятным, что и договор Феримена также касается политического статуса малоазийских греков.

В третьем договоре права персидского царя сформулированы уже иначе: все царские владения, которые находятся в Азии, принадлежат царю (χώραν τὴν βασιλέως, ὅση τῆς Ἀσίας ἐστὶ, βασιλέως εἶναι), и царь может распорядиться этими владениями так, как он желает (καὶ περὶ τῆς χώρας τῆς αὐτοῦ βουλευέτω βασιλεὺς ὅπως βούλεται) (Thuc. VIII. 58. 2).

Несмотря на то, что указанная статья договора сводила власть Дария II только к территории Азии, она уже больше не упоминала о праве царя повелевать также городами (πόλεις). Однако означает ли это отказ персидского монарха от притязаний на греческие города Малой Азии? Современные историки считают, что власть над малоазийскими греческими городами, теперь прямо не заявленная в тексте документа, все же подразумевается⁴⁴. По мнению Р.Сиджера, царь, несомненно, считал малоазийские полисы частью своей территории, хотя двусмысленность выражения могла позволить спартанцам в будущем отрицать, что они намеревались уступить

⁴² Hatzfeld J. Alcibiade: Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle. P., 1940. P. 222. Not. 4; Will. Op. cit. P. 364; Ste Croix E.G.M. de. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972. P.155; Kagan. Op. cit. P. 48.

⁴³ Schaefer. Op. cit. Sp.1585; Lewis. Sparta and Persia. P. 90; Levy. Op. cit. P. 229-234; Cartledge. Op. cit. P.188.

⁴⁴ Ste Croix. Op. cit.. P.155.

греков Азии царю⁴⁵. Таким образом, здесь опять мы встречаем статью, содержание которой дает основания для неоднозначного ее толкования⁴⁶.

Ввиду того факта, что все три соглашения не заявляли открыто права царя на греческие города Малой Азии, представляется маловероятным предположение Д.М.Льюиса, что договор Беотия определял статус малоазиатских греков более конкретно, а именно предоставлял им автономию и обязывал их платить подать царю⁴⁷. Он мог сохранять формулировку, принятую в третьем договоре, или содержать новую, которая, впрочем, не должна была произвести никаких радикальных изменений. Если следовать трактовке событий Д.М.Льюисом, то представляется непонятным, что именно побудило персидского царя пересмотреть свое видение статуса греков Малой Азии и отказаться от некоторых прав в отношении них, пойдя на уступки спартанским требованиям. Как было показано выше, в договоре были в равной степени заинтересованы обе стороны, а спартанцы, кроме того, жизненно нуждались в новом соглашении, принимая во внимание тяжелые последствия их поражения при Кизике весной 410 г. до н.э.

После завершения Пелопоннесской войны спартанские гарнизоны и гармосты покидают греческие города Малой Азии, и это произошло, вероятно, в согласии с заключенными договоренностями⁴⁸. Сообщение Ксенофонта о том, что новый персидский царь Артаксеркс II передал ионийские греческие города Тиссаферну после 404 г. до н.э. (Хеп. Анаб. I. 1. 6), может означать, что царь был полномочен распоряжаться городами. В этом же месте приводится свидетельство о сборе Киросом подати с этих городов (после того, как города восстали против Тиссаферна и заняли сторону царевича) и отправления ее персидскому царю (Хеп. Анаб. I. 1. 6). Рассмотрение сведений о статусе греческих городов Эолиды также показывает, что их положение оставалось неизменным независимо от договора Беотия. Ксенофот говорит, что эолийские города находились под властью Фарнабаза, а должность сатрапа там вплоть до самой своей смерти занимал дарданец Зений (Хеп. Хелл. III. 1. 10). Затем власть в области получила Мания — жена Зения, которая значительно укрепила и расширила свою власть: она подчи-

⁴⁵ Seager, Tuplin. Op. cit. P.141.

⁴⁶ В 411 г. до н.э. Лихас объяснял гражданам Милета, что им, как и другим поданным персидского царя, надлежит быть в рабстве у Тиссаферна и всячески угождать ему вплоть до благополучного окончания войны (Thuc.VIII. 84. 4). Означает ли это высказывание, что намерения Спарты передать малоазиатских греков персам могли измениться после завершения войны? Т.Айдонис высказывает некоторые сомнения в справедливости такого допущения, ибо речь Лихаса могла иметь целью только успокоить милетян, которые незадолго до того изгнали гарнизон Тиссаферна (см. Aidonis T. Tissaphernes' dealings with the Greeks // C&M. 1996. Vol. 47. P.102).

⁴⁷ Д.М.Льюис пишет: «...статья, вероятно, была более ясной, чем статья третьего договора, и она обеспечивала автономию греческим городам Малой Азии, возможно с более ясными заверениями также..., чтобы они платили старинную подать царю» (P.125).

⁴⁸ Lewis. Sparta and Persia. P.137.

нила силой греческие города Ларису, Гамаксит и Колоны, прежде ей не подвластные (Хен. Нелл. III. 1. 12). Вероятно, правление Зения и назначение Мании относится к заключительному периоду Пелопоннесской войны. Именно сотрудничество спартанских военачальников и Фарнабаза в 411-405 гг. до н.э. могло позволить наместникам в Эолиде расширять свои владения⁴⁹.

Договор Беотия соблюдался обеими сторонами гораздо дольше, чем все предыдущие соглашения Спарты и Персии, - фактически до конца Пелопоннесской войны. Об этом говорит весьма конструктивный характер сотрудничества спартанцев и персов (а особенно, личные контакты Лисандра и Кира) в 407-405 гг. до н.э. Оксирихский историк, обвиняя персидского царя за возникающие проблемы с выдачей содержания морякам пелопоннесского флота, отмечает особое усердие Кира при выплате жалования (τῆν Κύρου προβίβαν) (Нелл. Оху. XIX (XIV). 2). Со времени встречи Лисандра и Кира в Сардах содержание воинам стало выдаваться в полном объеме и без задержек, исключая период навархии Калликратиды.

В 406 г. до н.э., после прибытия в Малую Азию, Калликратид оказался лишен всевозможной персидской поддержки прежде всего благодаря интригам против него самого Лисандра, возвратившего Киру неизрасходованные средства (Хен. Нелл. I. 6. 10; Plut. Lys. 6). В то же время, новый наварх встретил враждебное к себе отношение со стороны сторонников Лисандра в городах. Согласно Ксенофону, друзья Лисандра интриговали против него, и не только не оказывали должного содействия, но и объявляли по городам, что лакедемоняне совершают грубую ошибку, постоянно меняя навархов, посылая новичков в морском деле (Хен. Нелл. I. 6. 4). Попытки Калликратиды получить денежные средства у Кира также не имели успеха⁵⁰. По сообщениям источников, царевич всячески оттягивал свою встречу с ним и томил его долгими ожиданиями (Хен. Нелл. I. 6. 6; Plut. Lys. 6). Отсутствие персидского финансирования успело тяжело сказаться на положении пелопоннесского флота, и это выразилось в заговоре с целью мятежа в войске под командованием Этеоника на Хиосе. Трудное положение спартанцев на Хиосе отмечает Ксенофонт, когда говорит о том, что в

⁴⁹ См.: *ibid.* P.128. Not.123; Tuplin. *The Treaty of Boiotios*. P.145-146.

⁵⁰ Ксенофонт говорит, что Калликратид отправил послов в Спарту, рассчитывая переложить заботу о своем финансировании на спартанское государство, а также занял денежные средства у граждан Милета и Хиоса (Хен.Нелл. I. 6. 8; 9-12). Выступая перед гражданами Милета, он говорил: «Милетяне! Мой долг – повиноваться властям своей родины. Что же касается вас, то вы, кажется мне, должны с наибольшим рвением относиться к этой войне, так как, живя среди варваров, вы претерпели от них больше всего несчастий» (Хен.Нелл. I. 6. 8). Правда, эта речь отражает скорее личную позицию Калликратиды, чем официальную точку зрения спартанского государства. Сам наварх говорил, что «эллины – несчастнейшие люди, если им приходится лстить варварам из-за денег», и предполагал, вернувшись на родину, приложить все усилия, чтобы примирить лакедемонян с афинянами (Хен.Нелл. I. 6. 7). См.: Laforse B. *Xenophon, Callicratidas and Panhellenism* // АНВ. 1998. Vol.12. № 1-2. P. 55-67.

течение лета войны кормились плодами земли и нанимались за плату на полевые работы, но с наступлением зимы они начали голодать и стали испытывать нехватку даже самых необходимых для жизни вещей. Заговор был раскрыт, а деньги на оплату службы моряков были собраны с хиосских граждан (Xen. Hell. II. 1. 1-6). Попытка мятежа на Хиосе произвела известный резонанс, показав еще раз ценность тех, кто умеет договариваться с персами.

Однако с возвращением Лисандра в Малую Азию в 405 г. до н.э. продолжились его успешные контакты с Киром. Кир возобновил финансирование пелопоннесского флота, даже несмотря на то обстоятельство, что, по словам царевича, все царские средства уже израсходованы и даже было потрачено много его собственных денег (Xen. Hell. II. 1. 11-12).

Незадолго до решающего сражения при Эгоспотамах Кир, отправляясь в мидийские Фамнерии к больному царю, передал Лисандру право собирать с городов подати, поступавшие в его личную пользу, а также наличный остаток казны (Xen. Hell. II. 1. 14; Diod. XIII. 104. 4; Plut. Lys. 9). Ксенофонт сообщает, что Кир посоветовал Лисандру не давать морского сражения в его отсутствие, а дожждаться, пока его флот станет еще более многочисленным, и при этом обещал новое финансирование военных затрат Спарты (Xen. Hell. II. 1. 14). Плутарх добавляет немаловажную деталь: Кир пообещал вернуться с большим числом кораблей из Финикии и Киликии (Plut. Lys. 9), что свидетельствует о его готовности оказать спартацам не только финансовую поддержку, но также и военную помощь флотом.

После завершения войны Лисандр привез в Спарту 470 талантов из неизрасходованных средств, выделенных ему Киром (Xen. Hell. II. 3. 8).

Теперь остается рассмотреть вопрос о том, как развивались спартано-персидские отношения, регулируемые договором Беотия, в связи с окончанием Пелопоннесской войны. Дело в том, что еще каждый из трех договоров Спарты и Персии содержал статьи, которые предусматривали завершение войны (заключение мира с Афинами) по взаимной договоренности с персидской стороной (Thuc. VIII. 18. 3; 38. 4; 58. 7). Договор Беотия также должен был содержать подобную статью. Принимая во внимание это обстоятельство, К.Таплин считает, что данное соглашение соблюдалось не особо долго, поскольку в 404 г. до н.э. был заключен мирный договор с Афинами, обусловивший капитуляцию города и положивший конец Пелопоннесской войне (Xen. Hell. II. 2. 20; Andoc. I. 80), но фактически без участия персидской стороны⁵¹. Однако предположение исследователя выглядит не вполне обоснованным. Как говорилось, еще в 405 г. до н.э. персидский царь Дарий II находился в городе Фамнериях, где он серьезно

⁵¹ Tuplin. The Treaty of Boiotios. P.146. К числу нарушений договора Беотия исследователь относит два факта: требование спартацами подати после завершения войны и присутствие декархий. Что касается сбора подати, то Диодор не оговаривает, что эта подать взималась с греческих городов Малой Азии (Diod. XIV. 10. 2).

заболел во время военного похода против восставших кадусиев (Хеп. Hell. II. 1. 15), а год спустя скончался в Вавилоне. В то же время и Кир, узнав о болезни своего отца, в сопровождении Тиссаферна также отбыл вглубь Азии и непрестанно находился при умирающем царе. Таким образом, в момент решающего поражения афинского флота при р. Эгоспотамах осенью 405 г. до н.э., а также во время блокады Афин спартанцами с суши и с моря и дипломатических переговоров, касающихся капитуляции города, прямые контакты спартанцев и персидских сатрапов были крайне затруднены, если вообще возможны. Последовавшая смерть царя Персии, совпавшая по времени с окончательным крушением Афинской державы, несомненно должна была привести в перспективе к необходимости нового урегулирования отношений Спарты и Персии, когда на персидском престоле оказался Артаксеркс II Мнемон (404-359 гг. до н.э.). Необходимость в новом договоре была продиктована не только сменой персидского монарха, но и существенными изменениями международной ситуации. На смену биполярному миру (существованию двух враждебных союзов – Афинского и Спартанского) приходит монополярный: разгромив Афины, Спарта стала непререкаемым гегемоном всей Греции. Таким образом, существуют основания полагать, что договор Беотия регулировал спартано-персидские отношения вплоть до окончания войны.

E. V. Rung

The Treaty of Boiotios

D.M. Lewis proposed some basic arguments in favour of the very existence of the treaty of Boiotios, which were accepted by some scholars, and partly declined or even unquestionably rejected by others. D.M. Lewis considered this treaty in his *Sparta and Persia* (1977). He called the treaty after Boiotios, a Spartan ambassador to Persia. This piece develops some Lewis' arguments.

The treaty of Boiotios was concluded by Sparta with Dareios II, the King of Persia (424-404 BC) in the end of the Peloponnesian War. It must have been the historical situation in the last years of the war that caused the conclusion of the treaty. In 412-411 BC Sparta co-ordinated three treaties with Dareios II, the King of Persia, and Tissaphernes, the Satrap of Sardis, i.e. the treaties of Chalkideos, Therimenes, and Lichas. However the third treaty grew into a dead letter: Tissaphernes turned out to be unable to maintain the Peloponnesians fully and on time, he failed to lead the Phoenician fleet to the Aegean, as it was fixed in the treaty. It was in 411 BC when the relations between the Spartans and Tissaphernes fell in discord. At that very time the Spartan *nauarchos* Mindaros got an order to lead his fleet from Ionia toward the Hellespont to establish the contacts with Pharnabazos, the satrap of Daskyleion. To crown it all, after their defeat in the battle of Kyzikos in 410 BC, the Spartans started some separate negotiations with Athens, and never conferred with the Persians.

It could be a decision to break with Tissaphernes that made the Spartans send their envoys to the Persian King to strive for concluding a new treaty. Those envoys, led by Boiotios, could probably intend the King to substitute Tissaphernes as general-in-chief - *karanos* in Asia Minor. Hence one obviously understands Xenophon's statement, 'The Lakedaimonians had gained everything they asked for from the King' (Transl. by P.Krentz).

D.M.Lewis seems to be right hailing Xenophon's treatment of the story of Lysander first meeting Kyros in Sardis in spring, 407 BC, as a crucial testimony to the case. Lysander offered Kyros to pay each Peloponnesian sailors one Attic drachma a day. But Kyros referred to the treaty (*synthekai*), according to which he had to pay only three *oboloi*. No precise data on the amount of payment were set in any former agreement, except the special agreement in Miletos. Hence the article on the amount of payment appeared only in the Treaty of Boiotios. D.M.Lewis explains that the treaty was also an important step to solve the problem of Asian Greeks, as they got autonomy on condition they paid the King a certain tribute. But the sources by no means prove such a conclusion.

Р.А. Мойзи

Греко-персидские отношения в 367-360 гг. до н.э.

После того, как не удалось заключить предложенный персидским царем Общий мир в 367 г. до н.э., Афины и Спарта были недовольны как сложившейся в Греции ситуацией, так и персидской политикой по отношению к греческим государствам. На дипломатической конференции в Сузах в 367 г. до н.э. вслед за тем, как Артаксеркс II объявил условия мирного договора, которые он одобрит, один афинский посол открыто провозгласил, что необходимо найти союзника иного, чем персидский царь¹. Благодаря Ксенофонту и Плутарху мы знаем о дипломатической конференции в Сузах в 367 г. до н.э. больше, чем о других подобных переговорах того периода. Они считали ее значительным событием, так как она наметила изменение официальной персидской политики, которая признавала фиванскую гегемонию. К 362/1 г. до н.э., однако, неудовлетворенность греков персидской политикой была уменьшена до такой степени, что греческие государства, подписавшие мирное соглашение после битвы при Мантинее, отказались оказать помощь персидским сатрапам, которые совместно с египтянами, финикийцами и их собственными азиатскими подданными подняли восстание против персидского царя². Что изменилось в эти годы и

¹ Xen. Hell. VII. 1. 37. Высказывание Леонта означало предостережение царю. Его нельзя принимать всерьез, так как в действительности грекам было очень трудно найти союзника, который был бы достаточно могущественен, чтобы состязаться в богатстве с Персией. Афины уже состояли в союзе со Спартой и Дионисием Сиракузским. См. IG II² 105 = Tod. II. №. 136, датируется примерно мартом 367 г. до н.э. См. также: IG II² 106 = Tod № 135, датируется примерно февралем 367 г. до н.э. - афинский декрет, почитающий спартанского посла Кореба титулом проксена и эвергета в знак признания его услуг Афинам. Тод предполагал, что Кореб помогал устроить союз между Афинами и Спартой. Дионисий I умер в какое-то время весной или летом 367 г. до н.э., но его сын наследовал ему и продолжил поддерживать Спарту (Diod. XV. 73. 5 – 74. 5). Египет в этом случае был единственной разумной альтернативой и, как мы увидим, Афины, кажется, выступили в переговоры с египтянами. Дж.Баклер (Buckler J. The Theban Hegemony, 371-362 BC. Cambr., 1980. P.157) доказывал, что Леонт подразумевал в качестве «другого союзника» Ариобарзана, сатрапа Геллеспонтской Фригии, и это вполне возможно, хотя Ариобарзан не имел таких финансовых ресурсов, какими распоряжался царь. О нужде греков в них см.: Plut. Artax. 22. 3, который заявлял, что в то время как Агесилай отправился в Египет в поисках денег (как наемный военачальник на службе Тахоса) в 362/1 г. до н.э., Анталкид отбыл к Артаксерксу, чтобы просить у него денег. Царь столь явно пренебрег им и отверг его просьбу, что когда он был подвергнут критике своими врагами дома, он голоданием довел себя до смерти (22. 4). См: Buckler J. Plutarch and the Fate of Antalkidas // GRBS. 1977. Vol. 18. P. 143-5.

² Tod. 145 = CIG 1118 = IG IV.556 и Diod. XV. 90. 1 - 92. 5. Датировка этой, в настоящее время утерянной надписи, противоречива, но я полагаю, что это был аутентичный древний документ, а единственный приемлемый его контекст – время восстания

кому принесли выгоду дипломатические переговоры между 367 и 362 гг. до н.э., по большей части не отмеченные в античных письменных источниках? Можно утверждать, что персидский монарх получил то, что он хотел и избежал того, чего не желал. в большей степени, чем он мог ожидать в этих обстоятельствах, но была ли его политика за этот продолжительный период времени действительно успешной? Таким же образом, некоторые греческие государства достигли того, к чему они стремились - по крайней мере в данный момент; но с точки зрения исторической перспективы, действительно ли они получили выгоду или же их дипломатические и военные маневры оказались в конце концов бесплодными?

После жестокой битвы 368 г. до н.э., в которой спартанцы разгромили аркадян (Хен. Нелл. VII. 1.31-32), лакедемоняне, надеясь теперь получить преимущество, послали Эвтикла вести переговоры о мирном соглашении с персидским царем. Ксенофонт (Нелл.VII.1.33) говорит, что афиняне позднее отправили к персидскому двору послами Тимагора и Леонта. Фивы в ответ на спартанскую инициативу отправили в качестве своих эмиссаров Пелопида и Исмения, к которым присоединились послы из Аркадии, Элиды и Аргоса. Именно Пелопид из Фив оказался наиболее влиятельным греком, участвующим в переговорах в Сузах, поскольку он смог заявить, что фиванцы были единственными эллинами, которые сражались на стороне персов при Платеях, никогда не выступали против царя и в особенности отказались помочь Агесилаю, царю Спарты в его кампаниях против Персии в Малой Азии в середине 390-х годов до н.э. (VII. 1. 34, cf. Plut. Pel. 30). Более того, он утверждал, что фиванцы помешали Агесилаю совершить жертвоприношения в Авлиде, где Агамемнон приносил жертвы перед отправлением для завоевания Трои. Хотя некоторые из этих примеров могут казаться натянутыми и даже неуместными, мы знаем, что греки

сатрапов в 362/1 г. до н.э. после битвы при Мантинее. См.: Tod. P.140-141. Нужно заметить, что тон греческого ответа сатрапам весьма осторожен: греки заявляют, что они «знают, что не ведется войны между ними самими и царем. Поэтому, если он остается в мире (с ними) и не злоумышляет против греков, не собирается нарушить мир, который мы заключили только благодаря умению и изобретательности, мы останемся в мире с царем. Но если он начнет войну против кого-либо из нас, которые подписали этот мир, или если он даст возможность для кого-либо нарушить этот мир (или если он сам или кто-либо из его соплеменников будет действовать против греков, которые подписали этот мир) мы все объединимся, чтобы защитить этот мир, который мы теперь заключили, или какой-либо другой мир, который мы можем заключить в будущем» (стк. 8-18). Тон декрета явно предполагает, что греки считали себя достаточно сильными, а персидского царя – пребывающим в более трудном положении. Не существует указания, что царь мог быть оскорблен ответом греков и предпринял какие-либо действия против них. Они знали, что царь мало что мог сделать до тех пор, пока они оставались объединенными, а Персидская империя претерпевала значительные внутренние восстания. Удивительно, что фиванцы, номинальные союзники царя, должны были согласиться на этот ответ. Объяснение, почему изменилась фиванская позиция, будет предложено ниже.

часто ссылались на события в отдаленном, легендарном прошлом и использовали религию в своих дипломатических переговорах³. Однако Ксенофонт сообщает, что более важным фактором в успехе Пелопида была фиванская победа над Спартой при Левктрах в 371 г. до н.э. и опустошение ими Лаконики (VII.1.35, cf. Plut. Pel. 30.1-2). Говорили, что Исмений зашел так далеко, что бросил свое кольцо наземь, чтобы иметь возможность поклониться и отдать земной поклон царю, в то же время обеспечив оправдание на случай порицания его дома (Plut. Artox. 22. 4). Повидимому, фиванские послы желали делать все что угодно для того, чтобы преуспеть в своей миссии, однако мы должны помнить, что семья Исмения была отчасти обязана своим значительным богатством персам (см. ниже прим. 6)

Пелопид, как нас уверяют источники, «не делал ничего постыдного» вроде исполнения проскинесиса, но он имел военную славу, и потому был уверен, что ему воздадут должное уважение при дворе. Плутарх (Pel. 30. 5-6) замечает: царь во время встречи продемонстрировал, что он почтил Пелопида выше всех других греков, и послал ему величайшие и великолепнейшие из «обычных» для послов даров. Дипломатическая победа в Сузах сделала Пелопида по возвращении в Грецию героем (Plut. Pel. 31.1). Ему в значительной степени помог афинский посол Тимагор, который, как говорили, засвидетельствовал справедливость требований Пелопида, и по этой причине был почтен вторым после него в ходе переговоров. Результатом стало то, что царь принял предложения Пелопида о предоставлении Мессении независимости от Спарты и о постановке на прикол афинского флота, что должно было вынести приговор руководимому афинянами морскому союзу, созданному в 378/7 г. до н.э. Артаксеркс также мог отказать Афинам в поддержке их претензий на Амфиполь⁴. Плутарх (Pel. 30. 3) утверждает, что царь посчитал фиванские предложения более заслуживающими доверия, чем предложения афинян, и более простыми или искренними, чем предложения спартанцев⁵.

Поддержка царем Фив возмутила другого афинского посла Леонта, который во всеуслышание заявил: «Клянусь Зевсом, афиняне, повидимому нам пришла пора искать вместо царя какого-нибудь иного друга». Ксенофонт (Hell. VII. 1. 37) добавляет, что когда слова грека были пе-

³ Adcock F. E. The Development of Ancient Greek Diplomacy // AC. 1948. Vol. 17. P. 2-3; Adcock F.E., Mosley D.J. Diplomacy in Ancient Greece. L., 1975. P. 11, 183-86, 218, 228-31.

⁴ Buckler. Op. cit. P.153.

⁵ Мы должны заметить, что персидские жалобы на непонятность или непостоянство спартанской политики были ненормальными. Фукидид (IV. 50. 2) сообщает, что в 425/4 г. до н.э. Артаксеркс I жаловался, что он не понимает, чего хотят спартанцы, так как все их многочисленные посетившие его послы говорили разное. Cf. Mosley D. J. Envoys and Diplomacy in Ancient Greece / Historia Einzelschriften. Ht. 22. Wiesbaden, 1973. P.13.

реведены царю, он написал в ответ: «Если афиняне останутся на более справедливых условиях мира, то они могут снова явиться к царю с соответствующим заявлением». Ксенофонт (Hell. VII.1.38, cf. Dem. XIX. 31. 191) замечает, что после возвращения послов в Грецию Тимагор был обвинен Леонтом, который свидетельствовал, что тот отказался находиться с ним в одной палатке и во всех своих мнениях примыкал к Пелопиду (вразрез с жизненными интересами Афин, которые были врагами Фив). Этот рассказ, кажется, отражает внутривосточные интриги в Афинах и определенно предполагает, что внутри афинского правительства существовали различные мнения⁶. Однако политика политикой, но мы узнаем, что Тима-

⁶ Д.Моусли осторожно замечает, что хотя «нельзя показать, что разногласия существовали между ними (Тимагором и Леонтом) до их отправления, эти противоречия проявились во время их миссии и привели к смертному приговору Тимагора... Кроме того, ясно, что в то время Афины должны были выбирать политику в согласии с политикой Спарты или Фив, и обе альтернативы имели своих сторонников, которые боролись друг с другом» (Mosley D.J. The Size of Athenian Embassies Again // GRBS. 1970. Vol.11. P. 35-36). Моусли идет далее и замечает (Р. 40), что это посольство было одним из «самых противоречивых (посольств) в афинской дипломатической истории» и что «после своего возвращения Леонт одержал политическую победу, добившись приговора Тимагору...» (Р. 41). Cf. Adcock, Mosley. Op. cit. P 172. Определенно, Леонт был членом проспартанской группировки, тогда как Тимагор придерживался профиванской позиции. Я не считаю, что в Афинах существовали постоянные проспартанская и профиванская группировки. Политики могли поддерживать и поддерживать различные направления внешней политики в разное время, так же, как сегодня отдельные республиканцы и демократы в США не всегда придерживаются позиции своей партии во внешнеполитических диспутах. Однако различные афинские политики могли время от времени менять свою позицию, подобно тому, как Эсхин и Демосфен занимали различные позиции по внешней политике Афин в отношении Македонии в 346 г. до н.э., отразившейся в обвинении Демосфеном Эсхина. См., например Dem. XIX. 2-5, 7-9, где утверждается, что афинские послы сообщали о своих действиях, предлагали хороший совет, соблюдали инструкции правительства и выполнили задание без принятия подкупа. См. также: Aesch. II. 3-8, 22-36, 39-43, 45-56. 96-7, 144, 178, 184. Cf. Adcock, Mosley. Op. cit. P.85, 165-173. Эта вражда проявляется снова в знаменитой речи «О венке» в 330 г. до н.э. (Dem.XVIII.3-16, 25-30, 43-47, 52; vs. Aesch. III. 58, 81, 156). И.Брюс исследовал шесть афинских посольств к персидскому царю в период 397-386 гг. (Bruce I. A. F. Athenian Embassies in the Early Fourth Century B.C. // Historia. 1966. Bd.15. P. 272-281) и пришел к выводу, что миссия к Артаксерксу II в 397 г. до н.э. была отправлена «экстремистской антиспартанской группой в Афинах, руководимой Эпикратом и Кефалом» (Р. 272; Cf. Hell.Оху. II.1.2). Афинские послы были перехвачены по пути спартанским навархом и казнены в Спарте.

Те же принципы внутренней политики, оказывающей влияние на внешнюю политику, применимы к Фивам (Aesch. III. 149). В отличие от афинских послов, которые были противниками друг друга, Исмений и Пелопид были членами одной и той же группировки. Она была основана отцом Исмения, который разбогател отчасти благодаря деньгам, затраченным персами на то, чтобы возбудить Коринфскую войну в 395 г. до н.э. Исмений Старший поплатился жизнью за антиспартанскую политику своей группировки (Xen. Hell. V. 2. 25-26). Пелопид и Исмений Младший действовали совместно

гор отправил секретное послание царю и получил от благодарного Артаксеркса 10 000 дариков, 80 молочных коров, ложе, постельные принадлежности и слуг, чтобы заправлять его постель, а также 4 таланта в качестве платы его носильщикам, ввиду того, что он был нездоров (Plut. Artax. 22.5-6, Pel. 30. 6). Плутарх объясняет (Pel. 30. 6-7), что афинян раздражало не само принятие этих даров, а тот факт, что фиванцы одержали полную дипломатическую победу (и Тимагор помог Пелопиду в этой победе). Плутарх также упоминает, что Эпикрат, афинский посол к Артаксерксу II около 394 г. до н.э., признался в получении подарков от царя и даже пошутил, что нужно предложить постановление о том, чтобы взамен девяти архонтов ежегодно выбирать девять послов к царю из числа самых простых и бедных граждан, которые разбогатеют благодаря его щедротам. Говорится, что это замечание вызвало только смех афинского демоса (Cf. Plato Comicus fr. 119 [Edmonds]; Lysias. XXVII. 3. 8-10; Dem. XIX. 277, 280)⁷.

в 368 г. до н.э. во время посольства в Фессалию и были взяты в плен Александром Ферским (Diod. XV. 72. 2; Plut. Pel. 27-29; Nepos Pel. V; Paus. IX.15.1-2). Эта группировка долгое время содействовала антиспартанской, проафинской внешней политике, которая может помочь объяснить поддержку Тимагором Пелопида (Xen. Hell. III. 5. 1-6; Plato. Men. 90A. Rep. 336A; Paus. III.9.8; Plut. Pel. 5-7; Hell. Оху. XII. 1 - 18. 5. См. также: Adcock. Mosley. Op. cit. P. 140-41; Beck H. Ismenias 1-2 // Der Neue Pauly / Ed. H. Cancik und H. Schneider. Stuttgart, 1998; Buckler. Op. cit. P.15-16, 34-37, 40, 42-3, 119-128, 130-150, особ. 135; Hofstetter J. Zu den griechischen Gesandtschaften nach Persien // Beiträge zur Achamenidengeschichte / Historia Einzelschriften. Ht. 18. Wiesbaden, 1972. S. 99, 106-7). Фессалиск. сын Исмения Младшего, также был фиванским послом и был отправлен вместе с Эвтикомом из Спарты, фиванским олимпийским победителем Дионисодором и Фификратом Младшим из Афин вести переговоры с Дарием III перед битвой при Иссе в 333 г. до н.э. После того, как Фессалиск попал в руки Александра, он был освобожден из уважения к его знаменитой семье (Arr. II.15.2-4).

Подобным образом, выбор послом в 367 г. до н.э. именно Эвтикла, а не частого посла к персидскому двору Анталкида. может отражать события внутренней политики, поскольку царь Агесилай и Анталкид не были друзьями (Plut. Ages. 23. 2-4), а Агесилай играл очень значительную роль в определении спартанской внешней политики в 360-е гг. до н.э. Когда Агесилай предпочел службу наемником при Тахосе, царе Египта в 362/1 г. до н.э., Анталкид предпринял свою последнюю поездку в Персию, чтобы убедить царя снабдить Спарту деньгами. Понятно, что эти две миссии не были согласованы между собой, как доказывают дальнейшие события. Анталкид потерпел неудачу и фактически покончил жизнь самоубийством. Невероятно, чтобы персидский царь стал субсидировать государство, царь которого служил врагам Персии. Наверняка, Анталкид должен был вести переговоры от лица спартанской группировки, сопротивлявшейся агрессивной внешней политике Агесилая. Враги в Спарте, которые довели Анталкида до самоубийства, должны были быть приверженцами Агесилая (Plut. Ages. 22. 4; cf. Xen. Ages. VII. 7; Buckler. Op. cit. P.140-145). П.Картледж, кажется, противоречит сам себе по вопросу взаимоотношений между Агесилаем и Анталкидом (Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987. P.195; ср. его комментарии на с.195 и 304); Mosley D.J. Euthycles: One or Two Spartan Envoys // CR. 1972. Vol. 22. P.167-168; Adcock, Mosley. Op. cit. P.156).

⁷ Bruce. Op. cit. P. 272, 274-278.

Демосфен (XIX. 137) заявляет, что царь был обманут Тимагором; последнему были даны 40 талантов в надежде, что он сможет убедить сограждан принять предложенный мир и разорвать их союз со Спартой⁸. Однако Тимагору не только не удалось оправдать ожидания царя, но он был казнен; и Демосфен говорит, что царь больше никогда не давал никому денег. Можно подозревать, что утверждение о том, будто царь отказался от подкупа, является риторическим преувеличением; но ясно, что Демосфен указывает: Тимагор был подкуплен, а царь стремился добиться принятия афинянами предложенного мира. Возможно, этим также объясняется царский ответ на выпад Леонта при дворе. Артаксеркс надеялся предупредить сопротивление Леонта, предложив дальнейшие переговоры, которые должны были дать Тимагору время добиться принятия выгодного фиванцам предложения Персии. Афиной (II.48 E) добавляет еще одно обвинение против Тимагора, заявив, что он выполнил обряд проскинесиса перед царем, который в ответ послал Тимагору еду со своего собственного стола. Независимо от того, были все эти заявления против Тимагора правдой или нет, казнь афинского посла, кажется, свидетельствует о неприятии как его попытки склонить Афины к профиванской политике, так и новой греческой политики царя.

Другие греческие послы по-своему реагировали на исход переговоров в Сузах. Архидам из Элиды был удовлетворен, так как царь почтил Элиду выше аркадян, но Антиох из Аркадии, раздраженный вниманием царя к элейцам, отказался принять царские дары, предоставленные в конце встречи, и сообщил аркадскому народному собранию, что у царя есть много слуг, но нет воинов, способных соперничать с греками; он подразумевал, что грекам нет нужды соглашаться на предложенный мир из страха перед персидским военным вмешательством, направленным на то, чтобы добиться его принятия⁹. Антиох даже оскорбил легендарное богатство ца-

⁸ Cf. Mosley D. J. *Diplomacy by Conference: Almost a Spartan Contribution to Diplomacy?* // *Emerita*. 1971. Vol. 39. P. 189-90. Тимагор отнюдь не был первым афинским послом в Персию, который превысил свои полномочия. См: *Her.* V. 73, cf. *Adcock*. *Op. cit.* P. 4.

⁹ О персидской практике использования золота и серебра как средств дипломатии в отношениях с греками см. *Lewis D.M. Persian Gold in Greek International Relations* // *REA*. 1989. T. 91. P. 227-234; cf. *Plato. Men.* 78D; *Hofstetter. Op. cit.* S. 102-4. Геродот (IX. 2) заявлял, что фиванцы после битвы при Саламине подсказывали персам эффективность подкупа как средства проведения внешней политики путем оказания влияния на ведущих греческих политиков. Отказ Антиоха мог быть значительным нарушением дипломатического этикета, поскольку, как заметил Д.Льюис (P. 228; cf. 229), «кажется, ожидалось, что дары царя должны были быть охотно приняты (*Her.* IX. 111. 5)». Хотя замечания Антиоха были эмоциональным ответом на пренебрежение, с которым царь обошелся с аркадянами, описание событий Ксенофонтом, вместе с его наблюдениями в «Анабасисе», и последующие военные неудачи персов дают нам ценную информацию о состоянии персидского военного потенциала. Даже учитывая греческую браваду и пре-

ря, заявив, что его знаменитое золотое дерево-платан оказалось такой величины, что оно не может дать тень даже для кузнечика. Можно предположить, что Антиох был более известен как панкратист, чем как дипломат, но мы должны отметить, что различие между подарками, отвергнутыми Антиохом, и прямыми взятками часто бывало очень трудно определимым, и Антиох избежал судьбы афинянина Тимагора. Более того, Антиох имел основания негодовать на поддержку царем притязаний элейцев на спорный город в Трифилии¹⁰.

Хотя некоторые современные историки считают греческие источники предвзятыми, интересно заметить, сколь прямолинеен Ксенофонт в показе мелочных раздоров среди греческих послов на конференции в Сузах – даже внутри отдельных делегаций на примере афинян и фиванских союзников Аркадии и Элиды¹¹. Кажется вероятным, что персидский царь забавлялся, используя внутренние политические разногласия среди греков, а также гордыню и эгоизм различных полисов. Они были по крайней мере столь же полезны для персидской стратегии, как распри среди анатолийских сатрапов – для греков. С другой стороны, Артаксеркс показал непонимание греков своими претенциозными дарами Тимагору, сделанными в надежде, что тот сможет побудить своих сограждан-афинян принять предложенный мир, несмотря на требование отказа от афинского флота и, в итоге, роспуска Второго Афинского морского союза.

увеличения, вероятно, существуют причины подвергнуть сомнению военную мощь царя в этот период. Н.Секунда считает персидское войско этого времени слабым (Secunda N.V. *The Persian Army 560-330 BC. L.*, 1992. P. 25-29). Он предполагает (P. 28), что даже конница начинала «вызывать значительную тревогу». Однако исследователь считает, что успехи Александра должны были сломить любую жизнеспособность, которая основывалась еще на персидском военном потенциале. Cf. Rahe P.A. *The Military Situation in Western Asia on the Eve of Cunaxa // AJPh.* 1980. Vol. 101. P. 76-96; Briant P. *Histoire de l'Empire Perse.* P., 1996. P. 886-887.

¹⁰ Дж.Баклер указывает, что Антиох прибыл из Лепрея, города, на который предвзяты претензии как аркадяне, так и элейцы (Buckler. *Theban Hegemony.* P.152-153).

¹¹ Можно размышлять о том, что Ксенофонт не желал передавать рассказ о смерти Тимагора, так как сотрудничество того с Пелопидом в попытке увести Афины от их союза со Спартой не было тем внешнеполитическим изменением, которое Ксенофонт одобрял, учитывая его дружбу с Агесилаем. См. объяснение Ксенофонта в его «Агесилае»: Хеп. Ages. I. 1. Диоген Лаэртский отмечает преданность Ксенофонта Агесилаю, его службу у царя и то, что Ксенофонт возвратился в Грецию только вместе с Агесилаем (Diog. Laert. II. 51). См. также: Cawkwell G.L. *Agesilaus and Sparta // CQ.* 1976. Vol. 26. P. 63, 74; Buckler J. *Xenophon's Speeches and the Theban Hegemony // Athenaeum.* 1982. Vol. 60. P. 180; Proietti G. *Xenophon's Sparta.* Leiden, 1987. P.89-102; Cartledge. *Op. cit.* P.5, 55-62. Тем не менее, Ксенофонт не замалчивает распри греков друг с другом, хотя они портят впечатление о греках. Если Ксенофонт и был участником «пропагандистской кампании» вместе с Исократом, его действия не стали столь эффективными, какими они могли бы быть.

Фивы достигли в Сузах своих целей, но они очень пострадали от внутренних политических распри, о которых мы имеем мало информации¹². После миссии Пелопида в Сузы в 367 г. до н.э., персидский царь оказал покровительство Фивам в продолжающейся борьбе за гегемонию в Греции (Xen. Hell. VII. 1. 36-37). В ответ на неудачу поддержанного персами мирного урегулирования на фиванских условиях в 367 г. до н.э. и на вмешательство спартанцев и афинян в восстание Ариобарзана в Геллеспонтской Фригии (366-365 гг. до н.э.), Персия профинансировала строительство фиванского флота, создаваемого в противовес афинскому¹³. Артаксеркс II продолжал проводить стратегию под лозунгом «разделяй и властвуй» по отношению к греческим государствам не военными, но ди-

¹² См. выше прим. 6; Diod. XV. 79. 3-6; Buckler J. Plutarch on the Trials of Pelopidas and Epaminondas (369 BC) // CPh. 1978. Vol. 73. P. 36-42; idem. Theban Hegemony. P. 138-145; cf. Cartledge. Op. cit. P. 312.

¹³ Xen. Hell. VII. 1. 39-40. Как заметил П.Джордж, Ксенофонт интерпретировал неприятие греками мира, предложенного в 367 г. до н.э., как коллективный «отказ признать превосходство Фив в качестве официального арбитра в греческих делах» (George P. Barbarian Asia and the Greek Experience. Baltimore, 1994. P. 236). В отношении спартанской и афинской (косвенной) помощи Ариобарзану см.: Xen. Ages. II. 26; Polyaeu. VII. 26; Dem. XV. 9; Isocr. XV. 112. Мы слышим, что афиняне пожаловали Ариобарзану, его сыновьям и его подчиненным Филиску и Агаву из Абидоса гражданство, а наиболее вероятным контекстом для оказания такого рода почестей были операции Тимофея на Геллеспонте около 365/4 г. до н.э. См.: Dem. XXIII. 141, 202. В отношении фиванского флота см.: Diod. XV. 78. 4 - 79. 1, cf. Isocr. V. 53; Dem. IX. 23. См. также: Buckler. Theban Hegemony. P. 154-155, 160-175 и Cargill J. The Second Athenian League: Empire or Free Alliance? Berkeley, 1981. P.169. Дж. Баклер предполагает, что враждебная позиция Артаксеркса к Спарте на конференции в Сузах в 367 г. до н.э. была мотивирована подозрением об отношениях Спарты с Ариобарзаном. Он также считает, что согласие Артаксеркса на требования Фив устранил афинский флот объяснялось желанием помешать афинской поддержке восставшего Ариобарзана. Эти размышления заслуживают внимания, так как мы знаем, что тот действительно поднял восстание, но неизвестно, подзревал ли царь Ариобарзана уже в 367 г. до н.э. Ариобарзан определенно пребывал в состоянии открытого мятежа к 366 г. до н.э., и мы имеем указание, что он и Датам, сатрап, который уже восстал, вступили в секретные переговоры и пришли к некоторого рода соглашению (Nepos. Dat. V. 6). В отношении датировки восстания Ариобарзана и отправки Тимофея см.: IG. II². 108, 1609; Polyb. III. 10. 9; Ps.-Arist. Oikon. II. 1350 b4; Dem. XV. 9; XXIII. 149; Isocr. XV. 112; Just. XVI. 4. 3; Davies J.K. The Date of IG. II². 1609 // Historia. 1969. Bd. 18. S. 309-333; Sekunda N.K. Some Notes on the Life of Datames // Iran. 1988. Vol. 26. P. 45. Not. 58. Факт, что влиятельный спартанский посол в Персию Анталкид был ксеном Ариобарзана, не доказывает существования заговора между Спартой и Ариобарзаном. Дж. Баклер также предполагает (P. 155), что царь на конференции в Сузах предложил финансовые средства на строительство фиванского флота. Но этот флот не действовал до 364 г. до н.э., и потому не может быть доказана ни хронология сооружения флота, ни предположение, что сама эта идея принадлежала царю. Дж. Баклер оценивал стоимость строительства флота в 100 талантов, а оперативные расходы должны были составлять более чем 100 талантов в месяц (Buckler. Theban Hegemony. P.161):

пломатическими методами, используя свои огромные богатства, чтобы «влиять» на греческих политиков и препятствовать вмешательству экспансионистских греческих государств в дела Персидской империи¹⁴. Подрывали его усилия постоянно ссорившиеся сатрапы, которые часто выступали в качестве посредников между царем и греками, причем некоторые из них имели свои собственные политические цели¹⁵. Также осложняли эту трудную ситуацию, которая была чревата тупиком, огромные размеры и чрезвычайная неоднородность Персидской империи, равно как и внутренние разногласия при дворе¹⁶. Не только Египет находился в состоянии мя-

¹⁴ Размеры сокровищ, обнаруженных в Сузах и Персеполе Александром в 330/29 – 329/8 гг. до н.э., наверняка были огромны. Арриан (III. 16. 7) и Курций (V. 2. 11) говорят, что Александр нашел в Сузах 50 000 талантов серебра. Диодор (XVII. 66. 1), Юстин (XI. 14. 9) и Плутарх (Alex. 36. 1) определяют сумму золотых и серебряных слитков в 40 000 талантов и 9000 талантов в виде золотых дариков. Диодор (XVII. 71. 1) и Курций (V. 6. 9) сообщают, что в Персеполе он нашел 120 000 талантов. Плутарх (Alex. 37) и Страбон (XV. 3. 9) дают более умеренную цифру: 40 000 талантов. Каким бы ни был точный объем богатства царя, он, вероятно, был громадным по греческим стандартам. В отношении использования этого богатства в дипломатических делах см.: Lewis Op. cit. О доверии греков дипломатии и союзам в качестве средств избежания военных конфронтаций в IV в. до н.э. см: Mosley D.J. Diplomacy and Disunion in Ancient Greece // Phoenix. 1971. Vol. 25. P. 319-330; cf. Buckler. Theban Hegemony. P. 151.

¹⁵ Нелояльность сатрапов в начале царствования Артаксеркса предполагается Ксенофонтom и Плутархом (Xen. Anab. II. 5. 23, Hell. IV. 1. 35 - 37; Plut. Ages. 15. 1-3; cf. Westlake H.D. Decline and Fall of Tissaphernes // Historia. 1981. Bd. 30. S. 257-259). Конфликт между Тиссаферном и Фарнабазом – хорошо известный пример вражды сатрапов, проводящих различные внешнеполитические линии в отношении греков. Cf. Lewis. Op. cit. P. 230-232. Наиболее значительный пример нелояльности сатрапов для этой статьи – это Ариобарзан, сатрап Геллеспонтской Фригии, который послал своего подчиненного грека. Филиска из Абидоса, с деньгами, чтобы подкупить греческих политиков во время попытки переговоров о мирном урегулировании в 368 г. до н.э. (Xen. Hell. VII. 1. 27; против: Diod. XV. 70. 2; cf. Nepos. Eram. IV. 1-6). Мы знаем, что после того, как мир не удался, Филиск снабдил Спарту двумя тысячами наемников (Xen. Hell. VII. 1. 27; Diod. XV. 70. 2), и спартанцы позднее оказали помощь Ариобарзану, когда он поднял восстание против Артаксеркса. Существует сильное подозрение, что Ариобарзан и его представитель действовали в своих собственных интересах, а не обязательно в интересах царя. Не подлежит сомнению, что Агесилай, царь Спарты, пришел на защиту Ариобарзана, когда сатрап был осажден Автофрадатом по приказу царя (Xen. Ages. II. 26; Polyaeu. VII. 26). Можно полагать, что Пелопид мог предъявить жалобу царю в отношении поддержки Спарты персидскими деньгами, оказанной Филиском. Действительно, взаимоотношения между царем и его сатрапами могли испортиться за много лет до плохого обращения царя с сатрапами и военачальниками, которые были обвинены за поражение, понесенное царем в войне против кадусиев около 380 г. до н.э. (Plut. Artax. 25. 3 – вероятно, на основе труда Динона; cf. Plut. Mor. 174 A-B; Moyses R. Plutarch, Nepos and the Satrapal Revolt of 362/1 BC // Historia. 1992. Bd. 41. S. 159-160).

¹⁶ О конфликте при наследовании престола см: Plut. Artax. 26-30. Ряд восстаний сатрапов, которые истожили Персию в 360-е гг. до н.э., начался с заговора при дворе против сатрапа Датама, который был назначен единоличным командующим в планируемой третьей попытке вернуть Египет. См.: Nepos. Dat. V. 2-6. Автофрадату, сат-

тежа с конца V в. до н.э., но и некоторые области Анатолии, такие как Мизия, Писидия, Ликия и Катаония, никогда не были полностью подчинены Персии¹⁷. У греческих государств имелись собственные споры – как межгосударственные, так и внутривосточные столкновения – и их эгоистичные, погрязшие в интригах политики сравнительно хорошо известны нам. Эти люди, отличающиеся непостоянством мнений, и ревнивые, амбициозные лидеры также усложняли персидскую дипломатию¹⁸. Такое разнообразие коллизий давало древним историкам богатые возможности изощряться в своем воображении, что находит отражение в современных интерпретациях, значительно отличающихся друг от друга.

В конце XIX – начале XX столетий такие ученые как Юдаих, Мейер, Белох, Хогарт, Тарн и Олмстед, были склонны воспринимать Персию в 360-е гг. до н.э. как распадающуюся империю, и этот взгляд все еще подерживается некоторыми современными историками¹⁹. Действительно,

рапу Лидии, было приказано подавить восстание Датама, когда оно было обнаружено, но он не смог достигнуть какой-либо военной победы и был вынужден пойти на перемирие. Эта неудача привела к восстанию Ариобарзана, сатрапа Геллеспонтской Фригии, и позднее к мятежу сатрапов 362/1 г. до н.э., руководимому Оронтом.

¹⁷ Египет поднял восстание в 405/4 гг. до н.э. незадолго перед началом царствования Артаксеркса II. См: Diod. XIII. 46; Xen. Anab. II. 1. 14, 5. 13; Isocr. V. 101; Kienitz F.K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. В., 1953. S. 75-6, 168-9, 180; в отношении Мизии и Писидии см: Xen. Anab. I. 1. 11: I. 2. 1, 4; I. 9. 14; III. 1, 9; III. 2. 23; Hell. III. 1. 13; Diod. XV. 90; касательно Ликии и Катаонии см: Childs W.A.P. Lycian Relations with Persians and Greeks in the Fifth and Fourth Centuries Re-examined // AS. 1981. Vol. 31. P.55-80; Nepos. Dat. IV. 4. См. также: Briant. Op. cit. P. 514, 670, 679-80, 689-92; Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948. P. 378, 385-6, 397, 405-6, 409, 415. Можно доказывать, что Персия никогда не намеревалась подчинить эти народы полностью и довольствовалась тем, что они уплачивали подать и принимали номинальное персидское управление, но остается фактом, что Персия не имела здесь полного контроля и в результате этого страдала от восстаний и саботажа, которые представляли проблемы для поддержания единства в такой обширной державе в эру, когда коммуникации были сравнительно примитивны.

¹⁸ Непот (Dat. V) говорит, что Датама побудил к восстанию против царя заговор его приближенных; он не верил, что царь поддержит его. Датам мог иметь веские причины для этого недоверия, учитывая отстранение его предшественника Фарнабаза от командования после неудачи экспедиции, которой он руководил против Египта (Nepos. Dat. III. 5). Cf. Plut. Artax. 26-30.

¹⁹ Judeich W. Kleinasiatische Studien. Marburg, 1892. S. 298-306; Meyer E. Geschichte des Altertums. Stuttgart - Berlin, 1905. Bd. 5. S. 489-490; Encyclopedia Britannica. 11-th ed. Cambr., 1910. s.v. «Artaxerxes»; Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Strassburg, 1912. Bd. 3. Abt. 1. S. 210-217, 233-251, 525-527, 533-539, 599-604; 3.2. S. 121-156, 254-262, 284-287; Hogarth D. G. The Ancient East. 1914. P. 199-202; Tarn W. // CAH. Vol. VI. Ed. I. P. 19, 21; Olmstead. Op. cit. P. XV; Bengtson H. The Greeks and the Persians from the Sixth to the Fourth centuries. N.Y., 1965. P. 235-236, 281; Kienast D. Philipp II. Von Makedonien und das Reich der Achaimeniden / Abhandlungen der Marburger Gelehrten Gesellschaft. Bd. 6. München, 1973. S. 269; Fredricksmeier E. On the Final Aims of Philip II

царствование Артаксеркса II, самое продолжительное в персидской истории (405/4 – 359/8 гг. до н.э.), было омрачено восстаниями с начала до самого конца, - от знаменитого восстания Кира Младшего в 401 г. до н.э. до мятежей сатрапов 360-х гг. до н.э.²⁰ Разлад при персидском дворе, порождаемый завистью и заговорами придворных и династическими распрями, создавал дополнительные трудности престарелому персидскому царю²¹. Однако с начала 1980-х гг. новое исследовательское направление бросило вызов традиционной интерпретации. Майкл Вайскопф и Пьер Бриан создали «ревизионистский» взгляд на персидскую историю середины IV в. до н.э.: они стремятся переписать историю, отвергая свидетельства, найденные в таких источниках, как Диодор, Плутарх, Непот, Ксенофонт и Исо-

// Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / Ed. W. L. Adams & E. N. Borza. Lanham, MD., 1982. P. 87; Cook J. M. The Persian Empire. N.Y., 1983. P. 220-222; Frye R. The History of Ancient Iran. München, 1983. P.130-133; CHI 380, 421; Bosworth A. B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Camb., 1988. P. 17-18; Dandamaev M. A. A Political History of the Achaemenid Empire. Leiden, 1989. P. 296-305; Petit T. Synchrone et Diachrone chez les historiens d'Empire Achéménide: a propos de deux ouvrages de M. A. Dandamaev // Topoi. 1993. Vol. 3. P. 58-59; П. Джордж представлял во многом ту же картину поздней Персидской державы (George. Barbarian Asia. P.231, 237-8). См. также: Schmitt R. Dames // Encyclopaedia Iranica; П.Рейх подчеркивает военную слабость Персии (Rahe. Op. cit. P. 93-96).

²⁰ В добавление к известному восстанию Кира 401 г. до н.э., которому дается детальное описание в «Анабасисе» Ксенофонта и очень краткая ссылка в «Греческой истории» (Hell. III. 1. 1-2: cf. Diod. XIV. 19. 2 - 27. 3), краткий список восставших против Артаксеркса II включает Арию, сатрапа Фригии, Спифридата, сатрапа Геллеспонтской Фригии, Отиса, правителя Пафлагонии (все около 396-395 гг. до н.э.): Эвагора Саламинского на Кипре (390-380 гг. до н.э.), Глоса, сына египтянина Тамоса, персидского флотоводца (около 384 г. до н.э.); кадусиев (около 380 г. до н.э.), Тиуса, правителя Пафлагонии (около 374 г. до н.э.), Асписа, правителя Катаонии (около 371/0 г. до н.э.) и ряд неназванных других перед восстаниями Датама (около 369 г. до н.э.) и Ариобарзана (около 366 г. до н.э.) и началом восстания сатрапов в 362/1 г. до н.э. (в отношении которого см: Diod. XV. 90). В отношении Арии см: Xen. Anab. I. 8-9, 2. 1, Hell. IV. 1. 27; Polyae. VII. 16. 1; Hell. Oxy. XIX. 1-3; о Спифридате см: Xen. Hell. III. 4. 10: IV. 1. 6-28: касательно Отиса см: Xen. Hell. IV. 1. 3; cf. Plut. Ages. 11, который называет его Котисом; об Эвагоре см: Xen. Hell. IV. 8. 24; V. 1. 10; Lysias. XIX. 28-29; Diod. XIV. 98. 1-4; XV. 9. 2; Isocr. IX. 64; о Тиусе см: Nepos. Dat. II. 3; в отношении Асписа см: Nepos. Dat. IV.1.

²¹ О династических спорах среди сыновей Артаксеркса II и влияния, которое оказала смерть его сыновей на престарелого царя, см: Plut. Artax. 26-30. Плутарх (Artax. 30. 5) говорит, что Артаксерксу было 94 года, когда он умер в 359/8 г. до н.э., но он также сообщает, что Артаксеркс царствовал 62 года, которые должны отнести его воцарение к 421/0 г. до н.э., а мы знаем, что он вступил на престол в 405/4 г. до н.э. (см. прим. 16). Если фактически Артаксерксу было 32 года во время его воцарения на престол, как следует из Плутарха, то он должен был родиться в 437/6 г. до н.э. и ему должно было быть около 78 лет к моменту его смерти, а не 94 года, как заявляет Плутарх. Лукиан (Makr. 15) говорит, что Артаксерксу ко времени его смерти было 86 лет.

крат, которые кажутся им предвзятыми и ошибочными²². Они отрицали, что в 362/1 г. до н.э. имело место восстание сатрапов, и характеризуют события в Анатолии как «дестабилизацию» и территориальные споры между враждующими сатрапами, а не великое восстание, которое вполнину сократило доходы царя и отделило западную часть империи, как его кратко описывает Диодор - единственный наш источник, который пытается расказать об этих событиях²³.

Нельзя отрицать, что точка зрения, которая у нас есть – односторонняя, т.е. греческая. Однако существует причина сомневаться в разумности предположения, что имеющиеся источники должны быть отвергнуты без внимательного анализа. Греческие источники часто подходили критически к действиям как греков, так и персов, и иногда были готовы хвалить последних²⁴. Часто можно отличить предвзятость греков от исторических фактов, а авторскую вольность античных историков - от истинно исторического повествования. Античные свидетельства, указывающие на существование восстания сатрапов в 362/1 г. до н.э., на мой взгляд, весьма основательны²⁵. Я не вижу смысла в придумывании греками рассказа о ряде восстаний в 360-х гг. до н.э., нашедших свою кульминацию в совместных усилиях сатрапов в 362/1-361/0 гг. до н.э., так как восстания в конечном итоге постигла неудача и, в результате, они имели эффект, противоположный тому, на который указывают «ревизионисты». Вопреки греческой

²² Weiskopf M.N. Achaemenid Systems of Governing in Anatolia. Ph. D. diss., University of California, Berkeley. 1982. P. 1-4; *ibid.* The So-Called «Great Satraps' Revolt» 366-360 B.C. Concerning Local Instability in the Achaemenid Far West / *Historia Einzelschriften*. Нт. 63. Wiesbaden. 1989. P. 10-19, 98; Briant. *Op. cit.* P. 685-6, 692-4; Wiesehofer J. *Ancient Persia from 550 B.C. to 650 A.D.* L., 1996. P. 90. Рецензии на книгу Вайскопфа см: Hornblower S. // *CR*. 1990. Vol. 40. P. 93-4, 363-5; Moyses R.A. // *АНВ*. 1991. Vol. 5. P. 113-22.

²³ См: Weiskopf. *Achaemenid Systems...* P. 337-340; *ibid.* The So-Called... P. 94 ff. Что касается аргумента, что Диодор был единственным источником, который излагает восстание сатрапов, можно заметить, что Диодор (XV. 79. 3-6) был также единственным источником, который подробно описал попытку свергнуть демократическое правительство Беотийского Союза в 364 г. до н.э. См. Buckler. *Theban Hegemony*. P. 182. Как и в случае восстания сатрапов, существуют ссылки на попытку переворота и в других источниках: *Plut. Pel.* 25. 7, *Comp. Pel. et Marc.* 1.3; *Paus.* IX. 15. 3.

²⁴ Ксенофонт, который имел личные контакты с персами, был склонен куда более благожелательно писать о персидских добродетелях, чем Исократ. См: *Anab.* IV. 7. 15; V. 2. 2, 5. 17 и «Киропедию» в целом. Оба они критиковали греков. См., например: *Xen. Anab.* II. 2. II. 6, V. 6. 37; VII. 14-19, 25-27, 33; VIII. 2. 4, 6. 41; *Hell.* II. 4. 43; III. 2. 11, 17, 22; IV. 4; IV. 4. 10; IV. 7. 5, *Cyrop.* VI. 1. 41; *Isocr.* IV. 177; XII. 159-60.

²⁵ Свидетельства о восстании сатрапов см: Moyses. *Plutarch, Nepos...* P. 158-168; *idem.* *Diodoros, the Satraps and the Decline of the Persian Empire* // *АНВ*. 1991. Vol. 5. P. 113-122; *idem.* *Observations on the Numismatic Evidence Relating to the Great Satrapal Revolt of 362/1 B.C.* // *REA*. 1989. T. 91 P.107-139; *idem.* *The Silver Stater Issues of Pharnabazos and Datames from the Mint of Tarsus in Cilicia* // *ANSMN*. 1986. Vol. 31. P.7-61, 23-29.

пропаганде, предназначенной, чтобы убедить греков, что Персия была распадающейся империей, ожидающей своего завоевания, история восстаний доказывает обратное. Восстания потерпели неудачу, показав, сколь ненадежны были мятежные сатрапы как потенциальные союзники греков, и что персидский царь, даже будучи ослаблен, был все еще способен сохранять единство своей империи. Сатрапы не могли даже доверять друг другу. Поэтому рассказ о восстании сатрапов, переданный Диодором, должен поддерживать аргументацию тех греков, которые доказывали, что Персия все еще была чересчур сильной для того, чтобы быть завоеванной²⁶.

Ответы, которые я предлагаю на поставленные выше вопросы, подчеркивают значительные изменения в персидской внешней политике в период 363-362 гг. до н.э. (так же как истощение греков после битвы при Мантинее) в качестве объяснения отказа греков принять приглашение сатрапов присоединиться к их восстанию. Античные свидетельства действительно разрознены и сильно зависят от датировки и интерпретации эпиграфических данных этого периода, но это самое лучшее, чем мы можем располагать в настоящее время. Возможно, со временем появится больше информации, но до тех пор можно только предложить наиболее вероятные объяснения существующим немногочисленным свидетельствам. Примером здесь может выступать фрагментарный афинский декрет в честь Стратона Сидонского (IG. II². 141 = Tod. № 143), который, как я доказывал, следует датировать ок. 364 г. до н.э.²⁷. Декрет отражает благодарность Афин за помощь, оказанную Стратоном афинской делегации при ее поездке к персидскому царю, и намекает на дальнейшие дипломатические отношения со Стратоном, который позднее стал одним из тех, кто присоединился к восстанию сатрапов²⁸. Это афинское посольство, вероятно, было послано в ответ на более раннее предложение царя вести дальнейшие переговоры, после того как Леонт открыто выразил недовольство условиями предложенного мира 367 г. до н.э. После военных действий Тимофея на Самосе и захвата им Сѣста и Критоты на Геллеспонте, афинских побед на Халкидике и неудачи фиванского флота в достижении каких-либо постоянных успехов, афиняне могли решить, что настало время обратиться к царю в надежде получить более благожелательный результат (Dem. XIV.

²⁶ Исократ отмечает, что многие греки думали, будто Персия была столь могущественной, что ее не смогла бы разгромить даже коалиция греческих государств (Isocr. IV. 138-139).

²⁷ Теперь я думаю, что дата могла быть немного более поздней, ок. 363 г. до н.э. - после неудачи фиванского флота, и могло быть больше одной афинской миссии, отправленной в Персию. Мы не можем знать это наверняка.

²⁸ См: Mousey R.A. The Date of the Strato of Sidon Decree (IG II² 141) // AJAH. 1976. Vol. 2 P. 182-189. О маршрутах греческих послов на пути в Сузы см: Hofstetter. Op. cit. S. 100-101.

22, XV. 9, XXIII. 149-151; Ps.-Dem. L. 6; Isocr. V. 53, XV. 108-113; Polyae. III. 10. 9-10; Nepos. Tim. I. 2-3; Diod. XV. 78. 4 - 79. 1, XV. 81. 6; Plut. Philop. 14. 1-2). Царь, со своей стороны, нуждался в пересмотре антиафинской позиции 367 г. до н.э. перед лицом текущих проблем с сатрапами на северо-западе. Действительно, не только верный ему сатрап Лидии Автофрадат не сумел разгромить Датама из Киликии, но и Ариобарзан был спасен из Ассоса, осажденного Автофрадатом и Мавсолом Карийским, благодаря своевременной помощи от Агесилая (Nepos. Dat. VIII; Xen. Ages. II. 26).

Источники сообщают, что Агесилай прибыл в Малую Азию с дипломатической миссией и что одно только его появление в Ассосе убедило сатрапов, сражающихся на стороне царя, отступить; но высказывается сомнение, что этот рассказ исторически достоверен (Xen. Ages. II. 26-27). Более вероятно, что Агесилай использовал ту же тактику, которую он прежде пытался применить к Фарнабазу (Xen. Hell. IV. 1. 35-37); то есть он, несомненно, побудил Мавсола, который был его гостеприимцем, принять греческую помощь, соединиться с другими персидскими мятежниками и восстать против царя. Автофрадат мог также склоняться к этому, хотя он немедленно и не присоединился к восстанию²⁹. Известно, что после того, как осада Ассоса была снята, Агесилай был отправлен домой с деньгами и пышными почестями Мавсолом и Тахосом, который был или регентом Египта или действовал как египетский царь³⁰. Можно только предположить, что Агесилай способствовал переговорам между склонными к мятежу сатрапами, Египтом, Афинами, Сидоном и какими-либо другими заинтересованными сторонами с целью поднять восстание против Персии и проложить дорогу для возобновления греческого вмешательства на Востоке. Насколько эти «потенциальные мятежники» и их союзники согласи-

²⁹ Автофрадат был основным сторонником царя в Анатолии, но теперь он потерпел неудачу в двух миссиях. определенных ему царем (против Датама и против Ариобарзана) и мог задумываться о своем будущем в качестве сатрапа Лидии, поскольку царь уже продемонстрировал свою готовность обвинить сатрапов в неудачах. Известно, что он предпринимал боевые действия против Оронта, предводителя восстания сатрапов (Polyae. VII. 14. 3-4) и действовал против Эфеса (Polyae. VII. 23. 2, 27. 2). Сообщается, что позднее он был одним из сатрапов, которые установили союз между восставшими (Diod. XV. 90. 3) и захватил внука царя Артабаза (Dem. XXIII. 154-155).

³⁰ Xen. Ages. II. 27. О положении Тахоса ок. 364 г. до н.э. см: Moyses. The Date of the Strato of Sidon Decree. P.186. Not. 16; Alessandri S. Alcune osservazioni sui segretari ateniesi nel IV sec. A.C. 1 // ASNP. 1982. T. 12. P. 48; Whitehead D. Secretaries, Charidemos, Potidaia: The Date (and Personnel) of IG II² 118 // ANB. 1989. Vol. 3. P. 102. Дж.Джонсон доказывает, что Тахос правил совместно со своим предшественником Нектанебом I (Johnson J.H. The Demotic Chronicle as an Historical Source // Enchoria. 1974. Vol. 4. P. 1-17). Cf. Torben Holm-Rasmussen. Lexikon der Aegyptologie. Wiesbaden. 1985. Bd. VI. Cols. 142-3. Хронология царей 28-й династии установлена еще не окончательно. Примечательно, что датировка Диодором царствования Акориса также отличается от египетской датировки.

лись объединить свои усилия, неясно, но мы имеем некоторые основания думать, что могла подразумеваться связь сил северо-запада, Финикии и Египта в Сирии³¹. Поэтому для сатрапов и Тахоса имело смысл идти тем же путем, которого придерживался Кир Младший, а позднее и Александр, в своей конфронтации с персидским царем. В то же время, Агесилай надеялся заработать деньги, необходимые, чтобы продолжить борьбу Спарты против Фив в Греции.

Помимо отказа от своего требования устранить афинский флот, царь мог также формально признать претензии Афин на Херсонес во время переговоров около 364-363 гг. до н.э. Демосфен (IX.16) упоминает, что афинские притязания «были признаны царем и всеми греками». Определенно, Тимофей захватил Сест и Критоту около 365/4 г. до н.э. (Isoc. XV.112-113), и Афины имели веские причины ожидать восстановления своего господства над этими городами, расположенными вдоль жизненно важного для них «хлебного» пути через Геллеспонт. Нам не известны события, связанные с признанием царем и всеми греками афинского владения Херсонесом, но Демосфен в риторическом духе мог преувеличивать значение этого решения Артаксеркса в 364-363 гг. до н.э., добавив выражение «все греки». Напротив, можно предполагать, что греки позднее признали афинские претензии в качестве составной части мира 362/1 г. до н.э. (см.: Diod. XV. 89.1; Plut. Ages. 35. 3; Polyb. IV. 33. 8), но мы также не имеем доказательств этого (и это, кажется, не соответствует и концепции греческой автономии, признанной в этом соглашении). Царь мог также признать афинские претензии на Амфиполь, ввиду того, что Тимофей проводил военные действия в Халкидике, но у нас нет подтверждений этому. Афиняне могли стремиться к признанию царем их претензий, а царь ничего не потерял, согласившись с требованием Афин, так как неудачи фиванского флота и приближающееся восстание сатрапов затрудняли сопротивление афинским действиям. Следует повторить, что эти уступки, предоставленные Артаксерксом, не могли быть результатом усилий только одного посольства. Кто знает, может быть, было две или более поездки ко двору персидского царя. Однако, у нас имеется намек на эти визиты у Исократ (VIII. 68), который в 355 г. до н.э. риторически вопрошает: «Сколько посольств мы отправили к великому царю, чтобы внушить ему, что несправедливо и вредно, чтобы один город властвовал над эллинами?»

Таким образом, 366-363 гг. до н.э. были решающим периодом, в котором военные действия, предпринятые афинским военачальником Тимофеем и спартанским царем Агесилаем, сочетавшиеся с дипломатическими отношениями, вовлекающими северо-западных сатрапов, Стратона Си-

³¹ Мы слышим, что Датам перешел через Евфрат в Сирию (Polyaen. VII. 21. 3); Оронт также вступил в Сирию (Trog. Prol. 10). Сообщается также, что египетские войска, достигшие Сирии, вынуждены были повернуть назад ввиду восстания у себя на родине (Diod. XV. 92. 3-4).

донского и Тахоса, царя Египта, отразились на пересмотре персидской политики в отношении Афин³². По-видимому, Артаксеркс продолжил свою номинальную поддержку Фив, но не фиванского флота. Перед очевидной угрозой целостности Персии, вызванной восстаниями на северо-западе, Артаксеркс не имел другого выбора, кроме как смягчить свое требование о ликвидации афинского флота. Спарта была слишком слаба для отправки значительного по численности войска в Малую Азию, но Агесилай приложил свои военные способности, чтобы оказать помощь Египту, который имел необходимые Спарте финансовые ресурсы. Наконец, египетская экспедиция в Сирию, в которой участвовал Агесилай, привела к мятежу в Египте, а восстание сатрапов потерпело неудачу, но в 363-362 гг. до н.э. царь все еще не мог знать, каким будет исход³³. Афины действительно обладали флотом, который мог доставлять помощь сатрапам или по-прежнему приносить им пользу, нанося ущерб подконтрольной персам территории, как он делал это в 366-363 гг. до н.э. Следовательно, можно предполагать, что царь в некоторой степени пересмотрел свою политику в отношении Афин, в то же время продолжая сохранять свою профиванскую позицию. Ввиду этого, два значительных греческих государства, которые определяли ход мирной конференции в Мантинее в 362 г. до н.э. (поскольку Спарта отказалась согласиться с потерей Мессении и не признала ее условий), не имели достаточных причин быть вовлеченными в восстание и довольствовались отказом на приглашение сатрапов, предупредив, что они не помогут восстанию против царя до тех пор, пока он воздерживается от вмешательства в греческие дела³⁴.

В итоге, к 361 г. до н.э. только Спарта оставалась неудовлетворенной, так как персидская поддержка политики Фив в Пелопоннесе не позволила Спарте возратить себе Мессению. Поэтому только Спарта через

³² Захват важного пограничного города Оропа, который был передан фиванцам в 366 г. до н.э., вызвал значительную тревогу Афин и привел их к просьбе о помощи от своих пелопоннесских союзников, которые не смогли ответить на это. Этот кризис, наряду с дипломатическим поражением в Сузах в 367 г. до н.э., побудил Афины предпринять агрессивную внешнюю политику как в Греции (Афины сформировали союз с недовольным союзником Фив – аркадянами и попытались завладеть Коринфом), так и по отношению к Персии (Xen. Hell. VII. 4. 1-6; Diod. XV. 76. 1; Dem. XVIII. 99 cum Schol.; Aesch. II. 164, III. 85). Начало операций фиванского флота в 364 г. до н.э. побудило Афины построить 100 новых кораблей и дополнительные доки (Diod. XV. 79. 1).

³³ Diod. XV. 91. 1 - 92. 5, Xen. Ages. II. 28-31, Plut. Ages. 36-40, Nepos. Ages. VIII. О причине восстания в Египте против Тахоса см.: Will E. Chabrias et les finances de Tachos // REA. 1960. Т. 62. Р. 254-275.

³⁴ Можно, кроме того, полагать, что афиняне думали также о помощи Ариобарзану и, в особенности, Мавсолу Карийскому, которые могли стать противниками афинских морских и торговых интересов, если бы добились успеха в боевых действиях против царя. Это помогает объяснить отход Афин от Спарты в принятии мира 362 г. до н.э., так же как и в отказе участвовать в восстании сатрапов.

своего представителя Агесилая, закоренелого врага как Фив, так и Персии, личное влияние которого в Спарте определяло направление спартанской внешней политики, поддержала восстание сатрапов, выступая на стороне Тахоса, царя Египта³⁵. Хотя ранее Афины могли вести переговоры так, как если бы они имели возможность оказать поддержку сатрапам (на что указывает их косвенная помощь Ариобарзану, предоставление ему и его сыновьям афинского гражданства, отношения со Стратоном и наделение почестями послов Тахоса, что засвидетельствовано в IG. II². 119³⁶), в конечном итоге, царь отказался от своей поддержки усилий фиванцев по ослаблению Второго Афинского морского союза, а Афины воздержались от какого-либо дальнейшего вмешательства во внутренние дела Персии³⁷. Этим изменением политики объясняется готовность Фив принять высокомерный, но едва ли оправданный тон ответа послам сатрапов, в котором царя предостерегали от вмешательства в греческие дела³⁸. В 367 г. до н.э. Фивы приветствовали такие действия царя, но к 362/1 г. до н.э. пересмотр царем своей поддержки антиафинской политики Фив изменил их позицию. Следует также помнить, что фиванцы должны были понимать слабость Персии ввиду восстаний сатрапов, и позднее использовали ее, оказав помощь другому восставшему сатрапу Артабазу (Diod. XVI. 34. 1-2; Polyae. V. 16. 2; VII. 33. 2). Неудачи финансируемого персами фиванского флота и гибель Пелопида и Эпаминонда также оказали влияние на фиванскую внеш-

³⁵ Ксенофонт (Ages. II. 28-29) представляет дело так, будто Агесилай, когда он получил приглашение египетского царя принять командование в этой кампании, не знал, что Тахос планировал вторжение на персидскую территорию. Однако следует учитывать хвалебный характер работы Ксенофонта. Заметим также: историк допускает, что Агесилай был доволен, так как он думал, что это вторжение позволит ему «отплатить египтянам за все хорошее, сделанное Лакедемону», а также освободить греков Малой Азии и наказать персидского царя за предъявленное Спарте требование отказаться от ее притязаний на Мессению. В дополнение к роли Агесилая в переговорах с Тахосом и сатрапами ранее, мы знаем, что Тахос помогал восставшим сатрапам, послав им 500 талантов серебра и 50 кораблей (Diod. XV. 92. 1). Сообщается также, что Агесилай позднее получил от низложенного преемника Тахоса Нектанеба то ли 220 (Neros. Ages. VIII. 6), то ли 230 талантов (Plut. Ages. 40. 2; Diod. XV. 93. 6) в качестве платы за его службу.

³⁶ Также предполагают, что восставшие сатрапы должны были иметь основания рассчитывать на помощь греков или у них не было нужды беспокоиться об отправке посла. Наиболее вероятной причиной для такой надежды были переговоры со Спартой и Афинами ранее, в период 364-363 гг. до н.э.

³⁷ Афинский военачальник Хабрий также служил Тахосу, царю Египта, в качестве наемника, но нет причин полагать, что Хабрий действовал иначе, нежели по личной инициативе (как и другие афинские военачальники в IV в. до н.э.). Он не был стратегом в Афинах 362/1 г. до н.э., и у нас нет причин полагать, что афинское государство получило такую же пользу от службы Хабрия, как Спарта - от Агесилая.

³⁸ Текст надписи, кажется, написан на аттическом диалекте, хотя камень был найден в дорийском Аргосе, так что ответ мог быть предложен афинянами.

нюю политику. Фивы отныне были не в состоянии ожидать продолжения персидской поддержки, и их гегемония в Греции стала теперь сомнительной.

Наконец, обратимся к вопросу, кто извлек выгоду из дипломатии того периода и как долго можно было пользоваться полученным преимуществом. Политический курс, принятый ведущими греческими государствами и персами, приносил пользу в течение короткого периода времени, но окончательно потерял всякое значение тогда, когда Филипп и Александр Македонский смогли использовать отсутствие единства среди греческих полисов и в Персидской империи с целью получения превосходства и над Грецией, и над Персией. Казалось, фиванцы добились дипломатических и военных успехов в течение 360-х гг. до н.э., но, в итоге, они оказались неспособны закрепить их, потеряв полную поддержку Персии и лишившись руководства Пелопида и Эпаминонда. Дипломатические победы в Персии были возмещены разногласиями среди греческих союзников Фив³⁹, агрессивной спартанской и афинской внешней политикой в ущерб фиванским интересам и неудачей финансируемого персами фиванского флота в его попытках затмить афинские военно-морские силы или хотя бы успешно конкурировать с ними. В короткое время Афины, видимо, добились больших успехов при помощи дипломатии, чем другие греческие государства. К концу 360-х гг. до н.э. они смогли достичь пересмотра некоторых условий персидско-фиванского ультиматума 367 г. до н.э., например, требования отказа от афинского флота. Они снова обрели ряд потерянных союзников, таких как Самос, города на Геллеспонте и в районе Халкидики, но они не смогли восстановить контроль над Амфиполем и отказались присоединиться к Спарте в оказании значительной помощи восстанию сатрапов, не использовав, таким образом, шанс потенциально уменьшить мощь персидского царя, одновременно получая выгоду из трудностей персов. В 362/1 г. до н.э. они заключили союз с Аркадией, Ахайей, Элидой и Флиунтом (IG. II². 112 = Tod. 144), бросив вызов как Спарте, так и Фивам. Афиняне мечтали о восстановлении своей империи V столетия до н.э., но эти мечты оказались иллюзиями, которые были развеяны уступками Афин в конце Союзнической войны в 355 г. до н.э.⁴⁰ Даже Исократ (VIII. 66. 70, 134, 142) побуждал к миру и отказу от державной политики.

У нас мало свидетельств того, что греки или персы были заинтересованы в долгосрочных результатах дипломатии. Однако греки смогли положить конец периоду навязываемых персами договоров Общего мира,

³⁹ Diod. XV. 82-87; Xen. Hell. VII. 1. 22-27, 33, V. 4. О фиванских проблемах в Пелопоннесе см: Buckler. Theban Hegemony. P. 185-219, 201-205.

⁴⁰ Schol. ad. Dem. III. 31; cf. Moyses R.A. Chares and Athenian Foreign Policy //CJ. 1985. Vol. 80. P. 226.

который начался с Царского мира 386 г. до н.э.⁴¹ После неудавшегося мира 367 г. до н.э., ни один персидский царь уже не был в состоянии манипулировать событиями в Греции, используя одного греческого гегемона в качестве проводника персидской политики и средства поддержания разобщенности греков. В общем, мы можем заключить, что Персия добилась меньшего успеха в навязывании своей воли грекам в 360-е гг. до н.э., чем это было в 380-е и 370-е гг. до н.э. Во многом то же самое можно сказать и относительно 350-х гг. до н.э. Сильному и решительному преемнику Артаксеркса II, его сыну Артаксерксу III (359/8-338 гг. до н.э.) был брошен вызов в самом начале его правления восстанием его племянника Артабаза, сатрапа Геллеспонтской Фригии, который нанял афинского военачальника Хареса и, позднее, фиванского полководца Паммена (Diod. XVI. 22. 1-2, 34. 1-2; Schol ad Dem. III. 31, IV. 19, P. Erzherzog Rainer (= FGrH. 105 F 4); Front. II. 3. 3, Polyaeen. VII. 33. 2; cf. Diod. XVI. 52. 3; Dem. IV. 24; Isocr. VIII. 44). Царь должен был угрожать объявлением войны Афинам, чтобы вынудить их отозвать Хареса в 355 г. до н.э. (Diod. XVI. 22. 2). Мы не знаем точно, почему не удалась фиванская помощь, но ее несомненно постиг такой же конец. К 353/2 г. до н.э. Артаксеркс III разгромил Артабаза, который бежал ко двору Филиппа Македонского, и внимание персов было сфокусировано на задаче возвращения Египта. Вероятно, не случайно, что 20 лет спустя сын Филиппа Александр начал завоевание Персии. Прибытие Артабаза должно было побудить Филиппа начать обдумывать возможности, которые предоставляла обширная империя на Востоке. Исократ выступал за греческую войну против Персии с 380-х гг. до н.э., но только Филиппу и Александру суждено будет пробивать манипулированием, обманом и силой свой путь к цели, достижение которой многие греки считали невозможным (cf. Dem. XVIII. 61-62).

В целом, особенно в ранние годы своего царствования, Артаксеркс III не нуждался в том, чтобы поддерживать столь же тесные отношения с греками, какие были у его отца, и был способен сконцентрировать свое внимание на воссоединении Персидской державы. Продолжающиеся конфликты в Греции, такие как Союзническая и Священная войны, и ранние акции Филиппа Македонского, поддерживали греческие государства в

⁴¹ Ксенофонт говорит (VII. 1. 40), что коринфяне, отказываясь принять предложенный Общий мир 367 г. до н.э., первыми ответили фиванским послам, что «они не нуждаются в общих клятвах с царем (Персии)». Другие греческие государства дали такой же ответ. Фивы двинулись в Пелопоннес против Ахайи, отчасти, чтобы запугать аркадия, но добились только усиления дальнейшего сопротивления Фивам (Hell. VII. 1. 41-43). По иронии судьбы, после дальнейших распрей в Греции коринфяне, со спартанского одобрения, добивались сепаратного мира с Фивами и приобрели его в 366 г. до н.э., и некоторые другие спартанские союзники в Пелопоннесе последовали примеру Коринфа (Hell. VII. 4. 6 - 10). Насколько мы знаем, Персия не играла прямой роли ни в одном из этих событий. Cf. Mosley. Diplomacy and Disunion in Ancient Greece. P.324-325.

раздробленности и слабости. Не было больше греческого государства, которое могло бы предъявлять претензии на гегемонию и представлять потенциальную угрозу Персии. Артаксеркс III добивался греческой военной помощи в своих усилиях вернуть Египет в середине 340-х гг. до н.э., но только два греческих государства в Европе поддержали его. Уверая царя в своем расположении к нему, Афины и Спарта отклонили предложение послать войска. Фивы отправили 1000 гоплитов под командованием Лакрата и Аргос послал 3000 чел. во главе с Никостратом (Diod. XVI. 44.1-2). Афины, как мы знаем, продолжили поддерживать персидскую политику, которую они признали в 362/1 г. до н.э. Согласно Дидиму (Dem.VIII.8-23, цитируется Андротион и Филохор), во время мирных переговоров с Филиппом в 344/3 г. до н.э., афиняне приняли посольство от Артаксеркса III и повторили то же самое постановление, которое содержится в ответе послу от сатрапов в 362/1 г. до н.э. – т.е. Афины останутся дружественными царю, при условии, что царь не нападет на греческие города. Комментируя сожаление Демосфена (X. 34), что многие афиняне все еще рассматривали персидского царя в качестве своего естественного врага, Дидим характеризует данный ответ как «более высокомерный, нежели уместный». Перед лицом агрессии Филиппа, Демосфен, несомненно, думал, что отклонение афинянами дружественных предложений персидского царя было неблагоприятным. Подъем Македонии в 340-х гг. до н.э. сфокусировал внимание на северной Греции и Геллеспонте. Однако Артаксеркс III был убит еще до завершения подчинения Македонией греческих государств в 338 г. до н.э., и его преемникам оставалось только бороться против растущей угрозы на северо-западе (Diod. XVII. 5. 3-6.2; Arrian. Anab. II.14; Trög. Proleg. 10; Aelian. Var. Hist. IV. 8; Chron. Оху. 4 = FGrH 255 F.4, 5).

Таким образом, престарелый Артаксеркс II сумел восстановить контроль над северо-западными сатрапиями и оставшейся частью своей державы (за исключением Египта) ко времени своей смерти в 359/8 г. до н.э. Но умер он несчастным из-за того, что его сыновья перессорились по поводу наследства, вдобавок к продолжающейся нестабильности в управлении провинциями⁴². Нужно также заметить, что Артаксеркс, кажется, добился этих успехов скорее в результате разобщенности его врагов и их неудач, чем посредством своих собственных достижений или достижений его военачальников, если даже не учитывать закулисные переговоры и эффективное обещание выгод тем сатрапам, которые изменят своим со-

⁴² Plut. Artax. 26-30. Плутарх заявлял, что Артаксеркс умер, когда услышал, что его любимый сын и предполагаемый наследник Арсам был убит - вероятно, в результате заговора младшего сына Оха, который стал царем после того, как в течение 10 месяцев скрывались новости о смерти его отца (Artax. 30. 4-5; Polyae. VII. 17. 1; cf. Just. X. 1-2).

ратникам⁴³. Определенно, Артаксеркс достиг меньших успехов в своих попытках подкупить греческих дипломатов, чем позднее Филипп Македонский (cf. Dem. XIX. 9-16). Хотя сам Демосфен, вероятно, получил значительные суммы от последнего законного царя Персии, Дария III, дипломатия денег оказалась, в конечном итоге, бесполезной (Aesch. III. 156, 173, 209, 239-40, 259).

Ни греки, ни персы не имели причин обвинять своих дипломатов, так как они большей частью сделали все, что ожидалось от них в ходе их миссий⁴⁴; однако, в исторической перспективе, можно заметить, что прочный мир не был достигнут ни греками, ни персами, несмотря на десятилетия дипломатических усилий. Они только упорствовали перед лицом своих будущих завоевателей македонян, которые превзошли как греков, так и персов в дипломатии и на поле битвы. Действительно, нужно с сожалением заключить, что сила оружия снова и снова руководила внешней политикой в античном мире. События 366-363 гг. до н.э., как и события 490-478, 432-404, 395-386, или, наконец, 338-330 гг. до н.э., показывают тот же самый принцип – военная мощь вытесняла греко-персидские дипломатические усилия и определяла их. От случая к случаю, дипломатия влияла на военные события (например, поддержка Киром Спарты в течение последнего периода Пелопоннесской войны), но ход истории окончательно определялся в зависимости от исхода военных конфликтов. В целом, как и при попытке Артаксеркса II содействовать фиванской гегемонии путем финансирования флота или в ходе персидских усилий купить политическое влияние в Греции в течение 360-х гг. до н.э., ни дипломатия, ни деньги не смогли обмануть военные реалии*.

⁴³ Диодор рассказывает, что царь смог убедить Оронта, предводителя восстания сатрапов, изменить своим соратникам, соблазнив его возможностью расширения принадлежащей ему сатрапии на всю прибрежную область (вероятно, сходной с той, которой владел Кир Младший). Ариобарзан был предан своим сыном Митридатом и распят (Harpokrat. s.v. Ariobarzanes; Xen. Cyrop. VIII. 8. 4; Val. Max. IX. 11 ext. 2; Arist. Pol. V. 1312 a). Вероятно, мы слышим, что Датам был убит в результате измены того же самого Митридата (Nepos. Dat. X-XI; cf. Polyaeu. VII. 29. 1). Мавсолу позволили уплатить просроченную подать, и он мог получить контроль над Ликией в качестве стимула, см: Ps.-Arist. Oikon. II. 1348 a 4-10, 28-34.

⁴⁴ Нужно отметить несколько исключений, подобных поведению Тимагора в 367 г. до н.э., но эти примеры немногочисленны и кажутся нетипичными. Наказание Тимагора было решительным, быстрым и окончательным. Возможно, помимо кары за преступление самого Тимагора, оно должно было отчасти послужить предостережением тем послам, которые попытались бы сформулировать свою собственную политику без существенной поддержки на родине.

* Перевод с английского Э.В. Рунга и Ю.А. Ерохиной.

R.A. Moyses

Greco-Persian Foreign Policy 367-360 BC

After the failure of the proposed Common Peace of 367 BC, Athens and Sparta were dissatisfied both with the *status quo* in Greece and with Persian foreign policy with respect of the Greek states. One Athenian diplomat openly announced the need to find an ally other than the Persian King. By 362/1 BC that dissatisfaction with Persian policy had been placated to such a degree that the Greek states which signed the peace agreement following the Battle of Mantinea refused to intervene in favor of rebel satraps who rose up with Egypt, Sidon and other Asian peoples in a more or less united effort against the Persian king. What had changed in those intervening years and to whose benefit were the diplomatic negotiations which are largely undocumented in ancient literary sources? One could argue that the Persian monarch got what he wanted and avoided what he did not want to a greater degree than he might have done, but was his policy really successful in the long term? Likewise, some Greek states got what they wanted and avoided what he did not want to a greater degree than he might have done, but was his policy really successful in the long term? Likewise, some Greek states got what they wanted at least for the short term; but, viewed from historical hindsight, did they really benefit or were their diplomatic and military maneuvers ultimately futile? Following the Theban general and diplomat Pelopidas' mission to Susa in 368/7 BC, Persia had favored Thebes. Perhaps in reaction to the failure of the initiative for a Persian-backed peace settlement on Theban terms in 367 BC and Spartan and Athenian meddling in the rebellion of Ariobarzanes in Hellespontine Phrygia, Persia financed the building of a Theban navy to counter the Athenian fleet. Artaxerxes II continued to pursue the strategy of divide and conquer the Greek states not militarily, but diplomatically using his vast treasury. Undermining his efforts at times were his squabbling satraps who often served as intermediaries between the king and the Greeks. Compounding this difficult situation which often amounted to stalemate was the immense size and exceptional diversity of the Persian Empire. The Greek states had their disputes - both interstate and domestic political clashes - and their scheming politicians, but so too did dissident peoples and jealous, ambitious leaders complicate Persian diplomacy. Such a delicious assortment of conflicts offers a rich opportunity for ancient historians and the modern interpretations which have been rendered in the last century differ considerably.

My intent is to review the testimonia and address the recent proposals of revisionists who have attempted to rewrite the history of the period from a Persian perspective using or abusing Greek sources to concoct a story from the Persian point of view which is unfortunately lacking in the ancient sources. The argument which I offer emphasizes significant changes in Persian policy in the

period 364-362 BC (rather than the exhaustion of the Greeks after Mantinea) as the explanation for the Greeks' refusal to accept the invitation from the satraps to join in their rebellion. 364-362 BC is the crucial period in which military actions taken by Athens' general Timotheos and by the Spartan King Agesilaos, coupled with diplomatic dealings involving western satraps, Strato of Sidon and Tachos of Egypt, resulted in a reversal of Persian policy with respect to Athens, a continued support for Thebes, but the withdrawal of the Theban navy. Only Sparta remained dissatisfied since Persian support of Thebes' land policies in the Peloponnese could not permit Sparta's reacquisition of Messenia. Thus, only Sparta, through the agency of Agesilaos, supported the satrapal revolt by serving Tachos of Egypt. Although Athens apparently negotiated as if she might assist the satraps, in the end, the king withdrew his support of Thebes' efforts to weaken the Second Athenian League and Athens refrained from intervention in Persia's internal problems. Finally, I shall address the issue of who benefited from the diplomacy of the period and to what extent those benefits were long lasting.

Глава III

Война и дипломатия в эллинистическом мире

С.Ю. Сапрыкин
**Насильственный и ненасильственный мир
в эллинистическую эпоху**

История эллинизма наполнена многочисленными военными столкновениями, что было вызвано политическими и социально-экономическими условиями тогдашнего мира. Начиная с походов Александра Македонского, военные действия в Средиземноморье и на Переднем Востоке велись практически непрерывно, поскольку существовало немало государств, стремившихся к переделу мира. Это было вызвано особенностями их развития – ростом производительных сил, потребностью в рабах и в земле, увеличением доходов правящей верхушки с одной стороны, а с другой – политическими амбициями всевозможных авантюристов, добивавшихся власти, полководцев и царей, стремившихся к славе. В эту эпоху наблюдалось переплетение интересов многих государств и народов, выразившееся во взаимоотношениях эллинистических государств друг с другом и в стремлении их царей подчинить сохранявшие еще свое значение эллинские полисы. В дополнение к этому существовала постоянная угроза со стороны варваров, особенно на периферии эллинистического мира – в Центральной Азии, Причерноморье, Африке, Передней Азии, отчасти на Балканах и Апеннингах. Наконец, в эту эпоху на политическую арену Средиземноморья выступил Рим, что изменило соотношение сил в мире, сказавшееся на взаимоотношениях с эллинистическими царями, различными племенами и свободными эллинскими городами. Претерпели изменения в новых условиях и взаимоотношения между греческими полисами.

Пестрота интересов и многообразие факторов в международной политике эллинистической эпохи объяснялись обострением внутренних противоречий в различных государствах, что было связано с сущностью эллинизма. Социальный антагонизм ярко проявил себя, например, во время восстания рабов и полусвободных в Аттике, Сицилии, Пергаме, Эфесе и в ряде других мест¹; неантагонистические противоречия возникали, главным образом, внутри правящей верхушки, что выливалось в жестокие внутренние распри и междоусобицы. При этом оба фактора накладывали свой отпечаток на межгосударственные отношения.

¹ Жебелев С.А., Ковалев С.И. Великие восстания рабов II-I вв. до н.э. в Риме // Из истории античного общества. М.-Л., 1934. С. 139-180; Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах в III-I вв. до н.э. М., 1969. С. 186 сл.

Учитывая изложенное, мы попытаемся охарактеризовать процессы мирной эволюции в эпоху эллинизма, принимая во внимание, что в то время военный фактор в сравнении с мирным все же преобладал. Важно осмыслить основные этапы мирной деятельности различных эллинистических государств, их контакты с целью поиска мира или мирного решения назревающих конфликтов. Представляет интерес, каким образом переговоры и соглашения о мире влияли на установление всеобщего мира и какие цели при этом преследовали все договаривающиеся о мире стороны. Естественно, что в поле нашего внимания попали лишь те мирные соглашения, которые являлись краеугольным камнем международной политики того времени.

После смерти Александра Македонского его огромная держава, простиравшаяся от Египта до Индии, оказалась в руках соратников царя – диадохов. Среди них выделялись Антипатр, правивший в Македонии и Греции, Антигон, получивший в управление Фригию, Ликию, Памфилию, Птолемей Лаг, закрепивший за собой Египет, Лисимах, ставший правителем Фракии, затем Македонии и северо-западной Малой Азии, Эвмен, назначенный в Каппадокию и Пафлагонию, Леоннат, укрепившийся в Геллеспонтской Фригии, и Пифон в Мидии. Во главе государства чисто номинально стояли брат сводный Александра Филипп Арридей и его только недавно родившийся сын Александр IV. Верховная власть была поручена Кратеру, а военное командование - Пердикке, фактически правившему всем царством².

В результате постоянных столкновений диадохов из-за того, кому считаться верховным правителем созданного Александром Великим государства, постепенно возросло влияние Антигона, прозванного Одноглазым, которому удалось к 316 г. до н.э. получить почти все восточные сатрапии и стать фактически неограниченным правителем Азии. Против него образовалась коалиция других наследников Александра, ядро которой составили Кассандр, сын умершего в 319 г. до н.э. Антипатра, Птолемей Лаг, Лисимах и Селевк, требовавший себе в удел Вавилонскую сатрапию. В 311 г. до н.э. после ожесточенной войны противники согласились на мир. Условия и обстоятельства мирного договора дошли до нас благодаря надписи из г. Скепсиса, известной как «манифест Антигона о свободе эллинов» (OGIS 5 = RC 1). Для нас наиболее важными представляются следующие положения этого документа:

«Мы заботились о свободе эллинов, ради которой делали немалые уступки и к тому же роздали деньги... Когда мы уже завершили соглашение с Кассандром и Лисимахом..., к нам прислал послов Птолемей, прося заключить мир и с ним и вписать его в то соглашение. Мы видели, что нам приходится немало поступиться своим честолюбием, ради которого мы

² Will E. The Succession to Alexander // CAH. Ed. II. Vol. VII. 1984. P. 1. P. 23 ff; Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С.30 сл.

перенесли немало забот и потратили много денег. К тому же тогда с Кассандром и Лисимахом мы договорились и дальнейшие переговоры были уже легче. Но, понимая, что если наладить отношения и с Птолемеем, то скорее будет покончено и с Полисперхонтом, поскольку никого не останется в союзе с ним.... Вместе с тем, видя, что вы и прочие союзники страдаете от военных действий и расходов, мы сочли правильным уступить и заключить мирный договор также и с ним... Итак знайте, что соглашение достигнуто и наступил мир. Мы записали в соглашении, что все эллины принесут клятву, что взаимно будут охранять свободу друг друга и автономию, предполагая, что пока мы живы, мы, поскольку это зависит от человеческих расчетов, будем это соблюдать...»³.

Оценивая этот документ, следует принять во внимание, что условия мира были для Антигона вынужденными, а мирное соглашение достигнуто с целью выиграть время для консолидации сил и продолжения борьбы. Заключением этого мира Антигон признавал каждого из своих противников как самостоятельную политическую силу и в то же самое время явно стремился предстать благодетелем эллинских полисов, для чего специально оговорил пункт о сохранении ими свободы и автономии. Он старался также выдать себя за блюстителя их экономических интересов, что якобы и побудило его завершить войну, чтобы не вводить греков в большие расходы и разорения. Из этого следует, что и эллинские полисы рассматривались Антигоном как равноправные партнеры, что и обусловило вхождение их в его державу на правах свободных союзников⁴.

Делая подобный реверанс в сторону свободных греческих городов, Антигон хотел не только привлечь их на свою сторону – маневр, широко практиковавшийся в международной политике в эпоху эллинизма и в дальнейшем, - но и противопоставить себя в глазах греков его и их противникам, которые становились таким образом врагами эллинской свободы и привилегий городов. Он же, напротив, оказывался как бы их попечителем и защитником. На этом основании мы склонны считать мирное соглашение 311 г. до н.э. образцом всеобщего мира, временно положившим конец военным действиям между ведущими политическими силами того времени. Греческие города устали от ожесточенной борьбы диadoхов друг с другом и были крайне заинтересованы в установлении мира. Напротив, противоборствующие стороны не достигли своих военно-стратегических целей и задач, жаждав новых столкновений. Это продемонстрировали уже дальнейшие события, когда в 307 г. до н.э. Антигон и его сын Деметрий начали в Греции военные действия против Кассандра и Птолемея, своих

³ О политике Антигона Монофталма в Азии см. Самохина Г.С. Антигон и греческие города Малой Азии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976. С. 153 сл.; Briant P. Antigone le Borgne. P., 1973. P. 28 ff.; Billows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Los Angeles-London, 1990. P. 225 ff.

⁴ Burstein S.M. Lysimachus and the Greek Cities of Asia: the Case of Miletus // The Ancient World. 1980. Vol. 3. № 3-4. P. 73-79.

партнеров по миру 311 г. Поскольку мирное соглашение закрепило раздел тогдашнего мира и противники сохранили за собой все ранее завоеванное, то этот мир можно охарактеризовать как насильственный, прежде всего по отношению к свободным эллинским городам. И хотя в документе, цитированном выше, они фигурируют на первый взгляд как главные действующие лица, в интересах которых якобы и состоялось подписание мира, на самом деле с их устремлениями считались тут менее всего. На первом плане стояли интересы диадохов, и прежде всего - Антигона Одноглазого, который стремился укрепиться в Малой Азии, Сирии, Финикии и Греции. С этой целью и было задумано и заключено соглашение, позволявшее добиться передышки в борьбе для упрочения собственных политических позиций. Эллинские полисы в конце IV – начале III в. до н.э. еще представляли собой немалую военную и политическую силу, которой нельзя было пренебрегать, хотя условия в международной политике диктовали уже не они, а диадохи, истинные властители тогдашнего мира. При подписании вышеозначенного мирного соглашения Антигон, на первый взгляд, предстает как бы пострадавшей стороной, потерпевшей к тому же неудачу в войне и вынужденной пойти на подписание мира. С этой точки зрения мир становится насильственным, т.е. навязанным ему победителями. Однако на самом деле и Антигон добился установления выгодного ему статус-кво военной силой, так что для обеих группировок диадохов мир 311 г. до н.э. следует считать насильственным, ознаменовавшим окончание очередного этапа несправедливой в целом войны за передел наследства Александра.

Для изучения мирных переговоров в эпоху эллинизма весьма показательна дипломатическая и военная активность в Италии эпирского царя Пирра, одного из ведущих полководцев своего времени. Когда в начале III в. до н.э. над греческими городами юга Италии и Сицилии нависла угроза захвата римлянами и карфагенянами, то они обратились за помощью к Пирру, безуспешно сражавшемуся с Деметрием Полиоркетом и Лисимахом в Македонии и Элладе. Почувствовав, что складываются хорошие перспективы объединить под своей властью греческие государства юга Апеннинского полуострова, Пирр в 280 г. до н.э. высадился в Италии. Нанеся сокрушительное поражение римским войска в битве при Гераклее, царь Эпира вытеснил римлян из Лукании. Многие племена и города оказались тогда под его властью, и вдохновленный этой победой царь замыслил даже поход в Лаций. Однако латины и Рим выстояли, что заставило Пирра пойти на переговоры о мире, поскольку он хотел юридически закрепить за собой уже завоеванное и обеспечить тыл для наступления на Сицилию. Пользуясь формальными правами победителя, царь выдвинул следующие условия мира: «он отпускает всех взятых в бою пленных без выкупа и обещает римлянам помощь в завоевании Италии, ничего не требуя взамен, кроме дружеского союза с ним и неприкосновенности Тарента» (Plut. Purr. 17). Подробнее условия этого договора излагаются Аппианом (Samn. 10. 1): «он (речь идет о после Пирра Кинее – С.С.) предложил им мир, дружбу

и союз с Пирром в том случае, если они включают в договор тарентинцев, остальных же эллинов проживающих в Италии, делают свободными и автономными, луканам, самнитам, давнам и бруттиям возвращают все то, что захватили у них в ходе войны. Если они исполнят все эти условия, он заверил, что Пирр отпустит всех пленных без выкупа». Несмотря на то, что в Риме имелись силы, стоявшие за принятие этих условий, предложение царя было отклонено со словами «пусть Пирр уходит из Италии и тогда, если хочет, ведет переговоры о дружбе, а пока он остается в Италии с войском, римляне будут воевать с ним» (Plut. Pyrrh. 19). Добиваясь включения в мирный договор греческих городов, оговаривая условия их автономии и независимости, Пирр действовал в Италии такими же методами, как до него Антигон Одноглазый в Малой Азии. Он желал добиться расположения греков, чтобы укрепить свои позиции и впоследствии подчинить их. Хотя царь и одержал военную победу, его политические позиции в Италии оставались непрочными, и потому он не рискнул сразу установить контроль над городами и союзными племенами. Ему пришлось сначала объявить их союзниками и закрепить этот их статус юридически в международном договоре о союзе с Римом. Так как Пирр прибыл в Италию с целью подчинить ее своей власти, а римляне, со своей стороны, стремились распространить господство на юге Италии, то, если бы этот мир был подписан, его следовало бы считать насильственным для обеих сторон. В этом случае, как и в мирном договоре 311 г. между Антигоном и диадохами, греческие города рассматривались в качестве второстепенной силы и разменной монеты в большой политической игре, которую вели Рим и царь молоссов. Вот почему и для греков мир был, хотя и выгодным на первых порах, но все же также насильственным, ибо рано или поздно все равно завершился бы их подчинением либо римлянам, либо эпиrotам. Ведь нельзя считать случайным, что в случае успеха переговоров Пирр обещал свою помощь Риму в завоевании Италии, а это значит, что судьба городов его не особенно волновала. Однако в этой сложной политической ситуации от позиции городов зависело многое, потому что после того, как сицилийские греки в 275 г. до н.э. отвернулись от царя, он сразу потерпел поражение от римлян и был вынужден уйти из Италии. Но перед этим римляне вторично отклонили просьбу Пирра о мире, обусловив свой отказ тем же обстоятельством, что и в первый раз (Plut. Pyrrh. 21)⁵.

Наглядным примером насильственного мира в эллинистическую эпоху является примирение царей Селевка II Каллиника, Антиоха Гиеракса и Птолемея III Эвергета, завершившее так называемую «войну Лаодики» или Третью Сирийскую войну (247-241 гг. до н.э.). Ей предшествовал длительный период борьбы Лагидов и Селевкидов за господство на западном малоазийском побережье, в Финикии, Палестине и Южной Сирии (Келесирии). Вторая Сирийская война (259-253 гг. до н.э.)

⁵ О походах Пирра подробнее см. Leveque P. Pyrrhos. P., 1957. P. 250 ff.

окончилась договором о мире, закрепленным браком Антиоха II Теоса и Береники, дочери Птолемея II Филадельфа. Лаодика, первая супруга Антиоха II Теоса, была удалена в изгнание, однако в 247 г. до н.э. вернулась обратно, отравила бывшего мужа и возвела на престол своего старшего сына, которого объявила царем Селевком II. Затем она расправилась и с Береникой, в результате чего ее брат Птолемей III был вынужден начать войну с Селевкидами. Египтяне захватили Сирию, Месопотамию, Вавилонию, вынудив Селевка и Лаодику бежать. После неудачной попытки отвоевать прибрежную Финикию (Just. XXVII. 1-2) Селевк II решил заключить союз со своим братом Антиохом Гиераксом, ранее отложившемся от царя, чтобы самому встать во главе государства. «Между тем, - сообщает Помпей Трог, - когда Птолемей узнал, что Антиох идет на помощь Селевку, он, чтобы не вести войну одновременно с двумя врагами, заключил с Селевком мир на десять лет» (Just. XXVII. 2). Это сообщение подтверждается иероглифической канопской надписью 239 г. до н.э., в которой говорится, что Птолемей Эвергет «даровал стране мир, сражаясь за нее против многих народов и царей» (OGIS 56). По условиям мира египетский царь сохранил за собой Южную Сирию, Финикию, Кипр и Селевкию Пиерию (Polyb. V. 34. 6-7). Однако мир был нарушен Гиераксом, который, воспользовавшись отступлением Птолемея, начал междоусобную войну с Селевком II (Justin XXVII. 2. 10)⁶.

Перед нами пример того, как во имя своекорыстных целей эллинистические правители попирали международные договоры и соглашения, нарушая установленный статус-кво в международных отношениях. Это бесспорный образец насильственного подхода к решению спорных вопросов, в данном конкретном случае о статусе пограничных территорий Селевкидов и Птолемеевского Египта, переходивших от одного противника к другому только в результате военных действий. Мирные договоры подписывались обеими сторонами исключительно из субъективных политических соображений соперничавших друг с другом властителей, ни в коей мере не соглашавшихся с закрепленными в договорах условиями, открыто жаждавших новых военных столкновений и потому эти договоры нарушавших⁷.

Последующие события наглядно подтверждают сказанное. С приходом к власти Антиоха III борьба за господство в Передней Азии возобновилась. Укрепив свою власть Востоке, Антиох приступил к завоеванию побережья Сирии и Финикии, овладев в 219 г. до н.э. Селевкией Пиерией, а вскоре и всем финикийским побережьем. Птолемей IV, неспособный вести длительную борьбу с Антиохом III, решил начать

⁶ Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323-30 av. J.C). Nancy, 1979. Т. I. P. 248-261, 297; о браке Антиоха II и Береники см. Seibert J. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 79,80.

⁷ Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н.э. Казань, 1980. С.55.

переговоры о мире. Для этого в 218 г. до н.э. он использовал посольства некоторых свободных греческих полисов - Этолии, Родоса, Византия и Кизика. Советники египетского царя, очевидно, желали включить их в качестве участвующей стороны в готовившийся к подписанию мирный договор, что можно было сделать только признав их своими союзниками. Те же, видимо, рассчитывали, что, если их действительно включают в договор хотя бы на правах нейтральных государств, то они юридически будут защищены от любых посягательств против них со стороны воюющих, но договаривающихся о мире царей. Греческая практика заключения мирных соглашений такого рода предусматривала коллективную ответственность каждого из подписавших мирный договор перед нарушителем мира. Если кто-либо из Селевкидов или Лагидов, постоянно конфликтовавших друг с другом, осмелился бы нарушить мирный договор, то противной стороне было бы значительно легче привлечь всех подписавших мир греков на свою сторону против нарушителя мира. А поскольку и Антиох III и Птолемей IV прекрасно понимали, что готовившийся к подписанию документ - лишь прикрытые для развязывания новой войны, то привлечение к этому соглашению греков было им обоим взаимно выгодно. Вот почему посольства греческих полисов сновали как челноки от одного царя к другому, ведя переговоры о перемирии и возможном мире (Polyb. V.63).

Мирное соглашение, однако, не состоялось. Птолемей IV, сконцентрировав силы, прервал мирные переговоры и возобновил военные действия. Антиох III ответил тем же. В битве при Рафии в 217 г. до н.э. сирийцы потерпели жестокое поражение, и только после этого Антиох был вынужден заключить мир: он обязался вернуть Птолемею прибрежные города Финикии, Келесирию, однако сохранил за собой Селевкию Пиерию (Polyb. V. 87). Нет нужды говорить, что и этот мир по характеру и сути являлся насильственным, так как закреплял за победителем захваченную им чужую территорию не путем мирных переговоров, а в результате ведения боевых действий⁸.

Иной оттенок имеет мирный договор 238-237 гг. до н.э., заключенный между греко-бактрийским царем Диодотом II и парфянским царем Тиридатом I. Вследствие внутридинастических распр в царстве Селевкидов, в середине III в. до н.э. от него отпали и стали самостоятельными Парфянское и Греко-Бактрийское царства. Ведя борьбу за укрепление своей власти, цари парфян опасались союза между правителем Бактрии Диодотом I и Селевком II Каллиником, которые видели в Парфии угрозу своим доменам. После смерти Диодота I его сын и наследник Диодот II пошел на заключение мирного договора с Тиридатом I (Just. XLI. 4. 9), что давало парфянам союзника, сохранявшего, как минимум, нейтралитет во время

⁸ Will. Histoire politique... T. II. P. 11-30; Schmitt H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964. S. 160-175; о битве при Рафии и мирном договоре см. Volkman. Ptolemaios // RE. 1959. Bd 23. 2. Sp. 1683 ff.

похода в Парфию Селевка II (Strabo. XI. 8. 8; Амт. Марс. XXIII. 6. 3)⁹. Отличие этого мирного соглашения от всех рассмотренных выше заключается в том, что оно состоялось не в результате военной победы одной из воюющих сторон или военных действий между участвовавшими в нем сторонами, а появилось на взаимной добровольной основе вследствие угрозы нападения третьей стороны – Селевкидов. Поэтому мы склонны определить этот мирный договор как ненасильственный, а ситуацию, которая привела к его появлению – как сложившуюся в результате насилия. Несмотря на то, что Парфия и Греко-Бактрия противостояли нападению извне и стремились отстоять независимость, что делало войну с их стороны как бы справедливой, они тем не менее имели далеко идущие планы расширения своего территориального господства в Центральной Азии. Так что мирный договор между ними в своей основе преследовал цель вести в дальнейшем насильственные военные действия для захвата новых земель, а цель, как известно, оправдывает средства!

Для внешнеполитической практики того времени важнейшее значение имел мирный договор между Римом и македонским царем Филиппом V, заключенный в 196 г. до н.э. после битвы при Киноскефалах в конце Второй Македонской войны. Он знаменателен тем, что в результате военной победы над Македонией Рим существенно укрепил свои позиции в Греции и получил опору для последующего наступления на Антиоха III. С этого времени начинается новый этап римской восточной политики, направленной на противопоставление одних эллинистических монархий другим, создание конгломерата союзников из свободных греческих городов против тех эллинистических царей, которые рассматривались римлянами в качестве возможных соперников. Если до этого Риму приходилось иметь дело лишь с пунийским Карфагеном на Западе, то теперь ему противостояла вся система восточных эллинистических царств и множество свободных греческих полисов, стремившихся сохранить свободу и автономию в постоянной борьбе с эллинистическими государствами и друг с другом. С этих позиций интересно проанализировать условия мира, продиктованные Филиппу Титом Квинкцием Фламинином, командующим римскими войсками в Греции и Македонии: «...вообще всем эллинам, как азиатским, так и европейским, быть свободными и пользоваться собственными законами; тех же эллинов, которые до сих пор были подвластны Филиппу, а равно занятые его гарнизонами города Филипп обязан передать римлянам перед истмийским празднеством; Евромю, Педасам, Баргилиям, городу кианийцев должен предоставить свободу, равно как Абидосу, Фасосу, Мирине, Перинфу, и вывести из них свои гарнизоны. Что касается освобождения кианийцев, то Тит должен был, согласно сенатскому определению, написать о том Прусию. В тот же срок Филипп обязывался возвратить римля-

⁹ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1960. Ч. 1. С. 185-187; Гаилов В.А., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В. Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 15.

нам всех военнопленных и перебежчиков, а также выдать им все палубные корабли, за исключением пяти судов и одного шестнадцатипалубника. Он должен был, наконец, уплатить тысячу талантов, из коих 500 тотчас, а другие 500 по частям в течение десяти лет. Когда весть об этом определении распространилась среди эллинов, все они воспрянули духом и переполнились радости. Досадовали только этоляне... Так, они уверяли, что в определении Сената содержится двоякое требование относительно городов, занятых гарнизонами Филиппа: в силу одного из них Филипп обязуется вывести свои гарнизоны, а города передать римлянам, в силу другого – вывести гарнизоны и предоставить городам свободу. Если города освобождаемые называются по именам и суть города Азии, то значит, римлянам передаются европейские города... Отсюда всякий легко усмотрит, что «узы эллинов» от Филиппа римляне берут в свои руки и совершается не освобождение эллинов, а лишь смена господ» (Polyb. XXIII. 44. 45). В договор был включен также пункт о том, что царь оставляет у себя всего 5 тыс. воинов и ни одного слона и впредь не собирается вести военные действия за пределами Македонии без разрешения римского Сената. Некоторую пользу для себя извлекли и римские союзники: Филипп обязался не предпринимать никаких враждебных действий против Пергама, который получил к тому же остров Эгину и боевых слонов македонян; Родос получил Стратоникею и другие города Карики, находившиеся прежде во власти Филиппа. Афины получили Парос, Делос, Имброс и Скирос (Liv. XXIII. 30; Plut. Flam. 9-10; Just. XXX. 4. 17).

Самый важный пункт договора – объявление о свободе греческих городов, что Тит Квинций Фламинин подтвердил через год на Истмийских празднествах. Поскольку римляне не захватили практически никаких новых территорий, то провозглашение *libertas et immunes* делало эллинские города союзниками Рима не только в неизбежной войне с Антиохом III, но и в последующих военных действиях за подчинение Македонии. К тому же недавние союзники римлян этолийцы, и прежде занимавшие нетвердую позицию в отношении Рима (Liv. XXXIII. 13. 13-15; Just. XXX. 4. 18), теперь, недовольные тем, что им не была передана собственно территория Македонии, открыто перешли в стан союзников сирийского царя. Поэтому римляне посчитали правильным в сложившихся условиях не идти на открытое расширение территориальных границ в Восточном Средиземноморье, чтобы не вызывать недовольство греков и пойти на создание системы «союзных» государств¹⁰, привязанных к Риму не посредством военных захватов, а мирными договорами и соглашениями. Вот почему многие азиатские греки, опасаясь Антиоха III, решили добиваться от Фламинина права на включение в договор с Филиппом V и этим как бы встать под защиту римлян в предстоящей войне с царством Селевкидов

¹⁰ Scullard H.H. *Roman Politics 220-150 B.C.* Oxf., 1951. P.97 ff.; Badian E. *Foreign Clientelae (264-70 B.C.)*. Oxf., 1958. P. 85 ff.; Sherwin-White A.N. *Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1.* Univ. of Oklahoma Pr., 1984. P. 22, 23, 56-65.

(App. Syr. 2). Это новый принцип римской политики – *deditio in fidem*, по которому Римская республика получала абсолютное право распоряжаться теми, кто капитулировал перед нею и попал, таким образом, в положение подвластного союзника. Если прежде во время Пунических войн этот принцип приводил к автоматическому включению побежденных в состав Римской державы, то отныне на передний план выдвигалась идея «доброй воли», а не подчинения. В связи с тем, что эта так называемая «добрая воля» была пущена в оборот после военных побед над Македонией, это открывало для Рима возможность включать греков в сферу своего влияния с последующим объявлением «друзьями и союзниками»¹¹. Здесь был и более дальновидный расчет – инкорпорировать их впоследствии в состав новых римских провинций на Востоке. Так что если оценивать с этих позиций вышеозначенный мирный договор, то в него несомненно была заложена идея ненасильственного мира, но постепенно переходящая в так называемый «насильственный» мир и соответствующий навязанный Римом насильственный мирный договор. Если в III-II вв. до н.э. Рим старался предстать филэллином, эвергетом-благотелем всех греков, то впоследствии эта идея была изменена и превращена в свою противоположность – римляне стали гегемоном в мире и всячески стремились навязать свои порядки более слабым государствам.¹² Что же до собственно мирного договора 197 г. до н.э. как международного юридического пакта, то, заключенный вследствие военной победы Рима, он может считаться насильственным, несмотря на все уловки римской дипломатии представить Рим озабоченным судьбой греков и их традиционной свободой¹³.

Такие же идеи заложены в Апамейский мирный договор 188 г. до н.э., который завершил войну Рима против Антиохов III. Как и в годы Второй Македонской войны, римляне добились успеха, используя противоречия между эллинистическими государствами. По условиям мира Антиох III должен был «отказаться от всей Европы и от Азии по сю сторону Тавра (границы будут установлены впоследствии), должен выдать слонов, сколько у него есть, и кораблей, сколько мы (римляне – С.С.) прикажем; в дальнейшем он не должен иметь слонов, а кораблей столько, сколько мы прикажем; должен дать двадцать заложников, каких укажет военачальник, и выплатить за расходы на эту войну, которая произошла по его вине, немедленно 500 эвбейских талантов, а когда Сенат санкционирует этот договор, – еще 2500, а в течение следующих 12 лет еще 12000, внося в Рим ежегодно соответствующую часть; выдать нам всех пленных и пере-

¹¹ Sherwin-White. Op. cit. P. 22-25; ср. Кашеев В.И. Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма. М., 1997. С. 95-100.

¹² Кашеев В.И. Эллинистический мир и Рим. М., 1993. С. 275 сл.

¹³ Не случайно, что многие исследователи трактовали римскую восточную политику после 200 г. до н.э. как империалистическую и милитаристскую, см., например. Walek-Czernecki T. La politique romaine en Grèce et dans l'Orient hellénistique au III siècle // RPh. 1925. T. 49. P. 28-54.

бежчиков и отдать Эвмену то, что еще остается у него в нарушение договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена. Если Антиох сделает все это без всякого коварства, мы даруем ему и мир и дружбу, когда Сенат это санкционирует» (App. Syr. 38; 39). Сенат утвердил договор, включив в него незначительные добавления: «для Антиоха границей его царства были два мыса Каликадион и Сарпедонион, и за эти пределы Антиох не должен был заплывать для ведения войны; тяжелых судов он мог иметь только 12, с которыми он мог вести войну против своих противников, но, подвергшись нападению, он мог пользоваться и большим числом. Он не должен был вербовать наемников из областей, принадлежавших римлянам, и не принимать беглецов из этой страны. Заложники могли меняться каждые три года, кроме сына Антиоха» (App. Syr. 38; 39).

Полный текст договора приводится у Полибия (XXI. 17; 42) и Ливия (XXXVII. 45. 11-18; XXXVIII. 38). Для нас особенно важно, что римляне, опять не захватив ни пяди земли в Азии, свели все усилия к увеличению владений своих союзников Родоса и Пергама (Just. XXXI. 8. 8-9). Суть действий римской дипломатии сводилась к тому, чтобы оставить за Селевкидами их владения в Сирии, а большую часть их земель в Малой Азии передать Пергаму и Родосу. Эвмен II объявлялся сувереном ряда греческих полисов западной части Малой Азии. Полисы, которые подчинялись Антиоху по эту сторону Тавра, провозглашались *liberae et immunes*, а города, подвластные Атталу I Пергамскому, оставались под властью Эвмена II¹⁴.

В данном случае Рим действовал насильственными военными методами, но результаты этой деятельности стремился закрепить не насильственным путем, а по договорам. Почти все греческие города Передней Азии после битвы при Магнесии отправили своих послов в римский сенат (Polyb. XXI. 8), так как стремились определить свое место в изменившихся политических условиях. Не захватив пока новых территорий, римляне подготовили почву для подобных захватов в будущем. Усиливая Пергам, они сознательно ослабляли соседние государства - Вифинию, Понт, Галатию, Каппадокию, что таило в себе вспышку территориальных притязаний к Атталидам. Сохраняя статус-кво в Сирии, римляне могли рассчитывать на конфликт Пергама и Селевкидов, что давало возможность выступить в роли третейского судьи и влиять на расстановку сил в регионе, укрепляя тем самым собственные позиции. Римские полководцы еще не могли полностью закрепиться в Азии и предпочитали иметь там союзников - выразителей своих интересов. С другой стороны, в бывшем противнике они хотели видеть государство, соблюдавшее мир и дружественный нейтралитет к Риму. В этом случае между ними возникали отношения дружбы, не дополнявшиеся военными союзническими обязательствами. С греческими городами римляне устанавливали отношения мира, дружбы и

¹⁴ Will. *Histoire politique...* T.II. P. 185-193; Magie D. *Roman Rule in Asia Minor*. Princeton, 1950. Vol. II. P. 757 ff.; Holleaux M. *La clause territoriale du traite d'Apamee // Études d'épigraphie et d'histoire grecques*. P., 1938. T. V. P. 208 ff.

взаимного военного союза (*socii et amici*), как, например, договор Рима с Гераклеей на Латме. Поэтому для римлян крайне важны были прочные связи с греческими городами, которые опасались эллинистических царей, противников Рима, и переходили на его сторону, пополняя ряды его потенциальных союзников. Получался замкнутый круг: действуя насильем, т.е. вооруженным путем, Рим создавал для себя ситуацию, когда в результате ненасильственных действий, т.е. дипломатической активности, к нему приходили союзники¹⁵; впоследствии опять путем насилия Рим устанавливал окончательное господство как над бывшими противниками, теперь «друзьями» – эллинистическими монархиями, так и над прежними союзниками – свободными греческими городами. Поэтому мир после Киноскефал и после Апамен следует в конечном счете признать насильственным, так как эти договоры формировали основу для полного римского господства в Восточном Средиземноморье. Однако идея, которая была заложена в эти соглашения, делала их первоначально ненасильственными, поскольку они должны были установить новый миропорядок ненасильственным путем.

После битвы при Магнесии и Апамейского мирного договора Римская республика приобрела на Востоке много новых союзников. Теперь главным ее противником оставалась одна Македония, подчинение которой было далеко не завершено. К тому же Филипп V и его сын Персей предпринимали усилия для возрождения былого могущества их царства. С этой целью они спланировали вокруг себя всех недовольных римлянами в Греции и значительно увеличили свое войско. В Малой Азии римляне стали опасаться усилившегося с их помощью Пергамского царства, подчинившего почти все территории в западной части полуострова. Поэтому в 183 г. до н.э., когда вспыхнула война между царями Понта и Малой Армении с одной стороны и коалицией царей Пергама, Каппадокии и Вифинии с другой, за право владеть Каппадокией и Фригией, а также за влияние в Галатии, римские политики усмотрели в этом реальную возможность ограничить амбиции и могущество пергамских царей. Тем более что незадолго до этого соседняя с Пергамом Вифиния не смогла отобрать у Атталидов Малую Фригию и в результате военного поражения в двустороннем конфликте была вынуждена отдать им еще часть своих земель. Когда же царь Понта Фарнак I со своей стороны предпринял попытку отсечь эти территории от Пергама, римляне не стали особенно препятствовать ему в этом, хотя и в решающий момент войны решили все же не допустить окончательного разгрома понтийского монарха. Фарнак потерпел поражение и был вынужден подписать в 179 г. до н.э. мирный договор, текст которого дошел до нас в изложении Полибия (Polyb. XXV. 2): «...Быть миру на

¹⁵ Magie D. Rome and the City-States of Western Asia Minor // *Anatolian Studies* Pres. to W.H.Buckler. Manchester, 1939; Badian. Op. cit. P. 111; Bernhard R. Imperium und Eleutheria. Die römische Politik gegenüber den freien Städten des griechischen Ostens. Hamburg, 1971. S. 76-78.

вечные времена между Эвменом, Прусием и Ариаратом с одной стороны, Фарнаком и Митридатом с другой. Ни под каким видом Фарнаку не ходить на Галатию и все прежние его договоры с галатами признавать недействительными. Равным образом надлежит ему очистить Пафлагонию, а жителей, которых ранее оттуда выселил, возвратить назад, вместе с ними вооружение, метательные снаряды и прочие военные приспособления. Точно также он обязуется возвратить Ариарату все отнятые у него местности с находившимися на них сооружениями и заложников, а равно город Тиос, что у Понта, тот самый, который немного позже Эвмен уступил Пруссию, во исполнение его просьбы и за который Прусий был весьма признателен. Постановлено было также, чтобы Фарнак возвратил военнопленных без выкупа и всех перебежчиков. Сверх того из денег и сокровищ, которые отняты были им у Морзия и Ариарата, он обязывался заплатить поименованным здесь царям 900 талантов и еще 300 талантов на покрытие военных издержек Эвмену. Вменено было также в обязанность сатрапу Армении Митридату заплатить 300 талантов Ариарату за то, что вопреки договору с Эвменом пошел на него войной. В договор включены были из владык азиатских Артаксия, правитель большей части Армении, и Акусилох, а из владык Европы сармат Гатал, из народов свободных гераклеоты, месембрияне и херсонесцы, наконец, кизикенцы. В договоре содержалось определение и относительно заложников, в каком числе должен поставить их Фарнак, и каковы они должны быть...».

Этот мирный договор был заключен под непосредственным влиянием Рима и в его прямых интересах, во-первых, потому, что Фарнак I был серьезно ослаблен военным поражением, а Пергам, несмотря на некоторую нерешительность по отношению к нему со стороны римлян, остался в стане союзников римского народа. Во-вторых, в договор были включены различные эллинские полисы и варварские цари Причерноморья и Закавказья, попавшие в сферу влияния римской восточной политики¹⁶. А это позволяло Риму расширить круг возможных союзников в предстоявшей решающей войне с Македонией¹⁷. В данном конкретном случае Рим, непосредственно в войне не участвовавший, продолжал ту политику, начало которой было положено Титом Квинкцием Фламинием, а именно – привлекать на свою сторону греческие города и царей по договорам, а не путем прямого насилия. И хотя мирный договор 179 г. до н.э. появился вследствие насильственных действий, т.е. войны с обеих сторон, для Рима и включенных в договор царей государств Великой Армении, Колхиды (?), Сарматии, эллинских полисов Гераклеи Понтийской, Месембрии, Кизика, Херсонеса Таврического, мирный договор не являлся насильственным, поскольку все

¹⁶ Rostowtzeff M.I., Ormerod H. Pontus and Its Neighbours: The First Mithridatic War // САН. Ed. I. 1928. Vol. VII. P. 220; McShane R. The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 161-163.

¹⁷ Сапрыкин С.Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 55.

перечисленные субъекты международного права того времени сохраняли в ходе войны нейтралитет. В данном случае мы видим широко практиковавшуюся в древности попытку установить всеобщий мир, выгодный как воюющим сторонам, так и третьим странам. Ведь различные города и цари, фигурировавшие в договоре, но в конфликте не участвовавшие, получали возможность закрепить при помощи международного права независимость (цари), свободу и автономию (города) как перед лицом непосредственных участников конфликта, так и самого Рима, стоявшего за спиной воюющих государств и стремившегося расширить свою власть и влияние на Востоке. Это гарантировало ненападение и сохранение независимости, асимиляцию, защиту и даже покровительство римлян, что было важно в условиях ужесточения римской политики в Восточном Средиземноморье после ослабления Македонии и Селевкидов в первой половине II в. до н.э. Что до воевавших друг с другом малоазийских государств, то выгоды от договора для Пергама и его союзников были налицо: они сохраняли в целостности свои владения¹⁸, а Фарнак I получил возможность установить тесные отношения с доселе нейтральными государствами и Римом. Самые же большие дивиденды от всего этого извлекал Рим: он оставлял в своем лагере Пергам и всю его коалицию, получал новых потенциальных союзников в лице включенных в договор государств, привлекал на свою сторону ранее непокорное и строптивое Понтийское царство, что расширяло сферу римского влияния в Малой Азии и позволяло использовать его в качестве противовеса пергамским царям. В этом плане показательным является взаимное требование двустороннего договора о дружбе и союзе между Фарнаком I и Херсонесом Таврическим «соблюдать дружбу с римлянами» (IosPE I. 402). Некоторые историки, правда, датируют договор серединой II в. до н.э. и не ставят его в связь с окончанием войны 183-179 гг. до н.э., хотя большинство склоняется все же к его заключению в 179 г. до н.э. как следствию мирного соглашения, изложенного Полибием. Завышение даты херсонесско-понтийского договора невозможно хотя бы по той причине, что упоминание дружбы (*amicitia*) с Римом без ссылки на союзные отношения появлялось в международных договорах только с побежденными царями, к которым Фарнак, проигравший войну 183-179 гг. до н.э., как раз и относился. Вряд ли такая договорная формулировка могла бы иметь место в случае заключения договора с Херсонесом ок. 155 г. до н.э., так как в то время Понт не вел агрессивных военных действий. Все это в преддверии Третьей Македонской войны было для римлян как нельзя кстати. Означенный мирный договор, будучи в целом ненасильственным для Рима, потенциально сохранял все же для него идею насилия, поскольку служил для него средством достижения успеха в укреплении своих позиций в Элладе и Малой Азии. Мирное соглашение 179 г. до н.э. наглядно продемонстриро-

¹⁸ Allen R.E. *The Attalid Kingdom: A Constitutional History*. Oxf., 1983. P. 79; Климов О.Ю. *Царство Пергам: очерк социально-политической истории*. Мурманск, 1998. С. 37.

вало, как великие державы использовали в собственных интересах и планах захвата новых территорий филэллинскую идею сохранения свободы и автономии греческих полисных государств, становившихся пешками в сложной политической игре. Такую же картину мы наблюдали и ранее, когда рассматривали мир 311 г. до н.э. между диадохами. В эллинистический период, когда свободные греческие полисы постепенно утрачивали бывшее значение, такая политика распространялась повсеместно. Рим стремился продолжать эту политику, чтобы разговаривать с эллинистическими царями на их же собственном языке и не казаться поначалу чересчур агрессивным: когда ему было выгодно, он поощрял автономию и свободу полисов, а когда это становилось невыгодно, то попросту ограничивал ее, что особенно часто проявлялось после Третьей Македонской войны.

О положении свободных эллинских полисов в середине II в. до н.э. наглядно свидетельствуют военный конфликт Вифинского и Пергамского царств в 156 - 154 гг. до н.э. и завершивший его мирный договор. Эта война вспыхнула из-за притязаний вифинского царя Прусия II на Галатию и часть Фригии, подвластной в то время Атталу II Пергамскому. Рим выступил третейским судьей в улаживании территориального спора и инициатором мирного договора, по которому «Прусий обязался немедленно передать двадцать палубных судов Атталу и выплатить ему 500 талантов в течение 20 лет, при этом каждый сохранял за собой ту территорию, которую имел до начала военных действий. Прусий должен был также возместить ущерб, который он нанес территории Метимны, Эги, Ким и Гераклеи, выплатив 100 талантов этим городам» (Polyb. XXXIII. 13; Diod. XXXI. 35).

Греческие города оказались включенными в мирный договор 154 г. до н.э. как пострадавшая сторона¹⁹. Тем самым за ними не только признавался статус самостоятельной политической силы в рамках международного соглашения, но и гарантировалась защита их владений от посягательств соседних эллинистических монархов. Римляне, основные вдохновители договора 154 г. до н.э., стремились использовать угрозу полисам со стороны Вифинии в своих собственных целях, гарантировав безопасность их хоры. Этим Рим опять расширял для себя поле для маневров против Пергама, хотя на первый взгляд наказан был за агрессию все же царь Вифинии. Ведь возмещение ущерба полисам открывало попытки других царей и прежде всего самых сильных в то время пергамских властителей от возможности позариться на полисы и их территории. Это создавало для римлян образ филэллинов при в целом жесткой внешней политике на Востоке. Можно сказать, что в данном случае римская дипломатия действовала ненасильственным методом, тогда как Прусий II и Аттал II договорились о

¹⁹ Robert L. *Etudes anatoliennes*. P., 1937. P. 114 ff.; Hansen E.V. *The Attalids of Pergamon*. N.Y., 1947. P. 127; Bernhardt. *Op. cit.* S.57; Habicht Ch. *Prusias (2) // RE*. 1957. Bd. XXIII. 1. Sp. 1117.

мире только в результате взаимных насильственных акций²⁰. В этом конфликте опять восторжествовал принцип «политического равновесия» между эллинистическими государствами, который был сцементирован Римом, получавшим право наказывать того, кто его нарушит. Это привлекало к нему тех, кто мог подвергнуться или уже подвергся агрессии извне, усиливая влияние Республики на Востоке. Так что и в этом случае ненасильственный мир тесно связан с насильственным как прямое следствие военного столкновения, т.е. насилия. В более широком масштабе хлопоты римлян относительно безопасности полисов преследовали цель укрепить их политические позиции и не допустить усиления союзных государств. В перспективе это вело к установлению прямого римского господства, а значит тайло в себе возможность насильственных действий.

Мирные соглашения 179 и 154 гг. до н.э. имеют общую черту: стоявший за спинами воюющих Рим, сам непосредственного участия в войнах не принимавший, сумел дипломатическими средствами добиться выгоды для себя порядка и укрепить международные позиции, приобрести дополнительные союзников из среды греков. Это стало возможно только после побед над Селевкидами и Македонией, когда мелкие государства, особенно города, стали активно склоняться на его сторону. Это - проявление традиционной римской политики «разделяй и властвуй!», когда для того, чтобы достичь своих целей, используются противоречия между государствами. А если оперировать терминами нашего исследования, то это жажда добиться господства, т.е. насилия, действуя для отвода глаз ненасильственными методами. Ненасилие в римской восточной политике во II в. до н.э. стало возможно только в результате прямого насилия, т.е. мирные соглашения 197 и 188 гг. до н.э. стали следствием военных побед, достигнутых путем насилия. Уловки римской дипломатии и международное право того времени базировались на силе.

Все отмеченные особенности насильственного и ненасильственного мира выпукло проявились при заключении так называемого Дарданского мирного договора 85 г. до н.э. между Римом в лице Суллы и Понтийским царем Митридатом Евпатором²¹. Он положил конец Первой Митридатовой войне (89-85 гг. до н.э.), которая охватила почти всю Малую Азию, островную и Балканскую Грецию. Главная причина войны крылась в стремлении Митридата существенно расширить границы своего царства за счет Каппадокии, Вифинии, Пафлагонии, западных областей Малой Азии, в том числе и римских провинций Азия и Киликия, приостановив этим распространение римского влияния и территориальных захватов. Царь выступил

²⁰ О войне см. Will. Histoire politique... Т. 2. Р. 321; Габелко О.Л. Вифинское царство в системе эллинистических государств. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998. С. 16 сл.

²¹ См. своеобразную трактовку этого соглашения: Гуленков К.Л. Дарданский мир: об одном аспекте политики Суллы // Античность: политика и культура. Казань, 1998. С. 55-62.

защитником эллинизма от притеснений римлян, поскольку к I в. до н.э. римляне в своей восточной политике отошли от прежде декларируемого курса на поощрение традиционных свобод и прав греков, защиту их полисных привилегий²². С конца II в. до н.э. все четче стало обозначаться их стремление включить греческие города в состав новых римских провинций, где существовала жесткая система налогообложения. В этой ситуации провозглашенные Митридатом Евпатором свобода и автономия городов и объединение большей части Малой Азии и Причерноморья под властью правителя, который выступал в глазах эллинов и местного эллинизированного населения законным властителем земель, являвшихся объектом римских притязаний или вотчиной союзников Рима, привлекали к нему симпатии большей части жителей Восточного Средиземноморья. Однако непопулярность царя, военные неудачи и откровенная поддержка зажиточных кругов оттолкнули от Митридата широкие слои населения, что вынудило его пойти на соглашение с Римом²³. Основные условия этого соглашения, так и не ратифицированного в Сенате, изложены Аппианом и Плутархом. Согласно Аппиану (App.Mithr. 55-58), римский полководец Сулла, вытеснивший понтийцев из Греции, предложил такие условия мира: «Если Митридат передаст нам весь тот флот, который находится у тебя, Архелай (стратег и наварх Митридата Евпатора – С.С.), возвратит нам предводителей, пленных, перебежчиков, бежавших рабов, если вернет на прежнее местожительство хиосцев и всех других, которых он заставил насильно переселиться в Понт, если он выведет гарнизоны из всех укреплений, за исключением тех, которыми он владел до нарушения им этого мира, если он выплатит расходы на эту войну, которые пришлось произвести из-за него, если он удовлетворится властью над одним только наследственным царством, то я надеюсь, что буду в состоянии убедить римлян не иметь против него гнева за все им совершенное».

У Плутарха требования римлян к Митридату изложены конкретнее (Plut. Sulla. 22-24): «Митридат уходит из Азии и Пафлагонии, отказывается от Вифинии в пользу Никомеда и от Каппадокии в пользу Ариобарзана, выплачивает римлянам 2 тысячи талантов и передает им семьдесят обитых медью кораблей с соответствующим снаряжением. Сулла же закрепляет за Митридатом все прочие владения и объявляет его союзником римлян».

После взаимных переговоров и некоторого упорства Митридата мир все же состоялся на предложенных римлянами условиях. В Дарданском мирном договоре ярко воплотилась идея насильственного мира: победитель – Рим обязал побежденного – Митридата Евпатора оставить все захваченные территории. В лице Суллы Рим выступил защитником прежнего миропорядка, когда свобода греков полностью уступала силе и могущест-

²² McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 130 ff.

²³ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 200 сл.

ву Римской державы²⁴. Со стороны Рима здесь на первое место выступает здесь идея насильственного мира, поглотившего ненасильственную суть мирного договора, когда греческие полисы и эллинистические государства объявлялись свободными и автономными, в лучшем случае союзными Риму. Теперь же, с точки зрения римлян, они должны были стать либо под власть самого Рима, либо его ближайших союзников и вассалов. И то и другое ущемляло суверенитет и независимость полисов, поэтому неслучайно, что в Дарданском договоре отсутствует упоминание о греческих городах, неизменно включавшихся в подобные соглашения с 197 г. до н.э.

Со стороны понтийского царя этот мир также можно оценить как насильственный, поскольку Митридат пытался установить в Азии свой собственный порядок, к тому же военной силой. Провозглашенную им «свободу» греков царь понимал не как абсолютную свободу и автономию вообще, а как ограниченную полисную автаркию, опосредованную его суверенитетом. В отличие от римлян, до Пидны видевших в греках прежде всего своих союзников, а только затем подданных, Митридат воспринимал греков как своих подданных, а только потом как союзников. Это, видимо, и стало причиной того, что он не настаивал привлечении к мирному договору 85 г. до н.э. эллинских полисов. Римлян и понтийцев в первую очередь интересовали их собственные территориальные завоевания, а влияние в эллинском мире представлялось делом второстепенным, поэтому римский сенат даже не посчитал нужным ратифицировать Дарданский договор, оставив его как устное соглашение Суллы с Митридатом. В подобной ситуации полностью теряла всякий смысл попытка включить в него свободные греческие города как «подписавшие договор» и втянутые в конфликт субъекты международного права. Такая позиция обусловила неустойчивость отношений городов с Римом и Понтийским царством, что проявилось во время последующих столкновений Митридата Евпатора и Рима.

Таким образом, в эпоху эллинизма мирные договоры и соглашения были, как правило, насильственными, поскольку завершали ожесточенные войны и конфликты с целью захвата чужих земель. Они являлись результатом несправедливых войн, которые вели эллинистические государства, а затем и римские полководцы, ради достижения своекорыстных целей и завоеваний новых территорий. Правда, в ряде заключенных тогда мирных соглашений можно выявить некоторые ненасильственные принципы, но они все-таки поглощались насильственным характером вооруженных столкновений, которые привели к их появлению. Ведь большинство таких договоров должно было закрепить власть одних государств над другими. В условиях того времени идеей ненасильственного и насильственного мира активно пользовались крупные государства, преследовавшие свои политические интересы. Принцип «свободы и автономии» для эллинских полисов

²⁴ Bulin R.K. Untersuchungen zur Politik und Kriegsführung Roms im Osten von 100-68 v.Chr. Frankfurt am Main – Bern, 1983. S. 35-42; Glew D. Between the Wars: Mithridates Eupator and Rome, 85-73 B.C. // Chiron. 1981. Bd 11. P. 111-115.

как категория «всеобщего мира» использовался для гегемонии Рима в Восточном Средиземноморье, а также ряда эллинистических государств, в частности, Понтийского царства, Пергама и Вифинии. Это было следствием противоречий между крупными державами, антагонистических внутренних конфликтов и социально-экономического развития государств в эллинистическую эпоху.

S. Yu. Saprykin

Forced and Non-Forced Peace in the Hellenistic Epoch

This article proposes the analysis of the nature, historical value and particular conditions of concluding interstate agreements, which played the most important role in the history of Roman-Hellenistic world, namely, the Peace of 311 BC between the Successors; the negotiations of Pyrrhus of Epirus with the Romans; the agreement, that put an end to the Third Syrian War; the Peace of 217 BC between Antiochus III and Ptolemy IV; the peaceful treaty of 238-237 BC between Diodotus II, king of Bactria, and Tiridatus I, king of Parthia; the Roman agreements with Phillip V and Antiochus III; the agreements, that ran to a close the Pontic War in 179 BC and the conflict between Prusias II of Bithynia and Attalus II of Pergamum; and the Dardanian Peace of 85 BC. The author meditates on the main periods of peaceful activities of various Hellenistic states, and steps they made to look for peace or to settle peacefully situations developing into conflicts, the ways and methods of solving those problems. The ambitions of all the negotiators and the ways the negotiations and treaties influenced the production of general peace are interesting to study.

We should notice the particular features of diplomatic activities of various states (the powers of the Successors, replaced with the Hellenistic monarchies, the Greek *poleis*, that remained independent, and the Roman republic) from the end of the fourth till the beginning of the first century BC. If the independent Greek *poleis* were eager to remain autonomous by all means, the greater empires usually carried out aggressive policy (though they often used to declare themselves as the defenders of rights and freedoms of Hellenes), and the truces they concluded were aimed to settle a new *status quo* that as a rule was forced. No doubt, a forced character of peaceful treaties dominated through the whole Hellenic epoch, being a bright expression of the basic principles of foreign policy of the Hellenistic states.

И.А.Ладынин

К датировке «Стелы сатрапа» и интерпретации ее исторической части (Urk. II. 12.12-15.16)*

Одним из сравнительно немногих египетских источников, относящихся к тому периоду, когда, после смерти Александра Великого, Обе Земли оказались переданы в качестве сатрапии под управление Птолемея сына Лага, является так называемая «Стела Сатрапа». Принимая во внимание, что в отечественной историографии этот источник рассматривался сравнительно редко, имеет смысл начать настоящую работу с некоторых моментов его чисто внешнего описания. «Стела Сатрапа» представляет собой плиту из черного гранита высотой 1,85 м и шириной 1,18 м, которую обнаружили в середине прошлого века вделанной в стену мечети Шейхун в Каире (PM IV. 73), хотя, как считается, первоначально она была воздвигнута в Саисе (PM IV. 49)¹. В настоящее время этот памятник хранится в Каирском музее (Cairo CG 22182 = JE 22263). Навершие стелы скруглено, и она увенчана рельефным изображением царя, протягивающего приношения богине Уаджит и богу Хору в их чтимых в г. Пе-Деп (греч. Буто) ипостасях. Подобная изобразительная программа «Стелы» объясняется содержанием ее текста, в значительной мере посвященного отношениям центральной египетской власти с храмами Пе-Деп. По своему художественному стилю рельефы «Стелы» оказываются близки некоторым другим памятникам рубежа эпохи фараонов и египетского эллинизма (например, рельефам времени Нектанеба II и Птолемея II Филадельфа из Бех-

* Автор настоящей работы глубоко благодарен проф. Х.Хайнену (Трирский университет, Германия), внимательно прочитавшему ее первый вариант и сделавшему в связи с ним много ценных замечаний.

¹ Bianchi R. S. Satrapenstele // LÄ. Bd. V. Sp. 492. Приводимое нами внешнее описание «Стелы» основано на материале данной статьи Р.Бьянки. Издания «Стелы Сатрапа»: Brugsch H. Ein Dekret Ptolemaios' des Sohnes Lagi. des Satrapen // ZÄS. 1871. Bd. 19. S. 1-13; Urk. II. 11-22; Bey Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. T. II. Cairo-Leipzig, 1905 (The Cairo Museum: Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Nos. 23001-23246). P. 168 ff, pl. 61; ее переводы на европейские языки: Mahaffy J. P. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. L., 1898 (A History of Egypt, 4). P. 38-41; Bouché-Leclercq A. Histoire des Lagides. T. 1. P., 1903. P. 105-108; Spiegelberg W. Der Papyrus Libbey: Ein ägyptischer Heiratsvertrag. Strassburg, 1907 (Schriften der wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg, 1). S. 2-3 (не полностью – Urk. II. 16.5-18.14); Satrap Ptolemaios [I.] schenkt Land an die Gottheiten von Buto // Roeder G. Die ägyptische Religion in Texten und Bildern. I: Die ägyptische Götterwelt. Zürich, 1959. S. 100-106; Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter zugunsten der Götter von Buto (Satrapenstele), 311 v. Chr. (Übersetzung und Kommentar von U. Kaplony-Heckel) // Texte aus der Umwelt des Alten Testament. Bd. 1: Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte. Aachen, 1982. S. 613-619; Goedicke H. Comments on the Satrap Stela // BES. 1985. Vol. 6. P. 33 (Urk. II. 15.1-16), 36 (Urk. II. 15.17-19.2), 45-46 (Urk. II. 19.3-22.1). (К ряду предлагаемых Х.Гедике вариантов перевода следует относиться с осторожностью).

бейт эль-Хагара²); стоит отметить, – и это тоже находит некоторые параллели в памятниках данного времени, – что картуши на рельефе, которые должны были содержать имена изображенного на нем фараона как царя Верхнего и Нижнего Египта и как сына Ра, оставлены пустыми³. Основная часть текста «Стелы» размещена в 11 колонок, расположенных ниже рельефа. Ряд иероглифических написаний, встречающихся в этом тексте, поддается прочтению только исходя из системы письма птолемеевского времени (i. e. Urk. II. 14.3 – cf. Edfou III. 221.6⁴, Urk. II. 17.7 – cf. Edfou III. 118.16⁵); вместе с тем его язык, несмотря на некоторые особенности (например, систематическую инверсию иероглифических написаний *iw* и *r*, объясняющуюся фонетическим совпадением передаваемых ими слов в египетском языке поздней фазы: замена *iw* на *r* – Urk. II. 17.6, 18.10, 18.13, 18.17; замена *r* на *iw* – Urk. II. 15.10, 16.10, 18.6, 20.10)⁶, кажется близким среднеегипетскому, что, по-видимому, объясняется его намеренной торжественной архаизацией.

Составитель нормативной иероглифической транскрипции «Стелы Сатрапа» К.Зете разделил ее основной текст на 11 разделов по тематическому принципу (cf. Urk. II. 12-22: C. Die Hauptinschrift). В то же время, как представляется, текст «Стелы» распадается на две примерно равные части, первая из которых включает датировку и вступительную формулу надписи, панегирик сатрапу Птолемею и описание нескольких важнейших

² Сравнение предложено Р.Бьянки; см.: Bianchi. Op. cit. Рельефы из Бехбейт эль-Хагара – из галереи Уолтерса (Балтимор, США), соответственно №№ 22.201 и 22.200: Steindorf G. Reliefs from the Temples of Sebennytos and Iseion // Journal of the Walters Art Gallery. 1944. Vol. 7. P. 36 ff. (Nos. 3, 7); idem. Catalogue of the Egyptian Sculpture in the Walters Art Gallery. Baltimore, 1946. P. 75, 76; pls. LIV, XLIV (Cat. Nos. 254, 257).

³ Bianchi. Op. cit. Ср. с эллинистическими клепсидрами из Британского музея (BM 933: James T. G. H. An Introduction to Ancient Egypt. L., 1979. P. 124. Fig. 45. P. 190) и из Государственного Эрмитажа (№ 2507: Шолпо Н.А. Два фрагмента египетских водяных часов // ТОВЭ. 1939. Т. 1. С. 158-161. Рис. 1), стелами из египетских коллекций Ватикана (№ 265: Botti G., Romanelli P. Le sculpture del Museo Gregoriano Egizio. C. d. Vaticano, 1951. № 127. P. 83-84, tav. LXII) и музея Guimet (Moret A. Catalogue du Musée Guimet: Galerie Égyptienne (Stèles, bas-reliefs, monuments divers). P., 1909. № 3 49. P. 102-103, pl. XLIV, 49), многочисленными храмовыми рельефами греко-римского времени (см., напр.: Chassinat É. Le temple de Dendara. Le Caire, 1934. Т. 1. P. 6-7, 10-23 et al.; Morgan J. de. Kom Ombos. 1ère partie. Vienne, 1895. (Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Première serie: Haute Égypte. Т. 2). №№ 244-248, 327, 510; p. 216, 354). Cf. Kaplony P. Königsring // LÄ. Bd. III. Sp. 614. О возможной интерпретации этой особенности «Стелы Сатрапа» см. ниже, ссылку 43.

⁴ Fairman H. W. An Introduction to the Study of Ptolemaic Signs and Their Phonetic Values // BIFAO. 1945. Т. 43. P. 98; Valeurs phonétiques des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine. / Fr. Daumas et al.; E. Winter, J. Baines, M.-Th. Derchain-Urtel, D. Kurth. Montpellier, 1988. Т. II. P. 355 (знак J15).

⁵ Valeurs phonétiques... Т. I. P. 243 (знак F537).

⁶ Cf. Wb. I. 42. 12; Vicichl W. Dictionnaire étymologique de la langue copte. Leuven, 1983. P. 37 (s. v. e-).

эпизодов его деятельности в предпоследнее десятилетие IV в. до н.э. (Urk. II. 12.12-15.16). Вторая часть, по сути дела и представляющая собой *raison d'être* «Стелы», описывает посещение Птолемеем храмового центра Пе-Деп, его знакомство с историей передачи местным храмам участка под названием «Земля Уаджит» при фараоне Хаббаше и его конфискации при Артаксерксе III и, наконец, фиксирует решение сатрапа о закреплении этого угодья за храмами Пе-Деп навечно (id. 15.17-22.1). Как правило, в центре внимания исследователей надписи оказывались именно сведения ее второй части, в особенности проблема идентификации и определения времени правления упоминаемых в ней фараона Хаббаша и персидского царя⁷. Между тем именно данные первой части «Стелы» могут послужить основой для ряда наблюдений и выводов относительно того, каким образом воспринимались власть сатрапа Птолемея над Египтом и место этой страны в расколотом на враждующие станы диадохов, но формально все еще едином государстве, созданном Александром.

К числу проблем, возникающих при обращении к первой части «Стелы Сатрапа», относится вопрос о времени ее составления. На первый взгляд, он должен решаться с предельной точностью благодаря наличию в

⁷ Wilcken U. Zur trilinguen Inschrift von Philae. Anhang: Zur Satrapenstele // ZÄS. 1897. Bd. 35. S. 81 ff.; Struwe W. Zur Geschichte Ägyptens der Spätzeit // Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS. Classe des Sciences Historico-Philologiques. 1928. P. 202-212; Kienitz F. K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B. 1953. S. 185-189 (Einzeluntersuchungen und Anlagen: 9: König Chababasch); Hintze Fr. Studien zum meroitischen Chronologie und zu Opfertafeln aus den Pyramiden von Meroc // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften: Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jg. 1959, № 2. S. 17-20 (проблематичное мнение об отождествлении Хаббаша и современника мероитского царя Настасена Кембесудена: ср. Arkell A. J. A History of Sudan to 1821. L., 1961. P. 156; Кацнельсон И. С. Кембесуден и Хаббаш // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 20-24); Swinnen W. Sur la politique religieuse de Ptolémée Ier // Les syncretismes dans les religions grecque et romaine. P., 1973. P. 116-117; Spalinger A. The Reign of King Chabbash: An Interpretation // ZÄS. 1978. Bd. 105. S. 147-152; idem. Addenda to «The Reign of King Chabbash: An Interpretation» // ZÄS. 1980. Bd. 107. S. 87; Ritner R. Khabash and the Satrap Stela: A Grammatical Rejoinder // ZÄS. 1980. Bd. 107. S. 135-137; Huß W. Der rätselhafte König Chababasch // Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. 1994. T. 11. P. 97-117 (новейшее исследование, учитывающее не только данные «Стелы», но и все имеющиеся упоминания данного правителя). См. также, в связи с другими сюжетами «Стелы» и данным источником в целом: Wachsmuth C. Ein Dekret des ägyptischen Satrapen Ptolemaios I. // RM. 1871. Bd. 26. S. 463-472 ff; Струве В. В. Манефон и его время // ЗКВ. 1928. Т. 3. С. 141-146; Тураев Б. А. История древнего Востока. Л., 1935. Т. 2. С. 212; Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., 1950. С. 174, 185; Goedicke. Op. cit. P. 33-54 (отнестись с величайшей осторожностью!); Winnicki J. K. Militäroperationen von Ptolemaios I. und Seleukos I. in Syrien in den Jahren 312-311 v. Chr. (II) // Anc. Soc. 1991. Vol. 22. P. 164-185 (6: Satrapenstele – исключительно подробный и серьезный анализ отразившихся в «Стеле Сатрапа» военных событий, к которому нам предстоит неоднократно обращаться ниже).

тексте стелы датировки первым месяцем Половодья 7-го года царствования Александра IV, сына Александра Великого и Роксаны (Urk. II. 12.12-13.1: *h3t-sp 7-t tpy 3ht hr hm n* [следует полный вариант египетской титулатуры этого правителя] *Trwksidrs*). В то же время понятно, что точное хронологическое соответствие этой датировки может быть установлено лишь при определении начального рубежа пребывания Александра IV в статусе царя Верхнего и Нижнего Египта. Как известно, после смерти Александра Великого царем, стоящим во главе созданной им державы, был провозглашен его брат Филипп Арридей, формальным соправителем которого и преемником по достижении совершеннолетия был объявлен еще не появившийся на свет сын Александра и Роксаны (Plut. Eum. 111; Just. XIII. 4. 3; Curt. X. 6. 5)⁸. В начале нынешнего века рядом египтологов, в т.ч. В.В.Струве, было высказано мнение, что царствование Александра IV в Обеих Землях, годами которого датирован ряд египетских памятников, должно было начаться сразу после его рождения в 323 г. до н.э.⁹; соответственно, содержащаяся в «Стеле Сатрапа» датировка должна соответствовать 317-316 гг. до н.э. Следует, однако, заметить, что египетские памятники времени диadoхов содержат датировки годами царствования не только Александра IV, но и Филиппа Арридея, причем, в полном соответствии с египетской традицией, в каждую отдельную датировку включалось имя лишь одного из этих правителей. Очевидно, что если царствование сына Александра Великого и Роксаны в египетской системе датировки началось в 323 г. до н.э., то на протяжении семи лет вплоть до 317 г. до н.э. (т. е. до убийства Филиппа Арридея) царствования этих двух формальных властителей Обеих Земель должны были перекрываться. Между тем в нашем распоряжении имеются датировки египетских демотических документов, укладываемые в первые семь лет царствования Александра IV (1-й год – P. Loeb 27, 2-й – P. Ryl. 10, 3-й – P. Phil. 2, 6-й – P. BM 10027)¹⁰. Понятно, что интерпретация этих датировок может иметь только два варианта. Первый вариант, исходящий из совпадения первых семи лет формальных царствований Арридея и сына Александра Великого и Роксаны, должен сводиться к предположению, что в течение этого времени египетские памятники и документы датировались произвольно или в зависимости от какого-то малопонятного фактора по годам царствования то одного, то другого из этих двух правителей. Подобное допущение кажется маловероятным

⁸ Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 350. Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. С. 69.

⁹ Spiegelberg W. // *Rec. trav.* 1913. Т. 35. P. 35. Not. 1; Möller G. *Hieratische Paläographie*. Bd. III. Lpz., 1936. S. 9-10 (в связи с датировкой иератического папируса BM 10188 12-м годом Александра IV); Струве. Манефон и его время... С. 142; Jouguet P. *La politique intérieure du premier Ptolémée* // BIFAO. 1930. Т. 30. P. 523.

¹⁰ Pestman P. W. *Chronologie égyptienne d'après les textes démotiques* (332 av. J.-C. – 453 ap. J.-C.). Leiden, 1967 (*Papyrologia lugduno-batava*, 15). P. 13.

как само по себе, так и в свете египетской концепции царской власти, согласно которой в мире не может быть одновременно нескольких легитимных царей Верхнего и Нижнего Египта¹¹. Разумеется, исключением из этого правила оказываются те случаи, когда фараон избирает своего преемника и провозглашает его своим соправителем, то есть по сути дела вторым царем Верхнего и Нижнего Египта, еще при своей жизни. Восприятие египтянами Александра IV в качестве соправителя Арридея при его жизни кажется проблематичным, но, конечно, не может быть исключено категорически. Однако общепринятая практика египетского протокола Нового царства и, скорее всего, позднего времени состояла в том, что в эпохи соправления датировка годами царствования старшего соправителя сохранялась вплоть до его смерти¹². Учитывая, что в рассматриваемой гипотетической ситуации старшим соправителем был бы, без сомнения, Филипп Арридей, возможность отнесения ко времени до его смерти египетских датировок первыми годами царствования Александра IV и совпадения первых семи лет их царствований представляется совершенно исключенной. Следовательно, ближе к истине будет другая интерпретация данных датировок, предполагающая, что царствования Филиппа Арридея и сына Александра и Роксаны не совпадают, а следуют одно за другим и, таким образом, содержащие эти датировки документы относятся ко времени после смерти Арридея. Принимая египетский год, продолжавшийся с 10 ноября 317 по 9 ноября 316 гг. до н.э., за 1 год царствования Александра IV в Египте¹³, легко установить, что точным соответствием датировке первым

¹¹ Здесь и ниже под термином «легитимность» и его производными в связи с египетской религиозно-идеологической концепцией мы имеем ввиду признание происхождения того или иного правителя от брака верховного божества и смертной женщины и, в силу этого, сакрального и универсалистского характера его власти. В источниках это признание проявлялось в развертывании применительно к данному правителю топосов царского культа и, как минимум, в употреблении по отношению к нему термина *nsw-bit* (общепринятый перевод – «царь Верхнего и Нижнего Египта»), обозначающего также царскую власть верховного божества.

¹² Redford D. B. *History and Chronology of the Eighteenth Dynasty in Egypt*. Toronto, 1967. P. 50-51.

¹³ Согласно Диодору, Филипп Арридей был умерщвлен по приказу Олимпиады, а его жена Эвридика покончила с собой в октябре 317 г. до н.э. (Diod. XIX. 17); однако демотический P. Bibl. Nat. 219, относящийся к январю-февралю 316 г. до н.э., все еще содержит датировку очередным 8-м годом царствования Арридея. Лишь в P. Loeb 27, относящемся к апрелю 316 г., появляется датировка 1-м годом Александра IV; очевидно, его формальное провозглашение царем Верхнего и Нижнего Египта состоялось лишь в начале весны 316 г. до н.э. (Pestman. Op. cit. P. 12). Таким образом, последний, 8-й год царствования Филиппа Арридея в египетском летосчислении совпадал с 1-м годом царствования Александра IV. Данные о начале года в египетской летосчислении для интересующей нас эпохи см в издании: Skeat T.C. *The Reigns of Ptolemies*². München, 1969 (MVPAR, 39). P. 9 ff. Заметим, что предложенное нами соответствие в египетских датировках 1-го года царствования Александра IV 317-316 гг. до н.э. под-

месяцем Половодья 7-го года его царствования, которая содержится в «Стеле Сатрапа», окажется ноябрь-декабрь 311 г. до н.э. Заметим, что скорее всего подобная датировка памятника первым месяцем очередного года, то есть его календарным началом, содержит определенную долю условности, в то время как на самом деле составление текста и изготовление «Стелы» могли иметь место ранее.

Переходя к анализу исторического содержания «Стелы Сатрапа», стоит в первую очередь остановиться на тех ее сообщениях, которые имеют вполне отчетливые и узнаваемые параллели в античных источниках. Прежде всего к их числу относятся сведения о военных успехах Птолемея, приходящихся на время его правления в Египте в качестве сатрапа. На наш взгляд, несомненно, что рассказ «Стелы» о победоносном походе Птолемея в Азию (Urk. II. 15.2-10) представляет собой не обобщенную картину его войн в этом регионе в целом, а отражение событий какой-то вполне конкретной военной кампании. В этом смысле весьма показательна содержащаяся в данном фрагменте фраза: «Это был поход, который он совершил с войском его в страну [людей] Хару (то есть в Восточное Средиземноморье¹⁴), когда они воевали (букв. «были на сражении») с ним» (Urk.

тверждается также датировкой грекоязычного P. Eleph. 1, фиксирующей совпадение 7-го года его царствования с 14-м годом сатрапии Птолемея в Египте (т. е. 311-310 гг. до н.э., т. к. она началась в 324-323 гг. до н.э.; cf. Samuel A. E. Ptolemaic Chronology. München, 1962 (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte, 43). P. 13-14). Казалось бы, само наличие этой двойной датировки делает все приведенные нами выше выкладки излишними. Вместе с тем не следует забывать, что данная датировка содержится в грекоязычном документе, в то время как «Стела Сатрапа» – египетский иероглифический текст; следовательно, механическое перенесение хронологического соответствия, установленного первым из этих источников, на второй не было бы корректным.

¹⁴ С помощью топонима *H3r[w]* в египетских иероглифических текстах в сер. II тыс. до н.э. обозначалась по ее первоначальному хурритскому населению область Палестины, по-видимому, вблизи от собственно египетской границы; в дальнейшем, в кон. II – нач. I тыс. до н.э. этот топоним переходит на территорию Палестины и Южной Финикии в целом: Gardiner A. H. Ancient Egyptian Onomastica. Oxford, 1947. Vol. I. P. 181*-182* (No. 567); cf. Griffith F. Ll. Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library. Manchester, 1909. Vol. III. P. 318. Not. 1; Vandersleyen Cl. Les guerres d'Amosis, fondateur de la XVIIIe dynastie. Bruxelles, 1971 (Monographies Reine Elisabeth, 1). P. 149. Not. 4. В демотическом тексте Канопского декрета содержится параллель между египетским обозначением *p3 t3 p3 t3 r3 p3 t3 n3 Hr w* («область Ишер [и] область Хару»; ср. также «декрет Рафии»: Gauthier H., Sottas H. Un decret trilingue en l'honneur de Ptolémée IVème. Le Caire, 1925. P. 36 – 1. 22) и греческим *Συρία καὶ Φοινίκη*; эта параллель приводит Я.К.Винницкого (Winnicki. Op. cit. P. 169-170) к выводу, что *p3 t3 n Hr[w]* в «Стеле Сатрапа» обозначает Финикию как цель похода сатрапа Птолемея. На наш взгляд, следует учесть, что, во-первых, «Стела Сатрапа» представляет собой иероглифический, а не демотический источник (заметим, что в иероглифическом тексте Канопского декрета параллелью к приведенному демотическому топониму оказывается сильно отличающееся от него обозначение *Rtwt t3bt* – «западное Речену»: Urk. II. 131.9);

П. 15.4-5: *šm pw ir.n.f ḥnꜥ mšꜥ f r pꜣ tꜣ n Ḥꜣr[w] wn.sn hr ḥꜣ ḥnꜥ f*); как представляется, в неявной форме она указывает, что противоборство Египта под властью сатрапа Птолемея с обосновавшимися в Азии его противниками продолжается уже длительное время и в данном тексте речь идет лишь об одном из его эпизодов. Учитывая, что «Стела Сатрапа» датируется 311 г. до н.э., а также что незадолго до этого кампания 312 г. до н.э. против Антигона Монофталма и Деметрия Полиоркета принесла Птолемею в союзе с Селевком особенно впечатляющие военные успехи (разгром войск Деметрия в битве при Газе и занятие войсками сатрапа Египта фактически всего Восточного Средиземноморья; Diod. XIX. 80-86; Plut. Dem. 4-5; Just. XV. 1. 6), единственно возможным представляется мнение исследователей, которые видят именно их отражение в рассказе «Стелы»¹⁵. Не исключено, однако, что в его заключительных строках, сообщающих о завершении войны в Азии (Urk. II. 15.9-10), отразились события весенней кампании 311 г. до н.э.; при этом отступление войск Птолемея под ударами пришедшего на помощь Деметрию Антигона (Diod. XIX. 93; Plut. Dem. 6), вопреки реальному положению дел, описывается как победоносное возвращение в Египет с захваченной богатой добычей¹⁶.

За описанием азиатской кампании Птолемея в 312-311 гг. до н.э. в тексте «Стелы Сатрапа» следует еще один фрагмент, по-видимому, также имеющий отчетливые параллели в античных источниках. В нем речь идет о походе египетских войск против области, обозначенной как «рубеж Ирмер-а» (исходя из автографии К. Зетэ; Urk. II. 15.12: *pꜣ tꜣ n Ḥꜣr-mr-ꜣ*). Интер-

соответственно, правомернее было бы интерпретировать данный топоним исходя из его более ранних иероглифических, а не более поздних демотических аналогов. Впрочем, в любом случае зафиксированная птолемеевским источником параллель свидетельствует об одинаковом географическом значении *сочетаний* демотических и греческих топонимов. но отнюдь не обязательно предполагает механическое совпадение между их *составными частями* (в интересующем нас случае между *pꜣ tꜣ n Ḥꜣr* и Φοιῖκη). Исходя из этого, мы предпочитаем видеть в *pꜣ tꜣ n Ḥꜣr[w]* традиционное в иероглифических текстах обозначения Палестины-Южной Финикии, которое, кстати, оптимально соответствует театру военных действий между Птолемеем и Селевком, с одной стороны, и Антигоном и Деметрием – с другой в 312-311 гг. до н.э.

¹⁵ Bouché-Leclercq. Op. cit. T. 1. P. 49. Not. 1. Griffith. Loc. cit. Vandersleyen. Loc. cit. Нам неизвестны какие-либо альтернативные интерпретации данного фрагмента «Стелы». Я.К.Винницкий, называя целью описанного в данном тексте похода Финикию (см. предыдущую сноску), не сомневается, однако, что речь идет именно о кампании 312 г. до н.э. (Winnicki. Op. cit. P. 169).

¹⁶ Cf. Wachsmuth. Op. cit. S. 465, 469. Я.К.Винницкий (Winnicki. Op. cit. P. 173-174) считает весь фрагмент «Стелы», описывающий победоносное завершение азиатской кампании, чистой условностью, восходящей к традиционной стилистике военных надписей фараонов. С этим мнением трудно спорить в том, что касается степени соответствия данного фрагмента «Стелы» исторической реальности; однако неясно, почему основой этого описания нельзя считать вполне реальный факт окончания войны Птолемея и Антигона в Восточном Средиземноморье, пришедшегося на 311 г. до н.э.

претация топонима *Tr-mr-3* оказывается в литературе, посвященной «Стеле Сатрапа», одним из наиболее дискуссионных вопросов, так и не получившим однозначного решения. Первоиздатель «Стелы» Г.Бругш считал возможной этимологическую связь топонима *Tr-mr-3* с античным *Marmarica*; исходя из нее, он видел в данном фрагменте текста описание известного по античным источникам подавления восстания против власти Птолемея киренцев в 313-312 гг. до н.э.¹⁷ Еще одним мотивом интерпретации данного топонима оказалось сходство его написания и фонетики с известным с эпохи Нового царства обозначением области в Нубии *irm* (Wb. I. 116.1)¹⁸; принципиальным аргументом против принятия подобной интерпретации нам кажется полное отсутствие в античных источниках сведений о войнах сатрапа Птолемея к югу от египетских границ. Наконец, в 70-80-е гг. появился ряд мнений о локализации области *Tr-mr-3* в Азии, в пользу чего приводилось сходство данного топонима с азиатскими этнонимами и соображение, что описание похода в данную область не только примыкает в «Стеле» к описанию кампании 312 г. до н.э. композиционно, но и связано с ней территориально и хронологически¹⁹. На наш взгляд, сама многочис-

¹⁷ Brugsch. Op. cit. S. 13. Мнение Бругша было разделено рядом исследователей: Mahaffy. Op. cit. P. 39; Bouché-Leclercq. Op. cit. T. I. P. 49. Not. 1; Urk. II. 15; Kees H. // RE. Bd. XIV. 1930. Sp. 1881-1883; Gauthier H. Les nomes d' Égypte depuis Hérodote jusqu'à conquête arabe. Le Caire, 1935. P. 178-180; Welles Ch.B. The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria // Historia. 1962. Bd. 11. S. 274, Anm. 8; Spalinger A.J. Aspects of the Military Documents of the Ancient Egyptians, Diss. Ann Arbor, 1973 (Univ. Microfilms). S. 214 (cf. Winnicki. Op. cit. S. 170, Anm. 68), Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxford, 1972. Vol. II. P. 12. Not. 28. По сути дела, к подобному же пониманию топонима *Tr-mr-3* склоняются Г.Редер, видящий в нем обозначение Ливии (Roeder. Die ägyptische Götterwelt. S. 102), и Р.Бьянки, истолковывающий его несколько неопределенно как maritime nomes (области на северо-западе Дельты вблизи Александрии и на ливийской границе? Bianchi. Op. cit. Sp. 492). Новейшую аргументацию мнения Г. Бругша можно найти в комментарии к переводу «Стелы Сатрапа» У. Каплони-Хекель: исследовательница указывает на возможное прочтение входящего в написание топонима знака D4 (глаз) как *mrt* и, тем самым, топонима в целом как *Mr-mr-3*, что, как легко понять, очень близко к *Marmarica*: Das Dekret... // Texte aus der Umwelt des Alten Testament. Bd. I. S. 615-616, Anm. 6b; cf. Wb. II. 107 (ссылка У. Каплони-Хекель); Valeurs phonétiques... T. I. P. 148 (знак D83).

¹⁸ О топониме *irm*, с многочисленными вариантами написания и чтения см.: Zibelius K. Afrikanische Orts- und Völkernamen in hieroglyphischen und hieratischen Texten. Wiesbaden, 1972 (Beihefte zum Tübinger Atlas des vorderen Orients. Reihe B. Nr. 1). S. 84 ff. Заметим, что К.Цибелиус не включает в свою сводку случаев употребления данного топонима фрагмент «Стелы Сатрапа», вероятно, исключая возможность упоминания в ней местности в Нубии. См. «нубийскую» интерпретацию топонима *Tr-mr-3* в «Стеле Сатрапа» в работах: Struwe. Op. cit. P. 199. Not. 2; Kienitz. Op. cit. S. 134-135, Anm. 3; Kaplony P. Bemerkungen zum ägyptischen Königntum vor allem in der Spätzeit // CdÉ. 1971. T. 46. P. 257. Not. 1; Swinnen. Op. cit. P. 123. Not. 4.

¹⁹ Х.Гедике (Goedicke. Op. cit. P. 34) отождествлял топоним *Tr-mr-3* с арамеями, Х.-Й.Тиссен – с аморитами (устное сообщение 1986 г.; cf. Winnicki. Op. cit. S. 171), Р.

ленность и примерно равная уязвимость для критики интерпретаций топонима *Ir-mr-3*, основанных на его написании и чтении, возможных египетских, античных и иных параллелях, показывает, что эти возможности для сколько-нибудь уверенного определения его значения исчерпаны и явно недостаточны. Ключевыми же для этой цели моментами должны стать имеющиеся в «Стеле Сатрапа» сведения об обозначаемой этим топонимом области. Прежде всего, мы имеем ввиду само ее определение как «рубежа Ир-мер-а», вызывающее ассоциации скорее с территорией, примыкающей к Египту и едва ли не образующей с ним некое политико-административное единство. Я.К.Винницкий настаивает на том, что употребленный в данном случае термин *tš* лишен специфического значения пограничной области и взаимозаменяем со словом *tš* («страна») ²⁰. Как представляется, против этого говорит не только вполне однозначный перевод данного слова авторами берлинского «Словаря египетского языка» как «граница» (Wb. V. 328), но и его употребление именно в этом значении в других фрагментах «Стелы» (Urk. II. 20.3, 8: *rs.f p3 tš n Pr-W3dt hn^c Wn-nw mh... i3bt [f] p3 tš n Tb-nrt* : «Юг его [угодя *p3-t3-n-W3dt*] – граница [нома] “Дом Уаджит” с Ун-ну северным... восток [его] – граница Севеннитского нома»). Кроме того, как мы уже видели, применительно к Восточному Средиземноморью в «Стеле» употреблено слово *tš*, а не *tš*; в случае их смыслового тождества для составителя данного текста следовало бы, напротив, ожидать употребления на всем его протяжении в одинаковом контексте (в данном случае – при обозначении неегипетских территорий) какого-то одного из них. Далее, «Стела Сатрапа» четко указывает, что поход против «рубежа Ир-мер-а» и увод его жителей в плен носил характер возмездия: «увел он (сатрап Птолемей) войско их (людей *Ir-mr-3*) в качестве мужчин [и] женщин вместе с богом их в качестве возмещения за то, что сделали они против Египта» (Urk. II. 15.16: *in.f mš^c.s[n] m tš^w hmwt hn^c ntr.sn m-isw ir.sn r B3kt*) ²¹. Мысль Я.К.Винницкого о том, что речь идет о

Гивеон и Я.К.Винницкий – с арабами (Giveon R. Les Bédouins Shosou des documents égyptiens. Leiden, 1971. P. 181; Winnicki. Op. cit. S. 179-184). Территориальная и хронологическая «подчиненность» похода в «рубеж Ир-мер-а» по отношению к кампании 312 г. до н.э. наиболее подробно обоснована Я.К.Винницким (Op. cit. S. 168, 175-177).

²⁰ Ibid S. 167, 178.

²¹ На совести Х.Гедике остается абсолютно несостоятельная интерпретация данного отрывка, исходящая из того, что в нем речь идет о приеме людей *Ir-mr-3* сатрапом Птолемеем к себе на службу в качестве наемников, при том что их увод в Египет воспринимается как «вознаграждение» (*isw*) за эту службу: Goedicke. Op. cit. P. 33-34. Эта интерпретация некорректна как с точек зрения как филологии (Гедике не имел оснований рассматривать адвербиальную фразу *r B3kt* в отрыве от непосредственно предшествующей ей глагольной формы *ir.sn* и связывать ее с формой *in.f* двумя строками выше, приходя тем самым к переводу: He brought their army, ...as reward for their doings, to Egypt: cf. idem. P. 33), так и контекста данного отрывка (ему предшествует вполне од-

каком-то из столкновений с арабским населением Синая во время совместного похода Птолея и Селевка в направлении Петры в начале 311 г. до н.э.²², выглядит достаточно проблематично. Во-первых, трудно представить, что составитель «Стелы Сатрапа», не уделив внимания данному походу в целом, стал бы специально упоминать один из его эпизодов. Во-вторых, согласно «Стеле» возмездие «[людям] Ир-мер-а» следует за некий ущерб, нанесенный ими непосредственно Египту, между тем как исходя из предположения Я.К.Винницкого речь может идти только о каких-то выступлениях против войск Птолея и Селевка в Азии. Предположить же какое бы то ни было нападение арабов собственно на северо-восточную границу Египта, учитывая ее традиционную хорошую укрепленность, кажется совершенно невозможным. Между тем сведения «Стелы» об этом походе обнаруживают сходство с обстоятельствами подавления птолемеевскими войсками восстания в Кирене в 312 г. до н.э. По-видимому, можно считать, что область Кирены, в числе других территорий, обозначенных как «Ливия», впервые формально вошла в сферу влияния Птолея при распределении сатрапий после смерти Александра Великого в Вавилоне летом 323 г. до н.э. (cf. Diod. XVIII. 3. 1; Plut. Eum. 3. 2; Nep. Eum. I. 2; Just. XIII. 4. 16)²³; однако реально власть над этой областью сатрапа Египта была установлена лишь после поражения захватившего Кирену спартанца Фиброна (Diod. XVIII. 19. 2 – 21. 8; Arr. Diad. I. 17) птолемеевским военачальником Офеллом из Олинфа ок. кон. 322 – нач. 321 гг. до н.э. (Diod. XVIII. 21. 9; Arr. Diad. I. 17-18; cf. Just. XIII. 6. 20; Marmor Parium. B. 10-11)²⁴. Вслед за этим соглашением 321 г. до н.э. в Трипарадейсе подтверждает власть Птолея над ливийскими территориями; Птолемей прибывает в Кирену (Arr. Diad. I. 19; Marmor Parium. B. 11) и, при сохранении Офелла в качестве своего наместника, гарантирует ей в особой диаграмме права внутренней автономии²⁵. В 313 г. до н.э., как иногда считается, в ответ на

нозначная по своему смыслу фраза: «схватил он их [людей *Ir-mr-3*] в один миг» – Urk. II. 15.13: *it.fsn m 3t wrt*).

²² Idem. S. 176. 179ff.

²³ Шофман. Ук. соч. С. 69.

²⁴ Cf. Thirge J.P. *Res Cyrenensium. Hafniae*, 1828. P. 241-246; Cloché P. *La dislocation d'un empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand (323-281/280 av. J. C.)*. P., 1959. P. 57-59; Will Ed. *La Cyrénaïque et les partages de l'empire d'Alexandre // L'antiquité classique*. 1960. T. 29. Самое новое и подробное монографическое исследование истории античной, в т. ч. раннеэллинистической, Кирены: Laronde A. *Cyrène et la Lybie hellénistique: Lybikai historiai de l'époque républicaine au principat d'Auguste*. P., 1987. (P. 41-48 – chapitre II: La guerre de Thibron: les faites, les sources et la chronologie).

²⁵ Laronde. Op. cit. P. 85-94 (chapitre IV: Ptolémée a Cyrène et la promulgation du *diagramma*). См. некоторые издания и исследования киренской диаграммы: Perri S. *Alcuni iscrizioni di Cirene // APAW. Hist.-phil. Kl.* 1925. Jg. 5. Nr 1. S. 3-18; Sanctis G. de. *La Magna Charta della Cirenaica // Rivista di filologia*. 1928. T. 56. P. 240-249; Fraser P.M. *Inscriptions from Cyrene // Berytus*. 1959. Vol. 12. App. 1. P. 122-127; Hölbl G. *Geschichte*

призыв Антигона к греческим полисам о возвращении себе свободы²⁶, киренцы восстанут против Птолемея (Diod. XIX. 79. 1-3). Их восстание оказывается подавлено весьма энергично и быстро ок. 312 г. до н.э. войском Птолемея во главе со стратегом Агисом, отправившим его инициаторов в Александрию (Diod. loc. cit.)²⁷. На наш взгляд, возможность восприятия Кирены как составной части («рубежа») владений Птолемея и бесспорная доля возмездия в подавлении восстания киренцев (Диодор сообщает о ярости Птолемея при известии об убийстве ими его послов), наряду с совпадением такой детали, как увод пленных или их части в Египет в качестве наказания, в описаниях киренского восстания в античных источниках и похода против *Ir-mr-3* в «Стеле» позволяют отождествить эти события с достаточной уверенностью.

Одно из возражений против отождествления «рубежа Ир-мер-а» с африканскими территориями, будь то в Ливии или в Нубии, состояло в том, что эти земли были слишком удалены от азиатского театра военных действий кампании 312 г. до н.э.; в случае если поход на *Ir-mr-3* следовал за этой кампанией, логично было бы ожидать упоминания «Стелы» о перемещении войск сатрапа Птолемея из Азии в район нового конфликта²⁸. Кроме того, согласно античным источникам, экспедицию против Кирены возглавлял не сатрап Птолемей, а его полководец Агис; тем самым отождествление с нею похода на *Ir-mr-3*, в котором, согласно «Стеле», участвовал лично Птолемей, казалось бы, исключается²⁹. Как кажется, данные аргументы основаны на не вполне верных предпосылках. Как мы покажем подробнее ниже, основной принцип размещения событий в исторической части «Стелы Сатрапа» – это не их хронологическая последовательность, а убывание их важности с точки зрения египетской «аудитории» текста; поэтому особых оснований связывать кампанию 312 г. и поход на *Ir-mr-3* хронологической последовательностью и территориальным единством, на наш взгляд, нет. Описание же в «Стеле» личного участия сатрапа Птолемея в этом походе не следует понимать буквально: оно может быть данью соблюдаемой в данном источнике египетской традиции, согласно которой образ правителя-полководца должен занимать в изображении военных со-

des Ptolemäerreiches: Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Grossen bis zur römischen Eroberung. Darmstadt, 1994. S. 15; Жебелев С. А. Киренская конституция // Доклады АН СССР. 1929. № 5. С. 77-84; Ейне А. Кирено-египетские отношения при первых Птолемеях // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 170-183.

²⁶ Жебелев. Ук. соч. С. 82.

²⁷ Laronde. Op. cit. P. 350, 356, 373 (Not. 5 – мнение французского антиковеда о том, что интересующий нас фрагмент «Стелы» отражает подавление киренского восстания); Hölbl. Op. cit. S. 19; Шофман. Ук. соч. С. 179-180.

²⁸ Winnicki. Op. cit. S. 176-177.

²⁹ Ibid. S. 177. Anm. 97.

бытий центральное место даже вопреки реальности³⁰ (выше аналогичное, хотя и менее разительное отступление от реальности было констатировано в описании триумфального возвращения Птолемея из азиатской кампании с добычей).

Следует сказать несколько слов о характере описания кампаний в Азии и Киренаике в «Стеле Сатрапа»: несмотря на то, что оба относящиеся к ним фрагмента очень невелики, они построены в полном соответствии со знакомой по эпохе Нового царства классической моделью царских военных анналов ([выступление в поход: Urk. II. 15.4, 12]+[триумфальная победа над врагом: Urk. II. 15.6-8, 13]+[возвращение с перечисляемой добычей в Египет: Urk. II. 15.9-10, 14-16]). Традиционные приемы военных анналов фараонов «классического» Египта проявились не только в приписывании в «Стеле Сатрапа» победы военачальника правителя ему лично и стремлении представить неудачную кампанию как победоносную (в случае с отступлением Птолемея из Азии в 311 г. до н.э.; Urk. II. 15.9-10, см. выше)³¹, но и в том, что сам Птолемей оказывается, по существу, единственным образом, присутствующим в описании военных кампаний (как мы видели в сообщении о походе против Кирены, даже вопреки исторической реальности). При этом в рассказе о победах Птолемея подчеркиваются его исключительная личная доблесть и ярость в бою (Urk. II. 15.6-8: *ḳ.f m ḥnw.sn ib.f šḥm mi drd m-ḥt šfnw*: «вторгся он в пределы их (людей хару), [причем было] сердце его сильно подобно ястребу рядом (букв. “после”) с маленькой птицей» – фраза, по-видимому, отразившая впечатления от победы Птолемея и Селевка при Газе; id. 13: *it.f sn m 3t wʿt* «схватил он их (жителей Ир-мер-а) в миг один»; и т. п.), а сами эти победы выглядят как нечто изначально предопределенное. Иными словами, в повествовании «Стелы» о военной деятельности сатрапа Птолемея он занимает то место, которое в традиционных египетских военных текстах принадлежало фактически исключительно фараону.

Легко заметить, что в рассмотренных нами фрагментах «Стелы Сатрапа» (Urk. II. 15.2-10, 12-16) отразились исторические события, происходящие на 312-311 гг. до н.э. Как кажется, на основании этого можно прийти к заключению, что содержание «Стелы Сатрапа» в целом относится к полутора-двум годам, непосредственно предшествующим ее составлению; соответственно, и другие упоминаемые в ней события, не имеющие четких параллелей в античных источниках, должны приходиться на 312-311 гг. до

³⁰ Ср. с изображением участия Тутанхамона в детском и отроческом возрасте в войнах в Сирии и в Нубии на предметах его времени: История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. М., 1988. С. 528.

³¹ Ср. с описанием битвы при Кадеше в знаменитой «поэме Пентаура», вопреки очевидности, как победы египтян над хеттами: Kuentz Ch. La bataille de Kadesh. Le Caire, 1934.

н.э.³² К этим событиям относится возвращение Птолемеем предметов египетского культа, оказавшихся в Азии, по месту их первоначальной принадлежности в египетских храмах (Urk. II. 14.9-11: *in.n.f^chmw n ntrw gm m-ḥnt Styw ḥn^c dbḥw nb[w] b3w R^c nbw nw rw-prw rs mḥyt rdi.n.f sw hr swt.sn* «принес он образы богов, найденные среди Лучников, с утварью всякой, “душами Ра” (священными книгами, cf. Wb. I. 414) всякими, принадлежащими храмам юга [и] севера. Вернул (букв. “дал”) он их на места их»); таким образом, это свершение, впоследствии становящееся общим местом восхвалений эллинистических правителей Обеих Земель³³, впервые встречается нам именно в «Стеле Сатрапа». На наш взгляд, данное сообщение «Стелы» применительно к сатрапу Птолемею может соответствовать действительности, так как в ходе кампании 312 г. до н.э. Селевк Никатор сумел занять не только Месопотамию, но и западный Иран³⁴ с территориями прежних ахеменидских столиц; соответственно, он имел по крайней мере теоретическую возможность передать какие-то обнаруженные там предметы египетского религиозного обихода своему союзнику по борьбе с Антигоном сатрапу Птолемею. Нет сомнения, что культовые предметы, о возвращении которых идет речь в «Стеле Сатрапа», ранее могли быть захвачены только Ахеменидами; соответственно, в этом случае, как и во второй части надписи, повествующей о «реституции» изъятых Артаксерксом III земельных угодий храмов Пе-Деп, Птолемей выступает в качестве праведного правителя, компенсирующего нанесенный египетским храмом во время второго персидского владычества ущерб.

Другим историческим событием, упоминаемым в «Стеле Сатрапа», является перенесение Птолемеем своей официальной резиденции, то есть столицы страны, в Александрию (Urk. II. 14.13-16: *ir.n.f ḥnw.f P3-kdt-n-nsw-bit-Stp-n-R^c-Mry-Imn-s3-R^c-Irwksindrs rn.f ḥr gs w3d-wr H3w-nbw R^c-kdt rn.f*

³² Исключение в этом смысле составляет лишь содержащееся во второй части «Стелы» и выпадающее из нашего подробного рассмотрения в настоящей работе описание ущемления материальных интересов храмов Пе-Деп персидским царем Артаксерксом III.

³³ См. сообщения об аналогичных деяниях царей династии Птолемеев в III в. до н.э.: Птолемея II Филадельфа – в Питомском декрете (Urk. II. 91. 6-11 et sq.), Птолемея III Эвергета – в Канопском декрете (id. 128.11-129.1-3; OGIS 56. I. 10-11) и надписи из Адулиса (OGIS 54. I. 20; cf. Hier. in Daniel. XI. 8; Passoni Dell'Acqua A. *Euergetes // Aegyptus*. 1976. Ap. 56. P. 178-179 – мнение о том, что именно с этим деянием связано наделение данного правителя эпитетом *Ἐβερύετης*), Птолемея IV Филопатора – в демоктическом тексте «декрета Рафии» (Gauthier, Sottas. *Un decret trilingue...* P. 36 – I. 21-23). См.: Lorton D. *The Supposed Expedition of Ptolemy II to Persia* // JEA. 1971. Vol. 57. P. 160-164; Winnicki. *Op. cit.* S. 168; кроме того, Я.К.Винницкий указал на подготовку им специальной статьи о топосе возвращения в Египет культовых предметов в птолемеевских текстах (cf. id. *Anm.* 61: 'Die von den Persern entführten Götterbilder' – для *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*), которая, однако, насколько нам известно, так и не увидела свет.

³⁴ Шофман. Ук. соч. С. 96-97.

hnt[у]: «Сделал он местопребывание свое, “Постройка царя Верхнего и Нижнего Египта Сетеп-ен-Ра Мери-Амона сына Ра Александра” (Александрия) название его, на берегу Греческого моря (букв. “Великой зелени хау-небу”), Ра-кедет (“Постройка Ра”, греч. Ракотис) имя ее преждее»³⁵. В связи с этим уместно вспомнить, что, согласно Тациту, именно Птолемей завершил строительство Александрии Египетской и превратил ее из небольшого форпоста, каким она была при Александре Великом, в настоящий город (Тас. IV. 83: *Aegyptiorum antistites sic memorant, Ptolemaeo regi qui Macedonum primus Aegypti opes firmavit, cum Alexandriae recens conditae moenia templaque et religiones addidit...*). По мнению В.В.Струве, введение Птолемеем среди прочих *religiones* (cf. id. et sq.) почитания Сераписа как местного бога Александрии могло быть связано как раз с перенесением туда столицы³⁶. Водворение Птолемея в самом знаменитом из городов, основанных Александром Великим и носящих его имя, должно было получить особый резонанс в среде греко-македонского населения Египта: на наш взгляд, этот акт мог обозначать прямую преемственность между Александром и Птолемеем, носящую едва ли не династичный характер и существенно большую, чем та, что связывала с великим царем других диадохов. Вместе с тем, как отмечал В.В.Струве, перенесение резиденции сатрапа Египта в Александрию обнаруживает некоторое сходство с основанием столицы или ее перенесением в другой город египетскими фараонами (Джосером – в Мемфис, Аменемхетом I – в Иттауи, Эхнатомом – в Ахетатон, Рамсесом II – в Пер-Рамсес, и т. п.) в ознаменование начала новой династии или нового этапа их царствований³⁷; соответственно, это событие могло быть воспринято подобным образом египетским населением Общих Земель. Отметим, что и возвращая египетским храмам похищенные нечестивыми иноземцами святыни, и основывая новую столицу Египта, Птолемей, как и в военных эпизодах «Стелы Сатрапа», выступает в тех качествах, которые в традиционных египетских представлениях в принципе свойственны только фараону.

В связи с композицией «Стелы Сатрапа» немаловажен вопрос о том, какой принцип определяет последовательность изложения исторических событий в рассматриваемой нами части данного источника. Эта последо-

³⁵ Соотнесение этого события с кампаниями 310-х гг. до н.э. в «Стеле» оказывается основой для его датировки; в то же время конкретные выводы исследователей по этому поводу зависят от того, какие именно военные события и какой принцип расположения исторического материала в целом они находят в «Стеле». Так, П.М.Фрэзер, считая, что этим принципом оказывается хронология событий и видя в описании в «Стеле» азиатского похода сирийскую кампанию 319/318 г. до н.э., относит перенесение столицы в Александрию к 320/319 г. (на наш взгляд, неверно; см. также ниже): Fraser. Ptolemaic Alexandria. Vol. II. P. 12. Not. 28. См. сводку мнений по данному вопросу: Winnicki. Op. cit. S. 169. Anm. 63.

³⁶ Струве. Манефон и его время. С. 142

³⁷ Ср. там же. С. 142-143.

вательность выглядит следующим образом: (1) возвращение Птолемеем из Азии египетских культовых предметов (Urk. II. 14.9-11); (2) перенесение резиденции сатрапа и столицы Египта в Александрию (id. 14.13-16); (3) военная кампания в Азии (id. 15.2-10); (4) подавление киренского восстания (id. 15.12-16). На первый взгляд может показаться, что в основе данной последовательности лежит хронология описываемых событий³⁸; указанием на это можно, в частности, считать вводящее фрагмент, посвященный подавлению киренцев, словосочетание *m-ht nn n...*, буквальным переводом которого будет «после этого» (имеется ввиду азиатская кампания, рассказ о которой непосредственно предшествует данному фрагменту)³⁹. Однако, как мы видели выше, описание азиатской кампании Птолемея в «Стеле», по-видимому, захватывает и события 311 г. до н.э., в то время как античные источники четко привязывают восстание киренцев против Птолемея и его подавление к 313-312 гг. до н.э.; таким образом эти два эпизода вряд ли могли быть восприняты как следующие один за другим. Вынесенное же на первое место в рассматриваемой нами последовательности возвращение Птолемеем египетских культовых предметов было осуществимо лишь в результате его победоносной азиатской кампании в союзе с Селевком и, соответственно, ни в коем случае не могло ей предшествовать. По-видимому, отмеченное нами выражение *m-ht nn n...* следует воспринять не буквально, а метонимически, в смысле «сверх того», «кроме того», и признать, что последовательность освещения исторических событий в первой части «Стелы Сатрапа» основана не на их хронологии, а на каком-то ином принципе. Заметим, что на первом месте в повествовании «Стелы» оказывается свершение Птолемея, подчеркивающее его лояльность к египетским культам и тем самым принципиально важное для его восприятия египтянами как праведного благого правителя; затем следует сообщение об основании новой столицы, по-видимому, открывающем в правлении Птолемея в Обеих Землях новую эпоху; и, наконец, речь заходит о триумфальном и менее значительном военных событиях, в которых проявилась изначально predeterminedенная победоносность Египта и исключительная доблесть его правителя. Иными словами, мы вряд ли ошибемся, предположив, что события, описанные в первой части «Стелы Сатрапа», сгруппированы по принципу убывания их значимости для египетской «аудитории» этой надписи. Подобное наблюдение закономерно приводит нас к выводу о том, что текст «Стелы» появился в результате весьма тщательного составления и редакции применительно к его восприятию египетскими подданными Птолемея; при этом главным моментом в этом восприятии должен был стать сам обрисованный «Стелой» образ Птолемея как идеального правителя Обеих Земель.

³⁸ Murray O. Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship // JEA. 1970. Vol. 56. P. 142. Not. 21; Fraser. Loc. cit.; Winnicki. Op. cit. S. 168.

³⁹ Gardiner A. H. Egyptian Grammar. Oxf., 1957. § 178.

Выше мы уже отмечали, что в изображении Птолемея в тексте «Стелы» присутствуют многие черты, свойственные в египетской идеологической традиции только образу фараона. В максимальной степени эта тенденция прослеживается в предшествующем исторической части надписи фрагменте, который нельзя обозначить иначе, как панегирик Птолемею. Сходство стилистики этого фрагмента с содержащими восхваления фараона «классическими» египетскими текстами совершенно очевидно; весьма любопытно проследить его на примере фактических совпадений между отдельными фразами этого восхваления сатрапа Египта и содержащегося в «Рассказе Синухета» знаменитого панегирика Сенусерту I (Sin. В46-75; разумеется, в этих совпадениях проявляется лишь принципиальная типологическая близость, но не генетическая связь двух текстов). Во вводной фразе панегирика Птолемею говорится, что сатрап Египта – «это юноша, доблестный руками своими (Urk. II. 13.7-8: *s rnp pw kni m gb3wy.f*); cf. Sin. В52: *nht pw grt ir m hps.f* “богатырь это, истинно, совершающий мощной дланью своей”), полезный советом, сильный войском, выносливый [букв. “толстый”] сердцем ...» (Urk. II. 13.11: *wmt ib*; cf. Sin. В58). В сражении Птолемей оказывается «не показывающим [букв. “не дающим”] спину свою» (Urk. II. 13.14: *n rdi s3.f*; cf. Sin. В58: *nnpw pw n rdi.n.f s3.f* «возвращающийся [в бой?] это, который не дает спины своей») и «богатырем» (Urk. II. 14.3: *pr-ʿ...*; cf. Sin. В52); он «точно натягивает... лук, но не стреляет в атакующего издали, а бьется мечом своим в гуще сражения, так что не остается никого подле него» (Urk. II. 14.2: *n hʿ m-h3w.f*; cf. Sin. В65: *di.n.f n spyt* «не оставляет он остатков [своих врагов на поле боя]»). Наконец, завершается панегирик Птолемею весьма знаменательной фразой, утверждающей его личную исключительность: «нет подобного ему ни в Обеих Землях, ни в чужеземных странах» (Urk. II. 14.6: *n mitt.f m t3wy h3swt*). Итак, данный фрагмент, в сочетании с отмеченными нами деталями исторических сообщений первой части «Стелы Сатрапа», не оставляет сомнений в том, что в ее изложении Птолемей оказывается наделен всеми качествами, в политической фразеологии Обеих Земель подобающими легитимному фараону.

Между тем подобная идеологическая тенденция «Стелы Сатрапа» находится в резком противоречии с тем, что формально в этом же тексте легитимным царем Верхнего и Нижнего Египта признается не Птолемей, а Александр IV. Прямым указанием на это служит датировка «Стелы», составленная в соответствии с годом его царствования и содержащая его полностью соответствующую египетскому «протоколу» развернутую пятичленную титулатуру (Urk. II. 12.12-13.2), в то время как сам Птолемей довольствуется несравненно более скромными титулами «правителя великого» (id. 13.5: *wr ʿ3 m B3kt Ptrwmis rn.f*; id. 19.3: *wr pn ʿ3*) и сатрапа (id.

19.7: *Pdrwmys p[3] hšdrpn*)⁴⁰. Само провозглашение Александра IV фараоном предполагало в том числе, по-видимому, и сохранение применительно к нему концепции, сформулированной в свое время в титулатурах Александра Великого, – идеи фиктивного господства Обоих Земель в лице их царя, происходящего из македонской династии, над странами переднеазиатского региона⁴¹. Заметим, однако, что в первую очередь Александр предстает в «Стеле» именно как легитимный царь Верхнего и Нижнего Египта и лишь затем, в известной мере в качестве производной от этого первого статуса, как властитель стран Передней Азии. Единственный фрагмент нашего текста, упоминающий Александра IV в этих качествах – это его вводная часть, содержащая датировку и пояснение, что Птолемей является «правителем великим в Египте», в то время как Александр оказывается «царем в Обоих Землях и чужеземных странах» и находится «среди лучников» (*id. 13.3-5: iw.f m nsw m t3wy h3swt tw hm.f m-hnt Styw tw r wn wr ʕ3 m B3kt Ptrwms rn. f*)⁴². В то же время рассмотренные нами панегирик Птолемею и историческая часть «Стелы Сатрапа», а также оставшаяся вне нашего анализа вторая часть этого источника, в которой Птолемей предстает благочестивым донатором по отношению к храму Уаджит и Хора в Пе-Деп, показывают, что «Стела» явно наделяет сатрапа Птолемея теми качествами и тем антуражем власти, которые в идеологической концепции Обоих Земель мыслимы только для фараона. Свою роль в подобном восприятии сатрапа Птолемея в Египте должно было сыграть то, что именно он был единственным реальным правителем, с которым соприкасались

⁴⁰ Ж.Познер считал возможным сопоставить обозначения как *wr ʕ3* Птолемея в «Стеле Сатрапа» и ахеменидских царей в современных им текстах: Posener G. La régence domination perse en Égypte. Le Caire, 1936 (BdÉ. 11). P. 11. Not. 'p'. На наш взгляд, такая параллель не вполне корректна, т. к. применительно к Ахеменидам этот эпитет всегда указывает на их власть над неегипетскими территориями (надписи статуи Уджахорреснета: *wr ʕ3 nb n h3swt* «правитель великий, владыка чужеземных стран»; Posener. P. 6), иногда употребляясь для перевода персидского титула «царь царей» (стела из Тель эль-Масхута: *p3 ʕ3 wr n n3 wrw*; Posener. P. 55); cf. Grimal N.-Ch. Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIX dynastie a la conquête d'Alexandre. P., 1986. P. 573 (IV [79]). С большей вероятностью данный эпитет Птолемея, безусловно, подразумевает его власть именно над Египтом, можно возвести к обозначению местных правителей Обоих Земель III Переходного периода (Wb. I. 329. 19, со ссылкой в Belegstellen на надпись Пианхи). Египетская транскрипция персидского термина «сатрап» в «Стеле», насколько нам известно, уникальна для иероглифических текстов; среди демотических текстов она предположительно встречается на мемфисском остраконе времени Александра Великого: Smith H.S. A Memphite Miscellany. 1: A Satrap in Memphis // Pyramid Studies and Other Essays presented to I. E. S. Edwards. L., 1989. P. 184-186.

⁴¹ Ладьянин И. А. Египетская царская титулатура Александра Великого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1999. № 2. С. 85-97.

⁴² Роксана и ее сын с момента его формального воцарения в 316 г. до н.э. находились в плену у Кассандра: Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 2. München, 1926. S. 347 (688: 'Ρωξάνη); Шофман. Ук. соч. С. 66.

обитатели Обеих Земель на протяжении формальных царствований над этой страной Филиппа Арридея и Александра IV; в то же время само «несовпадение» упоминаемого в «Стеле Сатрапа» легитимного царя Верхнего и Нижнего Египта и адресата содержащихся в ней и, бесспорно, подобающих царю восхвалений делает ее едва ли не уникальным среди всего комплекса египетских официозных текстов памятником⁴³. Существенно и то, что текст «Стелы» практически полностью исключает восприятие прежней державы Александра как некоего политического единства хотя бы в фиктивном плане. Конфликт Птолемея и базирующегося в Азии Антигона Монофталма изображается в нем не как личное противостояние диадохов, а скорее как война возглавляемых ими стран; при этом владения Антигона обозначаются как «страна [людей] хару» (Urk. II. 15.4: *p3 13 n H3r[w]*) или «Лучники» (Urk. II. 13.4, 14.9: *Styw*; cf. Wb. IV. 328), то есть с помощью традиционных терминов, обозначающих живущие к востоку от Египта и не связанные с ним в культурном либо религиозном отношении народы. Тем самым борьба Птолемея с его противниками из числа диадохов оказывается облечена «Стелой», в форму извечного противостояния Египта и его азиатских противников. Таким образом, идее единства созданной Александром Великим державы в ее своеобразной «египтоцентристской» версии, намеченной во вводной части «Стелы Сатрапа» очень косвенно, в этом же тексте противостоит признание как вполне совершившегося факта ее распада на воспринимающиеся в качестве независимых государств владения диадохов. В их числе есть и находящийся под легитимной сакральной властью сына Александра Великого и Роксаны и фактической властью сатрапа Птолемея Египет в пределах его собственной географической территории и, возможно, некоторых приобретений в Азии, но не всей прежней державы Александра Великого. При этом традиционное представление об априорном превосходстве Египта над чужеземными странами сохраняется в концепции «Стелы» на уровне идеологического топоса (например, в описаниях грандиозных и изначально предопределенных побед Птолемея над его внешними противниками), однако

⁴³ По-видимому, с этой особенностью «Стелы» связано и наличие в ее изобразительной части, рядом с изображениями протягивающего божеству приношения царя, пар пустых картушей. С догматической точки зрения они, безусловно, должны были содержать «солнечное» и личное имена формально легитимного фараона Александра IV; в то же время заполнение картушей этими именами вступило бы в противоречие как с общей тенденцией, так и с конкретным содержанием текста источника (изображение на ее навершии вручения царем богу Хору знака *sh*t представляет собой аллюзию на передачу храмам Пе-Деп угодья «Земля Уаджит», осуществленную, как это подробно описано во второй части «Стелы», сатрапом Птолемеем; cf. Wb. V. 230. 15-17). Таким образом, картуши на навершии «Стелы» могли быть оставлены пустыми совершенно сознательно, чтобы не уточнять, кто именно – сын Александра и Роксаны или все же фактический правитель Египта Птолемей – оказывается, благодаря своим делам, реальным предстоятелем страны перед богами.

более конкретное его воплощение (например, путем воссоздания державы Александра Великого под властью Птолемея) не провозглашается даже в качестве лозунга.

Весьма существенным представляется вопрос о том, имели ли перечисленные представления значение только для египетских подданных Птолемея, которым иероглифическая «Стела Сатрапа» была адресована непосредственно, или также и для его греко-македонского окружения. На наш взгляд, само перенесение на лицо, не являющееся фараоном, тем более при наличии легитимного носителя этого сана, ряда существенных топосов царских восхвалений настолько нетрадиционно для египетской идеологии, исходящей из уникальности царя Верхнего и Нижнего Египта, что с наибольшей вероятностью могло быть инспирировано неегипетской средой. Мотивы этого можно выяснить, обратившись к целям, которые преследовал и, по сути дела, вполне открыто провозгласил Птолемей, ведя с 315 г до н.э. в союзе с Селевком, Лисимахом и Кассандром войну против Антигона. Ставшее основой враждебной Антигону коалиции соглашение между Птолемеем и Селевком было заключено по причине их опасений, что Антигон сумеет восстановить под своей властью реальное единство державы Александра и сведет на нет фактическую автономию территорий, находившихся под управлением сатрапов (Diod. XIX. 56); предъявленный накануне войны Антигону ультиматум союзников содержал требование расширения и гарантии их владений (id. 57). Иными словами, главной целью Птолемея и его сторонников в войне против Антигона было закрепление фактического распада державы Александра на возглавляемые ими обособленные образования. Благодаря отчасти отразившимся в «Стеле Сатрапа» блестящим успехам Птолемея и Селевка в 312 г. до н.э. эта цель казалась как никогда близка; не исключено, что в этот момент союзники рассчитывали добиться и большего, то есть формальной политической независимости своих владений. О том, что подобные надежды мог питать по крайней мере Птолемей, свидетельствует выпуск им с начала войны против Антигона тетрадрахм нового типа, одна из серий которых содержит легенду 'Αλεξάνδρου Πτολεμαίου («александрийская Птолемея») вместо прежней 'Αλεξάνδρου («Александра») ⁴⁴. Как представляется, эта демонстративная чеканка Птолемеем монеты от своего собственного имени, при том что остальные диадохи в это время продолжали воспроизводить еди-

⁴⁴ Kuschel B. Die neuen Münzbilder des Ptolemaios Soter // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1961. Bd. 11. S. 11-14, Taf. 1.5; Fraser. Ptolemaic Alexandria. Vol. 1. P. 11 (по мнению П. Фрэзера, чеканка Птолемеем тетрадрахм от его собственного имени может быть датирована с идеальной точностью благодаря их сходству с тетрадрахмами, чеканившимися в Сидоне во время его занятия египетскими войсками в 312 г. до н.э.); Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander the Great to the Peace of Apamea (336-188 B. C.). Camb., 1991. P. 64; pl. 92 (тетрадрахмы Птолемея с новой легендой), 94 (сидонский чекан).

ный монетный тип эпохи Александра Великого, не может быть понята иначе как претензия сатрапа Египта на статус самостоятельного правителя. Таким же образом можно объяснить и внесение в датировку одного из грекоязычных папирусов (P. Eleph. 1), относящегося к 311-310 гг. до н.э., наряду с годом царствования Александра IV еще и года пребывания самого Птолемея в должности сатрапа⁴⁵. Весьма показательно и зафиксированное «Стелой Сатрапа» перенесение Птолемеем в 312 г. до н.э. своей резиденции в Александрию, по-видимому, как уже упоминалось выше, подчеркивавшее прямую преемственность между великим Македонцем и сатрапом Египта; в связи с этим стоит заметить, что, начиная чеканку монет от собственного имени, Птолемей сохраняет на их аверсе изображение Александра. Реализации притязаний Птолемея в полном объеме помешали военные неудачи – вытеснение Антигоном его из сиро-палестинского региона и Селевка из Вавилонии в 311 г. до н.э. В итоге одним из положений договора, в том же году завершившего войну союзников с Антигоном, стало подтверждение формального единства державы Александра Великого во главе с его сыном (Diod. XIX. 105. 1, XX. 19. 3; OGIS 5 – письмо Антигона жителям г. Скепсиса в Троеде с изложением договора⁴⁶); характерно, что после этого Птолемей на длительное время возвращается к прежней, содержащей имя Александра, легенде своей чеканки и вплоть до своего провозглашения единоличным царем Египта сохраняет датировку документов годами формального царствования Александра V⁴⁷. Вместе с тем договор 311 г. до н.э. привел к фактической реализации если не территориальных, то во всяком случае политических целей противников Антигона, так как закрепил за ними их владения. Выше мы пришли к выводу, что составление «Стелы Сатрапа» пришлось, по-видимому, на время после окончания азиатской кампании 311 г. до н.э.; установить же, имело оно место до или после заключения мирного договора с Антигоном, вряд ли возможно. В то же время констатация в этом тексте фактической независимости Египта под властью сатрапа Птолемея соответствует тому настроению, с которым он и его приверженцы из греко-македонской среды вели войну против Антигона и которое должно было сохраниться и после ее завершения.

Стоит отметить, что события конца 310-х гг. до н.э., завершившиеся мирным договором с Антигоном и в известном смысле «подытоженные» в «Стеле Сатрапа», по-видимому, воспринимались и в дальнейшем в птолемеевском Египте как начальный момент его самостоятельной истории. На это указывает существование в государстве Птолемеев в III-II вв. до н.э. употреблявшейся при датировке монет особой системы летосчисления (по

⁴⁵ Cf. Samuël. Ptolemaic Chronology. P. 13-14; см. также выше, ссылку 13.

⁴⁶ RC. № 1. P. 3-12; StV. Bd. III. №. 428. S. 40-44.

⁴⁷ См. литературу, указанную в ссылке 44; Samuel. Op. cit. P. 3 ff.; Pestman. Op. cit. P. 12-13.

обозначению О.Буше-Леклерка, «эры Лагидов»), исходной точкой отсчета которой был именно 311-310 гг. до н.э.⁴⁸ Вопреки мнению И.Свороноса и О.Буше-Леклерка⁴⁹, этой точкой вряд ли послужило убийство Кассандром Александра IV и Роксаны: не говоря о том, что новейшие интерпретации источников (Diod. XIX. 105. 2; Just. XV. 2-3; Paus. IX. 7. 2) аргументированно относят это событие к более позднему времени (310 или 309 г. до н.э.)⁵⁰, оно само по себе не повлекло немедленных принципиальных изменений ни в фактическом положении вещей на территории прежней державы Александра, ни в статусе диадохов⁵¹. Более вероятно, что весь цикл событий, финалом которого стал мирный договор 311 г. до н.э., был воспринят в целом как этап, на котором новый статус Египта как независимого государства в рамках восходящей к деятельности Александра Великого политической традиции был продекларирован и фактически достигнут⁵². Понятно, что этот процесс был неотделим от превращения сатрапа Египта в самостоятельного единоличного правителя, и в связи с этим весьма существенно «повышение статуса» Птолемея, которое наблюдается в перенесении на него ряда аспектов образа легитимного фараона в «Стеле Сатрапа». Вряд ли мы ошибемся, сказав, что подобная идеологическая тенденция должна была соответствовать одной из стадий (причем, скорее всего, не самой ранней) подготовки провозглашения царского статуса Птолемея, которое состоялось спустя несколько лет после составления «Стелы».

Подводя некоторый итог нашим наблюдениям над текстом первой части «Стелы Сатрапа», можно сказать, что основное внимание ее составителей было сконцентрировано на событиях 312-311 гг. до н.э., по существу, непосредственно предшествовавших ее созданию. С точки зрения чистой фактографии этот источник добавляет к нашим знаниям об исто-

⁴⁸ Svoronos J. N. Les monnaies de Ptolémée II qui portent dates // RNB. An. 1901. P. 55 ff. (non vidi); idem. Die Münzer der Ptolemäer / Τα νομισματα του κρατους των Πτολεμαίων. IV. Band: Deutsche übersetzung des I. Bandes. Beiträge von F. Hultsch, K. Regling etc. Ergänzungen. Indices. Athen, 1908. S. 122-124 (Nr. 848-853. Taf. XXVI. 1-10); 187-189 (Nr. 1089-1112, Taf. XXXIII. 5-23); 233-235 (Nr. 1202-1214, Taf. XXXVIII. 6-15); 248-250 (Nr. 1215-1228, Taf. XXXVIII. 15-28). Bouché-Leclercq. Op. cit. T. 1. P. 54. Not. 3; p. 265. T. 2. P. 383.

⁴⁹ Svoronos. Die Münzer der Ptolemäer. S. 122, 124. Bouché-Leclercq. Op. cit. T. 1. P. 54. Not. 3

⁵⁰ Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia. Vol. III: 336-167 B. C. Oxf., 1988. P. 164-167; Hölbl. Op. cit. S. 20.

⁵¹ Как известно, «год царей», на протяжении которого диадохи принимают царские титулы и тем самым окончательно рвут с идеей единства державы Александра Великого, приходится на 306-305 гг. до н.э.: Самохина Г. С. Об одном эпизоде из истории диадохов: «Год царей» и его политические итоги // Античная древность и средние века. Свердловск, 1988.

⁵² Ср. с этапным значением в политической традиции Селевкидов занятия Вавилона, Месопотамии и западного Ирана Селевком Никатором в 312 г. до н.э., ставшего точкой отсчета «эры Селевкидов»: cf. Diod. XIX. 86. 4-5; 90-92; Шофман. Ук. соч. С. 97.

рии Египта в предпоследнем десятилетии IV в. до н.э. сравнительно немного (собственно говоря, только сведения о перенесении Птолемеем ок. 312-311 гг. до н.э. своей резиденции в Александрию и о возможном возвращении в страну ряда египетских культовых предметов). В то же время весьма важна идейная направленность этого иероглифического текста, которая, несмотря на его явную адресованность египетской «аудитории», в значительной мере зависела от настроений в греко-македонском окружении сатрапа Египта и актуальной для него ситуации в борьбе Антигона. Несмотря на фрагментарное сохранение идеи единства прежней державы Александра Великого, в целом «Стела» исходит из того, что ее распад уже состоялся, и рассматривает возникшие в его результате образования (владения Птолемея и азиатскую сферу влияния Антигона) как совершенно разные и традиционно противостоящие друг другу государства. При этом формальное признание легитимным царем Верхнего и Нижнего Египта сына Александра Великого и Роксаны сочетается в «Стеле» с подчеркнутым перенесением на сатрапа Птолемея значительной части традиционно-идеологического антуража власти фараона. Подобное восприятие фактического правителя Египта следует оценивать в контексте одновременных других демаршей (введения сатрапом Египта нового типа монетной чеканки, внесения им своего властного статуса в формулу датировки и перенесения столицы страны в Александрию), призванных, по-видимому, подчеркнуть независимость владений и властного статуса Птолемея. Эти демарши и, вероятно, в еще большей степени закрепление в результате войны с Антигоном фактической самостоятельности раннеэллинистического Египта позволили в дальнейшем рассматривать именно конец предпоследнего десятилетия IV в. до н.э. в качестве начального рубежа истории государства Птолемеев.

I.A.Ladyinin

The Satrap Stela: Dating and the Interpretation of its Historical Part (Urk. II. 12.12-15.16)

The Satrap Stela is an important late Middle Egyptian hieroglyphic source on a certain period of Ptolemy's satrapy in Egypt (late 310s BC). Its study seems important and rather topical since its contents is scarcely known to most Russian students of the early Ptolemaic period. The Stela is dated to Year 7, 1st month of Inundation, of Alexander IV: the parallels for this dating in demotic and Greek papyri shows that it corresponds to November-December 311 BC. The first part of the text which is in the spotlight of the article (Urk. II. 12. 12-15. 16) describes the events of 312-311 BC immediately preceding its compilation. These events are: the return by Ptolemy from Asia of the Egyptian cult objects seized by the Persians before; the transfer of his residence and the

capital to Alexandria; the military campaign in Asia against Antigonos and Demetrios; the punitive expedition against 'the frontier of *Tr-mr-3*' (most probably the region of Cyrena). The sequence of the events in the text is determined not by their chronology but by their respective importance for an Egyptian reader. The description of these events in the Stela gives the idea of Egypt as not a part of the empire created by Alexander the Great but an independent state; the war against Antigonos is described as a part of Egyptian conflict with Asia traditional since the Pharaonic epoch. Despite the formal recognition of Alexander IV as a legitimate Pharaoh, the satrap Ptolemy is assigned in the Stela most Pharaonic virtues: he is a mighty and victorious warrior and a benevolent protector of Egyptian temples. This ideological tendency of the Stela must have been greatly defined by the mood of Ptolemy's Graeco-Macedonian entourage during the late period of his war against Antigonos and probably after its end. This mood was the desire to provide for the ultimate independence of Ptolemaic Egypt within the political tradition coming back to the deeds of Alexander the Great. Except the Satrap Stela the same trend can be traced in Ptolemy's introducing a new type of coins about mid-310s BC (at the start of the war against Antigonos; coin legend 'Αλεξάνδρειον Πτολεμαίου - 'the Alexandrian one of Ptolemy' - instead of the former 'Αλεξάνδρου - 'of Alexander [the Great]'), dating some official documents (P. Eleph. 1) to the years of not only the reign of Alexander IV but also the satrapy of Ptolemy, the transfer of the Egyptian capital to Alexandria. Later on the same period (specifically 311-310 BC) must have been perceived as a starting point of the Ptolemaic Egypt's independent existence (in the so-called 'Lagides' era' used in dating the coins under Ptolemies II to V).

А.С.Балахванцев
Селевк II Каллиник и Парфия

В истории ранней Парфии много спорных вопросов: какая из версий происшедших событий - Трога - Юстина или Арриана - Синкелла - лучше отражает историческую реальность; каковы характер и хронология отпадения парфян от державы Селевкидов и некоторые другие¹. Однако в отношении похода Селевка II против Аршака I среди исследователей царит практически полное единодушие. Уже в работах середины - второй половины XIX в. была нарисована следующая картина: Селевк II, укрепив свои позиции на Западе, двинулся в поход против Парфии; поначалу он имел успех и даже заставил вождя парфян Аршака бежать к апасиакам, но затем парфянам все же удалось разбить Селевка², которому, из-за вновь возникших волнений, пришлось вернуться домой, а Парфия утвердила свою независимость³.

¹ См. Wolski J. L'historicité d'Arsaces I // *Historia*. 1959. Bd. 8 Ht. 2. S. 222-238; Neusner J. Parthian Political Ideology // *IA*. 1963. Vol. 3. P.40-59; Кошеленко Г.А. Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском ostrake № 1760) // *История и культура народов Средней Азии*. М., 1976. С.31-37; Musti D. Syria and the East // *САН*. Ed. II. 1984. Vol. VII (1). P. 219-220; Wolski J. Quelques remarques concernant la chronologie des débuts de l'Etat parthe // *IA*. 1996. Vol. 21. P. 167-178.

² В прошлом веке многие ученые (см.например: Gardner P. *The Parthian Coinage*. L., 1877. P.4.) считали, что Селевк II был не только разбит парфянами, но и попал к ним в плен. Эта версия основывалась на сохранившемся у Афиней фрагменте из Посидония (*Athen*. IV.153 A) и на наличии на аверсе поздних монетных серий Селевка II бородастого царского изображения. Однако свидетельство Посидония относится не к Селевку II, а к старшему сыну Деметрия II Никатора и будущему царю Сирии Селевку V, плененному Фраатом II в 129 г. до н.э. (Stähelin F. *Seleukos (7)* // *RE*. 1921. 2 Reihe. Hlbd. 3. Sp. 1245). Что же касается утверждения П.Гарднера, согласно которому бороду носили только те селевкидские цари, которые побывали в парфянском плену, то оно справедливо лишь применительно к Деметрию II. Напротив, Деметрий III Эвкер, как это видно по его монетным изображениям (Newell E.T. *Late Seleucid Mints in Ake-Ptolemais and Damascus*. N.Y., 1939. Pl. XIV. 115, 116, 119, 123, 126, 127; Pl. XV.128, 130), носил бороду еще до того, как попал в плен к Митридату II. Последовательное применение теории П.Гарднера приводит к анекдотичному выводу, будто Деметрий III, словно предчувствуя свою печальную судьбу, начал отпускать бороду заблаговременно.

³ См. Дройзен И.Г. *История эллинизма*. М., 1893. Т.3. С. 230; Rawlinson G. *The Sixth Great Oriental Monarchy or the Geography, History and Antiquities of Parthia*. L., 1873. P. 48-49; Gutschmid A. *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden*. Tübingen, 1888. S. 34; Niese B. *Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea*. Gotha. 1899. Bd. II. S.166; Bevan E.R. *The House of Seleucus*. L., 1902. Vol. I. P. 289; Bouché-Leclercq A. *Histoire des Séleucides*. P., 1913. T.1. P.109; Stähelin F. *Seleukos (II)* // *RE*. 1921. 2 Reihe. Hlbd.3. Sp.1239; Debevoise N.C. *A Political History of Parthia*. Chicago-London, 1969. P.12-13; Newell E.T. *The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III*. N.Y., 1938 (далее - ESM). P.202-203; Bickerman E. *Notes on Seleucid and Parthian Chro-*

Различия среди сторонников данной концепции заключаются лишь в нюансах: если одни датируют поход Селевка 238-237 гг. до н.э.⁴, то другие относят его к 232-228 гг. до н.э.⁵ По-разному ученые определяют и основную причину, заставившую Селевка II отказаться от продолжения борьбы за Парфию: у одних это - восстание Стратоники в Антиохии⁶, у других - вторжение Антиоха Гиеракса в Месопотамию⁷. Некоторые исследователи связывают коронацию Аршака I в Асаке с результатами победоносного для парфян сражения с Селевком II⁸; другие это отрицают и относят коронацию к 247 г. до н.э. - первому году эры Аршакидов⁹. Но убеждение в том, что в целом поход Селевка II потерпел неудачу, является *loco communi* практически для всех авторов, высказывавшихся по данному вопросу.

Однако уже В.Тарн обратил внимание на одно место у Полибия, согласно которому в 217 г. до н.э. в составе армии Антиоха III в битве при Рафии принимали участие даи (Polyb. V. 79. 3). Английский историк сделал из этого вывод, что вплоть до 217 г. до н.э. Селевкиды имели доступ к

nology // Berytus. 1944. Vol. VIII (2). P. 82; Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Halle, 1948. Bd. II. S.18-19; Массон М.Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // История Туркменской ССР. Ашхабад, 1955. Т.1. С.78; Бокшанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1960. Ч.1. С.186-187; Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С.181-182; Schmitt H.H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964. S.63; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323-30 av.J.C.). Nancy, 1966. Т.1. P.278; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 246-247; Ghirshman R. L'Iran des origines à l'Islam. P., 1976. P. 215; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 267; Schippmann K. Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980. S.19; Bivar A.D.H. The Political History of Iran under the Arsacides // CHIr. 1983. Vol.III (1). P.28-29; Musti. Op.cit. P.213; Gardiner-Garden J.R. Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians. Bloomington, 1987. P.18; Зеймаль Е.В. Греко-Бактрия. Парфия (III-II вв. до н.э.) // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. 1. С. 344.

⁴ Дройзен. Ук.соч. С. 197; Niese. Op.cit. S. 166; Массон. Ук. соч. С. 78; Бокшанин. Ук.соч. С.86.

⁵ Tarn W.W. The Struggle of Egypt against Syria and Macedonia // САН.1928. Vol. VII. P. 722; Debevoise Op. cit. P. 13; Altheim. Op. cit. S. 19; Wolski J. Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft im Iran in 3. Jahrhundert v. Chr. (1947) // Der Hellenismus in Mittelasien. Darmstadt, 1969. S. 251.Anm.152; Schippmann. Op. cit. S. 19; Gardiner-Garden. Op. cit. P. 18; Зеймаль. Ук. соч. С. 344.

⁶ Gutschmid. Op.cit. S. 34; Niese. Op. cit. S. 166; Tarn W.W. Parthia // САН. 1932. Vol. IX. P. 576; Altheim. Op. cit. S. 19; Ghirshman. Op. cit. P. 215.

⁷ Bevan. Op. cit. P. 289. Not. 4; Бокшанин. Ук. соч. С. 187. Прим. 93.

⁸ Bickerman. Op. cit. P. 82; Кошеленко Г.А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 213-214; Gardiner-Garden. Op. cit. P. 18.

⁹ Wolski. Der Zusammenbruch... S. 253-254; Schippmann. Op. cit. S. 17; Frye R.N. The History of Ancient Iran. München, 1983. P. 208. Not. 13.

дахам¹⁰. Впоследствии к мнению В.Тарна присоединился Х.Шмитт¹¹. Й.Вольский пошел дальше и предположил, что в результате своего похода Селевк II сделал Аршака вассалом и заставил его поставлять воинские контингенты в селевкидскую армию¹². Но интерпретация Й.Вольского была поддержана только Ж. Ле Ридером¹³. Другие ученые подвергли это предположение критике¹⁴, и, в конце концов, сам Й.Вольский от него отказался, признав в своей последней монографии, что даи участвовали в битве в качестве простых наемников¹⁵.

Итак, точка зрения на даев, участвовавших в битве при Рафии, как на наемников, имеет довольно длительную историю и широкое распространение¹⁶. Однако насколько она обоснована? Во-первых, Полибий вовсе не называет даев наемниками, хотя в других местах своего труда (Polyb.V. 36. 3; 53. 3; 63. 8; 65. 4; 79. 9) он отнюдь не игнорирует эту категорию воинов, употребляя по отношению к ним термины ξένοι или μισθοφόροι. Во-вторых, еще Э.Бикерман заметил, что Селевкиды всегда имели в своем распоряжении многочисленную конницу и легковооруженную пехоту, но постоянно испытывали недостаток в тяжеловооруженных гоплитах¹⁷. Непонятно, для чего в таком случае Антиоху III могло понадобиться нанимать одну-две тысячи легковооруженных даев? Но если бы такая необходимость и возникла, то гораздо проще было пригласить большее число арабов, живущих рядом с театром военных действий, чем посылать вербовщиков за Гирканское море.

В-третьих, даже если предположить, что даи - это все-таки наемники, то каким же образом они могли попасть в армию Антиоха III? Гипотеза В.Тарна о селевкидском контроле над юго-восточным побережьем Каспия, в сущности, ничего не объясняет. Действительно, именно переселение одного из племен дахской конфедерации - парнов во главе с Аршаком - на берега Оха (Сумбара - Атрека) и последующий захват ими селевкидской сатрапии Парфияны положили начало Парфянскому государству¹⁸. Есте-

¹⁰ Tarn. Parthia... P. 576.

¹¹ Schmitt. Op. cit. S. 64.

¹² Wolski. Der Zusammenbruch... S. 245, 251. Anm. 152.

¹³ Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes. P., 1965. P. 299. Not. 3.

¹⁴ Schmitt. Op. cit. S. 63. Anm. 1; Bar-Kochva B. The Seleucid Army. Cambr., 1976. P. 49; Frye. Op. cit. P. 210-211.

¹⁵ Wolski J. L'empire des Arsacides. Louvain, 1993. P. 71. Not. 17.

¹⁶ См. также: Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. P., 1949. T.1. P. 586; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. I. P. 607; Foulon É. Contribution à une taxinomie des corps d'infanterie des armées hellénistiques // EC. 1996. T. 64. P. 332. Not. 52.

¹⁷ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 66.

¹⁸ О более ранней истории даев (дахов) см. Балахванцев А.С., Немировский А.А. Дахи от Дария до Аршака: нарративная традиция и археологический контекст // VI Чтения памяти профессора В.Д.Блаватского. Тезисы докладов. М., 1999. С. 10-12.

ственно, что даи-парны не могли попасть к Антиоху III без согласия их вождя Аршака. Но как мог Аршак позволить своим соплеменникам стать селевкидскими наемниками? Вождь парнов, осмелившийся вторгнуться в Парфию лишь после поражения Селевка II под Анкирой в 238 г. до н.э., хорошо понимал, что любое усиление Селевкидов на Западе неизбежно создает для него угрозу; напротив, их неудачи в Келесирии и Малой Азии развязывают ему руки для новых территориальных захватов.

Единственное разумное объяснение в данной ситуации может быть следующим: Аршаку пришлось послать своих воинов в армию Антиоха III или, что гораздо менее вероятно, разрешить ему набирать наемников в Парфии. Поскольку Аршак действовал явно против своих собственных интересов, то естественно сделать вывод о существовании соответствующего договора между Аршаком и Селевкидами и о вассальной зависимости первого от последних. Когда же мог быть заключен такой договор?

Первые годы правления Антиоха III вплоть до битвы при Рафии были заполнены борьбой с восставшим мидийским сатрапом Молоном и войной с Птолемеем IV за Келесирию. Военно-политические интересы старшего брата и предшественника Антиоха, Селевка III, были целиком сосредоточены в Малой Азии¹⁹. Остается предположить, что такой договор мог быть подписан только в результате восточного похода Селевка II около 230 г. до н.э.

Таким образом, в нашем распоряжении оказываются две версии результатов похода Селевка II против Парфии. На первый взгляд, концепция безрезультатности восточной кампании Каллиника выглядит более основательно: ее сторонники основываются на скупых строчках эпитомы Трога (Just. XLI. 4. 9- 5. 1), замечании Страбона (Strabo. XI. 8. 8), сообщении Исидора Харакского (Isid. Char. Mans. Parth. 11) и подкрепляют данные нарративных источников нумизматическим материалом. Следует, однако, заметить, что в арсенале логических построений, выстраиваемых с целью доказать провал похода Селевка II, имеются аргументы весьма разного достоинства: как достаточно веские, заслуживающие самого серьезного рассмотрения, так и явно надуманные, противоречащие очевидным фактам. Но история науки показывает, что самый незначительный аргумент тотчас приобретает статус самого серьезного и даже неопровержимого, если оставить его без внимания. Поэтому для того, чтобы подтвердить или опровергнуть господствующую точку зрения, необходимо разобрать все ее составляющие.

Начнем с нумизматики. Еще 60 лет назад Э.Т.Ньюэлл отметил сходство между первыми, как он полагал, аршакидскими монетами и выпуска-

¹⁹ Данные нумизматики позволяют сделать предположение о том, что Селевк III готовился также к возобновлению войны с Египтом за Келесирию. См. Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336-188 B.C.). Cambr., 1991. P. 115.

ми одного селевкидского монетного двора, предположительно отождествленного им с Гекатомпиллом и прекратившего свою работу в правление Селевка II. По мнению исследователя, это сходство получает свое объяснение, если парфянские монеты были выпущены в Гекатомпиле после того, как он стал столицей Парфянского царства, в продолжение и в подражание предыдущей селевкидской чеканке²⁰. Данная гипотеза была активно поддержана В.Тарном, однако самого Э.Т.Ньюэлла продолжали одолевать сомнения²¹. Он так и не смог сделать окончательный выбор между Гекатомпиллом и Артакоаной в Арее. Тем не менее, «гекатомпильский» вариант локализации утвердился в нумизматической литературе²² и стал еще одним подтверждением версии Юстина о победе Аршака над Селевком II.

Однако насколько вообще обосновано помещение данного монетного двора к востоку от Тигра? В своих рассуждениях Э.Т.Ньюэлл исходил, во-первых, из того, что грубое изображение и вогнутая поверхность реверса монет «гекатомпильского» двора сближает их с драхмами первых парфянских царей до Митридата II и с монетами ранних царей Персии. Во-вторых, три монеты, выпущенные на этом дворе (две драхмы Антиоха II и одна - Селевка II) происходят из коллекций, составленных в Персии, а еще две (тетрадрахмы Селевка II) были присланы из Бомбея. В-третьих, в легенде одной тетрадрахмы Селевка II присутствует лунарная *сигма* (ESM. № 735), а на двух драхмах того же царя (ESM. № 736, 737) - лунарный *эпсилон*. При этом Э.Т.Ньюэлл обратил внимание на присутствие лунарных *сигмы* и *эпсилона* в легендах монет, выпущенных Селевком I в Бактрах, и сделал вывод, что раннее и настойчивое повторение курсивных форм для определенных букв на восточных монетах Селевкидов составляет дополнительный сильный аргумент для такого же восточного происхождения монет исследуемой группы. В-четвертых, голова Антиоха I на «гекатомпильских» монетах (ESM. № 727, 728) по стилю и общему характеру имеет тесную связь с портретами на одновременных выпусках Экбатан и Бактр²³.

По поводу данных рассуждений можно заметить следующее. Во-первых, сходство портрета Антиоха I на монетах «Гекатомпила» и других восточных монетных дворов абсолютно ничего не доказывает: один и тот же штемпель аверса мог употребляться на совершенно различных дво-

²⁰ ESM. P. 256. Not. 14.

²¹ Newell E.T. The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. N.Y., 1941 (далее - WSM). P. 34-35. Автор подчеркивает, что монеты Селевка II не могли появиться после 226 г. до н.э., а сопоставляемые с ними парфянские - раньше 200 г. до н.э.; поэтому нет необходимости делать вывод, что они чеканились на одном и том же монетном дворе.

²² Кошеленко Г.А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ.1968. № 1. С. 55, 60-62; Mørkholm.Op.cit. P.118. Последний, впрочем, именует гекатомпильский монетный двор «до некоторой степени загадочным».

²³ См. ESM. P. 252-253.

рах²⁴. Во-вторых, грубый стиль реверса вовсе не является восточной монополией: сам Э.Т.Ньюэлл отмечает грубое изображение на оборотной стороне монет (WSM. № 1002-1009), битых в Антиохии при Селевке II²⁵. В-третьих, курсивные формы в монетных легендах попадают не только на восточных, но и на западных дворах. Примером может служить курсивная *omega* на тетрадрахмах Антиоха Гиеракса (WSM. № 1571) из Александрии в Троаде²⁶. Кроме того, нет никаких оснований говорить о «раннем и настойчивом повторении курсивных форм» применительно к практике восточных монетных дворов Селевкидов. Три отмеченных Э.Т.Ньюэллом случая нельзя считать тенденцией²⁷. Действительно, курсивные формы в бактрийском чекане после Селевка I исчезают и появляются вновь только два века спустя²⁸. В-четвертых, решающее значение для установления места чеканки и обращения монет имеет сфера их распространения, которая определяется благодаря регистрации монетных находок и точной фиксации мест, откуда они происходят. Монеты «гекатомпильского» двора находят на территории Фракии²⁹, в древности они свободно обращались в таких западнопонтийских центрах, как Каллатис³⁰. Однако наиболее точную информацию по данному вопросу сообщают монеты из кладов³¹. На сегодняшний день известно, что так называемые «гекатомпильские» моне-

²⁴ Mørkholm. Op. cit. P. 18-19. В.К.Голенко (Монетное дело и денежное обращение в раннеселевкидском государстве. Дис... канд. ист. наук. М., 1989. С. 336, 347) высказывает такое же мнение применительно именно к «гекатомпильскому» монетному двору, объясняя сработанность штемпелей лицевой стороны тем, что они были изготовлены в центральных мастерских, а затем, отработав определенный срок, были отправлены в провинцию.

²⁵ WSM. P. 125. Pl. XXIII. 12-15. Заметим, что у двух монет (№ 13, 15) реверсы очень похожи на «гекатомпильские». Аналогичные случаи отмечает и О.Мёркхольм (Op. cit. P. 124 - Сарды, P.127 - временный монетный двор). Автор объясняет это тем, что «в периоды спешки и затруднительных обстоятельств со стилем могут происходить странные вещи».

²⁶ WSM. P. 337. Pl. LXXIII. 7-8.

²⁷ Употребление курсивных форм в легендах монет Селевка I, очевидно, объясняется тем, что к делу были привлечены непривычные к такой работе местные резчики. Аналогичное объяснение замены *эпсилона* на *сигму* в титуле ΒΑΣΙΛΕΩΣ тетрадрахм того же Селевка I (WSM. № 1244) из Марафа в Келесирии дает В.К.Голенко (Монеты ранних Селевкидов в собрании Государственного Исторического Музея // ВДИ. 1985. № 1. С. 51).

²⁸ Так, лунарная *сигма* изредка появляется в выпусках бронзы Антиалкида (Voreagachchi O. Monnaies Greco-Bactriennes et Indo-Grecques. P., 1991. P. 279); курсивная *omega* - в аналогичных выпусках Никия (ibid. P. 312). О систематическом употреблении курсивных форм можно говорить только начиная с чекана Зоила II (ibid. P. 365-367).

²⁹ Русева Б. Монети на първите Селевкиди в древна Тракия. Единични екземпляри // НС. 1993. № 1-4. С. 7.

³⁰ В Эрмитаже (ГЭ. Инв. № 18782) хранится «гекатомпильская» драхма Селевка II с надчеканкой Каллатиса. См. Голенко. Монетное дело... С. 346-347.

³¹ См. Mørkholm. Op.cit. P.20-21.

ты обнаружены только в кладах, зарытых в Малой Азии³², Северной Финикии³³ и Северной Сирии³⁴. Также весьма показательным выглядит полное отсутствие «гекатомпильских» монет селевкидского времени в таком относительно хорошо изученном в нумизматическом плане городе, как Сузы³⁵. Наконец, в составе знаменитого клада из Бужнурда, зарытого сравнительно недалеко от Гекатомпила ок. 209 г. до н.э., нет ни одной «гекатомпильской» монеты.

Кроме Э.Т.Ньюэлла, связь между так называемыми «гекатомпильскими» монетами и самыми ранними аршакидскими выпусками попытались обосновать публикаторы и первые исследователи уже упоминавшегося выше Бужнурдского клада³⁶. Во-первых, они отметили наличие заметно вогнутого реверса как у монет Аршака II (типы 5 и 6)³⁷, так и у селевкидских экземпляров с «гекатомпильского» двора. Во-вторых, М.Абгарианц и Д.Сэллвуд обратили внимание на то, что *каппа* в монетной легенде первых аршакидских выпусков имеет странную форму: ее вертикальная гаста превышает габариты строки, а это, по мнению авторов, находит параллели только в эмиссиях «Гекатомпила» при Селевке II.

Однако оба эти довода бьют мимо цели. Действительно, если бы монеты, о которых ведется дискуссия, были выпущены на одном и том же «гекатомпильском» монетном дворе, то наибольшее сходство должно было бы наблюдаться между чеканкой Селевка II и первыми эмиссиями Аршака I (типы 1-4), чего на самом деле нет. Что же касается размеров вертикальной гасты *каппы*, то здесь все далеко не так просто: у большинства опубликованных Э.Т.Ньюэллом «гекатомпильских» монет Селевка II (ESM. № 734, 736, 737, 744, 745) *каппа* по размерам больше остальных букв, но совпадает с *ипсилоном*, а в одном случае (ESM. № 735) *каппа* даже меньше *ипсилон*. К тому же аналогичная картина - *каппа* и *ипсилон* больше остальных букв - наблюдается и на других монетных дворах Селевка II, например, в Нисибисе³⁸. Впрочем, и сами авторы, в конце концов, приходят к выводу, что монеты Аршака I (типы 1-4), возможно, были вы-

³² IGCH. № 1369 (тетрадрахма Антиоха I), 1406 (тетрадрахма Селевка II), 1450 (тетрадрахма Антиоха I).

³³ IGCH. № 1530 (две тетрадрахмы Антиоха II).

³⁴ Coin Hoards. L., 1975. Vol. I. № 74 (драхма (?) Селевка II).

³⁵ См. Le Rider. Op.cit. P. 234-235.

³⁶ Abgarians M.T., Sellwood D.G. A Hoard of Early Parthian Drachms // NC⁷. 1971. Vol. 11. P. 109-112.

³⁷ Здесь и далее типы парфянских монет указаны по: Sellwood D.G. An Introduction in the Coinage of Parthia. L., 1980.

³⁸ Mørkholm. Op. cit. № 356. Очевидно, что *каппа* доставляла резчикам наибольшие трудности потому, что до начала правления Селевка II эта буква уже более тридцати лет не использовалась в легендах селевкидских монет.

пущены в Нисе (Митридатокерте), и лишь монеты его сына Аршака II (типы 5 и 6) - в Гекатомпиле (?)³⁹.

Все это вместе взятое приводит нас к заключению, что даже в действительности существующие черты сходства между первыми аршакидскими выпусками и продукцией одного из неизвестных селевкидских монетных дворов чисто случайны. Наряду с ними имеются и существенные технические и стилистические различия. Во-первых, на «гекатомпильских» монетах Селевка II соотношение осей аверса и реверса никогда строго не фиксируется, а у всех раннеаршакидских драхм из Буджнурдского клада оно всегда $\uparrow\uparrow\pm 15^\circ$ ⁴⁰. Во-вторых, реверс первых парфянских монет обнаруживает значительное сходство с оборотной стороной выпусков только Селевка III и Антиоха III (Аршак с луком в руке, сидящий на стуле влево - Аполлон с луком в руке, сидящий на омфале влево), но никак не Селевка II. Дело в том, что у последнего на подавляющем большинстве монетных дворов, в том числе и на «гекатомпильском», господствующим типом реверса драхм и тетрадрахм был не сидящий (как у его предшественников и преемников), а стоящий рядом с треножником Аполлон; сидящий Аполлон, в виде исключения, встречается лишь в Экбатанах и на неизвестном монетном дворе, расположенном где-то в Сирии или Месопотамии⁴¹.

Следовательно, у нас нет оснований считать, будто местом выпуска монет, о которых идет речь, был Гекатомпил. Естественно, что и прекращение чеканки Селевка II на этом неизвестном дворе никак не было связано с захватом Гекатомпила парфянами⁴².

Теперь перейдем к уже упоминавшемуся сообщению Исидора Харакского о коронации Аршака I в Асааке. Тридцать лет назад Г.А.Кошеленко весьма убедительно доказывал, что оно хорошо подтверждается данными нумизматики, а именно, выпуском Аршаком I драхм с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ⁴³. Однако после находки клада из Буджнурда стало ясно, что Аршак I чеканил лишь драхмы с греческой легендой ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ (типы 1 и 2)⁴⁴ и греко-арамейской ΑΡΣΑΚΟΥ *krny* (типы 3 и 4)⁴⁵. Драхмы с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ начинает выпускать только Митридат I (тип 9)⁴⁶. Таким образом, информация Исидора Харак-

³⁹ Abgarians, Sellwood. Op. cit. P.115, 117.

⁴⁰ Ibid. P. 109.

⁴¹ WSM. P. 389.

⁴² Скорее всего, этот монетный двор следует отнести к одному из тех малоазийских центров к западу от Тавра, которые были утрачены Селевком II вследствие восстания Антиоха Гиеракса.

⁴³ Кошеленко. Некоторые вопросы... С. 64-65.

⁴⁴ Sellwood. Op. cit. P. 20-22.

⁴⁵ Ibid. P. 23-24.

⁴⁶ Ibid. P. 32.

ского не только не подтверждается нумизматическим материалом, но и полностью ему противоречит. Как и в чью пользу можно разрешить данное противоречие?

Предположение о том, что Аршак I был провозглашен царем, но никак не отметил это на своих монетах, выглядит абсолютно беспрецедентным и невероятным. Действительно, из диадохов после 306-305 гг. до н.э. только Антигон Монофтальм, считая себя единственным законным наследником Александра Македонского, сохранил прежний александровский тип чеканки и не поместил на монетах своего имени с царским титулом⁴⁷. Но все остальные диадохи, принимавшие царский титул в противовес Антигону и в знак своей полной от него независимости, сразу же отразили этот важнейший политический шаг в своих эмиссиях⁴⁸. Даже Деметрий Полиоркет последовал в этом отношении примеру не своего отца, а его соперников⁴⁹. Таким же образом вели себя и правители малых эллинистических государств - Митридат I Понтийский⁵⁰ и Ариарат III Каппадокийский⁵¹: принимая царский титул, они стремились немедленно сообщить об этом миру посредством монет. Единственным исключением является Аттал I Пергамский, сохранивший и после 236 г. до н.э. на своих монетах имя Филетера⁵². Однако аналогия между Атталом и Аршаком совершенно неуместна: если первый действовал так явно из пиетета перед памятью первого представителя династии Атталидов, то у Аршака явно не было причин испытывать такое же уважение к *своему* старому титулу «избранный военачальник».

В сообщении Исидора Харакского вызывает сомнение и еще одна деталь: вечный огонь, который, по мнению Г.А.Кошеленко, был возжен в момент коронации⁵³. Возжигание вечного огня в честь коронации царя является одной из примечательных черт зороастризма. Однако в культуре завоевателей-парнов, известной нам исключительно по погребальному об-

⁴⁷ Mørkholm. Op.cit. P.61. Противоположное мнение: Hammond N.G.L., Walbank F.W. A History of Macedonia. Oxf., 1988. Vol. III. P. 174-175.

⁴⁸ Mørkholm. Op.cit. P. 60 (Кассандр и Лисимах), P. 65 (Птолемей), P. 71 (Селевк).

⁴⁹ Ibid. P.78.

⁵⁰ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 45, 48. Напротив, О.Меркхольм (Op. cit. P. 131) относит эти монеты к Митридату II.

⁵¹ Mørkholm. Op.cit. P. 131-132.

⁵² Ibid. P. 129.

⁵³ Кошеленко. Царская власть... С. 214-215. Однако из текста вовсе не следует, что огонь был возжен в момент коронации Аршака I; «...φυλάττεται ἐν ταῦθα πῦρ ἀθάνατον» означает только, что вечный огонь хранился в Асааке во времена Исидора Харакского.

ряду даев⁵⁴ и монетным изображениям⁵⁵, влияние зороастризма или иранизма практически не ощущается⁵⁶. Попытки ряда исследователей⁵⁷ отыскать это влияние по меньшей мере спорны. Поэтому упоминание о существовании коронационного храма огня в Парфии в III в. до н.э. выглядит настоящим анахронизмом. Гораздо логичнее отнести возникновение этого храма к рубежу II-I вв. до н.э., когда влияние иранизма в парфянской государственной идеологии резко возрастает. Именно тогда Митридат II принимает ахеменидский титул «царь царей», и формируется еще не известная источникам Помпея Трога легенда о происхождении Аршакидов от Ахеменидов⁵⁸.

Ввиду вышеизложенного следует сделать решительный выбор в пользу свидетельства монет самого Аршака I и отказать в доверии сообщению Исидора Харакского, информация которого о событиях уже далекого для него парфянского прошлого основывается лишь на местных слухах и преданиях, а не на строго документированных фактах.

⁵⁴ См. Мандельштам А.М. Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 174.

⁵⁵ См. Раевский Д.С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 83-84; Frye. Op. cit. P. 211. Not. 25.

⁵⁶ Естественно, что это утверждение не распространяется на покоренное партами местное население. в культуре которого вполне могли сохраняться традиции ахеменидской эпохи.

⁵⁷ Так, Е.В.Зеймаль (Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. Т.47. С.47-48) считает, что изображение лучника, сидящего на троне-дифросе, на реверсе самых ранних аршакидских серий было заимствовано с оборотной стороны монет ахеменидского сатрапа Киликии Датама (378-372 гг. до н.э.). Но у нас нет никаких доказательств того, что монеты Датама обращались в ранней Парфии, к тому же между монетами Датама и Аршака существуют значительные отличия: Датам сидит вправо, Аршак - влево; в руках у Датама стрела, у Аршака - лук; над Датамом парит Ахурамазда в виде крылатого диска, над Аршаком нет ничего подобного. Единственная сходная черта - трон, но и он мог быть с минимальной переработкой заимствован с драхм александровского типа, обнаруженных в Буджнурдском кладе (Abgarians, Sellwood. Op.cit. Pl. 20: A/a, A/g, E/a). См. также: Schlumberger D. Parthian Art // CHGr. 1983. Vol. III (2). P. 1030.

Й.Вольский (L'empire...P. 68-70), опираясь на «феномен употребления арамейской легенды», говорит о тенденции, которая, по его мнению, доминировала в политике Аршакидов: оппозиция эллинизму и опора на ахеменидское прошлое. Но, как нам кажется, четыре арамейские буквы на двух (из шести) типах раннеаршакидских монет являются слишком шатким основанием для столь важного вывода.

⁵⁸ См. Neusner. Op. cit. P. 45-48; Кошеленко. Греческий полис...С. 266 -267. Прим. 5.

Итак, Аршак I никогда не имел царского титула⁵⁹. Но что могло помешать основателю Парфянского государства провозгласить себя царем? В эллинистическую эпоху принятие царского титула было всегда следствием победы над бывшим сюзереном или царственным соперником и выражало идею полного суверенитета⁶⁰. Но в таком случае отсутствие царского титула говорит нам о том, что хотя Аршак и добился независимости, никакой победы над своим соперником Селевком II он не одержал⁶¹.

Данный вывод позволяет усомниться в справедливости категоричного замечания Юстина о победе Аршака над Селевком II (Just. XLI. 4. 9), тем более, что оно полностью противоречит свидетельству Страбона о победе Селевка II и бегстве Аршака к апасиакам⁶². Исследователям, прибегающим к контаминации этих двух источников, приходится либо предполагать помощь Аршаку со стороны апасиаков⁶³ или Диодота II⁶⁴, либо объяснять отступление Селевка II «*novis motibus in Asiam*» (Just. XLI. 5. 1). К «союзникам» Аршака мы еще вернемся, а пока разберем, что могло заставить Селевка II вернуться назад. Прежде всего заметим, что упоминание Юстином Азии полностью исключает вариант с восстанием Стратоники в Антиохии: в эпитоме Помпея Трога под «Азией» всегда понимается или часть света, или только Малая Азия, но ни в коем случае не Сирия⁶⁵. К тому же нет никаких доказательств того, что восстание Стратоники произошло во время парфянского похода Селевка II⁶⁶.

⁵⁹ Неоднократные заявления Юстина о том, что Аршак стал царем (Just. XLI. 2. 1; 5. 5, 7, 8), заслуживают доверия не больше, чем Исидор Харакский. К тому же Юстин обращается с термином «царство» слишком свободно, именуя так селевкидскую сатрапию Гирканию (XLI. 4. 8). Свидетельство Полибия о наличии в гирканском городе Тамбрак дворца (Polyb. X. 31. 5), вопреки мнению Г.А.Кошеленко (Некоторые вопросы...С. 57), еще ничего не говорит о статусе Аршака: во-первых, дворец мог принадлежать одному из ахеменидских или селевкидских царей (Diod. XVII. 78. 4; Arr. Ind. 39. 3); во-вторых, хозяином βασιλεία мог быть и сатрап (Xen. Anab. I. 2. 7, 4. 10; IV. 4. 7). См. также: Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley - Los Angeles, 1993. P. 82. Следует обратить внимание и на то, что Полибий нигде не именует Аршака II царем (Polyb. X. 28-29).

⁶⁰ Bickerman. Op. cit. P. 77; Кошеленко. Царская власть...С. 214-215.

⁶¹ Сомнения в победе Аршака: Tarn. Parthia...P. 576; Le Rider. Op. cit. P. 322. Not. 3; Ghirshman. Op. cit. P. 215; Wolski. L'empire... P. 68.

⁶² См. Дройзен. Ук. соч. С. 230; Frye. Op. cit. P. 168.

⁶³ Rawlinson. Op. cit. P. 48.

⁶⁴ Bickerman. Op. cit. P. 82.

⁶⁵ Наиболее отчетливо это видно в следующих местах: Just. XXXI. 7. 8; XXXVI. 4. 1; XLI. 4. 7; XLII. 4. 7.

⁶⁶ Судя по тому, что выступление Стратоники никак не отразилось на работе антиохийского монетного двора (WSM. P. 120-129), оно носило явно эфемерный характер. Кроме того во всей истории со Стратоникой есть одно совершенно непонятное обстоятельство: Иосиф Флавий, опираясь на свидетельство Агафархида (Jos.С. Arion. I. 207), указывает, что после провала мятежа Стратоника бежала из Антиохии в Селевкию Пиерию, где была схвачена и казнена. Получается, что в этот момент Селевкия принад-

Остается Антиох Гиеракс⁶⁷. Могло ли его вторжение в Месопотамию (Trog. ProI. 27) заставить Селевка II принять решение о срочном возвращении домой? События в Малой Азии, одновременные парфянскому походу Селевка II, разворачивались следующим образом: после своего поражения от Аттала I у Афродисия ок. 230 г. до н.э. Антиох Гиеракс удалился в Вифинию, царство своего тестя Зиела, и оставался там до смерти последнего в 229 г. до н.э. В том же году Гиеракс вторгся со своей армией в Северную Мизию (Геллеспонтскую Фригию), но уже зимой 229 г. до н.э. он был разбит Атталом I. Весной 228 г. до н.э. пергамская армия нанесла Антиоху новое поражение в Лидии, а зимой того же года - в Кари⁶⁸. Поход разбитого наголову Гиеракса через всю Малую Азию и его вторжение в Месопотамию в этих условиях кажутся абсолютно невероятными⁶⁹. Гораздо более приемлемой выглядит версия Евсевия, который датирует первым годом 138 Олимпиады (228/7 г. до н.э.) поражение Антиоха Гиеракса в Кари⁶⁸, его побег во Фракию и наступившую там смерть. При этом Евсевий ни словом не упоминает о вторжении Антиоха в Месопотамию (Euseb.

лежала Сирии. На этом основании Б.Низе (Op.cit. Bd. II. S. 168) даже предположил, что после восстания Стратоники должна была разразиться новая война между Лагидами и Селевкидами, в ходе которой последние и потеряли Селевкию. В действительности же Селевкия Пиерия была захвачена Птолемеем III еще во время Третьей Сирийской войны и оставалась под египетским контролем до 219 г. до н.э. (WSM. P. 188; Mørkholm. Op. cit. P. 114). Очень странно, что люди Селевка II могли столь свободно действовать на чужой территории, не спровоцировав при этом войну с Египтом.

⁶⁷ В свое время Э.Т.Ньюэлл (WSM. P. 229-230) предполагал, что Селевк II был вынужден вернуться из парфянского похода из-за вторжения Антиоха Гиеракса в Килилию, но впоследствии О.Меркхольм (Op. cit. P.124) установил, что серия монет Антиоха, отнесенная Э.Т.Ньюэллом к Тарсу, на самом деле была выпущена в Сардах.

⁶⁸ См. Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. II. P. 738-739. Not. 24.

⁶⁹ Иногда (Дройзен. Ук. соч. С. 233; Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н.э. Казань. 1980. С. 136) сообщение Помпея Трога пытаются подкрепить свидетельством Полиена (Polyaen. IV. 17), повествующего о борьбе полководцев Селевка II Ахей Старшего и Андромаха против Антиоха Гиеракса в Месопотамии. Однако нам известно, что Андромах вплоть до 220 г. до н.э. томился в египетском плену (Polyb. IV. 51. 1). По обоснованному предположению У.Вилькена (Wilcken U. Achaïos (3) // RE. 1893. Hlbd.1. Sp. 206; Мищенко Ф.Г. Примечания к четвертой книге // Полибий. Всеобщая история. СПб., 1994. Т. 1. С. 409), Андромах и его отец Ахей Старший в результате неудачных для них боевых действий попали в плен к Антиоху Гиераксу, который выдал их своему фактическому союзнику Птолемею III. Пленение и выдача Ахей и Андромаха египтянам не могут быть датированы 228-226 гг. до н.э., так как в этот период отношения между Антиохом Гиераксом и Птолемеем III резко обострились (Just. XXVII. 3. 9-10). Скорее всего, отец и сын попали в руки Антиоха еще до завершения «Войны братьев», т.е. до 238 г. до н.э. Не следует ли в связи с этим отнести вторжение Антиоха Гиеракса в Месопотамию к начальному этапу этой войны (241-240 гг. до н.э.)? С последней датой полностью согласуется и упоминание Полиеном союзника Антиоха, армянского царя Арсама, умершего ок. 230 г. до н.э.

Chron. I. 251. Schoene = 119 Karst). Версия Евсевия хорошо согласуется с нумизматическими данными, из которых следует, что Селевк II в 228-226 гг. до н.э. захватил бывшую столицу Антиоха Гиеракса Сарды и возобновил там свою чеканку⁷⁰. Таким образом, на поход Антиоха Гиеракса в Месопотамию просто не остается времени.

Прежде чем вынести окончательное суждение о сравнительной ценности информации, сообщаемой нам Трогом - Юстином и Полибием по данному вопросу, необходимо заметить следующее: упоминание Полибием даев в составе армии Антиоха III в битве при Рафии тем более важно, что оно носит случайный, непредумышленный характер. Действительно, трудно вообразить, будто Полибий выдумал участие даев для того, чтобы косвенным образом польстить Селевку II, царствование которого осталось за рамками его труда.

Другое дело - Трог. В литературе уже неоднократно отмечался тот факт, что, излагая события раннепарфянской истории, эпитома передает официальную традицию, и в этом заключается ее ценность⁷¹. Однако к историческим источникам, как и к людям, вполне применима расхожая фраза: «Их недостатки являются продолжением их достоинств». Именно официальный характер версии, передаваемой Трогом - Юстином, предопределяет то обстоятельство, что история в ней предстает такой, какой ее хотели видеть правящие круги Парфии, а факты учитываются в той степени, в которой они не противоречат желаемому. Совершенно естественно, что в официальной истории Аршак I, основатель династии Аршакидов и Парфянского государства, просто не мог потерпеть поражение. Он, как и жена Цезаря, должен был быть выше всяких подозрений.

Кроме этого, необъективному освещению результатов похода Селевка II в труде Юстина благоприятствовало еще одно обстоятельство. Дело в том, что Юстин, весьма склонный к морализации, любил «нагромождать» то на одного, то на другого эллинистического правителя всевозможные бедствия и напасти⁷². Именно таким правителем, «игралом судьбы» (Just. XXVII. 2. 5), выступает в эпитоме Помпея Трога Селевк II. Он терпит бесконечные поражения от Птолемея III и Антиоха Гиеракса, буря уничтожает его флот, а в конце жизни Каллиник даже теряет свое царство и становится изгнанником⁷³. Ввиду этих обстоятельств необходимо прийти

⁷⁰ Mørkholm. Op.cit. P. 124.

⁷¹ Bickerman E. The Parthian Ostrakon № 1760 from Nisa // Bibliotheca Orientalis. 1966. J. XXIII. №. 1-2. P.16; Кошеленко. Генеалогия...С. 31; Wolski J. Untersuchungen zur frühen parthischen Geschichte // Klio. 1976. Bd. 58. S. 456; Gardiner-Garden. Op. cit. P.13.

⁷² Соколов Ф.Ф. Афинское постановление в честь Аристомеха Аргосского // Труды Ф.Ф.Соколова. СПб., 1910. С. 217-222. Ср. Will. Op. cit. P. 230, 268.

⁷³ Уместно также заметить, что при сокращении труда Помпея Трога эпитоматор допускает многочисленные ошибки. Одним из наиболее вопиющих ляпсусов является фигура царя Эвмена Вифинского (Just. XXVII. 3.1, 5-6), сконструированная Юстином

к заключению, что данные Юстина о поражении Селевка II в войне с парфянами не заслуживают никакого доверия.

Как же разворачивались события в действительности? На основе произведенного выше анализа источников и полученных нами промежуточных выводов можно нарисовать следующую картину: после поражения под Анкирой в 238 г. до н.э. Селевк II круто изменил направление своей внешней политики. Предоставив Антиоху Гиераксу, Атталу I Пергамскому и галатам истреблять силы друг друга в изнурительной борьбе за Малую Азию, Каллиник ок. 232 г. до н.э. выступил в поход против Аршака, который успел уже к тому времени захватить не только Парфиену, но, если здесь можно доверять Юстину, и Гирканию, а также заключить мирный договор с бактрийским царем Диодотом II (Just. XLI. 4. 8-9). Однако Аршак все-таки был разбит Селевком, потерял захваченные земли и бежал к апасиакам (Strabo. XI. 8. 8), жившим, как указывает Полибий (X. 48. 1), к северу от Окса (Узбоя)⁷⁴.

Тем не менее рассчитывать на помощь апасиаков Аршаку не приходилось, так как вероятно, что именно из-за борьбы с последними парнам пришлось в середине III в. до н.э. уйти из Восточного Прикаспия в долину Оха (Just. XLI. 1. 9)⁷⁵. Положение Аршака становилось критическим. Он вполне мог разделить судьбу Спитамена, убитого теми, у кого тот думал найти спасение (Агг. Апаб. IV. 17. 7). Диодот II вовсе не собирался спешить на помощь своему незадачливому союзнику: ведь весь смысл договора с Аршаком заключался для бактрийского царя в том, чтобы чужой кровью защитить себя и свое царство⁷⁶. Но при этом и Селевк II не мог долго задерживаться в Парфиене: на Западе, как мы уже видели, складывались благоприятные условия для возобновления борьбы за Малую Азию. Уйти без закрепления своей победы Каллиник тоже не мог, и поэтому он пошел на заключение весьма выгодного для себя договора с Аршаком, разрешив последнему вернуться в Парфиену⁷⁷, но взамен потребовал от него признать вассальную зависимость и поставлять воинов в селевкид-

фигура царя Эвмена Вифинского (Just. XXVII. 3.1, 5-6), сконструированная Юстином из двух царей: пергамского - Эвмена и вифинского - Зиела. К сожалению, этот предшественник подпоручика Киже действует на страницах работы Е.В.Зеймаля (Греко-Бактрия... С. 344) словно реальное историческое лицо.

⁷⁴ См. Frye. Op.cit. P. 207; Gardiner-Garden. Op.cit. P. 18-20, 40-43; Пьянков И.В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж.Р. Гарднер-Гардена) // ВДИ. 1994. № 4. С. 205-206.

⁷⁵ См. Балахванцев А.С. Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 154-155; Балахванцев, Немировский. Ук. соч. С. 11.

⁷⁶ Утверждение Э.Бикермана (Notes... P.82) о помощи Аршаку со стороны Диодота II не только голословно, но и противоречит тексту Юстина, который подчеркивает, что договор с Диодотом лишь избавлял Аршака от угрозы с востока.

⁷⁷ Представляется крайне сомнительным, чтобы в такой ситуации Селевк II позволил Аршаку удержать за собой и Гирканию с Гекатомпиллом.

скую армию. В честь своей победы Селевк II выпустил в Экбатанах (ESM. № 562-565) серию монет, на реверсе которых было помещено характерное оружие кочевников: лук в горите и колчан со стрелами⁷⁸. Парфяне были вынуждены соблюдать условия этого договора вплоть до поражения Антиоха III в битве при Рафии. Только тогда Аршак I отложился от державы Селевкидов и в знак своей полной независимости стал чеканить собственную монету⁷⁹. Но поскольку независимостью Аршак был обязан победе Птолемея IV, а не своей собственной, царский титул на его монетах так и не появился.

A.S.Balakhvantsev

Seleucus II Kallinicus and Parthia

Nowadays most scholars believe, that the campaign of Seleucus II against Parthia in 232-230 BC failed. However the analysis of Polybius' evidence (Polyb. V. 79. 3) makes us conclude that Dahi in the army of Antiochus III were by no means mercenaries. They took part in the battle of Raphia according to a certain treaty between Arsaces I and Seleucus II, and the vassal relationship the former entered into with the latter. One should bear in mind that quite occasional Polybius' tidings are beyond any suspicion in being tendentious, and thus seem to be most trustworthy.

The analysis of the sources that base the dominating point of view leads us to the following conclusions.

The Seleucid mint, which E.T. Newell suggested to locate in Hecatompylos, was, in fact, much farther to the West, probably, in Asia Minor. And because of that, one can't possibly associate Seleucus II cease from coinage at that mint and the Parthians seize Hecatompylos.

⁷⁸ Характерно, что на «гекатомпильском» монетном дворе ничего подобного осуществлено не было (ESM. P. 251-252), хотя Селевк II, возвращая под свою власть тот или иной город, никогда не упускал случая отметить это выпуском особой серии монет. См. ESM. P. 78 (Селевкия на Тигре), WSM. P. 122 (Антиохия), Mørkholm. Op. cit. P. 124 (Сарды). Данное обстоятельство еще раз подтверждает тот факт, что «гекатомпильский» монетный двор в эпоху Селевкидов находился отнюдь не в Гекатомпиле.

⁷⁹ В отличие от бронзы, выпуск золотой и серебряной монеты являлся знаком безусловной независимости. См. Бикерман. Ук. соч. С. 197; Seyrig H. Trésor monétaire de Nisibe // RN. 1955. T. 17. P. 126. Not. 44; Le Rider. Op. cit. P. 322. Not. 5; Ben-David A. When Did the Maccabees Begin to Strike their First Coins? // PEQ. 1972. № 4. P. 94. Попытка Р.Фрая (The History... P. 238. Not. 121) опровергнуть этот тезис ссылкой на серебряный чекан фратаракос Персии явно неудачна, т.к. ни время правления этой династии, ни характер ее взаимоотношений с Селевкидами не могут пока быть точно определены. См. Schmitt. Op. cit. S. 46-50; Sellwood D.G. Minor States in Southern Iran // CHIr. 1983. Vol. III (1). P. 302; Colledge M. Greek and non-Greek Interaction in the Art and Architecture of the Hellenistic East // Hellenism in the East. Berkeley-Los Angeles, 1987. P.150; Mørkholm. Op.cit. P.73-74,119.

The evidence of Isidorus of Charax (Isid. Char. Mans. Parth.11) on the coronation of Arsaces II in Asaak definitely contradicts numismatic data, as Arsaces I is never named King in the coin legends. In the Hellenistic times the King's title could be given only for some victory in the battles against a former sovereign or any royal rival. As Arsaces I had no royal appellation, one can obviously conclude, that though he managed to gain some independence, he never defeated Seleucus II.

The invasion of Antiochus Hierax into Mesopotamia (Trog. Prol. 27) cannot be either assigned to 228-226 BC, or supposed to quicken the returning of Seleucus II from the Parthian campaign. Taking in consideration the reports, given by Strabo on the escape of Arsaces to Apasiacs (Strabo. XI. 8. 8), and those, given by Trogus/Justin, who never left a room for Arsaces' defeat in his most official version of early Parthian history, and bearing in mind that Justin craved for dooming all Hellenistic rulers to any adversities, calamities and troubles imaginable, one comes to a conclusion that Justin's data on the defeat of Seleucus II in the war with the Parthians are by no means trustworthy.

This is how the actual course of events could be reconstructed. About 232 BC Seleucus II started a campaign against Arsaces, defeated him and made him flee. Arsaces had to sign a peace treaty with Kallinicus. According to that treaty the chieftain of Parni was allowed to come back to Parthiæna. In return he had to admit the Seleucid sovereignty and pledge himself to send his warriors to the Syrian army. The Parthians had to follow the conditions of the treaty up to the moment of the crush of the Antiochus III in the battle of Raphia. Only then Arsaces I came off the Seleucid power, and started silver coinage to mark his independence.

В.И. Кащеев

**Страница из дипломатической истории начала II в. до н.э.
Порядок формирования греческого посольства
по данным декрета в честь Гегесия (Syll.³ 591)**

В 196 г. до н.э., уже после поражения македонского царя Филиппа в войне с римлянами, произошли события, существенно повлиявшие на характер межгосударственных отношений в Восточном Средиземноморье. Римская политика в отношении греческих государств, которую последовательно проводил Тит Квинкий Фламинин, принесла первые важные плоды. На общеэллинских Истмийских играх была провозглашена свобода и автономия эллинских полисов. Глашатай объявил буквально следующее: «Римский сенат и Тит Квинкий, полководец с консульской властью (στρατηγὸς ὑπάτος), победив в войне царя Филиппа и македонян, даруют свободу, избавляют от гарнизонов и уплаты подати, а также позволяют жить по отеческим законам (ἐλευθέρους, ἀφουρήτους, ἀφορολογήτους, νόμους χρῶμενοὺς τοῖς πατρίοις) коринфянам, фокидянам, локрам, евбейцам, фтиотским ахейцам, магнетам, фессалийцам, перребам» (Polyb. XVIII. 46. 5)¹. Провозглашение свободы вызвало у греков радостное удивление и ликование (Polyb. XVIII. 46. 7–8); произошло это, видимо, потому, что эллины не ожидали получить свободу от тех самых римлян, которых прежде в Элладе считали варварами и потенциальными порабощателями. Далеко идущие последствия имел тот факт, что римляне провозглашали свободу для *всех* греков, включая и тех живших в Малой Азии эллинов, которые не были подданными побежденного македонского царя и никогда не содержали его гарнизонов. Полибий подчеркивает, что именно «все эллины, как азиатские, так и европейские, получали свободу вместе с правом не содержать у себя гарнизонов, не платить подати и жить по своим собственным законам» (Polyb. XVIII. 46. 15). Таким образом, выступая в качестве освободителей греков и гарантов эллинской свободы, римляне расширяли сферу своих политических интересов, что с неизбежностью вело к противостоянию с сирийским царем Антиохом III, который прежде, во время второй римско-македонской войны, развил бурную внешнеполитическую деятельность в Малой Азии.

Многие греческие полисы и до этого считались свободными и автономными, но как показал Э. Бикерман², их свобода и автономия были гарантированы царем и едва ли не всецело зависели от него³. Некоторые го-

¹ Ср.: Liv. XXXIII. 32. 5; Plut. Tit. 10.5; App. Mac. IX. 4; Val. Max. IV. 8. 5.

² Bickermann E. Bellum Antiochicum // Hermes. 1932. Bd. 67. S. 56–66.

³ См., напр.: OGIS. 229. 65–66: συνδιατηρήσω τὴν τε αὐτονομίαν καὶ δημοκρατίαν καὶ τὰλλα τὰ ἐπικεχωρημένα Συμυρναίοις ὑπὸ τοῦ βασιλέως Σελεύκου (т.е. Селевк II – В.К.) μετὰ πάσης προνομίας ἐμ παντὶ καιρῶι.

рода попытались освободиться от этой зависимости, для чего обратились за помощью в Рим.

Декрет в честь гражданина города Лампсак Гегесия (Syll.³ 591) позволяет лучше понять как политику Антиоха III в отношении греческих полисов Малой Азии, так и стремление жителей небольшого города, расположенного на малоазийском побережье Геллеспонта, обеспечить свою безопасность перед надвигающейся угрозой со стороны царства Селевкидов.

Почетный декрет, дошедший до нас в виде двух больших фрагментов (А и В) греческой надписи и хранящийся ныне в Эпиграфическом музее Афин (инв. № 10292), был впервые опубликован более ста лет тому назад⁴. С тех пор этот документ неоднократно переиздавался⁵. Над исправлением дополнений к тексту и над интерпретацией надписи работали многие видные исследователи античности, такие как Т.Моммзен, М.Олло, А.Вильгельм, Ф.Хиллер фон Гертринген, Э.Бикерман, Ж. и Л.Роберы, Д.Маги, Х.Х.Шмитт, Ф.У.Уолбанк, Э.Вилль, Э.С.Грюн, П.Фриш, Ж.-Л.Феррари, Ф.Канали Де Росси.

Этот документ датируется 196 или 195 г. до н.э. и повествует о следующих событиях: Гегесий и его сотоварищи избираются в качестве посланников (сткк. 1–15) и отправляются в Грецию к римскому полководцу Луцию Квинкцию Фламинину (сткк. 15–41); затем они едут в Массалию, – с этим городом Лампсак состоял в дружественных отношениях (сткк. 43–49); в сопровождении массалиотов, выступающих с ходатайством за лампсакян, Гегесий предстает перед римским сенатом (сткк. 49–70); сенат направляет его к децемвирам – членам комиссии, которая в то время занималась урегулированием послевоенных дел в Элладе, находясь в Коринфе (сткк. 70–78). Цель посольства, возглавляемого Гегесием, состояла, видимо, в сохранении демократии, автономии и мира в Лампсаке (сткк. 34, 74). Если Гегесий и стремился к тому, чтобы его город был «включен» в договор Рима с другими державами или правителями, например, с Филиппом V (ср. стк. 32 и 63 сл.), то эта цель, очевидно, не была достигнута. Однако дипломатическую миссию Гегесия в целом можно рассматривать как весьма успешную: независимость лампсакян была гарантирована Римом, они не попали под власть Антиоха III, а после его поражения в войне с римлянами Лампсак оставался независимым, пользуясь покровительством Пергамского царства⁶.

⁴ Kumanudes S. // *Athenaion*. 1880. 9. P. 313–315; 364–368.

⁵ См.: Lolling H.G. // *MDAI (A)*. 1881. Bd. 6. S. 95–103; 212–214 (с письмом Т. Моммзена и дополнениями); Syll.¹ 200; Syll.² 276; Michel. 529; IGRR. IV. 179; Syll.³ 591; *Die Inschriften von Lampsakos*. IK. Bd. 6 / Hrsg. v. P.Frisch. Bonn, 1976 (далее – *Iv-Lampsakos*). №. 4; Canali De Rossi F. *Le ambascerie dal mondo greco a Roma in età repubblicana*. Roma, 1997. № 236: 709.

⁶ *IvLampsakos*. S. 26.

Значение этой надписи состоит не только в том, что она сообщает, пожалуй, о первом посольстве греческого города Малой Азии, отправленного в Рим с целью решить внешнеполитические вопросы с помощью римского сената. Она показывает, каким образом римляне сталкивались с проблемами межгосударственных отношений на Востоке, какими средствами они их разрешали и как римский сенат строил свою новую дипломатию с эллинистическими государствами⁷. Декрет в честь Гегесия проливает свет на различные институты, средства и принципы эллинистической и римской дипломатии в начале II в. до н.э. При всей своей кажущейся многословности⁸ надпись является в своем роде уникальным памятником: она позволяет детально проследить деятельность греческих посланников, понять роль дипломатической переписки, межгосударственных договоров, принципов греческой «свободы» и «автономии», института συγγενεία и пр. во взаимоотношениях греческих полисов, эллинистических государств, Рима и народов «варварской периферии».

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все проблемы, возникающие в связи с прочтением декрета в честь Гегесия. Здесь я обращаюсь лишь к одному вопросу дипломатической истории начала II в. до н.э. – порядку формирования посольства в греческом полисе. Об этом сюжете речь идет в первых пятнадцати строках документа.

Поскольку в нашей стране эта надпись никогда не публиковалась и до сих пор нет ее русского перевода⁹, считаю целесообразным привести здесь не только греческий текст соответствующего фрагмента, но и его перевод. В настоящее время лучшим изданием надписи является публикация П.Фриша, в которой учтены все прежние достижения по реконструкции этого документа¹⁰: именно это издание и положено в основу нижеследующего текста.

[]ε[]ια[]έν
[τοῖς ψηφίσμασι τοῖς ὑπεράνω γεγραμμένο[ις· τοῦ δὲ δῆ]-
[μου ζητοῦντος] καὶ κατακαλουμένου μετὰ πάσης φ[ίλο]-

⁷ Ср.: Walbank F.W. The Hellenistic World. Rev. ed. Cambridge, Mass., 1993. P. 236.

⁸ Ф.У. Уолбанк пишет о многословии и повторах этой надписи, что, на его взгляд, свидетельствует о некомпетентности составителей документа; Walbank. Op. cit. P. 235. Я никак не могу согласиться с таким выводом моего коллеги и друга. Когда в частной беседе с Ю.Г. Виноградовым я поделился с ним своими соображениями о том, что особенности текста этого памятника вовсе не говорят о низкой квалификации его составителей. Юрий Германович поддержал мое мнение.

⁹ См., напр., ее переводы на западноевропейские языки: Clerc M. Massalia. P., 1927. P. 297 sq. (франц.); IvLampsakos S. 19–21. № 4 (нем.); Brodersen K.; Günther W.; Schmitt H.H. (Hrsg.) Historische griechische Inschriften in Übersetzung. Darmstadt, 1999. Bd. 3. S. 66–68, № 458 (нем.); Austin M.M. (Ed.) The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest: A Selection of Ancient Sources in Translation. Cambr., 1981. P. 258–260. № 155 (англ.).

¹⁰ IvLampsakos. № 4.

- 5 [τιμίας τοῖς] ἐπιδώσοντας ἑαυτοῦς, καὶ ψηφισαμένου [ἴ]-
 [να τοῖς] πρεσβέυσασιν ὑπὲρ τῆς πόλεως πρὸς τε
 [Μασσαλι]ήτας καὶ Ῥωμαίους τίμιόν τι ὑπάρξει παρὰ τοῦ
 [δήμου κ]αὶ ἴνα, ὅταν ἐπανέλθωσιν οἱ πρεσβευταί, προβο[υ]-
 [λεύσει ἢ β]ουλή καθότι τιμη[θ]ήσονται, καὶ προβληθέντ[ων]
 10 [τινῶν καὶ] οὐχ ὑπομενόντων, ἐνίων δὲ καὶ χειροτονηθέ[ν]-
 [των καὶ ἐξο]μοσαμένων διὰ τὸ μέγεθος τῆς κομιδῆς [καὶ]
 [τῆς δαπάν]ης, Ἠγησίας προβληθεῖς ἀντὶ τοῦ ἐξομόσασ-
 [θαι καὶ παρακ]ληθεῖς καὶ ἀξιωθεῖς ὑπὸ τοῦ δήμου οὐδ[έν]
 [φροντίσας τῶν] κατὰ τὴν ἐκγδημίαν κινδύνων, ἀλλ[ὰ ἐν]
 [ἐλάσσοιι θέμε]νος τὰ καθ' αὐτὸν τοῦ τῆι πόλει συμφέ[ρον]-
 15 [τος ἐπέδ]εξατο τὴν πρεσβείαν καὶ ἐγδημήσας <...>

Перевод

- [- - в] | выше записанных [постановлениях] (народного собрания). [Ког-
 5 да на[род искал] (людей) и зывал со всем у[сер]дием к тем,] кто
 предложил бы свои услуги, и принял постановление, || [чтобы тем,]
 кто отправится посланниками ради города к | [массали]отам и римля-
 нам, был бы оказан почет со стороны | [народа] и чтобы, когда по-
 сланники возвратятся, | совет принял бы (свое) постановление, соглас-
 но которому им будут возданы почести, и когда [некоторых] предло-
 10 жили (для этого), | [а] они не взяли на себя ответственность, а некото-
 рые были и избран[ы || и] отказались с клятвенной ссылкой (на свою
 неспособность) вследствие дальности путешествия [и] | (величины)
 [издержек], (тогда) был предложен Гегесий, и вместо того, чтобы
 клятвенно отказать, он, | [будучи приз]ван и высоко оценен народом,
 нисколь[ко | не заботясь] об опасностях во время (предстоящего) пре-
 бывания на чужбине, но, | [посчитав менее важными] свои дела в
 15 сравнении с поль[зой] города, | [принял на себя] посольство и отпра-
 вился (в путь). <...>

Гегесия избрали посланником в народном собрании: [τοῦ δὲ δήμου ζητοῦντος] κтл. (стк. 2–3), ὑπὸ τοῦ δήμου (стк. 12). Большинство граждан было принято постановление (τὰ ψηφίσματα), текст которого, как следует из содержания стк. 1–2 ([ἐν τοῖς ψηφίσμασι τοῖς] ὑπεράνω γεγραμμένο[ις]), предшествовал тексту нашей надписи. Смысл его состоял в том, чтобы обратиться за помощью к римлянам и с этой целью направить посольство в Массалию и Рим. Во время поездки Гегесий имел копию этого постановления при себе: καὶ ὑπὲρ ὧν εἶχεν τὰ ψηφίσματα («и относительно которых у него было постановление народно-го собрания...», стк. 43)¹¹. Это была своего рода инструкция, в соответствии с которой Гегесий должен был предпринимать конкретные шаги.

¹¹ Аналогичный оборот есть у Полибия, который, правда, ведет речь о *поруче- нии, инструкциях*: διελέγετο περὶ ὧν εἶχεν τὰς ἐντολάς (Polyb. XXI.14.1).

При слове τὸ ψήφισμα, естественно, вспоминается *камышек для голосования* – ἡ ψήφος. Глагол ψηφίζω в медиальном залоге означает «отдавать голос при помощи камешка, который бросают в урну для голосования», а также «голосовать, решать с помощью большинства голосов». Именно такой смысл имеет глагольная форма в нашей надписи – причастие медиального аориста ψηφισαμένου, стк. 4. Разумеется, речь здесь идет о тайном голосовании в отличие от голосования открытого, которое также упоминается в надписи: это χειροτομία – «голосование и выборы в народном собрании при помощи поднятия руки». Соответственно глагол χειροτομέω означает «выбирать должностное лицо поднятием или протягиванием вперед руки». Причастие χειροτομηθέντων (сткк. 9–10) свидетельствует о том, что в народном собрании города Лампсака посланники выбирались открытым голосованием.

Можно предположить, что принятию в народном собрании ψήφισмата предшествовал другой документ, предложенный советом, – προβουλεύματα. Термин προβούλευμα буквально означает «заранее данный совет», «предварительное постановление». Известно, что афинское народное собрание не могло принимать решение ни по какому вопросу, если он не был заранее подготовлен советом и не оформлен в виде προβουλεύματα¹². Для избрания должностных лиц в Афинах также требовалось проβούλευμα совета, о чем сообщает Аристотель¹³.

Подобное постановление совета упоминается в нашей надписи: προβουλεύσει ἢ βουλῇ καθότι τιμηθήσονται¹⁴ («совет принял бы (свое) постановление, согласно которому им будут возданы почести»), сткк. 7–8. Это одно из предписаний принятого народным собранием постановления (ψηφισματα), поэтому глагол προβουλεύω стоит в будущем времени. До тех пор, пока еще не избрали посланников, в качестве стимула указываются почести, которыми они будут наделены после успешного завершения дипломатической миссии. Таким образом, до возвращения посольства у совета уже затребовано проβούλευμα относительно почестей для посланников¹⁵.

Стать членом посольства не означало занять государственную должность (ἀρχή), хотя посланников (и в равной степени хорегов и глашатаев),

¹² См.: Bleicken J. Die athenische Demokratie. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1985. S.107, 227.

¹³ «Притании производят в народном собрании выборы стратегов, гиппархов и прочих властей, имеющих отношение к войне, сообразно с тем, как решит народ. Эти выборы производят пританы, исполняющие обязанности после шестой притании, – те, в чье дежурство будет благоприятное знамение. Но об этом должно состояться *предварительное постановление совета*» (Aristot. Ath. Pol. XLIV. 4. Пер. С.И. Радцига). Ср.: Schaefer H. проβούλευμα // RE. 1957. Bd. XXIII.1. Sp. 48.

¹⁴ См. сходный оборот в проксеническом декрете г. Лампсака в честь Дионисодора из Фасоса: τὴν βουλὴν προβουλεύσασαν καθ' ὃ τιμηθήσεται προξενίαι (Frisch. Op. cit. S. 7. № 24).

¹⁵ См. Ibid. S. 28.

так же как и должностных лиц, назначали путем выборов¹⁶. В Афинах избрание посланников, подобно избранию граждан на государственные должности, в техническом смысле не являлось решением народного собрания (ψήφισμα), поскольку выборы считались личным делом граждан. Однако конкретные предписания посланникам принимались в виде ψηφισμάτα; и в случае с Гегесием дело обстоит точно так же. Происходило это потому, что любое постановление народного собрания могло быть обжаловано и вместе с γραφή παρανόμων представлено в суд, в то же время выборы, в частности выборы посланников, не могли быть обжалованы путем подачи письменной жалобы (γραφή). Соответственно, гражданин, выдвинувший какого-то кандидата на должность, не мог быть привлечен к ответственности в случае отклонения данного кандидата, как это могло быть с теми, кто предлагал проект какого-то постановления¹⁷.

На заседании народного собрания г. Лампсак кандидатов в посланники выдвигали сами граждане, на это указывает глагол προβάλλεσθαι в страдательном залоге (προβληθέντων), стк. 8). Нам известно, что подобным образом в дельфийском народном собрании (162 – 160 гг. до н.э.) предлагались кандидаты на должности закупщиков хлеба и по каждому из выдвинутых лиц проводилось голосование (Syll.³ 671. В 15)¹⁸. Теоретически существовала возможность того, что какой-то гражданин предложит в качестве кандидата и себя самого, но по крайней мере афинская практика свидетельствует о другом: обычно кандидата представлял какой-то другой присутствующий на заседании еkkлeсии гражданин¹⁹.

Очевидно, что имена некоторых граждан были вычеркнуты из списка кандидатов и, таким образом, не ставились на голосование (οὐχ ὑποειρόντων, стк. 9), видимо, потому, что либо эти граждане сняли свои кандидатуры, разъяснив народу, что по каким-то причинам не могут быть посланниками (см., напр.: Syll.³ 495. 115), либо их кандидатуры были отклонены согражданами. Но и в том случае, когда кто-то был избран вопреки своей воли, выборы могли быть признаны недействительными, если проводилась процедура отречения. Эта процедура обозначается глаголом ἐξόμιαι; ср. выражение ἐξομιῶ τῆν προεβείαν. Дав клятву, избранный ссылался, к примеру, на свою бедность, физические недостатки или преклонный возраст и по этой причине отказывался занять должности. Аристотель делает важное уточнение: «В деле замещения должностей лица, обладающие определенным имущественным цензом, не имеют права, дав клятву, от этих должностей отказываться, бедняки же это право имеют –

¹⁶ Aristot. Pol. IV.12.2. 1299a 19–20: ἔτι δὲ καὶ χορηγοὶ καὶ κήρυκες [δ'] αἰροῦνται καὶ προεβεῖται; cf.: Kienast D. Presbeia // RE. 1973. Suppl. Bd. XIII. Sp. 528–529.

¹⁷ Hansen M.H. Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes. Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis / Deutsch von W. Schuller. Berlin, 1995. S. 165.

¹⁸ См.: IvLampsakos. S. 28.

¹⁹ См.: Hansen. Op. cit. S. 243.

περὶ δὲ τὰς ἀρχὰς τὸ τοῖς μὲν ἔχουσι τίμημα μὴ ἐξεῖναι ἐξόμνησθαι, τοῖς δ' ἀπόροις ἐξεῖναι» (Aristot. Pol. IV. 10. 6, 1297a 19–21. Пер. С.А.Жебелева с исправлением)²⁰. Нам известен случай отказа от участия в дромосе, совершенный по указанной процедуре (Дельфы, 162 г. до н.э.; Syll.³ 671. A 15 sq.)²¹.

В нашей надписи глагол ἐξόμνημι (ἐξομνῶω) употребляется дважды: соответственно причастие [ἐξο]μοσαμένων, стк. 10, и инфинитив ἐξομόσασ[θαι], сткк. 11–12, аориста медиального залога. В тексте декрета указывается и причина такого клятвенного отказа – дальность предстоящего путешествия и значительные материальные расходы: διὰ τὸ μέγεθος τῆς κομίδης [καὶ τῆς δαπάνης], стк. 10–11. Поездка была, в самом деле, далекой и опасной: первоначально посольство отправилось «в Грецию» – [εἰς τὴν] Ἑλλάδα (стк. 16), к Луцию Квинкцию Фламинину, который в то время находился, по предположению Х.Лоллинга, Э.Бикермана и А.Вильгельма, на о. Керкире, оттуда путь Гегесия пролегал через Сицилию (?) по Тирренскому морю в Массалию (совр. Марсель), а затем – в Рим; возвращаясь из Рима на родину, посланники Лампсака встретились с децемвирами в Элладе (по-видимому, в Коринфе). Большая часть пути пролегла по морю; следует учитывать, что поездка морем была особенно опасной (ср.: πλοῦν πολὺν καὶ ἐπικίνδυνον, стк. 44), поскольку она осуществлялась, скорее всего, в середине зимы²², когда море наиболее опасно для мореплавателей. По закону посланникам полагались дорожные расходы – ἐφόδια, μεθόδια. В Абдере, например, существовал для этого какой-то специальный фонд ἀπὸ τῶν εἰς τὰς πρεσβείας (Syll.³ 656. 45)²³. Если поездка продолжалась более запланированного времени, посланники имели право затребовать дополнительные деньги. Тот факт, что лампсакяне отказывались участвовать в данном посольстве, ссылаясь на предстоящие значительные расходы, возможно, означает, что либо фактические материальные затраты не могли быть покрыты выделяемыми для этого средствами из казны города, либо народ Лампсака ожидал от посланников, что они оплатят эту поездку из собственных средств²⁴. В эпоху эллинизма зачастую так и происходило (Syll.³ 783. 25; 833. 15 etc.). То, что Гегесий не отказался возглавить посольство (ἀντὶ τοῦ ἐξομόσασ[θαι], стк. 11–12), свидетельствует не только о его патриотизме, но и о значительных размерах его кошелька. Гегесий с честью выполнил оказанное ему согражданами доверие,

²⁰ Характеризуя *высокомерие*, Феофраст иронично замечает, что «избранный на государственную должность, отказывается, клятвенно заверяя, что ему недосуг» (Theophr. Char. XXIV. 5. Пер. Г.А.Стратановского).

²¹ См.: Robert L. Notes d'épigraphie hellénistique. XXIV. Décret de Lampsaque // Opera minora selecta. Épigraphie et antiquités grecques. Amsterdam, 1969. P. 91 (= BCH. 1928. P. 162).

²² IvLampsakos. S. 23–24, 33.

²³ Kienast. Op. cit. Sp. 578–581; Mosley D.J. Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden, 1973 (Historia Einzelschriften. Ht. 22). P. 74–77.

²⁴ См.: Frisch. Inschriften von Lampsakos. S. 29.

его дипломатическая миссия увенчалась успехом, а сам он был удостоен значительных почестей, в том числе и рассматриваемого почетного декрета.

К сожалению, текст нашей надписи не дает однозначного ответа на вопрос о количественном составе возглавляемого Гегесием посольства. В отличие от Спарты, которая, по крайней мере, в классический период в качестве дипломатической миссии неизменно отправляла трех человек, в других греческих полисах число посланников колебалось в зависимости от характера, цели миссии и конкретных условий ее отправки. Афины, например, постоянно использовали посольства, состоявшие из двух, трех, пяти и десяти человек²⁵. Учитывая дальность поездки Гегесия, ожидавшиеся в ее ходе трудности и опасности, а также исключительную важность для Лампсака данной дипломатической миссии, можно предположить, что это посольство состояло более чем из трех человек, возможно, из пяти.

На основе анализа надписи допустимо сделать предположение, что в начале II в. до н.э. процедуры избрания дипломатического посольства в городах Эллады, по крайней мере, в Лампсаке, существенно не изменились в сравнении с классическим периодом греческой истории.

V.I. Kaščeev

**From the Diplomatic History of Early 2nd Century BC.
A Procedure of the Appointment of Greek Envoys
in the Light of the Decree in Honour of Hegesias (Syll.³ 591)**

After Philip's defeat in the Second Macedonian War the Roman commissioners were sent to Greece to settle terms with Philip of Macedon and tried to check Antiochus' political and military activities by diplomatic way. In 196 BC at the Isthmian Games the freedom and autonomy of all the Greeks in Europe and Asia was proclaimed by the senate and T. Quinctius Flamininus. Lampsacus, one of two cities in Asia Minor, to which the Syrian king had an old claim, had applied to Rome for the protection by means of inclusion in the peace which the Romans were drawing up with Philip V at that time. The decree of Lampsacus edited 196 or 195 BC in honour of Hegesias, a citizen of the city who was appointed as a head of envoys dispatched on diplomatic mission to Massalia and Rome, throw light on the interaction of the Hellenistic diplomacy of king Antiochus and Greek *poleis* with the new Roman influence. Comparing the text of the first 15 lines of the decree with information drawn from other ancient sources one can reconstruct in detail a procedure of election of envoys in the assembly of the Greek *polis*. The inscription confirms the fact that enough considerable

²⁵ См.: Mosley D.J. The Size of Embassies in Ancient Greek Diplomacy // TAPA. 1965. 96. P. 255–266; idem. The Size of Athenian Embassies again // GRBS. 1970. 11. P. 35–40; idem. Envoys and Diplomacy... P. 50–62; Kienast. Op. cit. Sp. 537–539; Adcock F., Mosley D.J. Diplomacy in Ancient Greece. L., 1975. P. 155.

care was taken in the appointment of envoys in Lampsacus. Candidates for the diplomatic mission stood primarily as individuals. They might be influential and rich enough to decide diplomatic tasks. The analysis of relationship between the assembly, the *boule* and individuals mentioned in inscription enable us to describe the state system of Lampsacus as a democratic one and to show that a procedure of the appointment of Greek envoys in the Hellenistic world was not essentially changed from that in the classical period.

О.Л.Габелко

Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война

Название данной работы не случайно представляет собой близкую аналогию названию известной статьи С.Берстайна, в которой он обратился к изучению войны Фарнака I Понтийского против коалиции малоазийских царей¹. Здесь будут рассмотрены те же самые проблемы, что были затронуты американским исследователем - военная и дипломатическая деятельность эллинистических государств Анатолии и влияние на нее Рима; предметом анализа являются близкие по времени и характеру с Понтийской войной события - конфликт Вифинии и Пергама, также явившийся прямым следствием заключения Апамейского соглашения. Оба эти столкновения дают яркие примеры политики «*balance of power*», осуществляемой как Римом, так и эллинистическими монархиями - разумеется, для достижения принципиально различных целей и с помощью качественно различающихся мер.

Апамейский договор (188 г. до н.э.) зафиксировал новое политическое устройство Малой Азии - прежде всего, окончательное устранение всякого военного и политического присутствия Селевкидов «по эту сторону Тавра», а также резкое возрастание могущества римских союзников - Родоса и особенно Пергама, получивших значительные территориальные приобретения². В тексте договора содержался пункт, непосредственно касавшийся и Пруссия I Вифинского: ему было предписано возратить пергамскому царю Эвмену II область Мизии, над которой он в какой-то момент установил свой контроль³.

Это решение выглядит малопонятным и непоследовательным. Х.Хабихт отмечает, что обстоятельства, по которым сенат включил в договор с

¹ Burstein S.M. The Aftermath of the Peace of Apameia. Rome and the Pontic War // АЖАН. 1980. Vol. 5. P. 1-12.

² Об Апамейском договоре и его роли в дальнейшем развитии международной ситуации в Малой Азии см.: Liebmann-Frankfort Th. La frontière orientale dans la politique extérieure de la République romaine. Bruxelles, 1969. P. 48-70; Sherwin-White A.N. Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. to A.D. I. University of Oklahoma Press, 1984. P. 22-27.

³ Наиболее точную информацию дает Ливий: «...*Mysiam, quam Prusia rex ademerat, ei (Eumeni - О.Г.) restituerunt*» (Liv. XXXVIII. 39. 15), тогда как текст Полибия, послуживший для него источником, подвергся определенным искажениям: после фразы Μύσοις, οὗς πρότερον αὐτοῦ (Polyb. XXI. 48. 10) в разных рукописях приводятся слова παραπάσατο или παραεσκεύασατο. Предпочтительным кажется первый вариант. См. Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybios. Oxf., 1979. Vol. III. P. 171 ff; Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXIV-XXXVII. Oxf., 1981. P. 386; Schwertheim E. Studien zur historischen Geographie Mysiens // EA. 1988. Ht. 11. S. 65. Anm. 1.

Антиохом пункт о возвращении Мизии Эвмену, остаются неясными⁴, и считает эти действия ярким примером его предательской политики по отношению к друзьям и союзникам Рима⁵. Вполне естественно, что вифинский царь отказался выполнить это требование римлян, и это привело к войне между ним и Эвменом⁶.

Вифинско-пергамский конфликт 180-х гг. до н.э., получивший в историографии с легкой руки Х.Бенгтсона название «Первая Вифинская война»⁷, лишь фрагментарно освещен источниками. Утерю посвященных ему мест из «Всеобщей истории» Полибия другие свидетельства - как нарративные, так и эпиграфические - способны восполнить лишь частично. Несмотря на это обстоятельство, Первой Вифинской войне посвящено немало страниц в многочисленных исследованиях, многие из которых до сих пор остаются непревзойденными образцами скрупулезного научного анализа. Не отрицая значения результатов, полученных историками на сегодняшний день, мы, тем не менее, считаем возможным высказать свое мнение относительно ряда кардинальных проблем, связанных с причинами, ходом и результатами Первой Вифинской войны.

Прежде всего, остается дискуссионным вопрос о том, какие именно территории подразумевались в тексте Апамейского договора и, соответственно, являлись предметом вооруженного спора между Пруссией и Эвменом. Эта проблема имеет давнюю историю и особенно интенсивно разрабатывалась в последние годы, но до сих пор не получила оконча-

⁴ Habicht Chr. The Seleucids and Their Rivals // САН. Ed. II. Vol. VIII. 1989. P. 325.

⁵ Ibid. P. 383. Причину ущемления интересов Пруссии можно видеть в том, что территории, ставшие предметом вифинско-пергамского вооруженного соперничества, не рассматривались римлянами как законное приобретение Пруссии, в чем их мог убедить Эвмен во время посещения Рима в 189 г. до н.э. (Polyb. XXI. 18-21; Liv. XXXVII. 52. 3-9; 53. 1-28). Не исключено также, что сенат не одобрил действий Сципионов в отношении Пруссии, предпринятых ими по собственной инициативе: ведь конкретные условия соглашения между Пруссией и посольством Гая Ливия Салинатора (Polyb. XXI. 11. 12; Liv. XXXVII. 25. 13-14) остаются неизвестными. В этой связи заслуживает внимания замечание Дж. Брискоу, что условия Апамейского мира были выработаны политическими оппонентами Публия Сципиона (Briscoe J. Flamininus and Roman Politics, 200-189 B.C. // Latomus. 1972. T. XXXI. Fasc. I. P. 53).

⁶ Пруссия фактически «бросил вызов Апамейскому договору» (Bencke P.V.M. Rome and the Hellenistic States // САН. Ed. I. 1930.Vol. VIII. P. 282). Исходя из этого, невозможно считать, что после заключения Апамейского соглашения Вифиния, как и другие малоазийские государства, попала в клиентскую зависимость от Рима (Bouché-Leclercque A. Histoire des Séleucides (323-64 avant J. - C.). P., 1913. T. I. P. 218; ср. Liebmann-Frankfort. Op. cit. P. 46).

⁷ Bengtson H. Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1943. Bd. II. S. 215, 217.

тельного разрешения. Большая часть исследователей считает, что упомянутую в договоре область следует отождествить с Фригией Эпиктет (Геллеспонтской)⁸; наиболее аргументированно эту точку зрения изложил Х.Хабихт в весьма основательной и глубокой статье⁹. Недавно, однако, это мнение было отвергнуто в пользу предположения, сделанного еще Дж. Кардинали¹⁰: под «Мизией» из текста договора следует понимать Олимпийскую Мизию¹¹.

Э.Швертхайм принимает приводимую в некоторых рукописях версию текста Ливия (Liv. XXXVII. 56. 2): «...*Misias regias silvas...*» вместо «...*Mysiam, quam ademerat Prusias regi*» и приводит примеры, позволяющие приложить эту характеристику именно к Мизии Олимпийской, где на протяжении персидской, эллинистической и римской эпох находились охотничьи угодья царей, императоров, сатрапов и высшей знати¹². Эта область, однако, вовсе не принадлежала Прусию накануне 188 г. до н.э.: по мнению исследователя, в другой пассаж Ливия (...*Mysiam, quam Prusia rex ademerat*) (Liv. XXXVIII. 39. 15) следует внести эмendaцию «*Prusias*», в результате чего отрывок приобретает следующий смысл: Эвмен вернул себе Мизию, отнятую царем (т.е. Антиохом III - О.Г.) у Прусия¹³. Более того, никакого контроля вифинцев, вопреки распространенным взглядам, не существовало до времени

⁸ Meyer Ed. Bithynia // RE. Bd III. 1898. Sp. 518; Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Gotha, 1903. Bd. III. S. 70; Stähelin F. Geschichte der Kleinasiatischen Galater. Leipzig, 1907. S. 61. Anm. 3; Meyer Ernst. Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich-Leipzig, 1925. S. 115; Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca, 1947. P. 93; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I. P. 759. О географическом положении этой области и ее границах см.: Şahin S. Studien über die Probleme der historischen Geographie des nordwestlichen Kleinasien // EA. 1986. Ht. 7. S. 142; Strobel K. Galatien und seine Grenzregionen. Zu Fragen der historischen Geographie Galatiens // AMS. Bd XII. Forschungen in Galatien. Bonn, 1994. S. 29-41. При всей неопределенности данных письменных, эпиграфических и нумизматических источников относительно разграничения Фригии Эпиктет и упоминавшейся «Мизии» имеется обстоятельство, препятствующее отождествить их применительно текста договора: там упоминается Геллеспонтская Фригия (Polyb. XXI. 46. 10; Liv. XXXVIII. 39. 15), которая, согласно Страбону, соотносится с Фригией Эпиктет: «Прусий покинул Фригию на Геллеспонте по договору с Атталидами. Эта страна прежде называлась Малой Фригией, а Атталиды дали ей название Эпиктет» (Перевод Г.А.Стратановского) (Strabo. XII. 4. 3); ср. Şahin. Op. cit. S. 136. Anm. 39. Невозможно, чтобы Полибий, а вслед за ним и Ливий допустили такую тавтологию.

⁹ Habicht Chr. Über die Kriege zwischen Bithynien und Pergamon // Hermes. 1956. Bd. 84. S. 90-92.

¹⁰ Cardinali G. Il regno di Pergamo. Torino, 1908. P. 82 ff.

¹¹ Schwertheim. Op. cit. S. 67-77; Strobel. Op. cit. S. 28-29.

¹² Schwertheim. Op. cit. S. 68-69.

¹³ Ibid. S. 76-77.

заключения Аламейского договора и над Геллеспонтской Фригией; на это, считает историк, указывает упоминание данной области в числе прочих владений Селевкида (на которые после понесенного им поражения фактически распространилась власть римлян) во время выступления родосских послов в сенате в 189 г. до н.э. (Polyb. XXI. 22. 14; Liv. XXXVII. 54. 11)¹⁴.

Приводимые Э.Швертхаймом доказательства требуют тщательного разбора. Они не вызывают особых возражений относительно идентификации спорной области как Мизии Олимпийской, однако в остальном кажутся весьма уязвимыми для критики.

Начнем с предлагаемых немецким исследователем изменений текста Ливия. Еще в прошлом веке было доказано, что упомянутый пассаж римского историка представляет собой дословный перевод соответствующего места из труда Полибия¹⁵. Этот тезис получил подтверждение у современных исследователей¹⁶; не отрицает его и сам Э.Швертхайм¹⁷. Между тем, предлагаемая им конъектура придает повествованию Ливия совершенно иной смысл, чем у первоисточника: Полибий говорит о предшествующей потере Мизии Эвменом, а Ливий (в интерпретации Э.Швертхайма) - о ее отторжении у Пруссия. Слово «*rex*» без указания имени (если не связывать его с предшествующим «*Prusia*») едва ли оправданно, вопреки мнению К.Штробеля¹⁸, «по контексту» связывать с Антиохом III из-за возникающей некоторой смысловой неясности.

Э.Швертхайм не объясняет, когда и при каких обстоятельствах Антиох мог отнять у Пруссия эту область: согласно его выкладкам, Аттал I установил контроль над ней в 218 г. до н.э., Пруссий владел ею около 218-216 гг. до н.э. (что, однако, далеко не бесспорно¹⁹), затем ее вернул себе отложившийся от

¹⁴ Ibid. S. 70-71.

¹⁵ Nissen H. Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius. B., 1863, S. 206.

¹⁶ Habicht. Über die Kriege... S. 91; Briscoe. A Commentary... P. 386.

¹⁷ Schwertheim. Op. cit. S. 65. Anm. 1.

¹⁸ Strobel. Op. cit. S. 29. Anm. 9.

¹⁹ Х.Шмитт полагает, что вифинский монарх не совершил никаких территориальных приобретений в ходе успешной экспедиции в Троаду против эгосагов (Schmitt H.H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Weisbaden, 1964. S. 263-264), но другие исследователи не исключают возможности расширения владений Пруссия (Meyer Ernst. Op. cit. S. 113; Janke M. Historische Untersuchungen zu Memnon von Herakleia. Kap. 18 - 40. FGtH 434. Würzburg, 1963. S. 32). Вскоре, по мнению Э.Швертхайма, эти земли возвратил себе Ахей, значительно расширивший свои владения (Schwertheim. Op. cit. S. 75)

Антиоха Ахей²⁰, а после его гибели данная часть Мизии вновь отшла к Антиоху, и ею управлял его наместник Зевксид²¹. Непонятным остается и то обстоятельство, почему Полибий говорит, что Мизия была потеряна Эвменом (Polyb. XXI. 48. 10), если, согласно Э.Швертхайму, Пергам лишился ее еще при Аттале I²².

Все это заставляет нас склониться к мнению, что в договоре между римлянами и Антиохом упоминается именно Мизия Олимпийская, но вернуть ее пергамскому царю должен был отнюдь не Антиох, а Прусий, во владении которого эта область пребывала. *Terminus ante quem* для селевкидского господства над Мизией - 209 г. до н.э.²³, и последующие бурные события могли принести неоднократную смену господства над ней. В определенный момент ее закрепил за собой Эвмен, но в дальнейшем вифинский царь, воспользовавшись какими-то трудностями своего соперника, перехватил у него контроль над спорными землями²⁴.

²⁰ Следует заметить, что столкновений между Ахеем и вифинским царем, в ходе которых часть Мизии, служившая камнем преткновения в территориальных спорах между Вифинией, Пергамом и Селевкидами, была им утеряна, все же не произошло: Ахей только «угрожал Пруссию» (ἀπειλείτο δὲ Προυσίῃ). С Атталом он, напротив, «вел непрерывную войну» (ἐπολέμει μὲν Ἀττάλῳ συνεχῶς) (Polyb. V. 77. 1) в ходе которой, скорее всего, спорная территория и была отторгнута у пергамского монарха.

²¹ Schwertheim. Op. cit. S. 75-76; Stobel. Op. cit. S. 30.

²² Ср. с передачей Алпианом одного из пунктов договора, где данное обстоятельство в полной мере учтено: Антиох должен «отдать Эвмену то, что еще остается у него в нарушении договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена» (App. Syr. 38).

²³ SEG. XXXVII. 1010; Malay H. Letter of Antiochos III to Zeuxis with Two Covering Letters // EA. 1987. Nt. 10. S. 7-17. Видимо, Пергаму удалось овладеть Мизией сразу после 209 г. до н.э.

²⁴ Мы оставляем в стороне вопрос о том, когда именно это могло произойти - в 208, 198 или ок. 190 г. до н.э., поскольку все предположения остаются недоказуемыми; пожалуй, любая из этих точек зрения имеет право на существование. Обзор мнений см.: Nabicht. Über die Kriege... S. 94-95. Чисто теоретически к обстоятельствам, во время которых произошло присоединение Прусием спорных земель, можно причислить еще и малоазийскую экспедицию Филиппа V (202-200 гг. до н.э.). В ходе ее вифинский царь оказывал определенное содействие своему македонскому союзнику и приобрел расположенные на побережье Пропонтиды города Киос и Мирлею, но неясно, вступил ли и он при этом в конфликт с Атталом I. Однако наиболее вероятным вариантом кажется все же сохранение вифинского господства над этой областью в 208-188 гг. до н.э.; дело в том, что, по словам Юстина, Прусий начал войну против Эвмена, нарушив союзный договор (Just. XXXII. 4. 1), а такое соглашение между Вифинией и Пергамом могло быть заключено только в 205 г. до н.э. по результатам мира в Фенике, где оба царства фигурировали в качестве *foederati adscripti* (Liv. XXIX. 12. 14). (не исключено также, что несколько раньше ими был заключен сепаратный мир, положивший конец развязанным Прусием в 208 г. до н.э. военным действиям - Liv. XXVIII. 7. 10; Dio Cass. F. XVII). Очевидно, по этому договору закреплялись

Однако потери Пруссия, определенные решениями римлян, кажется, не исчерпывались только Мизией Олимпийской. Можно предположить, что и Малая Фригия тоже входила *de facto* в его владения накануне Апамейского договора. Перечисление этой области в ряду других владений сирийского царя, о чем говорилось выше, не исключает такой возможности. Малая Фригия могла быть либо передана Антиохом Пруссию в качестве стимула для заключения столь нужного ему союзного договора с Вифинией²⁵, либо захвачена Прусием силой после окончательного перелома в ходе Сирийской войны²⁶ - в любом случае его претензии на данные земли не могли быть приняты как законные ни римлянами, ни тем более заинтересованным в их приобретении Эвменом. Потому-то Малая Фригия и продолжала считаться владением Антиоха, перешедшим по праву завоевания в полное распоряжение римлян.

Наконец, предложенная Э.Швертхаймом трактовка географической и правовой сторон «мизийско-фригийской проблемы» не учитывает ее военно-политического аспекта. Если Прусий в результате перекройки карты Малой Азии по решениям римских легатов не понес никакого ущерба, то невозможно объяснить, как и почему он решился начать агрессию против римского протеже Эвмена, не имея никаких серьезных оснований претендовать на Олимпийскую Мизию и Малую Фригию²⁷ и не встретив сразу же решительного дипломатического или даже военного противодействия со стороны Рима.

Переходя к анализу самого хода войны, необходимо, прежде всего, уточнить составы враждующих коалиций. О союзниках Пруссия говорится в различных источниках. Помпей Трог причисляет к ним галатов и царя Понта Фарнака I (Трог. Proleg. 32), Полибий - одних галатов (Polyb. III. 3. 6), а Непот говорит о союзе Пруссия «с другими царями и воинственными племенами» (*ceteros reges, adjugebat bellicosas nationes*) (Nepos. Hannib. X. 1), в чем

права Пруссия на Мизию Олимпийскую, а его фактическая денонсация римлянами естественным образом вынудила царя начать войну.

²⁵ Schmitt. Op. cit. S. 277; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1986. С. 68.

²⁶ Vitucci G. Il regno di Bitinia. Roma, 1953. P. 54-55.

²⁷ К.Штробель полагает, что историческим обоснованием для Пруссия в его притязаниях на Малую Фригию могли служить действия вифинцев и галатов против Антиоха I в 270-х гг. до н.э. в этом районе, видимо, приведшие к территориальным приобретениям (Strobel. Op. cit. S. 35 ff). Тем не менее, создается впечатление, что Прусий мог апеллировать и к менее отдаленным событиям: известную надпись из Эзан (Jacoby G. Note anatoliche // VMIR. 1938. Т. IX. P. 44-49), где засвидетельствована смена господства Аттала и вифинского царя над этим городом, мы склонны относить к периоду, непосредственно предшествующему началу войны, а этот городок, видимо, должен считаться одним из крайних южных владений Вифинии.

следует видеть указание на участие в войне того же Фарнака, Филиппа V и, конечно, галатов²⁸. О помощи, оказанной Прусию Филиппом, свидетельствуют также Полибий и Ливий (Polyb. XXIII. 1. 4, 3. 1; Liv. XXXIX. 46. 9), а галаты во главе с царем Ортиагонтом (наряду с еще какими-то союзниками) упоминаются в декрете из Тельмесса в честь Эвмена II²⁹. Выступление галатов на стороне Вифинии против Пергама вполне закономерно: тяжело пострадав в ходе экспедиции Гн. Манлия Вульсона (189 г. до н.э.), в которой принял самое активное участие и Эвмен, они стремились взять реванш у Атталидов³⁰.

Определенные сомнения вызывает у некоторых историков упоминание Фарнака. Так, Х.Хабихт предполагал, что Трог мог перепутать Первую Вифинскую войну с разгоревшимся вскоре после ее окончания конфликтом между Понтийским царством и пергамской коалицией³¹; хотя в дальнейшем он подошел к такой возможности критически³², в ряде исследований участие Фарнака в войне либо оспаривается³³, либо вовсе не упоминается³⁴.

Безусловно, наиболее активным сторонником Пруссия был Ортиагонт - способный и деятельный политик, сумевший объединить под своей властью все три галатских племени (Polyb. XXII. 21). Еще одно проявление традиционного противостояния Атталидов варварам акцентировано во всех источниках и совершенно заслоняет какие бы то ни было действия других союзников Пруссия, в том числе и Фарнака. Этот царь, между тем, с самого начала своего правления пытался играть самую активную роль во внутрианатолийских делах³⁵, и потому его участие в Первой Вифинской войне выглядит вполне вероятным - особенно с учетом его дальнейшей

²⁸ Habicht Chr. Prusias (1) // RE. 1957. Bd. XXIII. 1. Sp. 1098.

²⁹ Segre M. Due nuovi testi storici // RFIC. 1932. T. XL. P. 446 - 451. Сткк. 11-13 Прямого указания на участие в антипергамской коалиции Фарнака эта надпись, вопреки мнению С.Ю.Сапрыкина (Сапрыкин. Ук. соч. С. 69-70), не содержит.

³⁰ Mitchell S. Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. Vol. I. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule. Oxf., 1993. P. 24.

³¹ Habicht. Prusias... Sp. 1099.

³² Idem. The Seleucids... P. 325.

³³ Gruen E. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley - Los-Angeles - London, 1984. Vol. II. P. 552; Walbank. Op. cit. Vol. III. P. 46.

³⁴ Niese. Op. cit. Bd III. S. 70-72; Hansen. Op. cit. P. 92-95; Magie. Op. cit. Vol. I. P. 314; Vol. II. P. 1196-1197; Vitucci. Op. cit. P. 56; McShane R.B. The Foreign Policy of Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 160-161; Will Ed. Histoire politique du monde hellénistique. Nancy, 1982. T. II. P. 286; Sherwin-White. Op. cit. P. 27; Virgilio B. Il «Tempio stato» di Pessinunte fra Pergamo e Roma nel II-I secolo A.C.: (C.P.Welles, Roy. corr., 55-61). Pisa, 1981. P. 84-86.

³⁵ О политике Фарнака I см.: Колобова К.М. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 27 - 35; Сапрыкин. Ук. соч. С. 67-86.

враждебности к Пергаму. Необходимо согласиться с Й.Хоппом, считающим сообщение Трога вполне аутентичным³⁶, и, следовательно, признающим достоверным вмешательство Фарнака в войну.

Если Прусий в ходе конфликта делал ставку на наиболее агрессивные силы, способные серьезно нарушить баланс сил в Малой Азии, то Эвмен, верный династическим принципам филэллинизма, обратился за военной помощью в первую очередь к независимым греческим полисам, - в особенности к тем из них, которые рисковали стать жертвой Вифинии и ее союзников. С полной уверенностью можно говорить о присоединении к антивифинской коалиции Кизика - наиболее надежного и последовательного союзника Атталидов. Фрагмент, повествующий о визите в Кизик его уроженки Аполлониды - матери Эвмена и его трех братьев, очевидно, поставлен Полибием в прямую связь с Первой вифинской войной (Polyb. XXII. 20. 8), хотя и помещен не в том месте³⁷. Во многих исследованиях содержится утверждение о том, что на сторону Пергама вместе с кизикенцами стали граждане Гераклеи Понтийской³⁸, однако оно выглядит малообоснованным, поскольку строится на неверной датировке вифинско-гераклейского конфликта³⁹. Как сообщает гераклейский историк Мемнон, Гераклея после агрессии вифинцев «многое утерьяла из своей прежней мощи» (πολλὰ γὰρ τῆς παλαιᾶς ῥώμης ἕφεῖτο) (Memn. F. 20. 1); последующее нашеств-

³⁶ Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München. 1977. S. 41. Апп. 37: ср. Ballesteros Pastor L. Mitridates Eupator. rey del Ponto. Granada, 1996. P. 27. К тексту Непота надо относиться более критически. Так, хотя он и говорит о нескольких царях - союзниках Прусия, его сообщение о том, что Ганнибал прибыл к Прусию в Понт (Corn. Nep. Hannib. X. 1), лишенное каких-либо комментариев, не заслуживает доверия. Б.Мак-Гинг понимает его как указание на визит вифинского царя к Фарнаку, свидетельствующий о существовании дружественных отношений между Понтом и Вифинией (McGing B.C. The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // RM. 1986. Bd 129. Ht. 3-4. P. 255; idem. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 24-25. ср. Сапрыкин. Ук. соч. С. 70); но здесь мы, вероятно, имеем дело с ошибкой. обычной для римских историков (зачастую усугубленной некомпетентностью переписчиков), часто путающих малоазийские страны и их правителей (Just. XXVII. 3. 1; 5; XXXII. 4. 7; Luc. Ampel. 34. 1). Н.Н.Трухина считает это сообщение Непота очевидной неточностью (Трухина Н.Н. Комментарии // Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992. С. 97. Прим. 1).

³⁷ Habicht. Über die Kriege... S. 98-99; Walbank. Op. cit. Vol. III. P. 13.

³⁸ Niese. Op. cit. Bd III. S. 71; Hansen. Op. cit. P. 93; Will. Op. cit. T. II. P. 71; особенно McShane. Op. cit. P. 160-161

³⁹ Дата этой войны - самый конец 190-х гг. до н.э. - обоснована нами в работе: Габелко О.Л. Πρωσία, δραστήριος... καὶ πολλὰ πράξας (Memn. FGtH 434. F. 19. 1): один эпизод из политической деятельности четвертого царя Вифинии // ПИФК. Вып. 2. Ч. 1. 1997. С. 212-217.

вие галатов тоже принесло гражданам тяжелые бедствия⁴⁰. Крайне сомнительно, чтобы ослабленные многочисленными потерями гераклеоты могли оказать поддержку Пергаму, с которым у них, к тому же, не было прочных отношений⁴¹ - во всяком случае, источники о таковых умалчивают.

Эвмен искал союзников не только в Малой Азии. В 185 г. до н.э. его посольство добивалось возобновления связей с Ахейским союзом и предлагало ахейцам принять в дар 120 талантов (Polyb. XXII. 7. 3 - 8. 3; Diod. XXIX. 170)⁴². Данное событие должно быть связано с войной против вифинской коалиции, на что указывает упоминание Пруссия в ходе дебатов в ахейском синедрионе⁴³. Ахейцы не приняли финансовой поддержки Пергама и, очевидно, не оказали Эвмену вооруженной помощи; поэтому пергамская дипломатия продолжила поиск новых союзников. Заключенный двумя годами позже договор между Эвменом и тридцатью критскими городами (Syll³. 627) явно имел целью вербовку наемников⁴⁴.

Точное время начала войны нам неизвестно; все имеющиеся в историографии датировки прилизительны, но обычно в качестве начальной даты называют 186 г. до н.э. Военные действия первым начал Прусий (Liv. XXXIX. 51. 1; Just. XXXII. 4. 2) - очевидно, дождавшись окончания похода Гн. Манлия Вульсона против галатов, существенно изменившего расстановку сил в Малой Азии. Все дошедшие до нас свидетельства о ходе боевых действий на суше говорят о каких-то неудачах вифинцев, хотя войсками Пруссия руководил знаменитый пуниец Ганнибал, нашедший прибежище в Вифинии (Nepos. Hannib. X. 1; Liv. XXXIX. 51.1; Just. XXXII. 4. 2-5; Plut. Tit. 20; Paus.

⁴⁰ Утверждение хрониста о том, что после победы над варварами «граждане возы-мели надежды возвратиться к прежнему счастью и славе» (Memn. F. 20. 3) направлено лишь на достижение риторического эффекта (Габелко О.Л. Мемнон об истории Вифинско-го царства // АВ. Вып. 2. 1995. С.112); во II в. до н.э. внешнеполитическое положение гераклеотов продолжало оставаться чрезвычайно стесненным, и они избегали вмешиваться в крупные конфликты.

⁴¹ С.Берстайн приводит аргументы в пользу того, что отношения между Пергамом и Гераклеей в это время были далеко не дружественными (Burstein. Op. cit. P. 9. Not. 12).

⁴² Готовность пергамского царя безвозмездно пожертвовать ахейцам столь крупную сумму, а также дарование пергамским посольством римскому сенату золотого венка стоимостью в 15 тыс. золотых (183 г. до н.э.) (Polyb. XXIII. 1. 7) свидетельствуют о том, что продолжающаяся война не сопровождалась для Атталидов серьезными финансовыми трудностями.

⁴³ Habicht. Prusias. Sp. 1100. Э.Хансен полагает, что Прусий примерно в это время тоже попытался заручиться поддержкой Ахейского союза (Hansen. Op. cit. P. 94).

⁴⁴ Will. Op. cit. T. II. P. 287. Предположение о заключении этого союза в результате урегулирования спора критских общин римским посольством во главе с Аппием Клавдием (Кашеев В.И. Римляне как третейские судьи в межгосударственных спорах греков // Античность: миры и образы. Казань, 1997. С. 35) нуждается в дополнительной аргументации.

VIII. 11. 11; Zon. IX. 20; App. Syr. 11)⁴⁵. Непот (Nepos. Hannib. X. 1) и Юстин (Just. XXXII. 4. 6) прямо указывают, что боевые действия на суше складывались к явной выгоде пергамцев⁴⁶. Эпиграфические материалы⁴⁷ подтверждают и конкретизируют эти сведения.

Победа пергамцев над вифинцами и галатами зафиксирована в посвящении брата Эвмена II Аттала Зевсу и Афине Nikeфории (IvPergamon 65 = OGIS 298). Особую ценность имеет указание на то, что это сражение состоялось π[ε]ρὶ τοῦ Λυ[π]έδρου (стк. 4) - то есть вблизи горы Липера, где находился основанный Зипойтом I город Зипойтион (Memph. F. 12. 5). Локализация битвы в глубине вифинской территории (ведь во времена Зипойта город едва ли мог быть заложен вне пределов коренных вифинских земель) однозначно свидетельствует об активных наступательных действиях

⁴⁵ Пребывание Ганнибала в Вифинии должно стать сюжетом самостоятельного исследования: в историографии последний этап карьеры великого пунийца совершенно не освещен. Пока остаются неясными достоверность упоминания Плиния о причастности Ганнибала к основанию Прусы-Олимпийской (Plin. NH. V. 148), степень его влияния на политику Прусы (явно искаженное представление о ней дает Непот (Corn. Nep. Hannib. X. 1) - см. Трухина. Ук. соч. С. 97), а также причины определенного недоверия, которое карфагенский полководец, кажется, внушал Прусию (Cic. De div. II. 5; Liv. XXXIX. 51. 4).

⁴⁶ Правда, Непот и здесь допускает неточности, сообщая, что на море Эвмен первоначально тоже теснил противника, и объясняя это помощью со стороны римлян, которой в действительности не существовало (Corn. Nep. Hannib. X. 1). Х.Хабихт, указывая на ошибку Непота, склонен преуменьшать масштабы неудач вифинцев и в сухопутных сражениях (Habicht. Prusias. Sp. 1100) - по нашему мнению, не вполне обоснованно. Что касается рассказа Непота в целом, то он явно «распадается» на два уровня, различающихся как по характеру описываемых событий, так и по достоверности их освещения. Так, об общем военно-политическом контексте событий римский историк имеет весьма запутанное представление - видимо, он домысливал его самостоятельно; что же касается отдельных деталей конфликта и, в частности, визита вифинского посольства в Рим (Corn. Nep. XII. 1), то здесь Непот хорошо информирован - вероятно, из-за наличия в его распоряжении достаточно надежного источника (быть может, связанного с анналистами). Этими обстоятельствами и определяется наш избирательный подход к данным Непота.

⁴⁷ Не исключено, что именно о Первой вифинской войне в стк. 14 упоминает декрет в честь стратега Атталидов Коррага из какого-то геллеспонтского города, впоследствии перевезенный в Прусу-Олимпийскую (SEG. IV. 716; Holleaux M. Etudes d'épigraphie et d'histoire grecques. P., 1938. T. II. P. 73-125; Bengtson. Op. cit. Bd II. S. 213-226; Die Inschriften von Prusa-ad-Olympum. Teil. 2. IK. Bd 39 / Hrsg. v. Th. Corsten. Bonn. 1993. 1001). По нашему мнению, с победоносным для Пергама окончанием Первой Вифинской войны хорошо согласуются назначение Коррага на должность στρατηγός τῶν καθ' Ἑλλησπόντων τόπων (стк. 3-4) в качестве начальника над вновь образованной (?) территориальной единицей и упоминание παρὰληψίς τῆς πόλεως (стк. 8) как свидетельство о переходе спорной области от Вифинии к Пергаму. Это еще один косвенный аргумент в пользу того, что Геллеспонтская Фригия была утеряна Прусием именно в ходе данного конфликта.

пергамской армии⁴⁸. Другая победа пергамского оружия упоминается в декрете из Тельмесса, где чествуется Эвмен II, взявший верх над Пруссией, Ортиагнтом и галатами и их союзниками. Документ датируется концом осени - началом зимы 184 г. до н.э.⁴⁹ - то есть он близок по времени к завершающему периоду войны. Именно за эту победу Эвмен был назван Сотером. Наконец, воздвигнутая на Делосе статуя в честь Филетера (видимо, одного из братьев Эвмена), сопровождается надписью, в которой воспеваются его доблесть в борьбе против галатов, изгнанных им из отеческих пределов (после первоначального вторжения их на пергамскую территорию?)⁵⁰. О каких-либо конкретных событиях здесь ничего не сказано, но все эти свидетельства вместе взятые создают впечатление, что сухопутная кампания шла крайне неудачно для Вифинии и ее союзников. Приняв во внимание данные факты, трудно согласиться с Э.Швертхаймом, полагающим, будто Пруссию удалось подчинить Фригию Эпиктет именно после начала войны, что отражено как Страбоном (Strabo. XII. 3. 7; 4. 3), так и в надписи из Эзан⁵¹.

Единственное упоминание об удачных действиях вифинцев связано с морской битвой, в которой им принесла победу над превосходящими силами противника военная хитрость Ганнибала. По его приказу пергамские военные корабли были забросаны глиняными горшками со змеями, причем серьезной опасности подвергся и сам Эвмен (Nepos. Hannib. XI; Just. XXXII. 4. 6; Front. IV. 7.10)⁵². Фраза Непота: «... во многих других уже сухопутных сражениях

⁴⁸ Magie. Op. cit. Vol. II. P. 1196; Vitucci. Op. cit. P. 56-57; Habicht. Prusias. Sp. 1100.

⁴⁹ Segre. Op. cit. P. 446-451.

⁵⁰ IG XI. 4. 1105; Stähelin. Op. cit. S. 62-63; SENHW. Vol. III. P. 1450-1451. Другие исследователи (Allen R. The Attalid Kingdom: A Constitutional History. Oxf., 1993. P. 31. Not. 8; P. 136-137; Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 20) полагают, что здесь может иметься в виду Филетер - основатель династии Атталидов, а С.Митчелл считает равно вероятными обе возможности (Mitchell. Op. cit. P. 16. Not. 40; P. 24. Not. 138).

⁵¹ Schwertheim. Op. cit. S. 71-72; Strobel. Op. cit. S. 34-35. Комментарий к надписи: Периханян А.Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959. С. 44-49; Boffo L. I re ellenistici e i centri religiosi dell' Asia Minore. Firenze, 1985. P. 115-121; Schenkungen hellenistischer Städte und Heiligtümer. T. I. Zeugnisse und Kommentare / Hrsg. v. K.Bringmann und H.v. Steuben. B., 1995. № 253; показательно, что в последней основательной работе комментаторы надписи придерживаются прежней датировки контроля Пруссия над Эзанами. Такая акция, как дарение земли эзанскому святилищу, едва ли может быть соотнесена с обстановкой напряженных боевых действий. Трудно уязвить даже предполагаемое - наверняка кратковременное - установление контроля вифинцев над Фригией Эпиктет в ходе войны со словами Страбона о том, что вифинцы *владели* (ἐῖλον) (курсив мой - О.Г.) ею прежде.

⁵² X.Хабихт отмечает, что место этой морской битвы остается неизвестным (Habicht. Prusias. Sp. 1100), но можно предположить, что она произошла у берегов Пергамского царства. Непот сообщает, что Эвмену, когда его корабль обратился в бегство, уда-

побеждал он (Ганнибал - О.Г.) неприятеля с помощью таких же уловок» (*neque tum solum sed saepe alias pedestribus copiis pari prudentia pepulit adversarios*) едва ли соответствует действительности⁵³: ход войны, насколько он нам известен, не оставляет времени для каких-то наступательных действий Пруссия и его партнеров по коалиции, развивающих успех Ганнибала в морской битве. Можно предположить, что эта победа вифинского флота была одержана после неудач вифинцев на суше, но вряд ли ей предшествовало сражение, упомянутое в тельмесском декрете: боевые действия на море не велись зимой, а хронологический промежуток между успешным для Эвмена сражением и заключением мира слишком невелик. Помимо того, значение последней в выдающейся карьере Ганнибала победы могло быть преувеличено в традиции - в первую очередь, из-за «экзотичности» средства, которым она была достигнута.

Развитие событий, таким образом, делало весьма вероятным тяжелое поражение Вифинии, однако конец конфликта был положен в результате применения не военных, а дипломатических мер. Решающую роль в заключении мирного договора сыграло вмешательство римлян, и его необходимо внимательно рассмотреть.

Пассивность сената по отношению к пергамско-вифинской войне трудно объяснить. В течение нескольких лет римляне не принимали ровным счетом никаких шагов для того, чтобы хоть как-то попытаться урегулировать конфликт, хотя информация о нем не могла оставаться для них недоступной.

Пергамские посольства во время войны неоднократно посещали Рим. В 186 и 183 гг. до н.э. послы Эвмена обращались в сенат с жалобами на Филиппа V, не выполняющего римского решения относительно освобождения им городов Фракийского побережья (Polyb. XXII. 9. 1-2; Liv. XXXIX. 24. 5-9; ср. 27. 1 - 29. 3; Polyb. XXII. 15. 1-5; Liv. XXXIX. 33. 1-4), но во время осуществления этих миссий вопрос о войне против Вифинии и о нарушении Прусией римских предписаний не затрагивался. Весной 183 г. до н.э. пергамскую делегацию возглавил брат царя Афиней, причем к прежним обвинениям в адрес Филиппа было прибавлено еще одно: македонский царь отправил Пруссию вспомогательное войско (Polyb. XXIII. 1. 4, 3. 1; Liv. XXIX. 46. 9)⁵⁴. Это упоминание о войне с вифинцами было *единственным*,

лось укрыться в одной из своих укрепленных гаваней, которые были расположены на ближайшем берегу.

⁵³ Habicht. Prusias. Sp. 1100.

⁵⁴ Сообщения источников дают понять, что эта акция была предпринята Филиппом впервые - не исключено, что именно вследствие ухудшения позиций Пруссия. Оказание военной помощи Вифинии сопровождалось какими-то дипломатическими мероприятиями: к Пруссию был отправлен послом приближенный македонского царя Филокл (Polyb. XXIII. 1. 5. 3. 2), неоднократно выполнявший самые ответственные поручения и известный как

сделанным пергамскими послами⁵⁵, и решение сената по данному вопросу опять-таки касалось только Филиппа, а не Пруссия, причем упор вновь был сделан на безотлагательном выполнении прежних решений сената относительно городов фракийского побережья (Polyb. XXIII. 3. 1-3)⁵⁶.

Создается впечатление, что Эвмен несколько не был заинтересован в привлечении внимания римлян к войне с Пруссией: очевидно, он надеялся (и, надо полагать, не без оснований!) разбить противника собственными силами и в полной мере воспользоваться плодами победы⁵⁷. Сенаторы же, в свою очередь, воздерживались от вмешательства в довольно щекотливую ситуацию - конфликт двух дружественных ему царей, порожденный, в значительной мере, их прежними двусмысленными и не вполне удовлетворительными с международно-правовой точки зрения решениями. Симпатии большей части римских политиков, без сомнения, были на стороне Эвмена как наиболее верного союзника римлян в Азии, однако принять конкретные шаги по прекращению войны римлян мог заставить только какой-то новый поворот событий. Что же именно вывело сенат из пассивности?

В качестве такого критического пункта Х.Хабихт предлагает рассматривать изменение хода военных действий, которое могло якобы принять угрожающий для стабильности в Малой Азии характер. Его мнение следует привести полностью, поскольку оно предоставляет самую развернутую в историографии аргументацию: «Решающим должно было быть уже само поведение вифинского царя, который после 188 г. до н.э. решительно злоупот-

Пруссию был отправлен послом приближенный македонского царя Филокл (Polyb. XXIII. 1. 5, 3. 2). неоднократно выполнявший самые ответственные поручения и известный как «специалист по македонско-вифинским отношениям» (см.: Olshausen E. Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten. Teil I. Von Triparadeisos bis Pydna. Lovanii, 1974. № 101). Он присутствовал и в Риме во время визита Афиняе.

⁵⁵ Фраза Юстина о том, что после поражения пергамского флота об этом было сообщено римлянам, что и вызвало отправку посольства Фламинина (XXXII. 4. 8), не может быть истолкована однозначно. Так, Э.Хансен полагает, что посольство в Рим отправили обе враждующие стороны (Hansen. Op. cit. P. 95; ср. Климов. Ук. соч. С. 37).

⁵⁶ Х.Хабихт не вполне точен, когда говорит о том, что Прусий тоже подвергался обвинению пергамцев (Habicht. Über die Kriege... S. 97; Idem. The Seleucids... P. 328): в источниках об этом ничего не сказано.

⁵⁷ См. сходное мнение: Gruen. Op. cit. Vol. II. P. 552. Ср. с поведением Эвмена в ходе Понтийской войны, когда он удвоил количество своих войск, «чтобы дать понять римлянам, что он и сам в силах отразить Фарнака и одолеть его» (Polyb. XXIV. 8. 11). Й.Хопп придерживается прямо противоположного мнения: Эвмен был вынужден (курсив мой - О.Г.) действовать без помощи римлян (Hopp. Op. cit. S. 41); однако поведение пергамских послов в этой ситуации представляет собой яркий контраст с деятельностью представителей Аттала II во время войны с Вифинией в 156-154 гг. до н.э., когда пергамцы действительно терпели серьезные неудачи: в сенат неоднократно поступали жалобы на вифинцев (Polyb. XXXII. 28. 1 - упоминаются два посольства; XXXIII. 1. 1; см. также OGIS 323).

против Эвмена, должно было встревожить сенат еще сильнее, чем то обстоятельство, что он вообще развязал войну. Он создал против Эвмена коалицию держав, которые были врагами Рима, как галаты под руководством Ортиагонта, или находились с Римом в чрезвычайно напряженных отношениях, как Филипп V. В этом заключался не только угрожающий политический аспект, подразумевавший, что объединенные силы этих партнеров по коалиции могли серьезно расшатать порядок, установленный Римом в Малой Азии несколькими годами ранее; в ходе многолетней борьбы выяснилось, что Пруссию и его союзникам, возможно, стало по плечу одолеть царство Атталидов, назначенное Римом для поддержания нового порядка, однако не до такой степени, чтобы они могли самостоятельно гарантировать стабильность этого порядка»⁵⁸.

Как мы пытались показать выше, факты не убеждают в правдоподобии этой версии. Характер антипергамской коалиции к началу 183 г. до н.э. ничуть не изменился по сравнению с моментом начала войны, когда сенат никак не реагировал на развитие событий. Никаких кардинальных перемен в пергамско-вифинском военном противостоянии к весне 183 г. до н.э. также не произошло; напротив, войска Атталидов только что одержали важную (хотя, наверно, и не решающую)⁵⁹ победу, и поражение Пруссия по-прежнему продолжало оставаться наиболее возможным исходом войны.

Не исключено, что в сложившейся ситуации сам Прусий был не прочь завершить дело миром - даже ценой серьезных уступок⁶⁰. Римлянам тоже было невыгодно слишком резкое ослабление Вифинии, которым была чревата «самостоятельная» победа Эвмена. Именно в таком контексте следует оценивать сообщение Непота о пребывании посольства Пруссия в Риме (Nepos. Hannib. XII. 1). Его цель и время отправки, к сожалению, остаются неизвестными, однако из текста источника следует, что вифинские послы появились в Риме незадолго до отправки комиссии Фламинина на Восток. Показательной (и очень ценной!) является деталь, отсутствующая в рассказе других авторов и проигнорированная современными исследователями: вифинские послы обедали в доме Тита Фламинина (Corn. Nep. Hannib. XII. 1). Видимо, Прусий и Фламинин были связаны дружественными отношениями.

⁵⁸ Habicht. Über die Kriege... S. 100.

⁵⁹ Ibid. S. 99. Э.Грюн противоречит сам себе, сначала говоря о решающей победе Эвмена, а затем утверждая, что вслед за ней произошло неудачное для него морское сражение (Gruen. Op. cit. Vol. I. P. 112; Vol. II. P. 552).

⁶⁰ Ср. с мнением того же Х.Хабихта: «Римского вмешательства было достаточно для того, чтобы склонить на уступки Прусия, который, кажется, также терпел ущерб от войны» (Habicht. Prusias. Sp. 1101); однако более правильным кажется признать существование обратной причинно-следственной связи между событиями.

Подтверждения тому дает прежняя история их дипломатических контактов, на рассмотрении которой следует остановиться.

Принятое в 196 г. до н.э., после окончания Второй Македонской войны, решение сената о том, что Фламинин должен был написать Пруссию относительно предоставления свободы кианийцам (Polyb. XVIII. 44. 5; Liv. XXXIII. 30. 4) оказалось невыполненным: Киос остался включенным в состав Вифинской монархии и был вновь основан Прусием под именем Прусиады-на-море (Strabo. XII. 4. 3; Steph. Byz. s.v. Προύσα). Видимо, лояльная в отношении Рима позиция Прусия во Второй Македонской войне должна была, по мнению сенаторов, заслуживать поощрения, которое в данном случае могло означать лишь декларативное заявление о возвращении свободы кианийцам без применения более действенных мер. Дипломатический демарш сената был вызван, скорее всего, получившим в греческом мире широкую огласку фактом экстраординарно жестокого и циничного обращения Филиппа с кианийцами (Polyb. XV. 22. - 23. 6)⁶¹. Прусией же, в противоположность Филиппу, вновь отстроил и заселил город; он даже проявлял недовольство по поводу того, что Филипп сравнивал Киос с землей (руководствуясь, при этом, конечно, сугубо практическими, а отнюдь не отвлеченными филантропическими соображениями) (Polyb. XV. 23. 10) - несмотря на то, что степень разрушения Киоса, возможно, была преувеличена в общественном мнении и, соответственно, в сообщениях Полибия⁶². Все это могло способствовать благоприятному для вифинского монарха разрешению вопроса о Киосе Фламинином.

Для рассматриваемой здесь проблемы интересен также эпизод из истории геллеспонтского города Лампсака. В декрете в честь Гегесия, датированном 196 г. до н.э., сообщается о посольстве лампсакенцев к Титу Фламинину и десяти уполномоченным сената, занимающимся устройством политических дел в Греции после победы над Филиппом. Граждане города получили гарантии сохранения автономии и демократического управления, причем Фламинином были отправлены какие-то письма к царям (ἐπιστολάς πρὸς τοὺς βασιλεῖ[s]) - очевидно, с просьбой содействовать обеспечению безопасности лампсакенцев (Syll.³ 591) (стк. 73-76)⁶³. Исследователи единодушно считают, что здесь идет речь об Эвмене II Пергамском

⁶¹ Errington R.M. Rome against Philip and Antiochus // САН. Ed. II. Vol. VIII. 1989. P. 263. Характерно, что захват македонянами и вифинцами Мирлеи (Strabo. XII. 4. 3), не сопровождавшийся, судя по всему, подобными крайностями, остался практически незамеченным современниками и не вызвал никаких ответных действий со стороны Рима.

⁶² Holleaux M. Rome, la Grece et les monarchies hellénistiques au III-e siècle avant J.-C. (273 - 205). P., 1921. P. 291. Not. 1.

⁶³ См. также: Die Inschriften von Lampsakos. IK. Bd 6. / Hrsg. v. P.Frisch. Bonn, 1978.

и Пруссии Г⁶⁴. Одновременность дипломатических контактов Фламинина с Пруссией по поводу предоставления свободы Киосу и обеспечения прав Лампсака, кажется, исключает возможность того, что первый из них представлял собой жесткое ультимативное требование (если это письмо вообще было отправлено - ведь Полибий говорит лишь о принятии *senatus consultum*, но не о его выполнении Фламинином)⁶⁵. Трудно представить, что Фламинин (и, вероятно, часть сенаторов), рассматривая Пруссию как монарха, на которого можно было возложить заботу о независимости греческого полиса, стал бы вести себя по отношению к нему так же, как римляне обошлись с Филиппом V, заставив его уйти из всех захваченных греческих городов. Таким образом, оба случая обсуждения вопросов о статусе малоазийских полисов между Фламинином и Пруссией позволили римскому политику и вифинскому царю прийти к приемлемым для обоих результатам.

Все это позволяет предположить, что вифинский царь рассматривал Тита как одного из тех римских политиков, кто мог бы обеспечить соблюдение интересов Вифинии (хотя бы частичное) в любых международных делах. Не случайно, что именно Фламинин возглавил посольство, направленное к Пруссии весной 183 г. до н.э. (Polyb. XXIII. 5. 1; Liv. XXXIX. 51; Plut. Tit. 20; App. Syr. 43; Nepos. Hannib. XII. 2; Zonar. IX. 21. 7). Наиболее точно задачу, поставленную перед комиссией Фламинина, определяет Юстин: восстановить мир между враждующими царями (*regem in pacem cogentem*) (Just. XXXII. 4. 8)⁶⁶.

Интересен вопрос о составе римского посольства. Все источники, за исключением двух, упоминают лишь главу комиссии - Фламинина; Ливий со ссылкой на Валерия Антиата причисляет к нему и Сципиона Назику (Liv. XXXIX. 56. 7), а Плутарх, чье сообщение восходит к тому же источнику, помимо того, добавляет, что одним из послов был Луций Сципион Азиатский

⁶⁴ Stähelin. Op. cit. S. 59; Die Inschriften von Lampsakos. S. 39.

⁶⁵ Дж.Брискоу полагает, что сенат не имел иной возможности обеспечить свободу Киоса кроме объявления войны Пруссии (Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXI - XXXIII. Oxf., 1973. P. 306), но едва ли римскими политиками всерьез рассматривалась столь крайняя мера.

⁶⁶ Х.Хабихт убедительно показал, что в действительности имело место лишь одно римское посольство в Вифинию (Habicht. Über die Kriege... S. 97-98; idem. Prusias. Sp. 1101), а не два, как считалось ранее (Niese. Op. cit. Bd III. S. 73. Anm. 3). Именно оно привело к заключению мира (Briscoe. Flamininus... P. 23) (против, без достаточной аргументации - Gruen. Op. cit. Vol. II. P. 552. Not. 102). Полибий указывает, что Фламинин, помимо Пруссии, должен был отправиться к Селевку IV (Polyb. XXIII. 5. 1), но цель миссии в Сирию остается неизвестной.

(Plut. Tit. 21). Эти сообщения нередко подвергались критике⁶⁷, но если здесь содержится какая-то доля истины⁶⁸, то данная информация заставляет по-иному объяснить роль сципионовской партии в урегулировании вифинско-пергамского конфликта.

Исследователи считают, что политическое поражение и устранение от активной политической деятельности Сципионов, давших Пруссию в 190 г. до н.э. гарантии неприкосновенности его владений⁶⁹, могло каким-то образом способствовать принятию в сенате решения о необходимости заставить Пруссию прекратить войну⁷⁰. Тем не менее, из сообщений Ливия и Плутарха следует, что родственники и сторонники⁷¹ Публия Сципиона совсем не

⁶⁷ См., например: Münzer. Cornelius (337) // RE. Bd IV. 1901. Sp. 1483. Однако подобный вывод делается из общих соображений - исходя из упадка политической роли Сципионов, и потому он не может обесценить конкретного указания римского анналиста. Историчность посольства Луция Сципиона, направленного для разрешения территориального спора между Эвменом II и Антиохом III (Liv. XXXIX. 22. 9 - также со ссылкой на Антиата), отвергается одними исследователями (Grüen. Op. cit. Vol. II. P. 105; Eckstein A. Rome, the War with Perseus and the Third Party Mediation // Historia. 1988. Bd. 37. Ht. 4. P. 417. Not. 4), но принимается как вполне достоверное другими (Nissen. Op. cit. S. 222; Кашев. Ук. соч. С. 38. Прим. 14).

⁶⁸ См. Трухина. Ук. соч. С. 97. Прим. 22, где не высказано никаких сомнений по поводу сообщения Ливия/Антиата. Следует отметить, что Ливий ссылается на Антиата 34 раза и критикует его чаще всего за неправдоподобные цифровые данные (потери противников римлян, захваченные богатства и т.д.), но обычно не испытывает особых сомнений относительно приводимых им имен.

⁶⁹ Некоторые историки на основании сообщения Аппиана (App. Syr. 23) склонны даже считать достоверным участие вифинского царя в войне Антиоха с римлянами на стороне последних. Тем не менее, мнение Т. Корстена об участии вифинцев в битве при Магнезии (Die Inschriften von Kios. IK. Bd. 31 / Hrsg v. Th. Corsten. Bonn. 1985. № 98; Corsten Th. Über die Schwierigkeit, Reliefs nach Inschriften zu datieren // IM. Bd 37. 1987. S. 196-199) ошибочно, поскольку основано на неверной интерпретации надгробной стелы вифинца Мена (исчерпывающий по глубине и обстоятельности анализ этого памятника дан в работе: Bar-Kochva V. Menas' Inscription and Corupedion // SCI. 1974. Vol. 1. P. 14-23). Также, на наш взгляд, не дают оснований для подобного вывода слова Полибия о стремлении Сципионов перетянуть Пруссию на свою сторону (Polyb. XXI. 11. 11), хотя некоторые исследователи склонны придавать им особое значение (Hopp. Op. cit. S. 40. Anm. 29; Briscoe. A Commentary... Books XXXI-XXXIII. P. 236; idem. A Commentary... Books XXXIV-XXXVII. P. 328). Это, однако, не умаляет значения связей Пруссия со Сципионами для развития римско-вифинских отношений.

⁷⁰ Habicht. Über die Kriege... S. 100; idem. The Seleucids... S. 328; Hopp. Op. cit. S. 41-42. Anm. 39.

⁷¹ К последним, с некоторыми оговорками, можно причислить Фламинина, который именно в эти годы отказался от прежнего соперничества и проявлял лояльность к Публию Сципиону (Plut. Tit. 18). О взаимоотношениях Публия Сципиона и Фламинина см. Briscoe. A Commentary... Books XXXI-XXXIII. P. 32-33; Трухина Н.Н. Политика и политики «золото-

потеряли влияния на устройство политических дел в Азии. Фламинин и другие послы, таким образом, могли учитывать на переговорах интересы Пруссия и пойти навстрéчу его желанию избежать катастрофического для Вифинии исхода войны, хотя, несомненно, на вифинского царя должны были быть наложены определенные санкции - прежде всего, за развязывание войны и использование полководческих способностей заклятого врага римлян Ганнибала (Liv. XXXIX. 51. 1)⁷². Итоги конфликта оказались вполне приемлемыми и для Пергама, о чем свидетельствуют предпринятые Эвменом пропагандистские акции⁷³.

Драматические события, связанные с гибелью Ганнибала⁷⁴, совершенно вытеснили из поля зрения древних авторов как проблемы, связанные с

того века» Римской республики. М., 1986. С. 107; Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. М., 1998. С. 357-358. Прим. 44.

⁷² В историографии преобладает мнение, что Пруссий *был вынужден* пойти на заключение мира по требованию Рима (Sands P.C. The Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambr., 1908. P. 96; Hansen. Op. cit. P. 95; Badian E. Foreign Clientelae (264 - 70 B.C.). Oxf., 1958. P. 98; Нопп. Op. cit. S. 41-42). То обстоятельство, что посольство Фламинина прибыло именно в Вифинию, отнюдь не доказывает, что Пруссий подвергся дипломатическому давлению римлян: так, в 154 г. до н.э., во время войны Аттала II Пергамского против Пруссия II, римское посольство, которое должно было заставить Пруссию прекратить войну, прибыло в Пергам, а не в Вифинию (Polyb. XXXIII. 1. 1-2; 9. 1-3). Быть может, исходя из аналогии с этими событиями, позволительно допустить, что пергамские войска стояли под стенами Никомедии? Вновь подчеркнем, что Помпей Трог/Юстин отмечают: посольство Фламинина было отправлено «с целью принудить к миру *обоих* (курсив мой - О.Г.) царей» (XXXII. 4. 8).

⁷³ См. о них: Segre M. L'institution des Niképhoria de Pergame // Hellenica. 1948. T. 5. P. 102-128; Ohlemutz E. Die Kulte und Heiligtümer der Götter in Pergamon. Würzburg. 1940. S. 37-39; Le Rider G. Un tétradrachme d' Athéna Niképhoros // RN. 1973. T. 15. P. 68 ff.; Jones C.P. Diodoros Pasparos and the Nikephoria of Pergamon // Chiron. 1974. Bd 4. P. 184-189.

⁷⁴ Разрозненные данные источников не позволяют выяснить, знали ли римляне о пребывании и деятельности Ганнибала в Вифинии заранее (Plut. Tit. 20) или сведения об этом поступили к ним незадолго до отправки посольства Фламинина (Nepos. Hannib. XII. 1); были ли инструкции относительно выдачи Ганнибала даны послам в сенате (Corn. Nep. Hannib. XII. 1; Just. XXXII. 4. 8; Liv. XXXIX. 51. 1) или инициатива исходила от самого Фламинина (Plut. Tit. 20; App. Syr. 11). Неясной остается и позиция Пруссия - в частности, насколько искренни были его намерения не выдавать пунийца (Görlitz W. Hannibal. Eine politische Biographie. Stuttgart, 1970. S.199. Anm. 45). Можно предположить, что, учитывая характер взаимоотношений Фламинина и Пруссия, в этом вопросе ими был достигнут компромисс, в результате чего в традиции и появилось направление, не выставившее вифинского правителя в особо неблагоприятном свете. Интересно, что именно с этим эпизодом связана единственная характеристика, которая звучит явным диссонансом с другими сообщениями источников о Пруссии, рисующими его смелым и энергичным правителем: Плутарх называет вифинского царя «нерешительным» (Plut. Tit. 21), и это мнение иногда повторяется в историографии (Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. I. С. 587; Бобров-

прекращением войны, так и сами условия мирного договора. Очевидно, Прусий должен был передать Эвмену Мизию Олимпийскую. Единственное прямое указание на результат конфликта содержится у Страбона: «Прусий покинул Фригию на Геллеспонте по договору с Атталидами» (Προυσίας... τῆς ἐφ' Ἑλλεσπόντῳ Φρυγίας ἀναστὰς κατὰ συμβάσεις τοῖς Ἀτταλικοῖς) (Strabo. XII. 4. 3). Большинство исследователей полагает, что отказ от притязаний Вифинии на Геллеспонтскую Фригию стал главным (или даже единственным) итогом конфликта⁷⁵. Однако некоторые немаловажные детали договора могут быть уточнены.

Дело в том, что внимательное изучение данных Страбона о Фригии Эпиктет и Геллеспонтской Фригии (II. 5. 31; XII. 3. 7; 4. 1, 5, 8; 5. 2; 8. 12, 13) позволяет прийти к выводу, что последняя являлась только *частью* гораздо более обширной (см. особ. XII. 8. 13) Эпиктет, а не полностью идентична ей⁷⁶. В составе Персидской империи сатрапия Геллеспонтская Фригия простиралась на восток вплоть до Великой Фригии и Гордиона⁷⁷, однако в эпоху эллинизма картина изменилась: ко времени Страбона Геллеспонтская Фригия находилась к югу от Вифинии (XII. 4. 8)⁷⁸, тогда как некоторые области Фригии Эпиктет примыкали к последней с востока (XII. 4. 1; ср. XII. 5. 2 – Фригия Эпиктет граничит с галатами толистобогиями). Очевидно, столь обширное и полиэтничное⁷⁹ территориальное объединение как Фригия Эпиктет было создано главным образом в результате политико-административных мер Эвмена

никова. Ук. соч. С. 314, 363-364. Прим. 53) - очевидно, без должной критики. Существует экстравагантная гипотеза, согласно которой выдачу Ганнибала римлянам осуществил не Прусий I, а Прусий II. Поскольку точное время смерти Пруссия I и, соответственно, воцарения его сына остается неизвестным, то исследователи полагают, что выдать Ганнибала вопреки праву гостеприимства мог не храбрый и энергичный Прусий-старший, а его наследник, чьи характеристики в источниках весьма неслестны (Davis N., Kraay C.M. The Hellenistic Kingdoms. Portrait Coins and History. L., 1973. P. 260).

⁷⁵ Meyer Ed. Op. cit. Sp. 519; Vitucci. Op. cit. P. 58-59; Habicht. Prusias. Sp. 1102; McShane. Op. cit. P. 160; Habicht. The Seleucids... P. 328. Нам ничего не известно ни о наложенной на Прусия контрибуции, ни о сокращении вифинской армии, если эти меры вообще были приняты. Тем не менее, Прусий II почти сразу же после рассмотренных событий имел возможность вступить в войну с Фарнаком – очевидно, его военные возможности были достаточны для этого.

⁷⁶ Это отражено на карте С.Шахина (Op. cit. Karte), хотя убедительных объяснений своим построениям исследователь не приводит.

⁷⁷ Şahin. Op. cit. S. 136. Anm. 39; Strobel. Op. cit. S. 32.

⁷⁸ Очевидно, она включала в себя ту часть Фригии Эпиктет, где находились города Эзаны, Наколея, Котизий, Мидизий, Дорилей и Кады (XII. 8. 2).

⁷⁹ Эпиграфические данные, проанализированные С.Шахином, позволяют судить, что на западе области жило смешенное фригийско-вифинско-мизийское население, в среднем течении Сангария – фрако-вифинско-фригийское, на востоке – фригийско-вифинско-галатское или пафлагонское (Op. cit. S. 141. Anm. 56).

II (на что указывает и само название области – «Присоединенная»). Это «присоединение» касается прежде всего восточных районов области, которые, очевидно, до войны принадлежали Вифинии⁸⁰.

Карта 1. Северо-Западная Малая Азия после Первой Вифинской войны.

Условные обозначения:

1 – территории, отошедшие по итогам войны к Пергаму.

2 – вифинские земли, на которые, возможно, распространился контроль Пергама по завершении конфликта.

В пользу такого предположения говорят и другие свидетельства о территориальных потерях Вифинии; хотя они не вполне надежны, но игнорировать их все же не следует. Так, существование в Вифиниие филы Аполлониды (SIG 3802) (названной, видимо, в честь матери Эвмена; вспомним, что она была упомянута Полибием в какой-то связи с Первой Вифинской войной - XXII. 20. 8) часто связывают с распространением на этот город

⁸⁰ Преиод пергамского преобладания здесь, видимо, не был длительным. Скорее всего, Эвмен отказался от части вновь приобретенных территорий после Понтийской войны, стремясь улучшить отношения с Вифинией (см. далее о Тиосе). Ко времени Страбона Вифинион, на который после войны, возможно, распространился пергамский контроль, лежал «в глубине Вифинии» (Strabo. XII. 4. 7) – то есть уже вне территории Фригии Эпиктет, вошедшей в состав римской провинции Азия (Şahin. Op. cit. S. 141. Ann. 56).

пергамского влияния⁸¹. Неясным остается и статус, определенный после войны для Тиоса - города, рассматриваемого Атталидами как их наследственное владение⁸². События, случившиеся в ходе войны против Фарнака Понтийского, дают основание предположить, что Тиос также отошел к Пергаму⁸³. Независимо от того, существовал ли «коридор», предоставляющий

⁸¹ Meyer Ernst. Op. cit. S.150; Hansen. Op. cit. P.95; Walbank. Op. cit. Vol. III. P.211. Против: Robert L. Laodicee du Lycos, *Le Nymphéé*. P., 1969. P. 269. Not. 6; Şahin. Op. cit. S. 141. Anm. 56: это название является производным от имени бога. Не исключено, впрочем, что одна из полисных фил была названа так во время кратковременного улучшения пергамско-вифинских отношений в начале правления Пруссия II. В этом случае становится еще более привлекательным высказанное недавно предположение, что Вифиния была основана именно этим царем после завершения Понтийской войны, когда Вифиния (при содействии Пергама) усилила свои позиции на востоке (Strobel. Op. cit. S. 44). Прежде на основании эпиграфических данных считалось, что этот город был заложен Прусием I (SEG XXX 1420; Robert R. A travers l'Asie Mineure. Poètes et prosateurs, monnaies grecques, voyages et géographie. P., 1980. P. 129-132).

⁸² Jones A.H.M. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxf., 1937. P. 420.

⁸³ См. Meyer Ernst. Op. cit. S. 148 (впрочем, его предположение о связи масдиенов, упомянутых в завещании Атталы III, с северным побережьем Малой Азии было отвергнуто другими исследователями); Норр. Op. cit. S. 43. Anm. 50; Климов. Ук. соч. С. 37. В тексте завершившего Понтийскую войну мирного договора 179 г. до н.э. указано, что Фарнаку было предписано вернуть (ἀποδοῦναι) Тиос Эвмену, и лишь потом пергамский царь передал город Прусию II, сняв тем самым его благодарность (Polyb. XXV. 2. 7). Если до начала конфликта Тиос действительно принадлежал Вифинии, то данный пункт соглашения остается малопонятным. Ведь вифинский монарх оказал определенную (хотя, видимо, и незначительную) поддержку Эвмену, и отторжение части его владений союзником в результате успешно завершённой войны не поддается удовлетворительному объяснению.

Еще одним подтверждением контроля Пергама над Тиосом может служить следующий факт. Диодор сообщает, что славшийся в начале Понтийской войны на милость полководца Фарнака Леокрита гарнизон Тиоса был перебит под тем предлогом, что ранее (ἐν τοῖς ἐπὶ αὐτῷ χρόνοις) эти наемники вредили Фарнаку (Diod. XXIX. 23). Если наемники состояли на службе у вифинского царя, то остается неясным, когда именно они могли нанести какой-либо вред Понту: ведь, как было показано выше, в Первой Вифинской войне Фарнак выступил на стороне Вифинии и галатов. При этом очень странным выглядит предположение К.М.Колобовой и Н.Ю.Ломоури о том, что гарнизону Тиоса вменялся в вину ущерб, нанесенный галатами Понтийскому царству в середине III в. до н.э. (Колобова. Ук. соч. С. 33; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. С. 54) - то есть примерно за семьдесят лет до исследуемых событий; следовательно, можно предположить, что Тиос был занят наемниками, состоявшими на службе у враждебного ранее Понту царя, и потому Г.Гриффит предполагает, что в городе находились наемники либо Морзия Пафлагонского, либо Эвмена (Griffith G. *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Camb., 1935. P. 185). Если гарнизон Тиоса состоял из галатов, появление которых в таком качестве в данном районе кажется наиболее вероятным, то Эвмен вполне мог прибегнуть в этом случае к помощи князька Эпосогната, который, единственный из галльской знати, оставался в дружбе с пергамским монархом и оказывал услуги ему и римлянам во время похода Гн. Манлия Вульсона в Галатию (Liv. XXXVIII. 18. 1; 14; Polyb. XXI. 37). Передача

Пергаму выход к Черному морю⁸⁴, смещение пергамских интересов на Восток и стремление усилить свое влияние на вифинско-фригийско-галатско-пафлагонском пограничье, думается, сомнению не подлежит⁸⁵. Помимо того, Эвмену удалось установить контроль над Галатией, хотя в дальнейшем галатский вопрос неоднократно обострялся и нередко требовал от Атталидов применения сильнодействующих мер.

Ход и результаты Первой Вифинской войны, таким образом, наглядно иллюстрируют то, как особенности международной ситуации, сложившейся в Малой Азии после Апамейского соглашения, воздействовали на политику местных монархий, с одной стороны, и Рима - с другой. Как ни странно, условия Апамейского мира ни непосредственно после его заключения, ни в последующее время никогда не оспаривались той державой, против которой он, в сущности, и был направлен и чьи интересы были ущемлены им сильнее всего - государством Селевкидов. Более того, косвенным образом к изменению определенного договором положения вещей привели агрессивные действия самих римлян, в частности, экспедиция против галатов. Что же касается затронутых соглашением эллинистических монархий, то одни из них стремились закрепить чрезвычайно благоприятные для себя условия, достигнутые при непосредственном содействии римлян (Пергам), а другие - изменить невыгодное положение, иногда не останавливаясь даже перед применением военной силы и нарушением римской воли (Вифиния). В конечном итоге все же именно виновному в развязывании конфликта Пруссию I пришлось, как кажется, добиваться его урегулирования - опять-таки с помощью римлян. Рим же, в свою очередь, был не склонен отступать от определенных им ранее условий *status quo* - даже если в качестве реального или потенциального нарушителя этих условий выступал не просто союзный царь, каковым являлся Прусий, но и самый надежный на тот момент сторонник римской политики в Малой Азии Эвмен II Пергамский.

города Пруссию могла быть для Пергама не слишком большой потерей, если принять к сведению замечание, что город мог представлять собой лишь анклав пергамских владений на территории Вифинии (Jones A. Op. cit. P. 420).

⁸⁴ О нем говорит Эрнст Мейер (Op. cit. S. 150); против - С.Шахин (Op. cit. S. 141. Апп. 56), не принимающий, однако, в расчет весьма вероятного изменения статуса Тиоса.

⁸⁵ Именно этот фактор, видимо, стал одной из причин Понтийской войны.

O.L. Gabelko

The Aftermath of the Peace of Apameia: The First Bithynian War

The article presents the analysis of the causes, course and results of the conflict between the monarch of Bithynia Prusias I and king of Pergamum Eumenes II (186-183 BC). That conflict is a proper instance of the concept of the «balance of power», realized by Hellenistic powers and Rome. The grounds for war were given by the conditions of the Treaty of Apameia (188 BC). According to those conditions, defined by Rome, Bithynia had to cede to Pergamum a part of the newly gained territories. The historical and philological analysis of Polybius' and Livy's texts leads us to a conclusion that the conditions implied the lands in Olympian Mysia and Hellespontian Phrygia, which probably were seized by Prusias during the war between Antiochus and Romans. The war was ignited by Bithynia. The Bithynian allies were the Galatians, led by Ortiagon, and Pharnaces, the king of Pontus. Eumenes enjoyed the support of some Greek *poleis*.

The course of war actions turned to be quite disappointing for Bithynia. The narrative and epigraphic sources inform us of the number of battles, where Prusias and his allies were defeated by the army of Pergamum. The naval victory of Bithynian fleet, led by a famous general Hannibal, could not alter the strategic situation dramatically, and seems to be the only Prusias' success.

Nevertheless the conflict was settled by diplomatic, not military means. The Roman Senate that earlier used to ignore a tense situation in the Western part of Asia Minor for quite a long time turned to be the power to stop the war. Perhaps, it was not Eumenes, as it is often believed, but Prusias, eager to avoid a possible disastrous defeat, who can be supposed to invite the Roman mission to come to Asia Minor. The analysis of the former diplomatic contacts of Titus Flamininus, the head of the Roman mission, and its members, belonging to the Scipios, with king of Bithynia makes us think so. It shows that Prusias established rather firm and mutually beneficial ties with those Roman politicians. Due to Roman diplomatic interference the peace was concluded; Bithynia bore certain territorial losses, but the results of the war never got fatal for Prusias.

The author also discusses the territorial changes in the Northern-Western Asia Minor after the war. From his point of view, Eumenes took in his possession not only Phrygia on the Hellespontus, but also some lands eastwards belonged to Bithynia properly. These territories with Phrygia on the Hellespontus received the name «*Phrygia Epictetus*» - «Newly Gained».

Глава IV

Эллины и варвары в Северном Причерноморье

А.А. Завойкин

Афины - Боспор - Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха)

Четыре десятка лет назад Т.В.Блаватская писала: «Характер средиземноморской политики Боспора в течение всего V в. до н.э. почти не поддается изучению, так как письменные источники освещают этот сложный вопрос лишь начиная с 10-х годов V в., а разнообразный и богатый археологический материал рисует лишь картину экономических, но не внешнеполитических связей. Между тем, в указанный период для молодого боспорского государства вопросы взаимоотношений с эллинскими полисами Средиземноморья были особенно существенны. Будучи частью, хотя и окраинной, обширного эллинского мира, Боспор неминуемо принимал какое-то участие в его политической жизни... Конечно, удаленность боспорских городов делала их менее активными участниками различного рода столкновений антагонистических групп средиземноморских полисов... Тем не менее и на берега Боспора Киммерийского должны были долетать отзвуки того ожесточенного политического соперничества, которым полна история средиземноморских полисов рассматриваемого времени, а последствия этой борьбы каким-то образом сказывались на направлениях внешней политики Боспора... Конечно, данное предположение остается пока что гипотезой»¹.

Отталкиваясь от этого естественного заключения, исследовательница предложила ряд тонких наблюдений по истории внешнеполитических контактов Боспора в V в. до н.э., основанных на анализе изменений политической обстановки в Средиземноморье, наиболее значительное из которых вытекает из самого факта, что только с последнего десятилетия V в. до н.э. Боспор включается в сферу интересов античной литературы (прежде всего аттической) и, соответственно, с этого момента его история получает какое-то отражение в нарративных источниках. Т.В.Блаватская справедливо усматривает в этом свидетельство того, что внешнеполитическая ориентация Боспо-

¹ Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М., 1959. С. 49-50 и прим. 2.

ра в рассматриваемую эпоху не была неизменной, и именно с этого времени боспорские Спартокиды занимают проафинскую позицию².

За прошедшие сорок лет в распоряжении науки не появилось новых письменных источников, позволяющих решительно пересмотреть историю внешней политики Боспора второй половины V - первой половины V вв. до н.э. Однако значительный прирост археологических материалов, хотя и отражающих перипетии внешней политики лишь весьма косвенно³, выдвинул в повестку дня необходимость вновь основательно исследовать историю образования самого Боспорского государства (привлекая, разумеется, и данные нумизматики, эпиграфики, литературной традиции⁴). Иначе говоря, до сравнительно недавнего времени исследователи, трактуя о внешнеполитическом положении Боспора во 2-й половине V в. до н.э., исходили из представления, что, начиная с 480/79 г. до н.э., это было политически монолитное пространство, за рамками которого оставались только Феодосия и Нимфей⁵. Соответственно, внешнеполитической ориентации двух названных полисов на Афины противопоставлялась антиафинская позиция Спартокидов, которые, якобы, властвовали на всем Боспоре⁶. Это соотношение, по мнению Т.В. Блаватской, изменилось решительно только «незадолго до 406 г.», но, скорее всего,

² См. Блаватская. Ук. соч. С. 70-72. Сказанное не означает, что я разделяю мнение исследовательницы, что «замалчивание» Боспора Геродотом и Фукидидом говорит о враждебности *Боспора* [здесь и далее курсив мой - А.З.] и Афин в более ранний период. Ср. Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // ДГ-1984. М., 1985. С. 136-137.

³ См. Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI-V вв. до н.э. // ОАИБ. М., 1992. С. 260 слл.; Масленников А.А. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 1996. № 3. С. 61-71.

⁴ См. Завойкин. Ук. соч. С. 267 слл.; Он же. О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 1995. № 6. С. 89-92; он же. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагории // ДБ. 1998. № 1. С. 79-80; Он же. Βόσπορος Κιζιέρως – Βόσπορος – Diod.XII.31.1. (Опыт источниковедческого анализа) // ПИФК. 1994. № 1. С. 64-70; Завойкин А.А., Болдырев С.И. Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // БС. 1994. № 4. С. 46. Следует, однако, подчеркнуть, что впервые вопрос о необходимости решительной ревизии традиционных представлений по хронологии становления территориального Боспорского государства ясно был поставлен в историографическом исследовании А.Н.Васильева (Проблемы политической истории Боспора V-IV вв. до н.э. в отечественной историографии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 13-15; он же. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб. 1992. С. 111 слл.).

⁵ Не удивительно поэтому недоумение Т.В.Блаватской по поводу молчания Фукидида «о Боспоре, являвшемся уже тогда крупнейшим государством на Понте» (Блаватская. Ук. соч. С. 62).

⁶ Блаватская. Ук. соч. С. 63-64.

после 409 г. до н.э., когда, после ряда неудач, для Афин настали времена «самых энергичных поисков новых союзников, причем уже приходилось искать их не в среде греческих полисов, а привлекать на свою сторону царей и династов»⁷.

Чрезвычайно любопытен пример анализа внешнеполитической обстановки на Боспоре 2-й половины V в. до н.э., основанного на традиционном взгляде о раннем происхождении и монолитности Боспорского государства, который представлен Э.О.Берзиным⁸. Данная работа весьма наглядно демонстрирует, в какой степени мнение о едином Боспорском государстве противоречит анализу конкретных источников, прежде всего материалов нумизматических. Указывая на тесное типологическое сходство «синдской» серебряной монеты с типом «голова Геракла в львиной шкуре» с монетой Гераклеи Понтийской, автор вслед за Д.Б. Шеловым⁹, говорит «о наличии самостоятельной политики синдов, независимой от Спартокидов»¹⁰. По мнению Э.О.Берзина, «синдская» чеканка отражает формирование на Азиатском Боспоре антиспартокидовской *коалиции* (Афины, полисы Азиатского Боспора¹¹, синды¹², Гераклея Понтийская), «духовным организатором и вдохновителем которой, конечно, были Афины»¹³, стремившиеся в данном регионе к гегемонии и противостоящие «централизаторским» устремлениям Спартокидов¹⁴. Более того, Э.О. Берзин считал возможным говорить о формировании этой коалиции как о результате «военной и дипломатической деятельно-

⁷ Там же. С. 71-73.

⁸ Берзин Э.О. Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 1. С. 124-129.

⁹ Шелов Д.Б. Монеты синдов // КСИИМК. 1949. 30. С. 116-117.

¹⁰ Берзин. Ук. соч. С.124.

¹¹ В которых он, следуя мнению В.Д. Блаватского (Архаический Боспор // МИА. 1954. Т. 33. С. 38), видит оплот «сверженной» династии Археанактидов, внутреннюю оппозицию Спартокидам - см. Берзин. Ук. соч. С. 126.

¹² Монеты которых, как он думает «были выпущены после свержения Гекатей [Polyaen. VIII. 55 - А.3.] новым правительством, резко враждебным Спартокидам» - см. Берзин. Ук. соч. С. 127. Следует, однако, отметить, что, привлекая данные Полиена, Берзин ошибся лет на тридцать, т.к. история с меотянкой Тиргатао относится последним годам (или году) жизни Сатира I, умершего, согласно Диодору (XIV. 93. 1), в 393/2 г. до н.э. (все современные исследователи исправляют эту дату на более позднюю: от 390 - до 387 гг. - см. Завойкин А.А. Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // ДГ-1996-97. М., 1999). Об этом см.: Латышев В.В. IOSPE. II. С. XXI; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 130-133; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.-Л. 1953. С. 170. Прим. 2; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 118-119.

¹³ Берзин. Ук. соч. С. 127.

¹⁴ Там же. С. 126.

сти Ламаха на посту стратега в “год Стратокла”» (т. е. в 425/4 г. до н.э.)¹⁵. Поскольку, согласно мысли исследователя, коалиция держалась только авторитетом Афин, то, когда он пошатнулся - союз распадается. Между 410 - 405 гг. до н.э. Спартокиды заключили мир с Афинами. До 80-х гг. IV в. до н.э. борьбу с боспорскими Спартокидами продолжала только Феодосия¹⁶.

Трудно не заметить противоречия в концепции Э.О. Берзина. Верно, как представляется, уловив союзный характер «синдской» монеты¹⁷, политически-манифестационную, антиспартокидовскую семантику ее типологии, исследователь не уделил должного внимания хронологии монетных выпусков, тем самым смешав в единую коалицию и Афины, и антиафинскую по своей ориентации Гераклею (за которой стояла Персия - см. Just. XVI. 3¹⁸), якобы объединившихся с синдами и «проархеанактидовской» оппозицией¹⁹ Азиатского Боспора на почве общей ненависти к Спартокидам.

В действительности, конечно, такой противоестественной по своему составу коалиции никогда не существовало; был лишь антиспартокидовский союз полисов Азиатского Боспора (Синдики), который первоначально поддерживали Афины²⁰, а позднее, после того, как влияние последних сошло на нет или же они резко переменили отношения со Спартокидами²¹, - он нашел поддержку в лице Гераклеи Понтийской²².

Я вынужден был задержаться на данных сюжетах по той причине, что серьезный анализ внешнеполитических контактов Боспора рассматриваемого периода невозможен без выяснения прежде всего вопроса о субъектах политической истории в данном регионе. Перед тем, как попытаться выяснить, каким образом внешнеполитические коллизии отражались на судьбах Боспора, с одной стороны, и как эти перемены влияли на формирование его взаимоотношений с теми или иными государствами, с другой стороны, - следует самым кратким образом определить первоначальную расстановку сил.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 128-129.

¹⁷ Ср. Завойкин, Болдырев. Ук. соч.

¹⁸ См. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 46.

¹⁹ Само наличие которой и связь ее с Азиатским Боспором более чем спорны. За неимением места я вынужден отказаться от обсуждения данного вопроса.

²⁰ Тип «сова с распростертыми крыльями», ок. 431-415 гг. до н.э. - см. Завойкин, Болдырев. Ук. соч. С. 44, 45.

²¹ См. Блаватская. Ук. соч. С. 71-73: между 409-406 гг. до н.э.; Берзин. Ук. соч. С. 129: между 410-405 гг. до н.э.

²² Тип «голова Геракла в львиной шкуре»: примерно между 415 - 410/405 гг. до н.э. - см. Завойкин, Болдырев. Ук. соч. С. 45; Завойкин. О времени автономной чеканки Фанагории... С. 92.

К тому моменту, с которого начинается наше исследование, политическая жизнь на Боспоре Киммерийском протекала по преимуществу в классических полисных формах. О характере политического устройства апойкий, возникших в ходе Великой греческой колонизации, ввиду отсутствия источников, можно лишь гадать, прибегая к широкому аналогизированию. Только одна конкретность нам известна²³: в 480/79 г. до н.э. (Diod. XII.31.1) в Пантикапее установился тиранический режим Археанактидов²⁴.

Следующее по времени важное событие политической истории Боспора - образование союза боспорских городов (численность и состав которых

²³ Я не имею возможности остановиться на рассмотрении гипотезы В.Ф. Столбы, по мнению которого после смены династий в Пантикапее в 438/7 г. и развала так называемого аполлонийского союза в Феодосии и Нимфее установились тиранические режимы, существовавшие пару лет, до похода Перикла и включения этих полисов в состав Афинской державы (см. Stolba W.F. Zur Prägung eines bosporanischen Tyrannen // Sonderdruck aus Stephanos nomismatikos. Ed. Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag. В. 1998. S. 605-609; ср. Столба В.Ф. О боспорских монетах с надписью ΘΕΟΔΕΟ - ΘΕΟΔΕΝ // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф., посвящ. 90-летию Б.Н. Гракова. Запорожье. 1989. С. 147-148). Укажу только на два затруднения, не позволяющие согласиться с мнением исследователя: 1) стилистика и фактура монет, на основании которых В.Ф. Столба делает свои заключения, противоречит принятой хронологии пантикапейской чеканки; 2) мне не известно в монетном деле эллинов рассматриваемой эпохи ни одного примера, когда бы *тиран* прямо указал свое имя на монете, то есть открыто присвоил себе монетную регалию. Аналогии, приведенные самим В.Ф. Столбой, нельзя признать корректными.

²⁴ См. Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. 1983. Т. 1. С. 394 слл.; особо обрати внимание - С.417: «один из Археанактидов мог установить тираническое господство, по всей видимости, первоначально в одном полисе, скорее всего, Пантикапее»; ср. Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 63-78; особо обрати внимание - С.76: «первый из Археанактидов смог, опираясь на войско, захватить власть в одном Пантикапее». Оба цитируемых автора полагают, что с этого момента начинается история единого Боспорского государства (за рамками которого оставалась только Феодосия и Нимфей) - «федеративно-го союза и симмахии для защиты своего суверенитета от посягательств варваров» (Виноградов. Ук. соч. С.416). Причем, если Ю.Г. Виноградов считает, что «предполагать какие-либо формы политического объединения доархеанактидовского периода не позволяет единодушное молчание источников», то Ф.В. Шелов-Коведяев, ссылаясь на предположение Ю.Г. Виноградова о том, что Феодосия *могла* со временем выйти из «первоначально равноправного союза», полагает, что Археанактиды узурпировали в 480 г. до н.э. власть «внутри уже сложившегося объединения» (Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 63-64). К рубежу VI-V вв. до н.э. относит формирование боспорского объединения Т.В. Блаватская (Ук. соч. С. 9-16). Более определенно см. Виноградов Ю.Г. Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С.16: «успешное отражение скифской агрессии позволило в 480/79 гг. [представителю рода Археанактидов - А.3.] стать тираном в своем городе, а его роду *со временем* занять лидирующее положение в боспорской симмахии».

мы уточнить не можем), покровителем которого был Аполлон (Врач)²⁵. О его существовании можно судить только по одному источнику - серебряным монетам, чеканенным на пантикапейском монетном дворе, имеющим на реверсе легенду АПОΛ²⁶. В настоящее время практически все исследователи разделяют мнение Ю.Г.Виноградова о том, что «аполлонийский» союз - симмахия и религиозная амфиктиония - тождествен государству Археанактидов. Однако оснований для этого отождествления нет никаких. Ничто не мешает думать, что Пантикапей под тиранией Археанактидов являлся одним (пусть даже самым значительным) из членов этого объединения боспорских полисов.

Оставляя в стороне вопросы о причинах, характере, путях образования данной конфедерации и т.д. (тем более, что они будут иметь исключительно гипотетический характер), заострим внимание на хронологии монет с легендой АПОΛ. А.Н.Зограф²⁷, датируя первые эпиграфные монеты Пантикапея со 2-й четверти V в. до н.э., ставил аполлонийские между монетами с двумя буквами (ПА/ΑΠ) и с легендой ΠΑΝΤΙ; при этом исследователь подчеркивал, что тип изображения головы льва на аполлонийских монетах «ближе подходит к головам на позднейших группах монет»²⁸. Д.Б.Шелов синхронизирует аполлонийскую чеканку с пантикапейскими монетами 2-3-й четвертей V в. до н.э., отрицая возможность «помещать аполлонийские монеты, как это делает Ю.С.Крушкол²⁹, между разными сериями пантикапейских монет...»³⁰.

²⁵ Если покровителем данного объединения был Иатрос, то, быть может, в его состав входили только полисы, основанные выходцами из Милета, специфическим патроном которых на Понте был Аполлон Врач? (см. Виноградов Ю.Г., Русяева А.С. Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 30-31; Русяева А.С. Милет - Борисфен - Ольвия: некоторые проблемы колонизации Нижнебугского региона // ВДИ. 1986. № 2. С.25-63; она же. Религия и культуры античной Ольвии. Киев, 1992. С. 29-41; Сударев. Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. 1999. № 2. С. 227.

²⁶ Краткую историографию исследования этих монет см.: Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М., 1956. (далее - Шелов. МДБ) С. 23-26; Фролова Н.А. О проблеме чеканки монет с надписью АПОΛ // БС. 1995. № 6. С. 205 слл.; она же. К вопросу о чеканке ранних боспорских монет (конец VI-V вв. до н.э.) // Тез. докл. нумизматической конф. СПб.. 1992. С. 9-11; она же. Монетное дело Боспора середины VI-V в. до н.э. // РА. 1996. № 2 (= МДБ. II). С. 49-50. Впервые данная интерпретация была предложена Ю.Г.Виноградовым - см. Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 46-47. Прим. 95; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 69; Пичикян И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. М., 1984. С. 146-147. Прим. 2.

²⁷ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. Т. 16. С. 165-166.

²⁸ В описании таблиц дана широкая дата - V в. до н.э. (Зограф. Ук. соч. С. 244).

²⁹ Крушкол Ю.С. Ранние монеты Пантикапея как исторический источник // ВДИ. 1950. № 1. С. 186.

Важно подчеркнуть, что исследователь уточняет эту дату: «Начало чеканки первой серии, видимо, падает уже на *конец* 2-й четверти столетия, т. к. львиная голова на этой серии аполлонийских монет *всегда* имеет гриву, трактованную в виде коротких заостренных прядей, выступающих друг из-под друга, а подобная трактовка волос появляется на различных греческих монетах в *конце* 1-й половины V в.»³¹. Прекращается же чеканка «на границе 3-й и 4-й четверти V в.» или «в начале 20-х гг.»³². В.А.Анохин, который считает аполлонийскую чеканку храмовой³³, интересующие нас выпуски³⁴ датирует ок. 460-450 гг. до н.э. (А-4) и 423-413 (А-6).

Н.А.Фролова в ряде своих работ предложила следующую хронологию аполлонийской монеты: 3-я четверть V в. до н.э.³⁵; ссылаясь на А.Н. Зографа, она синхронизирует их с пантикапейскими, имеющими легенду из 4 - 5 букв (ΠΑΝΤ; ΠΑΝΤΙ) и отрицает возможность функционирования двух эмитентов на одном монетном дворе³⁶, уточняет датировку Д.Б.Шелова - 3-я четверть V в. до н.э.³⁷. По ее мнению, «после прекращения эмиссий с надписью ΑΠΟΛ было отчеканено только четыре типа новых монет: 1) лев - ΠΑΝΤΙ; 2) муравей - ΠΑΝΤΙ; 3) лев - баран, ΠΑΝΤΙ; 4) муравей - баран, ΠΑΝΤΙ»³⁸.

Избегая подробного обсуждения проблемы хронологии союзной аполлонийской монеты, подведем итоги. Согласно мнению нумизматов, начало чеканки относится к концу 2-й четверти - середине V в. до н.э. Таким обра-

³⁰ Шелов. Ук. соч. С. 27-28; он же. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия // ВДИ. 1949. № 1.

³¹ Шелов. МДБ. С. 29; он же. К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах // КСИИМК. 1951. Т. XXXIX. С. 50: относит первую серию аполлонийских монет, как и пантикапейские с двумя буквами, к *середине* V в. до н.э.

³² Шелов. МДБ. С. 29-30.

³³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 24, 26.

³⁴ То есть с легендой ΑΠΟΛ. Сам исследователь относит к чеканке храма, продолжавшейся, по его представлениям, около ста лет (480 - 393 гг. до н.э.), ряд других выпусков. Критику его взглядов и методики датирования см. Фролова Н.А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI-II вв. до н.э. (По поводу выхода книги В.А. Анохина «Монетное дело Боспора», Киев. 1986) // ВДИ. 1988. № 2. С. 126-132; она же. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. - середины IV в. н.э. в свете новых исследований // ОАИБ. 1992. С. 202-204 (= МДБ. I).

³⁵ Фролова. Проблемы... С. 128: аргументирует строительством храма Аполлона в Пантикапее около середины V в. до н.э.; там же (С. 132) отмечена кратковременность (4 типа), но интенсивность чеканки; она же. О проблеме чеканки... С. 207.

³⁶ Фролова. МДБ. I. С. 202-203; она же. О проблеме чеканки... С. 206.

³⁷ Фролова. МДБ. I. С. 204; она же. О проблеме чеканки... С. 208 и прим. 163.

³⁸ Фролова. О проблеме чеканки... С. 208. По всей видимости, досадная ошибка - датировка монет с надписью ΑΠΟΛ в каталоге публикации Н.А.Фроловой (МДБ. II. С. 65: 34 тип пантикапейских = 1 типу монет с ΑΠΟΛ) 4-й четвертью V в. до н.э.

зом, хронологические дефиниции препятствуют утверждению, что в 480/79 г. до н.э. пантикапейские Археанактиды встали во главе боспорского союза городов, которому покровительствовал Аполлон. Союз этот появился позднее по крайней мере лет на 15-20. Чеканилась союзная монета в Пантикапее интенсивно, но недолго (две серии четырех типов)³⁹. Финальная серия датируется в пределах 3-й четверти V в. до н.э. Наконец, остается подчеркнуть, что соотношенность нумизматических датировок с абсолютной хронологической шкалой не безусловна.

Итак, подходя к моменту, с которого начинается основная часть нашего исследования, т. е. ко времени Понтийского похода Перикла, мы имеем в виду тиранический Пантикапей; неизвестно точно, существующий или уже распавшийся аполлонийский союз ряда боспорских полисов (в том числе и Пантикапей); наконец, возможно, какие-то автономные полисы, не входившие в этот союз.

Экспедиция афинского флота во главе с Периклом в Понт, которая состоялась в середине 430-х гг., а скорее всего летом 436 г.⁴⁰, стала важнейшей вехой в истории всего данного региона. Слишком общие слова единственного нашего источника (Plut. Per. 20) открывают широкий простор для разного

³⁹ По Фроловой (МДБ. II. С. 65-66): тип 34 (диоболы, гемиоболы. тетартемории) + тип 30 (гемитетартеморий ?) и тип 35 (драхмы, диоболы, гемиоболы) + тип 31 (гемитетартеморий ?).

⁴⁰ Проблема датировки похода Перикла в Понт столь долго и интенсивно дискутировалась, что от ее обсуждения приходится отказаться. Не стану даже приводить (в целях экономии места) полной библиографической справки, сошлюсь только на наиболее важные, на мой взгляд, работы, в которых читатель может почерпнуть недостающую информацию. Начну с упоминания превосходной работы П.О.Карышковского, взгляды которого я полностью разделяю: Ольвия и Афинский морской союз // МАСП-1959. Т. III 1960 С. 77-81; Латышев В.В. Исследование об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887. С. 45 сл.; Жебелев. Ук. соч. С. 24-25. Прим. 2; С. 64-65. Прим. 2; С. 181. Прим. 2; С. 184. Прим. 2; С. 316. Прим. 1; Брашинский И.Б. Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110-121; он же. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. // ВДИ. 1955. № 2. С. 148-161; Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Проблемы политического устройства. I. // ВДИ. 1981. № 2. С. 66 ; он же. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М., 1989. С. 110, 131-133; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 85-86; Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98-114; Beloch K.J. Die attische Politik seit Perikles. Lpz., 1884. S. 325; idem. Griechische Geschichte. Bd. I. Strassburg, 1893. S. 503 f.; Bd. II². 1923. S. 216; Dunker M. Des Perikles Fahrt in den Pontus // SPAW. 1885. Bd. II. Ht. 27. S. 533-553; Homo L. Périclès. P., 1954. P. 188; Gajdukevič V.F. Das bosporanische Reich. Berlin - Amsterdam, 1971. S. 191; Oliver J.H. The Peace of Callias and the Pontic Expedition of Pericles // Historia. 1957. Bd. 6. Ht. 2. S. 254 f.; Meiggs R. Athenian Empire. Oxf., 1970. P. 197-199, 328-330; Mattingly H.V. Athens and Black Sea in the Fifth Century B.C. // Sur les traces des Argonautes. P., 1996. P. 151-157.

рода предположений касаясь целей, масштабов и глубины влияния данного мероприятия в той или иной части припонтийских побережий. Разделяя в целом представления П.О.Карышковского⁴¹ о времени и характере морского похода Перикла в Понт, имевшего стратегическую установку⁴², хотелось бы акцентировать внимание на некоторых обстоятельствах, которые могли быть связаны непосредственно с Боспором Киммерийским.

Плутарх отмечает, что Перикл прибыл в Понт по просьбе местных эллинских городов, которые могли искать покровительства Афин как против угрозы варварского окружения, так и притязаний на их независимость со стороны других государств или притеснений тиранов (как, например, в Синопе). В тексте биографии афинского премьера эллинским городам прямо противопоставлены: варварские племена, их цари и династы, которым афиняне продемонстрировали свое могущество и бесстрашие⁴³. В свое время Т.В.Блаватская справедливо поставила вопрос: в чем был смысл демонстрации варварам (скотоводам и земледельцам) морского могущества Афин? Исследовательница осторожно предложила такой ответ: «Может быть, Афины стремились умалить в глазах Понта авторитет какого-либо другого государства (например, Персии)?»⁴⁴.

Далее, следует обратить внимание на то, что различными средствами (дипломатическими, политическими, а в отдельных случаях и путем открытого военного вмешательства, как, например, в Синопе), афиняне пытались формировать наиболее благоприятную для них ситуацию в районе Понта, как всегда, делая ставку на демократические элементы в полисах и противостоя олигархии и тирании⁴⁵. Вместе с тем, Плутарх (Per. 21) отмечает, что «...Перикл сдерживал стремление сограждан к предприятиям в чужих странах и старался отбить у них охоту вмешиваться не в свои дела».

Каким же образом поход Перикла отразился на Боспоре? Начать следует с того, что неоднократно ставился вопрос о прямой взаимосвязи этого события со сменой династии Археанактидов Спартоком I, которая, по Диодору (XII. 31. 1), произошла в 438/7 г. до н.э.⁴⁶ Представляется оптимальным

⁴¹ Карышковский. Ук. соч. С. 71-75.

⁴² Для решения локальных задач вполне достаточно было бы 30 кораблей Ламаха, оставленных Периклом для борьбы с синопским тираном Тимесилеем (Plut. Per. 20).

⁴³ См. Карышковский. Ук. соч. С. 73.

⁴⁴ Блаватская. Ук. соч. С. 66. Прим. 52.

⁴⁵ См. там же. С. 68.

⁴⁶ Артамонов М.И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. № 1. С. 28 сл., 34; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С.496. Прим. 27; Блаватский. Архаический Боспор... С. 43-44; Брашинский. Понтийская экспедиция...С. 116-120; Блаватская. Ук. соч. С. 55; Виноградов. Политическая история... С. 131; Homo. Op. cit. P. 189; Cloché P. Périclès et la politique extérieure d'Athènes entre la paix de 446-445 et

суждение В.Ф.Гайдукевича, что отсутствие конкретных данных не позволяет идти дальше более или менее вероятных гипотез⁴⁷. Доказать причинную связь этих двух событий мы не можем. В то же время следует подчеркнуть, что Спарток I пришел к власти на 1-2 года раньше экспедиции Перикла⁴⁸. К этому следует добавить и то, что маловероятно, чтобы афиняне санкционировали династический переворот. Было бы понятно, если они, как в Синопе, устранили тиранию; но не найдется примера, когда бы они одну тиранию заменяли другой. Скорее, афиняне ограничились демонстрацией своей мощи пантикапейским тиранам, отказавшись от прямого вмешательства «не в свои дела».

По-видимому, ставка здесь делалась на те полисы, для автономии которых пантикапейская тирания могла представлять угрозу. Если ко времени Периклова похода Аполлонийский союз уже распался, в их числе, в принципе, могли быть все полисы, исключая сам Пантикапей.

Если позволительно вообще ставить вопрос о причинно-следственных отношениях между событиями 438/7 г. до н.э. на Боспоре и экспедицией Перикла, то, следуя хронологическим дефинициям, связь здесь возможна только такого рода, что приход к власти Спартока I каким-то образом затрагивал интересы Афин. Согласно реконструкции маршрута афинского флота, предложенной И.Е.Суриковым⁴⁹, Боспор был конечным, вернее, наиболее удаленным пунктом экспедиции Перикла. А из этого позволительно сделать заключение, что (в отличие от других мест по ходу следования флота) прибытие афинян на Боспор было *запланировано*, а не являлось делом случая.

Так или иначе, реальные следы афинского влияния на Боспоре мы находим лишь годы спустя после похода Перикла. К 428/7 г. до н.э. году относится свидетельство Фукидида (Thuc. III. 2. 2) о том, что восставшие против Афин лесбосцы ожидали помощи с Понта (лучников и хлеб). Если Т.В.Блаватская права в том, что речь идет о помощи с Боспора⁵⁰, то, по-видимому, такая поддержка могла исходить только от враждебных Афинам

les préludes de la guerre du Péloponnèse // AC. 1945. T. XIV. № 1. P. 118 f.; Anochin V.A. Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosphoros (437 v. Chr.) // Stephanos nomismatikos. В., 1998. S. 40-43; А.Н.Васильев (Ук. соч. С.10) отметил, что одно и то же событие частью ученых трактуется как антиафинский переворот, а другими, напротив, как свидетельство того, что Спарток I был ставленником Афин.

⁴⁷ Гайдукевич. Ук. соч. С. 496. Прим. 27.

⁴⁸ Конечно, с оговоркой, что дата экспедиции не безусловна, равно как и хронология Диодора. Ср. Молев Е.А. Политическая история Боспора VI-IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 51; М.И.Ростовцев (Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 88) считал, что тирания Спартокидов создавалась скорее в противовес влиянию Афин.

⁴⁹ Суриков. Ук. соч.

⁵⁰ Блаватская. Очерки... С. 77 сл.; ср. Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 137-138.

Спартокидов⁵¹. Примерно к тому же времени (между 431-415 гг. до н.э.), как уже говорилось⁵², начинается чеканка союзной монеты эллинских полисов Синдики, на которой ясно виден символ Афин - «сова с распростертыми крыльями» - на реверсе. Само появление этого союза вслед за прекращением чеканки «аполлонийской» монеты наводит на мысль о противостоянии бывших союзников, одни из которых ищут поддержки со стороны Афин, а другие им враждебны.

Здесь уместно вновь вернуться к проблеме относительной хронологии монет с АПОЛ и чеканки городской пантикапейской монеты. И вот в какой связи. На монетах Пантикапея середины - 2-й половины V в. до н.э.⁵³ на реверсе фигурируют восьмилучевые звезды. Известно, что 8-лучевая звезда была символом Ахеменидов⁵⁴. Поэтому закономерен вопрос: не отражает ли данный дифферент политическое внимание Персии к Пантикапею⁵⁵, и если это так, то когда оно прослеживается по данному источнику? Этот вопрос кажется позволительным еще и потому, что как раз ко времени правления Артаксеркса I (464-423 гг. до н.э.) относятся две цилиндрические печати (одна из которых приобретена А.Звенигородским в Керчи)⁵⁶. Учитывая чрезвычайную редкость таких находок в других местах, приходится признать активность дипломатических отношений в данный период между Персией и

⁵¹ Иной вариант предлагает В.П.Яйленко (Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. М., 1982. С. 272. Прим. 34), считая, что эолийцы помощи могли ждать от своих колонистов (из Гермонассы ?).

⁵² Завойкин, Болдырев. Ук. соч. С. 44, 45.

⁵³ См. Фролова. МДБ. II. С. 58, 60-63: типы 6, 10, 12-14. В.А.Анохин (Ук. соч. №№ 23, 29-31, 36, 39, 45, 46), приписывая часть монет (№ 23) храму Аполлона (А-3), датирует их ок. 460/450 - 423/413 гг. до н.э.

⁵⁴ В.А.Анохин (Ук. соч. С. 13), отвергая мнение Д.Б.Шелова (К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия ... С. 145) об орнаментальном значении звезд, пишет: «Новый символ (звезда) безусловно должен нести смысловую нагрузку, хотя и недостаточно ясную»; указывает на то, что «в Милете этот символ связан с культом Аполлона и, вместе со львом, постоянно изображался на монетах». Стоит привести и мнение исследователя (Ук. соч. С.23), что только первые четыре выпуска пантикапейского серебра чеканены по эгинской весовой системе, а последующие - по нормативам персидской драхмы (прим. с 490 г. до н.э.).

⁵⁵ В данной связи см. любопытный взгляд: Кошеленко Г.А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // ДГ-1996-97. М., 1999. С. 139-141.

⁵⁶ См. Шилейко В. Печать царя Артаксеркса // Жизнь музея. Бюлл. Гос. музея изящных искусств. 1925. № 1. С. 17-19. Автор публикации о халцедоновом цилиндре начала правления Артаксеркса из ГМИИ говорит, что он был «персидской регалией, доверенной управлявшему Боспором Киммерийским царскому сатрапу» (С. 18). Т.В.Блаватская (Ук. соч. С. 82) полагает, что царская печать была доверена послу, отправленному к боспорскому правителю. О царской печати как свидетельстве воли царя см. Thuc. I. 129; Xen. Hell. I. 4. 3; V.1. 30.

Боспором (Пантикапеем), хотя характер их не совсем ясен. Не исключено, что пантикапейские тираны имели в лице Ахеменидов опору против устремлений Афин в данном регионе⁵⁷.

Как уже указывалось, исследователи синхронизовали монеты с АПОЛ с пантикапейскими с легендой из 4 букв. Логика здесь такова, что легенда на пантикапейских монетах развивалась последовательно: 2-3-4-5 букв. Но следует ли безусловно ту же логику навязывать другому эмитенту, хотя бы и чеканившему монету на том же монетном дворе? Едва ли можно дать положительный ответ без ряда существенных оговорок. А.Н.Зограф помещал монеты с АПОЛ «между» пантикапейскими с ПА и ПАНТИ, а по типу лицевой стороны сопоставлял с «позднейшими группами монет» и по этой причине считал, что аполлонийские монеты чеканены не на пантикапейском монетном дворе⁵⁸.

Н.А.Фролова, критикуя взгляды В.А.Анохина о двух эмитентах «равноправных относительно монетной регалии», замечает, что «этой гипотезе автора вряд ли найдется аналогия в истории монетного дела какого-либо полиса»⁵⁹. А поскольку сама исследовательница (в отличие от предшественников) считает, что монеты с АПОЛ чеканены в Пантикапее (как союзная монета)⁶⁰, допустимо предположить, что в краткий период интенсивной чеканки монет с АПОЛ городская эмиссия Пантикапея была приостановлена. После ее возобновления отчеканены, по определению Н.А.Фроловой, монеты типов: 13, 14 (с 8-лучевыми звездами); 15, 16, 17, 18 (с головой барана)⁶¹. Исчезновение на пантикапейском серебре 8-лучевых звезд соотносится с появ-

⁵⁷ См. Блаватская. Очерки... С. 82: «Персия почти всегда стремилась поддержать тиранию в подвластных эллинских полисах в противовес демократии. Такой же политики она могла придерживаться и во внешних сношениях». Ср. Кошеленко. Ук. соч. С. 141: «...мы можем полагать, что данная экспедиция [Перикла - А.З.] и последующая деятельность афинян в бассейне Черного моря имели в определенной степени антиперсидскую направленность...».

⁵⁸ Зограф. Ук. соч. С. 165-166. Ср. Шелов. МДБ. С. 27 - о невозможности «разорвать» эволюционный ряд реверса пантикапейских монет V в. до н.э.

⁵⁹ Фролова. Проблемы монетной чеканки... С. 127; она же. МДБ. I. С.202-203.

⁶⁰ Фролова. Проблемы... С. 129: говорит о практике «чеканки союзных монет на одном монетном дворе наряду с собственной местной чеканкой», о коммерческом и политическом характере части монетных союзов, предполагающем равноправие между городами - членами любого монетного союза (ссылалась на: Caspari M.O.V. A. Survey of Greek Federal Coinage // JHS. 1917. Vol. 37. P.180).

⁶¹ Фролова. МДБ. II. С.50-51, табл. VII. 2-5; VII. 19-21; VIII. 1-8; VIII. 36-40; XIII. 31-33; XIII. 30, 30а; и четыре типа младших номиналов с муравьем: табл. IX. 32; IX. 33-38; IX. 39-40; X. 9 (типы 26, 27, 29 - с 8-лучевой звездой; 28 - с головой барана).

лением нового типа оборотной стороны - «голова барана»⁶², который Д.Б.Шелов датирует 4-й четвертью V в. до н.э.⁶³.

Таким образом, если предполагать взаимосвязь изображений 8-лучевых звезд на пантикапейских монетах с политическим влиянием Персии, то само это влияние следует относить к периоду от середины / 3-й четверти - до 4-й четверти / конца V в. до н.э.

Следы же влияния в регионе Афин, кроме появления их символики на монетах Синдского союза, отчетливо можно видеть в списке фороса 425/4 г. до н.э.⁶⁴ В нем фигурируют (в числе других полисов Эвксинского податного округа), по восстановлению У.Келлера и Б.Н.Гракова, боспорские города Г[ермонасса?], Ким[мерий], Пат[рей]. Сохранность текста не позволяет утверждать, что это полный перечень боспорских полисов, вошедших в состав I Афинского морского союза⁶⁵. Во всяком случае, в 410/9 г. до н.э., по данным Гарпократиона (s.v. Νύμφαλον), цитирующего IX книгу сборника постановлений Кратера, Нимфей платил в союзную казну талант. И нет оснований отрицать возможность того, что он фигурировал и в списке 425/4 г. до н.э.⁶⁶

Итак, в рассматриваемый период мы видим на Боспоре ситуацию, характеризующуюся двойственностью внешнеполитической ориентации: с одной стороны, полисы, тесно связанные (после похода Перикла 436 г. до н.э.) с Афинами (Синдский союз (ок. 431-415 гг. до н.э.); полисы - члены афинской Архэ (425/4, 410 гг. до н.э.); а с другой, - тиранический Пантикапей (быть может, в 428 г. до н.э. предполагавший поддержку атиафинского восстания на Лесбосе), по-видимому, ориентированный на поддержку Ахеменидов (до последней четверти - конца V в. до н.э., по данным нумизматики).

В это же самое время отношения Гераклея Понтийской и Афин строились по сценарию, определяемому борьбой проафинских демократических

⁶² На 18-м типе 6-лучевая звезда - см. там же.

⁶³ Шелов. МДБ. С. 19-21; Фролова. МДБ. II. С. 62 - конец V в. до н.э.

⁶⁴ Meritt B.D., West A.B. The Athenian Assessment of 425 B.C. Ann Arbor, 1934. P. 68-69; Meritt B.D. Epigraphica Attica. Cambridge Mass., 1940. P. 66-68; Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F. The Athenian Tribut Lists Vol. 1. Cambridge Mass., 1939. P. 116, 157, 203, 526-528; Vol. 2. Princeton, 1946. 2. P. 46, 126 ff.; Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 91 слл.; Брашинский. К вопросу о положении Нимфея... С. 148 сл.; он же. Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. М., 1963. С. 80-85; Гайдукевич. Ук. соч. С. 176-178; Шелов. МДБ. С. 36-39; Блаватская. Ук. соч. С. 69-70; Берзин. Ук. соч. С. 125; Карышковский. Ук. соч. С. 58 слл.

⁶⁵ Ю.Г. Виноградов (Понт Эвксинский...С.17), ссылаясь на ATL. 1. S.1 57; IV. 127-170, указывает, что в это время в Афинский союз входило не менее 44 понтийских полисов.

⁶⁶ См. Шелов-Коведяев. Ук. соч. С.96-97.

слоев общества и олигархических сил, ориентированных на Персию⁶⁷. Гераклеоты фигурируют в списке фороса за 425/4 г. до н.э. Однако уже в 424/3 г. до н.э. «гераклеоты, дружившие с персидским царем, отказались от взносов» (Just. XVI. 3), и в Гераклею направляется экспедиция Ламаха (Thuc. IV. 75; Diod. XII. 72. 4; Just. XVI. 3), закончившаяся провалом. Правда, гераклеоты, захватив стратега в плен, благоразумно предпочли не обострять конфликт с Афинами.

Такова была расстановка сил к началу последней четверти V в. до н.э. Позиции Афин в Понте и на Боспоре в частности определялись их возможностями, которые заметно убывали по мере неудач, постигших Архэ во второй половине Пелопоннесской войны. Особенно тяжелы были последствия Сицилийской катастрофы и серии союзнических восстаний 412 г. до н.э. С этого времени борьба Афин за влияние в Понте ограничивалась только борьбой за контроль над проливами. Важной вехой стала победа Алкивиада при Кизике в 410 г. до н.э. и утверждение в Хрисополе таможни для сбора десятины с торговых судов, проплывающих в Понт и обратно (Xen. Hell. I.1.22; Polyb. IV. 44. 4; Diod. XIII. 64)⁶⁸.

Окончательно политическое преобладание Афин с Понтийском регионом пало после поражения при Эгоспотамах (405 г. до н.э.). Но этому предшествовали события на Боспоре, решительно изменившие раскладку политических сил. Именно на период между 410/9 - 406/5 гг. до н.э. приходится захват проафинского Нимфея Сатиром I⁶⁹. Но еще важнее то обстоятельство, на которое обратила внимание Т.В. Блаватская: «Даже беглый взгляд на перипетии международной политики в промежуток времени от 413 до 406 г. позволяет утверждать, что в эти годы могли произойти самые решительные перемены в позициях Боспора и Афин... Для Афин годы 413-407 были временем самых энергичных поисков новых союзников, причем уже приходилось искать их не в среде греческих полисов, а привлекать на свою сторону царей и династов»⁷⁰. По мнению исследовательницы, перелом в отношениях со Спартокидами (во времена «измены» Гилона - οὐ πολέμοι - Aesch. III. 171-172 и схолии) к дружбе и сотрудничеству (по крайней мере, накануне битвы при

⁶⁷ См. Сапрыкин. Ук. соч. С. 45-49.

⁶⁸ См. Кондратюк М.А. Архэ и афинская демократия // АГ. 1983. Т. 1. С. 340-342.

⁶⁹ «Измена» Гилона столь обстоятельно исследована, что нет необходимости обращаться к ее обсуждению еще раз. См. Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб, 1909. С. 74; Жебелев. Ук. соч. С. 180 слл.; Каллистов Д.П. Измена Гилона // ВДИ. 1950. № 1. С. 194 слл.; Брашинский. К вопросу о положении Нимфея...; он же. Афины и Северное Причерноморье... С.80-85; Шелов. МДБ. С. 36-38; Блаватская. Очерки... С.68-77; Карышковский. Ук. соч. С. 80-81; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 96, 105-113; Кошеленко Г.А., Усачева О.М. Гилон і Кепи // Археологія. 1992. № 2. С. 51 слл.

⁷⁰ Блаватская. Очерки...С. 71.

Эгоспотамах - Lys. XVI. 4)⁷¹ произошел между 409 - 406 гг. до н.э.⁷² Не явилось ли отражением этой политической переориентации Пантикапея исчезновение ахеменидской символики на его монетах и появление типа оборотной стороны «голова барана»?

Каким же образом сказалась эта метаморфоза на противостоящей Спартокидам стороне? В нашем распоряжении только нумизматические источники, которые, как представляется, очень ярко высвечивают существо происходивших тогда перемен. Третий, заключительный выпуск монет Синдского союза (с головой Геракла в львиной шкуре), датируемый после 415 - до примерно 410/405 гг. до н.э.⁷³, указывает на связь эллинских полисов Синдики с Гераклеей⁷⁴. Исходя из синхронности монет с типом «голова Геракла» в чеканке Гераклеи и Синдского союза, позволительно говорить о создании новой политической коалиции некоторых понтийских городов, заполнившей вакуум, образовавшийся после того, как афинский протекторат отошел в область преданий. Весьма вероятно, что, как и прежде, внешнеполитическая инициативность Гераклеи стимулировалась персидской поддержкой; тем более, что на Боспоре основное противоречие проходило по линии противостояния Пантикапея, переориентировавшегося с союза с Персией на Афины, и автономных городов Азиатского Боспора и Феодосии. Иначе говоря, по-видимому, Гераклея выступала проводником персидской политики в Северо-понтийском регионе.

Стремительная экспансия Сатира I на Азиатском Боспоре сокрушила «Синдский союз». Во всяком случае, по-видимому, еще до 405 г. до н.э. город Кепы находился в полном владении Сатира I, передавшего его Гилону (Aesch. III. 171-172; Plut. Dem. 4; Schol. ad Dem.; *Ναγροκρατ. s.v. Νύμφαιον*)⁷⁵. После уничтожения Синдского союза недолгое время сохраняет независимость Фанагория, которая прим. между 410/05 - 400 гг. до н.э. чеканит свою монету⁷⁶. Тип реверса старших номиналов этих монет («бодящийся бык») технологически и стилистически тождествен оборотной стороне синхронных монет Гераклеи (отличаясь лишь легендой и дифферентом). Тот же тип «бо-

⁷¹ См. Латышев. ПОНТИКА...С.74; скорее - перед 406 г. до н.э., т.е. битвой при Нотии.

⁷² Блаватская. Очерки...С. 71-72; ср. Берзин. Ук. соч. С. 129.

⁷³ Завойкин, Болдырев. Ук. соч. С. 45.

⁷⁴ См. Зограф. Ук. соч. С. 170; Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 214; Берзин. Ук. соч. С. 125-129; Сапрыкин. Ук. соч. С. 74 сл.

⁷⁵ См. Жебелев. Ук. соч. С. 188, 192-193; Сокольский Н.И. Кепы // Античный город. М., 1963. С. 102-103; Кошеленко, Усачева. Ук. соч. С. 51-56.

⁷⁶ Завойкин. О времени автономной чеканки...; ср. Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1999. Т. XVI. С. 120-121.

дающегося быка» появляется на 3-й (по классификации В.А. Анохина) серии автономных монет Феодосии, которые названный исследователь датирует ок. 393/389 гг. до н.э.⁷⁷

К началу IV в. до н.э., после падения Фанагории⁷⁸, завершилось формирование ядра территориальной державы Спартокидов, которое в их титулатуре именовалось Боспор (КБН. 1111 и т.д.). Далее притязания Сатира I на расширение границ созданного его усилиями государства обратились на запад⁷⁹, где располагалась Феодосия. Боспорский (теперь мы с полным правом можем называть его так) тиран начал войну с ней незадолго до своей смерти (по Диодору (XIV. 93. 1) - 393/2 г. до н.э.)⁸⁰. Конфликт этот растянулся на долгие годы и завершился только при Левконе I, как это ясно из его титулатуры (КБН. 1111 и т. д.) и посвящения Аполлону, найденного на Семибратнем городище⁸¹. Однако, если начало боспоро-феодосийской войны можно твердо датировать 1-м десятилетием IV в. до н.э., то в определении времени покорения Феодосии имеются значительные трудности⁸². Бесспорно только, что это произошло ранее 355 г. до н.э. (Det. XX. 33), но насколько?

⁷⁷ Анохин Ук. соч. С. 139, № 82; ср. Сапрыкин. Ук. соч. С. 76: начало IV в. до н.э.; Зограф. Ук. соч. С. 162: середина IV в. до н.э.; Шелов. МДБ. С. 142: середина IV в. до н.э., в связи с его концепцией - см. Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. Датировка обусловлена тем, что гераклеийский (по Зографу - херсонесский) прототип бытует вплоть до прихода к власти Клеарха в 364/3 г. до н.э.

⁷⁸ См. Завойкин. О времени автономной чеканки... С. 91; он же. Наконечники стрел... С. 79-80; он же. Периодизация... С. 266-267.

⁷⁹ Правда и азиатские территории, как это явствует из рассказа Полиена (VIII. 55) о меотянке Тиргатао, не были оставлены вниманием дипломатии Сатира.

⁸⁰ Приводя датировки годов правления Спартокидов по Диодору, я сознаю необходимость их корректировки, однако решительно отвергаю существующие в научной литературе попытки «исправить» хронологию сицилийского историка. - См. Завойкин. Почему Диодор умолчал о кончине Селевка... С. 142 слл.; он же. Спарток и Перисад, дети Левкона. Некоторые проблемы боспорской хронологии // ПИФК (в печати).

⁸¹ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона // РА. 1993. № 2.

⁸² Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о дате падения Феодосии, сошлюсь на литературу, в которой отражены основные точки зрения: Латышев. PONTIKA... С. 77; Каллистов. Очерки... С. 217-218; Жебелев. Ук. соч. С. 14-15, 169; Гайдукевич. Ук. соч. С. 58-59, 498. Прим. 53; Шелов. Феодосия... С. 169-176; Блаватский В.Д. Феодосия VI-IV вв. до н.э. и её название // СА. 1981. № 4. С. 21-28; Анохин. Ук. соч. С. 17; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 118-119, 122; Сапрыкин. Ук. соч. С. 71-74; Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 206. Прим. 15; Петрова Э.Б. Феодосия и Спартокиды: завершение соперничества // Вестник МГУ. Сер.8. История. 1991. 6. С. 15-27; Она же. Наименование Феодосии и культ Аполлона // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С. 52; Авдеев А.Г. О дате второй войны между Гераклеей и Боспором // Древности РАО. 1996. Т. 19. С. 48 слл.; Minns E. Scythians and Greeks. Camb., 1913. P. 556; Burstein S.M. The War between Heraclea Pontica and Leucon I of Bosphorus // Historia. 1974. Bd. 23. Ht. 4. P. 404-411.

В боспоро-феодосийском конфликте значительное участие приняла Гераклея Понтийская, о чем, благодаря письменным источникам, мы имеем некоторое представление (Polyaen. V. 23. 44; VI. 9.3-4; Ps.-Arist. Оес. II. 2. 8). По мере сил и возможностей гераклеоты пытались препятствовать территориальной экспансии Спартокидов.

Не касаясь сейчас причин⁸³, побудивших южно-понтийский полис столь активно поддерживать борьбу Феодосии за автономию против боспорских династов, отмечу прежде всего традиционность этой политической позиции Гераклеи. Она существовала, как мы видели, уже со времен Синдского союза, скорее всего, при побуждении со стороны Персии. Еще важнее подчеркнуть, что прямое военное вмешательство Гераклеи в дела Боспора могло быть продиктовано вступлением в действие в 386 г. до н.э. так называемого Царского (Анталкидова) мира, согласно содержанию которого (Xen. Hell. V.1,31; Diod. XIV. 110. 3; Plut. Artax. 21) Артаксеркс II выступил гарантом предоставления автономии эллинским полисам «большим и малым» (за вычетом оговоренных случаев) и обязался оказать поддержку на суше и на море, кораблями и деньгами тем, кто вступал в войну с нарушителями договора.

Проафинская политика Сатира I и Левкона I могла стать достаточным основанием для того, чтобы персидские власти направили и поддержали усилия гераклеотов против Боспора⁸⁴.

В свете сказанного хочется обратить внимание на то, что, разбирая вопрос о времени завершения боспоро-феодосийской войны (и участия в ней Гераклеи) исследователи в качестве хронологического репера использовали эпизод с участием в конфликте Мемнона Родосского, предпринявшего разведывательные действия на Боспоре при участии кифареда Аристоника⁸⁵

⁸³ С.Ю. Сапрыкин (Ук. соч. С. 74) отмечает трудность этого вопроса. По его мнению, господствующая точка зрения, подчеркивающая опасность Гераклеи за судьбу своей колонии Херсонеса (Жебелев. Ук. соч. С. 170; Гайдукевич. Ук. соч. С. 58; Максимова М.И. Античные города Юго-восточного Причерноморья. М.-Л., 1956. С. 164) - не может быть принята. Сам исследователь (Ук. соч. С. 77-79) склоняется к тому, что «...первопричина боспоро-гераклеийского конфликта - торговое соперничество двух государств». Ср. Шелов. Феодосия... С. 174; он же. МДБ. С. 145; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 118; Виноградов. Понт... С. 19.

⁸⁴ В 389 г. до н.э. Афины, Эвагор Кипрский и Ахорис Египетский заключили союз против Персии - см. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 238.

⁸⁵ Он, как известно, обучал музыке Филиппа II Македонского (род. ок. 382 г. до н.э.). В.Д. Блаватский (Феодосия... С. 22), исходя из расчетного возраста обучаемого наследника престола, датировал эпизод не позднее 2-й половины 370-х гг. до н.э., так как, по логике исследователя, позднее музыкант пребывал при македонском дворе.

(Polyaen. V. 44. 1). Известно, что с 366/5 по 353/2 гг. до н.э. Мемнон находился на службе у персов⁸⁶. Исследователи исключали этот период из рассмотрения, принимая 366/5 г.⁸⁷ как *terminus ante quem*. Мне представляется теперь наиболее вероятным, что как раз находясь на службе персов, Мемнон включился в гераклейско-боспорский конфликт в качестве «военспеца». Пожалуй, уместно упомянуть мнение исследователей, которые связывают окончание конфликта с приходом к власти в Гераклею Клеарха в 364/3 г. до н.э.⁸⁸ Если высказанные предположения верны, то окончание Боспора - Феодосийской войны следует датировать временем ок. 366-364 гг. до н.э.

Поскольку этим временем завершается рассматриваемый нами период, подведем общие итоги. Поход в Понт афинского флота во главе с Периклом в 436/5 г. до н.э., с одной стороны, предопределил включение Боспора в сферу глобальных политических отношений в Восточном Средиземноморье, а с другой - усилил поляризацию политических сил в самом регионе. Вслед за сменой правящей династии (438/7 г. до н.э.) и развалом аполлонийской амфикионии (3-я четверть V в. до н.э.) боспорские автономные полисы Азиатского Боспора объединились в оборонительный Синдский союз (ок. 431 - 415 гг. до н.э.), патроном которого стали Афины. Некоторые из этих полисов в 425/4 г. до н.э. (Гермонасса?, Патрей, Киммерий), так же, как, видимо, и Нимфей (до 410-405 гг. до н.э.) пребывали в составе Афинского морского союза. В противовес тому тиранический Пантикапей во внешней политике ориентируется на Персию.

Решительные перемены в данном соотношении сил приходится на период между примерно 410-405 гг. до н.э., когда ослабленные неудачами в Пелопоннесской войне Афины, в 410 г. до н.э. установившие контроль над проливами, и Сатир I, захвативший Нимфей, заключили союзный договор. Синдский союз переориентировался на поддержку Гераклеи (между 415-410/05 гг. до н.э.), которая еще с 424/3 г. до н.э. опирается на союз с Персией.

После того, как Сатир I захватил города Азиатского Боспора, и союз полисов в Синдике прекратил существование, Гераклея сохраняет коалицию с Фанагорией и Феодосией. После падения Фанагории (перед 400 г. до н.э.),

⁸⁶ С 353 по 342 гг. до н.э. вместе с Артабазом, у которого он служил, - в изгнании у Филиппа II. См. Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 138-139: «...думается, что Мемнон мог выполнять и задание самого Филиппа II... Не было ли у него планов завоевания всего Причерноморья, в том числе и Боспора?».

⁸⁷ В этом году под давлением Артаксеркса II был подписан Всеобщий мир (Diod. XV. 76. 3; Xen. Hell. 4. 2; Plut. Agesil. 34). Как знать, не повлияла ли вновь на отношения Боспора (поддерживаемого Афинами) и Гераклеи (на чьей стороне была Персия) большая политическая игра? Однако отсутствие источников заставляет воздержаться от беспочвенных предположений.

⁸⁸ Burstein. Op. cit. S. 406-411; Фролов. Ук. соч. С. 206. Прим. 15.

с 1-го десятилетия IV в. до н.э. борьба с боспорскими тиранами за Феодосию становится главной ареной противостояния двух сил. Решающим пунктом в этой войне стал 386 г. до н.э. (Царский мир); с этого момента Гераклея получает возможность «на законном основании» вмешиваться в дела Боспора и претендовать на финансовую и военную поддержку Артаксеркса II. Видимо, эта поддержка и сыграла столь существенную роль в том, что Спартокидам, в считанные годы покорившим боспорские полисы, понадобилось еще двадцать лет, чтобы завоевать Феодосию, в которой находили убежище изгнанники с Боспора (Ps.-Arr. Per. 77)⁸⁹. Может быть, падению Феодосии способствовало и то, что сама Гераклея вступила в пору смут и в 364/3 г. до н.э. там установилась тирания Клеарха.

A.A.Zavoikin

Athens – Bosphorus – Heracleia Pontica (From Pericles to Clearchus)

The subject of the study is the history of foreign policy of Bosphorus from about 450 to 350 BC. Being an integral, though outlying, constituent of ancient world, Bosphorus was influenced by those very aspects of global political process, which tended to determine the history of Eastern Mediterranean area, and, to a less extent, the Pontic region. It was the opposition of Athens and the Achaemenid empire that mattered at the time.

The influence of the Athenian *Arche* on Pontus was established from Pericles' campaign in 437/6 BC. A number of the Black Sea *poleis*, Bosphoran ones included, joined the Athenian League by 425/4 BC at the very latest. Enjoying the Persian support, Heracleia Pontica refused to contribute *phoros* to the Athenian treasury in 424/3 BC, and from this time onwards became a transmitter of foreign policy of Achaemenids in the region. Numismatic sources bring up a question if the Spartokids of Pantikapaeum were also conducive to align with Persia, while other Bosphoran *poleis* hold pro-Athenian side. Thus the antagonism of Athens and Persepolis set on Pontus since Pericles' campaign resulted in the polarization of forces in the Bosphoran region. On one hand, there was pro-Persian tyranny in Pantikapaeum, on the other hand, *poleis* of Sindica and Nymphaeum that relied on the Athenian protectorate.

The situation sharply changed about 410-405 BC, as Athenians failed several times in the course of the Peloponnesian War (the Sicilian disaster, allies' mu-

⁸⁹ См. Каллистов. Ук. соч. С. 213; Шелов. Феодосия... С. 174; Виноградов. Полис... С. 418 и прим. 237; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 115; Сапрыкин. Ук. соч. С. 78.

tinies) and made an attempt to seize control over the Straits. Satyros I captured Nymphaeum and disrupted anti-Pantikapaenum coalition of Sindica's *poleis*. The Athenians had nothing to counterpoise the expansion of Spartokids and badly lacked bread, so they were ready to unite with tyrants. Being locked in the Straits, the latter did not mind establishing such relations. One should think the treaty between Pantikapaenum and Athens to have been signed before the league of *poleis* of Sindica stopped coinage: in the symbols of its final issues the influence of typology of Heracleian coins can be traced. Political ties with this Southern-Pontic *polis* are obviously traced in the coinage of Phanagoreia where coinage started after the failure of the Sindian league.

It was Theodosia that turned to the battlefield where Spartokids (allied to Athens) faced Heraclea (supported by Persia) after the collapse of the last center of resistance against Pantikapaenum tyranny in the Asian Bosphorus (Phanagoreia). Such interpretation of the Bosporan-Theodosian war seems to throw a light on some questions that are quite difficult to study. For instance, it gives ground to consider the conflict to result in the capture of Theodosia soon after 366/5 BC, on the eve of the establishment of the tyranny of Clearhus in Heraclea (364/3 BC).

Ю.Г.Виноградов

Херсонес, Боспор и их варварское окружение в III в. до н.э.

Одна из кардинальных проблем отечественного антиковедения последних двух десятилетий – вопрос о времени и причинах гибели Великой Скифии и связанном с этим уничтожении хоры полисов эллинистического Северного Причерноморья. К настоящему времени в науке прочно утвердилась концепция М.И.Ростовцева, который, базируясь на единственном свидетельстве Диодора (II. 43. 7) и археологических памятниках, назвал главными виновниками вытеснения скифов из южнорусских степей в Крым сарматские племена, перешедшие в конце IV – начале III в. до н.э. Дон и вторгшиеся в Скифию¹. Приведем упомянутое свидетельство Диодора; он, рассказав о возвышении скифов (II. 3. 1-6), затем сообщает: *τούτος δ' ὕστερον πολλοῖς ἔτεσιν αὐξηθέντας πορθῆσαι πολλὴν τῆς Σκυθίας, καὶ τοὺς καταπολεμηθέντας ἄρδην ἀναιροῦντας ἔρεμον ποιῆσαι τὸ πλεῖστον μέρος τῆς χώρας* - «они же (сарматы), возвысившись много лет спустя, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя покоренных во время войны, превратили большую часть страны в пустыню».

Аргументация выступивших в последнее время критиков Ростовцева сводится к тому, что свидетельство Диодора точно не датировано, а посему недостоверно, и коль скоро оно помещено в его архаико-мифологическую книгу II, то заслуживает наименования «легендарного, мифического», а главное – «сарматскую» версию опровергает вакуум памятников археологии степного междуречья Дона и Днестра, где первые погребения сарматов появляются не ранее середины II в. до н.э., реальнее же с эпохи Митридата².

¹ Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. XXXII. С. 60 сл.; он же. Сириск – историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Апр. С. 157 сл.; он же. Эллинизм и иранство на Юге России. Пг., 1918. С. 43, 127 сл.; *idem*. *Επιφάνεια* // *Klio*. 1919-20. Bd. 16. S. 203-206; *idem*. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxf., 1922. P. 85, 139; *idem*. *Skythien und der Bosphorus*. В., 1931. Bd. I. S. 405, 605. Гипотезы его предшественников (В.Н.Татищева, Н.М.Карамзина, В.В.Латышева и др.) и развитие идеи его последователями (Ю.И.Готье, Б.Н.Граковым, Д.А.Мачинским, П.О.Карышковским, А.Н.Щегловым, К.Ф.Смирновым и др.) изложены С.В.Полиным (см. след. прим). Из последних работ см. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984; Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 190-194 Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 361 сл.; Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2. С. 70-80.

² Наиболее детальное изложение эта критика обрела в книге: Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 96-98; ср. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев,

В поисках иного объяснения гибели Великой Скифии и хоры полисов предложены три новых концепции. Согласно первой, виновниками вытеснения скифов и натиска на хору греческих государств, по крайней мере, Северо-Западного Причерноморья явились галаты, основавшие в 278/7 г. до н.э. на Левом Понте царство с центром в Тиле³, или же родственные им бастарны, бритолаги и др. Версия страдает узколокальным подходом к процессам в обширном Северопонтийском регионе, где единовременная масштабная военная акция по ликвидации эллинских и варварских поселений едва ли была под силу кельтам или германцам Прикарпатья и Балкан, и, кроме того, элиминирует политику галатов, занятых на раннем этапе покорением Фракии и терроризированием Византия путем все возрастающего трибута⁴. Вторая концепция дестабилизации греко-варварских отношений на Северном Понте в связи с усыханием степной зоны этого региона⁵ игнорирует тот факт, что подобные феномены достигали пика спустя много веков, материалы же археологии, напротив, показывают именно в этот период наивысший расцвет сельских поселений полисов. Наконец, третья концепция⁶, объясняющая упадок хоры государств Северного Причерноморья конкуренцией со стороны огромных масс дешевого египетского

1993. С. 104. Подобные методы обращения с археологическими и письменными источниками в угоду предвзятой концепции отметил И.В.Брумяко в рец. на книгу Полина (РА. 1995. № 1. С. 230-237).

³ Из последних работ об этом царстве см. Лазаров Л. О кельтском государстве с центром в Тиле при Каваре // ВДИ. 1996. № 1. С. 114-123.

⁴ Strobel K. Die Galater im hellenistischen Kleinasien: Historische Aspekte einer keltischen Staatenbildung // Hellenistische Studien. Gedanksschrift für Herrman Bengtson. München, 1991. S. 115 f.; idem. Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd. 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie des hellenistischen und römischen Kleinasien. В., 1996. S. 229-236.

⁵ За гипотезой Полина (см. прим. 2) последовали: Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докладов. Запорожье, 1989; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 96 сл.

⁶ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М. – Л., 1953. С. 84 сл., 147 сл. Эта презумпция обрела себе солидное число сторонников: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М. – Л., 1949. С. 76-78; Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 135-137; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 10; он же. Пантикапей. М., 1964. С. 101-104; Шургая И.Г. Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1973. Вып. 138. С. 51-59; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 163 сл.; он же. Борьба за экономические зрны влияния на Понте в VI-II вв. до н.э.: Государственная политика ил частная инициатива? // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 129, 135-142.

хлеба, сугубо презумптивна⁷, ибо ее адептами не приведено сведений о государственной политике торгового протекционизма или конкуренции⁸, не указаны источники об относительной дороговизне понтийского хлеба по сравнению с египетским, не опровергнут главный тезис Ростовцева⁹ о превышении в эллинистической хлеботорговле спроса над предложением, делавшем любого хлебного экспортера желанным гостем в каждом голодавшем полисе. Реальнее объяснить сокращение масштабов хлебного экспорта из Северного Причерноморья в III в. до н.э. тем, что именно тогда вследствие опустошения сарматами Скифии греческие государства региона теряют одного из самых щедрых поставщиков товарного зерна¹⁰. Более детальная критика новых версий была неоднократно изложена в ряде работ¹¹.

Главный же уязвимый пункт оппонентов состоит в том, что их аргументация строится преимущественно на логических посылах, редко иллюстрируемых косвенными показаниями археологии при полном умолчании свидетельств эпиграфики, хотя одно из таких существовало почти столетие: это неоднократно изданный декрет Херсонеса III в. до н.э. IOSPE I² 343¹². К сожалению, не совсем корректное чтение ряда мест документа и вызванная этим общая неверная его интерпретация в *editio princeps* прочно утвердились в последующей историографии, что надолго исключило его из серии важнейших источников по рассматриваемой проблеме. Предпринятая мною недавно ревизия документа по эстампажу и оригиналу позволила скорректировать чтение ряда ключевых мест текста, главные из которых следующие.

В сткк. 11-13 вместо читавшихся В.В.Латышевым [τῶν οἰκη-
τῶρων] следует дополнять коррелирующее со сткк. 16 [σωμάτων ἐλλευ-
θέρων, т.е. лица свободного состояния, которые вместе с женами и детьми
отправились не на «несение Диониса», как считал В.В.Латышев, а для сбо-
ра урожая на своих наделах в месяц Дионисий: ἐπὶ τὰν σῶυκο-

⁷ Фундаментальная деструктивная критика этой теории развернута в замечательной работе М.К.Трофимовой: Из истории эллинистической экономики // ВДИ. 1961. № 2. С. 46-68.

⁸ Ср. Виноградов Ю.Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. С. 27 = idem. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 42.

⁹ Postovtzeff M. Greek Sighters in Egypt // JEA. 1928. Vol. XIV. P. 13-15; он же. Перисад II Боспорский и Птолемей II Филадельф // Сб. статей, посвященный П.Н.Милокову. Прага, 1929. С. 114 сл.

¹⁰ Брашинский И.Б. Черноморская торговля в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. С. 199-206.

¹¹ Из последних: Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3. С. 93-103; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // Там же. С. 104-108.

¹² Список изданий см. Виноградов. Херсонесский декрет... С. 104-124.

μὲν τῶν Διοικητῶν μὴδὲ), когда на них совершили пиратский набег окрестные варвары – видимо, тавры и/или скифы, в итоге чего плененные жители Херсонеса подверглись опасности быть проданными в рабство при очередном набеге сарматов, имя которых полностью читается (см. текст декрета).

На основании палеографического, а главное, просопографического анализа документ был мною датирован ок. 280 г. до н.э., что трудно не связать с посвящением Херсонесом в Делосский храм сразу трех серебряных фиал по 100 драхм в 276 г. до н.э.¹³, дающим *terminus ante quem* случившемуся всего за год до того пиратскому набегу на херсонеситов и времени издания псефизмы. Вскорости, видимо, тем же резчиком был высечен и декрет в честь историка Сирииска IOSPE I² 344, о котором речь впереди.

Коль скоро суть описанной в документе акции варваров-пиратов в итоге его ревизии проявилась, то остается лишь решить два основных вопроса: куда были уведены свободные жители Херсонеса, и в какой связи появились в тексте декрета сарматы. Если в републикации документа мною было предположено, что окрестные варвары – тавры и скифы, осведомленные о регулярных сарматских набегах, воспользовались беззащитностью херсонесских земледельцев, захватили их в плен и переправили через Перекоп, для того, чтобы сбыть сарматам, то совсем недавно появились новые данные, заставившие значительно скорректировать предложенную реконструкцию событий.

В 1998 г. в Керчи был случайно обнаружен фрагмент верхней части мраморной стелы, карниз или фронтон которой украшен лавролистной гирляндой, символизирующей собою наградной венком, над которым сохранились остатки пяти строк декрета, представляющего собой точную копию описанного выше херсонесского декрета IOSPE I² 343, три первых строки которого, содержавшие неактуальный для Боспора список херсонесских магистратов, были резюмированы, видимо, обобщающим термином типа [αἱ σιναρχαὶ καί...]. Далее, буква под буквой, повторен текст вырезанной по присланной копии боспорским резчиком херсонесской псефизмы, начинающейся на сохранившемся декрете со слов стк. 4 оригинала: [καὶ ταῖα]ς Βάβων Λοβναῖου], что позволяет восстановить патронимик, напрасно исправленный Латышевым и мною, находящийся аналогии в малоазийской топонимике и теонимике¹⁴. Этот корректив снимает, в

¹³ IG XI 2, 164; Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale. P., 1970; P. 113; Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 258 сл.; ср. № 25; Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // ДГ. 1996-1997. М., 1999. С. 121.

¹⁴ Ср. лингвистически оправданную метатезу δν – νδ и легкие фонетические изменения в: Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984. § 47-1 (Λλοανθευς), § 715 (θεῶν Λοανθεω), § 724 (Λοῦνδα), § 737 (Διὸς τοῦ Λοβάρου); SEG XXVIII 1283 (ἄροι Λοανδου); Blumel W. Einheimische Ortsnamen in Karien // EA 1998. Ht. 30. 173.

свою очередь, вопрос о подлинности новонайденного фрагмента, ибо для того, чтобы быть скопированным местным фальсификатором, эстампаж, проработанный карандашом К.К.Косцюшко-Валюжинича, должен был каким-то образом попасть в Керчь, хотя в Архиве ГХМ засвидетельствовано, что директор музея в последний год своей жизни посылал эстампажи латинских (!) надписей только в Петербург М.И.Ростовцеву.

Однако тут же возникает вопрос о том, с какой целью копия херсонесского декрета была выставлена в столице Боспора. На него нетрудно дать незамедлительный ответ: в спасении херсонеситов непосредственное участие принимал вооруженный отряд боспорского правителя Перисада II. Как известно, вызволение плененных пиратами осуществлялось двумя путями: либо выкупом за деньги, либо с помощью военной силы, из которых в нашем случае бесспорно следует предпочесть второй, ибо при первом оставалось бы непонятным божественное вмешательство - ἐπιφάνεια - верховной богини Херсонеса Девы. Этот путь решения подтверждается контекстом как разобранным выше херсонесского декрета, так и вскоре изданной псефизмы в честь историка Сирикса IOSPE I² 344, который «явления Девы трудолюбиво описав, изложил и про отношения к царям Боспора [рассказал]...»¹⁵.

Однако трудно предположить, что боспорский правитель специально выслал военный отряд для вызволения херсонеситов, да к тому же в район Перекопа или Южнорусские степи: гораздо вероятнее допустить, что контингент боспорского войска отправился ранней зимой 277 г. до н.э. (?) к восточной границе хоры европейского Боспора для отражения очередного набега сарматской орды, что неожиданно подтверждается как археологической ситуацией, так и найденными недавно памятниками изобразительного искусства.

(Λουδοκόμη). Наиболее оправдано признать рассматриваемый антропоним теофорным. О малоазийском ЛИ Βάβωι, проникшем в понтийские полисы, см. Stolba V. *Barbaren in der Prosopographie von Chersonesos* (4.-2. Jh. v. Chr.) // *Hellenismus*. Tübingen, 1996. S. 443 f., № 5 а.

¹⁵ При формулировке провозглашения об увенчании Сирикса (сткк. 17-19) редактор псефизмы стилистически неудачно контаминировал отношения Херсонеса как к городам, так и к царям, отнеся и к последним τὰ ὑπάρξαινα φιλανθρωπία (падежное дополнение Латышева по корреляции со сткк. 6/7), якобы оказанные монархам херсонеситами. Между тем в эллинистических документах термин φιλάνθρωπα (и однокорневые φιλανθρωπέω, φιλανθρωπία, φιλανθρωπῶς) отнюдь не означал «дружественные отношения» (как в переводе Латышева), но эвретические благодеяния, оказываемые владыками полисам, а не наоборот; см. RC. P. 373; Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte and Heiligtümer / Hrsg. v. K. Bringmann, H. von Steuben. B., 1995. № 25. 27 f., 35. 10; 93. 2. 11 f.; 98. 31 f.; 284. 2. 13; Riggsby K. K.J. *Asyilia*. Berkeley – Los-Angeles – London, 1996. Index. P. 657; Habicht Chr. *Die Rolle der Könige gegenüber Städte und Bünden* // *Actes du Xe Congrès International d'épigraphie grecque et latine*. P., 1997. S. 164: «Daher werden monarchische Wohltaten auch geradezu als *philanthropa* bezeichnet».

Как доказывают наиболее прецизные археологические индикаторы, на греческих и варварских поселениях Керченского полуострова именно в 70-х годах III в. до н.э. разразилась подлинная катастрофа: одни из погибли в пожаре вместе с обитателями, другие – были просто покинутыми¹⁶. Только что опубликованная О.Хекманном батальная сцена с датируемой 2-й четвертью III в. до н.э. фресковой стены нимфейского святилища Афродиты, на которой три катафрактария в типично сарматских доспехах сражаются с тремя пешими скифскими (?) лучниками¹⁷, однозначно доказывает, что в 270-х гг. до н.э. сарматы совершали военные набеги на восточную границу Боспорского государства, куда им и были доставлены на продажу херсонеситы, вызволенные впоследствии из плена боспорскими воинами при божественном «участии» богини Девы, за что не только она сама, но и владыка Боспора Перисад II были почтены декретом, выставленным как в Херсонесе, так и в боспорской столице.

Таковы неожиданные сведения, преподнесенные новыми археологическими и эпиграфическими памятниками, которые не только подтвердили в целом концепцию Ростовцева, но и внесли в нее ряд существенных корректив. Однако главное их достоинство в том, что они лишней раз доказали, сколь рискованны и недолговечны реконструкции, построенные преимущественно на одной группе источников, а также продемонстрировали преимущества комплексного внутрисистемного анализа всех доступных нам данных с последующим синтезированием полученных результатов в крайне осторожно набрасываемую картину протекавших в древности исторических процессов, познать всю полноту подробностей которых нам так никогда и не суждено.

Итак, подведем общие итоги пересмотру текста базового документа. Около 277 г. до н.э. агрикультура на ближней хоре Херсонеса, Гераклеиском полуострове, функционировала в своем нормальном режиме, коль скоро жители города с женами и детьми вышли без охраны для сбора урожая. Напавшие на херсонесских земледельцев окрестные варвары составляли полиэтничную группу, по всей видимости, тавров и скифов. Вторжение же сарматов в Крым следует рассматривать не как первый, но как очередной их набег, и потому едва ли следует связывать с сообщением Диодора о тотальном опустошении Скифии.

Все вышесказанное позволяет осторожно воссоздать следующий ход исторических событий. На рубеже IV-III или в самом начале III в. до н.э.

¹⁶ Из последних работ см. Масленников А.А. Греки и варвары на «границах» Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия) // ДГ. 1996-1997. М., 1999. С. 184 сл.; автор базируется на определении Н.Ф.Федосеевым позднейших амфорных клейм, которые, как известно, не датируются с точностью до года, а посему дату катастрофы «приблизительно в 270 г. до н.э.» следует расширить до всего восьмого десятилетия III в. до н.э., что согласуется с показаниями вышеприведенных данных эпиграфики.

¹⁷ Höckmann O. Naval and Other Graffiti from Nymphaion // *Ant. Civ.* 1999. Vol. 5. 4. P. 340-342. Fig. 1.

перешедшие Танаис сарматские орды огнем и мечом прошли по степям Южной России, положив конец Великой Скифии и вытеснив большинство ее населения в пределы Таврики и Нижнего Поднепровья, где оно вскоре консолидируется в новое образование, получившее название Малой Скифии (Strabo. VII. 4. 5), которая столетие спустя стала оформляться в государство эллинистического типа со столицей в Неаполе. Однако судьбы обитателей обеих частей Малой Скифии разошлись: в низовьях Днепра скифы очень скоро осели на землю, освоив ряд городищ и проводя миролюбивую политику по отношению к ольвийскому эллинству. Нападшими на Ольвию и опустошившими к середине III в. до н.э. ее хору являлись, по всей видимости, одиночные сарматские банды. По-видимому, здесь повторился *mutatis mutandis* феномен начала V в. до н.э.: как и тогда, усмирить и поставить их под свой контроль взялись новые могущественные правители, подобные Саитафарну.

Процесс же седентаризации запертых в Крыму скифов, напротив, растянулся на столетие: пытаясь на первых порах восстановить былой военно-экономический потенциал, они усиливают уже в первой трети III в. до н.э. натиск на херсонесские владения Тарханкутского полуострова, ряд которых гибнет в пожаре и более не восстанавливается, а затем, в 70-х годах, учащают свои набеги и на виллы Гераклеийского полуострова, владельцы которых были вынуждены покинуть свои надельные участки и укрыться за стенами города. Относительная стабилизация обстановки наступает тут во 2-й половине III в. до н.э., когда усадьбы ближней и дальней хоры вновь возрождаются, будучи на сей раз укреплены противотаранными поясами. На Боспоре этот процесс разворачивался, по-видимому, еще сложнее.

Приложение

Херсонесский декрет о пленении пиратами свободных жителей города

Ed. princ.: Латышев В.В.¹ // ИАК. 1906. 18. С. 114. № 23; он же². К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Сб. статей в честь В.П.Бузескула. Харьков, 1913 (1914). С. 206-211; Latyshev³. IOSPE I² 343. P. 287 sq.; Виноградов Ю.Г. // ВДИ. 1997. № 3. С. 211. Ср. Ростовцев. Сириск. С. 155 сл.; idem. Ἐπιφανείαι. С. 204-206; Толстой И.И. Остров Бель и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1018. С. 99. Прим. 1; Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 12. № 3. Рис. 3 (перевод и фото с эстампажа). Подчеркнут текст фрагмента из Керчи.

	'Ηρακλείδας Παρμένοντος ἐπὶ τᾶς διοικήσεως	(37)
	ἑὼν καὶ νομοφύλακες Πολύστρατος Κλεῖ[μυ-]	(32)
	τάδα?, [Ἰ] Απολλωνίδας? Δαμοκλεῖος, Ἡρώιδας[ς]	(32)
	[τοῦ δεῖνος] καὶ ταμίης Βάβων Λοδναί[ου]	(22+)
5	[εἶπαν ὅπως ἂν καλῶς ἔχη τοῖς πολίταις τὰ	(33)
	λερὰ? τὰ ποτὶ Παρθένον καὶ τᾶς γενομένης	(33)

	[σωτηρίας διὰ θεᾶν τὰν ἐνδεχομέναν ὁ δᾶ-	(32)
	μος ἀποδιδούς ἀξίαν αὐταῖ φαίνηται χάριν	(35)
	[πρότερόν τε ἤδη πολλάκι σωθεῖς δι' αὐτὰν	(33)
10	ἴεκ τῶν μεγίστων κινδύνων καὶ νῦν ἐκπεπο-	(33)
	ρευμένων σωμάτων ἐλευθέρων μετὰ τέκνων	(34)
	καὶ γυναικῶν ἐπὶ συγκομιδᾶν τοῦ Διονυσί-	(34)
	ου μηνὸς ἔφοδον τε προησαμένων παράλο-	(32)
	γον τῶν παροικούντων] βαρβάρων καὶ δυ-	(31)
15	[νηθένθα εἰσβαλόντων] Σαρματῶν εἰς πάσα[ν]	(35)
	[περίστασιν ἐμπεσεῖν σώματα τὰ ἐλεύθερα,	(34)
	[ὥστε ἄλόντα μετὰ τέκνων καὶ γυναικῶν πρη-	(36)
	[θῆναι κτλ.]	

2/3. Клε..]ς - Lat. || 4. τ|αμίας Βάβων 'Αθναί|ου - Lat. || 5. κα-
 λῶς - Lat. || 6. περὶ τὰν θεᾶν Παρθέν|ου - Lat. ^{2,3} || 7. [βοηθείας]-Lat.²,
 Rost., [δι' αὐτὰν σωτηρίας] Rost., Lat.³ 7/8. δᾶ[μος ὁ Χερσονασι-
 τᾶν] - Lat.^{2,3} || 9. [ἀποδιδούς, πρότερόν τε] - Lat.², Rost.; [ἀποδιδούς:
 πανδημεῖ (?) -Lat.³; [ἀποδιδούς, καὶ πάλα] (?) - Tol. || 10. [ἴεκ τῶν μεγίσ-
 των κινδύνων, καὶ νῦν ἐκπεπο|ρευμένων τῶν οἰκητῶρων Lat.^{2,3} || 12-14.
 [καὶ γυναικῶν ἐπὶ τὰν] κομιδᾶν τοῦ Διονύ|σου καὶ ἔφοδον δεινᾶν (Rost.)
 ποιησαμένα παραλό|γως των παροικούντων] βαρβάρων -Lat.³||15-16. τὸ
 ἄγαλ|μα τὰν εἰς πᾶσα[ν τὰν πόλιν ?] - Lat.²|| 15-17. ...μα τὰν εἰς πᾶ-
 σαίν- - - ἐλευθέρ|α|| - Lat.^{1,3} || 14-18. καὶ δυνά|μεος εἰσβαλοῦσας? τᾶς]-
 Σαρματα|ν εἰς πᾶσα[ν] [περίστασιν ἐμπεσοντα? σώματα τα ἐ|λεύθερα
 ἰκινδύ|νευσεν ἄλόντα ὑπὸ τῶν βαρβαρων? πρη|θῆναι εἰς Σαρματίαν κτλ]
 - Vin.¹; δυνή|θένθα εἰσβαλόντων] Σαρματῶν εἰς πάσα[ν] [περίστασιν ἐμ-
 πεσεῖν σώματα τα ἐ|λεύθερα. [ὥστε ἄλόντα μετὰ τέκνων καὶ γυναι-
 κῶν πρη|θῆναι κτλ.] - nunc Vin.

Перевод. Гераклид, сын Парменонта, стоящий во главе управления, и помофилаки Полистрат, сын Клемиада (?), Аполлонид (?), сын Дамоклея, Герод, (сын *такого-то*), и казначей Бабон, сын Лоднея, (внесли предложение. С тем, чтобы прекрасно) были устроены у граждан (священнодействия [?] в честь) Девы, и за свое (спасение), случившееся (благодаря) принимающей на себя *заботу* (богине), народ явно (воздавал) ей (достойной) благодарностью, (и прежде уже) часто будучи ею спасаем (из величайших) опасностей, и теперь, когда (лица) свободного состояния отправились вместе с детьми (и женами для) уборки урожая в (месяц) Дионисий, поскольку неожиданно устроили (набег соседние) варвары, и (в случае вторжения) сарматов рисковали быть (ввергнуты) во всяческие (опасности) свободные (лица, так что, захваченные с детьми и женами), они могли быть вывезенными на продажу...

Y.G.Vinogradov

Chersonesus, Bosphorus and Their Barbarian Environment in the 3rd Century BC

Among the key issues of classical studies in our country one could name the reasons and date of the fall of Great Scythia and the disappearance of Hellenic *poleis'* *chora* in Northern Pontus. M.I.Rostovtzev developed a concept that used to dominate ultimately for a long time. This concept based on the only testimony of Diodorus (II. 43. 7), who claimed the Sarmatian tribes, which invaded Scythia in the end of the fourth – beginning of the third century BC, to be guilty of that cataclysm. The arguments of the critics that have recently opposed that concept are analysed and controverted in the article on the grounds of evasive and direct tidings given in the sources. The author has revised one of the sources in question, the decree of Chersonesus (the 3rd century BC) IOSPE² 343. Its *terminus ante quem* is 276 BC, the year when Chersonesians devoted three *phials* in Delos.

Where did the pirates take free citizens? Why did the Sarmatians occur in the text of the decree? It is a fragment of inscription they have recently found in Kerch that gives an answer. This piece of marble bears the remains of five lines that are an exact copy of the beginning of Chersonesian *psephisma*. No doubt the exposition of the copy in the capital of Bosphorus means that the military group of Pairisados II, the King of Bosphorus, took part in the rescue of the Chersonesians. That is in concord with the words of the Decree in honour of the Chersonesian historian Syriskos IOSPE² 344, that 'diligently described the adventures of the Virgin, and also reported on the attitude to the King of Bosphorus...' The Bosporan detachment could be supposed to move to the Eastern margin of the state *chora* to face another invasion of the Sarmatians in the early winter of 277/6 BC. This is proved by the archaeological data on the concurrent ruination of the rural settlements of the European Bosphorus and also the battle scene of Sarmatian horsemen fighting Scythian (?) infantry archers depicted on the wall of the shrine of Aphrodite in Nymphaeum.

Some most valuable new sources definitely prove that about 270 BC the Sarmatians used to overrun the Eastern Bosporan borders where they got the Chersonesians for sale. Then those citizens were rescued by the Bosporan warriors with the help of the divine epiphany of Parthenos. Parthenos and King Pairisados II were honoured with a decree, exposed both in Chersonesus and the Bosporan capital.

Х.Хайнен

Два письма боспорского царя Аспурга (АЕ. 1994, 1538).

**Незамеченные поправки,
предложенные Гюнтером Клаффенбахом,
и дальнейшие наблюдения ***

Более чем тридцать лет тому назад в статье «Рескрипты царя Аспурга» (Советская археология. 1965. № 2. С. 197–209) Т.В.Блаватская представила два сохранившихся в виде надписи письма боспорского царя Аспурга из Горгиппей (совр. Анапа)¹, расположенной не менее чем в 60 км юго-восточнее Боспора Киммерийского (Керченского пролива). На Западе это издание было, правда, вскоре замечено²; поскольку все же SEG никогда так и не перепечатал этот текст, оба царских письма сыграли свою роль практически только в советских исследованиях³. К немногочисленным исключениям на Западе относится ссылка Д.К.Браунда⁴ на поездку Аспурга в Рим, упомянутую в первом из писем царя, а также воспроизведение первого письма в греческом оригинале с переводом на английский язык и кратким комментарием Ф.Миллара⁵. Мы благодарны ему за то, что сделанное им указание заполнило информационный пробел и способствовало перепечатке надписи из Горгиппей в журнале «Année épigraphique» (АЕ) за 1994 г. (вышел в свет в 1997 г.) под номером 1538. Кроме греческого текста и французского перевода обоих писем там можно найти некоторые комментарии и поправки, предложенные К.Цукерманом и Ю.Г.Виноградовым. Согласно замечанию П.О.Карышковского, письменно сообщенному мне Виноградовым, эти письма относятся не к 15 г. н.э., как предположила Блаватская (ук. соч. С. 208), а к следующему, 16 г.⁶

* Für förderliche Hinweise danke ich den Herren Kollegen Werner Eck und Ju.G.Vinogradov. Mein herzlicher Dank gilt Herrn Kollegen Vladimir Kaščeev für die russische Übersetzung.

¹ Я предпочитаю эпиграфически засвидетельствованный способ написания этого названия (Горгиппейя) привычной форме Горгиппия, встречающейся у Страбона и в новых исследованиях; В.Папе и Г.Бензелер также предпочли Γοργύππεια в качестве основной формы; Pape W., Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1911³, s.v. Γοργύππεια.

² Ср. Robert J., Robert L. Bulletin épigraphique. 1968. № 378.

³ См. также краткую ссылку Б. Функа (Funck B. Das Bosporianische Reich aus der Sicht Strabons // Klio. 1985. Bd. 67. S. 273–280, в данном случае S. 275. Anm. 7).

⁴ Braund D.C. Rome and the Friendly King. The Character of Client Kingship. London, 1984. P. 56.

⁵ Millar F. Emperors, Kings and Subjects: The Politics of Two-level Sovereignty // SCI. 1996. Vol. 15. P. 159–173, в данном случае p. 168–170 (= Studies in Memory of Abraham Wasserstein. Vol. 1).

⁶ Vinogradov Ju.G. Epigraphik in der UdSSR // Arheološki vestnik. 1980. T. 31. S. 301–316, в данном случае S. 309, № 100. К подобному результату подводили уже размышления В. Диттенбергера (Dittenberger W. RE. 1901. Bd. IV. 2. Sp. 2014 f., s.v. Daisios). Подробнее о

Однако везде, в том числе и в АЕ. 1994, было упущено из виду, что текст *editio princeps* уже давно подвергался пересмотру, результаты которого Блаватская сообщила в заключении следующей своей статьи⁷. Здесь, на стр. 37, дается «дополнение», которое, прежде всего, содержит важные наблюдения Гюнтера Клаффенбаха. Поскольку эти *addenda et corrigenda* до сих пор не принимались во внимание, наверное, уместно одновременно и в качестве дополнения к текстовым предложениям, сделанным в АЕ. 1994, сообщить еще раз текст упомянутого дополнения Блаватской.

«После опубликования текста изучаемых писем (Рескрипты царя Аспурга, СА, 1965, № 2, стр. 197–208) я (т.е. Т.В.Блаватская – Х.Х.) прочла доклад о них на конференции эпиграфистов, посвященной 150-летию работы Берлинской Академии наук по изданию Свода греческих надписей (происходила 27–29 апреля 1965 г. в ГДР), где услышала интересные соображения авторитетнейших эпиграфистов. Ниже мы изложим их вкратце.

Письмо А, стк. 7–8. Проф. Гюнтер Клаффенбах предлагает перенести запятую, поставленную после ἀτα[ρα]ξίαι, в стк. 8, после ἐντολάς. Следует признать, что такая пунктуация делает более стройным грамматическое построение фразы «... в полной безмятежности согласно данным мною распоряжениям, я определяю...». Но вызывает недоумение то, что Аспург отдавал специальное распоряжение о сохранении ему верности полисам. Возможно, что данная формулировка усложнена составителем текста во имя большей торжественности.

Письмо А, стк. 10. Буквы ΕΚΘΕΣΙΑΤΙΣ[Α]ΝΤΕΣ Г. Клаффенбах предлагает читать как одно слово. Однако нам кажется, что резчик пропустил Ν в конце слова ΕΚΘΕΣΙΑ и что здесь следует читать ἐκθεσία(ν) τίς[α]ντες οὖν... «Итак, оплативши обнародование...».

Письмо А, стк. 10–11. Г. Клаффенбах справедливо заметил ненадобность восстанавливаемого нами предлога κατά, а также и то, что слово γενέσθαι поставлено составителем текста напрасно. С этими замечаниями рассматриваемое место должно транскрибировать так: ...φανερὰν ποιή[σ]ατε <γενέσθ[αι]> τοῖς [πάσι] τὴν ἡμετέραν κρίσιν.

Письмо В, стк. 3–4. Вместо восстанавливаемого нами ἀποτελομένης, определяющего ἐνδεκάτης, Г. Клаффенбах предлагает читать в начале стк. 5 (правильно следует сказать: в стк. 4 – Х.Х.) слово ἀπολεύσθαι, так что основная мысль фразы будет изложена так: [...συνε]χώρησα... [ἀπολεύσθαι] ἐνδεκάτης «...я даровал ... освободиться от одной одиннадцатой...». Признавая возможность такого построения, решаюсь заметить, что при таком чтении ощущается нехватка термина, передающего обязательства платежа.

боспорском календаре в эпоху Римской империи см. у Ю.Г. Виноградова (ВДИ. 1998. № 1. С. 242).

⁷ Блаватская Т.В. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28–37.

Письмо В, стк. 4. Проф. Ж.До (G.Daux – Х.Х) заметил, что в снимке надписи читается ἐνδεκάτης, тогда как в транскрипции я поставила ἐγυδεκάτης. Это – описка, к сожалению, не замеченная вовремя⁸.

Несмотря на возражения Блаватской, часть предлагаемого Клаффенбахом, как должно быть сейчас показано, сохраняет свое значение, другая часть – потеряла силу благодаря более новым предложениям.

Чтобы сделать обсуждение понятным, вначале я перепечатаю текст обоих писем в соответствии с изданием Блаватской (С.А. 1965. № 2. С. 198) с сохранением ее пунктуации:

Верхний текст: Посвятительная надпись

[Οἱ Γορυππεῖς ἰ]δρύσαντο Διὶ Σωτῆρι.

Средний текст: письмо А

- 1 [Βασιλεὺς Ἄσ]ποῦργος φιλωρώμαιοι
 [Παντ]αλήνonti καὶ Θεαυγέλωι
 χαίρειν
 εὐεργετικῶς διακείμενος πρὸς τὴν τῶν Γορυππέων πόλιν
 5 καὶ βουλόμενος τὰ δίκαια αὐτοῖς παρέχεσθαι ἐπειδὴ ἔδο[ξε]ν ἐν πολ-
 [λοῖς] μ[έ]ν πρᾶγμασιν εὐνοηκῆναι μοι, μάλιστα δὲ ἐν τῇ πρὸς τὸν Σεβαστὸν
 Αὐτοκράτορα ἀναβάσει συντετηρηκότες ἑαυτοὺς ἐν πλείσῃ ἀτα[ρα]ξίαι,
 κατὰ τὰς ὑπ' ἐμοῦ δεδομένας
 ἐντολὰς δοκιμάζω [ε]ἶς τὸ λοιπὸν τὰς κ[λ]ηρονομία[ς]
 10 μένειν αὐτοῖς βεβαίως κατὰ τὸν Εὐπάτορος ἀνχι[στ]ευτικὸν νόμον.
 ἐκθεσία τίς[α]ντες οὖν τότε τὸ δόγμα φανερὰν ποιή[σ]ατε γενέσθ[αι τοῖς πᾶ]-
 [σιν κατὰ] τὴν ἡμετέραν κρίσιν. Εἴρωσθε. βιτ', Δαισίου κ'.

Нижний текст: письмо В

- 1 [Βασιλεὺς Ἄσ]ποῦργος φιλωρώμαιοι Παν[τα]λήνonti καὶ
 [Θεαυγέλωι] χαίρειν ἐπεὶ Γορυππεῦ[σιν τοῖς]
 [φίλοις μου συνε]χώρησα οἴνου τε καὶ σείτο[ν] καὶ κριθῆς(?) ἀ-
 [ποτελουμένης] ἐγυδεκάτης, κένχρου δὲ [εἰκοστῆς (?)], ἔκρινα ἐπ[ι]-
 5 [στεῖλαι ὑμ]ῖν ὅπως οἶκον[ο]μήσητε κ[ατὰ τὴν ἡμετέραν]
 [κρίσιν]. "Ερωσθε. βιτ', Δαισί[ου] ..].

Я буду рассматривать по порядку наблюдения Клаффенбаха и высказанные против них возражения Блаватской и попутно прибавлять некоторые свои замечания, не стремясь при этом к полноте. Сам камень я не видел; он находится в краеведческом музее Анапы, инв. № 2585. Таким образом, я опираюсь исключительно на фотографию, которой снабжено первое издание надписи, а также на любезно предоставленную коллегой Ю.Г.Виноградовым фотографию из архива Б.Н.Гракова, на которой изображена верхняя часть надписи до 1-й

⁸ Ошибка касается двух моментов: во-первых, прочтение гаммы (Γ) вместо ню (Ν), во-вторых, неправильное придыхание.

строки письма В включительно и к тому же верхние концы букв на части 2-й строки⁹.

В дальнейшем я цитирую построчно вначале текст первого издания Блаватской; вслед за этим обсуждаю предлагаемые исправления.

Блаватская I = СА. 1965. № 2. С. 197–209 – *editio princeps*; Блаватская II = СА. 1965. № 3. С. 28–37.

Посвяtitельная надпись.

В сделанном Блаватской дополнении [Οἱ Γορυππεῖς ἰ]δρύσαντο Δὶ Σωτήρι имеется много правильного, однако оно, вероятно, слишком короткое. Обе надписи, А и В, сохраняют определенную симметрию, и резчик стремился обязательно выровнять их по левому краю. Если это относится также и к первой строке (посвящению), то в лакуне, которую необходимо заполнить, было бы достаточно места примерно для 20 букв. Между прочим, здесь можно было бы ожидать указания на характер воздвигнутого сооружения. Сам камень – носитель надписи, кажется, не содержит никакой определенной информации как отправной точки для решения этого вопроса. Речь идет о тщательно обработанной мраморной плите, которая совершенно очевидно предназначалась для того, чтобы ее вставили в какое-то углубление (Блаватская I. С. 197). В комментарии к АЕ. 1994, 1538 говорится, что оба письма Аспурга были установлены на одном алтаре Зевсу Сотеру. Мне не известно, на чем основывается это высказывание; речь могла бы идти также о значительном здании, например, о храме. С помощью дополнения τὸν ναόν лакуна была бы точно заполнена. Наряду с более часто встречающимся в боспорских надписях ναός¹⁰, едва ли попадает слово τέμενος¹¹, и потому оно здесь менее вероятно. Конечно, вполне возможно и то, что плита с надписью вставлялась в какой-то алтарь. Тогда было бы естественным дополнение τὸν βωμόν. Решение следует оставить открытым, поэтому только *exempli gratia*: [Οἱ Γορυππεῖς τὸν ναόν ἰ]δρύσαντο Δὶ Σωτήρι.

Письмо А.

А, стк. 2. [Παυτ]αλήουτι. Восстановление имени возможно посредством сравнения с письмом В, стк. 1 (относящимся к тому же году и месяцу), тем более что это имя многократно засвидетельствовано в боспорской ономастике, правда, в правильной форме Παυταλέω¹². Предоставленная мне Виноградовым фотография четко показывает *эпсилон* (Ε), а не *эту* (Η), так что без сомнения мы можем поставить правильную форму [Παυτ]αλέουτι и в нашей надписи.

⁹ См. фотографию, воспроизведенную в моей статье: Heinen H. Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos (AE 1994, 1538). Übersene Berichtungsvorschläge Günther Klaffenbach und weitere Beobachtungen // ZPE. 1999. Bd. 124. S. 135. Abb. 1. См. также фотографию в издании Блаватской (СА. 1965. № 2, между с. 198 и 199).

¹⁰ Среди надежных примеров я отмечу: КБН. 942; 1014; 1115, стк. 6; 1134, стк. 7.

¹¹ КБН. 1202: τεμ[ένει ?]. Этот документ – из Горгиили и относится к культовому зданию τοῦ μεγάλου θεοῦ, что ввиду нашей надписи небезынтересно.

¹² См. КБН. Указатель. С. 891, s.v. Παυταλέω.

Следовательно, эту форму можно дополнить и в письме В, стк. 1: Παν[ταλέοντι].

А, стк. 5. ἔδο[ξε]ν. АЕ и Ф.Миллар переняли это дополнение из первого издания. И все же грамматически правильным является ἔδο[ξα]ν; см.: συντετηρηκότες ἑαυτοῦς в стк. 7. Единственное число (πόλις, стк. 4) меняется на множественное в слове αὐτοῖς (стк. 5). Впрочем, представленная Виноградовым фотография позволяет распознать отчетливые следы *альфы* (Α), таким образом: ἔδο[ξ]αν.

А, стк. 6–8. μάλιστα δὲ ἐν τῇ πρὸς τὸν Σεβαστὸν | Αὐτοκράτορα ἀναβάσει συντετηρηκότες ἑαυτοῦς ἐν πλείσῃ ἀτα[ρα]ξίαι. | κατὰ τὰς ὑπ’ ἐμοῦ δεδομένας ἐντολάς δοκιμάζω κтл.

Построение предложения, запятая после ἀτα[ρα]ξίαι. И здесь также Ф.Миллар и АЕ 1994, 1538 последовали первому изданию. Однако указанное прежде предложение Клаффенбаха поставить запятую после ἐντολάς в стк. 8 – намного удовлетворительнее. Высказанное против Клаффенбаха предложение Блаватской (см. выше), не является аргументированным и основывается, если я правильно понимаю, на ошибочном представлении об *анабасисе* Аспурга, к интерпретации которого мы, поэтому, сразу обращаемся.

А, стк. 6–7. ἐν τῇ πρὸς τὸν Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα ἀναβάσει. Правда, сначала Блаватская (I. C. 205) правильно обратила внимание на то, что *анабасис* означает путешествие вглубь страны, из окраинных земель в центр, и поэтому очень хорошо подходит к поездке царя в Рим, в центр империи. В равной степени Блаватская правильно поняла, что *анабасис* Аспурга к римскому правителю имел политический характер. И все же это правильное понимание *анабасиса* Блаватская (там же) далее связала с явно ошибочной интерпретацией: *анабасис* будто бы имеет и другое «значение, указывающее на какое-то движение вверх, восхождение; следовательно, путешествие могли связывать в Пантикапее с качественными изменениями, благоприятными для Аспурга». Интерпретация, исходящая из буквального понимания слова *анабасис* как «восхождение» в смысле успеха, т.е. в качестве благоприятной для Боспора операции, является ошибочным толкованием. Еще одно замечание Блаватской (I. C. 203), согласно которому употребление термина *анабасис* будто бы выражает позитивную оценку поездки Аспурга со стороны боспорской элиты (а именно, в смысле успешной политики, «подъема»), тем более свидетельствует о том, что ей не известно использование *анабасиса* в качестве общепринятого термина в политическом словаре, особенно в период эллинизма и эпоху Римской империи. «Восходят» от побережья Малой Азии до Великого царя¹³, из области поданных – в царскую резиденцию¹⁴, из провинции и с периферии – в Рим¹⁵, в та-

¹³ Итак, *анабасис* не только имеет военное значение, как в случае похода десяти тысяч и похода Александра, но и обозначает мирное «восхождение» к персидскому царю. См.: Diod. XIV. 11. 2; XV. 92. 5; XVII. 48. 2.

¹⁴ Верховный жрец евреев Оний (Ониас) *восходит* к Птолемею V (Jos. Ant. Jud. XII. 163), спартанец Еврикл – к Архелаю, царю Каппадокии (Jos. Ant. Jud. XVI. 309).

ком значении используются сплошь и рядом термины ἀναβαίνειν, ἀνέρχεσθαι, ἀνάβασις. Как раз к такому словоупотреблению относится *анабасис* Аспурга к его господину – императору в Риме.

Можно было бы ограничиться этими краткими указаниями, если бы ошибочное толкование *анабасиса* не привело к ошибочному толкованию взаимоотношений Аспурга и Рима в целом. Более всего это недоразумение отразилось в недавно вышедшей статье Б. Функа¹⁶. Он неправильно толкует *анабасис* Аспурга как военные действия царя, направленные против Рима, и, идя далее по этому ошибочному пути, приходит к совершенно ложной оценке традиции Митридата в Боспорском царстве. Здесь, однако, не место подробно останавливаться на этой теме и выдвигать аргументы в пользу моей собственной позиции в отношении этих более значительных взаимосвязей¹⁷. Это должно быть сделано в готовящейся монографии, в которой я обстоятельнее исследую взаимоотношение Рима и Боспорского царства.

В этом месте достаточно указания на то, что отклонение Блаватской сделанного Клаффенбахом предложения относительно устранения запятой после ἀτα[ρα]ξίαи и ее перенесения на место после ἐντολάς основывается на ошибочном толковании *анабасиса* Аспурга: поскольку Блаватская рассматривает этот *анабасис* как политический «подъем», она не может понять, почему Горгиппейя и, соответственно, в общем боспорские города могли замышлять восстание против Аспурга и почему Аспург должен был предотвращать такие устремления посредством «распоряжений» (ἐντολαί). Блаватская находит странным, что сохранение городами лояльности нуждается в специальном распоряжении царя. Однако эти меры Аспурга никоим образом не удивляют, если понять, что при его *анабасисе* речь идет о том, чтобы добиться признания и, соответственно, подтверждения его царского положения от Тиберия, нового господина в Риме. 19 августа 14 г. Август умер, вскоре после этого Тиберия возвели на престол в качестве его преемника. Не позднее апреля-мая 16 г. Аспург написал письма к горгиппейянам. Длительное отсутствие Аспурга, вызванное стремлением обеспечить себе престол, вполне могло повлечь за собой опасную ситуацию в Боспорском царстве. Со времени Митрадата Великого там постоянно происходили волнения и перевороты. Перед отъездом Аспург, несомненно, принял правильное решение с помощью специальных ἐντολαί строго-настрого приказав своим подданным, и конечно, не только горгиппейянам, поддерживать спокойствие и порядок. Как раз в этом и заключается смысл, сделанного Клаффенбахом предложения. Поэтому вместе с ним мы убираем запятую после ἀτα[ρα]ξίαи и ставим ее после ἐντολάς, что приводит к следующему пе-

¹⁵ Так Герод отправляется к Марку Антонию в Рим (Jos. Ant. Jud. XIV. 386), а еврейское посольство – из Кесареи к Нерону (Jos. Ant. Jud. XX. 182).

¹⁶ Функ Б. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб., 1992. С. 74–93, в данном случае с. 83–87.

¹⁷ О частном аспекте этой проблемы см.: Heinen H. Fehldeutungen der ἀνάβασις und der Politik des bosporanischen Königs Aspurgos // Hyperboreus. 1998. 4. 2. S. 340–361.

реводу: «особенно когда, во время моей поездки к величественному правителю¹⁸, соблюли себя в полной невозмутимости сообразно данным мною распоряжениям...».

В связи с *анабасисом* Аспурга важно выяснить, к какому господину, Августу или Тиберию, привела поездка боспорского царя. Для выяснения этого вопроса нам необходимо вернуться к стк. 6–7.

А, стк. 6–7. *πρὸς τὸν Σεβαστὸν | Αὐτοκράτορα*. Блаватская (I. С. 202 сл.) предположила, что под *Σεβαστὸς Αὐτοκράτωρ*, или точнее, как сейчас будет показано, *σεβαστὸς αὐτοκράτωρ*, к которому вел *анабасис* Аспурга, понимается Тиберий. Это вызвало возражение. Ю.Г.Виноградов защищает мнение, что под этим подразумевается Август, а не Тиберий и «что это посольство состоялось между 10/11 г. и августом 14 г., что отменяет многие исторические выводы автора (т.е. Блаватской. – Х.Х.)»¹⁹. Ф.Миллар отзывается осторожнее: «Эта дата делает вполне возможным, однако вовсе не бесспорным, что “*Sebastos Autokrator*”, к которому отправился Аспург, был новым императором Тиберием... Форма этого наименования на самом деле не совсем правильна для обоих императоров (т.е. как для Августа, так и для Тиберия)»²⁰.

Поскольку *Sebastos* используется и для Августа, и для Тиберия, этот элемент не позволяет прийти к какому-то решению. Иначе обстоит дело (таково, по крайней мере, мнение кроме прочего русской исследовательницы в области нумизматики Н.А.Фроловой) с титулом *autokrator / imperator*. В своей недавно вышедшей большой работе по боспорской нумизматике она отстаивала мнение, будто Тиберий не носил *praenomen imperatoris*²¹. Это мнение может основываться, в самом деле, на двух античных литературных свидетельствах (Suet. Tib. XXVI. 2; Cass. Dio. CVII. 2. 1)²², равно как теперь и на *subscriptio* Тиберия в

¹⁸ К переводу «величественный правитель» см. вскоре ниже.

¹⁹ Vinogradov Epigraphik in der UdSSR. С. 309, к № 100; см. также: Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 154 и прим. 19; idem. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1997. S. 610: «Аспург посетил Рим в последний год правления Августа для получения санкции императора на занятие им Боспорского престола. (Aspurgus visited Rome in the last years of Augustus' reign to obtain the emperor's sanction for his occupation of the throne of Bosphorus)»; idem. AE. 1994. 1538.

²⁰ Millar. Emperors, Kings and Subjects... (см. выше прим. 5). P. 170: «The date makes it very possible, but by no means certain, that the «*Sebastos Autokrator*» to whom Aspurgus had 'gone up' was the new emperor Tiberius... The form of the name is in fact not fully correct for either emperor».

²¹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – IV в. н.э.). Ч. 1-2. Москва, 1997; в данном случае – ч. 1. С. 70. Н.А.Фролова следует Н.А.Машкину.

²² Я цитирую высказывание Светония (Tib. XXVI. 2), поскольку оно, кроме того, содержит еще и информацию об использовании титула *Augustus / Sebastos* во взаимоотношениях с иностранными правителями: *praenomen quoque imperatoris cognomenque patris patriae et civitatis in vestibulo coronam recusavit* (т.е. Тиберий); *ac ne Augusti quidem nomen, quanquam hereditarium, nullis nisi ad reges ac dynastas epistulis addidit*. Однако и эта информация не совсем правильна, поскольку Тиберий обозначает себя в *subscriptio* сенатского постановления (*senatus consultum de Cn. Pisone patre*, стк. 174) в качестве *Augustus*; см. к этому названное в

*senatus consultum de Cn. Pisone patre*²³, однако многие тексты дают однозначные доказательства в пользу употребления формулы *autokrator Tiberios Kaisar Sebastos* со стороны населения империи и показывают, что отказ Тиберия от титула *autokrator / imperator* был безуспешен²⁴.

Правда, обращает на себя внимание тот факт, что в противоположность, часто встречающемуся, до некоторой степени нормальному порядку слов *autokrator Sebastos* письмо Аспурга дает обратную последовательность. Я бы хотел видеть в этом не случайность, а подчеркнуто почтительное выражение, которое не воспроизводит технически правильную последовательность титулатуры *autokrator ... Sebastos*, а с помощью сознательной перестановки порядка слов дает риторически эффектную формулировку «величественный правитель». Приятное подтверждение такому размышлению предоставляет александрийский философ Филон своим сообщением о посольстве к императору Гаю (Калигуле). Посланцы александрийского еврейства приветствовали правителя, по словам Филона, который и сам был членом этой делегации, следующим образом: *Ἡμεῖς δὲ ὡς αὐτὸν εἰσαχθέντες ἅμα τῷ θεάσασθαι μετ' αἰδοῦς καὶ εὐλαβείας τῆς ἀπασης νεύοντες εἰς τοῦδαφος ἐδεξιόμμεθα, Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα προσεϊπόντες*²⁵. «Мы же были введены к нему (т.е. к правителю) и приняты, причем, увидев его, мы сразу же поклонились до земли со всем благоговением и робостью и приветствовали его словами “величественный правитель”».

В своем издании *legatio ad Gaium* Филона Э.М.Смоллвуд утверждает, что обращение *Σεβαστὸς Αὐτοκράτωρ* было неправильным²⁶. Напротив, я считаю смелым приписывать такому опытному человеку, как Филон, подобную ошибку. Смоллвуд недостаточно учитывает различие между официальной титулатурой и выражающими покорность формами обращения подданных. Засвидетельствованное у Филона обращение является не более неправильным, чем испол-

следующем примечании издание соответствующего постановления сената, осуществленное В.Экком и др.; с. 50 (текст) и с. 276 (комментарий).

²³ Eck W., Caballos A., Fernández F. *Das senatus consultum de Cn. Pisone patre*. München, 1996. Стк. 174 (с. 50): *Ti(berius) Caesar Aug(ustus) trib(unicia) potestate XXII (= subscriptio)*; см. также полную титулатуру Тиберия в стк. 4 сл. (с. 38): *Ti(berius) Caesar divi Aug(usti) f(ilius) Aug(ustus) | pontifex maxumus, tribunicia potestate XXII, co(n)s(ul) III, designatus III*; о том, как сам Тиберий себя называл, см.: Eck, Caballos, Fernández. Op. cit. P. 276.

²⁴ См., напр., постановление Гифеона (Лакония) об учреждении культа правителя (Ehrenberg V., Jones A.H.M. *Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius*. Oxford, 1976². № 102 a = Oliver J.H. *Greek Constitutions of Early Roman Emperors from Inscriptions and Papyri*. Philadelphia, 1989. № 15). Жители Гифеона многократно называют Тиберия не только *Sebastos*, но и *autokrator* (стк. 3 сл. и 8 сл.: *αὐτοκράτορος [Τί]βερίου Καίσαρος Σεβαστοῦ*). См., кроме того, к примеру, еще IGRR. III. 940 сл. (Кипр) и официальную строительную надпись SB. III. 7256 (Тентирис / Дендера, Египет): *ὑπὲρ αὐτοκράτορος Τίβερίου Καίσαρος Σεβαστοῦ*.

²⁵ Philo. *Legatio ad Gaium* 352 (выражение *Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα* написано прописными буквами, согласно указанному в следующей ссылке изданию Э.М. Смоллвуд).

²⁶ *Legatio ad Gaium*. Edited with an Introduction, Translation and Commentary by E.M.Smallwood. Leiden, 1970². P. 292 (к § 277 со ссылкой на § 352).

зование элемента $\alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omega\rho$ в только что (прим. 24) упомянутых надписях. К этому надо еще добавить, что у Филона мы имеем дело не с титулатурой, а с обращением к правителю. Совершенно бесспорно, приветствие императора как $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma \text{ } \alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omega\rho$ (написанное с прописных букв, согласно изданию Смоллвуд) в церемониале правителя того времени было не неправильным, но одновременно выражающим покорность и протокольно точным. В тексте Филона $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\nu$ следует печатать со строчной начальной буквы для того, чтобы показать, что здесь перед нами не подлинная титулатура правителя, а форма обращения. Сейчас при слове $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ мы думаем, возможно, в первую очередь о титуле правителя Август, в то время как римляне во время раннего принципата рассматривали *Augustus* как имя, а именно, как *nomen hereditarium* (Suet. Tib. XXVI. 2), и жители, говорящие по-гречески, несомненно, более отчетливо воспринимали также прилагательное $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ в смысле «величественный, досточтимый». Тем самым, всякий раз в соответствии со стилистическим предписанием данной ситуации они легче могли варьировать между титулом, именем и прилагательным.

Совершенно аналогично выражение $\epsilon\upsilon \tau\eta\acute{\iota} \pi\rho\acute{o}\varsigma \tau\acute{o}\nu \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\nu \alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\rho\alpha \alpha\nu\alpha\beta\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota$ в первом письме Аспурга сохраняет протокольно правильную форму и в отражении более позднего упоминания в письме сообщает еще нечто о разнице в званиях, которую Аспург ощущал в ходе своей встречи с правителем²⁷. Чтобы отметить, что в этом случае тоже речь идет не об официальной титулатуре правителя, а о почтительных словах в адрес правителя, было бы здесь, пожалуй, также уместно писать $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ со строчной начальной буквы, значит: $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\nu \alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\rho\alpha$ («величественный правитель»).

Итак, формулировка $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma \alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omega\rho$ / $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma \alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omega\rho$ никоим образом не заставляет нас видеть в ней «императора Августа», потому что так могли обращаться к каждому правителю. Мысль о том, что здесь подразумевается Тиберий, подтверждается не только датой письма (16 г. н.э.), но и в силу следующего соображения: если бы здесь с помощью *sebastos autokrator* был обозначен Август, тогда здравствующий правитель Тиберий не был бы упомянут ни единым словом в этом письме 16-го года. И все же для Аспурга, вероятно, было очень важно добиться признания в качестве царя Боспорского царства от нового правителя Тиберия, который в 14 г. наследовал Августу. Это соображение легко можно было бы изложить и подробнее, однако я надеюсь, и без этого понятно, что поездка в Рим привела Аспурга к Тиберию и что в дан-

²⁷ Тем примечательнее и поэтому вполне определенно запечатлено Тацитом (Ann. XII. 21) самоуверенное, своенравное поведение Митрадата, сына Аспурга, в Риме. Правда, речь идет о совсем другом контексте, чем в случае с *анабасисом* Аспурга. Но и о последнем имеются свидетельства, которые позволяют понять все высокомерие этого боспорского правителя, например, монеты с его портретом, выполненным в стиле эллинистического правителя, или надписи (КБН. 39 и 40) с прославлением его побед и его власти. Однако в существующем различии рангов между римским императором и боспорским царем в системе «двух-уровневого суверенитета» (“two-level sovereignty”; Ф. Миллар) это, естественно, ничего не меняет.

ном вопросе необходимо признать правоту Блаватской в свете недавних сомнений и критики.

А, стк. 9. ἀρχι[στ]ευτικὸν νόμον. По фотографии можно распознать верхние половинки *сигмы* (Σ) и *тау* (Τ) так отчетливо, что можно спокойно записать ἀρχιστευτικόν²⁸.

А, стк. 10. ἐκθεσία τίς[α]υτες. Предложенное Клаффенбахом чтение ΕΚΘΕΣΙΑΤΙΣ[Α]ΝΤΕΣ в качестве одного слова ведет по правильному пути. Правда, ἐκθεσιατίζω в общем не засвидетельствовано. Решение нашел К. Цукерман (АЕ. 1994, 1538): ἐκθεματίς[α]υτες. Не только глагол ἐκθεματίζω («обнародовать, опубликовывать») подтвержден документально²⁹, но также и чтение *мю* (Μ) вместо *сигмы* и *йоты* (ΣΙ) оправдано, судя по фотографии, представленной мне Виноградовым. Кроме того, еще и последнюю *альфу* (Α) возможно различить настолько отчетливо, что ее можно отметить точкой снизу, таким образом: ἐκθεματίσαιτες. Вопреки Клаффенбаху Блаватская (II. С. 37; см. выше) приняла во внимание, что резчик после ΕΚΘΕΣΙΑ, возможно, забыл окончание Ν, и, следовательно, нужно было бы читать ἐκθεσί-α(ν) τίς[α]υτες οὖν. Это контрпредложение, однако, теряет свою силу не только из-за правильного решения Цукермана, но и по причине грамматической неувязки: если принять новое прочтение Блаватской, то следующее словосочетание τότε τὸ δόγμα осталось бы совершенно ни с чем не связанным. Ошибка в структуре предложения содержится уже в основе первого перевода Блаватской (I. С. 200): «Итак, оплатив опубликование, сделайте это постановление для всех известным сообразно нашему решению». Этот перевод грамматически несостоятелен, поскольку в нем словосочетание τότε τὸ δόγμα согласовано с формой женского рода φαυεράν.

А, стк. 10–11. φαυεράν ποιή[σ]ατε γενέσθ[αι τοῖς παῖσιν κατὰ] τὴν ἡμετέραν κρίσιν. Дополненное в конце слово κατὰ Клаффенбах справедливо вычеркнул, поскольку это грешит против грамматики³⁰. Конструкция гласит: φαυεράν ποιή[σ]ατε γενέσθ[αι ...] τὴν ἡμετέραν κρίσιν. Напротив, гораздо менее убедительным является предложение Клаффенбаха убрать как лишнее хорошо сохранившееся слово γενέσθ[αι] (к этому мнению присоединилась Блаватская, II. С. 37). Хотя и нет настоятельной необходимости в слове γενέσθαι, однако, в любом случае, его наличие не является грамматически ошибочным, а потому должно быть оставлено. Дальнейшему прогрессу способствуют пред-

²⁸ Относительно самого предмета см.: Сапрыкин С.Ю. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. 1991. 2. С. 181–197.

²⁹ См., напр., Р. Тебт. I. 27, стк. 108; SB. VI–VII 9532, стк. 11–12: διὰ προ[γρ]άμματος ἐκθεματισθῆι. Вероятно, также в случае Р. Тебт. I. 27 было осуществлено обнародование διὰ προ[γρ]άμματος, как и прежде в отношении вызова; там же, стк. 107: διὰ προ[γρ]άμματος προσκληθῆι. Оба письма Аспурга в их эпиграфически закреплённой форме представляют собой точно такие же προ[γρ]άμματα («публичные объявления», «официальные распоряжения»).

³⁰ Ф. Миллар (Millar. Op. cit. P. 169) снабдил κατὰ знаком вопроса; в АЕ. 1994. 1538 слово κατὰ устранено.

ложения Ю.Г.Виноградова: φαεράν ποιή[σ]ατε γενέσθαι τοῖς πολίταις ?³¹. Состояние текста в этом месте, тем самым, становится ещё более надежным (и это подтверждается фотографией); слово κατὰ Виноградов, очевидно, совершенно независимо от Клаффенбаха, убрал и отныне ставшую еще большей лакуну лучше заполнил с помощью дополнительного слова πολίταις (?) вместо πάνσι (у Блаватской).

А, стк. 11. Εἴρωθε. Петля второй ρο (Ρ) настолько мала, что, судя по фотографии, и буква, прочитанная Блаватской как йота (Ι), могла бы быть ρο (Ρ), тем самым была бы восстановлена правильная форма, а именно: *Ερρωθε.

Письмо В.

В, стк. 1. Παν[ταλήουτι]. Должна быть дополнена правильная форма Παν[ταλέουτι], гарантией которой служит А, стк. 2.

В, стк. 2–3. Горγυππεύ[σιν τοῖς φίλοις μου]. Обозначение горгиппейян как φίλοι Аспурга почти исключено. Аспург выступает, впрочем, еще до своей поездки в Рим, как самоуверенный правитель, который при каждой акции, демонстрирующей взаимное благорасположение, делал распоряжения (ἐντολαί, А, стк. 8) горгиппейянам. Несмотря на полисный статус Горгиппейи, Аспург вмешивается в городские дела посредством собственного постановления (δοκιμάζω, А, стк. 8; δόγμα, А, стк. 10) и собственного решения (κρίσις, А, стк. 11). То же самое относится, как показывает письмо В, к продленному Аспургом сокращению налогов: [συνε]χώρησα в стк. 3. Аспург поступает по отношению к Горгиппейи всецело в традиции власти эллинистических царей как абсолютный суверен. Его указания направляются не магистратам полиса (таковые здесь вообще не упоминаются), а двум лицам, Панталеонту и Феангелу, которых надо рассматривать как представителей царской власти. Именно им, не являющимся никакими городскими магистратами, поручается публикация царского постановления в письме А и освобождение от налогов в письме В. Доверительное обозначение горгиппейян словом φίλοι в таком контексте едва ли можно ожидать. Я не осмеливаюсь ни на какое альтернативное предложение, поскольку чтение букв после Горγυππ- на основании фотографии не кажется мне надежным.

В, стк. 3–4. [ἀποτελουμένης] ἐγδεκάτης, κένχρου δέ κτλ. Здесь Ю.Г.Виноградову удалось сделать важное исправление: μὲν δεκάτης³². К сожалению, основополагающее предложение Клаффенбаха читать [ἀπολελύσθαι] вместо [ἀποτελουμένης], было упущено из виду всеми, кто позднее работал с этой надписью. Это привело к появлению в АЕ. 1994. 1538 текста [...ἀποτελουμένης μὲν δεκάτης и перевода: «Puisque j'ai fait remise à mes amis les Gorgippiens d'une part de la dîme sur le vin et le blé...». Конечно, с точки зрения языка это совершенно неудовлетворительно. Где же в этом переводе дополнение при глаголе συνε]χώρησα и где в греческом оригинале эквивалент для

³¹ Vinogradov. Pontische Studien. S. 610. Anm. 39 (впервые опубликовано в: East and West. 1992. Vol. 42).

³² Vinogradov. Pontische Studien. S. 610. Anm. 39; АЕ. 1994. 1538.

выражения «une part»? Впрочем, этот французский перевод («faire remise») позволяет уже догадаться, что нужен какой-то глагол в виде ἀπολύω / ἀπολύομαι, между тем как [ἀποτελουμένης] во французском тексте не имеет, собственно говоря, никакого соответствия. Взятое из издания Блаватской дополнение [...ἔκρινα ἐπιστεῖλαι ὑμῖν] в АЕ. 1994. 1538, впрочем, не переведено. Таким образом, можно рекомендовать сочетать дополнения, предложенные Блаватской, Клаффенбахом и Виноградовым, следующим образом: ἐπεὶ... [... συνε]χώρησα οἴνου τε καὶ σείτο[υ καὶ κριθῆς?] ἀπολεῦσθαι μὲν δεκάτης, κένχρου δὲ [εἰκοστῆς (?)]... («поскольку я... предоставил [освобождение] от десятины с вина, пшеницы [и ячменя?], а [от одной двадцатой?] – с про-са...»).

В, стк. 4–5. [...ἔκρινα ἐπιστεῖλαι ὑμῖν]. Лакуна в начале стк. 5, кажется, способна поместить более чем 10 букв, поэтому мое предложение: переставить ἐπ- со стк. 4 на стк. 5.

В, стк. 6. *Ἐρρωσθε. От первой буквы сверху справа сохранился только небольшой остаток, возможно, петля от ρο (Ρ). Если бы наблюдение оказалось безошибочным, можно было бы восстановить правильную форму [*Ε]ρρωσθε.

Очевидно, что необходимо новое издание письма Аспурга на основе аутопсии камня. Поэтому нижеследующая попытка реконструкции носит лишь предварительный характер. Она только подытоживает результат затраченных до сих пор усилий.

Посвятительная надпись

[Οἱ Γοργυππεῖς τὸν ναὸν ? ἱ]δρύσαντο διὰ Σωτήρι

Письмо А

- 1 [Βασιλεὺς Ἄσ]ποῦργος φιλορῶμαιος
[Παντ]αλέοντι καὶ Θεαυγέλωι
χαίρειν.
Εὐεργετικῶς διακείμενος πρὸς τὴν τῶν Γοργυππέων πόλιν
5 καὶ βουλόμενος τὰ δίκαια αὐτοῖς παρέχεσθαι, ἐπειδὴ ἔδο[ξ]αν ἐν πολ-
[λοῖς] μὲν πράγμασι εὐνοηκῆναι μοι, μάλιστα δὲ ἐν τῇ πρὸς τὸν σεβαστὸν
αὐτοκράτορα ἀναβάσει συντετηρηκότες ἑαυτοὺς ἐν πλείστη ἀτα[ρα]ξία
κατὰ τὰς ὑπ' ἐμοῦ δεδομένας ἐντολάς, δοκιμάζω εἰς τὸ λοιπὸν τὰς κ[α]θηρονομία[ς]
μένειν αὐτοῖς βεβαίως κατὰ τὸν Εὐπάτορος ἀνχιστευτικὸν νόμον.
10 *Ἐκθεματίσαντες οὖν τὸδε τὸ δόγμα φανεράν ποιή[σ]ατε γενέσθαι το[ῖς πο-]
[λίταις ?] τὴν ἡμετέραν κρίσιν. *Ἐρρωσθε. βιτ, Δαισίου κ.

Письмо В

- 1 [Βασιλεὺς Ἄσ]ποῦργος φιλορῶμαιος Παν[τα]λέοντι καὶ
[Θεαυγέλωι] χαίρειν. *Ἐπεὶ Γοργυππεῦ[σιν] ?...
[ок. 7 букв συνε]χώρησα οἴνου τε καὶ σείτο[υ καὶ κριθῆς ?]
[ἀπολεῦσθαι μὲν δεκάτης, κένχρου δὲ [εἰκοστῆς (?), ἔκρινα]
5 [ἐπιστεῖλαι ὑμῖν] ὅπως οἶκον[ο]μήσητε κ[ατὰ τὴν ἡμετέραν]
[κρίσιν]. [*Ε]ρρωσθε. βιτ, Δαισί[ου] ..].

Перевод

Посвятительная надпись

[Горгиппейяне] воздвигли [храм ?] Зевсу Спасителю.

Письмо А

[Царь Ас]пург, друг римлян, [Пант]алеонту и Феангелу желает здравствовать. Будучи благосклонно настроен к городу горгиппейян и желая воздать им по заслугам, поскольку они проявили себя во многих делах благорасположенными ко мне, особенно когда, во время моей поездки к величественному правителю, соблюли себя в полной невозмутимости сообразно данным мною распоряжениям, я считаю правильным, что в будущем правила наследства останутся у них бесспорными, согласно закону Евлатора об имеющих право на наследство. Позаботьтесь же о том, чтобы посредством объявления этого постановления сделать известным [для граждан ?] наше решение.

Будьте здоровы. 312 (года), (месяца) Дайсия, 20 (дня).

Письмо В

[Царь] Аспург, друг римлян, [Пан]талеонту и [Феангел]у желает здравствовать. Так как горгиппейянам ... я дал [освобождение] от десятины с вина, пшеницы [и ячменя ?], а [от одной двадцатой ?] – с проса, [то решил написать вам], чтобы вы управляли [согласно моему решению].

Будьте здоровы. 312 (года), (месяца) Дайсия, [..(дня)].

Со времени первого издания Блаватской вошло в обычай обозначать эти письма как рескрипты. При строгом истолковании латинского слова *rescriptum* в смысле «ответное послание», встает вопрос, соответствует ли это узкое значение письмам Аспурга. Правда, Блаватская (I. С. 35 сл.) утверждает, что в нашем случае «инициатива исходила от самого монарха, без каких-либо просьб со стороны города»³³. Это не кажется мне совершенно надежным. Глагол $\delta\omicron\kappa\mu\acute{\alpha}\zeta\omega$ (письмо А, стк. 8) допускает возможность того, что *после рассмотрения* предложения горгиппейян Аспург принял решение относительно этого предложения, и притом решение положительное, исходя из лояльного отношения к царю города во время его поездки в Рим. Правда, о предложении не упоминается ни в одном из обоих писем, что, впрочем, и не удивительно при краткости содержания надписи. В конце концов, перед нами не переписка между царем и городом (с соответствующим упоминанием относящихся к делу писем), а составленное в виде письма распоряжение царя к его доверенным лицам.

В вышеприведенных размышлениях содержание обоих писем царя обсуждалось лишь очень выборочно. Многие аспекты уже были обсуждены в указанной исследовательской литературе, прежде всего в *обеих* статьях Блаватской в «Советской археологии» (1965. № 2 и 3). Некоторые вопросы, тем не менее,

³³ Тем не менее, именно Блаватская ввела слово *рескрипт* для обозначения писем Аспурга, причем, как свидетельствует ее трактовка, она имела в виду, возможно, не узкое значение слова («ответное послание»), а, вероятно, более широкое значение – «указ», «уведомление».

еще требуют обстоятельного исследования, и не в последнюю очередь вопрос о положении Аспурга до и после его поездки в Рим. Такое исследование, разумеется, может быть проведено в том случае, если были бы привлечены и прочие свидетельства об Аспурге, т.е. надписи и монеты. Лишь тогда оба рассмотренные здесь письма могли бы определено занять подобающее им место. Такое развернутое исследование я оставляю для монографии, которую сейчас готовлю с целью изучить весь комплекс римско-боспорских отношений в период от Митрадата Евпатора до Аспурга*.

H.Heinen

**Two Letters of the Bosporan King Aspurgus (AE 1994, 1538).
Overlooked Corrections of Günther Klaffenbach
and Further Observations**

The rescripts of king Aspurgus found in Anapa (ancient Gorgippeia) are normally cited and discussed on the basis of the *editio princeps* by T.V.Blavatskaya in *S o v. A r c h e o l.* 1965 (2), 197-209. This edition was immediately corrected by the German epigraphist G. Klaffenbach, whose observations were communicated and discussed by T.V. Blavatskaya in the second article: Aspurgus and Bosphorus in 15 A.D., in *S o v. A r c h e o l.* 1965 (3), 28-37. This latter article was mostly overlooked, not only in Western, but also in Soviet research. The present article deals with Klaffenbach's corrections and Blavatskaya's not always convincing response to these corrections. Taking into account new readings proposed by Y.G.Vinogradov and C.Zuckerman, the author offers an ameliorated text of Aspurgus' rescripts. He also defends the view that the emperor to whom Aspurgus paid his visit was Tiberius, not Augustus. In this context, Aspurgus speaks of his *anabasis* to the emperor. This term having been misunderstood by Blavatskaya, the author explains its correct meaning as the visit of the Bosporan client-king Aspurgus to his imperial overlord in Rome. This view has been corroborated in greater detail in another article of the author: «Fehldeutungen der anabasis und der Politik des bosporanischen Königs Aspurgos» (*Н y п е р б о р е у с* 4, 1998, 340-361 - with Russian summary). The present article and the one published in *Н y п е р б о р е у с* are the result of the author's study on the relations between Bosphorus and Rome in the period following the death of Mithridates the Great, a topic on which the author is preparing a monograph.

* Перевод с немецкого В.И.Кашеева.

Глава V

Римская политика на Востоке: от поздней республики до домината

М.Г.Абрамзон

Рим и Киликия во II в. до н.э. - 74 г.н.э.: завоевание и романизация

С превращением Рима в великую средиземноморскую державу малоазиатское направление в его внешней политике становится одним из ключевых. Победа над Антиохом III Великим, присоединение Пергама и образование провинции Азии не могли разрешить весь сложный узел противоречий восточной политики. Рим, не имея достаточно сил, чтобы укрепиться в Азии, был вынужден не только прибегать к открытой экспансии, но и вступать в сложные дипломатические отношения с общинами, эллинистическими государствами и правителями. Эпоха Митридатых войн открыла новую страницу в истории восточной политики Рима. Одной из областей Малой Азии, втянутых в бурные события II-I вв. до н.э., оказалась Киликия, представлявшая благодаря своему важному стратегическому положению большой интерес для Рима. Обладание Киликией, занимающей юго-восточный угол Анатолии, давало Риму контроль над морскими путями Восточного Средиземноморья и сдерживало растущую мощь Парфии. Между тем, процесс романизации этой небольшой страны и превращение ее в провинцию занял более чем два столетия.

Римляне искали формы и методы управления Киликией, неоднократно меняли ее административные границы, то присоединяя к провинции различные области, то, напротив, включая ее города в состав других провинций или царств. Специфика термина «Киликия» заключается в том, что он имеет не только географический, но и политический смысл¹. Приходилось учитывать, что население Киликии состояло из множества общин, часто настроенных против Рима, а рядом находились враждебные Риму народы и державы, в том числе и Парфия. Управление Киликией римскими наместниками не всегда оказывалось эффективным; приходилось опираться на киликийских топархов и глав общин, часто ненадежных, а порой и раздавать части страны в управление разным царям.

¹ О географии и административном делении Киликии см.: Bean G.E. Turkey's Southern Shore. L., 1968; Bean G.E., Mitford T.B. Journeys in Rough Cilicia, 1964-1968. Vienn, 1970; Jones A.H.M. Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1971.

Поскольку проблема отношений Рима с Киликией представляется нам практически неразработанной в отечественной историографии², а в зарубежной имеются многочисленные спорные моменты в изучении вопросов римского управления в этой области, в настоящей статье мы попытаемся представить небольшой очерк истории ее завоевания и романизации в период с начала II в. до н.э. по 74 г. н.э., когда Киликия была окончательно преобразована в провинцию.

* * *

По Страбону (Strabo. XIV. 5. 1), лежащая по обеим сторонам Тавра Киликия делилась на две части: Трахею или Трахеотиду («скалистую», «суровую») и Педиаду («равнинную», «плодородную»). Однако описание Страбона не позволяет установить точные границы между землями киликийцев и их северными соседями³. В 197 г. до н.э. прибрежные города Киликии - Зефирий, Солы, Афродисий, Корик, Анемурий, Селин и Коракесий - были оккупированы Антиохом III. В его руки попала также и Памфилия. Во время войны Рима с Антиохом III (192-189 гг. до н.э.) киликийцы входили в состав пестрого войска сирийского царя (App. Syg. 32). После заключения Апамейского мира (188 г. до н.э.) за Антиохом в Киликии сохранилась только богатая Кампестрида, оставшаяся у Селевкидов вплоть до начала следующего века. При Антиохе IV Эпифане этот район переживал усиленную эллинизацию, но после его смерти власть Селевкидов в Киликии ослабла. Многие районы страны вышли из-под их контроля⁴. Часть коренного населения страны, проживавшая на равнине, смешалась с греками и другими народами. В то же время горцы Киликии Трахеи («элефтерокилийцы») сохранили этническую чистоту; они создали ряд укрепленных пунктов на горе Аман.

Письменные источники практически ничего не сообщают о мирных занятиях киликийцев, и только археологические открытия последних лет позволили представить масштабы сельского хозяйства, рыболовства, ремесла, торговли⁵. Исконными занятий «элефтерокилийцев» были пиратство и ра-

² Исключение составляет период истории Киликии, связанный с назначением Полемона II царем этой страны. См. Орешников А.В. Киликийские монеты царя М.Антония Полемона // ИСБ. 1911. Т. 1. 101-106; Сапрыкин С.Ю. Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. 1993. № 2. С. 36-37; он же. Понтийское царство. М., 1996. С. 334-339.

³ Desideri P. Strabo's Cilicians // *De Anatolia Antiqua*. I. P., 1991. P. 299-304.

⁴ Magie D. Roman Rule in the Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I. P. 278-282; McDonald A.H. The Treaty of Apamea (188 B.C.) // *JRS*. 1967. Vol. 57. P 1 ff.

⁵ Russell J. Cilicia - Nutrix Virorum: Cilicians abroad in Peace and War during Hellenic and Roman Times // *De Anatolia Antiqua*. I. P., 1991. P. 283-284; Hopwood K. The Links between the Coastal Cities of Western Rough Cilicia and the Interior during the Roman Period // *Ibid*. P. 305-310.

боторговля. До установления гегемонии Рима в Восточном Средиземноморье мощь пиратов сдерживал флот Селевкидов, базирующийся в гаванях Сирии и Киликии, в то время как Родос внимательно следил за укреплениями пиратов на соседнем Крите⁶, а флот Птолемеев совершал походы против них из Египта, Кипра и Киренаики. Во II в. до н.э. этот контроль за пиратами ослаб из-за действий Рима: в 188 г. до н.э. флот Селевкидов лишился возможности плавать западнее мыса Сарпедон, а их армия была вынуждена покинуть Памфилию. В Эгейском море разбойников сдерживал морской союз Пергама, Родоса и городов Ликийской Лиги, враждебных пиратам. Римляне тогда еще не слишком обращали внимание на деятельность киликийцев, тем более, что это вело к ослаблению сирийских царей. Ими лишь была отправлена в 143 г. до н.э. миссия Сципиона Эмилиана и двух сенаторов в Египет и на Восток (Diod. XXXIII. 18; Strabo XIV. V. 2; Just. XXXVIII. 8. 8) для изучения на месте положения племен и прибрежных городов. Вскоре киликийские правители стали заключать союзы с враждебной Риму Парфией (Strabo. XIV. 5. 2).

Для содержания собственного флота в Восточном Средиземноморье у римлян не хватало ни энергии, ни последовательности. Поэтому все оставалось по-прежнему: флот пиратов господствовал в этом регионе, сенат бездействовал, а римские работаровцы поддерживали дружественные отношения с пиратами⁷. Со времени Митридатых войн те стали действовать еще более самоуверенно и дерзко (Plut. Pomp. 24). Вне всяких сомнений термином «килийцы» римляне называли всех пиратов⁸. Иногда операции против пиратов поручались таким некомпетентным полководцам, как М.Антоний Критский или Кв. Цецилий Метелл⁹. После захвата Азии римским преторам не удалось сохранить морской союз, осуществлявший контроль за безопасностью на морях, что привело к еще большему усилению пиратов. Сфера их деятельности распространилась далеко на запад - до Италии, и римлянам пришлось объявить войну пиратам ради собственной безопасности (Plut. Pomp. 24; Cic. Pro Leg. Manil. 11). В связи с этим в 102-100 гг. до н.э. в киликийские воды был направлен претор Марк Антоний¹⁰.

Традиционно принято считать, что Антоний командовал морскими силами римлян, посланными против пиратов в регион Памфилии, и не предпринимал операций на суше (Liv. Per. 68; Trog. Prol. 39). Однако Цицерон упоминает, что Антоний был задержан в Афинах во время своего путешествия в

⁶ Ormerod H.A. The Piracy in Ancient World. Liverpool - London, 1924. P.137.

⁷ Моммзен Т. История Рима. Т. II. М., 1937. С. 65.

⁸ Ormerod. Op. cit. P. 206-207.

⁹ Wylie G.J. Pompey megalopsychos // Klio. 1990. Bd. 72. Ht. 2. P. 445-456.

¹⁰ Sherwin-White A.N. Rome, Pamphylia and Cilicia, 133-70 B.C. // JRS. 1976. Vol. 66. P. 4 ff.; idem. Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. to A.D. I. Univ. of Oklahoma Pr., 1984. P. 97-99.

Киликию в качестве проконсула (Cic. de Or. I. 82), а его офицер претор Гра-тидиан был убит в Киликии (Cic. Brut. V. 168). В найденной на Родосе надпи-си упоминается Авл Габиний, квестор М.Антония, претора Киликии¹¹. Все это позволяет предположить, что Антоний оперировал против Киликии как на море, так и на суше. В документе из Коринфа сообщается, что римский флот под командованием проконсула (М. Антония) форсировал Истмийский пере-шеек у Коринфа и направился далее к Сиде в Памфилии, в то время как про-претор Гирр снаряжал другой флот в Афинах¹².

По мнению А.Шервин-Уайта, маловероятно, что в 102 г. до н.э. флот был послан из Италии: флот Антония состоял из судов, предоставленных в его распоряжение морскими державами Востока. Проконсул, которому было поручено набрать моряков, организовать флот и воевать против пиратов по-бережья Киликии, делал это в Азии, поэтому Памфилия была номинально включена в состав провинции.

Недавно найденные на Книде фрагменты римского Закона против пи-ратов, дополняющие текст из Дельф, проливают новый свет на цели миссии Антония и территориальные рамки вверенной ему провинции. Этот закон, да-тируемый концом 101 г. до н.э., когда Антоний закончил свою миссию, обя-зывал находящегося в Риме консула направить письма к городам-госу-дарствам Востока и правителям Египта, Сирии, Кирены и Кипра (т.е. тем, кто контролировал побережье Восточного Средиземноморья) с требованием пре-кратить на своей территории деятельность пиратов. Цари и их офицеры не должны были позволять пиратам отправляться в плавание из своих доменов и принимать их в гаванях своих стран. Правители обязаны были также обеспе-чить безопасность плавания по морю и торговли для римских граждан и ита-лийских союзников. В квидских фрагментах добавлено, что различные вла-стители должны быть оповещены о том, что Римский народ посредством это-го закона объявляет Киликию *ἐπαρχείαν στρατηγικήν*. Не совсем понятно, что точно означает эта решающая фраза. Из содержания других фрагментов вовсе не следует, что этот термин безусловно подразумевает, будто Киликия была обращена в отдельную провинцию. В одной надписи с Книда, например, Ликаония, являющаяся частью провинции Азии, также названа «провинци-ей». Таким образом, вовсе не обязательно, что Киликия бесспорно была про-возглашена провинцией¹³.

¹¹ IGGR IV. 1116.

¹² Sherwin-White. Rome, Pamphylia... P.4.

¹³ Hassal M., Crawford M., Reynolds J. Rome and Eastern Provinces at the End of the Second Centuries B.C. // JRS. 1974. Vol. 64. P.195 ff.; Sherwin-White A.N. Roman Involvement in Anatolia // JRS. 1977. Vol. 67. P. 70 f. По мнению Т.Моммзена (Ук. соч. С.130) учрежде-ние провинции Киликии следует отнести к 102 г. до н.э.

Очевидно, только Киликия Аспера получила статус *ἐπαρχείαν στρατηγικήν*, означающий что-то вроде *provincia militaris*. Существует мнение, что *στρατηγικός* соответствует должности «*praetor*». Однако нельзя с уверенностью утверждать, что провинция управлялась именно претором: в республиканский период не существовало жесткого правила назначать в римские провинции преторов. Выбор между магистратурами претора или консула зависел от масштаба военных действий. Термин «провинция» в случае с Киликией означал, что в 102 г. до н.э. она считалась военной зоной, а римский магистрат (может быть, претор или пропретор) был назначен в эту «провинцию» не управлять, а осуществлять функции подавления пиратов и полицейского надзора. Римское понятие *provincia* не заключало в себе обязательное обладание территорией, а означало само по себе только самостоятельное военное назначение.

Таким образом, дату аннексии Киликии по-прежнему трудно точно установить, поскольку неизвестен *Lex provincia* для Киликии. Вероятно, он появился при М.Антонии в 101 г. до н.э., а возможно, при Сулле¹⁴. Статус Киликии в конце II - начале I в. до н.э. остается неясным. Существует много мнений относительно того, была ли Киликия провинцией (в административном смысле) или же чисто военным назначением¹⁵. Примечателен факт, что даже в 88 г. до н.э. в Киликии не было римских легионов: их постоянное присутствие отмечено лишь с 78 г. до н.э.¹⁶

Скорее всего, во время экспедиции Антония римляне создали ряд опорных пунктов на побережье Трахеи. Восточная часть Киликии Педиады оставалась в составе Сирии (App. Syr. 48) до войны с Тиграном; кроме того, так называемая каппадокийская Киликия и Катаония входили в состав Каппадокии (Just. XXXVII. 1).

По мнению Бэдиана, в 97 г. (или в 91 г. до н.э.) наместником Киликии был назначен Корнелий Сулла¹⁷. А.Шервин-Уайт датирует его наместничеством 94 г. до н.э.¹⁸, а Т.Брутон - 92 г. до н.э.¹⁹. Так или иначе, провинция Киликия уже существовала. Аппиан называет Суллу претором (App. Mithr. 57; В.С. I. 77), однако это не совсем верно: Сулла был направлен в Каппадокию утвер-

¹⁴ Freeman P. The Provincia Cilicia and its Origins // The Defence of the Roman and Byzantine East / BAR. 297. Oxf., 1986. P. 254-255.

¹⁵ Sherk R.K. Rome and the Greek East to the Death of Augustus. Camb., 1984. P. 65. Not. 8.

¹⁶ Brunt P. Italian Manpower: 225 BC - AD. 14. Oxf., 1971. P. 434-439.

¹⁷ Badian E. Sulla's Cillician Command // Athenaeum. 1959. Vol. 37. P. 279-303; idem. Studies in Greek and Roman History. Oxf., 1964. P.157-178.

¹⁸ Sherwin-White A.N. Ariobarzanes, Mithridates und Sulla // CQ. 1977. Vol. 27. P.173-183.

¹⁹ Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. 99-31 BC. Cleveland, 1968. Vol. II. P.14.

дить царя Ариобарзана после окончания претуры в 97-96 гг. или в 93-92 гг. до н.э. (Plut. Sulla. 5; Liv. Per. 70; Aur. Vict. De vir. illustr. 75). Сулла был проконсулом Азии, когда ему была поручена миссия в Каппадокии. Сомнительно, чтобы существовала необходимость назначить в Азию в период его проконсульства еще и преторов. Только в усложнившейся обстановке в 89-88 гг. до н.э., когда Митридат оперировал в Вифинии и Каппадокии, в Азию были направлены одновременно два магистрата: преторианский проконсул Луций Кассий и проконсул Квинт Оппий (наместник Памфилии) (App. Mithr. 17). Возможно, Оппий был и проконсулом Киликии в 89 г. до н.э.²⁰

Вероятно, это был первый случай назначения в южную часть Малой Азии отдельного наместника. До этого, в период с 102 г. по 90 г. до н.э. проконсулы или пропреторы Азии совмещали управление провинцией со специальными назначениями. В это время перед ними ставились новые задачи - как борьбы с пиратами в Киликии, так и с интригами Митридата в Каппадокии. Когда Митридат начал вторжение в северную зону Азии - в Вифинию и Пафлагонию, возникла необходимость введения должности второго наместника в южной Азии. С уходом Митридата из Азии Сулла реорганизовал управление провинциями. Киликия стала одним из десяти наместничеств, в которые посылались консуляры (проконсулы или пропреторы) с функциями военного командования.

После заключения Дарданского мира (85 г. до н.э.) Киликей управлял легат Суллы, Лициний Мурена, в задачу которого входило наблюдение за Митридатом. Очевидно, еще Сулла разработал план кампании против пиратов, предполагающий нападение на них со стороны моря и одновременно с севера на Тавр²¹. С этой целью Мурена собрал флот из кораблей, предоставленными соседними странами (Cic. In Verr. II. 1. 90), а на суше предпринял нападение на Кибиратиду (Strabo. XIII. 4. 17). Дальнейшее продвижение римлян на юго-восток было преостановлено из-за неудач Мурены в борьбе с Митридатом. Аппиан сообщает, что Мурена попытался бороться с киликийскими пиратами, но не сделал ничего значительного (App. Mithr. 93).

В 83-81 гг. до н.э. проконсулом провинции Киликии был Л.Корнелий Лентул²². В 83 г. до н.э. восточная Киликия была с легкостью захвачена Тиграном (App. Mithr. 105; Plut. Luc. 21) и вместе с Сирией стала армянской сат-

²⁰ Ibid. P.42. Кв. Оппий вел чеканку бронзовых монет, по мнению М.Кроуфорда, на монетном дворе Лаодикее на Лике. Непонятно, почему исследователь считает, что основой для типов Оппия служили киликийские монеты: Лаодикее на Лике относится к Фригии, но не к Киликии. См. Crawford M. Roman Republican Coinage. Camb., 1974. Vol. I. P. 546.

²¹ Ormerod H.A. The Campaign of Servilius Isauricus against the Pirates // JRS. 1912. Vol. 12. P. 36.

²² Jashemski W.F. The Origins and History of the Proconsular and Proprerorian Imperium to 27 BC. Chicago, 1950. P. 23.

рапией, которой в течение 14 лет управлял наместник царя Магадат (App. Суг. 48).

В 80-79 гг. до н.э. Киликия Трахея входила в состав владений проконсула Гнея Корнелия Долабеллы. За время наместничества в Киликии Долабелла получил более 3 млн. сестерциев²³, но основная ответственность за ограбление провинции была возложена Цицероном на его легата Верреса. Описывая преступления последнего, Цицерон перечисляет следующие составляющие части официальной провинции Долабеллы - Ликию, Памфилию, Писидию, Фригию, район Милиады (Cic. In Verr. II. 1. 95). В другом месте он называет провинцией Долабеллы Киликию (Cic. In Verr. II. 1. 44). Цицерон имел в виду то, что Долабелла был назначен в Киликию не управлять, а бороться с киликийцами. С этого времени Киликия стала постоянным назначением, важность которого показывает то, что спустя несколько десятков лет она станет консульской провинцией с консульской армией. Первой задачей Долабеллы было изгнать пиратов из их укрепленных пунктов в Памфилии. Он предпринял некоторые действия, подробные сведения о которых не сохранились (Cic. In Verr. II. 1. 73).

В 78-75 гг. до н.э. новый наместник Киликии Сервилий Ватия вел боевые действия в Киликии, Ликии, Памфилии и Исаврии²⁴. К этому моменту территория, контролируемая пиратами, включала все побережье Киликии Трахеи и районы по обеим сторонами Тавра, а также почти все побережье Памфилии. В Сиде были устроены верфи пиратов, торгующих здесь захваченными пленниками (Strab. XIII. 3. 2). В горах Тавра находились владения Зеникета, которому были подвластны Корик, Фаселида и много местностей в Памфилии (Strab. XIII. 5. 7). Население разоренной Муреной Кибиратиды оказывало поддержку Зеникету и его отрядам на горе Салиме, возвышающейся над Фаселидой, а исавры и гомонады - киликийским пиратам.

Из сообщений Анния Флора (Flor. III. 6), Орозия (Oros. V. 23. 21) и Евтропия (Eutr. VI. 3) следует, что вначале Сервилий оперировал на море. Морская кампания датируется, очевидно, 78-77 (или 76) гг. до н.э. Районом боевых действий было море между Критом, Киреной, Ахайей и мысом Малеем, где бесчинствовали пираты под руководством Исидора. Сервилию удалось рассеять пиратские миопароны с помощью тяжелого военного флота (Flor. I. 41. 3-5).

До взятия Исавр Сервилий захватил Атталию и Олимп в Памфилии, Фаселиду в Ликии, Ороанду в Писидии, земли Аперы (Cic. De leg. agr. II. 50) и Элеуссы. Таким образом, он увеличил территорию провинции за счет вос-

²³ Shartzman I. Senatorial Wealth and Roman Politics // Collection Latomus. Vol. 142. 1975. P.60, 24.

²⁴ О кампании Сервилия Исаврика см. Ormerod. The Campaign... P.35 ff; Ramsay W.M. Anatolica quaedam // JHS. 1928. Vol. 18. P.46-50; Magie. Op. cit. Vol. II. P.1169-1176.

точного побережья Ликии и Атталии. Но при этом он не предпринял попыток захватить морское побережье Киликии Асперы²⁵. Сервилию пришлось предпринять экспедицию в горы Тавра, где находились укрепления Зеникета. Не исключено, что последний сам был киликийским пиратом; он вторгся в Ликию с моря, укрепился на Олимпе и распространил свою власть до Фаселиды на побережье Памфилии. Владая горой Салимой, Зеникет обезопасил себя от нападения с суши; с другой стороны его безопасность гарантировал союз с киликийскими пиратами на море. Отсюда в начале кампании (Flor. III. 6) римляне провели действия против морских союзников Зеникета, затем взяли Фаселиду (Cic. in Verg. II. 4. 21) и лишь потом ликвидировали самого Зеникета (Strabo. XIV. 5. 7).

Кампания в Киликии Трахее развернулась после подчинения Ликии и Памфилии. Заключительная часть кампании Сервилия - война против исавров. Эпитоматор Ливия сообщает, что в 76-75 г. Сервилий покорил в Киликии исавров (Liv. Ep. 93). Война продолжалась три года. Территориально Исаврия относится к Ликаонии; задача Сервилия состояла в подчинении народов северного склона Тавра, начало которому было положено еще Муреной, оккупировавшим Кибиратиду. Операции Сервилия велись против трех народов - исавров, гомонадов и орондов.

Главными крепостями исавров были Старые и Новые Исавры, распространившие свою власть на множество других селений²⁶ (Strabo. XII. 6. 2). После длительных военных операций Сервилий взял город Ороанду, затем - Старые Исавры (Front. Strat. III. 7. 1). Устрашенные жители Новых Исавр также капитулировали. Поздние историки считали его покорителем не только Исаврии, но и Киликии (Vell. Pat. 1. 39. 2). В реальности, его успехи были гораздо скромнее: он подчинил западное побережье Ликии и северный район Тавра; но побережье было всего лишь узкой полосой суши, а Исаврия не имела ни стратегического, ни экономического значения; новая провинция ничего не значила ни в географическом, ни в административном планах²⁷. Сервилию Исаврийскому, как и его предшественникам, не удалось радикально решить проблему искоренения пиратства. Морские разбойники после ухода римлян вернулись в свои воды и продолжили опустошать берега Сицилии и Кампании еще на более обширном пространстве, чем раньше (Flor. I. 41. 6-7). Киликийский город Дерба и ликаонская Ларанда позже принадлежали пирату Антипатру Дербету (Strabo. XII. 1. 4; 6. 3). Источники описывают злодеяния пи-

²⁵ Magie. Op. cit. P. 288.

²⁶ О локализации Исавр см. Syme R. Isauria in Pliny // Syme R. Roman Studies. Vol.V. Oxf., 1988. P. 662-663; Hall A. New Light on the Capture of Isaura Vetus by P.Servilius Vatia // Akten des 6. Internationalen Kongresses für Griechische und Lateinische Epigraphik. München, 1973. P. 568-571

²⁷ Magie. Op. cit. P. 290-291.

ратов в южной Эгеиде (App. Mithr. 92-93; Plut. Pomp. 24; Dio Cass. XXXVI. 20-23; Cic. de imp. Op. Pomp. 31; 55; IGGR. XII. 5, 653, 860).

Однако главное значение Киликии римляне видели не в том, что она была зоной борьбы с пиратством, но в сдерживании мощи Митридата VI Евпатора. В своей речи к римскому народу консул 75 г. до н.э. Гай Аврелий Котта акцентирует внимание, в частности, на том факте, что в Азии и Киликии, где присутствуют огромные военные силы Митридата, римлянам приходится держать войска (Sall. Hist. III. 7).

Несколько позднее похода Сервилия по северному склону Тавра планировалось комбинированное наступление на Киликию Трахею с суши и с моря. В 74 г. до н.э. Марк Антоний, сын претора Марка Антония, воевавшего против киликийцев в 102-100 гг. до н.э., получил *imperium infinitum* (Vell. Pat. II. 31; Cic. in Verg. II. 2. 8; III. 213) и *curatio infinita totius orae maritimae* (Ps.-Ascon. Ed. Stangl. 202; 259) для очищения Средиземного моря от пиратов. Однако вследствие его некомпетентности планы боевых действий на море были сведены на нет еще до того, как римский флот смог дойти до побережья Киликии²⁸.

Стратегические функции провинции Киликии после того, как ее покинул Сулла, рассматриваются в специальной статье Р.Сайма²⁹, который, однако, полностью игнорирует ее роль в сдерживании Митридата и ограничивает эти функции только контролем над маршрутами из Азии в Киликию и Сирию. В действительности, лишь после 63 г. до н.э. римская Киликия стала полностью прикрывать южные границы провинции Азии и обеспечивать нужды дислоцируемых в Азии войск.

В 74 г. до н.э. наместником Киликии был назначен проконсул Луций Октавий, умерший вскоре после прибытия. Многие магистраты, жаждающие получить эту провинцию, заискивали перед Корнелием Цетегом. Консул 74 г. до н.э. Лукулл, получивший в управление Цизальпинскую Галлию, использовал все средства, чтобы не упустить Киликию. Сама по себе Киликия его не очень привлекала, но с новым назначением открывалась перспектива получения права вести войну с Митридатом в соседней Каппадокии (Plut. Luc. 5-6).

Города Киликии Кампестриды, оказавшие помощь римлянам в изгнании Тиграна, получили в награду независимость, о чем свидетельствуют эры городов. Так, эра Мопсуестии началась осенью 68 г. до н.э., эра Малла в 68 г. или 67 г. до н.э. Монеты Мопсуестии и Малла показывают, что эти города Киликии не входили ни в состав государства Селевкидов, ни в состав Ар-

²⁸ Foucart P. Les campagnes de M. Antonius Creticus contre les pirates, 74-71 // Journal des Savants. 1906. P. 569-581.

²⁹ Syme R. Observation on the Province of Cilicia // Anatolian Studies Presented to W.H. Buckler. L., 1939. P. 299 ff.

мянского царства³⁰. Однако эта период независимости длился недолго: спустя пять лет, когда последний царь Сирии был низвергнут Помпеем, равнинная Киликия была формально присоединена к Сирии. После заключения мира с Тиграном Помпей потребовал включения Киликии Кампестриды в состав провинции Сирии (App. Mithr. 105; 118). Таким образом, Помпей добавил Киликию к владениям Рима³¹.

В 68 г. до н.э. в Киликию был назначен проконсул Квинт Марций Рекс с тремя вновь набранными легионами (Dio. Cass. XXXVI. 14. 2, 15. 3, 17. 1; Sall. Hist. Fr. 14). Тот факт, что Марций Рекс со своими легионами двигался в свою провинцию южным путем - через Ликаонию, а далее - через Киликийские Ворота в Киликию Кампестриду, заставляет предполагать, что Кампестрида в 67 г. входила в состав провинции Киликии. В это время Лукулл послал за помощью к новому наместнику Киликии, прибывшему по пути в свою провинцию в Ликаонию, но Марций Рекс заявил, что его солдаты отказываются идти в Армению. Также безрезультатно обращался за помощью к наместнику Киликии и Ариобарзан, царь Каппадокии. Марций Рекс провел дипломатические переговоры с врагом³², устроил дружественный прием Менемаха, дезиртировавшего к римлянам (Dio Cass. XXXVI. 17. 2). Ничего более Марций Рекс в провинции не сделал, возможно, потому, что главная задача, стоявшая перед наместником Киликии, ликвидация пиратства, была возложена на Помпея, получившего империй в то же самое время.

Последнему, бесспорно, и принадлежит заслуга покорения Киликии³³. В 67 г. до н.э. Помпей получил право на войну с пиратами (Cic. De imp. Gn. Pomp. 34, 44, 52, 57; Pro Corn. I. 31; Ps.-Ascon. Ed. Stangl. 57; Livy. Per. 99; Plut. Pomp. 25-28; App. Mithr. 94-96; Strabo. XIV. 3. 3; Vell. II. 31. 2; 32. 4; Dio Cass. XXXVI. 23-24, 30, 36-37; Flor. I. 41. 7; Eutrop. VI. 12; Zonar. X. 3. 99). Памфилийское море и прилегающее побережье Памфилии, Ликийи, Кипра и Финикии контролировал Кв. Цецилий Метелл Непот (App. Mithr. 95; Flor. I. 41. 9). То, что среди перечисленных Аппианом регионов пропущена Киликия, ничего не значит: Метелл, бесспорно, должен был оперировать на побережье Трахеи. Его эффективные действия позволили блокировать пиратов в прибрежных водах, а те из врагов, что прорвались и пытались уйти на запад, были перехвачены патрулем Варрона (Plin. NH. VII. 31. 7; XVI. 3. 1)³⁴. Сам Пом-

³⁰ Об эрах см.: Ziegler R. Ären kilikischen Städte und Politik des Pompeius in Südostkleinasien // Tyche. 1993. Bd. 8. P. 203-219.

³¹ Magic. Op. cit. P. 293-294.

³² Downey G. Q. Marcius Rex at Antioch // CPh. 1937. Vol. 32. P. 144 ff.; idem. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 141-141.

³³ См. Doria Breglia L.P. La province di Cilicia e gli ordinamenti di Pompeo // Rendiconti dell' Academ. di Archeol. Vol. 47. Naples, 1972. P. 327-387

³⁴ Ormerod. The Piracy... P. 238.

пей разбил флот пиратов у Коракесия и взял их укрепления в горах (App. Mithr. 96; Plut. Pomp. 28). Помпей переселил пиратов во внутреннюю часть Киликии, отобранную у Тиграна: в Малл, Адану, Эпифанию и Солы (Plut. Pomp. 28; App. Mithr. 96), переименованный в Помпейополь (App. Mithr. 117; Strabo. XIV. 3. 3; 5. 8).

После конфликта с сыном Тиграна Помпей отдал Каппадокию, Софену и Гордиену Ариобарзану, передав тому также и ряд киликийских городов, в том числе Кастабалу-Гиераполис (App. Mithr. 105). Ликаония была формально отдана Римом Каппадокии еще в 129 г. до н.э. (Just. XXXVII. 1. 2), но южная ее часть находилась в руках у исаврийских разбойников, из которых происходил и Антипатр, ставший вассалом Рима и получивший в награду Дербу и Ларанду, на северной стороне Тавра, между Исаврией и Кибистрой (Strabo. XII. 1. 4; XIV. 5. 24; Cic. Fam. XIII. 73. 2). Этот район был очень важным в стратегическом отношении из-за своей близости к Киликийским воротам, через которые шли все пути с севера и запада к равнинной Киликии и далее к Сирии. Так что эти главные пути Востока контролировались Римом через его вассала Ариобарзана.

Провинция Киликия была теперь надежно защищена от нападения извне царями-вассалами Рима, в том числе Антиохом I Коммагенским, юго-западная часть страны которого граничила с Киликией у подножия Амана. Этот район был населен разбойниками; римлянам было невыгодно включать его в состав провинции. Осенью 64 г. до н.э. его объехал Афраний, который подчинил племена, обитавшие у подножья Амана (Plut. Pomp. 39), у восточной границы Киликии Кампестриды. Район был оставлен под властью топарха Таркондимота, утвержденного Помпеем. Он управлял северной частью Амана; его владения включали также порт, расположенный где-то на побережье залива Исса. Через эту территорию проходил путь, соединявший Киликийскую равнину с Евфратом.

Возможно, Киликия Кампестрида была почти полностью аннексирована еще Лукуллом. Это было закреплено победой Помпея. Провинция теперь простиралась вдоль всего южного побережья от Хелидониев до залива Исса. Столицей ее был Тарс. Неизвестно, насколько глубоко территория провинции заходила на север, вглубь Тавра; однако не исключено, что Исаврия, подчиненная Сервилием, была включена в состав Киликии. Некоторые из пиратов-килийцев, обращенные в рабство Помпеем, впоследствии стали командирами кораблей и начальниками флотов его сына Секста³⁵.

Киликия окончательно была преобразована в провинцию, включавшую восемь округов - один конвент и семь форумов - во главе с крупными городами: *conventus* г. Тарса, где находилась резиденция наместника про-

³⁵ Mitford T.R. Roman Rough Cilicia // ANRW. II. Bd. 7. 2. 1980. P.1238.

винции, Ликаонский *forum* (центр - г. Иконий), Исаврийский *forum* (центр - г. Филомелий), Памфилийский *forum* (центр неизвестен), Кибирский *forum* (центр - Лаодикея-на-Лике), Апамейский *forum*, Синнадский *forum* и Кипрский *forum*. Теперь главное значение провинции Киликии состояло в защите восточных рубежей Рима от парфян. В 50-е гг. до н.э. наместники Киликии были вынуждены также постоянно бороться с горными племенами Амана.

В 63 г. до н.э. Помпеем была создана большая провинция Сирия, и поскольку наместники Киликии в 62-57 гг. до н.э. неизвестны, было выдвинуто предположение, что в это время она входила в состав провинции Сирии. Однако, возможно, это не совсем так. В 58 г. П.Клодий предназначал Киликию консулу Авлу Габинию, но годом позже он передал ее претору по другому специальному постановлению, а Габиний получил взамен Сирию (Сic. Dom. 23). Следовательно в 58 г. до н.э. Киликия рассматривалась как провинция, управляемая претором, т.е. ее статус был не тем, что в 62-59 гг. до н.э. Имя претора, получившего в управление Киликию в 57 г. до н.э., неизвестно. Решение сената добавить в 58 г. до н.э. к территории провинции Кипр было весьма важным для равновесия римской администрации на Востоке. Главной причиной оккупации острова было стремление римлян контролировать весь регион Киликии-Сирии-Кипра, а также желание завладеть медными копиями на Кипре. Официальным поводом послужило обвинение кипрского царя в помощи киликийским пиратам. Аннексия Кипра была поручена Марку Катону, прибывшему на остров без армии. Одновременно три диоцесса Фригии вновь перешли от провинции Азии к Киликии. Лаодикея и Апамея были богатыми городами; в состав Киликии входил Кипр, - вот почему Габиний хотел получить Киликию³⁶.

Но в 57 г. до н.э. Кипр и диоцессы были временно отняты у провинции Киликии, и Габиний потерял к ней интерес и потребовал взамен Сирию. Киликия была отдана претору 58 г. *extra ordinem*. Затем было решено вернуться к закону Семпрония (*lex Sempronia*), и Киликия, став консульской провинцией, в 56 г. до н.э. была отдана Лентулу Спинтеру. Таким образом, кто правил в 57 г. до н.э. Киликией после Габиния, неизвестно. Возможно, она принадлежала проконсулу Азии 58/57 г. до н.э. Титу Ампию Бальбу. В двух диоцессах (Апамее и Лаодикее) его преемником стал Г.Фабий, чье имя зафиксировано на монетах этих городов и Эфеса³⁷.

В наместничество Лентула территория провинции вновь увеличилась в связи с прибавлением районов Фригии (трех диоцесов). Как указывалось выше, при Г.Фабии, проконсуле Азии 58/57 гг. до н.э., эти диоцесы находились

³⁶ О Кипре в составе Киликии см. Mitford T.V. Roman Cyprus // ANRW. II. Bd. 7. 2. 1980. P.1286

³⁷ См. Magie. Op. cit. P. 383.

в составе провинции Азии, о чем свидетельствует чеканка кистофоров с его именем в Апаmee и Лаодикее. Однако при его преемнике Г.Сервиллии в 57/56 г. до н.э. имя проконсула Азии на монетах этих городов не ставилось. Зато Апамея и Лаодикея чеканили кистофоры с именами наместников Киликии: Лентула (56-53 гг. до н.э.)³⁸, Апия Клавдия Пульхра (53-51 гг. до н.э.)³⁹ и М.Туллия Цицерона (51/50 гг. до н.э.)⁴⁰, после которых три этих диоцеса Фригии вновь были переданы провинции Азии. Провинция Киликия простиралась с севера на юг - от р. Сангарий до северной границы Писидии, а с запада на восток - от Тембриды до слияния Меандра и Лика. Итак, ко времени наместничества Лентула и следующих двух его преемников Киликия была самой обширной восточной провинцией, включающей большую часть центра Малой Азии, от Эгейды до Евфрата. Через ее территории проходила большая часть южного пути (от Ионийского побережья до границы с Парфией), что еще более усиливало экономическое и стратегическое значение Киликии⁴¹.

В феврале 56 г. до н.э. народный трибун Гай Катон предложил закон об отзывании Лентула из Киликии (Cic. Q. fr. II. 3. 1). Чтобы воспрепятствовать принятию этого закона консул, Лентул Марцеллин возобновил Латинские празднества и собирался устроить суппликацию (Cic. Q. fr. II. 4 a. 2). В 55 г. до н.э. проконсулом Киликии был назначен Марк Красс, но он получил провинцию Сирию и право вести войну с Парфией. Лентул Спинтер продолжал исполнять обязанности наместника Киликии. За свои успешные военные действия в провинции против парфян он был провозглашен войсками императором и впоследствии справил триумф (Cic. Fam. I. 9. 1, 2). Лентул Спинтер стал также и первым регулярным наместником Кипра. Именно он установил *Lex provinciae* для Кипра, послуживший моделью для Цицерона и Секстилия Руфа⁴².

В 53-52 гг. до н.э. Киликией управлял Аппий Клавдий Пульхр. Он активно добивался назначения в эту провинцию (Cic. Att. IV. 17. 2; Att. IV. 18. 4; Fam. I. 9. 25). За два года своего наместничества он довел провинцию до разорения, ограбив ее и лишив всего, чего мог лишиться (Cic. Att. VI. 1). Прибывший в начале августа в Киликию Цицерон нашел провинцию в плачевном состоянии, «погубленную и навеки разоренную» (Cic. Att. VI. 1. 2). Несмотря на произвол Аппия Клавдия в провинции, по традиции впоследствии кили-

³⁸ Head B.V. Catalogue of the Greek Coins of Phrygia // BMC. L., 1906. P.72. № 26. Pl.I, 4 (Апамея); P. 81. № 15-18. Pl.I, 13 (Лаодикея).

³⁹ Ibid. P.73. № 29-30. Pl. I, 5 (Апамея); P.281. № 19-21. Pl. I, 14 (Лаодикея).

⁴⁰ Ibid. P.XXXII (Апамея).

⁴¹ Magie. Op. cit. P. 384.

⁴² Badian E. M.Porcus Cato and the Annexation and Early Administration of Cyprus // JRS. 1965. Vol. 60.

кийские общины избрали послов для поездки в Рим с хвалебными отзывами о наместнике Аппии Клавдии (Cic. Fam. III. 8. 2-5).

Конечно, не только Аппий Клавдий единолично довел провинцию до разорения. Его подчиненные - легаты, префекты, военные трибуны (Cic. III. 8. 7; Att. VI. 1. 2) - превзошли своего начальника в грабеже, оскорблениях, развороте и в самой Киликии, и на Кипре (Cic. Att. V. 21.10; Att. VI. 2. 109). Вместе с жадой денег Аппий жаждал также и военной славы. В период наместничества в Киликии он все же получил титул императора; об этом упоминает Цицерон (Cic. Fam. III. 1); этот титул фигурирует на кистофорах Аппия и в надписях из Элевсина и Афин.

Два легиона, дислоцированные в Киликии, были обескровлены вследствие больших потерь, и Аппий требовал от сената отправки в провинцию дополнительных войск. Армия была дезорганизована и рассеяна, а местоположение трех когорт полного состава было вовсе неизвестно (Cic. Fam. III. 6. 5). В армии провинции вспыхнули волнения из-за задержки Аппием жалования; солдаты успокоились только после того как наместник выплатил им жалование, покидая провинцию - в июле 51 г. (Cic. Att. V. 14. 1).

В 51 г. до н.э. Аппия сменил Цицерон. Он всячески старался уклониться от проконсульства в Киликии. По его утверждению, он получил назначение в Киликию против собственного желания (Cic. Fam. XV. 14. 5; Fam. II. 7; Fam. III. 10. 3). В марте Цицерон обратился к Аппию Клавдию с просьбой передать ему провинцию в наилучшем состоянии (Cic. Fam. III. 2. 1-2). 20 мая к направлявшемуся в Киликию Цицерону в Брундизий прибыл легат Вергилиан, напомнивший ему по просьбе Аппия Клавдия о том, что для защиты провинции Киликии от парфян нужна более сильная армия. В Риме полагали, что для легионов Цицерона и Бибула, наместника Сирии, следует набрать пополнение, но этому противился консул Сульпиций (Cic. Fam. III. 3. 1; Att. V. 4). Цицерон получил 12 000 пехоты и 1600 конницы (Plut. Cic. 36), т.е. два неполных легиона. В 51 г. до н.э. сенат постановил, чтобы Цезарь и Помпей дали по легиону для усиления обороны провинций Киликии и Сирии от парфян; тогда Помпей потребовал у Цезаря свой 1-й легион, одолженный Цезарю в 53 г. до н.э. Выполняя распоряжение сената, Цезарь отправил от себя лично 15-й легион. Однако оба легиона вместо посылки на Восток были удержаны Помпеем на случай войны с Цезарем (Caes. Bell. Gall. 8. 54; Bell. Civ. 1. 4).

Цицерон покинул Италию в начале июня (Cic. Fam. III. 4), отплыв из Брундизия⁴³. 27 июля он прибыл в Траллы (Cic. Att. V. 14. 1), где его ждало письмо Аппия Клавдия Пульхра, из которого он узнал, что тот, покидая провинцию, просил управлять ею до приезда Цицерона своего легата или квесто-

⁴³ Hunter L.W. Cicero's Journey to his Province of Cilicia in 51 BC. // JRS. 1913. Vol. 3. P.73-98.

ра Муция Сцеволу. Между тем Цицерон встретил Сцеволу еще в Эфесе, но тот ничего не сообщил ему о поручении Аппия Клавдия (Cic. Fam. III. 5. 5). 23 августа Цицерон прибыл в Иконий, где встретился с послами Антиоха Коммагенского, сообщившими о том, что силы парфянского царевича Пакора форсируют Евфрат, а армянский царь готовится напасть на Коммагену (Cic. Fam. XV. 3). Войско провинции Киликии, как было сказано выше, находилось в плачевном состоянии, и Цицерон был вынужден мобилизовать ветеранов, отпущенных из армии (Cic. Fam. III. 6. 2). Сам он не имел военного опыта, но в его подчинении находились опытные офицеры, в том числе Помптин и Квинт Туллий, служившие ранее в Галлии.

28 августа в лагере под Иконием Цицерон произвел смотр войска, включавшим новобранцев и контингенты, и 1 сентября начал переход в Киликию (Cic. Fam. XV. 4. 2-3; Att. V. 20. 2). Первыми военными операциями Цицерона в Киликии были действия против Мерагена, предводителя разбойников в горах Тавра, предпринятые в августе 51 г. до н.э. (Cic. Att. V. 15. 3). Цицерон занял лагерь под городом Кибистрой в Катаонии и контролировал переходы через Ликаонию, Исаврию, Каппадокию. Согласно решению сената Цицерон был обязан также защищать царя Ариобарзана. Отсюда Цицерон отправил конницу в Киликию и поджидал Дейотара, с прибытием сил которого численность войска Цицерона удвоилась (Cic. Fam. XV. 2; Att. V. 18. 1-2).

Здесь судьба столкнула Цицерона с Таркондимотом, приславшим сообщение об операциях парфян. Цицерон требует от сената послать в Киликию крупные военные силы, в противном же случае есть опасность потерять восточные провинции, обеспечивающие доходы римского народа (Cic. Fam. XV. 1). Он также сообщает, что элефтерокилийцы подняли мятеж, и решает вести римское войско к Тавру, чтобы подавить восстание.

Под Кибистрой Цицерон провел несколько дней и затем совершил переход в Киликию - через Таврские ворота к горе Аман, - чтобы предотвратить возможность вторжения парфян со стороны Сирии и Каппадокии. Накануне его прибытия парфянская конница, проникшая в Киликию, была истреблена отрядами римской кавалерии и преторской когорты, составлявшей гарнизон Эпифании (Cic. Fam. XV. 4. 7).

В начале октября 51 г. до н.э. Цицерон перебрался в лагерь под Мопсуестией в Киликии (Cic. Fam. III. 8), затем, имитируя отступление, отошел 28 октября к Эпифании. Он и его легаты Гай Помптин, Марк Анней, Луций Туллий и Квинт Туллий взяли укрепления элефтерокилийцев Эрану, Сепиру, Коммориду и другие, опустошили и разграбили Аман (Cic. Att. Fam. XV. 4. 8; V. 20. 2-3). Вскоре на Аман, который был границей между Киликией и Сирией, прибыл наместник Сирии Бибул, но он потерпел бесславное поражение, потеряв всю первую когорту (Cic. Att. V. 20. 4). После взятия крепостей войска совершали карательные рейды против горцев, а затем Цицерон подступил

к Пиндениссу, расположенному на господствующей высоте Амана (Cic. Fam. XV. 4. 9-10). Осада Пинденисса продолжалась целых пятьдесят семь дней, и только в день Сатурналий (17 декабря) осажденные капитулировали.

Закончив операции 51 г. до н.э., Цицерон поставил во главе зимних лагерей и Киликии своего брата Квинта, поручив ему карательные действия против киликийцев, а сам в начале января 50 г. до н.э. выехал в диоцесы в Азии. Легат Цицерона, Квинт Волусий, был отправлен им в Кипр, входивший в состав провинции, для осуществления судопроизводства. В конце февраля 50 г. стало очевидно, что война с парфянами надвигается. Два обескровленных легиона Киликии были объединены Цицероном в один. Вспомогательные войска прислали Дейотар, Ариобарзан, Антиох Коммагенский, Таркондимот, Кастор Таркондарий и Домнилай. Прибрежные города Азии от Понта до Киликии предоставили римлянам свои корабли. Для ведения войны требовались большие средства, и Цицерон увеличил поборы и конфискации. Весной в Сирии развернулись боевые действия.

В Киликии Цицерон благодаря своему личному бескорыстию приобрел уважение местного населения и популярность в армии (Plut. Cic. 36; Cic. Att. VI. 2. 5). Стараниями своих легатов, префектов, трибунов он сделал расходы городов на содержание наместника минимальными (Cic. Att. V. 17. 2). Цицерон освободил многие городские общины от дани, тяжелой платы за ссуду и мошенических долгов (Cic. Fam. XV. 4. 2). Большое внимание уделялось им и сфере судопроизводства⁴⁴. Цицерон старался облегчить и положение Кипра, входившего в состав его провинции (Cic. Att. V. 21. 7; Att. VI. 2. 8).

В августе срок наместничества Цицерона в Киликии истекал, и 28 июня ему предстояло покинуть провинцию, но преемника ему не назначали⁴⁵. Сам Цицерон хотел, чтобы во главе провинции остался его брат Квинт, однако все же был вынужден передать ее квестору Г. Целию Кальду (Cic. Fam. II. 15. 4; Att. VI. 6. 3). Управление Кипром, входившим в состав провинции Киликии, было поручено Цицероном квестору Г.Секстилию Руфу. Не исключено, что Руф был назначен Цезарем в 49 г. до н.э. Это был первый случай назначения квестора во главе Кипра (Cic. Fam. XIII. 48). Между тем практика Цицерона показала несостоятельность объединения Кипра и Киликии в одну провинцию. Сам Цицерон за время своего наместничества ни разу не ступал ногой на остров, являвшийся частью его провинции, а управление островом с континента было неэффективно. Вероятно, сенат просто постановил, чтобы наместник Киликии отправил на Кипр квестора с финансовыми и судебными функциями. После возвращения Цицерона в Италию сенат из-за политиче-

⁴⁴ См. Larsen J.A. «Foreign Judges» in Cicero AD ATTICUM VI. 1. 15 // CPh. 1948. Vol. 43. P.187-190.

⁴⁵ Thompson L.A. Cicero's Succession-Problem in Cilicia // AJA. 1965. Vol. 86. №. 4. P. 375-386.

ских разногласий не спешил назначить новых правителей провинций, и те (включая Киликию) остались без наместников (Cic. Att. VII. 7. 5). Киликией в этот период продолжал управлять квестор Г.Целий Кальд. В 49 г. до н.э. его сменил П.Сестий.

Во время гражданской войны и Помпей и Цезарь использовали военный потенциал Киликии: киликийские эскадры входили в состав пестрого флота Помпея (Caes. Bell. Civ. III. 3. 101). В Киликии Помпей набрал один легион из ветеранов; он получил название «*Gemella*» («Близнец»), т.к. был образован из двух легионов (Caes. Bell. Civ. III. 4). Этот легион был усилен испанскими когортами и считался одним из самых надежных в армии Помпея. Он сражался на правом фланге в битве при Фарсале (Caes. Bell. Civ. III. 88). Здесь же принимали участие и контингенты киликийцев (App. BC. II. 71), в том числе и топарх Таркондимот, остававшийся преданным клиентом Помпея, вместе с Дейотаром, Ариобарзаном, Котисом, Рескупоридом (Ann. Flor. II. 13. 4. 5). После битвы при Фарсале все цари, народности и города, составлявшие клиентелу последнего, отозвали свои флотилии и отряды и отказались принимать у себя беглецов из разбитой партии. Разбитый Помпей добрался до Киликии, но был вынужден оттуда двинуться к Кипру (Caes. Bell. Civ. III. 102), а затем к Египту.

Когда началась Александрийская война, обе стороны опирались, в частности, на киликийцев: в войске Ахиллы, полководца Птолемея, сражались пираты и разбойники из Киликии (Caes. Bell. Civ. III. 110); Цезарь же вызвал из Киликии весь флот; на его стороне в битве у Нила сражались 5 киликийских кораблей (Caes. Bell. Al. 1; 13). Цезарь также отправил в Сирию и Киликию своего друга - полководца Митридата из Пергама, который пользовался симпатией азиатских общин. Последний привел сухим путем сильные подкрепления (Caes. Bell. Al. 25; 26).

Подавив восстание в Александрии, Цезарь поручил управление Азией и соседними провинциями (включая Киликию) Домицию Кальвину (48-47 гг. до н.э.). В 47-46 гг. до н.э. управление Киликией в 47/46 г. до н.э. было доверено Цезарем Кв.Марцию Филиппу. Однако возможно, что Киликия временно входила в состав владений самого проконсула Азии, к которому писал Цицерон, заступаясь за Антипатра из Дербы.

В 46 г. до н.э. Цезарь назначил наместником Киликии своего квестора Квинта Корнифиция, поручив тому также управление Сирией. Корнифиций ожидал нападения на его провинции парфян, что вызвало тревогу у Цицерона (Cic. Fam. XII. 19. 1-2).

В 45 г. до н.э. наместником Киликии был Луций Волкаций Тулл. Во всяком случае, объединение двух провинций могло быть завершено в следующем году. Тогда в 44 г. до н.э. Сирией и Киликией управлял П.Корнелий Долабелла, а в 43 г. - Г.Кассий. По другой версии, в 44 г. до н.э. Киликией

управляли последовательно Марций Крисп (проконсул Вифинии и Понта)⁴⁷ и Л.Цецилий Тампил (?).

Не исключено, что Цезарь имел план расчленения крупной провинции Киликии, осуществленный уже после его смерти. Этот процесс начался еще в 49 г. до н.э., когда три фригийских диоцесса отошли к Азии. Затем территория провинции Киликии была вновь уменьшена за счет передачи Азии районов Памфилии, части горной Милиады и Писидии. Форум или конвент Кибирь отошел к провинции Азии, вместе с большей частью Фригии и Памфилии. В состав провинции Азии вошли также конвенты Апамеи, Лаодикеи и Синнады. Во всяком случае, на кистофорах Эфеса, Тралл, Лаодикеи и Апамеи, чеканенных в 49/48 гг. до н.э., стоит имя наместника Азии Г.Фанния⁴⁸. Кипр, как бывшее владение Птолемеев, был возвращен Цезарем в 49 г. до н.э. Птолемею XII и Арсиное IV, брату и сестре Клеопатры (Dio Cass. XLII. 95), а в 47 г. до н.э. отдан Клеопатре VII и ее сыну от Цезаря - Цезариону. Наконец, в 44 г. до н.э. Киликия Кампестрида отошла к провинции Сирии. Итак, после смерти Цезаря провинция Киликия была почти полностью расформирована.

После смерти Цезаря Киликия оказалась одним из регионов, где развернулись события новой гражданской войны. В 43 г. до н.э. Кассий получил в управление провинцию Сирию, а позднее заставил жителей Тарса и царя Таркондимота против их воли стать его союзниками (Dio Cass. XLVII. 26. 2; Zonar. X. 18). В мае 43 г. до н.э. в провинцию (из Азии по пути в Сирию) прибыл цезарианец Корнелий Долабелла (консул-суффект 44 г.) с двумя легионами. Долабелла получил в Тарсе и Лаодикее горячую поддержку: здесь он набрал добровольцев в свое войско. Его легат Луций Фигул собрал флот из киликийцев, памфилийцев, ликийцев, родосцев. В Киликию поспешил и Гай Кассий Лонгин (Cic. Fam. XII. 12. 5). Его племянник (?), Гай Кассий Пармский, снарядив корабли, преследовал флот Луция Фигула до Корика. Предоставив осаду Корика второму флоту под командованием квестора Туруллия, Кассий направился к Кипру. Долабелла расположил свой лагерь под Лаодикеей (в Сирии), где и был окружен Кассием Лонгином (App. BC. IV. 60-62; Vel. Pat. II. 69. 2; Strabo. XVI. 2. 9; Cic. Fam. XII. 13. 3-4). Победив Долабеллу, Кассий жестоко наказал киликийцев (App. BC. IV. 64).

После нового раздела провинций в 40 г. до н.э. Киликия досталась Антонию. Антоний посетил ее, объявил свободными жителей Тарса и Лаодикеи, снял с них подати, проданных в рабство тарсийцев освободил особым приказом. Одновременно он обложил киликийцев тяжелыми податями. В Киликию к нему прибыла Клеопатра (App. BC. V. 7-8). Начав войну с парфянами, Антоний отправил на Восток своих легатов. Было бы естественно предполо-

⁴⁷ Freeman. Op.cit. P. 266.

⁴⁸ Head. BMC. P.73. № 3. Pl. I, 6.

жить, что в борьбе с парфянами Таркондимот снова оказал римлянам неоценимые услуги, ибо неслучайно в 39 г. до н.э. Антоний провозгласил его царем. После раздачи Антония из бывшей провинции Киликии у римлян остался только западный район Киликии Кампестриды.

Кроме царства Таркондимота, в Киликии возникли и другие буферные государства. Так, большая часть восточной Трахеи контролировалась династией Тевкридов - жрецов храма Зевса в г. Ольбе, затем Антоний в 39 г. до н.э. передал эту часть Киликии и часть Ликаонии (Иконий) Полемону I (App. BC. V. 75). Однако в 37 г. до н.э. Полемон I был переведен в Понт, поскольку Киликия Трахея (а затем и Кипр в 36 г. до н.э.) была передана Антонием Клеопатре. Страбон сообщает, что Клеопатре были отданы те части Киликии, где находились крупные рынки сбыта корабельного леса; здесь было удобное место для строительства ее флота (Strabo. XIV. 5. 3).

Какой-то частью Киликии владел правитель Зенофан (70-50 гг. до н.э.) в качестве опекуна своей дочери Абы. Выйдя замуж за одного из ольбийских Тевкридов, Аба свергла своего отца и стала царицей (50-31 г. до н.э.?). Антоний и Клеопатра оказали ей поддержку, но впоследствии она все же была свергнута, а власть перешла к ее потомству (Strabo. XIV. 5. 10) - сыновьям Тевкру (?- 10/11 гг. н.э.) и Аяксу (10/11 - 17 гг.н.э.), а затем Полемону II (17-36) и Полемону III (41-69)⁴⁹.

В 30-х гг. I в. до н.э. территория провинции Киликии была снова урезана: при Антонии киликийская равнина (Киликия Педиада) с центром в Тарсе отошла к провинции Сирии. В состав Сирии вошли такие известные киликийские города, как Помпейополь, Малл, Августа, Мопс, Рос, Эги, Аназарб, Гие-раполис-Кастабала, Эпифания, Александрия-на-Иссе и другие. В Тарсе - главном городе Киликии - при поддержке Антония утвердилось правительство во главе с Бозфом (Strabo. XIV. 5. 14).

Осенью 22 г. до н.э. Август отправился на Восток. По пути в Сирию он посетил Киликию, где познакомился с известными философами (Strab. XIV. 5. 4). В киликийских городах, как и везде в Малой Азии, устанавливается культ Августа: например, в Тарсе в честь Августа (еще до его приезда) был воздвигнут памятник в честь императора; г. Эги, также получивший свободу, воздвиг алтарь Августа, Посейдона и Афродиты⁵⁰.

Часть городов Киликии перешла к Сирии. В связи с этим вновь встает вопрос об административном и географическом смысле термина «Киликия». Вероятно, киликийская часть провинции Сирии (Киликия Педиада) в период ранней Империи продолжала рассматриваться в своем традиционном геогра-

⁴⁹ Staffieri G.M. Alcune puntualizzazioni sul principato teocratico di Olba nella Cilicia Trachea // Quaderni ticinesi di numismatica e antichità classica. 1976. T. 5. P.159-168.

⁵⁰ Magie. Op. cit. P. 473.

фическом смысле как специфическая область. 13 января 27 г. до н.э. Август произвел разделение провинций на императорские и сенаторские. Киликия вошла в число императорских провинций под управлением легата в ранге пропретора, назначаемого по жребью (Dio Cass. LIII. 12-18). В то же время на Востоке Малой Азии Август сохранял и всячески укреплял систему буферных вассальных приграничных государств: в восточной части Киликии Трахеи была восстановлена династия Тевкридов (Dio Cass. LIV. 9. 2); большая часть западной Киликии была передана Аминте Галатскому. При Аминте и предшественниках Архелая римляне передали им 11-е наместничество, т.е. область Кастабал и Кибистр, вплоть до Дербы, которой владел пират Антипатр. Римляне также отдали Аминте Исавры, затем галатский царь убил Антипатра и отобрал Дербу. Разрушив Старые Исавры, Аминта принялся строить для себя новую столицу, но был захвачен в плен киликийцами при вторжении в область гомонадов - горного племени, обитавшего на границе Писидии, Киликии, Памфилии и Ликаонии, и убит (Strabo. XII. 6. 3). После смерти Аминты в 25 г. до н.э. его область была опять разделена: одна ее часть вошла в состав Галатии, другая перешла к Архелаю, царю Каппадокии.

По свидетельству Страбона, римляне, принимая во внимание то особенностью местности горной Киликии, предпочли оставить эту страну под властью царей, нежели посылать сюда римских префектов, которые не всегда могли там находиться или иметь под руками военные силы (Strabo. XIV. 5. 6). Так, в 20 г. до н.э. Архелай Каппадокийский получил часть Киликии Трахеи (кроме Селевкии), в том числе - Элеуссу и всю область, объединенную для пиратства (Strabo. XII. 1. 4, 2. 7). В Элеуссе находилась резиденция царя (Strabo. XIV. 5. 6) и производилась чеканка монеты⁵¹. Два города Трахеи - Корик и Сидра - чеканили монеты с портретом Тиберия. Корик, вероятно, входил в состав владений Архелая Каппадокийского, затем достался Антиоху IV Эпифану, царю Коммагены. Портрет Тиберия на монетах Корика свидетельствует, возможно, о том, что при этом императоре Корик вместе с городами Киликии Педиады находился под непосредственным управлением Рима⁵².

В 19 г. н.э. киликийцы оказались втянутыми в события, связанные с конфликтом между Гн. Кальпурнием Пизоном, наместником Сирии, обвиненным в отравлении Германика, и Гн.Сенцием, назначенным претором Сирии вместо Пизона. Пизон обращается к киликийским царькам с просьбой прислать ему свои отряды (Тас. Апп. II. 78). Он занял сильную киликийскую крепость Келендериду на побережье Трахеи, куда подошли отряды киликийцев.

⁵¹ Burnett A., Amandry M., Ripolles P.P. Roman Provincial Coinage. L.-P., 1992. Vol. I. P. 563. № 3714-716.

⁵² Ibid. P. 563. № 3711.

Очевидно, киликийские цари мобилизовали сельское население, не имевшее даже настоящего оружия; моральный дух этих контингентов был крайне низок. Во время сражения с Сенцием, как только когорты римлян вышли на ровное место, киликийцы бежали и заперлись в крепости, что решило исход битвы (Тас. Анн. II. 80).

В конце правления Тиберия (36 г. н.э.) киликийцы (племена киетов или клитов, как называет их Тацит - «диких племен Киликии»), подвластные Архелаю II, подняли восстание, поскольку их, как было принято в провинциях, подвергали цензу и заставляли платить подати. Инсургенты укрепились в горах Тавра и успешно оборонялись против войск Архелая. Однако легат Марк Требеллий, присланный наместником Сирии Луцием Вителлием, принудил их к сдаче (Тас. Анн. VI. 41). В 38 г. н.э. Гай Калигула передал большую часть Киликии и города Трахеи Антиоху IV, царю Коммагены, правившему до 72 г. К Антиоху отошли и владения Архелая, в том числе и область клитов. В последние годы правления Клавдия (после 52 г. н.э.) клиты объединились под предводительством Троксобора и стали опустошать побережье и города Киликии. Они осадили город Анемурий и разбили высланный ему на помощь отряд под начальством префекта Курция Севера. Впоследствии Антиох IV сумел внести раскол в ряды клитов, обманом захватил и казнил Троксобора и других вождей; клиты были усмирены (Тас. Анн. XII. 55).

Эти волнения 36 и 52 гг. н.э. показывают, что во внутренней части Киликии Трахеи сохранялась нестабильность. Северная часть Тавра контролировалась системой военных колоний, основанных в Писидии Августом в 6 г. до н.э. Однако о пиратах на побережье нет более никаких упоминаний: вне сомнения, надзор Архелая и его преемников был достаточным для подавления мелких пиратов.

Как было отмечено выше, часть Киликии принадлежала династии Таркондимота I, правителя области Аман. Таркондимот вначале не имел царского титула и был топархом внутренней Киликии, назначенным Помпеем еще в 64 г. до н.э. Однако из писем Цицерона ясно, что он не контролировал эфеторокилийцев или Пинденисс в их области. На пьедестале статуи, поставленной гражданами Кастабалы Исидору, упомянут топарх (OGIS 754), отождествляемый с Таркондимотом I; Дион Кассий (XLI. 63) называет его династом, а Страбон сообщает, что в его время Таркондимот стал царем (Strabo. XIV. 4. 18). Очевидно, царский титул был дан Таркондимоту Антонием, о чем свидетельствует эпиклеза «Филантоний». Вместе с царским тронном Таркондимот получил впервые также и право чеканки медной монеты⁵³. Некоторые экземпляры монет контрамаркированы изображением якоря, подтверждающим наличие флота. Обладание Таркондимотом портом подтверждается так-

⁵³ Ibid. P. 575. № 3871.

же тем, что он посылал корабли на помощь Помпею во время гражданской войны, а сам пал в морской стычке, предшествующей битве при Акции (Dio Cass. XLI. 63. 1; L. 14. 2; cf. LIV. 9. 2).

Границы царства Таркондимота установить трудно; ему досталась, по всей видимости, почти вся Киликия Педиада и какая-то часть побережья. Плутарх называет Таркондимота царем Верхней Киликии (Plut. Ant. 61). Возможно в царство входили города: Аназарб, Кастабала, Корик, Элеусса и Эгеи. Столицей династии Таркондимота был, вероятно, Гиераполис-Кастабала. После гибели Таркондимота Киликийское царство временно прекратило свое существование, однако было вновь восстановлено царем Филопатором в 20 г. до н.э. и просуществовало до 17 г. н.э., после чего, видимо, было аннексировано. Надписи не позволяют надежно установить личность Филопатора⁵⁴, известного по нумизматическим источникам⁵⁵.

Восточная Трахея контролировалась Тевкридами, но в 39 г. до н.э. Антоний передал Ольбу Полеону I (App. BC. V. 75). Август вновь утвердил в Ольбе династию Тевкридов. По нумизматическим источникам известно, что в последние годы правления Августа и в самом начале правления Тиберия в Ольбе правил Аянт в качестве верховного жреца храма Зевса и топарха области племен кеннатов и лалассиев⁵⁶. Тиберий заменил ольбийскую династию Тевкридов представителем понтийской линии Марком Антонием Полеоном, чеканившим в Ольбе монеты от имени верховного жреца и династа Ольбы, кеннатов и лалассеев⁵⁷. Дж.Хилл⁵⁸ выдвинул предположение, что ольбийский династ был старшим сыном Полеона I.

По мнению Р.Д.Салливана⁵⁹, династ Марк Антоний Полеон, правивший частью Киликии Трахеи во главе с Ольбией с 28 по 68 гг. н.э., идентифицируется с Полеоном II. Р.Салливан предполагает, что в 28-38 гг. Марк Антоний Полеон чеканил монеты в качестве верховного жреца и династа Ольбы, кеннатов и лалассеев; в 38 г. н.э. он был провозглашен Калигулой царем Понта, а в 41 г. н.э. получил от Клавдия одну область в Киликии Трахеи взамен Боспора (Dio Cass. LX. 8. 2). Иосиф Флавий называет Полеона II ца-

⁵⁴ О династии Таркондимота см.: Heberdey R., Wilhelm A. Reisen in Kilikien ausgeführt 1891 und 1892 im auftrage der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1896. S. 215-223; Jones. Op. cit. P. 202-203, 437; Galder W.M. Colonia Caesareia Antiocheia // JRS. 1912. Vol. 12. P.105-109.

⁵⁵ Burnett. Op.cit. P. 575. № 3872.

⁵⁶ Ibid. P.565-566. № 3724-3734; Staffieri G.M. La monetazione di Olba nella Cilicia Trachaia // Quaderni ticinesi di numismatica e antichità classiche. Suppl. 3. Lugano, 1978. P. 232.

⁵⁷ Burnett. Op. cit. P. 566. № 3735-3739.

⁵⁸ Hill G. Olba, Cennatis, Lalassis // NC. 1899. Vol. 19. P.181-207.

⁵⁹ Sullivan R.D. King Marcus Antonius Polemo // NC. 7th Series. XIX. Vol. 139. 1979. P.

рем Понта и Киликии (Jos. Ant. Jud. XIX; XX. 7. 3). Полученная Полемоном II часть Киликии граничила с новыми владениями Антиоха IV Коммагенского, которому император Клавдий вернул отнятую часть Киликии (Jos. Ant. Jud. XIX. 5. 1). Возможно, большую часть своей жизни царь Полемон правил одновременно Понтом и Киликией. На своих ранних выпусках в Ольбе он помещает указание на должность верховного жреца и династа, что связывает его с Тевкридами, его предшественниками, утвержденными Антонием. Но на последних сериях монет в Ольбе он помещает царский титул. Таким образом, по мнению Р.Салливана, династ Полемон и царь Полемон II могут быть одним и тем же лицом, которому принадлежала Ольба со времен правления Тиберия до первых лет правления Веспасиана.

Между тем, ряд исследователей считает, что Марк Антоний Полемон из Ольбы и Полемон II - совершенно разные лица⁶⁰. Дж.Стаффиери подверг сомнению аргументы Р.Салливана, исходя из факта, что Полемон II был сверстником Гая Калигулы, родившегося в 12 г. н.э.⁶¹ К такому же выводу пришел и С.Ю.Сапрыкин, показавший, что гипотеза Р.Салливана легко опровергается тем, что Полемон II родился в 15 г. н.э. и в годы чекана монет от имени верховного жреца и династа Ольбы по причине малолетства не мог занимать эти должности⁶².

С.Ю.Сапрыкин предполагает⁶³, что в 37 г. н.э. Полемон был провозглашен царем Понта и Боспора и до 40 г. делил власть со своей матерью Антонией Трифеной. В 41 г. н.э. Клавдий отменил постановления Калигулы и дал ему вместо Боспора родовую вотчину Полемонидов в Киликии. В 64 г. н.э. после превращения Понтийского царства в провинцию Полемон II удалился в Киликию, где при Нероне и Гальбе чеканил монеты от имени царя Марка Антония Полемона. По мнению С.Ю.Сапрыкина, помещение им царского титула и родового имени Марка Антония на киликийских монетах, чего не наблюдалось в Понте, показывает, что он полностью сконцентрировался на управлении Киликией и Ольбой после аннексии Римом Понта⁶⁴. Э.Барнетт, М.Амандри и П.Риполле также считают, что Полемон не использовал титул царя Киликии до тех пор, пока не потерял Понт в 64 г.⁶⁵ Самые последние ольбийские выпуски царя Полемона для койнон кеннатов и лалассиев относятся к началу правления Флавиев (70 г. ?)⁶⁶.

⁶⁰ Barret A. Polemo II of Pontus and M. Antonius Polemo // *Historia*. 1978. Bd. 27. Ht. 3. P. 445-448; Magie. *Op. cit.* Vol. II. P.1407; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 332.

⁶¹ Staffieri. *La Monetazione di Olba...* P.230-232.

⁶² Сапрыкин. Понтийское царство. С. 332.

⁶³ Сапрыкин. Из истории...С.37-38; он же. Понтийское царство. С. 335-339.

⁶⁴ Сапрыкин. Понтийское царство. С. 339.

⁶⁵ Barnett. *Op. cit.* P.564. № 3740, 3741.

⁶⁶ *Ibid.* P. 564, 566. № 3742.

Имя Полемона помещено также на монетах Селевкий-на-Каликадне. Р.Салливан допускает, что этот Полемон ассоциируется с Племоном II, очевидно, контролирующим Селевкию, однако одновременно указывает, что против этой версии говорит факт отсутствия царского титула на монетах Селевкии. Отсюда предпочтительнее считать, что Полемон из Селевкии и Полемон II - разные люди⁶⁷.

При Флавиях происходит централизация управления провинциями. После аннексии Римом Коммагены киликийские владения Антиоха IV остались без правителя. Небольшая их часть была отдана его дочери Иотапе, выданной замуж за Александра (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4). Возможно, они получили Элеуссу; точные размеры их владений не известны; во всяком случае, они были невелики, и Киликия Аспера в целом находилась под непосредственным управлением Рима⁶⁸. Около 72 г. горная Киликия, пребывавшая ранее под властью царей, была обращена Веспасианом в провинцию (Suet. Vesp. 8. 4; Eutr. VII. 19. 4; Oros. VII. 9. 10). Теперь провинция Киликия включала Педиаду, входившую ранее в состав провинции Сирии, и Трахею, управляемую до этого царями, последним из которых был Антиох IV Коммагенский. Но когда Антиох и его сыновья были вынуждены отречься от престола, Киликия Трахея осталась без правителя и перешла под управление императорского легата в ранге пропретора.

В Киликии не было легионов, но не исключено, что тут размещались вспомогательные войска⁶⁹. При Юлиях-Клавдиях и Флавиях в Киликии рекрутировались целые когорты⁷⁰. Отдельные киликийцы служили в различных легионах римской армии⁷¹. Однако в соседнюю провинцию Каппадокию были введены дополнительные легионы. Необходимость в вассальных буферных царствах в Киликии, как и других государствах Малой Азии, ушла в прошлое: превращение их в провинцию было результатом противостояния Римской империи и Парфии. Безопаснее стало иметь здесь провинции, а не царей, которые могли оказаться ненадежными союзниками и заключить договоры с парфянами.

⁶⁷ Ibid. P. 562; Sullivan. Op. cit. P.17.

⁶⁸ Magie. Op.cit. Vol. I. P. 576.

⁶⁹ Remy B. L'evolution administrative de L'Anatolie aux trois premiers siècles de notre era. Lyon, 1986. P.61-62.

⁷⁰ Devijver H. Cohortes Cilicum in the Srevice of Rome // ZPE. 1982. Bd. 47. P.173-192.

⁷¹ О ветеранах-килийцах см.: Speidel M.P. Legionaries from Asia Minor // ANRW. II. Bd. 7. 2. 1980. P.734.

M.G.Abramzon

Rome and Cilicia in the 2nd Century BC – 74 AD: Conquest and Romanization

One of the most characteristic samples of the Roman Eastern policy was her attitude to Cilicia, that occupied a strategically important part of Asia Minor. The complexity of the relations between Rome and Cilicia was first of all determined by geographical and political heterogeneity of Cilicia, which made the Senate work out a special approach to different parts of the country. Having once initiated diplomatic contacts with the Cilician communities and rulers in the 2nd century BC, Romans had to spend much time fighting with the Cilician pirates that disorganised navigation and trade in the Eastern Mediterranean, and sometimes even threatened Italy. The mission of praetor Marcus Antonius in 101-100 BC was the most outstanding episode of this struggle for a number of strongholds built on the Cilician coast during that mission.

Lucius Cornelius Sulla was sent to Cilicia during the First Mithridatic War. The war actions over, part of the country was ceded to the Roman rule, but the decisive steps in doing away with Cilician pirates and strengthening Roman control over their areas were taken during the campaigns of P. Servilius Vatia (77-75 BC) and especially Gn. Pompey (67-66 BC), when a considerable part of Cilicia was reorganised into the Roman province.

From this time onwards the senate changed the forms of administration of Cilicia, either seizing control over certain parts of the country, or ceding them under the rule of these or that kings or dynasts. The Cilician rulers (Tarcondimot, Marcus Antonius Polemo, etc.) at certain moments played an important role in the Roman Eastern politics, helping to organise the defence of the eastern provinces from the Parthians. In 74 AD the whole country became the Roman province Cilicia.

Е.В.Смыков

Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфиянами)

В биографии Суллы Плутарх, излагая историю киликийского командования своего героя, рассказывает: «Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфиянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа еще не соприкасались друг с другом; видимо, счастье своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфияне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он» (Plut. Sulla. 5.8. Пер. В. М. Смирин). Это сообщение, а также краткие упоминания у нескольких римских авторов (Liv. Per. 70; Vell. II. 24. 3; Fest. XV. 2), являются единственными свидетельствами о первом контакте двух великих держав древности. Именно в силу краткости этой информации многие вопросы остаются дискуссионными по сей день.

Пожалуй, самым первым из них является датировка этого немаловажного события. На протяжении более ста лет в историографии была принята дата 92 г. до н.э. Трудно сказать, кто и когда предложил ее впервые, но, как отмечает Э.Бэдиан, она существовала уже в 1830 году¹, и ее принимали и принимают до сих пор многие видные антиковеды². В 1959 году Э.Бэдиан привел веские доводы против традиционной датировки и перенес события на несколько лет назад, в 96 г. до н.э.³ Наконец, два десятилетия назад, не-

¹ Badian E. Sulla's Cilician Command // Athenaeum. 1959. Vol. 37. P. 279.

² См., напр.: Mommsen T. История Рима. СПб., 1994. Т. II. С. 204; Reinach T. Mithridate Eupatore, roi de Pont. P., 1890. P. 105; Cobban J. M. Senate and Provinces. 78—49 BC Camb., 1935. P. 58; Rostovtzeff M., Ormerod H.A. Pontus and its Neighbours: The First Mithridatic War // САН. Ed. I. 1932. Vol. IX. P. 237; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I. P. 206; Bengtson H. Grundriss der Römischen Geschichte mit Quellenkunde. München, 1982. Bd. I. S. 192; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323-30 av. J. C.). Nancy, 1982. Т. II. P. 474. Из историков, специально занимавшихся римско-парфиянскими взаимоотношениями, эту дату принимают: Dobiáš J. Les premiers rapports des Romains avec les Parthes et l'occupation de la Syrie // Archiv orientální. 1931. Vol. 3. № 2. P. 218; Tam W.W. Parthia // САН. Ed. I. 1932. Vol. IX. P. 603; Debevoise N.C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 46; Colledge M.A.R. The Parthians. New York - Washington, 1967. P. 34; Sykes P. A History of Persia. L., 1921. P. 338; Ziegler K.H. Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrechts. Wiesbaden, 1964. S. 21. В отечественной литературе такая датировка до сих пор является общепринятой.

³ Badian. Op. cit. P. 279-303. Датировку Э.Бэдиана приняли, например, следующие авторы: Luce T. Marius and the Mithridatic Command // Historia. 1970. Bd. 19. Ht. 2. P. 169 f.; Glew D. Mithridates Eupator and Rome. A Study of the Background of the First Mithridatic War // Athenaeum. 1977. Vol. 55. P. 389 f.; Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome: 327-70 BC Oxf., 1979. P. 273; Keaveney A. Roman Treaties with

зависимо друг от друга и разными путями, А.Н.Шервин-Уайт и П.Самнер пришли к третьей возможной датировке — 94 г. до н.э.⁴ Несмотря на то, что один из ее авторов в дальнейшем отказался от своего вывода в пользу традиционной даты 92 г. до н.э.⁵, эта датировка приобретает себе все больше приверженцев среди исследователей событий на Востоке в период Митридатовых войн⁶. Окончательное решение вопроса на основе имеющихся в нашем распоряжении источников вряд ли возможно, и остается констатировать, что первый контакт двух «супердержав» древности состоялся между 96 и 92 г. до н.э.⁷

Что касается обстоятельств и причин этой встречи, то здесь неясностей еще больше. Почему прибыло парфянское посольство? Какие вопросы оно должно было решить? Чем закончилась миссия Оробаза? Ни на один из этих вопросов прямых ответов источники не дают, что порождает множество версий, зачастую прямо противоположных, при интерпретации этих событий современными исследователями.

Довольно часто при характеристике первого контакта римлян и парфян последние выступают как представители мирного государства, не стремящегося к экспансии⁸, а римляне, наоборот, как агрессоры⁹. Анализ

Parthia circa 95-circa 64 BC // *AJPh*. 1981. Vol. 102. № 2. P. 195; idem. *Sulla: The Last Republican*. London - Canberra, 1982. P. 38; Инар Ф. Сулла. Ростов-на-Дону, 1997. С. 59, 63.

⁴ Sherwin-White A. N. Ariobarzanes, Mithridates and Sulla // *CQ*. 1977. Vol. 27. P. 177 f.; Sumner P. Sulla's Career in the Nineties // *Athenaeum*. 1978. Vol. 56. P. 395 f.

⁵ Sherwin-White A. N. *Roman Foreign Policy in the East*. 168 B.C. to A.D. I. Univ. of Oklahoma Pr., 1984. P. 109.

⁶ См., напр.: McGing BC *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontos*. Leiden, 1986. P. 78; Strobel K. *Mithridates VI Eupator von Pontos* // *OT*. 1996. Bd. 2. S. 170. В отечественной науке единственная попытка разобраться с датировкой была предпринята С. Ю.Сапрыкиным, однако его позиция не вполне ясна. Сначала он применяет дату 94 г. до н.э. (Сапрыкин С.Ю. *Понтийское царство*. М., 1996. С. 125), но в дальнейшем объявляет ее неточной, а лучше всего обоснованной данными источников считает дату 93/92 г. до н.э. (Там же. С. 196. Прим. 25.)

⁷ В качестве образца такой осторожности можно привести Дж.Хайнда и Т.Брутона. Первый из них в своей статье приводит все три даты, не высказываясь в пользу ни одной из них; второй, ранее датировавший преторство Суллы и его киликийскую миссию 93/92 г. до н.э., в дополнительном томе своих «Магистратов Римской республики» изложил аргументы сторонников передатировки, отметив при этом, что дискуссия продолжается. См.: Hind J.G.F. *Mithridates* // *CAH*. Ed. II. 1994. Vol. IX. P. 142. Not. 49; Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Atlanta (Georgia), 1986. P. 14, 18; ср.: Vol. 3. P. 73 f.

⁸ Dobiáš. *Op. cit.* P. 221, 224; Debevoise. *Op. cit.* P. 46; Will. *Op. cit.* P. 452. Все эти авторы подчеркивают, что парфяне не имели желания переправляться через Евфрат. По мнению А. Кивни, «парфянская политика была мирной и стремилась к установлению добрых отношений со всеми, кто их окружал... Вновь и вновь мы видим парфян, пытающихся сохранить среднее положение между великими державами (the middle ground between the great powers)» (Keavepuey. *Roman Treaties with Parthia*. P. 199). При этом автор забывает, что Парфия и сама была великой державой, простиравшейся на Восток до

ситуации позволяет избежать столь прямолинейных оценок. С одной стороны, Сулла, дошедший до Евфрата, сделал это отнюдь не из агрессивных стремлений. Он получил от Сената конкретное поручение — возвести на престол (или реставрировать на престоле) Ариобарзана I, царя Каппадокии, изгнанного Митридатом VI Евпатором, и действовал строго в рамках своей компетенции. С другой стороны, совершенно очевидно, что «в это время амбиции Аршакидов не ограничивались Вавилонией или Месопотамией»¹⁰. Юстин недвусмысленно указывает на стремление парфян овладеть Сирийским царством еще в последней трети II в. до н.э.¹¹ В правление Митридата II Великого завоевательные устремления Парфии еще возросли. Й.Вольский, специально исследовавший вопрос, пришел к бесспорному выводу: уже с этого времени можно говорить, что целью внешней политики Парфии были, говоря словами Тацита, «*veteres Persarum termini*» (Тас. Анн. VI. 31). Эта цель была выдвинута после того, как Аршакиды сумели добиться объединения иранских народов, освобожденных из-под власти Селевкидов, а выражение свое имперские амбиции Аршакидов нашли в принятии Митридатом Великим древнего ахеменидского титула «царь царей»¹². Таким образом, встреча была неизбежной «в силу встречного направления удара (*beiderseitigen Stossrichtungen*), Рима на Восток, Парфии на Запад»¹³.

Неизбежность встречи, однако, не снимает вопроса о том, почему она состоялась именно теперь и чем было вызвано посольство Оробаза. К сожалению, источники не позволяют дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на этот вопрос. Были предприняты самые разнообразные попытки объяснить цели парфянского посольства. Н.Дибивойс, например, считал причиной переговоров быстрое продвижение Парфии в сторону

границ Индии, имевшей дипломатические сношения с империей Хань, контролировавшей завершающую часть Великого шелкового пути!

⁹ Ср., напр., оценку событий М.М.Дьяконовым: «Это было первое знакомство парфян с римской агрессией и римскими политическими методами на Востоке» (Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 193).

¹⁰ Sherwin-White. Roman Foreign Policy... P. 219. Далее автор пишет: «Модель их монархии была та же, что и у Ахеменидов до них и Сасанидов после них: они хотели стать Шах-ан-шахами, Царями Царей» (*ibid.*). Ср.: Sherwin-White A. N. Lucullus, Pompey and the East // САН. Ed. II. 1994. Vol. IX. P. 262.

¹¹ Just. XXXVIII. 9.10: *Hanc Parthorum tam mitem in Demetrium clementiam non misericordia gentis faciebat, nec respectus cognationis: sed quod Syriae regnum adfectabant...* (речь идет о событиях 30-х гг. II в. до н.э.)

¹² Wolski J. Les Achéménides et les Arsacides. Contribution à l'histoire de la formation des traditions iraniennes // Syria. 1966. T. 43. P. 73 f.; *idem*. Iran und Rom. Versuch einer historischen Wertung der gegenseitigen Beziehungen // ANRW. 2. Bd. 9. 1. S. 202 f. В недавней статье Й.Вольский характеризует этот план восстановления ахеменидской державы как «*de plan grandiose des Arsakides*» (Wolski J. La politique imperialiste de Rome à l'égard de l'Iran. Ses formes et ses effets // Antiquitas. 18. Wrocław. 1993. P. 227).

¹³ Wolski. Iran und Rom. S. 202.

римских границ; Т.Либман-Франкфорт и Г.Келер, напротив, видят причины в обеспокоенности Митридата II появлением на Евфрате римского пропретора¹⁴. Ряд исследователей выдвигает предположение, что Рим и Парфия сблизилась на почве общей настороженности усилением Понта и Армении¹⁵. Развивая эту идею, А. Г.Бокшанин утверждает, что Митридат II «рассчитывал “подогреть” конфликт между римлянами и Тиграном II, который к этому времени не только освободился от былой парфянской зависимости, но уже успел настолько усилиться, что сделался серьезной помехой при экспансии на северо-запад от своих границ»¹⁶. Но, во-первых, вопрос о влиянии усиления Тиграна на римско-парфянские отношения упирается в датировку переговоров Суллы и Оробаза: в 96 г. до н.э. Тигран еще не вступил на престол, а в 94 г. до н.э. не успел бы усилиться настолько, чтобы вызвать тревогу в Парфии, так что тезис этот приемлем только в случае датировки переговоров 92 г. до н.э., обоснование которой является наиболее слабым. Во-вторых, у нас нет никаких свидетельств того, что римляне проявляли какой-либо интерес к Армении вплоть до лукулловых войн; никакой реакции с их стороны не вызвали даже агрессивные действия Тиграна в Сирии, поэтому вероятность их обеспокоенности действиями армянского монарха уже в начале его правления ничтожно мала¹⁷.

Несколько иначе попытался связать посольство Оробаза с ситуацией в Армении А.Н.Шервин-Уайт. Он достаточно традиционно считает, что Митридат II был обеспокоен усилением Армении, но цели миссии, по его мнению, вовсе не были связаны с реакцией на действия Суллы: «парфянский посол прибыл, чтобы исследовать ситуацию — и обнаружил, что на границах Парфянской империи объявилась новая держава»¹⁸. Если даже это объяснение невозможно твердо обосновать (как, впрочем, и все остальные предложенные гипотезы), и если вопрос об усилении Армении уже в это время остается все-таки спорным, тем не менее, самого пристального внимания заслуживает объяснение причин появления парфянского посольства. Действительно, признание того, что Оробаз был

¹⁴ Debevoise. Op. cit. P. 46. Ср.: Liebmann-Frankfort T. La frontière orientale dans la politique extérieure de la République romaine. Bruxelles, 1969. P. 174; Koehler H. Die Nachfolge in der Seleukidenherrschaft und die partische Haltung in römisch-pontischen Konflikt. Bochum, 1978. S. 5.

¹⁵ См., напр.: Моммзен. Ук. соч. Т. II. С. 204; Dobiáš. Op. cit. P. 224; Will. Op. cit. T. I. P. 453; Regling. Crassus Partherkrieg // Klio. 1907. Bd. 7. S. 358. Наиболее подробно эту мысль пытаются обосновать Р.Л.Манасерян. См.: Манасерян Р.Л. Процесс образования державы Тиграна II // ВДИ. 1982. № 2. С. 135 сл.

¹⁶ Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. С. 27 сл.

¹⁷ Ср.: «Соглашение о границе в 92 г. со стороны Рима, несомненно, было предварительным заявлением о господстве над странами по западному берегу Евфрата-Каппадокией, Коммагеной и Сирией... Перспектива раздела Передней Азии на две сферы господства означала для Армении участь быть зажатой между двумя империями» (Манасерян. Ук. соч. С. 136).

¹⁸ Sherwin-White. Roman Foreign Policy... P. 220.

направлен именно к Сулле, означает одновременное признание очень быстрой реакции парфянского двора на события в Каппадокии¹⁹ и, вместе с тем, предполагает, что парфянский царь считал Рим государством, сопоставимым по своему рангу с Парфией. Последнее, однако, плохо согласуется с дальнейшей судьбой руководителя миссии²⁰. Не вполне ясно также, зачем на встрече присутствовал Ариобарзан, если посольство было направлено к Сулле?²¹

Поэтому нам представляется вполне возможной несколько иная интерпретация событий. Разумеется, с точки зрения Тита Ливия и римской традиции посольство должно было явиться именно к римскому командующему; естественно, что Плутарх, современник противостояния двух великих держав на Евфрате и победоносных походов Траяна, оценил то, что произошло, как приход послов к Сулле. Вольно или невольно, на такое изображение событий наложил отпечаток весь ход римско-парфянских отношений в I в. до н.э.—I в. н.э. Но верно ли представляли себе это событие самый патристичный из римских историков (а значит, и восходящая к нему традиция) и великий греческий моралист? Не является ли предлагаемое ими описание переносом на несколько десятилетий назад политической ситуации конца I в. до н.э.? Может быть, более естественным было бы признать, что посольство имело целью встречу не с римским магистратом, а с представителями тех сил в Каппадокии (будь то Ариобарзан или кто-либо еще), которые противостояли узурпатору Гордию. Основания для такой встречи были вескими — за спиной Гордия стоял Тигран II, рост амбиций которого представлял для Парфии если и не прямую угрозу, то предмет некоторого беспокойства. Вполне естественно, что глава такой миссии, встретив в районе, куда он был направлен, представителя государства, отношений с которым доселе не было, постарался выяснить, друг перед ним или враг. Сулла же, со своей стороны, приняв участие во встрече Ариобарзана и парфянского посла, продемонстрировал (в этом можно согласиться с Т.Либман-Франкфорт), кто является истинным хозяином в Каппадокии. Может быть, именно это допущение постороннего, «северного варвара»,

¹⁹ «Выход к Евфрату победоносной армии Суллы вызвал широкий международный резонанс. В контакт с Суллой поспешил вступить парфянский “царь царей” Митридат II» (Манасерян Р.Л. Борьба Тиграна против римской экспансии в Каппадокии в 93-91 гг. до н.э. // ВДИ. 1985. № 3. С. 115).

²⁰ «Парфянский царь приказал казнить Оробаза за унижение своего достоинства обращением с варваром на равных» (Sherwin-White. Lucullus, Pompey and the East. P. 262).

²¹ Этот факт в литературе обычно констатируют, но никак не объясняют. Едва ли не единственную попытку его интерпретации предприняла Т.Либман-Франкфорт. По ее мнению, инициатором присутствия на встрече каппадокийского царя был Сулла, продемонстрировавший этим, что царь, по землям которого должна проходить граница с Парфией, является зависимым от Рима, входит в его зону влияния и интегрирован в Римскую империю *lato sensu*. См.: Liebmann-Frankfort. Op. cit. P. 174.

на переговоры, которые должны были вестись между царями, и было тем умалением достоинства парфянского властителя, за которое Оробаз заплатил головой?

Косвенно в пользу такой интерпретации событий свидетельствует и рассмотрение вопроса, имеющего наиболее принципиальное значение: был ли у встречи Оробаза и Суллы конкретный результат в виде формального договора? Информация источников на этот счет крайне скудна и неопределенна, что дает простор для самых разных интерпретаций. Согласно эпитоме Тита Ливия, наиболее раннего автора, упоминающего о переговорах с парфянами, парфянские послы добивались дружбы римского народа (Liv. Per. 70: *amicitiam populi Romani peterent*). Этому соответствует сообщение Плутарха о том, что парфяне просили «дружбы и союза» (Plut. Sulla. 5. 8: Πάρθους συμμαχίας καὶ φιλίας δεομένους). Только Фест утверждает, что парфяне получили желаемое (Fest. XV. 2: *amicitiam populi Romani rogavit ac meruit*), а Флор и Ампелий упоминают договор парфян с Суллой²².

В свое время Т.Моммзен решительно заявлял, что «в тот момент встреча Рима с парфянами не привела ни к каким дальнейшим результатам»²³; еще более решительно высказывался Фрелих, по мнению которого Сулла сорвал переговоры своим высокомерным поведением и этим навлек на Рим вражду парфян²⁴. Из современных исследователей наиболее категоричен А.Н.Шервин-Уайт: «некоторые историки слишком раздули (have made too much) этот инцидент... Могли быть разговоры о дружеских отношениях, но в Рим не было доложено ничего, и весь инцидент не имел практического значения»²⁵. Очень осторожно оценивал результаты встречи Н.Дибивойс: «Кажется, был заключен договор, или, во всяком случае, достигнуто некоторое понимание»²⁶. Й.Добиаш признавал существование договора, но отмечал, что статьи его нам неизвестны, за исключением той, которая давала парфянскому царю звание «друг римского народа»²⁷. Р.Л.Манасерян, напротив, решительно утверждает, что парфяне хотели заключить военный союз (συμμαχία), направленный против Тиграна²⁸. По

²² Flor. III. 12: *missi ab Orode rege legati... percussorum cum Pompei foederum Sullaque meminisset*; Ampel. XXXI. 2-3: *Arsaces [...] qui pacem cum Sulla imperatore fecit*.

²³ Моммзен. Ук. соч. Т. II. С. 204. Сходную оценку дает и К.Реглинг (Regling K. Op. cit. S. 358).

²⁴ Fröhlich. Cornelius (392) // RE. Stuttgart, 1900. Bd. IV. 1. S. 1528.

²⁵ Sherwin-White. Roman Foreign Policy... P. 219 f.

²⁶ Debevoise. Op. cit. P. 47.

²⁷ Dobiáš. Op. cit. P. 219 f. Наличие договора признают и многие другие исследователи. См., напр.: Colledge. Op. cit. P. 34; Liebmann-Frankfort. Op. cit. P. 173; Keaveney. Roman Treaties with Parthia. P. 197 f.; Bulin R.K. Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100—68 v. Chr. Frankfurt a.M. - Bern, 1983. S. 44 f.

²⁸ Манасерян. Процесс образования державы Тиграна. С. 136; он же. Борьба Тиграна... С. 115.

его мнению, произошел раздел мира, «в корне враждебным интересам Армянского государства», Парфия предлагала Риму конкретный план войны против армянского царя, не ставший реальностью лишь из-за неподготовленности Рима к большой войне²⁹. При такой разногласии неизбежной кажется пессимистическая оценка, данная К.Циглером: состояние имеющихся в нашем распоряжении источников не оставляет исследователю ничего другого, как оставить вопрос открытым³⁰.

При всем этом разное мнение бесспорными остаются, по крайней мере, два факта: во-первых, нам ничего неизвестно об обсуждении в сенате вопроса о союзе или договоре с парфянами; во-вторых, отношения Рима с Парфией на протяжении четверти века после Суллы были мирными, и нет даже намек на то, чтобы парфяне как-нибудь пытались использовать то затруднительное положение, в котором оказался Рим в 80—70 гг. I в. до н.э.

Прежде чем высказывать суждение о существовании или отсутствии договора, следует установить, были ли у Рима и Парфии какие-либо проблемы, которые надлежало урегулировать при помощи этого соглашения? Ответ на этот вопрос однозначно отрицательный. К действиям Тиграна римляне проявляли мало интереса, в каппадокийские дела, куда они были вовлечены, парфяне не вмешивались, а «граница по Евфрату» в это время существует только в воображении современных историков — вдоль великой реки располагались государства, сохранявшие независимость (по крайней мере, формально), и никто тогда не мог предвидеть аннексии Помпеем Сирии и переноса границы в непосредственное соседство с Парфянской державой³¹. Итак, формальный договор заключать было не о чем из-за отсутствия спорных проблем или общих интересов. Именно поэтому нет ни малейшего намека на обсуждение проблемы в сенате и ратификацию договора³². Вместе с тем, Парфянское государство, определенно, рас-

²⁹ Манасерян. Процесс образования державы Тиграна. С. 135—136.

³⁰ Ziegler. Op. cit. S. 23. Такую же осторожность в выводах проявляет Г.Келер, признавая малоубедительными все попытки ответить на вопрос, было ли следствием этих переговоров заключение формального договора о дружбе (Amicitia-Vertrag). См.: Koehler. Op. cit. S. 8.

³¹ А.Н.Шервин-Уайт обращает внимание на отсутствие границы применительно к начальному периоду кампании Помпея: Софена, Месопотамия и Адиабена принадлежали Тиграну и отделяли ближайшую парфянскую границу в Вавилонии от верхнего и нижнего Евфрата. По его мнению, при рассуждении о границе по Евфрату исследователи игнорируют «физический факт» существования империи Тиграна (Sherwin-White. Roman Foreign Policy... P. 222 f.). Тем более это справедливо для времени Суллы.

³² Утверждение А. Кивни, что он был «должным образом ратифицирован сенатом» после возвращения Суллы в Рим, которое автор датирует 95 г. до н.э. (Keaveney. Roman Treaties with Parthia. P. 198), является чистой воды фантазией и не находит ни малейшего подтверждения в источниках. Это же относится к аналогичным утверждениям Ф. Инара (см.: Инар. Ук. соч. С. 63).

сматривалось в дальнейшем как невраждебное Риму. Это заставляет обратиться к содержанию понятия *amicus populi Romani*.

С той точки зрения, которая была принята в европейской науке прошлого века и основывалась на авторитете Т.Моммзена, *amicitia* предполагала наличие формального договора, оформленного по всем правилам³³. Однако А.Хойс еще в 30-е годы показал, что с точки зрения на международно-правовых отношения, принятой в Риме, *amicitia* и *foedus* были разными понятиями³⁴. Исследователю известен только один случай, когда они употребляются вместе (*Silius Italicus. XVII. 75: foedus amicitiae*)³⁵. По его мнению, предметом договора являются частные обстоятельства (*Bedingungen*), происходящие из политики, и действующие как способ актуализации *amicitia*; только в этом случае она представляет собой факт международно-правовых сношений. «Также и торжественно заключенные договоры, безразлично, договоры ли только о дружбе или о союзе, являются, таким образом, ни чем иным, как определенной формой актуализации *amicitia*. Она образует их имманентную предпосылку, и потому в этом смысле любой международно-правовой договор, с римской точки зрения, является «договором о дружбе»»³⁶.

Итак, *amicitia* относится к неформальным отношениям между государствами и вовсе не обязательно сопровождается заключением договора; римлянам этот институт международных отношений был известен давно и активно использовался ими в сношениях с миром эллинистических государств, в том числе — и с царями³⁷. Естественно предположить, что первый контакт с Парфией произошел в духе давно сложившихся политических традиций. Некоторую аналогию здесь может представлять история ранних контактов Рима с другими эллинистическими монархиями, лучше всего известная для Птолемеевского Египта. Эти контакты начались

³³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Lpz., 1887. Bd. III. S. 591.

³⁴ Heuss A. *Die völkerrechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit*. Aalen, 1968. S. 1-59.

³⁵ *Ibid.* S. 12. Р.К.Булин добавляет к этому еще один текст - *amicitiae foedus* у Тита Ливия (XLII. 12. 5). См.: Булин. *Op. cit.* S. 47. Апп. 78. Впрочем, второй случай может и не иметь никакого значения: у Ливия речь идет не о римской дипломатической практике, а о сношениях Филиппа V и беотийцев, а греческая φίλια, как отмечают современные исследователи, «могла сопутствовать третьей кейм соглашениям, исполитии, асиллии, мирному договору, династическому браку или военному союзу... Иными словами, этот институт имел универсальный характер во взаимоотношениях эллинистических государств» (Кашеев В. И. *Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220—146 годах до н.э.* М., 1993. С. 228). Ср.: Gruen E. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Berkeley - Los Angeles - London, 1984. Vol. I. P. 94 f.).

³⁶ Heuss. *Op. cit.* S. 55, 57.

³⁷ См.: Gruen. *Op. cit.* Vol. I. P. 55 f., 76 f.; Кашеев. Ук. соч. С. 227 сл. Обзор материала о «дружбе» с царями (в основном по нарративным источникам) содержится в работе: Sands P.C. *The Client Princes of the Roman Empire under the Republic*. Ed. II. N.Y., 1975. P. 10-48.

с 273 г. до н.э., когда в Рим прибыло посольство от Птолея II Филадельфа с просьбой о дружбе (Liv. Per. 14; App. Sic. 1; Dio Cass. Fr. XIV; Eutr. II. 15). Сенат удовлетворил эту просьбу, и египетский царь получил статус *amicus populi Romani*; как отмечает Э. Грюн, «фактически это была *amicitia*, без иных обязательств или обязанностей, кроме соблюдения сердечных отношений»³⁸. Обращают на себя внимание два момента: во-первых, как и в случае с Парфией, инициатива исходит не с римской стороны, а от иноземного государства, обращающегося с просьбой о дружбе. Во-вторых, и в этом случае у Рима не было никаких политических оснований заключать формальный договор, брать на себя какие-либо обязательства и т. п.³⁹. Любопытно, что подобная же модель первых контактов присутствует и в отношениях Рима с государством Селевкидов, если признать достоверной информацию Светония⁴⁰: вновь мы видим инициативу извне, установление «дружбы» — и отсутствие практических результатов⁴¹.

П.Сэндс, исследуя статус зависимых от Рима царей, отметил, что принятый в III в. до н.э. титул «друг римского народа» на протяжении II в. до н.э. вытесняется званием «друг и союзник римского народа», которое делается преобладающим к концу столетия⁴². Таким образом, признание царя «другом и союзником» в I в. до н.э. означало то же самое, что и признание просто «другом» полутора столетиями ранее, и соответствовало простому установлению дипломатических отношений между двумя государствами. Лишь постепенно, по мере втягивания Рима в межгосударственные отно-

³⁸ Gruen. Op. cit. Vol. I. P. 62. Более подробный анализ этих контактов см.: Ibid. Vol. II. P. 673 f.

³⁹ Вопрос об этом «договоре» давно обсуждается в историографии, причем резоны для него были выдвинуты самые разные. Однако Э.Грюн, проанализировав все возможные варианты мотивации такого договора для римской стороны, пришел к выводу о несостоятельности выдвинутых объяснений. Его характеристика обмена посольствами между Римом и Египтом звучит так: «Представители богатого и отдаленного царства признали достижения Рима и добивались его расположения. Сенат ответил таким же образом, с полным дипломатическим этикетом... Ничто при этом не означало конкретных обязательств или соглашений» (Gruen. Op. cit. Vol. II. P. 675).

⁴⁰ В биографии императора Клавдия римский историк упоминает о сношениях Рима с Селевком II (Suet. Claud. XXV. 3). С одной стороны, эта информация ничем не подтверждается, а первые активные контакты Рима и Селевкидов - это их борьба в ходе Сирийской войны. С другой стороны, информация Светония вполне может быть точной, т.к. он имел возможность пользоваться императорскими архивами; что касается молчания всех остальных источников, оно вполне объяснимо, если учесть, что сношения эти не имели практических результатов для системы международных отношений в Восточном Средиземноморье в III в. до н.э.

⁴¹ См. об этом: Gruen. Op. cit. Vol. I. P. 64 f.; vol. II. P. 612 f.

⁴² Sands. Op. cit. P. 42 f. Впрочем, в соответствии с господствовавшими в его время представлениями, этот автор считал, что «дружба» предполагала формальный договор и была отношениями сильного и слабого. Ср. критические замечания о таком подходе: Gruen. Op. cit. Vol. I. P. 54-55.

шения в регионе, где находились его «друзья и союзники», первоначальная «дружба» обростала договорами, содержащими в себе конкретные взаимные обязательства.

Появление римлян на Евфрате было их первым шагом на пути установления отношений с совершенно неизвестным им доселе миром восточно-эллинистических государств — Парфией, Арменией, Коммагеной. А.Хойс цитирует любопытную классификацию народов, содержащуюся в труде юриста II в. н.э. Помпония: *si cum gente aliqua neque amicitiam neque hospitium neque foedus amicitiae causa factum habemus, hi hostem quidem non sunt* (Pomp. I. 37 ad Q. Mucium)⁴³. Если применить эту формулу к восточно-эллинистическому миру, с которым Рим теперь впервые вступал в контакт, она вполне отвечает тому, что произошло: враждебных действий со стороны этих государств Рим не испытывал, следовательно, *hi hostem quidem non sunt*, и ничто не мешает вступить с ними в традиционные для эллинистической дипломатии отношения *φιλία/amicitia*, не заключая при этом договора и не беря на себя никаких обязательств, кроме невраждебности. Именно таким отношениям, как нам кажется, более всего соответствует имеющаяся у нас скудная информация о встрече Суллы с парфянским посольством. Прибыв в Рим, он, несомненно, должен был поставить сенат в известность об этой встрече, только и всего. Формальный договор был делом будущего.

Ближайшие два десятилетия после встречи Суллы с парфянским посольством никаких контактов между Парфией и Римом в источниках не зафиксировано. Два государства словно бы утратили всякий интерес друг к другу. Видимо, отчасти это объяснимо тем, что и Рим, и Парфия переживали период внутренних неурядиц, снизивших активность их внешней политики⁴⁴. Парфия не пыталась извлечь выгоды из противоборства Митридата Евпатора и Рима, хотя, если верить Аппиану, состояла в дружественных отношениях и с царем Понта (App. Mithr. 15). Такой строго соблюдаемый нейтралитет устраивал Рим, и необходимость в новых дипломатических контактах возникла лишь в ходе III Митридатовой войны.

Ситуация эта возникла в связи с тем, что Митридат Евпатор, бежавший в Армению после разгрома Лукуллом его армий, искал для себя новых союзников в борьбе с Римом. Согласно сообщению Мемнона, еще до своих поражений Митридат обращался за помощью к «парфянину» (τὸν Πάρθον), т.е. парфянскому царю, но получил отказ (Memn. F 29. 6). Вторично он обратился уже вместе с Тиграном после поражения под Ти-

⁴³ Heuss. Op. cit. S. 4 f.

⁴⁴ По мнению А.Н.Шервин-Уайта, еще одним важным фактором, определявшим внешнеполитическое поведение Парфии в это время, было усиление Великой Армении, превратившейся в доминирующую политическую силу в сирийском регионе. См.: Sherwin-White. Roman Foreign Policy... P. 220.

гранокертой⁴⁵. Именно это посольство врагов побудило и Лукулла, в свою очередь, вступить в дипломатические контакты с парфянским двором. Вопрос о том, с чьей стороны при этом исходила инициатива, является дискуссионным. С одной стороны, Плутарх приписывает ее Фраату, приславшему к римлянам посольство с предложением дружбы и союза. Лукулл, обрадованный этим, отправил ответное посольство, но, получив информацию об одновременных переговорах парфянского царя с его врагами, разорвал отношения (Plut. Luc. 30. 1). Напротив, по Аппиану и Диону Кассию, Лукулл сам отправляет посольство к Фраату, узнав, что тот ведет переговоры с Тиграном и Митридатом (Dio Cass. XXXVI. 3.1 ; App. Mithr. 87). Среди современных антиковедов есть сторонники как той, так и другой версии, хотя предпочтение в основном отдается Диону Кассию⁴⁶. Собственно говоря, вопрос об инициаторе имеет второстепенную важность; гораздо важнее само возобновление дипломатических отношений, как и выяснение того, чем они закончились.

Цель сношений и у Плутарха, и у Диона Кассия обозначена одинаковым стандартным выражением, применявшимся уже для характеристики переговоров, проведенных Суллой — φίλια καὶ σφιλία (Plut. Luc. 30.1; Dio Cass. XXXVI. 3. 2). В необходимости возобновить отношения на старой основе не было ничего странного — новый царь должен был подтвердить позицию его предшественников, чтобы отношения и дальше считались действительными⁴⁷. Пожалуй, сразу можно отказаться от пред-

⁴⁵ Dio Cass. XXXVI. 1. 2; App. Mithr. 87. По мысли Р.К.Булина, инициатором обращения мог выступить Митридат, так как, с одной стороны, он был главнокомандующим вновь набранной армянско-понтийской армией, а с другой - не имел тех трений с парфянским двором, которые были у Тиграна. См.: Bulin. Op. cit. S. 81 f.; ср.: Eckhardt K. Die Armenischen Feldzuge des Lucullus // Klio. 1910. Bd. 10. S. 193.

⁴⁶ См., напр.: Eckhardt. Op. cit. S. 193 f.; Dobiáš. Op. cit. P. 229 f.; Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergang von republikanischer zur monarchischen Verfassung / Hrsg. v. P.Groebe. Lpz., 1910. Bd. IV. S. 165 f. (изложение событий по Плутарху). Диону Кассию следуют: Reinach. Op. cit. P. 305 f.; Van Ooteghem J. Lucius Licinius Lucullus. Namur, 1959. P. 135 f.; Koehler. Op. cit. S. 31 f.; Keaveney. Roman Treaties with Parthia. P. 199 f.; Ziegler. Op. cit. S. 24 f.; Gelzer M. L. Licinius Lucullus // RE. Bd. 13. S. 399 f.; Дьяконов. Ук. соч. С. 206 сл.; Бокшанин. Ук. соч. С. 37. А.Н.Шервин-Уайт считает обе версии события вероятными в равной степени (Sherwin-White. Roman Foreign Policy... P. 181). Р.К.Булин делает попытку их примирить: по его мнению, поскольку, согласно Диону Кассию, первые сношения осуществлялись при посредстве «некоторых из союзников» (τίνας ἐκ τῶν σφιλῶν), они были неофициальными, и Плутарх о них не упоминает, говоря лишь об ответных шагах Фраата и отправлении официальной римской миссии (Bulin. Op. cit. S. 83).

⁴⁷ Стандартным обозначением этой процедуры было *amicitiam renovare*. Многочисленные примеры из дипломатической практики III-II вв. до н.э. см.: Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle avant J.-C. (273-205). N. Y., 1969. P. 49. Not. 1; P. 69. Not. 2. А.Хойс добавляет к этому ряд эпиграфических примеров, отмечая, что такая формулировка очень часто встречалась в межгосударственных сношениях эллинистического мира и Рима (Heuss. Op. cit. S. 26 f). В отличие от

положения о том, что на переговорах речь шла о «границе по Евфрату» — Рим ее все еще не имел, как и во времена Суллы. Поэтому наиболее вероятным предметом, который обсуждали римские представители с парфянским царем, был не раздел «сфер влияния», а конкретные проблемы, связанные с ведением боевых действий — обеспечение если не помощи, то, по крайней мере, нейтралитета Парфии (Dio Cass. XXXVI. 3. 1; App. Mithr. 87.).

Удалось ли римскому полководцу добиться этих целей? Все авторы, сообщающие о переговорах между Лукуллом и парфянским двором, излагают их итоги по-разному. Согласно Плутарху, Лукулл разорвал сношения, узнав о вероломном поведении парфянского царя, и задумал даже войну против Парфии (Plut. Luc. 30.1). По Аппиану и Мемнону, парфяне заключили соглашение и с Лукуллом, и с Тиграном, но не спешили на помощь ни тому, ни другому (App. Mithr. 87; Memn. F 58. 2). Дион Кассий, чей рассказ наиболее подробен, излагает события следующим образом: римляне установили дружбу и союз с Парфией (φιλιαν τε καὶ συμμαχίαν ἐσπέισατο), но затем Фраат заподозрил в шпионаже посланного к нему Секстилия, будто бы собиравшего сведения о его государстве и силах — «ведь ради этого, а не заключенного теперь соглашения (διολογίας ἧδη γεγενημένης), был прислан человек, сведущий в военных делах»; поэтому Фраат не оказал Лукуллу никакой помощи (Dio Cass. XXXVI. 3. 2-3). Наконец, Орозий, рассказывая о посольстве парфян к Крассу, упоминает, что этого римлянина упрекали за то, что он нарушил *foedus Luculli et Pompei* (Oros. VI. 13. 2).

Как бы то ни было, но в дальнейшем Фраат строго соблюдал нейтралитет, не вмешиваясь в борьбу ни на той, ни на другой стороне; таким образом, программа-минимум Лукулла была выполнена. А.Кивни высказал предположение об определенных военных обязательствах, которые взял на себя Фраат. По его мнению, посылка опытного в военном деле Секстилия имела целью «to help the Parthian war effort on Rome's behalf», а условия заключенного Помпеем в 66 г. до н.э. договора, согласно которому Фраат должен был нанести удар по Армении, всего лишь возобновляли договор, заключенный тремя годами раньше⁴⁸. Такая интерпретация кажется слишком вольной: если бы подобное соглашение было заключено, у Фраата не было бы оснований подозревать «военного советника» Секстилия в шпионаже только на том основании, что прислан человек, опытный в военном деле; наоборот, посылка именно такого человека была бы вполне естественной. С другой стороны, текст Диона толкуется также не очень убедительно.

М.Олло, считавшего, что речь при этом шла о возобновлении договора, он убедительно показал, что «dabei von einem Vertrag nie die Rede ist» (ibid. S. 27). Ср. о парфянах и Лукулле: Keaveney. Roman Treaties with Parthia. P. 200 f. (автор, опираясь на точку зрения М.Олло, считает, что речь должна идти о возобновлении формального договора).

⁴⁸ Keaveney. Roman Treaties with Parthia. P. 201 f.

тельно: в нем нет никаких указаний на то, что Фраат должен был атаковать Армению в силу договора, заключенного с Лукуллом, тем более, что, согласно Диону (чья хронология здесь не верна), Лукулл и Помпей вели переговоры с разными царями, Помпей с Фраатом, а Лукулл с его предшественником «Арсаком», т.е. Аршаком XII Синатруком (Dio Cass. XXXVI. 3. 2; XLV. 3).

Таким образом, вопрос о формальном договоре вновь остается открытым. Во всяком случае, последующие события никак не демонстрируют его наличия, и даже анализ употребляемой античными авторами терминологии здесь не помогает. Плутарх, Дион Кассий, Мемнон в своем изложении событий употребляют стандартную формулу φίλια καὶ συμμαχία, равносильную латинскому *amicus et socius* и весьма часто обозначающую, как уже говорилось, неформальные связи. При изложении инцидента с Секстилием Дион употребляет формулировку ὁμολογίας... ὑπευσιγμένης (Dio Cass. XXXVI. 3. 3); однако термин ὁμολογία обозначал устное соглашение⁴⁹. Орозий, правда, упоминает *foedus Luculli*, но это упоминание ничего не решает, поскольку речь идет о «договоре Лукуллово и Помпеевом» (Oros. VI. 13. 2: *foedus Luculli et Pompei*). Обычно с этим текстом сопоставляются слова другого автора ливийской традиции — Флора, у которого упоминаются договоры Суллы и Помпея (Flor. I. 46. 4: *cum Pompeio foederum Sullaque memenisset*). При этом предполагается, что у Тита Ливия, послужившего источником для обоих авторов, могли упоминаться три договора, но Орозий и Флор по-разному сократили его текст; Орозий просто оставил те два договора, которые были ближе к нему по времени⁵⁰. Однако сопоставление текстов Флора и Орозия позволяет сделать любопытное наблюдение: у Флора речь идет о *договорах* Суллы и Помпея; Орозий говорит о Лукулловом и Помпеевом *договоре*. Конечно, это всего лишь предположение, но, может быть, слова Орозия следует понимать как отсылку к *одному* договору, переговоры о котором начал Лукулл, а завершил Помпей, заключивший формальное соглашение? В этом случае за Лукуллом остается лишь заслуга возобновления отношений неформальной «дружбы», приемлемых и для него, и для парфянской стороны⁵¹. Исходя из этого делается понятным и возмущение Лукулла самим фактом «двойной игры» парфянского царя, независимо от ее реальных це-

⁴⁹ Ср.: οὐ γὰρ ἕμεῖς γε... πάντ' ἀνήκουον ὁμολογῶν οἱ Ῥωμαῖοι (Plut. Crass. 31.3 (слова, которые добавляет Сурена к своему требованию записать условия (συνθήκας) заключенного с Крассом мира).

⁵⁰ Dobiáš. Op. cit. P. 220 f.; Keaveney. Roman Treaties with Parthia. P. 201. Not. 28.

⁵¹ После рассказа об отсылке Секстилия из Парфии, Дион мотивирует дальнейший нейтралитет Фраата следующим образом: «Ведь он ни в чем не выражал вражды (οὐ μὴν οὐδ' ἠραυτῶσθαι τι), но находился посередине между той и другой стороной, вполне естественно, не желая, чтобы усилились ни те, ни другие; он полагал, что их борьба, будучи равной по силам, принесет ему наибольшую безопасность» (Dio Cass. XXXVI. 3. 3).

лей и итогов: тайные сношения с заклятым врагом сами по себе были нарушением тех обязательств, которые налагали отношения «дружбы». Кроме того, следует учитывать, что тайная дипломатия, получившая значительное распространение в эллинистических монархиях⁵², была все еще чужда Риму, сохранявшему, несмотря на кризис республиканской формы правления, многие полисные традиции во внешней политике. Поэтому поведение парфянского царя, с римской точки зрения, было вероломным и заслуживало наказания.

Действительно ли в качестве такого наказания Лукулл замыслил военную операцию против Парфии? Отношение к этой информации у историков двойственное. С одной стороны, многие считают ее достоверной⁵³, с другой — еще со времен Т.Моммзена бытует мнение, что эта история — всего лишь слухи, распускавшиеся с целью дискредитировать Лукулла в глазах армии⁵⁴. Особое мнение по этому поводу имеет А.Н.Шервин-Уайт, считающий, что произошло что-то вроде исторического недоразумения. С его точки зрения, эти события были бы невероятны весной 68 г. до н.э., куда их помещает Плутарх. Однако после взятия Нисибиса Лукулл намеревался атаковать принадлежавшую Тиграну Адиабену, создавая угрозу южным владениям армянского царя; так как вскоре после этих событий Адиабена отошла под власть Парфии, поздние историки приняли этот план за намерение атаковать Парфию⁵⁵. Р.К.Булин, признавая недостоверность этой версии, считает, что она была изобретением ливийской традиции⁵⁶. Вряд ли можно согласиться со столь прямолинейной трактовкой: не могла же эта история возникнуть у Ливия на пустом месте, без всяких, пусть даже ложных, оснований. Такими основаниями и могли стать распускаемые о Лукулле слухи, воспроизведенные Титом Ливием как реальность и переданные им идущей от него традиции.

Для оценки степени вероятности сообщения Плутарха следует отделить фактическую информацию (намерение атаковать Парфию) от тех мотивов, которыми автор объясняет действия Лукулла. По его мнению,

⁵² См.: Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н.э. Казань, 1980. С. 52 сл.; Кашеев. Ук. соч. С. 200 сл.

⁵³ Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. С. 124; Ormerod H A., Cary M. Rome and the East // САН. Ed. I. 1932. Vol. IX. P. 368; Badian E. Roman Imperialism in the Late Republic. Pretoria, 1967. P. 35 (с оговоркой); Debevoise. Op. cit. P. 71; Bivar AD The Political History of Iran under the Arsacids // CHIr. 1983. Vol. III. P. 46; Koehler. Op. cit. S. 32; 113. Anm. 134.

⁵⁴ Моммзен. Ук. соч. Т. II. С. 50 сл.; Eckhardt. Op. cit. S. 193 f.; Dobiáš. Op. cit. P. 232; Van Ooteghem. Op. cit. P. 137, 141; Ziegler. Op. cit. S. 27. Anm. 30; Seager R. Pompey. A Political Biography. Oxf., 1979. P. 45; Harmand J. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967. P. 37.

⁵⁵ Sherwin-White. Roman Foreign Policy... P. 181 f. Ср., однако, мнение Р.К.Булина: вследствие такого переноса датировки, «wird der Sachverhalt noch ungläubwürdiger» (Bulin. Op. cit. S. 85. Anm. 28).

⁵⁶ Bulin. Op. cit. S. 81 f.

римский командующий намеревался «идти на парфян, чтобы померяться с ними силами. Очень уж заманчивым казалось ему одним воинственным натиском, словно борцу, одолеть трех царей и с победами пройти из конца в конец три величайшие под солнцем державы» (Plut. Luc. 30. 2. Пер. С.С.Аверинцева)⁵⁷. Это объяснение полностью можно оставить на совести Плутарха. Полномочия Лукулла предписывали ему вести войну с Митридатом (Сic. Pro Mur. 33; Memn. F 37.1; Plut. Luc. 6. 7; App. Mithr. 72) — и он действовал строго в рамках полномочий, выполняя поставленную перед ним задачу. Преследуя побежденного, но недобитого врага, он начал войну с оказавшим Митридату помощь Тиграном II, но сделал это лишь после того, как все дипломатические средства были исчерпаны, и до него дошел слух о намерении двух царей в ближайшее время вторгнуться в Ликаонию и Киликию, т.е. вновь перенести войну в непосредственную близость к римским владениям (Plut. Luc. 23. 7). Иное дело — отношения с Парфией. Прямых враждебных действий Фраат не предпринимал, но его тайная дипломатия заставляла предполагать их возможность в дальнейшем. Поэтому вероятным объяснением слухов о подготовке парфянского похода может быть и такое: Лукулл, возмущенный поведением парфянского царя, в ожидании его вероломного удара, приказал войскам из Понта идти к нему на соединение на случай возможной войны. Сам он, однако, военные действия против Парфии начинать не собирался и выжидал развития ситуации. Лишь убедившись в том, что парфяне соблюдают нейтралитет, он вновь двинулся против Тиграна. Формальный договор с Парфией вновь остался делом будущего.

Ye. V. Smykov

The First Contacts of Rome and Parthia (The Treaties of Sulla and Lucullus with Parhians)

The subject of this article is a character of the Roman-Parthian relations in the first third of the 1st century BC. The envoys of those great powers met for the first time in 96, 94 or 92 BC, during the Cilician campaign of L. Sulla. Did Sulla make any agreement with Parthia? And if so, which were the terms of the treaty? These are the main problems, discussed by modern scholars.

The author doubts the very fact of any formal compact at those times and gives some examples. As for Roman-Egyptian relations, the result of the first diplomatic actions was the establishment of friendship (*amicitia*), i.e. informal connections that meant just a lack of hostility, and implied no fixed commitments or obligations. Rome and Parthia in 90-s did not have either any common

⁵⁷ Ср.: «если бы при стольких своих отличных качествах... он имел еще и это достоинство (умение ладить с солдатами. - Е. С.), то не Евфрат был бы рубежом Римской державы в Азии. но край света и Гирканское море» (Plut. Luc. 36. 5).

frontiers or mutual interests. They had no problems to regulate with the help of a treaty.

During the Roman war against Mithridates Lucullus started negotiations with the Parthians, because he was afraid of their possible alliance with his enemy. But he interrupted the talks as soon as he knew that the Parthian king began negotiations with Mithridates, thus violating friendship (*amicitia*) from the Roman point of view. Probably Lucullus prepared a blow to prevent any hostile act, but when the Parthians kept quiet he marched against Armenia. The formal agreement with Parthia was postponed.

Р. У. Ибатуллин
Княжество Кордуэна
в римско-персидско-армянских отношениях
середины IV в. н.э.

История Кордуэны, одной из небольших горных областей к северу от Месопотамии, в позднеантичную эпоху очень скупо освещена источниками и почти не привлекает внимания современных исследователей¹. Между тем реконструкция отдельных аспектов этой истории может иметь отнюдь не только частный интерес. Занимая уникальное положение на периферии одновременно всех трех ведущих держав тогдашнего Ближнего Востока – Римской империи, Сасанидского Ирана и Аршакидской Армении, Кордуэна может служить наглядным примером того, какими путями маленькие окраинные страны вовлекались в разнообразные взаимодействия с протагонистами «большой истории», того, какие выгоды они получали от этого вовлечения и какими опасностями оно им грозило.

Границы Кордуэны² (арм. *Korduk*, сир. *Qardou*) с точностью не могут быть определены, но кажется наиболее вероятным, что на западе Тигр отделял ее от Забдицены, на севере – р. Бохтан от Моксоэны, на юге – р. Восточный Хабур от Адиабены, на востоке – та же река от Корчайка и Рехимены, а на северо-востоке – труднопроходимый участок хребта Хакяри от Андзевачика и Албака³. Область имеет форму, близкую к прямоугольной, и размеры около 120 x 80 км; почти всю ее занимают горные отроги Армянского Тавра (выс. до 3220 м), однако долины вполне пригодны для земледелия, а альпийские луга – для отгонного скотоводства. В настоящее время ее территория входит в состав Турции и Ирака.

Страна всегда, вплоть до новейшего времени, была достаточно изолированной. Тигр на этом участке несудоходен даже для надувных плотов-

¹ Специальных исследований по позднеантичной Кордуэне не существует. В работах по истории и даже исторической географии Армении и Месопотамии ей посвящается в лучшем случае три-четыре страницы (Адонц Н. Г. *Армения в эпоху Юстиниана*. Ереван, 1971. С. 225-227, 418; Dillemann L. *Haute Mésopotamie Orientale et pays adjacents*. Paris, 1962. P. 110-112). О Кордуэне есть небольшая глава в монографии Дж. Мэтьюза об Аммиане Марцеллине (Matthews J. F. *The Roman Empire of Ammianus*. L., 1989. P. 48-57). К сожалению, источниковая база этого исследования более узка, чем хотелось бы; так, Мэтьюз не только полностью игнорирует армянский материал, но даже и у Аммиана не замечает ряда интересных тонкостей. Поэтому его характеристика политического положения Кордуэны выглядит в целом верной, но слишком общей.

² Так у Аммиана Марцеллина. Сводку вариантов топонима у греческих и латинских авторов см.: Baumgarten. *Γορδύνη* // RE. Bd. VII. Sp. 1594 f.

³ См.: Атлас Армянской ССР. Ереван-Москва, 1961. С. 104; Dillemann. *Op. cit.* P. 110-112 (мы не согласны с этим автором, когда он включает в состав Кордуэны также и Забдицену; конечно, эпизодически правобережье Тигра попадало под контроль кордуэнских правителей, но все-таки это две разные области, которые в IV в. отделялись друг от друга).

«селеков»⁴, берег его горист и почти непроходим, удобные переправы отсутствуют. Единственная в древности сквозная дорога через Кордуэну вела из Адиабены к озеру Ван ущельями и высокими перевалами отрогов хребта Хакяри и, как видно по «Анабасису» Ксенофонта, была слишком неудобна, чтобы конкурировать с другими месопотамско-армянскими маршрутами (через Гандзак и Тигранокерт), которые обходили с запада и востока массив Хакяри, а значит, и Кордуэну. Дороги широтного направления пересекали Армянское нагорье и Северную Месопотамию, также минуя данную область. Внутренние сообщения столь же затруднительны: «тропы, следующие вдоль ущелий, погребаются под снегом лавин; мосты сносятся водой. Перевалы лежат на большой высоте; шесть месяцев в году они забиты снегом и непроходимы»⁵.

Отсутствие удобных сообщений и горный рельеф предопределили отсталость страны. Население было земледельческим (по крайней мере, в равнинной части), и страна славилась своим плодородием (*uber regio*, Атт. XXV. 7. 8), однако в ней так и не возникло настоящих городов⁶. По названиям нам известны лишь два населенных пункта, существовавших в IV в. – Фениха на левом берегу Тигра и Алки высоко в горах Хакяри⁷. Сама скудость свидетельств о стране – показатель отсутствия у нее какого-либо значения на международной арене; впрочем, как раз в исследуемый период ей удалось на короткое время приобрести это значение, о чем мы будем подробно говорить далее.

Что касается этнического состава населения, то в настоящее время на этой территории обитают в основном курды (иранцы), однако древние ее жители – кардухи или гордохи – принадлежали к хурритам⁸. Уже к началу нашей эры этот этноним вышел из употребления, и местные жители стали называться гордами или гордюэями. Ранние армянские историки и географы считали Кордуэну (Кордук) частью своей страны (Мовсес. II. 8; Фавстос III. 9; IV. 15; V. 10; Армянская география. С. 47)⁹, а потому, видимо,

⁴ Хуршид-эфенди. Сияхат-намэ-и-хууд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. Пер. с тур. М.А.Гамазова. СПб, 1877. С. 325 сл.

⁵ Матвеев С. Н. Турция. (Азиатская часть – Анатолия). Физико-географическое описание. М.-Л., 1946. С. 194 сл.

⁶ Страбон говорит о трех городах (*πόλεις*, XVI. 1. 24), но из контекста ясно, что это всего лишь крепости.

⁷ Фениха уверенно отождествляется с совр. г. Финик (или Фындык) и с упомянутой Страбоном Пинакой (XVI. 1. 24). Аммиан ошибается, говоря, что Фениха – это древнее название Безабды (XX. 7.1); на самом деле это две разные крепости, расположенные на противоположных берегах Тигра (Безабда – совр. Джебзире-ибн-Умар). Алки (Мовсес II. 53) тождествен с совр. Элки в верховьях Вост. Хабура и, может быть, с упоминаемой у Страбона Саталкой (XVI. 1. 24; Дильман, не учитывая этого сообщения Мовсеа Хоренаци, предложил другую локализацию Саталки). См.: Dillemann. Op. cit. P. 111.

⁸ Дьяконов И.М. К предистории армянского народа. Ереван, 1968. С. 219. Слова «Кордуэна» и «курд», по-видимому, имеют лишь внешнее сходство. Предками современных курдов были не кардухи-горды, а их восточные соседи куртии, населявшие область Корчайк (Адонц. Армения... С. 418).

⁹ Армянские источники использованы нами в следующих переводах: Армянская география VII в. по р. Х. Пер. К.П.Патканова. СПб, 1877; Мовсес Хоренаци. История

значительную долю населения к IV-V вв. должны были составлять и армяне. Происхождение жителей Алки возводили к каспиям (Мовсес. II. 53).

Центральная власть сложилась в Кордуэне еще до нашей эры, где-то в промежутке между 400 и 100 г. до н. э.¹⁰ Страной правила династия Кордваци (Мовсес. II. 8). Какой титул носили эти владетели (условно называемые нами «князьями»), установить трудно; Аммиан называет их сатрапами, армянские источники – бдэшхами и нахарарами. Может быть, титул различался в зависимости от того, к кому и на каком языке обращались князья. В Кордуэне с ее рельефом, отнюдь не благоприятным для централизации даже в таких скромных пространственных границах, власть Кордваци опиралась, по-видимому, на систему крепостей (*castella*): при Страбоне их было три (XVI. 1. 24), при Аммиане уже пятнадцать (XXV. 7. 9); впрочем, о внутренней ситуации в позднеантичной Кордуэне источники не позволяют сказать практически ничего определенного. Несколько лучше освещены ее внешние отношения, к характеристике которых мы и перейдем.

В римско-парфянских и римско-иранских войнах I-III вв. н. э. Кордуэна не принимала никакого участия. Впервые ее название появляется в соответствующей связи в 298 г., когда по Нисибисскому мирному договору пять областей по Тигру – Ингилена, Софена, Арзанена, Кордуэна и Забдицена – отошли от Персии к Риму (Petr. Patric. 3 in Const. Porphyg. De legat. P. 4). Тот же договор подтверждал принадлежность римлянам провинции Месопотамии¹¹ и их протекторат над Арменией. Присоединение тигрских княжеств, несомненно, способствовало упорядочению и укреплению восточных границ империи. Так, через Софену, Ингилену и Арзанену проходили важнейшие пути в Армению с запада и юга; Забдицена, огражденная естественным рубежом Тигра, обеспечивала лучшую защиту римской Месопотамии, лишенной на востоке природных границ. Кордуэна же – наиболее восточная из этой группы пограничных княжеств – служила чем-то вроде аванпоста; имел значение и контроль над проходившей через нее дорогой из персидской Адиабены в Армению – неудобной, но кратчайшей и, как показал опыт 10000 наемников, вполне пригодной для переброски войск.

Армении. Пер. Г.К.Саркисяна. Ереван, 1990; Фавстос Бузанд. История Армении. Пер. М.А.Геворгияна. Ереван, 1953.

¹⁰ При Ксенофонте (400 г. до н. э.) кардухи живут еще разрозненными сельскими общинами, совершенно не зависят от Ахеменидов и автоматически считают врагами всех чужаков (Хеп. Анаб. III. 5. 16, IV. 1-3). Спустя три с лишним века Лукулл (69-68 до н.э.) уже вступает в дипломатические отношения с кордуэнским князем (τῶν Κορδουηνῶν βασιλεὺς) Зарбиеном и находит в его дворце массу сокровищ и около 150 млн. л зерна (Plut. Luc. 21, 29) – количество гигантское, т. к. известно, что при Августе примерно столько же ежегодно ввозилось в Рим из Египта (Aug. Vict. Erit. I. 6). Даже если учесть, что это, скорее всего, запасы нескольких лет, сделанные на случай осады, все равно цифра свидетельствует о высокой доле присвоения кордуэнскими князьями продуктов страны и предполагает наличие у них сильной власти.

¹¹ Имеет смысл напомнить, что термины «римская Месопотамия», «провинция Месопотамия» относятся лишь к северной части собственно Месопотамии, приблизительно между параллелями Амиды и Сингары.

Вновь присоединенные области не были преобразованы в провинции, в них так и продолжали править князья. Более того, похоже, что до середины 320-х гг. (в период спокойствия на Ближнем Востоке) принадлежность их Риму вообще была чисто номинальной. Только когда отношения с Персией начали накаляться, Константин предпринял меры по усилению обороны Месопотамии. Были отстроены мощные укрепления Амиды (на пересечении Тигра с главной дорогой из Нисибиса в Армению) и, видимо, основано несколько крепостей, кольцом опоясавших подножие нагорья Тур-Абдин. Среди них была и Безабда, очень важный форпост в Забдицене на правом берегу Тигра (в самой восточной точке римского лимеса за всю его историю). Тогда же, если верить полулегендарному свидетельству сирийского «Жития св. Иакова», управление римской Месопотамией, Арзаненой и Кордуэной было сосредоточено в Амиде¹², и можно отметить, что строительство Безабды в непосредственном соседстве с Кордуэной должно было существенно усилить римский контроль над этим самым далеким и труднодоступным из тигрских княжеств.

Между тем шаханшах Шапур, всячески стремившийся дестабилизировать обстановку в союзной римлянам Армении, вел и в княжествах интенсивную дипломатическую работу. Если в I-III вв. Кордуэна, лежавшая в глубине иранских владений, неизменно оставалась в стороне от международной политики, то теперь, оказавшись в роли римского аванпоста, волей-неволей она должна была участвовать в этой опасной игре.

Единственный из князей позднеантичной Кордуэны, чье имя и детали биографии нам известны, правил именно в это время. В юности (вероятно, в 320-х гг.) он находился в заложниках в Сирии, где получил римское образование и принял имя Иовиниан (Атм. XVIII. 6. 20). Не позже начала 330-х гг. он вернулся на родину и вступил на ее престол. В 330-332 гг. соседняя Армения переживала смутное время: нападения массагетов с каспийского побережья, узурпация Аршакида Санатрука, кровавая распря нахарарских родов Ордуни и Манавазян и, наконец, восстание князя Арзанены Бакура, открыто поддержанное персами – все это было серьезной угрозой для стоящих у власти в Армении проримских сил во главе с царем Хосровом Котакком¹³. Но еще острее стояла проблема выбора друзей и врагов именно для Кордуэны, расположенной непосредственно между Арзаненой и Персией. Сношения мятежного Бакура с персами не могли осуществляться иначе как через Кордуэну, и Иовиниану оставалось либо примкнуть к арзанено-персидскому союзу, либо сохранить верность Риму и Аршакидам, что обречало его страну, в случае поражения, на аннексию либо раздел. В этой ситуации Иовиниан встал на сторону Хосрова и римлян. «Джона, князя Кордука» (т. е., несомненно, Иовиниана) Фавстос Бузанд называет в числе «верных слуг», поддержавших армянского царя (Ш. 9); римско-аршакидская армия, включавшая и кордуэнские отряды, наголову разбила Бакура с персами.

¹² Matthews. Op. cit., P. 54-55.

¹³ Арутюнян А. Ж. Восточная политика Римской империи в период домината и Армении (IV в. н. э.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ереван, 1989. С. 10.

Заметим, что Фавстос говорит об Иовиниане и Бакуре как о вассалах Хосрова – очевидно, присоединение тигрских княжеств к империи вовсе не мешало им считаться и частями Армении, тем более при союзных отношениях между Аршакидами и Римом. Еще царя Трдата в его визите к императору (вероятно, в 310-х гг.) сопровождал некий «князь кордитов»¹⁴, и известно, что в феодальной иерархии Армянского царства владельцы Кордуэны, Арзанены и других пограничных княжеств носили привилегированный титул «бдэшх», средний между нахарарским и царским. Да и Сасаниды, кажется, склонны были по-прежнему рассматривать тигрских князей как своих вассалов: так, римские воины с левобережья Тигра (*Transtigritani*) при взятии Амиды персами разыскивались с особой тщательностью и умерщвлялись – как видно, Шапур рассматривал их как не просто врагов, но как предателей (Амн. XIX. 9. 2).

Итак, с самого начала правления Иовиниан должен был обозначить свою внешнеполитическую ориентацию как проримскую и проаршакидскую. Необходимо подчеркнуть, что она определялась не столько формальным подчинением его Риму по договору 298 г., и не традиционным и таким же формальным вассалитетом по отношению к Аршакидам, сколько политической оценкой реального баланса сил в регионе.

Нам ничего не известно об участии Иовиниана в большой римско-персидской войне на первом ее этапе (334-350 гг.) и в период непрочного перемирия (350-358 гг.), однако мы знаем, что в эти годы он посещал римские владения, где, между прочим, познакомился и подружился с Аммианом Марцеллином, молодым офицером из свиты магистра войск Урзицина (Амн. XVIII. 6. 21). Между 349 и 354 г. главная квартира Урзицина находилась в Нисибисе, где, скорее всего, и состоялось это знакомство¹⁵. Согласно Аммиану, кордуэнский сатрап «был на нашей стороне, потому что, став по жребию заложником и будучи поселен в Сирии, пристрастился к благородным наукам (*dulcedine liberalium studiorum inlectus*) и сгорал пламенным желанием вернуться в нашу землю» (XVIII. 6. 20). Вполне вероятно, что пристрастие Иовиниана к эллинистической культуре и в самом деле определило его проримские политические симпатии.

Однако все было далеко не однозначно. В 359 г., во время нападения Шапура на Месопотамию, Урзицин направил Аммиана Марцеллина в Кордуэну с разведывательной миссией. Княжество, как сообщает Аммиан, в это время подчинялось власти персов (*obtemperabat potestati Persarum*), так что Иовиниан, хотя и симпатизировал римлянам и принял гостя весьма любезно, и даже предоставил ему проводника и удобный пункт для наблюдения за движением персов через Адиабену, вынужден был делать все это тайно (*occulte*, Амн. XVIII. 6. 20 ff.). Это означало, что в окружении Иовиниана – при всей его проримской настроенности – действовали шахские эмиссары или что-то вроде местной персидской партии. Очевидно, князь вынужден был считаться с близким соседством персов, тем более что ситуация была в тот момент не такой

¹⁴ Адонц. Ук. соч. С. 293.

¹⁵ Аммиан не мог познакомиться с Иовинианом, когда тот был заложником, т. к. родился около 330 г., когда Иовиниан, по Фавстосу, уже правил Кордуэной.

острой, как во время восстания Бакура – сасанидская армия проходила на этот раз *мимо* его владений, а не *через* них – и, не требуя от Иовиниана жесткого выбора, позволяла соблюдать условный нейтралитет с демонстрацией как верности императору, так и лояльности шаханшаху. А последняя, несомненно, требовалась, ибо персидская армия проходила у самого подножия кордуэзских гор. Стало быть, можно заключить, что незадолго до начала вторжения в римскую Месопотамию в 359 г. персы (угрозами или подарками) уговорили кордуэнского князя не вмешиваться в военные действия и не принимать у себя римских эмиссаров – точно так же как и римляне следующей зимой, в ожидании нового нападения Шапура, «отправили к царям и сатрапам за Тигром послов с почетными подарками, чтобы склонить их всех на нашу сторону и отговорить от коварного и вероломного нападения» (Амт. XXI. 6. 7). При этом договоренность наверняка была обеспечена если не агентами Шапура в Кордуэне, то по крайней мере проперсидской партией среди ее знати, так что нет ничего удивительного, что Аммиан писал о персидской власти, установленной над сатрапией, а собственный его визит был обставлен тайной.

Но такое двусмысленное положение продолжалось недолго. В этом и следующем году произошел ряд событий, резко изменивших расстановку сил в регионе. Прежде всего, летом 360 г. Шапур захватил важнейшую римскую крепость Безабду; Констанций в конце года попытался ее вернуть, но безуспешно (Амт. XX. 7; XX. 11) и, таким образом, правобережье Тигра прямо напротив Кордуэны превратилось из римского в персидское. Дошли до Востока и слухи об узурпации Юлиана в Галлии. Как и при узурпации Магненция в 350 г., опасность гражданской войны могла заставить Констанция пойти на мир с персами ценой каких-то территориальных уступок, и политики тигрских княжеств не могли не принимать этой перспективы в расчет. Обострилась ситуация и в Армении, где союзник римлян царь Аршак все глубже увязал в конфликте с церковью и знатью (именно на эти годы приходится ссылка им патриарха Нерсеса и разрушение нахарарами Аршакавана, последнего в Армении эллинистического «царского города») ¹⁶. Таким образом, позиции римлян в регионе резко слабели во всех отношениях. После падения Безабды и в перспективе гражданской войны в империи и Армении перед Кордуэной маячила реальная опасность быть окруженной персами со всех сторон. Опять, как в начале 330-х гг., правитель Кордуэны был поставлен перед жесткой необходимостью однозначного выбора союзников.

О том, что было дальше, сообщает сирийское «Житие Мар Сабь» – памятник чрезвычайно интересный для нашей темы, однако в целом не отличающийся надежностью. Исследователи оценивают его невысоко и если ссылаются, то с неизменными оговорками ¹⁷. Прежде чем мы приступим к критическому анализу данных «Жития», необходимо привести соответствующие фрагменты из этого малоизвестного памятника ¹⁸.

¹⁶ Арутюнян. Ук. соч. С. 12.

¹⁷ Matthews. Op. cit. P. 57; Dillemann. Op. cit. P. 110.

¹⁸ Hoffmann G. Auszüge aus Syrischen Akten Persischer Martyrer. Lpz., 1880. (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 7. № 3). S. 22-24. Мы были

«Область, откуда происходил этот мученик – Арбайе (*'Arbaje*). Она простиралась от Нисибиса до Тигра и подчинялась то римлянам, то персам. Название “Арбайе” («страна арабов») во времена блаженного праотца Иакова и его детей относилось к землям у Евфрата и по ту его сторону, к народам в Египте и вокруг него (...) На нашей границе, между Евфратом и Тигром, арабов впервые поселил Иовиниан (*Jobinianos*). Когда Юлиан находился в Ктесифоне (*Mahoze*), городе царя Шапура, и много дней справлял праздники своих богов, он получил доклад Иовиниана и просьбу разрешить ему заселить эти земли. И послал он Иовиниану людей из областей Аравии (*'Arabh*), Арзанены (*Arzon*) и Забдицены (*Beth Zabhdai*). И поднялись те люди от Ктесифона и стали жителями этой области. И была названа та область Арбайе; и поставили город Нисибис как рубеж между двумя странами, между персами и римлянами.

Когда был заключен мир и страна перешла в руки Шапура, многие из ее жителей ушли прочь с римлянами. (...) В 674 году эры греков [Селевкидов], то есть в 324 году от распятия Христа или в 53 году правления нечестивого царя Шапура, сына Хормизда [363 г. н. э.], уже после смерти Иовиниана, пошел Шапур к границам и укреплениям римлян и осадил крепость Безабду (*Qastra dh Beth Zabhdai*). Взят ее, разрушил, многих убил и 900000 человек взял в плен».

Дальнейшее развитие сюжета нас не интересует. В приведенном фрагменте прежде всего, конечно, бросаются в глаза различные несообразности. В основном они для нас несущественны (основание Нисибиса – весьма древнего города – отнесено к правлению Юлиана, названо фантастическое число пленных, Юлиан помещен в Ктесифон, до которого он на самом деле так и не дошел и т. д.). Но вот и более серьезное противоречие: Безабда взята персами, как утверждается, после смерти Иовиниана, и в то же время Иовиниан имел сношения с Юлианом во время его персидского похода. На самом же деле взятие Безабды имело место в 360 г., а поход Юлиана – в 363 г. Противоречие это на самом деле легко устранимо: в 363 г. персы действительно вступили в область Арбайе, доставшуюся им по мирному договору с императором Иовианом, и автор жития ошибся только в том, что объединил эту оккупационную операцию с походом Шапура на Безабду в 360 г. Стало быть, смерть Иовиниана на самом деле произошла перед оккупацией Арбайе в 363 г., а не перед взятием Безабды тремя годами раньше, и ничто не мешает нам принять на веру сообщение «Жития Мар Сабь» о деятельности Иовиниана во время персидского похода Юлиана, особенно если сопоставить его с данными других источников.

В январе-феврале 363 г., в разгар подготовки к выступлению, Юлиан принимал посольства от многих правителей, предлагавших ему свою помощь. Прибыли к нему и послы Аршака; Юлиан поручил армянскому союзнику набрать сильную армию и ожидать с ней дальнейших распоряжений. Помощь других правителей император вежливо отклонил, заявив, что, напротив, сам

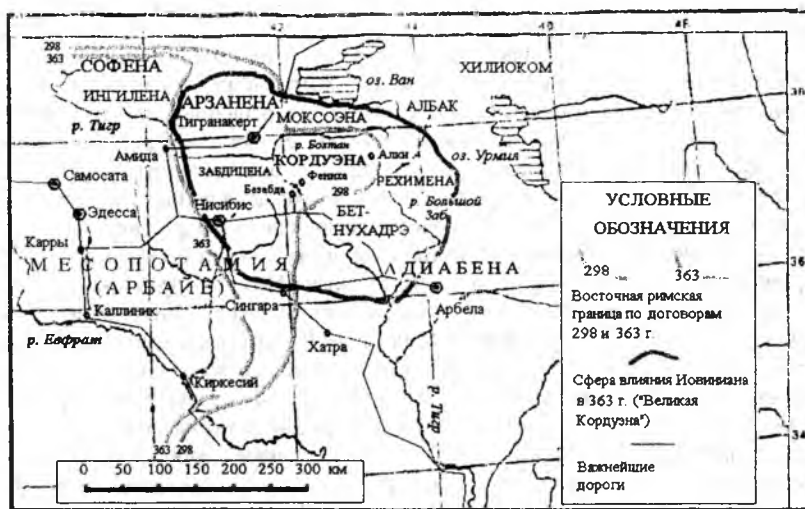
готов «оказать поддержку друзьям и союзникам, если необходимость заставит их взывать о помощи» (Амм. XXIII. 2. 1). От кого были эти посольства, Аммиан не сообщает, однако, скорее всего, именно в их числе и прибыли в Антиохию, где Юлиан действительно «много дней справлял праздники своих богов», послы Иовиниана с просьбой о разрешении разместить колонистов в области Арбайе.

Понятно, зачем это было нужно Иовиниану. При общем ослаблении позиций империи в регионе он вполне мог рассчитывать на расширение сферы своего влияния за счет земель, формально римских, но фактически Римом не контролируемых. Сделать это можно было одним из двух способов: либо переметнуться к персам и вместе с ними принять участие в дележе римских владений, либо же сохранить верность императору и добиться примерно того же самого, но с разрешения и, пожалуй, даже при поддержке имперских властей. По второму пути пошел за век до того Оденат Пальмирский. Воспитание, связи и все внешнеполитические навыки Иовиниана толкали его на этот же путь. Выбор в пользу Рима, а значит, и Аршака, был сделан им еще до появления Юлиана на востоке, ок. 360-361 г., и отчетливо выразился в поддержке им армянского царя в его конфликте с церковью: после насильственного смещения Аршаком патриарха Нерсеса Великого только два епископа согласились избрать новым патриархом креатуру царя – то были епископы Арзанены и Кордуэны (Фавстос. IV. 15).

По случаю упоминания здесь Арзанены следует задаться вопросом: какие земли контролировал Иовиниан к началу персидского похода и на какие претендовал в будущем? «Житие Мар Сабь» сообщает, что он переселил жителей Арзанены, Забдицены и Аравии в Арбайе, т. е. римскую Месопотамию, и что эти люди были отправлены ему Юлианом из Персии. Скорее всего, последнее относится только к арабам: известно, что на пути вглубь Вавилонии (где-то между Каллиником и Киркесием) к Юлиану явились союзные арабские шейхи, предоставившие ему вспомогательные отряды (Амм. XXIII. 3. 8; 5. 1). Вполне вероятно, что часть этих арабских контингентов была отправлена императором на охрану провинции Месопотамии. Что касается других областей, то Арзанена, видимо, контролировалась Иовинианом или по крайней мере была с ним в союзе, как это показал факт поддержки епископами Арзанены и Кордуэны – и только ими – царя Аршака против патриарха Нерсеса. Забдиценой же он владеть не мог, так как ее главная крепость Безабда находилась в руках у персов; Месопотамией тоже, поскольку ее непосредственно контролировали римские войска под командованием дука Кассиана (Амм. XXV. 8. 7). Итак, предложенный Иовинианом проект свидетельствует о его контроле, помимо родной Кордуэны, над Арзаненой, и о притязаниях на Забдицену и римскую Месопотамию (или какую-то ее часть).

Но, кроме того, по данным Аммиана можно установить, что сфера влияния Иовиниана распространялась ко времени персидского похода не только на запад от Кордуэны, т. е. на номинально римскую Арзанену, но и на юг, т. е. на *персидские* владения. Так, уже после гибели Юлиана солдаты рим-

ской армии, отступавшей из Вавилонии, надеялись найти в укреплениях (*praesidia*) Кордуэны безопасность и материальное обеспечение. От места, где они вели переговоры с персами, границы Кордуэны отстояли, по словам Аммиана, на сто миль (XXV. 7. 8). Место стоянки римлян известно – это г. Дора (совр. Эд-Даур), откуда, отмерив сто римских миль к северу, мы попадаем в район Кайяры, несколько ниже впадения в Тигр Большого Заба. А между тем местность к северу от устья Большого Заба совершенно определенно принадлежала персам, поскольку, как известно, именно она служила им главным плацдармом для нападений на римскую Месопотамию, и именно через нее армия Шапура шла к границам империи в 359 г. Известно даже, что этой областью владел Ноходар, один из высших военачальников Шапура (Аmm. XIV. 3. 1; XVIII. 6. 16, 8. 3; XXV. 3. 13), по имени которого она была впоследствии названа Бет-Нухадрэ (*Beth Nuhadhre*, сир. «Дом Ноходара») ¹⁹. Поскольку в 363 г. Ноходара не было в его владениях (он командовал одним из соединений шахской армии и погиб в той же битве, что Юлиан, Аmm. XXV. 3.1 3) – а вместе с сатрапом ушли, очевидно, и его основные войска – то Иовиниан просто не мог устоять перед соблазном перейти Восточный Хабур и захватить земли своего соседа.

Карта 1. «Великая Кордуэна»

Кроме того, по-видимому, Иовиниан захватил Моксоэну и Рехимену – горные области, расположенные, соответственно к северу и востоку от его княжества. Это следует из того, что по мирному римско-персидскому догово-

¹⁹ Hoffmann. Op. cit. S. 209.

ру 363 г., заключенному после гибели Юлиана, к персам отходили восточная часть провинции Месопотамия с Нисибисом, а также Арзанена, Кордуэна, Забдицена, Моксоэна и Рехимена (Амп. XXV. 7. 9), т. е. области, доставшиеся римлянам от персов в 298 г., *но за вычетом* Софены и Ингилены (двух наиболее западных тигрских княжеств) и, что самое интересное, с *прибавлением* Моксоэны и Рехимены. Как римляне могли отдать области, которые по предыдущему договору им не достались? Очевидно, они были присоединены где-то между 298 и 363 г. А поскольку с Моксоэной граничат из римских вассальных княжеств только Арзанена и Кордуэна, а с Рехименой – одна только Кордуэна, то, стало быть, они не могли быть присоединены без участия Иовиниана и, скорее всего, были инкорпорированы именно в его владения.

Таким образом, оставаясь верным вассалом империи, но не упуская и своей выгоды, Иовиниан на фоне ослабления позиций римлян в регионе откровенно строил собственное небольшое царство, включавшее территории по обоим берегам Тигра между хребтами Тавр и Синдjar, от Большого Заба до Амиды и от озера Ван до Нисибиса. Такое царство – назовем его условно «Великой Кордуэной» – было бы сходно по размерам с Лазикой и Иверией, включало бы обширные плодородные земли, важные пути сообщения, крепости и культурные центры и имело бы все данные, чтобы играть серьезную роль на Ближнем Востоке.

Однако оставалась проблема интеграции этих земель между собой. И колонизация Арбайе, о которой сообщает «Житие Мар Сабь», была вполне традиционным для древневосточных государств решением этой проблемы. Высокогорные и потому потенциально мятежные княжества вроде Арзанены, Моксоэны и Рехимены следовало обезлюдить, а опустошенную войной равнину Арбайе²⁰ – наоборот, заселить; и то и другое должно было существенно укрепить власть Иовиниана над вновь присоединенными окрестностями.

Конечно, эта операция не могла быть проведена без военной поддержки римлян. И в тот момент – при подготовке к походу в Персию – предложение Иовиниана пришлось императору как нельзя более кстати. В результате крупных военных неудач последних лет правления Констанция II римская оборонительная система на Тигре была разрушена; взятием Безабды персы разорвали кольцо крепостей вокруг Тур-Абдина, овладели Забдиценой и поставили под удар Кордуэну и всю восточную часть провинции Месопотамия. А рядом Армения стояла на пороге гражданской войны. Аршак, истребив род Камсаракан, вконец поссорился с нахарарами, среди которых проперсидская ориентация становилась все более популярной. Возглавлял персидскую партию Меружан Арцруни, владевший, между прочим, областью Албак в непосредственном соседстве с Кордуэной²¹.

²⁰ Ни один регион так не пострадал от затяжной войны 334-363 гг., как именно римская Месопотамия; тамошние плодородные поля и пастбища разоряли и персы, чтобы нанести ущерб римлянам (Амп. XVIII. 6. 9), и римляне, чтобы ничего не досталось персам (XVIII. 7. 3 f). Широко практиковался, даже в годы перемирия, угон людей и скота (XVI. 9. 1). Можно думать, что за тридцать лет войны сельское население области было в значительной части истреблено или изгнано.

²¹ Адонц. Ук. соч. С. 321.

Юлиан понимал, что нельзя идти на Ктесифон, не обеспечив себе прочного тыла в Армении и на Тигре. В середине марта он прибыл с армией в Карры, город, откуда вели две дороги в Персию: на юг к Евфрату и на восток к Тигру. Здесь он получил известие об очередном прорыве персидскими грабителями римского лимеса; очевидно, проблема обороны Месопотамии требовала немедленных решений. В свите императора находились нотарий Прокопий, его родственник, за несколько лет до того возглавлявший посольство к персам, и комит Себастиан, бывший дук Египта, хорошо известный своими военными способностями²². Юлиан передал под их совместное командование 30000 отборных солдат и поручил прежде всего организовать оборону римского берега Тигра, затем, соединившись с Аршаком, пройти через Кордуэну и Моксоэну и опустошить область Хилиоком в Мидии, а после этого выйти в Вавилонию и соединиться там с главными силами (Аmm. XXIII. 3. 1, 4-5).

Рассказа о действиях Прокопия, Себастиана и Аршака нет в дошедшем до нас тексте «Истории» Аммиана Марцеллина, однако в исходном тексте он, несомненно, был. Мы читаем, что, попав под Ктесифоном в трудное положение, Юлиан тщетно ожидал прибытия второй армии, которая задержалась в пути «по вышеназванным причинам» (*ob causas impedita praedictas* – XXIV. 7. 8). Однако упоминания об этих причинах отсутствуют в тексте, имеющемся у нас на руках, и, очевидно, соответствующее место пришлось на одну из многочисленных лакун в рукописи «Истории». Этой-то лакуне мы и обязаны тем, что всю историю Иовиниана и его проект «Великой Кордуэны» приходится реконструировать по жалким обрывкам у Фавстоса, того же Аммиана и в сомнительном «Житии Мар Сабь».

Поручения, данные Прокопию и Себастиану, с полной определенностью предполагали тесное сотрудничество с Иовинианом. Очевидно, выполнение его программы колонизации римской Месопотамии также входило в состав предписанных Прокопию и Себастиану мероприятий по организации обороны правобережья Тигра, а действия, скрывающиеся за словами *«per Corduenam et Mochoenam»*, предполагали вооруженное содействие Иовиниану в деле создания его нарождающейся державы. Дальнейший запланированный маршрут на Хилиоком в Мидии также любопытен, так как пролегал через Албак²³, вотчину злейшего врага Аршака и римлян – Меружана Арцруни. Миссия Прокопия и Себастиана, таким образом, была весьма многоплановой, но при этом все ее аспекты подчинялись главной цели: укреплению римских позиций в Северо-Восточной Месопотамии и Армении. Поддержка начинаний Иовиниана по сколачиванию разрозненных горных княжеств и опустошенных сельскохозяйственных областей в «Великую Кордуэну» – то есть, с римской точки зрения, крепкое буферное государство на месте прежнего, неэффективного и полураз-

²² См.: Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I: AD 260 – 395. Cambr., 1971. S. v. Procopius 4, Sebastianus 2.

²³ При мелких разногласиях относительно точной локализации Хилиокома все специалисты помещают его где-то к северу от озера Урмия (Dillemann. Op. cit. P. 300 f.).

рушенного пояса обороны – входила в эту миссию как один из ее важнейших аспектов. Аммиан, несомненно, писал об этом. Но до нас его рассказ не дошел.

Из его отрывочных сообщений можно установить лишь то, что царь Аршак все-таки опустошил Хилиоком по приказанию Юлиана (XXV. 7. 12), но, как кажется, Прокопий и Себастиан его при этом не сопровождали, а так и остались в римской Месопотамии, где и встретили главную армию на ее обратном пути (XXV. 8. 16). К этому времени императором был уже Флавий Иовиан, и по договору, заключенному им с Шапуром, к Персии отходила территория, чьи границы весьма примечательным образом совпадают с гипотетически реконструированными нами границами «Великой Кордуэнь»: а именно, собственно Кордуэна, восточная часть римской Месопотамии с Нисибисом (т. е. колонизируемая область), Арзанена, Забдицена, Моксоэна и Рехимена (т. е. области, где рекрутировались переселенцы). Ко времени занятия персами вновь присоединенных территорий князя Иовиниана уже не было в живых («Житие Мар Сабь»), и, как можно предполагать, смерть его была отнюдь не естественной. Любопытно, что присоединенные земли были объединены Шапуром в одну сатрапию Арвастан²⁴, что, возможно, свидетельствует о прочности заложенных Иовинианом интеграционных связей внутри его несостоявшегося царства.

R. U. Ibatullin

Corduenean Principality in Roman - Persian - Armenian Relations in the Mid-Fourth Century AD

Corduene, a small mountainous principality to the north of Mesopotamia, was ceded from Persia to the Roman Empire by the treaty of 298, and back to Persia by the treaty of 363. This region being deep in the midst of the Iranian state stood aloof international political affairs in the 1st-3rd centuries and after 363. But in 298-363 it turned to be a Roman *avant-poste*, and founding itself significantly involved into Roman-Persian opposition, Corduene used to be rather important in Near Eastern politics.

This period of Corduenean history is associated with the name of its governor, Iovinianus (ruled 330-363), whose life and activity can be reconstructed from the few incomplete accounts of Ammianus Marcellinus, P'awstos Buzand and Syriac 'Life of Mar Sabha'. Regardless of formal subordination to Rome and traditional position in the feudal hierarchy of the Armenian kingdom, Iovinianus was rather an independent local ruler, his own interests being his main guide. He certainly took advantage of Rome losing her decisive positions in Near East. The article gives a review of Iovinianus' efforts to increase his principality at the neighbours' expense remaining loyal to Rome and even using her support. Thus Iovinianus attempted to build a powerful kingdom, but failed.

²⁴ Армянская география. С. 64; Адонц. Армения... С. 227.

Список сокращений

АВ	- Античный вестник. Омск
АГ	- Античная Греция. М., 1981. Т. 1
БС	- Боспорский сборник, М.
ВДИ	- Вестник древней истории
ДБ	- Древности Боспора. М.
ДГ	- Древнейшие государства на территории СССР (Восточной Европы). М.
ЖМНП	- Журнал Министерства Народного просвещения
ЗКВ	- Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л.
ЗООИД	- Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	- Известия Археологической комиссии
КБН	- Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАСП	- Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МИС	- Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
НС	- Нумизматика и сфрагистика
НСб	- Нумизматический сборник
ОАИБ	- Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992
ПИФК	- Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск
РА	- Российская археология
СА	- Советская археология
ТОВЭ	- Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л.
АС	- L'Antiquité classique.
АЕ	- Année épigraphique
АНВ	- Ancient History Bulletin
AJA	- American Journal of Archaeology
AJAH	- American Journal of Ancient History
AJPh	- American Journal of Philology
AMS	- Asia Minor Studien
Anc.Civ.	- Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
Anc. Soc	- Ancient Society. Leuven
ANSMN	- American Numismatic Society Museum Notes
ANRW	- Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt
АРАW	- Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaft

- AS - Anatolian Studies
 ASNP - Annali della Scuola normale superiore di Pisa
 ATL - Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F. The Athenian Tribute Lists. Cambridge, 1939
 BAR - British Archaeological Reports
 BCH - Bulletin de correspondance helléniques
 BdÉ - Bibliothèque d'études de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire
 BES - Bulletin of the Egyptological Seminar
 BICS - Bulletin of the Institute of Classical Studies in London
 BIFAO - Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Le Caire
 BM - Указание номера памятника в коллекции Британского музея
 BMIR - Bulletino del museo del' imperio Romano
 CAH - The Cambridge Ancient History
 Cairo CG - Указание номера памятника по генеральному каталогу (Catalogue général) коллекции Каирского музея
 CdÉ - Chronique d'Égypte. Bruxelles.
 Champ. Not. - Champollion le jeune. Monuments de l'Égypte et de la Nubie: Notices descriptives. P., 1889. T. I-II.
 CHIr - The Cambridge History of Iran
 CIG - Corpus inscriptiones Graecorum. Vol. I - IV. Berolini, 1828 - 1877.
 CIA - Classical Antiquity
 CJ - The Classical Journal
 C&M - Classica and Mediaevalia
 CQ - The Classical Quarterly
 CPh - The Classical Philology
 CR - The Classical Review
 EA - Epigraphica Anatolica
 EC - Les Études Classiques
 Edfou - Rochemonteux, marquis de, Chassinat É. Le temple d'Edfou. T. I-XIV. Le Caire, 1892-1934.
 FGrH - Die Fragmente der griechischen Historiker
 GRBS - Greek, Roman and Byzantine Studies
 GLR - Gauthier H. Le livre des rois d'Égypte. T. I-V. Le Caire, 1907-1917 (Mémoires de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 17-21).
 IA - Iranica Antiqua
 IGCH - Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. N.Y., 1973
 IG - Inscriptiones Graeci
 IGCH - An Inventory of Greek Coin Hoards / Ed. by M.Thompson, O.Mørkholm, C.M.Kraay. N.Y., 1973.
 IGRR - Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes.
 IK - Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien
 IM - Istanbulische Mitteilungen
 IOSPE - Latyshev B. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis ponti

- Euxini Graecae et Latinae. I. Petropoli, 1916
- JAC - Journal of Ancient Civilizations
- JE - Указание номера памятника по списку поступлений (Journal d'entrés) Каирского музея
- JEA - The Journal of Egyptian Archaeology. L.
- JHS - The Journal of Hellenic Studies
- JRS - The Journal of Roman Studies
- LÄ - Lexikon der Ägyptologie. Hrsg. von W. Helck, E. Otto u. W. Westendorf. Bd. I-VI. Wiesbaden, 1972-1986.
- LD - Lepsius C. R. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Teile I-VI. B. 1849-1858. Texte. Bd. I-V. Leipzig, 1897-1913
- MBPAR - Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. München
- MDAI(A) - Mitteilungen des Deutsche Archäologischen Institut. Athenische Abteilung
- NC - The Numismatic Chronicle
- OGIS - Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Ed. W. Dittenberger. Leipzig, 1903-1905.
- OT - Orbis Terrarum.
- P. Bibl. Nat. 219 - Revillout Eu. // Revue d'égyptologie. 1881. T. 2. Tab. 49; Lüddeckens E. Ägyptische Eheverträge. Wiesbaden, 1960 (Ägyptologische Abhandlungen, 2). Urk. 2D.
- P. BM 10027 - Revillout Eu. // Revue d'égyptologie. 1880. T. 1. P. 4, pl. 1; idem. Notice des papyrus démotiques archaïques. P., 1896. P. 500.
- P.Cairo - Koenen L. A New Fragment of the Oxyrhynchite Historian // Studia Papyrologia. 1976. Vol.15. № 1. P.55-76
- PEQ - Palestine Exploration Quarterly
- P. Koller = P. Berl. 3043 - Caminos R. Late Egyptian Miscellanies. L., 1954. P. 431-446.
- P. Loeb 27 - Spiegelberg W. Die demotischen Papyri Loeb. München, 1931.
- P. Phil. 2 - Scherer J. Papyrus de Philadelphie. Le Caire, 1947 (Publications de la Société Fouad Ier de Papyrologie: Textes et documents, 7).
- P. Ryl. 10 - Griffith Fr. Ll. Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library at Manchester. Manchester, 1909. Vol. 1. Pl. 76. Vol. 3. P. 159, 287.
- PM - Porter B., Moss R. L. B. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. 1st ed. Vol. 1-7. Oxford, 1927-1951.
- PM II² - Porter B., Moss R. L. B. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. 2nd ed. Vol. 2. Oxford, 1972.
- P. Tebt. - The Tebtunis Papyri. Vol. 1. L., 1902
- RC - Welles C.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934
- RE - Paulys Real Enzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft.

- Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll.
Stuttgart
- REA - Revue des Études Ancienne
Rec. Trav. - Recueil de travaux relatifs a la philologie et a l'archéologie égyptiennes et assyriennes. P., 1870 – 1923
- RBN - Revue Belge Numismatique
REG - Revue des études grecques
RFIC - Rivista di filologia e di instruzione classica
RIL - Rendiconti Istituto Lombardo
RM - Rheinisches Museum
RN - Revue numismatique
RPh - Revue philologique
SB - Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg; Berlin; Heidelberg; Wiesbaden, 1915 ff.
- SCI - Scripta classica Israelica
SEG - Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923 ff.
Sin. - Blackman A. M. Middle-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932. P. 1-41 («Рассказ Синухета»).
- SEHHW - Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I - III. Oxf., 1941.
- SPAW - Sitzungber. Der Preussischen Akad. Der Wissenschaft
StV - Die Staatsverträge des Altetums.; Bd. II. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700 bis 338 v. Chr. Hrsg v. H.Bengtson. München – Berlin, 1962; Bd. II² / Hrsg v. H.Bengtson. München, 1975; Bd. III. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. / Hrsg. v. H.H.Schmitt. München, 1969
- TAM - Tituli Asiae Minoris
TAPA - American Philological Association, Transactions and Proceedings
Tod - Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1948. Vol. II.
- Urk. II - Sethe K. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig, 1904-1916.
- Urk. IV. - Sethe K., Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig, 1906-1958.
- Wb - Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. I-V. Leipzig – B., 1926-1953.
- ZÄS - Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig
ZPE - Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Оглавление

Межгосударственные отношения и дипломатия в античности

От редколлегии _____	5-7
Введение _____	8-12

*Глава I***Греки, римляне и карфагеняне на западе ойкумены***И.М.Безрученко (Москва)*

Эволюция тактики римского легиона в VI – III вв. до н.э. (фаланга и манипулярный строй) _____	13-42
--	-------

М.Ф.Высокий (Москва)

Греческие полисы Сицилии в период архаики и ранней классики: основные тенденции и средства проведения внешней политики _____	43-56
---	-------

М.Ш.Садыков (Казань)

Межгосударственные отношения на Сицилии в первой четверти III в. до н.э. _____	57-74
---	-------

*Глава II***Межполисные и греко-персидские отношения
в V –IV вв. до н.э.***Дж.Баклер (Урбана)*

Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции в 457-369 гг. до н.э. _____	75-94
--	-------

И.Е.Суриков (Москва)

Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи _____	95-112
---	--------

Э.В.Рунг (Казань)

Договор Беотия _____	113-135
----------------------	---------

Р.А.Мойзи (Оксфорд, Миссисипи)

Греко-персидские отношения в 366-360 гг. до н.э. _____	136-158
--	---------

*Глава III***Война и дипломатия в эллинистическом мире***С.Ю.Сапрыкин (Москва)*

Насильственный и ненасильственный мир в эллинистическую эпоху _____	159-177
--	---------

И.А.Ладынин (Москва)

К датировке и исторической интерпретации первой части	
---	--

«Стелы Сатрапа» (Urk. II. 12. 12 - 15. 16) _____ 178-200

А.С.Балахванцев (Москва)

Селевк II Каллиник и Парфия _____ 201-217

Кащеев В.И. (Саратов)

Страница из дипломатической истории начала II в. до н.э.
Порядок формирования греческого посольства по данным
декрета в честь Гегесия (Syll.³ 591) _____ 218-225

О.Л.Габелко (Казань)

Последствия Апамейского мира:
Рим и Первая Вифинская война _____ 226-248

Глава IV

Эллины и варвары в Северном Причерноморье

А.А.Завойкин (Москва)

Афины - Боспор - Гераклея Понтийская
(от Перикла до Клеарха) _____ 249-268

Ю.Г.Виноградов (Москва)

Херсонес, Боспор и их варварское окружение
в III в. до н.э. _____ 269-277

Х.Хайнен (Трир)

Два письма боспорского царя Аспурга (АЕ. 1994, 1538).
Незамеченные поправки, предложенные Гюнтером Клаффенбахом,
и дальнейшие наблюдения _____ 278-291

Глава V

Римская политика на Востоке: от поздней республики до домината

М.Г.Абрамзон (Магнитогорск)

Рим и Киликия во II в. до н.э. – 74 г. н.э.:
завоевание и романизация _____ 292-316

Е.В.Смыков (Саратов)

Рим и Парфия: первые контакты
(К вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) _____ 317-332

Ибатуллин Р.У. (Уфа)

Княжество Кордуэна в римско-персидско-армянских отношениях
середины IV в. н.э. _____ 333-345

Список сокращений _____ 346-349

Contents
Interstate Relations and Diplomacy in Antiquity

From the Editorial Board _____ 5-7
Preface _____ 8-12

Chapter I

Greeks, Romans, and Carthaginians at the West of Oikumene

I.M. Bezruchenko (Moscow)
The Evolution of Roman Legion Tactics in the 6th - 3rd Centuries BC
(Phalanx and Maniple Order) _____ 13-42

M.Ph. Vysokij (Moscow)
Greek *Poleis* of Sicily in Archaic and Early Classical Epochs:
The Main Tendencies and Means of Foreign Policy _____ 43-56

M.Sh. Sadykov (Kazan)
Interstate Relations in Sicily in the
First Quarter of the 3rd Century BC _____ 57-74

Chapter II

**Inter-Poleis and Greek-Persian Relations
in the 5th - 4th Centuries BC**

J. Buckler (Urbana)
Sparta, Thebes, and the Greek Balance of Power, 457-369 BC _____ 75-94

I. Ye. Surikov (Moscow)
Two Notes on the Classical Athens' Foreign Policy _____ 95-112

E. V. Rung (Kazan)
The Treaty of Boiotios _____ 113-135

R.A. Moysey (Oxford, Mississippi)
Greco-Persian Foreign Policy in 366-360 BC _____ 136-158

Chapter III

War and Diplomacy in the Hellenistic World

S. Yu. Saprykin (Moscow)
Forced and Non-Forced Peace
in the Hellenistic Epoch _____ 159-177

I.A. Ladynin (Moscow)
The Satrap Stela: Dating and the Interpretation
of Its Historical Part (Urk. II. 12.12-15.16) _____ 178-200

A.S. Balakhvantsev (Moscow)
 Seleucus II Kallinicus and Parhia 201-217

V.I. Kaščeev (Saratov)
 From the Diplomatic History of Early 2nd Century BC.
 A Procedure of the Appointment of Greek Envoys in the Light
 of the Decree in Honour of Hegesias (Syll.³ 591) 218-225

O.L. Gabelko (Kazan)
 The Aftermath of the Peace of Apameia:
 The First Bithynian War 226-248

Chapter IV

Hellenes and Barbarians on the Northern Coast of the Black Sea

A.A. Zavoikin (Moscow)
 Athens – Bosphorus – Heracleia Pontica
 (From Pericles to Clearchus) 249-268

Yu. G. Vinogradov (Moscow)
 Chersonesos, Bosphorus, and Their Barbarian Environment
 in the 3rd Century BC 269-277

H. Heinen (Trier)
 Two Letters of Bosporan King Aspurgos (AÉ. 1994, 1538).
 Overlooked Corrections of Günther Klaffenbach
 and Further Observations 278-291

Chapter V

Roman Foreign Policy in the East: From the Late Republic to the Late Empire

M.G. Abramzon (Magnitogorsk)
 Rome and Cilicia in the 2nd Century BC – 74 AD:
 Conquest and Romanization 292-316

Ye. V. Smykov (Saratov)
 The First Contacts between Rome and Parthia
 (The Treaties of Sulla and Lucullus with Parthians) 317-332

R. U. Ibatullin (Ufa)
 Corduenian Principality in Roman - Persian - Armenian Relations
 in the Mid-Fourth Century AD 333-345

List of Abbreviations 346-349

